ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

Ю. В. Готье

МОИ ЗАМЕТКИ

в романах, повестях и документах

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Век XX

Ю. В. Готье

МОИ ЗАМЕТКИ

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1997

УДК 947
ББК 63.3(2)
Г73

Подготовили к изданию
Т. ЭММОНС, С. УТЕХИН

Художник
Р. АЮПОВА

Оригинал-макет подготовлен
Гуманитарным центром «ЭНРОФ»

Готье Ю. В.
Г73 Мои заметки. — М.: ТЕРРА, 1997. — 592 с. — (Тайны истории в романах, повестях и документах).

ISBN 5-300-01169-X

Юрий Владимирович Готье (1873—1943) — русский историк. С 1898 до 1930 года — директор Румянцевского музея. Он относится к блестящей плеяде учеников Ключевского, посвятивших свою жизнь изучению социально-экономической истории России.

Дневник Готье дает яркую и необычную картину жизни в Москве во время Октябрьской революции и в первые послереволюционные годы.

Эта книга на русском языке издается впервые.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 5-300-01169-X

Ю. В. ГОТЬЕ И ЕГО ДНЕВНИК

Юрий Владимирович Готье (1873—1943), историк, профессор Московского университета и директор библиотеки Румянцевского музея, начал вести свой дневник 8 июля 1917 г., в тот день, когда А. Ф. Керенский стал во главе Временного правительства вместо князя Г. Е. Львова, на третий день немецкого контрнаступления на восточном фронте, через три дня после «июльских дней» в Петрограде. Взялся он за перо, как объясняет в первой своей записи, «вопреки всем своим прежним мыслям на этот счет: я именно не хотел писать ни записок, ни заметок, ни дневника, ибо всегда думал, что этой дряни достаточно писано и без меня». Побудило его к ведению дневника ощущение рокового для России характера происходящих событий («эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории») и вытекающее из этого чувство ответственности профессионального историка перед будущими поколениями. Последнюю свою запись Готье сделал на пятом году Советской власти, 23 июля 1922 г., в обостренной политической атмосфере: шел процесс над социал-революционерами, готовилась высылка — оказалось, за границу — выдающихся представителей «буржуазной» интеллигенции, деятелей запрещенных политических партий.

Уставший, опасавшийся обысков, Готье решил прекратить свои записи, составившие к лету 1922 года объемистую рукопись, и передать их на хранение знакомому американскому профессору Ф. Гольдеру (Frank Golder) (1877—1929), находившемуся тогда в Москве по поручению Г. Гувера. На Гольдера были возложены некоторые функции в связи с деятельностью в Советской России известной гуверовской организации АРА (American Relief Administration) по ввозу и распределению продовольствия голодающим в России; одновременно он собирал материалы для созданной в 1919 г. в Стэнфордском университете (Калифорния) Гуверовской библиотеки по вопросам войны, революции и мира. Дневник и некоторые другие бумаги Готье были отправлены Гольдером в Стэнфорд вместе с прочими собранными для библиотеки материалами[1].

Вернувшись в Стэнфорд к началу учебного 1923/24 г.,

Гольдер, очевидно, не трогал дневник Готье. После смерти Гольдера дневник пролежал, никем не замеченный (он был без подписи, отсутствовали и всякие заметки, ярлыки), 53 года — до 1982 г., когда был опознан американским библиотекарем-библиографом Э. Касинцом (Edward Kasinec), искавшим в архиве Гольдера материалы по истории советской библиографии.

В отличие от большинства опубликованных дневников, записи Готье благодаря вышеуказанным обстоятельствам не подвергались авторской переработке, «подчистке», и эту их особенность нельзя упускать из виду.

От времени революции и гражданской войны сохранилось очень мало дневников, особенно писанных на советской территории. Время было тяжелое для всех; многим заниматься записями мыслей и впечатлений было некогда, а часто и негде; хранить такие материалы становилось опасно. Среди людей, обладавших привычкой писать и необходимым досугом, мало кто сочувствовал тогда большевикам. Из немногих увидевших свет дневников указанного времени самыми известными являются работы писателей (которые вскоре либо скончались, либо эмигрировали): А. А. Блока, З. Н. Гиппиус, Н. А. Бунина, В. Г. Короленко[2].

Настоящая книга является первым отдельным изданием дневника Юрия Владимировича Готье на русском языке[3]. Подготовка текста к печати представляла значительные трудности. Почерк Готье довольно изменчив и не всегда разборчив. Бумага, чернила, перья неоднородны, а к концу дневника часто явно невысокого качества. Неразобранные места отмечены в тексте отточием, заключенным в квадратные скобки. Зачеркнутые автором слова, если они меняют смысл фразы, помещены в квадратные скобки с пометой «далее зачеркнуто». Имена и фамилии, написанные сокращенно, даются полностью, если это не вызывает сомнения. Текст публикуется в соответствии с действующими ныне правилами орфографии и пунктуации, за исключением тех случаев, когда представлялось желательным сохранить написание подлинника с познавательными целями (например, поиск Готье формы прилагательного от слова «большевик», соответствующей словообразовательным нормам русского языка). С той же целью сохранена двойная датировка — историку культуры может быть интересен процесс перехода на григорианский календарь.

При отборе фактических сведений для примечаний составители стремились избегать того, что можно легко найти в третьем издании Большой советской энциклопедии.

Ю. В. Готье родился 18 июня 1873 г. в Москве, в семье коммерсанта, владельца большого книжного магазина на Куз-

нецком мосту. Дело было основано прадедом Юрия Владимировича, «Jean Dufayet dit Gautier», сыном французского эмигранта, приехавшего в Россию при Екатерине II, выходца из третьего сословия древнего галльского города Сен-Кантен (Saint Quentin) в Пикардии, на севере Франции[4]. Вместо того чтобы взяться за семейное дело, Юрий Владимирович решил посвятить себя науке. Магазин был продан отцом в 1895 г., за год до смерти. Будущий историк с 1891 по 1895 г. учился на историко-филологическом факультете Московского университета, где слушал лекции и участвовал в семинарах профессоров В. О. Ключевского, В. И. Герье и П. Г. Виноградова, молодого приват-доцента П. Н. Милюкова.

По окончании университета Готье прошел год военной службы, а потом стал преподавателем истории: до 1902 г. — в московских гимназиях, затем на Высших женских курсах профессора Герье. Преподавательскую деятельность он сочетал со службой в Московском архиве министерства юстиции, а с 1898 г. (вплоть до ареста в 1930 г.) — в библиотеке Румянцевского музея, где со временем стал главным библиотекарем и заместителем директора.

Готье сдал магистерский экзамен в 1900 г., с 1903 г. начал преподавать в Московском университете. Его магистерская диссертация «Замосковный край в XVII веке» вышла в 1906 г.[5] Докторская диссертация, посвященная истории областной администрации России XVIII века, была защищена и издана в 1913 г.[6] 18 апреля 1915 г. Совет Московского университета избрал Готье экстраординарным профессором, а 13 сентября 1917 г. он был утвержден ординарным профессором. В университете Готье преподавал до середины 20-х годов, когда вместе с большинством коллег-историков перешел в созданный тогда Институт истории РАНИОН. С 1907 по 1917 г. он был также профессором Межевого института, а с 1913 по 1918 г. и Народного университета им. А. Л. Шанявского.

После ликвидации в 1919 г. историко-филологического факультета Московского университета Готье начал читать курс археологии на новом факультете общественных наук и стал членом Академии истории материальной культуры (преемницы Императорской археологической комиссии, предшественницы Археологического института АН СССР)[7]. В 1922 г. Готье был избран членом-корреспондентом Академии наук. Готье принадлежал к блестящей плеяде учеников Ключевского (М. К. Любавский, Н. А. Рожков, А. А. Кизеветтер, М. М. Богословский), изучавших, главным образом, социально-экономическую историю России до XIX века[8]. Он пользовался репутацией особенно скрупулезного архивного исследователя, отличался широтой интересов, знанием иностранных языков[9].

Жизнь Готье, в том числе и в те годы, когда он вел дневник, была связана прежде всего с двумя учреждениями: Мос-

ковским университетом и Румянцевским музеем. Он подробно описывает драматичные события, происходившие в них, в одном случае с точки зрения профессора, в другом — преданного своему учреждению администратора; часто приводит мнения своих коллег и сослуживцев. Перемены, происходившие в университете и в библиотеке — финансовый кризис, ухудшение материальных условий в обоих учреждениях, а также их политизация (постепенное вторжение партийно-государственной власти в управление) и «демократизация» (включение партийцев в административный и профессорский состав); требование (и в какой-то степени его реализация) участия низших служащих и технических работников в управлении; создание рабфаков и т. п. — Готье воспринимал в общем крайне отрицательно, усматривая в них угрозу «с трудом накопленному, скромному культурному наследию страны».

Дневник является ценным документом по истории академических и культурных учреждений первых лет Советской власти, а также по истории умонастроений профессиональной интеллигенции, в особенности профессуры. Записи Юрия Владимировича Готье дают яркую и для современного российского читателя, пожалуй, необычную, хотя, разумеется, не всестороннюю, картину жизни в Москве во время революции и в первые послереволюционные годы прежде всего научной среды, типичным представителем которой во многих отношениях он был. Готье много ездил по стране — в Петроград, Иваново-Вознесенск, Тверь, Сергиев Посад; летом часто жил в деревне. Ему довольно часто приходилось бывать в разных государственных учреждениях как в Кремле, так и вне его стен, встречаться с представителями нового режима, например, с М. Н. Покровским, А. В. Луначарским, Н. К. Крупской, И. Ф. Арманд, которую знал с детства — как и он, она выросла во французской колонии Москвы.

Ко всему, с чем ему приходилось сталкиваться, Готье относился со свойственной ему наблюдательностью, а свои впечатления фиксировал с замечательной проницательностью и остротой пера. В отличие от подавляющего большинства людей его круга, он почти тотчас же после октябрьского переворота почувствовал, что власть большевиков не будет кратковременной; в октябре 1917 г. предвидел скорый позорный мир с Германией; предсказывал тактику большевиков по отношению к Учредительному собранию. Юрий Владимирович подмечал зародыши явлений (скажем, предрасположения к политическому доносительству или того, что Ленин позднее назвал «комчванством»), которые позже приобрели широкое распространение.

Общие социально-политические взгляды Готье, как и его отношение к кризису, представлены в записях недвусмысленно, без всяких оговорок и поэтому не нуждаются в коммен-

тариях. В общем, их можно охарактеризовать как элитарные. Но это была элитарность не аристократа и не интеллигента-революционера, а представителя русского недворянского, профессионально-образованного общества. Придерживаясь, безусловно, западнической ориентации, он в то же время был глубоко патриотичен и не без подозрительности взирал на махинации западных держав и «международного капитала».

У Готье не было расположения к какому-нибудь отдельному классу общества или даже к русским вообще, тем более «к народу» (он был весьма далек от всяких народнических иллюзий). Привержен он был стране в целом, России «единой и неделимой», цементом которой было наднациональное государство. Историка глубоко печалило очевидное отсутствие в русской революции именно «общерусского патриотизма», чувства государственности. «В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский, украинский, белорусский — имя им легион, — нет только общерусского, да еще великороссы лишены оного». Готье, с его «общерусским» патриотизмом (или национализмом), был ошеломлен разложением страны. Междоусобную борьбу партий и национальностей во время войны с немецким империализмом он считал совершенно неприемлемой, и непрерывное ухудшение условий жизни потом, во время гражданской войны отчасти приписывал все тому же отсутствию общерусского патриотизма.

При чтении дневника следует иметь в виду еще одно соображение: как отметил немецкий историк Д. Гейер, «время, в которое появился дневник, уравновешенным размышлениям не способствовало»[10]. Готье относился весьма критически к большевикам. Для него они представляли собой смесь отрицательных свойств интеллигенции (фанатизм, равнодушие к законности и т. д.) и черни, или «горилл», как он часто называет в дневнике простонародье, толпу[11]. С неприязнью относился Готье к большевикам (и революционерам вообще) еврейского происхождения. По отношению к ним он обычно употребляет унизительное «жид», чего никогда не делает, говоря о нереволюционно настроенных своих коллегах-евреях в академическом, литературном или библиотечном мире, к которым относился вполне корректно. Нельзя не признать, что в условиях обостренных национальных чувств всплыли на поверхность в психологии этого умеренно-либерального интеллигента определенные струи шовинизма, в частности антисемитизма, — явление, впрочем, довольно типичное для революционной поры. (Конечно, люди поколения Готье не могли предвидеть кровавые ужасы нацистов 40-х годов или случайно отвращенную геноцидную кампанию последних лет сталинизма, возникшие в той или иной мере на почве таких обиходных предрассудков.) Готье не щадил и представителей

старого режима: некоторые из его самых ядовитых эпитетов были направлены против старой бюрократии и лично Николая II, которого он считал моральным и интеллектуальным ничтожеством.

Во время революции 1905 г. Готье примкнул к кадетской партии, но вышел из ее рядов уже весной 1906 г. из-за тактических разногласий, связанных с Выборгским манифестом. Не будучи связанным ни с какой политической партией, он в 1917 г. обвинял кадетов наравне с левыми партиями в политической амбициозности и индифферентности к интересам страны в целом.

Социально-политические взгляды Готье были, пожалуй, типичны для академической интеллигенции его поколения. Они перекликаются с темами, затронутыми в «Вехах» еще в 1909 г., а также в «послереволюционном» их продолжении — сборнике «Из глубины». В обоих изданиях принимали участие университетские коллеги Готье[12]. Ясно, что он разделял взгляд большинства авторов сборников на русскую революцию как кризис духовных и моральных ценностей, но особенно близок к анализу Готье был прагматический исторический анализ современного кризиса в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи» редактора сборника П. Б. Струве. Он начинал статью словами: «Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором», а вину за национальную катастрофу возлагал в первую очередь на монархию и на интеллигенцию — за негибкость первой и «отщепенство» другой.

Статьи сборника «Смена вех» (Прага, 1921), посвященного анализу революции и отражавшего, как и предыдущие, в основном взгляды академической среды, также затрагивали близкие сердцу Готье национальные и государственные темы (он их комментирует в ряде записей), но он не мог принять идею, что большевики сделались исполнителями национальной миссии[13]. Еще менее приемлемым для него было выраженное в сборнике мнение о «гениальности» и «государственности» русского народа. Такие идеи Готье приписывал «трогательной наивности русской интеллигенции».

В общем, в диапазоне академической мысли того времени о русской революции взгляды Готье можно отнести к прагматической середине. Не для него были метафизические построения некоторых авторов сборника «Из глубины» о судьбе страны, с одной стороны, или романтические идеи о народной воле, характерные для «сменовеховцев» — с другой.

О своих религиозных взглядах Готье пишет мало. Мы знаем, что он ходил в церковь, отмечал главные православные праздники. Как историк Руси, он высоко ценил культурно-историческое значение православной церкви в русской жизни. Хорошо знал Библию. Небезразлично относился к

слухам о чудесах и приметах; всерьез интересовался сохранностью мощей преподобного Сергия Радонежского, которые увидел в Троице-Сергиевой лавре в 1919 г. В то же время он критически относился к состоянию церкви и духовенства в описываемое время.

В справочнике 1930 г. об ученых Москвы о Готье сообщалось:

«Готье Ю. Вл. д-р русск. истории, член-корр. Академии наук СССР, гл. библ. и зам. директора Публ. библ-ки СССР им. Ленина, д. чл. Института истории РАНИОН, уч. сотр. ГАХН, хран. ГИМ; русск. история XVII—XIX вв., русская археология (железный век). Машков пер., 1 а, кв. 45, тел. 5-72-37 (18 vi 73 М.)»[14]. Спустя несколько месяцев после выхода справочника все изменилось.

Как известно, начиная с 1928 г. период «мирного сосуществования» между «новой» и «старой» наукой по инициативе сверху быстро завершился. В конце 1928 г. в результате реформы Академии наук число академиков увеличилось с 45 до 90. Когда они не пропустили при выборах на новые места несколько коммунистов, партия ответила «чисткой» Академии наук. С октября 1929 г. начались аресты среди историков, продолжавшиеся до середины 1931 г. 1 декабря 1929 г. был арестован академик С. В. Рождественский в Ленинграде. Академика С. Ф. Платонова, близкого друга Готье, у которого он обычно останавливался, когда бывал в Петрограде-Ленинграде, арестовали в январе 1930 г. До Готье очередь дошла в августе: вместе со своими московскими коллегами и друзьями М. К. Любавским (только что избранным в академики), Д. Н. Егоровым, С. В. Бахрушиным, А. И. Яковлевым, С. К. Богоявленским и В. И. Пичетой (доставленным из Минска) Готье был привезен в Ленинград. К концу 1930 г. академики С. Ф. Платонов, М. К. Любавский, Н. П. Лихачев, и Е. В. Тарле и еще более 120 сотрудников академических учреждений и учебных заведений (не все они были историками), а также некоторые их родственники, друзья, знакомые подверглись аресту по «делу 4-х академиков» или «делу Платонова»: Платонов обвинялся в организации с помощью других арестованных монархического заговора, а также в том, что он якобы был намечен премьер-министром нового правительства; Готье же в том, что будто бы возглавлял московскую «секцию» конспиративной организации. Публичного процесса не было. По приговору Коллегии ОГПУ пятеро из «заговорщиков» — четыре члена «военной секции» и кандидат, по «сценарию», на пост директора Департамента полиции — были расстреляны; большинство арестованных историков сосланы на разные сроки. Готье приговорили к 5 годам ссылки[15].

В 1934 г. были восстановлены исторические факультеты Московского и Ленинградского университетов, возобнови-

лось преподавание истории, в том числе истории России, в школах, и почти все уцелевшие ссыльные историки вернулись в Москву и Ленинград на старые места[16]. Готье с 1934 г. начал преподавать в Московском институте философии, литературы и истории (МИФЛИ), существовавшем с 1931 г.; в университет он вернулся только в 1939 г. (в том же году он был избран академиком), продолжая преподавать в МИФЛИ до эвакуации в Ташкент в 1941 г. После возвращения из ссылки Готье возобновил обычную напряженную работу: написал ряд глав для нового учебника для вузов по истории России, несколько статей и публикаций по истории России XVIII—XIX веков, монографию по Петербургской миссии Бисмарка, до сих пор не опубликованную[17]. В 1937 г. была переиздана его магистерская диссертация, в 1941 г. увидел свет законченный в 1921 г. второй том капитального труда по истории областного управления в России XVIII века[18].

Скончался Юрий Владимирович Готье в Москве 17 декабря 1943 г. после тяжелой болезни.

[1] См.: *Terence Emmons and Bertrand Patenaude, eds.*, War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914—1927 (Stanford, 1992).

[2] Дневник Ал. Блока, 1917—1921. Л., 1928. Гиппиус З. Петербургские дневники (1914—1919). Нью-Йорк, 1982; «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус», в кн.: Звенья. Исторический альманах. Вып. 2. М.; СПб., 1992. *Бунин И. А.* Окаянные дни. Лондон, 1973. *Короленко В. Г.* Из дневников 1917—1921 гг., в кн.: Память: Исторический сборник. Вып. 2. Париж, 1979. *Короленко В. Г.* Дневники. М., 1992.

[3] Дневник впервые публиковался на русском языке в журнале «Вопросы истории» в 1991—1993 гг.: 1991, № 6—12; 1992, № 1—5, 11—12; 1993, № 1—5. Английский перевод дневника Готье был опубликован в 1988 г.— Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e: Moscow, July 8, 1917 to July 23, 1922. Translated, Edited, and Introduced by Terence Emmons (Princeton: Princeton University Press, 1988). 513 c.

[4] *F. Tastevin.* Histoire de la colonie française de Moscou. Depuis les origines jusqu'a 1812 (Moscou; Paris, 1908).

[5] *Готье Ю. В.* Замосковный край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. Москва, 1906.

[6] *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 1. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775. М., 1913.

[7] Лекции Готье по предыстории Восточной Европы были изданы в 1925 и 1930 гг.: *Готье Ю. В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания русского государства. I. Каменный век. Бронзовый век. Железный век на юге России. Л., 1925; Его же. Железный век в Восточной Европе. М.-Л., 1930.

[8] Первый ученик Ключевского, П. Н. Милюков, тоже являлся учителем большинства названных ученых. К этой же «школе» можно причислить и таких московских историков, как А. И. Яковлев и В. И. Пичета, не являющихся непосредственными учениками Ключевского. См.: *Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // Вопросы истории, 1990, № 10.

[9] *Богоявленский С. К.* Академик Юрий Владимирович Готье // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии, 1944, № 3; *Пичета В. И.* Академик Юрий Владимирович Готье // Исторические записки. Т. 15 (1945 г.); *Смелая Т. А.* Академик Ю. В. Готье (к 100-летию со дня рождения) // Советские архивы, 1973, № 4. См. также: Юрий Владимирович Готье (Материалы к библиографии трудов ученых СССР. Серия истории, Вып. 1). Сост. Н. М. Асафова. М., 1941.

[10] Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1989, № 37 Hf. 3, S. 451. (Рецензия на английское издание дневника.)

[11] Слово «гориллы» для определения толпы или черни в революционных событиях Готье, вероятнее всего, заимствовал у И. Тэна (Hippolyte Taine), одного из его любимых писателей, который часто употреблял это слово («les gorilles») в работах, посвященных истории французской революции конца XVIII века. См.: *L.-E. Halkin.* Initiation à la critique historique (Paris, 1982), p. 37. Возможно, интерес к Тэну возник у Готье под влиянием его учителя Герье, который высоко ценил этого мыслителя и историка и много о нем писал, в том числе и о его трудах по истории революции (см. обобщающую работу В. И. Герье «Французская революция 1789—1795 гг. в освещении И. Тэна». СПб., 1911.

[12] Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909; Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1918. Издание последнего было приостановлено большевистской цензурой. Какая-то часть тиража была выпущена в 1921 г. Готье, по-видимому, не был знаком с этим изданием.

[13] См.: *Hilde Hardeman.* Coming to Terms with the Soviet Regime: the «Changing Signposts» Movement among Russian Emigres in the Early 1920s (DeKalb, IL, 1994).

[14] Наука и научные работники СССР. Часть IV. Научные работники Москвы. С приложением перечня научных учреждений Москвы. Л., 1930.

[15] Остается неясным, куда был отправлен Готье и в каких условиях он там жил. По словам автора статьи «Дело четырех академиков», который сам был сослан по этому делу, Готье был отправлен в Ухто-Печорские лагеря. По сведениям В. С. Брачева, автора новой статьи о «деле» Платонова, использовавшего некоторые материалы архива КГБ, Готье, как и Платонов, был сослан в Самару. Известно по семейным документам, что в 1933 г. Готье жил в Самаре. См.: *Ростов А.* (С. В. Сигрист). «Дело» четырех академиков. В кн.: Память: Исторический сборник. Вып. 4. Париж, 1981; *Брачев В. С.* «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории, 1989, № 5, с. 129; *Перченок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе». В кн.: Звенья. Исторический

альманах. М., 1991; Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

[16] Из москвичей умерли в ссылке Любавский и Егоров; из ленинградцев — Платонов и Рождественский.

[17] См. библиографию работ историка, составленную Н. М. Асафевой.

[18] *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М.; Л., 1941.

«СЛОВО О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»[1]

Fututa est Russia, nos fututi cum illa[2].

Горьким словом моим посмеюся[3].

Славянство не стоит понюшки табаку.
Пир был готов, но званые оказались
недостойными его.

(кн. Д. М. Голицын)[4]

1917

8—16 июля 1917. Finis Russiae[5]. Войска перестали быть войсками. Россия потеряла возможность защищать самое себя[6]. Основная причина — конечно, столетнее растление старого режима. Он вызвал своим падением отклонение маятника влево — и господство сил, развившихся в подполье и годных только для разрушения. Разрушение армии, предпринятое во имя подпольных лозунгов, рассчитанных на борьбу с царизмом, дало именно те плоды, которые оно должно было дать: обращение армии, сражавшейся два с половиной года, в толпу распропагандированных бандитов[7]. Я думаю, что Россия уже выкинута из международной игры и расчетов: германцам открывается случай, жданный ими — достигнуть всех намеченных целей на востоке. Восстановление смертной казни[8] — мера запоздалая и вряд ли принесет пользу и толк. Россия погибает, подточенная Николаем II[9] и добитая собственной революцией. Теперь (16 июля) мне кажется, что ближайшее время сложится так: в течение месяца закончится поражение остатков русских армий, а осенью пойдут погромы внутри. Кто будет защищать нас от них? Быть может, германцы?

Участь России, околевшего игуанодона или мамонта — обращение в слабое и бедное государство, стоящее в экономической зависимости от других стран, вероятнее всего от Германии. Большевики — истинный символ русского народа, народа Ленина, Мясоедова и Сухомлинова[10] — это смесь глупости, грубости, некультурного озорства, беспринципности, хулиганства и, на почве двух последних качеств, измены. Старый режим своим чудесно организованным кадром охранки и тому подобной мерзости[11] создал отличную сеть для организации всяких темных сил — они и действуют.

Вынуты душа и сердце, разбиты все идеалы. Будущего России нет; мы без настоящего и без будущего. Жить остается только для того, чтобы кормить и хранить семью — больше нет ничего. Окончательное падение России, как великой и

единой державы, вследствие причин не внешних, а внутренних, не прямо от врагов, а от своих собственных недостатков и пороков и от полной атрофии чувства отечества, родины, общей солидарности, чувства union sacrée [священный союз (*фр.*)] — эпизод, имеющий мало аналогий во всемирной истории. Переживая его, к величайшему горю, стыду и унижению, я, образованный человек, имевший несчастье избрать своей ученой специальностью историю родной страны, чувствую себя обязанным записывать свои впечатления и создать этим очень несовершенный, очень субъективный, но все же исторический источник, который, может быть, кому-нибудь пригодится в будущем. Я делаю это вопреки всем своим прежним мыслям на этот счет: я именно не хотел писать ни записок, ни заметок, ни дневника, ибо всегда думал, что этой дряни достаточно писано и без меня.

Крестьяне, с которыми я говорил сегодня в Запрудье, и некоторые Почепские[12], реагируют слабо: чтоб играть роль в мире, надо обладать большей сознательностью. Мы годны действительно только, чтоб быть навозом для народов высшей культуры, и в нашей истории были правы только отрицатели, начиная с Курбского, Хворостинина и кончая Чаадаевым[13], Печериным и т. п. Если кто торжествует, то только императрица Александра Федоровна[14].

17 июля. Газеты несколько лучше. От 15 июля рождается надежда, что ценой отдачи всей Галиции[15], ценой осложнения без того отвратительного украинского вопроса (ибо ведь вся зарубежная Украина[16] опять во власти немцев), ценой гибели сотен тысяч людей, идиоты поумнеют. Старания Керенского создать настоящее коалиционное правительство[17], с исключением авантюриста Чернова[18] и тому подобных авантюристов, идеологов-дураков, а может быть, и мошенников[19], заслуживают всякого сочувствия, но все же не поздно ли? Не слишком ли долго вопили и орали и сбивали с толку несчастного русского человека — глупого, темного, не подготовленного ни к какой «Роспублике» (так говорит Иван Павлов с Почепа).

Немцы ловко ведут свою игру: измена справа, измена слева и снизу. Отчего ни в одном народе, втянутом в войну, нет столько измены, как в русском: 1) от темноты, 2) от полного отсутствия чувства солидарности и отечества, 3) оттого, что левые идеологи уже сто лет носятся с федерациями[20], 4) от темной и антикультурной лживости, которую отмечают еще сказания иностранцев XVII века. Этой чертой «русской свиньи» сумели хорошо воспользоваться немцы. Для России революционной стоит задача — или перемениться, или же безвозвратно лететь в пропасть!

18 июля. Мысль обращается все к тому же. Тихий день без почты. Чувство сожаления, что народ, от которого мог бы выйти прок, совершает над собой самоубийство. Чем мы

будем — Московским государством, Китаем или Турцией? Хватит ли сил подняться? Хоть Керенский и вспомнил в совете рабочих депутатов о тяжком млате, но, пожалуй, мы — только стекло, которое дробят. Во всяком случае, из всех народов воюющих мы оказались наиболее слабонервными и, так как мысль Гинденбурга верна — победят крепкие нервами, то победят все, кроме нас, и логически должны нами мириться[20a]: мы ответим за всех и более всего за собственную глупость, темноту и нечестность. Как часто мы все думаем: хорошо, что больше нет мамы! С немцами мы во всяком случае не бойцы: они безусловно выше нас во всем и прежде всего в личной стойкости и доблести; их можно ненавидеть, но не уважать нельзя.

19 июля. Три года войны. Хорошая годовщина во всех отношениях — кроме естественного разорения, утомления и т. п., еще поражение и позор бегства и измены. В Галиции, как-будто (я не строю иллюзий), сегодня (см. по газетам от 16-го) чуть-чуть лучше — катастрофа еще не финальная, может быть. Но уже тотчас «временное правительство» играет назад. Дело идет уже не о реорганизации его, а только о каких-то частичных поправках. Проклятые руководители из «социалистов» (я не выключаю отсюда ни Керенского, ни Церетели[21], которые сейчас играют первую скрипку, хотя они, несомненно, лучше других) остаются и останутся тупыми доктринерами и сорвут всякую приличную комбинацию, чтоб отстоять архимерзавца Чернова[22]. Для отрезвления, очевидно, мало одной катастрофы — надо еще. Нельзя делать революцию и вести войну одновременно, надо от чего-нибудь отказаться; так как революция выше России, то, значит, надо выходить из войны, губить Россию и спасать революцию!

20 [июля]. Московское совещание[23]? На что оно и кому оно нужно? Министры-«социалисты» расскажут на нем, что все из рук вон плохо. Да здравомыслящий человек и без них знает, что наша революция во всем ухудшила положение России, даже сравнительно с проклятой памяти Николаем II. Единственно практически путное, что они могли бы нам сказать, — это, что надо кончать войну. Но Керенский едва ли это скажет, по крайней мере сейчас. Керенский — искренний и сильный человек, но я его считаю величайшим злым гением России. В февральские и мартовские дни кто организовал совет рабочих депутатов и другие органы разложения? Кто вызвал сдвиг революции в сторону «диктатуры пролетариата»?[24] Керенский, Чхеидзе, Скобелев[25] и Ко., то есть крайне левые члены Думы. Нужды нет, что Керенский попал во временное правительство первого состава «на свой страх»[26] — этим он, сев на два стула, стянул их тонкой ниткой; одной рукой он скреплял, другой разрушал. Керенский — самый даровитый из этих злых гениев, и он потом спохватился и по-

чувствовал себя государственником и, может быть, государственным человеком; но все же в первые дни, создавая совет рабочих депутатов, он более сделал для разрушения России, чем во все последующее время для ее укрепления. Оттого с него больше всех и взыщется. Ведь не с Чхеидзе же взыскивать, не русского и, по общему негласному признанию, «кристального» дурака, как, впрочем, и подобает грузину? Теперь вся эта так называемая демократия[27] начинает понимать, что она не может поправить дело: надо отрешиться от лозунгов. Но этого они не смогут сделать, так же, как и оставить власть (которую они захватили как долгожданную добычу) — поэтому выход один: бесконечные переговоры и разговоры и гибель России. К этим переговорам и разговорам я отношу и московское совещание.

Русский народ — народ-пораженец; оттого и возможно такое чудовищное явление, как наличность среди чисто русских людей — людей, страстно желающих конечного поражения России. Поражение всегда более занимало русских, чем победа и торжество: русскому всегда кого-нибудь жалко — поэтому он предпочитает жалеть себя и любить свое горе, чем жалеть другого, причинив тому зло — эгоизм наизнанку. Наши летописи, «Слово о полку», песни про царя Ивана, сказания о Казани, о смуте — воспевают и рассказывают преимущественно поражения. Куликовская битва, стояние на Угре, Бородино, Плевна — наши величайшие победы — были на самом деле или полупоражениями, или замаскированными поражениями. Более всего наша военная слава говорит о поражениях и неудачах — Нарва, Бородино, швейцарский поход Суворова и т. п. Доктрина непротивления злу — формулированная Толстым — есть тоже радость горя, унижения, неудачи и поражения. Отсюда и современная доктрина «пораженчества», абсолютно непонятная после свержения монархии, но тем не менее пышно расцветшая именно теперь[28]. Ведь одними германскими шпионами дела не объяснить: их семя, как и в вопросе чистой измены, пало на добрую почву. Эта наша психология — полная противоположность психологии германского народа с его доктриной Deutschland über Alles[29] и культом силы и торжества; ceteris paribus [при прочих равных условиях (*лат.*)] при столкновении этих двух народов русский должен быть побежден; а когда все остальное и без того неравно? — ответа не требуется.

Кстати, об измене. С большевиков маска сорвана, а с украинцев еще нет. Чем более я думаю, тем более убеждаюсь, что и там все дело не обходится без немецких денег[30]. Свидетельствую здесь: зимою 1916 года пресловутый Грушевский[31], которому я по долгу службы и как гонимому человеку сделал все для того, чтобы ему было лучше заниматься в Румянцевском Музее, говорил со мною (в Румянцевском зале, около своего

стола) в тот момент, когда разговор пошел о возможности мобилизации людей свыше 50 лет, — как бы ему устроиться где-нибудь в писари, в штаб или канцелярию. Такой цинизм, [зачеркнуто: такая низость]; подобный разговор с абсолютно чужим человеком не может исходить от чистого и честного человека. Как об нем многие говорили уже давно — это австрийский агент, так же как, вероятно, и все его аггелы [злые духи (*церк.*)]; а остальные, как всегда и везде в России, — дурачье.

Что мог бы я сделать большего, чем писать эти горькие строки, я — профессор, специалист по русской истории? Сколько я ни думал, я не находил другого ответа, как ничего. Я не политический деятель, у меня нет для этого темперамента; в 1905, когда я был в к.-д. партии[32], никто мною не воспользовался, никто меня ни к чему не применил и не втянул; в этом «кружке добрых друзей и знакомых» мне милостиво предоставили быть темным рядовым; единственное, что я слышал, — это был совет П. Н. Милюкова (моего учителя)[33] пропагандировать в войсках (я был тогда призван в японскую войну)[34], чего я, по моему глубокому убеждению, не должен был делать и не стал, конечно, делать. (Я думаю, что теперь Милюков держится иных мыслей.) Ни Милюков, ни Кизеветтер[35], ни иные мои знакомые не нашли для меня дела в к.-д. партии; а [далее зачеркнуто: потом] тем временем я сам в ней разочаровался и после выборгского воззвания[36] сам вышел из партии до правительственных репрессий, и на всю мою жизнь стал «диким». Как дикий я могу заставить слушать себя только в собственной газете, вроде «Кремля» Иловайского[37], или на митингах; но первое не стоит повторять, даже если бы у меня были деньги, ибо это бесполезно; а на митингах слушают партийных ораторов, и только, да опять же я на это не гожусь. Все, что я мог бы сказать, настолько не вяжется с «лозунгами»[38] царствующих самодержцев идиотизма, что и с этой стороны распространение моих мыслей в данное время было бы и затруднительно и бесполезно. Остаются частные разговоры и учебная аудитория, где я всегда старался быть объективным и никогда не говорить того, чего я сам не думаю. Теперь, с падением старого режима, в аудитории, может быть, будет несколько легче и свободнее дышать, но, может быть, и аудитории никакой не будет? Вероятно, в будущем году русская молодежь найдет нужным делать все, что угодно, но только не заниматься, и опять на долгое, может быть, время прекратит хоть какой ни на есть, но все-таки процесс своей цивилизации и распространения знаний. Если это будет так, то и останется только писать горькие строки.

21 июля. Два дня подряд работали на сенокосе, как следует, за рабочих (Нина, Л. Ег.[39] и я). Физический труд дает несомненное удовлетворение и успокаивает (конечно, на время). Отмечаю это как также результат переживаемого вре-

мени. Не это ли элементарное удовлетворение заставляет ленивых и квелых русских людей «опрощаться»; не в этом ли, то есть не в лени ли русской и в никчемности, секрет толстовства, интеллигентных земледельческих колоний[40] и тому подобной чепухи? Все время неотвязная мысль: почему сметен событиями цвет русской деловой интеллигенции, например, земские деятели, дельцы земского и городского союзов[41], из которых, конечно, вышли бы наилучшие деятели на первое время русской свободы? Я думаю, что это следствие Разинского или Пугачевского характера, который принимает всякое русское политическое движение. Разрушительные лозунги, которыми фанатики и провокаторы полвека поднимали народ против преступного и глупого правительства, не могли дать иных результатов, когда сто миллионов взбешенных собак, сидевших на цепи, были спущены. Все люди, культурно более высокие, чем народная темнота, и сбитые совершенно с толку полуинтеллигенты, независимо, есть у них деньги или же они такие же трудовые бедняки, как 99% русского народа, были объявлены врагами народа — буржуями; к ним такое же отношение, как прежде к барам. В отдельных случаях это доходило весной до выгонки врачей, земских служащих, т. е. пресловутого третьего элемента (это было в Приволжье, где дух Разина и поныне витает).

Отчего в России после революции забыли о войне и стали под огнем немецких пушек перестраиваться и политически и социально, т. е. допустили нечто настолько чудовищное, что трудно этому поверить? Кроме всероссийской дикости, это надо объяснять еще тем, что целые сто лет, а может быть и больше, все внимание 99% русских было обращено на внутреннюю политику и на борьбу с режимом (это видно по публицистике, по разработке русской истории, по тысяче признаков). Когда с дураков спали оковы, они стали чесать себе спины, по которым их всегда били, не замечая, что над их головами занесен меч пострашнее старого кнута. Можно было бы сказать, quem Jupiter perdere vult, dementat [кого Юпитер хочет погубить, лишает ума (*лат.*)], если [бы] дело не касалось искони безмозглого народа. Я с начала марта видел непременное условие укоренения русской свободы и счастья России в укреплении военных сил, предсказывая в противном случае гибель страны, свободы и всех залогов лучшего будущего. Кажется, дело идет теперь именно к этому.

Вспоминаются слова, сказанные мне А. А. Кизеветтером в день похорон кн. С. Н. Трубецкого[42] (в первых днях октября 1905 г.), что крайние правые (правительственные) и крайние левые элементы трогательны в своем единодушии в деле принесения вреда России — это верная мысль, наяву сбывающаяся в наши дни. Александра Федоровна и Ленин могут служить ее символами.

Необычайно уродливое явление — отсутствие русского вообще и в частности великорусского патриотизма. В так называемой Российской державе есть патриотизмы какие угодно — армянский, грузинский, татарский[43], украинский, белорусский — имя им легион, — нет только общерусского, да еще великороссы лишены оного. Как будто великороссы, создавшие в свое время погибающую теперь Россию, совершенно выдохлись, или же понятие общерусского и великорусского настолько отождествилось с режимом политическим, который существовал до последнего времени в России, что и ненависть к этому режиму перенесена была на все общерусское и вызвала эту атрофию общерусского патриотизма. Частный, областной патриотизм, культивируемый в бывшей России, есть один из самых дурных видов партикуляризма; он погубил много славянских государств, погубит и наше.

Одним из последствий происходящих перемен будет полное исчезновение всякого славянофильства в каком бы то [ни было] виде. Попытки сближения со славянами — культурные и политические — всегда были tirés par les cheveux [притягиваемы за волосы (*фр.*)]. Но теперь Россия не исполнила единственного, чего от нее всегда ждали и требовали славяне, — не защитила их и не спасла, а сама пала; культурно же для тех же самых славян всегда была ближе Австрия. С другой стороны, если царская Россия не спасла славян и сама вылетела в трубу, то свободная русская демократия, провозглашая лозунг интернационализма, этим самым вовсе вычеркнула из своей программы всякую близость к славянству. К этому надо прибавить, что болгары, это — увы! — долгое время любимое детище наше, объявили себя не славянами[44]. Царство небесное славянофильству, славяноведению, панславизму, братушкам, милой и светлой идеологии, шантажам, глупости и многоразличным спекуляциям на ни с чем не сравнимой русской глупости.

22 июля. Бывший праздник. Газеты от 18, 19, 20. На фронте дело улучшается мало, и надежды слабые. Внутри те же безобразия — слова, митинговые речи, споры, свары. Останавливает внимание телеграмма совета Московского Университета (интересно, сколько там было народа? и как прошел он: вероятно, прений не было) и в ней умные заключительные слова: «Не дайте сказать, что революция погубила Россию»[45]. Так же сильны и интересны обращение к временному правительству московских торгово-промышленников[46] и некоторые речи членов Думы в их частном совещании[47]. Теперь, после неслыханного разгрома и позора, раздаются голоса, к которым, как говорит дядя Эдуард Владимирович[48], «можно присоединиться». Они не раздавались ранее, потому что их считали бы контрреволюцией. И так уже социал-хулиганы совета рабочих депутатов вопят о

контрреволюции! Еще раз приходится сожалеть, что Государственная Дума в угоду кому-то пресекла свою деятельность. Неужели это сделал Милюков?[49] Но трезвые голоса все же слабы. Керенский, этот соловей на бесптичье, и Ко., заседающая во временном правительстве, целую неделю все тянут переговоры о национальном правительстве: да здравствуют лозунги, пусть гибнет Россия![50] Московское совещание если и будет, то будет пуфом! Помещенные в газетах речи Ллойд Джорджа, Бонар Лоу[51] и некоторые отзывы французской печати не оставляют сомнения, что Россия выбита из международных расчетов.

23 июля. Гнет на душе хуже, чем когда-либо. От неврастении или от предчувствия следующих очередных мерзостей? Ведь предел скорби нами еще далеко не достигнут. Читал эти дни курс истории западных славян Любавского[52]. Теперь наш черед гибнуть от отсутствия национального самосознания и здорового инстинкта самосохранения в международной борьбе за существование.

Хочется записать также и деревенские впечатления, хотя и они так же безотрадны. Более чем когда-либо я убеждаюсь, что русская деревня есть царство анархии. Когда она спокойна, то жить хорошо; когда она приходит в кинетическое состояние, то — спасайся, кто может. Так как здесь крестьяне почти все снабжены купленными землями[53], то общее состояние, как я предвидел еще с марта, спокойное, но есть отдельные очаги — например, Мокей-Гора[54]. Очаг поддерживается мужиками, вздорными хулиганами, сбитыми с толку и потерявшими равновесие людьми, считающими себя членами партии, не то с.-д., не то с.-р.[55] (разобраться они сами не могут, вроде Федора Александрова), рабочими, пишущими письма из Питера (Бочков), и, наконец, вздорными, жадными и глупыми людьми вроде Замологиных[56]. Отношения обострились перед севом и сенокосом, когда был сделан натиск на Загранье. Теперь (временно?) очаг затих; одна из причин, вероятно, то, что на Замологиных, у которых у самих 40 десятин, крестьяне Запрудья и частью Горы сделали особый натиск и заставили их откупаться деньгами; после этого они присмирели — отстаивают свое и на чужое не зарятся. Другие причины мне не ясны. Но, конечно, очаг может всегда вспыхнуть. По отношению к нам не было до сих пор никаких враждебных проявлений.

Недели две назад, по поводу переписи[57], я ездил в волостной комитет[58] с Мариеттой[59] и беседовал с председателем — сушигорицким[60] крестьянином Василием Семеновичем Красавцевым. Это неглупый, даже не без дипломатичности, полуинтеллигентный крестьянин, очевидно с.-р., в достаточной мере распропагандированный; говорят, где-то сидел при старом порядке. Впечатление от него скорее хорошее; однако

видно, как он упивается своим положением и авторитетом — в нем уже виден будущий чиновник республики.

Мариетта рассказывала, как она заседала в продовольственном комитете[61]; самое интересное — это роль сушигорицкой учительницы, фанатички с.-р., которая зудит и зудит одно и то же о земле, а затем, что все эти партийные деятели и честные русские граждане прежде всего решали вопрос о своем жаловании. Иначе, конечно, и быть не могло.

24 [июля]. Газеты от 21 и 22. Платить за обучение придется, конечно, и русскими областями. Пожалуй, впрочем, и этим не проймутся. Внутренний развал, однако, за эти дни еще хуже внешнего. «Временное правительство» распалось, и 22 его не было. Главный факт — конечно, уход Керенского и Чернова[62]. Последний достаточно разоблачен, но что значит уход Керенского? Быть может, он опять войдет в какую-нибудь комбинацию? А быть может, это значит, что искренний и честный идеолог разочаровывается в том кабаке, который представляет собою русская революция? Во всяком случае, эта последняя с каждым днем все более и более становится похожей на позорнейшую комедию. Интересно желание поганой мокрицы И. И. Скворцова-Степанова обратить Московскую городскую думу в нечто вроде Конвента — предложение поименного голосования с эстрадами для публики, набитыми большевиками (по вопросу о восстановлении смертной казни)[63].

Стремление г. Керенского создать особый батальон или эскадрон из уволенных генералов продолжается[64]. Увольнение Брусилова (см. интервью с ним в «Утре России»[65] от 22-го) оставляет дикое впечатление. Не менее диким кажется мне брать Корнилова[66] с юго-западного фронта в тот момент, когда там положение критическое. Вспоминаются стихи Лермонтова:

Мне хочется сказать великому народу:
Ты жалкий и пустой народ![67]

Что нужно было бы сейчас сделать — приостановить все свободы, все гарантии, все декларации и преждевременные реформы и заняться одной только армией: ибо только армия может обеспечить жизнь России. Но этого не сделают, и Россия погибнет. Позор народу подлецу и самоубийце!

25 июля. Сегодня все утро думал один и с Нинкой о положении общем и частном. Оно безвыходно, как то, так и другое. Армии нет, денег нет, вождей нет, никто не хочет работать, все «демократические» слои развращены до мозга костей, кто политиканством, кто «землицей». В городах и в деревне полная анархия. Железные дороги в развале; неурожай в значительной части России. Внешняя война проиграна; внутренняя обостряется. Жизнь этой зимой представляется

кошмаром. Спасти может чудо, а чудес не бывает — и Николай Чудотворец отступился. Проиграна война, революция, и в корень подорвана всякая будущность того, что останется от России! Воровство было, остается и останется — верить в России возможно только отдельным лицам; в массе — сплошная недобросовестность.

Каковы могут быть будущие международные отношения «остатков России»? С союзниками они испорчены, ибо на что им русская падаль? Германия будет заискивать, чтоб лучше нас съесть, и мы, конечно, на эту удочку попадемся. Так как все же война кончится компромиссом, то будут две системы: западные державы плюс Америка плюс Япония — Австрогермания. Первая система будет достаточно сильна, чтоб бросить Россию, которая и сделается экономически и политически добычей Германии, тем более что последней казна Запада будет закрыта.

Главные причины гибели России:

I) Внутренняя политика Голштинской династии (эгоизм, деспотизм, жестокость и недальновидность)[68];

II) Неудовлетворительность реформ Александра II: вызванное к жизни крестьянское сословие не получило достаточно прав[69]; правительство не умело поладить с новыми внесословными общественно-политическими деятелями;

III) Непрактичность, тупость, ограниченность идеологий и практических стремлений революционеров от 1860 до 1917 г.;

IV) Недостаток честности, казнокрадство, не позволившее создать органов обороны[70];

V) Темнота, явившаяся последствием продолжавшейся той же внутренней политики при Александре III и Николае II; III, IV и V создали измену, так ярко расцветшую в 1914—1917 гг.[71];

VI) Пангерманизм;

VII) Ошибки революции — следствие I—V.

26 июля. Вчера вечером была у нас Александра Павловна, дьяконица, со всеми своими потомками. Разговор с Николаем Павловичем — учителем в заводском высшем начальном училище в Луганске на заводе Гартмана[72]; много интересных подробностей о большевиках; нового мало, но его рассказы о маленьком центре подтверждают мои думы; характерно, что все бывшие «ярые монархисты», все негодяи и мошенники теперь превратились в большевиков.

Газеты от 23 июля. Керенский вновь берет власть[73]. На фронте дела не лучше. Ген. Корнилов ожидает еще многих неудач на всех фронтах. Отчет о заседании гг. деятелей в Зимнем дворце производит убогое впечатление[74]. У меня не осталось впечатления, что Керенский справится со своей задачей. Развал всей России, несомненно, идет вперед гигантскими шагами, и дело органического процесса воссоздания каких [бы] то ни было остатков из того, что прежде называлось Рос-

сией, еще не намечается. И теперь далее слов мы, конечно, не пойдем. Логически мыслят и действуют только вожди большевиков, которые по различным соображениям — контрреволюции, измены или своекорыстия — ведут к гибели России окончательно. Революционеры и эмигранты, умевшие только подкапываться под Николая II, обнаруживают свое умение только разрушать страну; едва ли поможет делу то, что они теперь «говорят» о ее спасении.

27 июля. Вчера видел тушу Окси [?] — пока она жила, была свиньей; теперь она туша, которой будут лакомиться. Не символ ли судьбы России, которой будут лакомиться немцы, как после Schweinschlacht[75]. Утром — длинный разговор с дядей Эдуардом все о тех же проклятых вопросах; почти полное сходство в мыслях и выводах. Разрушительные силы — революционеры, эмигранты, бывшие террористы, раз их главная цель была достигнута, должны бы были уступить свое место элементам, пытавшимся строить еще при старом режиме — земские и городские союзы, военно-промышленные комитеты и т. д. — но, захватив пирог власти, они отлипнут от него, только когда не будет ни пирога, ни власти, ни России. Право голосования неграмотных создает такое положение: всеобщее голосование не есть тайное, и тайное не может быть всеобщим. Почва для всяческих фальсификаций — необозримая. Интересно, удастся ли что-нибудь Керенскому? Многое говорит за то, что нет; ибо партии не могут возвыситься до того, чтобы целое считать выше части — Россию выше партии; а все вопросы решаются только партиями и вне их нет ничего[76]. 1917 подобен 1611. Будут ли Минин и Пожарский, а Керенский — тот больше похож на Ляпунова[77]. Сон удается еще пока сохранить, но потеря работоспособности — полная. Тяжко переживать крах всех иллюзий, как бы неосновательны они ни были.

28 июля. Проводили Л. Ег. Любовались чудесным восходом солнца — контраст с душевным настроением. Все те же мысли и тот же гнет. Мы не способны снести совершающегося переворота — он слишком труден, как трудно зараженному организму перенести сразу две острых болезни. Какой народ, такой и порядок, такое и правительство[78]. Сколько ни думай, ничего не надумаешь и не сможешь предвидеть. Если бы хватило сил стать истинным фаталистом!

29 [июля]. Вчера мне пришли в голову мои переживания после Цусимы в 1905 г. Сначала острая душевная боль, потом чувство тупого равнодушия и, наконец, некоторая легкость и надежда, что война стала психологически невозможной и что все равно ей скоро придет конец. Вчера у меня были совершенно такие же мысли, хоть я и сознавал огромную разницу в положении: тогда погиб флот, посланный на заведомую гибель петербургским правительством и двором.

Теперь свободный, но в корень развращенный рабством и революционной пропагандой народ сам себе нанес поражение, которое может иметь совершенно такое же значение. Чтение газет сегодня (от 25, 26 и 27) не усилило во мне, но и не изгладило вполне этого чувства. Отовсюду несутся голоса о продолжении борьбы; но ведь и тогда говорили так же. Выдержим ли мы? Правдивая речь Ллойд-Джорджа, с хорошей отповедью в сторону России: «поражение России может вызвать только глубокое сожаление», но «народ, который сходит со своего прямого пути, не есть великий народ». Мы вздумали удивить и научить Европу; но яйца курицу не учат, а тем более, когда они в смятку, как мы. Характерно страшное падение рубля, но удивляться этому не приходится. Сами по себе военные известия за эти три дня скорее даже лучше, чем раньше, но надолго ли? Что касается нового правительства[79], то оно не дает гарантий прочности и долговечности. Выпутается ли Керенский? Хотелось бы надеяться, но в душе такая надежда слаба. Сила и энергия только могут спасти погибающую Россию. Если бы образовался искренний союз между Керенским и верховным главнокомандующим[80] и если бы удалось восстановить армию и хоть бы остановить внутренний развал! Но ведь все это мечты — и только! Характерно изречение какого-то большевика в Московской думе — что о родине нечего заботиться, так как «ее всю не разгромят»; просто и примитивно; дума, для эсерской и демократической, составила все же не плохую резолюцию о смертной казни.

30 июля. Сегодня утром мне прислали из волостного комитета рассыльного с требованием вернуть списки, порученные Мариетте, и с приглашением кому-то на какое-то заседание, которое, может быть, будет, а может быть, нет — вероятно, так везде практикуется! Мариетта вчера читала выдержки из письма мужа[81]; пишет, что начинает разочаровываться в русском народе. Пора! Вспоминаю его мнение по дороге сюда, что «социалисты знают, куда ведут Россию». Завели... Состояние духа без перемен; душа вынута.

31 июля. Газеты от 28 и 29. Сообщения сравнительно приличны. К сожалению, на западе все смолкло опять. У нас, по-моему, опасно около Брод[82]; так ли это, покажут следующие газеты. Общее настроение не улучшается, хотя, может быть, полученный leçon des choses [предметный урок (*фр.*)] и не останется без результата для города Глупова[83]. Все-таки интересно, спасет революция сама себя или нет. Ее спасение в создании вновь армии, а в армии-то весь вопрос и есть, как он и был с первого дня после переворота. Вчера долгий разговор с Николаем Антипьевым[84] с Горы: поразительная смесь пытливости, своеобразного и сильного патриотизма, недоверия, революционного протеста и нелепости.

1 августа. Состояние духа без перемен. Гоняли в Рожково за маслом: не привезли, потому что вчера отдавали за 2.50, а сегодня просят 4. Нина и Мариетта поехали в Щербово [и] Сандово[85] за сахаром. Что-то привезут? Не привезли ничего нового. Около Брод отразили немцев.

2 августа. Газеты от 30 июля. На войне сравнительно прилично. Надолго ли? Некоторые признаки отрезвления — вроде издания распоряжения о праве закрытия съездов, собраний и т. п.[86] Но наряду с этим все та же дичь и глупость в тысяче разных видов и образов. В частности, опять обостряется поганый украинский вопрос из-за побоища солдат-украинцев с кирасирами. Так как в обострении вопроса — прямая выгода Германии и полная аналогия с германскими планами, то несомненно, что здесь или прямая измена, или провокация изменнических темных сил. Какова будет следующая катастрофа, которая нас ждет? В «Русских ведомостях» от 29 или 30 июля письмо с.-р. Б. Воронова, протестующего против запрета ему от Московского комитета с.-р. участвовать в «Русских ведомостях». Запрет, напечатанный тут же, подписан Рудневым — новым Московским городским головой[87]. О, безмозглая тупость!

3 августа. Читал брошюрку Леонида Андреева «Гибель»[88]. Много верных мыслей, схожих с моими, — гибель от голода и от разложения армии. Но если все погибнет, то он, Леонид Андреев, не проклянет своей матери-России. А я ее прокляну, так как она есть соединение всех русских людей, которые своей рознью губят себя и Россию. Ведь в лучшем случае весь остаток жизни придется всем прозябать, видя, как исчезает не только государство-Россия, но и тот легкий, тонкий, хрупкий налет культуры, те культурные ценности, которые в России все-таки создались. Пугачевщина нынешнего времени распространяется не только на материальные, но и на духовные ценности.

Несколько наблюдений над местной жизнью. Загранье — сокращение скота, захват крестьянами посевов, вызываемый не невозможностью [для] помещика обработать данную площадь, но жадностью к захватам, питаемою пропагандой. Болото — то же самое: уменьшение скота с 80 голов до 30; Шварцовское имение — то же; Юрьева — распродажа скота; Капустина[89] — распродажа скота: значит, в 1918 г. удобрения не будет и местный суглинок будет приходить в первобытное состояние. Вот сельскохозяйственный прогресс, вытекающий из политики с.-д. и с.-р. Так дело обстоит в Весьегонском уезде; а как же должно оно обстоять в хлебородных местностях России?

4 августа. Какие цели и какой смысл войны могут быть сейчас? Отчего не двигаются на западе? 1) не могут? 2) потерявши надежду на Россию, ждут Америки? В первом случае —

дело Германии выиграно, и она поплатится только колониями и Месопотамией, но зато вознаградит себя в Малой Азии и в России, и все-таки Mitteleuropa[90] будет создана с поглощением 3/4 славян, которые окончательно обнаружили свою полную безмозглость и антигосударственность. Во втором случае — дело отодвинуто, по крайней мере, на год; выдержим ли мы этот год или нет? Или же доживем до финального распада и катастрофы? или же заключим сепаратный мир на всей немецкой воле?

5 августа. Газеты и известия от 31, 1, 2, 3. Ничего особенно страшного на фронте. Продолжающиеся голоса, что надо спасти Россию. Единственный важный и интересный факт — увоз Николая II из Царского Села куда-то, чуть ли не в Тобольск[91]. Это, будто бы, было решено еще временным правительством 5—22 июля — третьего состава. Я думаю, что это результат боязни контрреволюции. Других причин и оснований не придумать. С. А. Котляревский пережил в правительственных сферах князя Львова и остался заведовать иностранными исповеданиями, с оставлением профессором, в качестве товарища обер-прокурора Св. Синода[92]. Ласковое теля сосет уже не двух, а много больше маток.

6 августа. Вчера вечером традиционный объезд пастората; нудная скука у попа Дубовикова; более приятное сидение у Александры Павловны: они все-таки живые люди. Сегодня у обедни, после чего ответные визиты у Николая Антипьева и у Ивана Терентьева[93]. Те же речи и впечатления, что и раньше. Целый день дивная погода, пахнет осенью. Не хочется думать о всем, что происходит. Еще одно соображение: русский народ совершенно развращен рабством и пропагандой революционеров. Всегда эти extrémités se sont touchées [крайности сходятся (*фр.*)].

8 августа. Вчера не записывал, потому что ездили в Залужье. Погода по-прежнему дивная. Возвращались красивой дорогой через Расторопово. Разговор с Шурой В.[94] — те же мысли; говорит, что махнул на все рукой и старается веселиться в пределах тесных Залужских возможностей. Много разговора о грядущем голоде, который скажется и в деревне, но в других отношениях, чем в городах. Кандидатуры в волостное земство Шура не выставляет[95]; быть может, это ошибка, быть может, соображение — пусть сами разберутся — и верно.

Газеты от 4 и 5. На фронте все то же; англо-французы опять перешли в наступление. У нас внутри Керенский и Ко. стараются сохранить свое лицо перед советом рабочих депутатов, а те стараются подчеркнуть и доказать,что все еще не вылетают в трубу. Речи blackman'а [черного человека (*англ.*)], как называет Чернова Лялька[96], — речи темного демагога, может быть, большого злодея. Интересны для сравнения на-

строения на торгово-промышленном съезде в Москве[97] («Русские ведомости» 4 августа). Внутренняя борьба вся еще впереди. В Залужье узнали о постоянном недомогании Тали Томиловской — ей грозит участь матери! Лерик[98] перекочевал в Москву. Это мне менее нравится.

9 августа. Газеты от 6. Все более и более впечатление о двойственности Керенского и Ко. и о том, что новая волна русской революции ширится и растет. Это волна против порядков, водворившихся после переворота. А «товарищи» твердят все одно и то же; они, как всегда, и глупы и нетерпимы. Как выйдет из этого Керенский — чем он будет в конце концов — партийным с.-р. или русским государственным деятелем?[99] Эти дни читал в «Русском архиве» (1888) записки К. Н. Лебедева за Крымскую войну и записки П. Х. Граббе о Кавказской войне и о дворе Николая в сороковых годах[100]. Беспрестанно размышления, которые напрашиваются в наши дни. Очевидно, что успехи России за 70 лет в отношении цивилизации, управления государством, социальных отношений — более чем призрачны. Московское совещание начинает приобретать интерес — что там наговорят правительству?[101]

10 августа. Растет чувство апатии ко всему, происходящему в мире; конечно, до нового сильного удара. Может быть, действует близость отъезда и дивная погода. Вчера приехала Юлька Веселаго с дочерью. Рассказывает, что на выборах в волостное земство кто-то дал лозунг бойкота помещикам; поэтому члены волостного комитета Шура и Колюбакин[102] не попадут в волостное Залужское земство. Дает тон учитель Митрофанов, которому Шура оказал много услуг; он же и первый в списке. Истинно русская привычная, хорошо знакомая картина!

11 августа. Вчера составляли список избирателей по Раменскому обществу (до 38% грамотных, до 19% мобилизованных; в Крутецком[103] было 28% и 15%; процент грамотных — считая только людей выше 20 лет). Список общий составлялся из списков по деревням. При этом обнаружилось: 1) что председатель волостного комитета, г-н Красавцев, составлявший список избирателей по Запрудью, из 60 избирателей ухитрился сделать три алфавита; 2) в других списках по деревням подобные же небрежности; следовательно, население не подготовлено даже к тому, чтоб составить списки; 3) за каждую фамилию при переписке платят по 4 копейки (!! это неслыханная цена); кто же получал деньги за нас, точнее за Мариетту, которую г-н Красавцев просил взять на себя составление? Не удивлюсь, если взял он сам.

Продовольственная управа[104] назначает цену на пуд новой ржи 3 рубля 80 коп., причем налегает на «усадьбы»; а крестьяне уже спекулируют: спешат, запасаясь разрешением продовольственной управы, раскупить хлеб в Загранье по этой

цене, не стесняясь говорить (например, Иван Иванович [?] из Андрейцева, брат нашей Прасковьи[105]), что покупают в запас, а не по нужде. Вероятно, будут и случаи перепродажи, чтоб нажить со своих. Нечестность и развращенность народа сказываются и в этом.

В избирательный комитет по указанию волостного комитета, т. е., вероятно, того же г-на Красавцева, избраны Иван Терентьев, Федор Павлов и Мариетта. Первые два — мужики-кулаки, собственники, приобретатели — чтоб им не попасть в гласные волостного земства, где людям момента нужны противоположного характера типы; а Мариетта — чтоб сказать, что к общему делу были привлечены и «помещики», ведь Мариетта для нынешних хозяев абсолютно безвредна.

12 августа. Газеты за 8, 9 и 10. Немцы полезли на Ригу. Пока еще ничего решительного[106]. Если будет то же, что в Галиции, то, может быть, будет способствовать дальнейшему протрезвлению; если же сумеют и смогут отразить — то, может быть, это будет способствовать укреплению какой-нибудь власти. Советы рабочих депутатов что-то опять начинают шаборшить; впрочем, для падения их авторитета полезен инцидент с членами румынского посольства: пьяный прапорщик, член исполнительного комитета совета рабочих депутатов, оскорбляет их действием[107]. Характерно для русской революционной демократии. Московское совещание № 1 (малое, интеллигентское) заставляет думать, что Керенскому и Ко. наговорят много хорошего на большом совещании № 2[108]. Какие-то паровозные бригады заявили, что если к 20 августа не удовлетворят их требований, то они устроют забастовку и будут пропускать только военные и санитарные поезда. Вот от чего и от кого зависит бытие России; вот как идет в августе 1917 г. исцеление России.

14 августа. Газеты от 11 и 12; натиск на Ригу не развился еще пока в такую же катастрофу, как в Галиции. Что будет далее? В остальных частях фронта положение приличное, так же как и в Румынии. Большевики пытаются сорвать московское совещание; приемы все те же — угроза забастовкой; Московская революционная дума и совет рабочих депутатов сидят между двух стульев, осуждают эту попытку большевиков и в то же время косятся на совещание, считая его контрреволюционным[109]. Малое Московское совещание уже изобразило собою loyal opposition [лойяльную оппозицию (*англ.*)] справа — общего языка не слышно; его не найдут и на большом государственном совещании. На малом совещании очень характерно выступление И. А. Ильина[110], который в речи, несомненно, очень блестящей, укорял в недостатке патриотизма и в контрреволюционных тенденциях Керенского и, особенно, Чернова. А давно ли, в начале марта 1917, на общем собрании всех преподавателей Университета тот же И. А. Ильин вотум

о поддержке правительства и о войне до конца ставил в зависимость от того, вышибут ли «старшие преподаватели», т. е. профессора, из своей среды Статкевича, Веселовского[111] и др. Украинцы срамятся и проваливаются везде на городских выборах; может быть, в конце концов провалится и пресловутая рада[112]. Вчера я ничего не записал. Ездили кататься, смотреть будущую станцию Топорово[113]. У меня затеплилась радостная мысль о будущем благополучии — дождемся ли мы его? Езды всего 1 час!! На возвратном пути видели в Почепе Мариетту в роли члена избирательной комиссии, проверяющую списки; вечером в Загранье было собрание для того, чтобы наметить кандидата в гласные от двух Заграний и Дунаевского хутора; наметили Мариетту, которая, кажется, очень довольна, но, конечно, в гласные не попадет, ибо из 12 намеченных кандидатов надо выбрать 6 или 8; бугры [*франц. разг.* bougre — пройдоха] выберут, без сомнения, своих. Цена 3 р. 80 к. за помещичью рожь, оказалось, установлена единолично председателем продовольственного комитета и его секретарем — Щербовской учительницей; и это характерно для русской демократии! Списки по деревням Раменью, Андрейцеву, Завражью и Почепу, составленные крестьянином-милиционером[114], — ниже всякой критики.

17 августа. Москва. Не записывал два дня. Первый день сборы, второй день дорога. Сегодня прибытие в Москву. Впечатление удручающее, как со стороны внешне режимной [?], так и со стороны моральной. В Музее развал, разруха и запустение: барышни ленятся, служители-товарищи — источник многих затруднений в будущем. Придется решать ряд вопросов, чтобы как-нибудь вести дальше библиотеку. Настроение в городе скверное. Разочарование, невольное поправение: ужасы впереди и вокруг; видимое безнадежное разочарование совещанием; оно простирается и на Керенского; им, видимо, очень недовольны, так как это только яркий и темпераментный партийный деятель, но не государственный человек — на бесптичье соловей.

Ответ на Московское совещание — два прорыва, у Черновиц и в Румынии, и угроза железнодорожной забастовкой. Святая Русь не меняется. В Москве по-прежнему царство товарищей, так же как и на железнодорожных станциях. Состояние — безразличия, грусти и апатии.

20 августа. Московская суета не позволяет записывать каждый день: придется подводить итоги впечатлений по мере возможности. Пользуюсь для этого поездкой в Пестово[115] в ожидании, пока оседлая жизнь в своей квартире создаст нормальные условия. Известия с фронта не так плохи, как можно было бы ожидать 2-3 дня назад. Но никакая опасность и никакой ужас в будущем не устранены и не устранимы, пока 15 миллионов мобилизованных, но деморализованных дикарей

продолжают существовать в качестве русской армии. Сильный сдвиг в общественном мнении сравнительно с маем месяцем. Я, конечно, имею в виду те круги, с которыми мне приходится общаться. Это сдвиг вправо; приближается признание внутреннего краха русской революции. В мае многие, сомневавшиеся в революционных способностях русского народа, еще все же надеялись и, во всяком случае, молчали; теперь слышатся открытые и громкие голоса, доказывающие полную несостоятельность так называемой «революционной демократии». А эта последняя продолжает делать глупости: к числу их отношу протест против смертной казни в Петроградском совете рабочих депутатов, заведомо бумажный. Впрочем, в дальнейшей потере авторитета разных советов можно видеть только благо. Впервые можно наметить и голоса контрреволюционные, по крайней мере по отношению к присяжной «революционной демократии». Они, по-видимому, будут группироваться около армии[116].

Положение Керенского и Ко. безвыходное: они не могут не усиливать боеспособности армии, так как дальнейшие победы немцев могут привести даже к монархической реставрации; но боеспособная армия с авторитетным командным составом — есть сама по себе опасность для всяких временных правительств и учредительных собраний.

В Румянцевском Музее — разруха и развал: это микрокосм в макрокосме России. Лень обуяла всех, начиная с моих непосредственных помощников[117]. Канцелярия и смотрительская часть хуже, чем когда-либо. Предстоит трудная и неблагодарная работа по поднятию трудоспособности. Удастся ли что-нибудь сделать?

В «Русском слове»[118] появилась жирным шрифтом частная корреспонденция о «прорыве» под Ригой и переправе немцев через Двину. Завтра, вероятно, узнаем официально. Удивляться нечему. Умирающий организм перестает себя обслуживать. Несмотря на привычку, все-таки приступ апатии и грусти.

21 [августа]. Пестово. Новые известия будут только завтра; томление и гнет; вспоминаю разговор с Пичетой[119] в Москве: он говорил, что латыши потому радикально переменили свое настроение, что русские опустошили их страну хуже, чем германцы; из страха перед русским варварством они стали германофилами; значит, бросаются в пасть тигра, чтоб избавиться от когтей медведя. Все это — увы! — очень похоже на правду. Перечитывал «Les dimanches d'un bourgeois de Paris» Мопассана, нашел место, хорошо подходящее к современной России: «Vous avez une montre, n'est ce pas? Eh bien, cassez un ressort et allez la porter ce citoyen Cornut, en le priant de la raccommoder. Il vous repandra, en jurant, qu'il n'est par horloger. Mais, si quelque chose se trouve detraqué dans cette machine infiniment compliquée qui s'appelle la France, il se croit le plus ca-

pable des hommes pour la reparer séance tenante. Et quarante mille braillards de son éspece en pensent autant et le proclament sans cesse»[120]. Чем дальше, тем меньше ум мыслит выход из теперешнего положения.

22 [августа]. Все подтвердилось о Риге[121]. Дальнейший шаг по пути к гибели, ибо на то, чтоб опомнились, рассчитывать нельзя. В Москве с внешней стороны обычное равнодушие. Чувствуется, что маразм овладевает понемногу не одним мною. Вечером — известие об аресте Михаила Александровича[122] — Керенский и Ко. поражают реакцию справа. Наступает крах не революции, а всего народа. Русские оказались несостоятельны перед всем миром. Сейчас Россия — это корабль, который еще держится на воде, но уже потерял способность управления.

23 [августа]. Все развивается по программе. Если немцы и не дойдут до Петрограда, то паника и разговоры об эвакуации идут своим чередом. Как приедет Нинка? Пожалуй, попадет в волну беженцев[123]. Сегодня разговор с дядей Эдуардом; потом с Егоровым, Савиным[124] и Любавским. Все те же мысли и мнения. Крах и гибель! На кладбище внес постоянный взнос за содержание могил.

24 [августа]. Все утро лезла дрянь, как давно не лезла. Мы, т. е. цивилизованные люди, считавшие себя русскими, — маленькая группа людей, потерянных в мире. Отечество от нас отошло, за нами не стоит никто; «народ» нас сметает, ни одно другое общество нас в свою среду не примет. В течение всего дня я слышал только речи, схожие с моими мыслями, смешанные с безумной и беспредельной тревогой. В Музее уговаривал швейцаров так расположить их службу, чтоб можно было открыть читальный зал до 8 часов. С трудом удалось достигнуть компромиссного соглашения с этими нахальными тунеядцами. Жду Нинку, чтоб не разлучаться в это ужасное время.

25 [августа]. Известия в том же духе. В Петрограде паника — этот бич наших дней — la grande peur [великий страх (*фр.*)]. Характерно известие о том, что многие рабочие просят расчета — это показывает трусость товарищей-большевиков. Сегодня опять говорил со многими — и опять везде то же чувство недовольства Керенским и Ко. и чувство совершившейся гибели России. Долгая борьба между царизмом и революцией за обладание Россией заканчивается на наших глазах разрушением и гибелью цели и объекта борьбы. Русские головотяпы продолжают искать на себе блох, в то время как немцы закидывают им петлю на шею. Жалкая дрянь! Настроение такое, что никого видеть не хочется.

26 [августа]. Целый день думаю, как едут Нинка с Володей. Боюсь всяких неприятных сюрпризов в Бологом[125]. Настроение без перемен. В Музее сегодня со многими говорил

о невозможном положении библиотечной работы: те, с кем я говорил, охотно соглашались. Был у меня в Музее С. С. Подолинский[126] по поводу передачи в Музей бумаг его деда. До 27 марта он был Лифляндским вице-губернатором; он говорил, что, по его мнению, участь Риги уже давно была предрешена; я его спрашивал, каково его мнение об убийстве Столыпина, его родственника, которого он и сейчас поклонник, — можно ли думать, что его убили из дворца, а не террористы. Он ответил, что и он думает то же, т. е. что убийство было замышлено людьми дворца[127].

27 [августа]. Все воскресенье — отлучка по случаю приезда Нинки; сидели целый день в Мертвом переулке[128], и я старался не говорить о всем, что мутило. Нинка приехала в прямом Кашинском вагоне[129] третьего класса — самое умное и удачное, что она могла сделать; вследствие ее усталости, да и моей также, легли в 9½ часов.

28 [августа]. Утром, собираясь в Пестово, прочел расклеенное от городского головы объявление о требовании Корниловым смещения Керенского[130]. Перевертывается еще одна страница русской революции. Вечер в Пестове, куда слухи не достигают.

29 августа. С утра по телефону говорил Шамби, и даже Гартунг[131] — это последнее показывает, насколько велико возбуждение и слухи в Москве. Пока разобраться трудно, но видно, что дело не ограничится пустяками. Завязывается большая борьба. Как ей воспользуются немцы? Приехал Шамби, но ничего нового не привез. Вечер провели спокойно, без новых известий или слухов.

30 августа. В успех Корниловского движения не верится. Одуревшая, озверевшая бывшая Россия, конечно, и теперь не найдет в себе здравого смысла, и все пойдет так, чтоб было как можно хуже, а для Германии полезнее. Очень характерно помещенное вчера в газете воззвание Южина и Собинова — «комиссаров» государственных театров в Москве[132], чтоб граждане не курили в зрительных залах, фойе и других непоказанных местах, так как от этого может возникнуть пожар. Это символизует [так в подлиннике] культурный уровень русской революции.

В русской истории боролись два миросозерцания: мессианизм (Третий Рим, славянофильство, гром победы раздавайся[133], и ...желание чему-то научить демократии Запада) и обличающие (Котошихин, Хворостинин, увлечение французским и католицизмом, Чаадаев, И. С. Тургенев устами Потугина[134]) — увы, теперь ясно, что второе имеет все преимущества над первым!

30 [так в подлиннике; должно быть: 31] [августа]. Корниловская попытка несомненно и безвозвратно рухнула. Вместо того чтобы ждать, пока Керенский и Ко. со всеми аггелами

падут как зрелый плод, неумные, но решительные генералы, младенчески неопытные в политике и ранее всегда [далее зачеркнуто: отрицательно] пренебрежительно относившиеся к политике, выступили вождями предприятия, не имевшего под собой почвы. В результате Керенский укрепится и произойдет сдвиг влево, а может быть, начнется и террор слева. Я это пишу без достаточного знания фактов, а только по своим домыслам; может быть, что все объяснится и иначе. Говорят за верное, что Керенский развелся и [далее зачеркнуто: вчера] на днях женился на какой-то артистке; идущие далее утверждают, что венчание было в Зимнем дворце — Se non è vero...[135] Как все это печально и грустно — по-русски! Днем разговор с Георгиевским[136], вернувшимся из Петербурга: солдаты грызут семечки, обыватель в панике перед немцами, в государственных учреждениях прежние чиновники пишут по-прежнему бумажки, но поражены тем же маразмом, как и везде, как и в нашем Музее; разговор с историками — Яковлевым, Бахрушиным, Богословским[137]; мнения вполне схожи: крах народа, возможность выйти из положения только стихийным путем, сплошное разорение русского сельского хозяйства, неумение и нелепость теперешних деятелей — словом, безысходная гибель; мнения об авантюре Корнилова — также схожи с моим.

1 сентября. По городским разговорам все более выясняется, что в основе авантюры Корнилова лежит провокация, в которой замешаны, по-видимому, Керенский, Савинков[138]. Россия становится похожа на Мексику. Интересный разговор с Яковлевым. Он был в Могилеве и готовил аграрную программу для Корнилова, состоящую в наделении землей солдат в собственность[139]. Он указывает на Завойко и, быть может, Аладьина как на главных авторов дела[140]. Корнилов, по его впечатлению, привлекательный солдат, но не политик, а младенец в политике. В военную и политическую часть замысла он не был посвящен и уехал за день до выступления. По его мнению, В. Н. Львов сыграл здесь темную и глупую роль[141].

2 сент[ября]. В политике продолжается каша. Слухи о провокации не умолкают. Сегодня слышал от Савина, что Некрасов — один из главных провокаторов[142]. Ясно, что среди лиц, захвативших власть, так же мало честных людей, как и среди народа и общества. Совет Университета; у всех, с кем пришлось говорить — настроение подобное моему. Выясняется, что часть студенчества решает сорвать учебный год. Воздержание от дела остается главным занятием русского человека; как-то придется с ними бороться.

4 сент[ября]. Вчера — coup de théâtre [трюк (*фр.*)]. Объявление республики и директории из Керенского, двух военных с сомнительным прошлым — Верховского и Вердеревского,

беспринципного Терещенки, дурака Никитина[143]. Это — не то оперетка, не то сказка. Провокация становится все яснее; так же как и месть кадетам со стороны г. Чернова. Не играет ли г. Керенский в руку своему другу Чернову[144]. устроив всю историю с коалиционным министерством и потом резко изменив его в диктатуру пяти — не есть ли Государственное совещание плюс пров[ал?] Корнилова плюс кризис правительства 2-3 сентября — сознательная политика Керенского и Ко., основанная на провокации и ведущая к диктатуре крайних левых? Керенский и Азеф ближе, чем принято думать[145]. Состояние духа ниже всякой критики.

5 [сентября]. «Временное правительство», вернее ΟΙ ΠΕΝΤΕ ΤΥΡΑΝΝΕΥΟΝΤΕΣ [пять тиранствующих (*греч.*)] упразднили занятия в высших учебных заведениях обеих столиц, т. е. в 75% высших учебных заведений России. Б. м., это потому, что «студенческий дом» отменил эти занятия? Во всяком случае дикость и нелепость этого распоряжения относительно Москвы не подлежит сомнению[146]. Слышал от Кизеветтера в заседании факультета, что г. Керенский все-таки думает о создании коалиционного министерства (он говорил со слов Кишкина)[147]. Пути г. Керенского неисповедимы! На фронте более прилично; зато внутренние дела хуже, чем когда-либо. Факультетское заседание — обсуждали вопрос о замещении доцентур; кажется, что Шамби пройдет[148].

6 сентября. Целый день убийственное настроение, без новой определенной причины. Газеты сегодня не сообщают никакой сногсшибательной мерзости. Интересно интервью с Керенским, где в ответ на травлю Чернова он ругает этого последнего: вероятно, на днях узнаем о расколе в с.-р. партии — Керенисты встанут против Чернистов[149]. Кругом только и слышишь о мерзостях — учебные заведения закрыл сам г. Керенский по желанию студенческого дома, завтра товарищи в Москве празднуют победу над контрреволюцией, товарищи усиливаются везде и во всех отношениях[150] — быть может, все это и создает то тяжелое состояние духа, от. которого не могу отделаться в течение всего дня.

11/12 сентября. Почти четыре дня провели в Пестове; хорошая погода, отсутствие почти полное газет и ежедневное собирание грибов; душа если не отдохнула, то немного отошла; но как только добрались до железной дороги в Пушкине, опять пахнуло всем ужасом переживаемого. Теперь вполне ясна вся провокация, инсценированная Керенским и Ко. Но для чего было все это делать? Цель провокации ясна: удаление Романовых в Тобольск, чтобы они не были случайной помехой при намеченном деле; Московское совещание — общая провокация, где бы каждый открыл свои карты; провокация Корнилова и Каледина как наиболее опасных лиц, поскольку это выяснилось на совещании; эксплуатация Алексеева,

чтобы справиться с Корниловым и погубление Алексеева посредством неловкого положения, в которое его поставили[151]. Все это ad majorem gloriam [к вящей славе (*лат.*)] левых. Но ведь это все и во вред К[еренскому] и его ближайшим друзьям; Керенский погубил себя. Не толкнул ли его на все это дело Чернов, чтоб, губя Корнилова и подобных ему, погубить и Керенского. В общем пляска над вулканом, и перед немецким нашествием. Армия, видимо, безнадежна, и вдали рисуется или немецкое, или общее международное вмешательство — иначе сказать, призвание варягов в новой форме 1000 с лишком лет спустя после первого.

13 [сентября]. Все без перемен; так же скверно, как вчера, третьего дня и т. д. Утвержден ординарным профессором. Был у О. А. Талызиной устраивать Люлю Веселаго[152]. Разговоры все те же и мнения схожие.

14 [сентября]. Целый день тяжелое состояние духа, несмотря на дивную погоду; поздно вечером 13-го получил сообщение от Юрьевой о новом вызове Керенским Кишкина и Ко. в Петроград — всех тех, которые уже раз доезжали до Любани[153]. Это подтверждено утренними газетами. Что это за новый фокус?

Вечером были у Вилькенов[154]. Бедных стариков очень жаль; они подавлены и общими вопросами, и квартирным вопросом, так как надбавка в 100% принуждает их еще сокращаться.

15 [сентября]. За весь день не получал ни известий, ни впечатлений, кроме того, что демократическое совещание[155] открылось с битья по морде большевика есером [так в подлиннике]. Заседание редакционного комитета издательства преподавателей Московского Университета. Н. С. Арсеньев и кн. Н. С. Трубецкой[156] не произвели на меня впечатления людей, падающих духом. Вечером — собрание жильцов для избрания домового комитета — едва не попал в председатели, но, слава Богу, чаша эта меня миновала; но от членства нельзя было отказаться[157].

16 [сентября]. Демократическое совещание не то проваливается, не то имеет мало значения. Библиотечные служители уже две недели не могут разделить между собой ста рублей, которые им дали за летние работы, — вот он, здравый смысл русского народа. Вечером деловое заседание домового комитета прошло без инцидентов.

17 [сентября]. Шесть именинниц[158], которых по большей части не видали с весны; обывательские разговоры обычного типа; никаких новостей.

19 [сентября]. Демократическое совещание окончательно и бесповоротно тонет в словах. Дела везде все хуже и хуже. Сегодня видел великолепное изображение г. Керенского в императорской короне — на открытке, а корона от руки. Фа-

культетское заседание — впервые с приват-доцентами[159]; к концу заседания мы, т. е. старые члены факультета, остались одни — видно, не очень веселая вещь факультетское заседание. Получил ординатуру[160], и сегодня меня обычным образом поздравляли. Слышал от Кокошкиных рассказ со слов Ф. Ф. Кокошкина[161], который был свидетелем, как Керенский вызвал движение Корниловских войск к Петрограду и на следующий же день отрекся от этого[162]. В этом он сказался весь.

21 [сентября]. Демократическое совещание путается совершенно. Противоречат друг другу, меняют резолюции — всему мешают и притом мешают и сами себе. Выхода все же не находится никакого. Опубликовано в «Утре России» и в «Русском слове» письмо Гурко[163] Николаю II 4 марта, два дня после отречения: оно пророчествует возвращение монархии. Сегодня начал семинарий в Университете; потом беседовал со Счастневым; рассказы студентов о том, что он свихнулся на социализме, к счастью, не верны[164]. Вечером был у меня Писаревский — и вел все те же речи, которые ведем и мы.

22 [сентября]. Опять объявлена железнодорожная забастовка. Сколько немецких денег на это истрачено?[165] В газетах известие о том, что в Швейцарии на немецкие деньги основывается русская монархическая газета — Se non è vero, è ben trovato. Начал лекции у Шанявского. Гориллы, самцы и самки, с тупым интересом внимали моему монологу о Смутном времени. Когда я был на улицах и отчасти там, у Шанявского, мною несколько раз овладевало чувство жгучего желания перестать быть русским. Вечером в Машковом переулке[166]: вспоминали старое, выпили бутылку Бургонского.

24 [сентября]. Забастовку объявили. Что-то из нее выйдет и как она повлияет на русских дерьмократов? Это выражение я слышал вчера, и оно мне понравилось. Несмотря на дивную погоду, сажусь в домашний бест — московские улицы мне физически противны своей шумной, разнузданной и праздной толпой. Ходили выбирать в районную думу (по-моему, одна из бесполезнейших глупостей революции)[167]. В 11 часов было свободно; у дверей раздаватели бюллетеней [далее зачеркнуто: б. частью] были лохматые с тупыми лицами, были верующие курсистки и студент от народной свободы[168] с южным лицом. Внутри картина резко отличалась от прежних выборов в Государственную Думу: из всех лиц, которых я там видел, только председатель, сидевший у урны, имел внешний вид не совсем гориллы — это был сытый, толстый буржуа; остальные — не то курсистки, не то учительницы, обычного убого сосредоточенного и принципиального вида, и несколько товарищей, из которых одному сидевшая рядом учительница тыкала носом, что и как ему делать. Впечатление убожества, тоски и бесполезности. По общему впечатлению большевики стараются больше

всех; если это верно для 1-го Тверского участка [?][169], то что же делается на окраинах?

25 [сентября]. Железнодорожная [забастовка] начинает приводиться в исполнение. Вчерашние выборы дали большинство кадетам в Ар[батско]-Пречист[енском] уч[астке] и половину голосов в Тверск[ом]-Городск[ом] уч[астке]. Это первый случай победы кадетов. В других местах, вероятно, пройдут большевики, ибо только эти два списка конкурировали друг с другом; остальные, включая с.-р., которые в июне победили в центральной думе, [далее зачеркнуто: провалились] видимо, успеха особого не имели[170]. Кадеты в Пречист[енско]-Арб[атской] и Тв[ерской] думах [должны?] показать, что они лучше остальных, а то им грозит гибель. На днях в Румянцевский Музей явились один матрос и один штатский от Балтийского флота в поисках разных ученых разностей [?] для «матросского университета»; из разговора выяснилось, что они уверены, что удержатся в Гельсингфорсе. Удастся ли?

27 [сентября]. Забастовка отменена. Некоторые говорят, потому что ее не могли осуществить; но ведь участники все-таки получили колоссальную прибавку, и оплачивать ее будет не нищее государство, а мы, ибо тариф увеличат вдвое. Позорное впечатление оставляет «демократический совет»[171] — исчадие пресловутого «демократического совещания»: ругань, раскол, распад, убожество. Вчера вечером смотрел коллекцию инкунабул Бирукова[172], и, кажется, найдутся средства ее приобрести; маленькое светлое пятно на черном фоне жизни.

30 [сентября]. Не записывал три дня, потому что было очень много дела. Сегодня немцы сделали новый шаг — высадили десант на остров Эзель[173]. Любопытно сопоставить, что в момент, когда они к этому готовились, начальник морской контрразведки Балтийского моря был в Москве и отбирал книги для «матросского университета», уверяя, что Балтийский флот в полной боевой готовности. Кстати — этот начальник раньше числился «сотрудником «Нового времени»[174]. Не был ли он сотрудником охранки? Как бы то ни было, сделан новый шаг по пути к Петрограду, и русские нигилистические гориллы опять вопят о поднятии боеспособности армии, а Керенский посылает «высочайшую» телеграмму Балтийскому флоту. Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Аграрные и городские погромы везде — Козлов, Тамбов, Рязань, Харьков, Одесса, Бендеры и т. д.[175] Деморализация идет и вширь и вглубь. Я понимаю слова М. К. Любавского, что, если бы у него не было семьи, он сделался бы террористом. Сегодня был университетский совет; общее настроение паническое, жуткое и мрачное. Чувствуется, что у всех одна мысль, что мы подходим к последней черте, к пределу скорби. И все-таки решали свои делишки. Характерно, что для помощи Университету, которому нечем

себя отопить, Гензель[176] предлагает заложиться в кредитном обществе. Дефицит более миллиона, правительство денег не дает, зато щедро открывает университеты и факультеты в Томске, Саратове, Иркутске и даже в Ташкенте[177], где еще недавно русские превзошли дикостью самих туркмен[178]. Что это — глупость или сознательная ложь и реклама?

2 октября. За два дня мало впечатлений. Немцы благополучно завоевывают Эзель, но думается, что дальнейшие операции будут идти медленнее. В Покров[179] ездили на кладбище; там дивно хорошо, но, чтоб доехать туда, понадобилось полтора часа, так же, как и обратно; трамваи набиты; среди товарищей всякого вида много пьяных; один из них ругал меня за котелок — democratia triumphans! [торжествующая демократия (*греко-лат.*)].

5 [октября]. Эзель завоеван; немцы готовятся к переходу на сушу; переезд Петрограда в Москву[180] становится все вероятнее и все ближе, анархии все более и более; в Москве забастовка в больницах, а в Университетской Ек[атерининской] больнице профессора Попова[181] вывезли на тачке.

В музее заказаны столы для каталога; столяр ошибся и сделал их немного уже, чем нужно; чтобы поправить ошибку, он сделал ящики для карточек также поуже, без внимания к карточкам — истинно горильская находчивость. Вспоминаю в связи с германским сообщением о тралении мин у Эзеля, что «начальник» морской контрразведки уверял, что немцы наших мин найти не могут(!) На душе так тяжело, как давно не было.

Во вторник ездили мы в Художественный театр смотреть «Село Степанчиково». Горильская утрировка; горилья публика, которая смотрела на тяжелую сатиру Достоевского, как на водевиль; а на сцене был сумасшедший дом, имевший отдаленное сходство с Россией. Тоска неописуемая; видно, и театры отживают для меня; да, впрочем, и совестно ходить теперь по зрелищам.

6 [октября]. Морской бой в Рижском заливе и в Моонзунде — мы, конечно, отступили, уступили [?] и потопили свой старый корабль — «Славу»[182] — это тоже символично. Эвакуация Петрограда надвигается, со всеми ее ужасными последствиями. А этот народ — вор, предатель, трус и анархист — и в ус себе не дует; везде равнодушие, рознь, ненависть и грабеж. Собачьи депутаты в Петрограде заявляют, что если безвременное правительство уедет в Москву, то они создадут свое правительство в Петрограде[183]. Их глупость превосходит даже их нахальство и преступность.

8 [октября]. Немцы подбираются к Финскому заливу; в предпарламенте переругались уже в первый день[184]. Демоби-

лизуемые солдаты самых старых призывов везде бесчинствуют. Вчера слышал от Шамби, что товарищи-солдаты в Трапезунде[185] разрисовывали и царапали фрески в византийских церквах, сохраненные под турецкой штукатуркой, и загадили нечистотами жертвенники этих прежде христианских, потом мусульманских святынь. Надвигается забастовка прислуги во всех учреждениях Министерства Народного Просвещения — на том основании, что «Плехановская» прибавка[186] в 100 рублей долго не приходит. Когда на это «делегаты» указывали министру труда г. Кузьме Гвоздеву[187], то тот отвечал: «Бастуйте». Таким образом, глас безвременного правительства призывает к забастовке в правительственных учреждениях. Вчера было у меня собрание по исторической библиографии[188]; говорили и о политике; разногласий было немного — очевидно, специальное историческое образование приводит к более или менее трезвым взглядам; как жаль, что историков так мало. Впрочем, схватились Пичета — порохом начиненный панславист[189], член Плехановского «Единства»[190], и Фокин, именующий себя юнкером и gentry[191] и сознающийся, что он более всего ненавидит крестьянина.

11 [октября]. За эти дни общие дела не изменились ни к лучшему, ни к худшему. Больших успехов немцы не сделали, но высадились на уголке Эстляндии и заняли весь архипелаг к югу от Финского залива, приобретя базу для будущих действий против Петрограда. Все это делается — по верному выражению г. Керенского — «не их силой, а нашим бессильем» (речь Керенского в предпарламенте). По-видимому, эвакуация Петрограда превратится и в эвакуацию Москвы. Идиоты-заправилы желают [?] эвакуировать корпуса и институты[192] — опять за все отвечает шайка. Развилась забастовка больничных служащих, коснувшаяся и университетских клиник; требуют отставки временного правительства и ректора Мензбира(!)[193] В понедельник 9-го было экстренное [?] заседание совета, где Университет старался защитить свою автономию[194]. С 15-го будет забастовка городских служащих. Предметных уроков все еще мало.

13 [октября]. Сегодня и вчера — Совещание общественных деятелей[195], на которое я получил приглашение. Я был на двух заседаниях из 4-х — на общем и на военном; и не был на тех, где обсуждался вопрос об учредительном собрании и вопросы экономические. На первом собрании для меня лично на этом заседании новым было то, что преобладающей нотой была любовь к отечеству, любовь к родине. Кроме того, было провозглашаемо, что не мы контрреволюционеры, а — большевики; третья нота — поход против Керенского. В первый день наиболее интересны были речи Евдокимова[196], кооператора из раскаявшихся с.-д. или с.-р., который просил не осуждать революционную демократию и вспоминал, как он сам двад-

цать лет назад пел «Интернационал» в роще около Иваново-Вознесенска; затем интересен знаменитый Федор Боткин [?] — это бывший эмигрант и интеллигент; первое я вывел из его слов, что он с начала войны сражался в рядах французской армии[197], второе видно по его облику и его речи — он, кроме того, прирожденный оратор. Он, несомненно, кавказец, т. е. русский с примесью грузинской или армянской крови. Еще ярко и с темпераментом говорил кн. Евгений [Трубецкой]. Зато бледны и рассудочны были речи Новгородцева[198] и Кизеветтера: ясная мысль, хорошая речь, а сердца нет. От первого заседания осталось впечатление скорее бодрое. Сегодня — военные вопросы: три оратора из офицерского союза[199] говорили резко и дельно и освещали офицерский вопрос с надлежащей стороны; конечно, центральным моментом были речи Брусилова и Рузского[200]; первый говорил резко по тону, точно рубил, сухо, отчетливо, как сухи и отчетливы черты его лица; Рузский тянет, делает паузы, но видно, что это говорит умный человек; он даже прослезился, говоря о положении армии; впрочем, всплакнул и Брусилов. Они оба говорили, что Америки они не открывают, и для меня они действительно существенно нового не сказали ничего — ясно, что для воссоздания армии надо выгнать из нее политику, восстановить дисциплину, не революционную, а единственную и единую, которая всегда существовала, и вернуть власть командному составу. Но интересно было видеть их и слышать — этих тузов русской армии, за которыми есть положительные деяния и за которыми останется слава.

Будет ли толк от совещания? Кто знает? Говорили о[б] организации союза разных союзов[201] в связи с Московским совещанием. Быть может, это придаст реальную силу общественным деятелям, а без реальной силы все это только один призрак. Однако впечатления уныния я не вынес и во второй день.

Москва вся полна слухами о городской забастовке и о выступлениях большевиков — не то 15, не то 20-го[202]. Что это — испуганная фантазия терроризованного обывателя или что-нибудь действительно готовится?

На войне опять временное затишье; утешают только французы, которые опять одержали частичную, но крупную победу.

15 [октября]. Вчера опять усиленное тяжелое состояние духа от всяких разговоров о забастовках, беспорядках и т. п. Вечером Д. Н. Егоров справлял (чисто по-немецки) Geburtstag [день рождения (*нем.*)]. Разговор на волнующие темы: государственно мыслящи были М. К. Любавский, М. М. Богословский, А. Н. Савин, хозяин и я; частично социалиствующим Д. П. Кончаловский[203] и еще один приват-доцент, юрист; впрочем, только частично. Возможно, что Кончаловский находится под впечатлением того, что видел и слышал

на войне; по некоторым вопросам — отдельным — мы были с ним совершенно сходного мнения.

Закончился съезд общественных деятелей; на последнем дне я не был; не знаю, будет ли все это иметь практическое значение, но принципы, провозглашавшиеся на съезде, верны: надпартийное объединение на национально-демократической основе — это единственный путь к спасению. Но смогут ли что-либо сделать эти несколько сот человек с морем миллионов горилл? It is the question[204].

Забастовка городских рабочих отменена; вероятно, потому, что они сами на нее не поднялись. В Москве съезды кадетов и союза городов[205] — и тут и там говорят бодрые довольно слова; от всего этого сегодня тон газет бодрящий, как будто — но ведь завтра будет опять какая-нибудь гадость!

18 [октября]. Опять не пришлось записывать. 16 и 17 прошли совершенно тихо. Сегодня опять внезапно заговорили о всеобщей забастовке в городе и даже назначали, что в 2 часа станет водопровод. Теперь шесть часов; водопровод и трамваи действуют. Что это — провокация, grande peur обывателя или же действительно это преступление совершится? Немцы принялись за итальянцев и жестоко разбили их[206]; если бы русские не были подлецами и предателями, то этого бы не случилось. Вчера был Гартунг, который собирается стать помощником милицмейстера в Тамбове и, вышедши из кадетов, думает «записаться» в народные социалисты. Что за неустойчивость — какой отличный образец русского человека. Сегодня опять зовут в Университетский совет в экстренное заседание по случаю больничной забастовки. Все одно и то же, и нет просвета!

21 [октября] Вопрос о городской забастовке кончился тем, что городские рабочие — Фома Фомич Опискин[207] тож — поизмывавшись над жителями и главным образом над социалистической думой и ничтожнейшим городским головой г. Рудневым, опять отменили свою забастовку; получили они, впрочем, все, кажется, что хотели. На 20-е число предсказывали какое-то «выступление» большевиков чуть ли не во всей России; конечно, никакого выступления в этот день не было и не могло быть, ибо те, кому нужно, выступят только тогда, когда остальные будут этого меньше всего ожидать[208]. Доходило до курьезов; все обыватели стали организовывать самовооружение; вчера в некоторых домах запирались чуть ли не с десяти часов. Теперь назревает забастовка низших служащих во всех учреждениях Министерства Народного Просвещения; вероятно, ее объявят завтра, так как они не могут ждать Плехановских прибавок; те, которым деньги даны из местных средств, забастуют из солидарности. Одним нужно, чтобы вся гражданская жизнь разваливалась, другим, т. е. большинству горилл, это безразлично — так и идет русская жизнь. На

войне все то же; разгром итальянцев еще не кончен; и во всем этом виновна русская сволочь. Если бы даже был скоро мир, то и это будет не на радость, ибо внутренняя война пойдет дальше, не прекратится и разорение, сопряженное с нею, потому что русская горилла не прекратит погромов и безобразий до тех пор, пока ее не уймет кто-нибудь извне. Наши социалисты, видимо, желают на местах сделать главным органом земельные комитеты — великолепный способ для развития взяточничества и злоупотреблений и в конечном результате — гнета воротил над теми же крестьянскими гориллами. Народничество своими руками создает для народа новые оковы; воистину, на это способны только русские дураки.

22 [октября]. Итальянское поражение приобретает характер катастрофы. С ними случилось то же, что с нами: пропаганда нарушила дисциплину, и часть войск убежала без боя, открыв дорогу врагу. Вслед за нами выходят из строя итальянцы; теперь одна надежда на Англию, Францию и Америку; у англичан расчет был ложным в том отношении, что они, действуя сами методически медленно, полагали, что русская и итальянская сволочь может воевать беспредельно. Fiat voluntas![209] Более чем когда-либо Россия погибла.

25 [октября]. Новые тревожные слухи ходили вчера весь день; в Петербурге большевики, несомненно, что-то подготовляют. Но что? Блеф или действительно захват власти? Сегодня в газетах, что г. Керенский, наконец, опять разрешился речью в предпарламенте[210]. Будет ли за словами дело? По России — новая волна забастовок и погромов. Забастовки направляются все той же рукой — какой? в глубине — несомненно, немецкой. Вчера Георгиевский рассказывал о суде над шпионами: шпионили немцы из конторы Вогау[211], а мелкие работы для них исполняли русские за 2—3 рубля в день: вот истинный символ русско-немецких отношений. Вчера же заседание археологического общества: старая графиня, два вроде как беженца из Петрограда — Лихачев и Тураев, заседание на Берсеневке[212] — точно хоронили какого-то близкого покойника.

26 [октября]. Большевическое действие началось в Петрограде и в Москве провозглашением перехода власти к С[оветам] Р[абочих] Д[епутатов]. Это движение по внешним впечатлениям несколько иное, чем все предыдущие — никто ничего не знает, никто толком не осведомлен; в «революционной демократии» раскол, в войсках тоже; никому не хочется начинать первому — и та и другая сторона стоят одна против другой и чего-то выжидают, б. м., того, кто победит в Петрограде. Из Петрограда определенных известий нет, циркулируют всякие слухи, но какие из них соответствуют истине, какие нет — не разберешься. Читал лекцию на Высших женских курсах; курсистки на втором часе просили выска-

заться по моменту. Я наговорил им много пессимистических мыслей. В Музее ходили из угла в угол, потому что дело валилось из рук.

27 [октября]. Вечер вчера прошел весь в телефонных разговорах; заходил дядя Эдуард, грустный, как и мы все, нервно пораженный всем происходящим. Известия противоречивые — одни от большевиков, другие не от них; ясно себе представить положение дела нельзя, но ясно, что Петроград в их власти в значительной степени. Сегодня утром общий вид Москвы подобен вчерашнему; трамваи ходят. Сегодня назначена однодневная забастовка служителей в учреждениях Министерства Народного Просвещения, в том числе в Музее. В Музее дико смешно: были только чиновники и вольнотрудящиеся[213], конечно, не все — ленивые и социалиствующие (это одно и то же), конечно, не были; сами открывали и закрывали ставни, ставили самовар, дежурили у входа с кн. Голицыным[214] во главе; и остальное время ходили из угла в угол. К вечеру известия из Петрограда стали более определенные — большевики овладели городом и властвуют в нем. В П[етро]-Пав[ловской] крепости кадриль узников: слуги царские встретились со слугами Керенского; бедные Третьяков и Смирнов зря попали в кашу. Воображаю, как смеются Щегловитов, Маклаков[215] и др. О каких-либо попытках Хлестакова-Керенского ничего не слышно. Уж этот-то, надо думать, конченый человек. По отзывам приехавших, в Петербурге порядок лучше, чем при прежнем безвременном правительстве; все войска оказались большевиками. Теперь надо ждать близкого позорного мира, если только большевики сумеют удержаться; а я думаю, что удержаться им, по крайней мере некоторое время, не будет трудно[216], и свой долг перед немцами они исполнить успеют. Ну уж и дурак Керенский и его аггелы! Ведь они еще глупее даже, чем был Николай II и его клевреты. А ведь это не мало сказано.

28 [октября]. Вчера с 12 часов ночи началась стрельба; правительственные войска, состоящие из добровольцев, юнкеров (их в Москве несколько тысяч) и даже студентов и гимназистов; солдаты главным образом занимают караулы в постоянных местах и в наименее ответственных местах; этим ограничивается деятельность солдат, верных правительству. Утром взяли Кремль; сейчас сражаются около генерал-губернаторского дома и в местности между Столешниковым, Петровкою, Охотным и Тверской и, кроме того, на окраинах; если дело будет ликвидировано, то все же его хватит на несколько дней. Впечатления сильно напоминают 1905 г., декабрь; время проводили на телефоне, я думаю, было не менее 50 разговоров; выходил я два раза — один раз утром купить газеты и ходил в Мертвый переулок за молоком; потом провожал Нинку в приют [?]; в это время на Пречистенке[217] и в переулках слыш-

ны были отдельные выстрелы; жуткого чувства не было; был скорее задор пойти и посмотреть что-нибудь похожее на бой. Ночью предстоит два часа дежурить в подъезде. В 6 часов весь дом был осмотрен патрулем из двух офицеров и трех студентов; они уверяют, что наш жид Славин[218] — большевик.

30 [октября] (Утро). Вчера был тяжелый день. Вынужденное бездействие, противоречивые слухи; стрельба ружейная и орудийная вокруг[219]; гуляли только во дворе. Правительственных сил мало; ждут подкреплений[220]. Каких? Об этом также всякие противоречивые слухи. Телефон — единственная связь с миром. У нас был осмотр чердаков; среди офицеров-добровольцев — Федя и Андрюша Арманды; первый искупает мамашу-большевичку[221]; угощали их завтраком. Подобно 1905 году — общение и знакомство со всеми жильцами. Некоторые сумасшествуют; другие относятся спокойно; вечером сидели вчетвером и даже вшестером на дежурстве в подъезде и разболтались, как будто забыв все происходящее; спал скверно; сегодня утром стрельбы меньше; информационные известия сравнительно благоприятны; большевики, будто бы, просят мира[222]. В Петрограде все еще длительный период упорядочения — долго ли еще он продлится? И все-таки мятеж, я уверен, не будет ликвидирован как нужно. Разложение общества и народа непоправимое и неизбежно дойдет до конца. Бесконечное висение на телефоне в конце концов раздражает и утомляет. Странно, что война куда-то отошла временно на второй план; впрочем, это оттого, что известий в газетах нет никаких; воспользовались ли немцы новым русским преступлением и глупостью? Как отзовется все происходящее на ходе мировой борьбы, где русская падаль будет предметом общего дележа?

31 [октября]. Положение все ухудшается; начался регулярный обстрел с окраин; у большевиков оказалась артиллерия и лица, умеющие стрелять. Пресловутое соглашение между сторонами, говорят, не состоялось; сведений вообще ни у кого никаких — сколько-нибудь определенных. Мы брошены в пропасть; ясно можно предвидеть пожары, грабежи, насилия; пожар уже начался у Никитских ворот[223] сегодня в полдень; состояние подавленное.

Из Петрограда via [через (*лат.*)] железнодорожный союз сообщают, что будто бы состоялось соглашение о социалистическом правительстве от н.-с., включая большевиков[224]. Странная и неустойчивая комбинация! Что же будет с Москвой? Боюсь, что сожгут Румянцевский Музей — вот будет ужас! В течение дня до 7 часов стреляли редко — приблизительно два-три раза в час; пожар у Никитских Ворот утих. Жильцы дома на дворе поднимали шрапнельные стаканы и пули. Целый день без телефона; не отвечать на вызовы частных квартир надо было бы с самого начала; но все же без те-

лефона еще томительнее. Прибегала Таня[225] из Мертвого переулка, пробравшись через одну или две заставы; мы были рады ее приходу, точно приходу человека из другого мира.

Ноябрь 1. После сравнительно спокойной ночи, в которую удалось выспаться, случилась первая катастрофа: я никогда не думал, чтоб мне пришлось видеть русскую шрапнель и гранату во дворе дома № 4 по Большому Знаменскому переулку, а, между тем, это — факт; в 11 с половиной часов утра граната разорвалась над подъездом корпуса во дворе, и от осколков и сотрясения воздуха были разбиты все окна, за исключением части окон пятого этажа; сейчас вслед залетела шрапнель, которая не разорвалась; поднялся переполох; двое оказалось раненых — кухарка и жилица в квартире Кенеман под нами; их отправили в лазарет; хозяева уехали вслед за ними и бросили квартиру; потом пришлось мне вместе с двумя другими обитателями дома осмотреть квартиру и эвакуировать ценности из комнат с разбитыми стеклами. Обстрел продолжался довольно сильно до 3 часов; сейчас, как будто, стихает; мы решили оставаться пока дома и перешли на бивак в передние комнаты. Общее положение, видимо, без всяких перемен. До каких же пор?

Вечер того же дня. 10 часов: положение без перемен. Ляля ушел караулить; мы все намереваемся спать вповалку в столовой.

2 ноября, утро. Положение по-прежнему без перемен, по крайней мере, для нас, сидящих в своих квартирах. По слухам, отряд юнкеров занял 1-ю гимназию; многие ожидают вследствие этого усиления обстрела; паническое состояние увеличивается; в нашем доме его усиливает прислуга, сосредоточенная у Лукерьи, и сама Лукерья-швейцариха; ночью дежурил на подъезде дворового корпуса, пил чай со старым генералом и с Касимовым; все были в одинаковом, тупом, неопределенном настроении; ни просвета, ни выхода. Я думаю, что наше положение сейчас можно сравнить с положением парижан в Коммуну[226]; сам Петроград в русскую революцию не переживал того, что переживаем мы: когда Москва под 6-дневным обстрелом русских пушек! Прибегал Илья из Мертвого переулка, принес продовольствия; там все, видимо, в таком же положении, как и мы. День тянется скучно, долго; хорошо, что провалялись почти до 10 часов.

2 ноября, вечер. Днем приходил Володя Репман[227]; был накормлен и выспался; его сведения не слишком отличаются от того, что до нас достигло; вечером дежурил на подъезде; опять слухи о подкреплениях; каково их реальное значение, трудно сказать; читал газеты: одну большевическую, две с.-рских; осталось впечатление, что вся эта ужасная, братоубийственная

бойня есть борьба двух русских социалистических толков. Стоит ли лить столько крови, чтоб спасать Керенского?

4 ноября, утро. В 2 часа ночи на 3-е зашел Володя Репман и сказал, что заключен мир между обеими враждующими сторонами; в сущности это был не мир, а сдача так называемых «правительственных войск» на капитуляцию, а вместе с ними и всего эсерского комитета общественной безопасности[228] — царство ему небесное! Но обидно жаль всех молодых жизней, безвозвратно и преступно загубленных. Дело и на этот раз было решено военной силой или теми вооруженными бандами, которые носят солдатские костюмы. За кем сила оружия, за тем и власть. Маниловы последних месяцев не могли этого понять. Днем ходил в Музей; там все цело; затем в Мертвый переулок; на улицах хмуро по погоде, хмуро у меня на душе; поэтому, вероятно, и толпы зевак кажутся хмурыми; тупые лица, тупые, иногда злорадные, редко сожалеющие замечания. Известия извне смутные, но очень печальные; западный фронт бежит; немцы в Або[229]; в Петрограде, говорят, государственные учреждения все еще не работают; в газетах, которые продавались на улицах, — только эсерские вопли, прикрытые фиговыми листьями, и победные клики большевиков[230]. По сумме пережитых ужасов прошлая неделя оставляет за собой далеко все, бывшее до сих пор. Вечером организовывали усиленную охрану дома. Ночь прошла спокойно.

5 ноября. Утром ходил до Музея, а потом до Кузнецкого моста, движимый любопытством, которое в этот момент оказалось сильнее всех других чувств. Разрушения ужасающие — в этом направлении особенно пострадали Городская Дума и «Метрополь»[231]; впечатление ужасающее и неизгладимое, но еще хуже Никитские ворота, где мы были вечером — дом, бывший Боргести и дом Коробкова — полные руины; здесь и на Арбатской площади — окопы, проволочные заграждения; трамвайные провода валяются на земле, часы выбиты или беспомощно стоят, наклонившись в сторону; еще ужаснее очередь на опознание трупов перед анатомическим театром Университета; когда я шел обратно, то очередь доходила, загибаясь по тротуару, почти до National'я[232]. Днем был у Яковлева, в Мертвом переулке, у кн. Голицына на совещании по делам Музея; решили в понедельник идти «почиститься», открыть же его тогда, когда будет спокойно и будет чем Музей топить. Разговоры везде скорее выжидательного характера, общее впечатление, что история и на этом не остановится. Ночью опять дежурил три часа, так же, как и Ляля; характерно, что от дежурства уже отказался сегодня один из представителей демократических элементов, и в нашей охране усиливается развал. Новая власть издает декреты об открытии всех магазинов с сегодняшнего дня — все было закрыто, кроме продовольственных лавок; о застеклении или забитии всех

разбитых окон также в один день; очевидно, в России всякая власть умеет издавать приказы, которые нельзя выполнить. О внешнем мире сведений нет, и никакого представления о том, что делается в России, а тем более в других странах, составить себе нельзя.

6 ноября. Утром заходил дядя Эдуард; он также похудел и осунулся; прошлись до него и далее до Моховой; впечатления те же, что и накануне; почти весь день провел в Мертвом переулке; там был винт — «отцы» — Вельяминов, Голенко, Ляля и все семейство; приютившиеся «буржуазы» с горя немного выпили; вернулись в половине 9-го по совершенно темным улицам; заходили еще днем к Егорову, а к нам заходила В. Е. Кокошкина (ее beau-frère[233-234] очень мрачно смотрит на вещи). Разговоров много; некоторые переоценивают, некоторые недооценивают положение; одни дают ему сроку месяцы, другие недели; я не разделяю оптимистических настроений и думаю, что нам предстоит полоса очень тяжелых испытаний, перед которыми бледнеют прошедшие три года. По-видимому, победители не исполняют заключенного договора[235], изгоняют юнкеров и кадетов, заключают их в тюрьму с разными измывательствами со стороны озверевших солдат, которые чуют, что сила на их стороне. Положение в Москве напоминает положение в Риме при Марии или Сулле[236]. О внешнем мире по-прежнему нет известий; новые власти опровергают успехи немцев, но можно ли верить этим опровержениям, да и вообще имеет ли все это какое-либо значение? Большевики распустили Московскую думу; поделом болванам с.-р., с Рудневым и дедушкой Минором[237] во главе.

7 ноября. Вчера был в Музее, обошел Ел. Анд., дядю Эмиля[238] и Шамби. По улицам толпы такого же хмуро любопытствующего вида. Слухи растут, тем более, что нет никаких реальных сведений ниоткуда. Минск, Двинск, Ревель — взяты; Венеция тоже; Корнилов, Каледин окружают Москву[239]. Где истина? Вероятно, она еще хуже всех слухов, вместе взятых. Кажется, мы доходим до финальной катастрофы. Банки закрыты — это вносит еще больший переполох. Днем был на панихиде по убитым студентам и даже разревелся; церковь Университета была полна молодежи; наш богослов пр. Боголюбский[240] произнес довольно сильную речь, вызвавшую рыдания; в конце он потребовал, чтобы «Вечную память»[241] пели все — это было сильно и величественно. Студенты и курсистки[242], тем не менее, решили заниматься — несчастная наука, в каких убийственных условиях приходится насаждать ее в России! А все-таки нужно, business before all [дело прежде всего (*англ.*)]. Весь алтарь Университетской церкви изрешетило пулями, кроме престола; хорошо бы, чтоб это было навсегда оставлено в том же виде на стыд всем потомкам. Весь день без известий извне, как и ранее; слухи о по-

громах; паника; по-видимому, разъезд из Москвы всех, кто может это сделать.

8 ноября. Сегодня вышли газеты, окрещенные позорным именем буржуазных[243]. Из них кое-что выяснилось. Бывшая Россия уже разделилась на Кавказ, казачьи земли, Украину, анархический центр, б. м., Сибирь; отпала Финляндия; немцы провозглашают отделение Литвы и Курляндии[244]. Россия уже не на краю пропасти, а в глубине ее: мы перешли последнюю черту. Большевики везде взяли верх, опираясь на невежественных и развращенных солдат; трогательный союз пугачевщины с самыми передовыми идеями; союз этот не может дать благих результатов; но сколько ужасов, страданий и опустошений нужно, чтобы несчастный русский народ перестал убивать себя систематическими преступлениями и нелепостями? Думаю, что и теперь не образумятся, и что анархия будет все ухудшаться, и от нее смогут нас избавить не мифические Каледины, а самоистребление наших крайних доктринеров или какие-нибудь еще неведомые варяги. Общее наблюдение: все, кого ни встретишь, похудели; тяжко дается переживать события. Из Москвы — сильная тяга; с какой бы радостью я бросил этот ненавистный город, если бы только были средства и возможность порвать со всем и вывезти семью. Не только квартира, не только Москва, но и вся Россия становится для меня клеткой, в которой можно задохнуться. На фронте пока, видимо, изменений мало; но в Италии немцы все еще продвигаются. Целый день состояние беспросветной тоски.

10 ноября. «Декреты» новой власти сыпятся как из рога изобилия — демобилизация армии, национализация банков, монополизация газетных объявлений и т. д., и т. д. Сенат не регистрирует эти декреты и не публикует их; вероятно, они упразднят Сенат[245]; они непосредственно завязывают переговоры о мире, назначают прапорщика-большевика верховным главнокомандующим[246]. Скоро дойдет черед до университетов, ученых учреждений, и очень скоро мы все, м. б., будем на мостовой. Эмигрантская палуба все ближе и ближе. Сегодня похороны павших большевиков[247]; ждут эксцессов. Каких? — никто не знает, но все в панике. Все валится из рук как никогда.

11 [ноября]. Все без перемен; из Петрограда нет вестей. Сегодня открыли Музей; было до 20 человек единовременно — не более; холодно, тоскливо, не все налицо; разговоры все те же; совет университета; настроение более бодрое, чем я думал; постановили продолжать занятия. Узнал удивительные вещи: оказывается, в Питере остатки прежнего правительства заседают и ведут текущую работу и что Совет народных комиссаров это знает и их не трогает[248] — поистине мудрено! На университеты до сих пор нападений не было.

12 [ноября]. Вести самые удручающие. «Борьба за мир» ведется так, что мы corps et biens [телом и добром (имуществом)

(*фр.*)] предаемся на милость Германии: жестко будет спать! Личных впечатлений за день мало. Утром был у Шамби, где видел Ивинского[249] — как поправел этот старый теоретический революционер! Потом с 3-х часов сидел в Мертвом переулке, где царствовало подавленное настроение. Весь день не ударил пальца о палец. Жаль потерянного времени, но сил ни для какой работы нет.

13 [ноября]. Понедельник, день без газет; значит, новых удручающих вестей мало — это на завтра. Просидел от 11 до 3 в Музее, стараясь найти себе дело. В читальном зале одновременно 25 человек — не более; весь вечер сидел и писал лекции, опять-таки чтоб забыться за делом; отвратительная перспектива дежурить по двору от 4 с половиной до 7 часов: до чего пришлось дожить — ходить на ролях дворника и швейцара в полном сознании сомнительности той пользы, которую этим приносишь. Сегодня утром я ходил почтить память погибших студентов, которых отпевали у Большого Вознесения; служил, кажется, сам новый всероссийский патриарх[250]; я был в начале церемонии, которая заняла целый день; эти толпы людей, исключительно интеллигентных, вернее цивилизованных, прибывали с каждой минутой. При мне привозили тела с пением «Вечной памяти». Сознаюсь, что я плакал, потому что «Вечную память» пели не только этим несчастным молодым людям, неведомо за что отдавшим жизнь, а всей несчастной, многострадальной России. То, что я видел, было контрманифестацией красным похоронам горилл 10-го; там была чернь; здесь — цивилизованные русские. Сейчас, вечером, я не знаю, благополучно ли прошли похороны; если нет, то побоище было побоищем света тьмою, цивилизации варварами. А ведь в субботу, после совета, молодежь, занятая организацией похорон, говорила, что какой-то местный военно-революционный комитет не гарантирует безопасности процессии до братского кладбища, будто бы указывая, что нападут не только на процессию, но раскидают и гробы; тогда явилась мысль похоронить в Новодевичьем монастыре — но монашенки (о, как это характерно!) не пожелали дать земли. Тогда пришлось, очевидно, вновь вернуться к мысли о похоронах на братском кладбище. Завтра узнаю, как все это обошлось.

14 ноября. Похороны обошлись благополучно. В газетах сравнительно немного дурных вестей; вероятно, завтрашний день наверстает дело. В Музее что-то похожее на работу; в факультете наконец провели Шамби в доценты; представление Сперанского[251] было прилично написано. Англичане взяли Иерусалим; как обидно читать все это, зная, что русские войска способны брать только свою Москву. У нас вставили рамы, и мы сегодня перебираемся в нашу спальню. Надолго ли? Не придется ли заняться сдачей комнат?

16 [ноября]. Тов. Крыленко, верховный главнокомандующий большевиками, завязал переговоры с немцами; пошли парламентерами трое — едва ли не все евреи. Россию предают и продают, а русский народ громит, бесчинствует и буйствует, и абсолютно равнодушен к своей международной судьбе. Небывалый в мировой истории случай, когда большой по числу народ, считавшийся народом великим, мировым, несмотря на все возможные оговорки, — своими руками вырыл себе могилу в восемь месяцев. Выходит, что самое понятие о русской державе, о русском народе было маревом, блефом, что все это только казалось и никогда не было реальностью. Это так, но все-таки как это глубоко обидно и скорбно. Румянцевский Музей нечем топить; служителям нечем платить прибавки, и не к кому обратиться за разъяснениями, так как нет начальства — беспримерное положение дела; и так везде.

18 [ноября]. Вещи идут своим порядком. О том, что делается за пределами России, мы ничего не знаем, потому что нам этого не сообщают, вероятно; в России большевики завоевывают ставку, ведут мирные переговоры, выпускают военнопленных немцев, словом, подготовляют падение бывшей России в объятия Германии при полной и непритворной радости громадного большинства русских горилл, неудержимо влекомых к родной и милой плетке хозяина. Все хорошо, что хорошо кончается; русско-немецкая война закончится тем, чем закончился бы процесс без войны: немцы завоюют русских — зачем же проливали столько крови, зачем подводили французов? Курьезно встречать среди большевически настроенных людей большие и крупные умы — или, по крайней мере, людей, которые такими считались — вроде Тимирязева. Сегодня об этом говорил в библиотечной комиссии Н. В. Богоявленский[252]. В Музее обсуждали вопрос о том, долго ли мы протянем; решили, что до Рождества по деньгам и по топливу протянем — а потом?

20 [ноября]. Особенных фактов за последние два дня нет; все идет своим порядком; союзники, кажется, на нас плюют; жалованье сегодня еще заплатили[253]; Университет и Музей пока не трогают. Кажется, все обстоит благополучно? Даже на душе как-то спокойнее; но это — спокойствие смерти. Родина умерла; нет больше родины. Ходил на выборы во всенародный кабак[254]; беспрепятственно осуществил свою гражданскую обязанность и тем воздал последнее целование умершей дорогой России.

22 [ноября]. Убит Духонин, бежали Корнилов, Деникин, Марков[255], которых, вероятно, поймают; сепаратный мир уже не оставляет никакого сомнения. Вопрос уже в том, что дальше — как распадется коалиция сил, объединяемых названием «большевики», состоящих из фанатиков крайних идей, из людей, работавших на немецком жалованье, и из черносотен-

цев[256]. Смерть Духонина — поучительный пример для всех генералов, которые сидят между двумя стульями; а судя по разоблачениям Савинкова («Русские ведомости» 21 ноября), и Духонин, и Черемисов[257], и, видимо, многие уподоблялись в дни падения режима Керенского пресловутому «Викжелю» — все соглашались и плясали на канате.

24 [ноября]. Сегодня в газетах: уничтожение судов[258], слухи о социализации домов, или, по крайней мере, о передаче домов под ведение домовых комитетов[259], посылка матросов, чтоб стеречь Николая II, и видимая неудача мирных переговоров[260]. Первое — сшибает с ног, хотя они уже об этом говорили ранее: бедный Лялька — ему временно будет большая канитель; а в общем — несколько десятков тысяч интеллигентных нищих. Второе, б. м., не так страшно — но задевает наш добрый и милый Мертвый переулок; там, видимо, обеспокоены; что сказать на это? Третье пахнет тем, что Николая укокают, как Духонина, что будет способствовать возрождению монархического принципа. Четвертое следовало ожидать. Вопрос теперь в том, примут ли товарищи немецкие условия во всем их позоре или же будут продолжать кочевряжиться, делая вид, что будут воевать далее; или же действительно мир еще отсрочится. Технически процесс продажи России немцам очень интересен, если бы все же по старой памяти с моральной стороны это не было бы так грустно.

25 [ноября]. День прошел без особых потрясений; все без перемен. Много слухов и данных о фальсификации выборов в всенародный кабак, который, по всем данным, обещает быть даже не кабаком, а зверинцем. Утром в Университете разговор с Мануйловым[261], который говорил, что, по его мнению, с захватом власти шайкой людей можно было бы бороться, но что делать с народом, который отдал им свои голоса в таком количестве; затем спрашивал меня, понимаю ли я таких людей, как Покровский[262].

26 [ноября]. Новые слухи о социализации домов[263], сообщаемые в «Русском слове» в нелепой форме. Если так, то большевики задались целью всех интеллигентов, всех хоть что-либо имеющих, раздражить против себя. Быть может, тем скорее наступит развязка. Приходили сегодня Саша Рар, Шура Граве[264] и Шамби. У всех все то же на уме.

28 [ноября]. На улицах расклеен дикий призыв против Каледина, Корнилова, Родзянко и всех, спасшихся на Дон. Университетские служащие низшие желают реорганизовать управление Университетом «на паритетных началах» между представителями интеллигентного труда и представителями физического труда. В Петрограде какая-то интеллигентная толпа собирается около Таврического дворца — чтобы? защищать несуществующий всенародный кабак[265]. Новая смесь безумия, демагогической жестокости, глупости и той неизъяс-

нимой маниловщины, на которую способны только русские. Румянцевский Музей закрыт второй день за отсутствием топлива, не припасенного глупостью и нерачительностью нашего смотрителя. Университетский совет более часа толковал об отдельных словах в редакции отклика на имевшее не состояться открытие всенародного кабака.

29 [ноября]. Известия через Лену от Мариетты, что мужики отбирают Собо[...?], Болото, Александровский и Вяжинский [?] хутора, словом частновладельческие хозяйства вокруг нас. Не удивлюсь, если, несмотря на приезд Прасковьи, которая привезла нам съестного и которая сейчас здесь, — и мы доживаем там наши последние дни. Вчера в Петербурге собрались зачатки всенародного кабака и выбрали председателем Чернова[266]. Чем он лучше Ленина? Жалкие речи о жалком собрании, а это жалости достойное собрание — последняя соломинка, за которую цепляются в бывшей России. Музея мы опять не могли открыть за недостатком дров и за нераспорядительностью смотрителя.

30 [ноября]. Декрет об аресте вождей к.-д.[267], поход на них и проскрипция русских жирондистов, хотя все это более похоже на Стамбуловщину[268], чем на французскую революцию. События идут бешеным ходом. [Далее зачеркнуто: Сегодня] Вчера частного совещания в учредительном собрании даже не допустили; срыв всенародного кабака неизбежен: жалеть, впрочем, о нем едва ли приходится: составленное из погромщиков, сентиментальных и реалистичных, — оно все равно было бы недееспособным. Удар по кадетам — это, по мнению А. И. Яковлева, гениальный удар крайних правых, занесенный [так в подлиннике] рукой большевиков. Так ли это? Qui vivra — verra [поживем — увидим (*фр.*)]. Говорят, что немцы ставят невозможные условия даже сепаратного мира[269]; логически рассуждая, они ведут беспроигрышную игру: или большевики должны будут принять их условия, или же весной немцы победным шествием займут всю Россию, ибо большевики, меньшевики, с.-р. и прочие русские социалисты уничтожили орган защиты России, а к весне с фронта разбегутся последние солдаты и получится, что русский народ сам уничтожил свою армию. Горе тем, кто сам себе уготовил неслыханное, небывалое поражение и позор.

ДЕКАБРЬ

2 [декабря]. Вчера опять слух об отобрании денег и декрет о том, чтобы плату за квартиру не вносить домовладельцам[270]; сегодня известия о будто бы совершившемся побеге Николая II из Тобольска — этот слух, по-моему, нуждается в подтверждении; я ему не верю и остерегаюсь делать какие-либо выводы. Сегодня весь вечер я читал записки Е. А. Боголепо-

вой о ее муже[271], изданные в нескольких экземплярах. Есть односторонность, но и много интересного, например, в отзывах о Николае II, Победоносцеве и Витте. Очень интересны мнения Н. П. Боголепова о русских: за границей, в семидесятых годах «он находил время присматриваться к нравам, обычаям и общественным порядкам немцев, причем сравнение последних с русской жизнью и русскими порядками вызывало в нем глубокую скорбь. В особенности огорчало его в русских отсутствие воли и характера».

«Поведение Доробца, неблагонадежность должностных лиц, неблаговидные поступки некоторых университетских деятелей все более и более убеждали Н. П., что большинство русских людей, даже образованных, страдает отсутствием воспитания». Как это все приложимо к теперешнему моменту. Как эти мнения оправдались жизнью!

Еще одна выписка: «часто русские, при известной распущенности и отвращении к порядку, называют формалистом человека, требующего точности и порядка».

5 [декабря]. За эти дни — ежедневно новые слухи, новые декреты — слух о назначении комиссаров в высшие учебные заведения; по-видимому, назначение такового же в Архив Министерства Иностранных Дел[272]; вероятно, и нам в Университете и в Музее придется скоро решать эту тяжелую задачу. Сегодня сенсационный слух о том, что освободили Романовых. Неужели красное действительно заслоняется черным? В Музее служители опять подали бумагу с претензиями; главная — сменить вахтера; боюсь надеяться, что вопрос более или менее улажен. Сегодня заседание факультета: приняли диссертацию Пичеты; если еще будем существовать, то диспут в январе.

7 [декабря]. Самая яркая сцена сегодня — наблюдение за разговорами между администрацией Архива Министерства Иностранных Дел и комиссаром большевиков. В большой комнате архива перед столпившимися служащими разгуливал в пальто с барашковым воротником, но без шапки, Василий Кондратьевич Евенко, слесарь из Ростовских-на-Дону мещан. Разговор велся в кисло-сладком тоне, которым так хорошо владеет С. А. Белокуров. Требовал комиссар подписку о признании совета народных комиссаров; ключи он успел уже захватить во вторник, 5-го; служащие соглашались заниматься при условии отказа от подписки, возвращения ключей и невмешательства в занятия; чем дело кончилось, я не знаю пока[273]. Характерны некоторые моменты: комиссар спрашивал, как мог архив продать что-то Румянцевскому Музею — дело шло о нескольких томах «Полного Собрания Русских Летописей»; на это Белокуров ему отвечал: «Мы книжки продаем и даже печатаем их — мы ведь головой работаем». Когда служащие спрашивали, почему такое к ним недоверие, что он

не хочет отдавать им ключей, комиссар отвечал: «А ведь в Министерстве Иностранных Дел оказалось при занятии его новой властью, что некоторые документы сожжены». Не ищут ли они в Архиве тайных договоров? Потом совещание в Румянцевском Музее, как быть, если к нам пожалует такой же комиссар. Мнения в общем склонялись к тому, чтобы принять платформу архива. Вечером была у нас Элли Петер[...?], с которой мы не видались более года; рассказывала свои впечатления из пережитого за время агонии войны, чем подкрепились наши думы и мысли.

8 [декабря]. Инцидент в Архиве пошел в затяжку: местный с.с.д. уверяет, что все это — недоразумение. Так ли? В Румянцевском Музее также поуспокоились, особенно еще потому, что дошел какой-то слух, что в культурно-просветительные учреждения не будут назначать комиссаров. Так ли? В остальном день прошел без чего-либо интересного.

9 [декабря]. Сегодня в Москве ввели предварительную цензуру для газет, военное положение и революционные трибуналы[274]; первое и второе, по 20 декабря. Что намечено на эти дни? Большинство лиц, с которыми пришлось сегодня говорить, держатся того мнения, что это или признак слабости существующей власти, или знаменует еще большее ускорение конечной тяги направо; третьи думают, что это направлено против неугодных так называемых буржуазных газет и для ликвидации городской забастовки[275]. Если поживем, то увидим.

11 [декабря]. Вчера прошло без особых инцидентов; сегодня без газет; все, по-видимому, идет своим чередом; готовится немецкий мир и продолжается внутреннее разорение России. Все упорно ждут какого-то переворота, приурочивая его к ближайшим дням; что это будет за переворот, говорят разно, но все думают, что близко возвращение монархии. Я бы очень желал знать, на чем основаны эти слухи? Сегодня я встретил на улице моего университетского товарища И. Н. Филатова, который при старом режиме побывал даже в Сибири по политическим делам; теперь, как оказалось по наведенным мною справкам, он меньшевик; вот что он мне сказал по собственной своей инициативе: «Мы идем к разбитому корыту; на днях немцы возьмут Петроград с фронта и тыла и восстановят монархию. Это позор и ужас. Среди большевиков 50% монархисты, 45% неумные и 5% — убежденные люди». Значит, эти слухи распространены и среди левых, но не большевиков.

14 [декабря]. Не записывал два дня; было некогда. Во вторник, 12-го, говорил с пессимистом и оптимистом — Гензелем и Грушкой[276]; первый говорил, что современное положение вещей продлится, по крайней мере, до осени и что «похабный» мир придется заключить и союзникам; что внутри России дело может измениться только, когда совсем разложится армия и когда на развалинах частных сельских хозяйств

совсем перебродит деревня; тогда внешние силы смогут восстановить порядок. Грушка, наоборот, утверждал, что вся тактика большевиков — это пугач, которого нечего бояться и который своей шумихой показывает, что они бессильны. В тот же день в сплетенной Москве стали ходить слухи, что в Петрограде идет бой, что часть войск восстала против Смольного за всенародный кабак, но все это — чушь. Вчера вернулся из Петрограда А. К. Виноградов[277] со служителем Максимовым и подтвердил, что все там тихо. Их поездка очень интересна: Виноградов ловко выхватил из большевистского министерства плехановские и процентные прибавки, видимо, не покорившись им и в то же время не делая несуразных донкихотств; он показал, по-моему, что он ловкий человек; товарищи служителя могли, с другой стороны, убедиться, что без цивилизованных людей они сами ничего сделать не могут, что у большевиков страшная путаница и неразбериха и что в Петрограде что-нибудь получить не так-то легко. Общие впечатления Виноградова, что большевики сидят крепко и что на всенародный кабак — всем наплевать. Вчера же было вечером заседание Исторического Общества, где Пичета толково и интересно излагал свою тему об аграрной реформе Сигизмунда-Августа; она была умнее, чем затеи русских дураков двадцатого века.

Разговор с Л. М. Сухотиным[278]; он говорил, что, быть может, уедет в Сибирь устраивать свою судьбу; туда же уехал кн. Г. Е. Львов; какая причина тянет наших ci-devants [бывших (*фр.*)] в Сибирь? Это интересно.

15 [декабря]. Очередная новость. Введены вооруженные караулы в банки — вчера в [далее зачеркнуто: Москве] Петрограде, сегодня в Москве; во что это выльется, сейчас еще нельзя сказать; но паника чувствуется и ощущается[279]. Архив Министерства Иностранных Дел раскассирован[280], и гордого и царственного С. А. Белокурова выселяют с квартиры. Кто бы мог это когда-либо подумать? Опять возобновил занятия в архиве Министерства юстиции — для наркоза. На меня произвела впечатление немецкая нота по поводу мирных переговоров: принимая во внимание, что против Кюльмана и Чернина сидят «русские» дураки[281], она почти гениальна. Жду западни, в которую они захлопнут товарищей.

17 [декабря]. Вчера совет Университета; настроение тяжелое, хотя прямо катастрофического и безнадежного пока ничего нет; финансовый кризис очень тяжел, надо поднимать плату; «младшие служащие» теребят и предъявляют всякие требования; клиники надо закрывать из-за недостатка топлива, а на неотапливаемые здания точат зубы красногвардейцы. С [далее зачеркнуто: нов...] большевиками пока столкновений нет, но их можно ожидать каждую минуту. Я ушел с тяжелым чувством и с неуверенностью, что Университет будет работать в 1918 году. В Музее акулы-служителя недовольны и плеха-

новскими прибавками и желали, чтоб их продолжили до 1-го января, а не до 1-го ноября, как они выданы; стоило большого труда убедить их, что этого нельзя делать; затем новый взрыв, вызванный тем, что наша истинно-русская канцелярия выписала себе и вольнотрудящимся эти прибавки, а служителей отложила до понедельника. О[...] безумия! Банковский кризис доведен до национализации банков и до нарушения неприкосновенности несгораемых ящиков[282]; совершается акт вопиющего насилия; убивается кредит, промышленность, торговля, частная предприимчивость; мы еще одно дно пробили своим бесчувственным лбом!

19 декабря. За эти дни немного нового. Из Петрограда — настойчивые слухи об исподволь происходящем занятии немцами; сегодня приехала кадетская богородица Е. В. Юрьева и подтверждала это; между прочим, и банковский coup d'état [переворот (*фр.*)] приписывается немцам, которые желают убить наш последний кредит и помешать финансировать Дон[283]. Знаменитый московский пристав Строев орудует в Смольном. Кадетские узники говорят, что большевикам нужно их не судить, а изолировать. Если это так, то это также нужно немцам и черносотенцам. В Архиве Министерства Иностранных Дел дело еще раз повернулось: слесарь передал архив С-ту Соб. Д-ов; С.С.Д. — своей культурно-просветительной комиссии, и при этом восстановил весь персонал; таким образом, по-видимому, после театра С.С.Д.[284] появится архив С.С.Д.; ну что ж, лишь бы сохранить детище Миллера, Бантыша[285] и т. д. Завтра предстоит решить вопрос об отношении Румянцевского Музея к [далее зачеркнуто: культ.-просв. ком.] Комиссии по охране памятников С.С.Д.[286]; я буду отстаивать деловое соглашение, ибо культурные работники могут идти на конфликт только по очень веским соображениям; я полагаю, что таковых не имеется. Вечером был у нас М. К. Любавский; говорили об общих делах, думая о них вполне согласно; разобрали книгу Пичеты.

20 [декабря]. Жалованье из Музея на этот раз выдали; и то хорошо. В Музее совет; мою точку зрения удалось отстоять, хотя и не без борьбы. Н. И. Романов[287] во что бы то ни стало хотел переть на рожон и вызвать конфликт с соб[ачьими] депутатами; я не понимаю и не могу помириться с этим типичным миросозерцанием русского интеллигента: или ты сделай по-моему, или будет нарушен принцип, и тогда погибай все. Не могу я видеть и подчинения с. депутатам в том, что мы будем иметь в комиссии по охране памятников старины назначенного ими председателя. Какой черт в председателе, когда все равно в данный момент сила в руках этих господ; а если они зовут помочь в деле не политическом, а культурном, то мы, как во имя дела, так и во имя блага нашего учреждения и его прямых целей, не должны без веских причин, и без край-

ней нужды, обострять положение. Назначенный председатель даже лучше, так как на нас в этом случае меньше ответственности. Сегодня опубликован общий проект немецких условий мира; они удручающие: теперь ясно видно, на чем немцы поймали наших [далее зачеркнуто: предателей и] дураков, и на чем сыграли наши предатели — на самоопределении национальностей: оказывается, что Литва, Курляндия, часть Лифляндии (читай — Рига и Эзель) и часть Эстляндии (читай — Даго) уже самоопределились и выразили желание отойти от России[288]. Большевики делают вид, что они не примут этих условий, но, конечно, они будут приняты, ибо положение безвыходно. Да здравствует ум и да погибнут дураки и самопредатели. Забыл: сегодня в Музей приезжал комиссар Малиновский[289], гаденький, плюгавенький человечек, не внушающий доверия; но он приезжал с просьбой принять на хранение библиотеку Александровского училища[290] и вел себя (по крайней мере, сегодня) очень скромно; скромнее, чем В. В. Пржевальский, приезжавший в марте в качестве делегата блаженной и вечно достойной памяти комиссара Н. М. Кишкина.

22 [декабря]. Принимаем библиотеку Александровского училища, рискуя завалить все наши свободные пространства. Ее уже начали расхищать; училище разделено на шесть частей: в нем расположены шесть учреждений и частей новой власти, в том числе красная гвардия; эта последняя дрыхнет, пьянствует, трехэтажно ругает своих начальников, дезертирует, ворует; в самом училище происходит иногда стрельба и война одних горилл с другими; спасая библиотеку, мы, конечно, оказываем услугу будущему училищу, но боюсь, что долго будет она у нас лежать; характерная подробность: шофер грузовика по дороге сделал попытку украсть несколько книг! Сегодня в газетах помещены условия, которые нам предлагает Турция[291]; они красноречиво свидетельствуют о нашем падении: если горе побежденным, то еще более горе народу, который сам себя разгромил и предал. Но и на этих условиях наш мир все-таки будет заключен, ибо никому из горилл нет дела до того, какой он будет и как немцы будут нами помыкать.

23 [декабря]. С. депутаты предписали заявить, сколько у кого кредитных билетов в стальных ящиках; в моем — 25 рублей, случайно оставленных и принадлежащих Володе; из-за этих 25-ти рублей я сегодня стоял два с половиной часа в очереди на Скобелевской площади, которую также надо называть площадью соб. д.[292] Очередь состояла из буржуев, передо мною прошло их, быть может, около тысячи; среди них много евреев; преобладающее отношение — ирония, и даже очень горькая; люди точно убеждены, что долго так продолжаться не может и что все опять пойдет по-прежнему. Принимали заявления три оголтелых девки, один студент Коммерческого

института, два товарища рабочих, а начальствовал молодой человек, интеллигентного вида, летчик, очень хорошенький; вся процедура крайне упрощена и элементарна; организовано дело отвратительно, очередь, сутолка, безграмотные объявления и распоряжения. Вечером обедал в Английском клубе; довольно много генералов в штатском (Зайончковский, Нилов)[293] и вообще бывших людей; большая азартная игра; бывшие люди обладают выдержкой и воспитанием, а кроме того, в клубе стараются отвлечься от скорбных дум. Большевический мир, по-видимому, испытывает заминку; но я не слишком доверяю враждебным большевикам газетам: похабный мир они все-таки заключат и Россию немцам продадут.

25 [декабря]. Вчера и сегодня утром делались обычные приготовления к празднику, и мы с Нинкой думали: еще никогда не было такого ужасного Рождества, как это; душой овладела опять тоска; вечером пришли из Мертвого переулка, зажгли маленькую елку с малым числом подарков; впрочем, Володя веселился, как всегда. Еще никогда, кажется, я не чувствовал так остро бунт многомиллионной черни против маленького ядра цивилизованных людей в России, раздуваемый демагогами и немецкими предателями: ведь немцам будет легче наложить свою руку на русский народ тогда, когда он сам уничтожит своих руководителей и вновь станет слепой инертной массой, готовой для германского горна.

26 [декабря]. Сегодня второй день без известий; был днем у Кокошкиных и у М. И. Потуловой[294]; разговоры обычного типа; встретил профессора Зыкова[295], который сообщил мне такой факт: в Саратове, в психиатрической лечебнице больные, т. е. сумасшедшие или, во всяком случае, психически расстроенные, составили свой комитет и союз, и нашлись врачи, которые поддерживали их. У Кокошкиных разговор об узниках; подтверждается известие, что полоумная курсистка А. С. Шацких, поклоняясь Шингареву[296], неся ему «калачик», схватила вместо того протоколы центрального комитета кадетов и отдала их большевикам. Как может партия вербовать агентов между сумасшедшими? Или, м. б., и Шацких и саратовский инцидент — это истинное отражение России?

27 [декабря]. Сегодня сидел почти целый день дома; триумф хамократии слишком чувствуется на улице, и потому домашний бест — лучшее, что можно себе представить в свободный день. Завтра газеты после четырехдневного перерыва; какие мерзости они нам сообщат? Таня рассказывала, что, возвращаясь вчера домой, она видела толпу пьяных товарищей, впереди которых шла пьяная же баба с гармошкой — Theroigne de Mericourt[297] московского производства. Сегодня несколько интересных вещей сообщил А. И. Яковлев о некоем Логвинском — присяжном поверенном, призванном в качестве прапорщика и бывшем адъютанте Рузского, и в то же

время агенте охранки; он будто бы уверял, что дело первой революции было подготовлено Бьюкененом, что в нем участвовали и Рузский[298] и Чернов, гораздо более активно, нежели это принято думать; относительно теперешнего положения — будто бы, это преддверие к шагу назад. Где тут правда и где ложь?

28 [декабря]. Газеты принесли сегодня приказ «главковерха Крыленки»; он призывает Россиян в добровольческую «социалистическую гвардию» на войну против буржуазии русской, немецкой и англо-французской, т. е. против всего мира[299]. Этот приказ убедил меня, что во главе того, что было прежде Россией, стоят люди действительно сумасшедшие, место которых в психиатрической лечебнице. Ясно, что из этого приказа не выйдет ничего; для чего же он издан — или потому, что его творцы сумасшедшие, или чтоб потом могли его творцы сказать: никто не пошел на наш зов, и потому мы должны были заключить мир с немцами. Наши войска уводят из Персии[300], и потому бывшие христолюбивые громят Персию: все в порядке вещей. Часто вспоминаются мне слова покойного отца, что произвол и нечестность русских (arbitraire et malhonnteté) подрывают всякую веру в русскую будущность; а еще слова М. А. Веневитинова[301], который в 1898-99 г. говорил мне, что Россия идет к такой катастрофе, которую и представить себе нельзя; один умер в 1896, другой в 1900. Увлекаюсь только что вышедшей четвертой книгой «Русских Пропилеев» Гершензона[302]; под именем «архива Огарева» дотошный честный еврей выворотил наружу всю драму Огарева, Герцена и их общей жены Натальи Алексеевны; пережитая жизненная драма всегда интересна, а драма этих сильных людей в особенности. Странная фраза попалась мне в дневнике Н. А. Огаревой: «детей надо оберегать от русской жизни»; как это верно для нашего времени!

29 [декабря]. Мало впечатлений. Немцы опять прищемили русско-жидовских изменников и дураков и загоняют их под ярмо. Сейчас шли пешком от Лены Р. в одиннадцатом часу — впечатление жути и полного отсутствия безопасности. Из дверей Александровского училища выбегали какие-то, кажется, пьяные и переряженные бабы, которых изнутри провожали хохотом товарищи.

30 [декабря]. Без особых причин весь день камень на душе; не стало легче даже в театре на «Спящей красавице», куда возили Володю; стыдно признаться — даже расплакался от музыки; вечером была Вава[303], сообщила, что в Загранье все благополучно; читал Чаадаева — вот правильные мысли о русских.

ПРИМЕЧАНИЯ

ИЮЛЬ

[1] *«Слово о погибели русской земли»* — заголовок сочинения неизвестного автора (вероятно, XIII столетия). В рукописи Готье это, скорее, первый эпиграф или подзаголовок дневника.

[2] Готье переводит на латинский язык выражение, которое по-русски звучало бы нецензурно. Судя по расстановке ударений, он хотел придать этой фразе стихотворный размер. Написана она не вместе с другими эпиграфами, а вертикально на правом поле первой страницы рукописи.

[3] Эти слова из книги пророка Иеремии (20:8) высечены на надгробии Н. В. Гоголя на Новодевичьем кладбище в Москве. До 1931 могила Гоголя была в Даниловом монастыре.

[4] *Голицын Дмитрий Михайлович*, князь (1665—1737) в 1730 г. возглавил попытку заменить самодержавие ограниченной монархией. После неудачи этой попытки якобы произнес слова, приведенные в эпиграфе.

[5] Конец России (*лат.*). Перефразировка восклицания Т. Костюшко: «Finis Poloniae!»

[6] Контрнаступление германских и австро-венгерских войск 6—15 июля не только ликвидировало успехи июньского наступления российских войск на Юго-Западном фронте, но и отодвинуло линию фронта гораздо дальше на восток.

[7] Поражение объяснялось главным образом нежеланием солдат воевать и массовым дезертирством под влиянием антивоенной и пораженческой пропаганды с начала революции, а также слухов о предстоящем (или уже начавшемся) переделе земель. При беспорядочном бегстве солдат в течение второй недели июля было немало случаев мародерства, чем, в значительной степени, было вызвано восстановление смертной казни.

[8] Смертная казнь, отмененная императрицей Елизаветой Петровной и введенная позднее за некоторые государственные и воинские преступления, была опять отменена Временным правительством 12 марта, но восстановлена 12 июля в действующей армии; фактически почти не применялась вплоть до Октябрьского переворота.

[9] О личности Николая II и его участии в правительственной деятельности см.: *Sir Bernard Pares*, The Fall of the Russian Monarchy (London, 1939); *Ольденбург С. С.* Царствование императора Николая II, 2 т. Белград 1939, Мюнхен, 1949; *Katkov George*. Russia 1917: The February Revolution (London; New York, 1967) (рус. перевод: *Катков Г. М.* Февральская революция. Париж, 1984).

[10] *Мясоедов Сергей Николаевич* (1865 или 1867—1915) — полковник Отдельного корпуса жандармов, офицер контрразведки; был обвинен в шпионаже, признан виновным и повешен. Вскоре стали высказываться сомнения в его виновности, впоследствии поддержанные рядом историков (Ольденбург, Катков, Ц. Хасегава [*Hasegawa*

Tsuyoshi. The February Revolution: Petrograd 1917 (Seattle, 1981)]. В либеральных кругах виновность Мясоедова не подвергалась сомнению и воспринималась как свидетельство гнилости режима.

Сухомлинов Владимир Александрович (1848—1926) — бывший военный министр, в описываемое время под арестом по обвинению в злоупотреблениях и измене; на суде в августе—сентябре 1917 г. эти обвинения не подтвердились.

[11] *«Охранка»* — разговорное собирательное название охранных отделений (органов политического сыска в крупных городах империи) и ведавшего ими отдела Департамента полиции Министерства внутренних дел. Охранные отделения были ликвидированы в первые дни Февральской революции (официально — 4 марта). Обширная библиография — *Smith Edward Ellis*. The Okhrana (Stanford, 1967). К описанным в ней изданиям следует добавить: *Мартынов А. П.* Моя служба в корпусе жандармов: Воспоминания. Станфорд, 1972; *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. Париж, 1985.

[12] *Запрудье, Почеп* — села в Весьегонском уезде Тверской губ., неподалеку от принадлежавшего Готье небольшого имения Новое Загранье (теперь, вероятно, в составе Сандовского р-на Тверской обл.), где он с семьей находился в описываемое время.

[13] *Хворостинин Иван Андреевич*, князь (ум. 1625) — «отдаленный духовный предок Чаадаева», по выражению В. О. Ключевского.

Очень созвучны настроениям Готье мысли Чаадаева о неразвитости в русском народе представлений о долге, справедливости, праве, порядке.

[14] О роли императрицы Александры Федоровны см. исследования, указанные в примеч. 9.

[15] Галицией после первого раздела Польши называлась административно-территориальная единица (королевство) в составе Австрийской империи (позднее — австрийской части Австро-Венгерской империи), в которую (наряду с другими территориями) входило бывшее Русское воеводство, населенное преимущественно украинцами (приблизительно теперешние Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области Украины).

В начале мировой войны российские войска заняли почти всю Галицию, но к лету 1917 г. в их руках оставалась только часть Восточной Галиции. Российское правительство намеревалось присоединить украинскую часть Галиции к России.

[16] То есть, кроме Восточной Галиции, Северная Буковина и Угорская Русь (приблизительно теперешние Черновицкая и Закарпатская области Украины). Буковина с 1774 г. принадлежала Австрии (с 1849 г. как отдельная административная единица — герцогство Б.); Угорская Русь с XI в. входила в состав Венгрии.

В 1915 г. российские войска на короткое время занимали часть Угорской Руси; Буковина занималась ими в течение войны дважды и к лету 1917 г. оставалась в их руках.

[17] *Керенский Александр Федорович* (1881—1970) возглавил правительство 7 июля после ухода из него членов конституционно-демократической партии и первого главы Временного правительства,

князя Г. Е. Львова. 13 июля оставшиеся министры уполномочили Керенского реорганизовать правительство на основе паритета между членами социалистических партий, представленных в советах, и несоциалистами; чтобы облегчить ему выполнение этой задачи, они предоставили свои портфели в его распоряжение. Наиболее полное издание материалов о Временном правительстве: The Russian Provisional Government 1917 (Stanford, 1961). См. также воспоминания Керенского: Современные записки (Париж) за 1928—1929 гг., Новый журнал (Нью-Йорк) за 1945, 1947, 1966 гг. и его The Catastrophe (London, 1927), The Crucifixion of Liberty (London, 1933), Russia and History's Turning Point (New York, 1965); обратный перевод: *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте // Вопросы истории, 1990—1991. Новейшее исследование о Керенском: *Abraham Richard.* Alexander Kerensky: the First Love of the Revolution (New York, 1987).

[18] *Чернов Виктор Михайлович* (1873—1952) — профессиональный революционер; в описываемое время министр земледелия. Теоретически считал, что земельный вопрос должен быть разрешен Учредительным собранием, но проводил политику поощрения радикальных действий волостных земельных комитетов, отмены (законом от 29 июня) столыпинского законодательства о землеустройстве, запрещения сделок на землю. Политика эта в либеральных кругах воспринималась как пагубная. Воспоминания Чернова: Записки социалиста-революционера. Берлин, 1922; Перед бурей. Нью-Йорк, 1953.

[19] Формальная отставка Чернова и других министров не имела целью исключить их из состава коалиционного правительства.

[20] Мысль о преобразовании государственного устройства России на федеративных началах была впервые сформулирована в «Конституции» декабриста Н. П. Муравьева.

[20a] Судя по контексту — «за наш счет».

[21] *Церетели Ираклий Георгиевич* (1881—1959) — летом и осенью 1917 г. наиболее влиятельный руководитель небольшевистского крыла «революционной демократии» (см. примеч. 27); был политическим лидером министров-социалистов, делегированных в правительство Советами. См. его: «Воспоминания о Февральской революции». 2 т. Париж, 1963.

[22] Против оставления Чернова в правительстве решительно возражали конституционные демократы и представители торгово-промышленных кругов, не только недовольные его земельной политикой (в проведении которой он, по их мнению, превышал свои полномочия), но и считавшие его, как участника Циммервальдской конференции и автора статей, распространявшихся германскими властями среди русских военнопленных в Германии, пораженцем, а следовательно, лицом, не заслуживающим доверия (кроме того, ходили слухи, что в 1905 г. он был причастен к «экспроприациям»). ПСР, наоборот, оставление его в должности ставила условием своего участия в правительстве. См.: *Radkey Oliver H.* The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Socialist Revolutionaries February to October 1917 (New York, 1958).

[23] См. примеч. 108.

[24] Интересно, что Готье так рано обратил внимание на этот лозунг, выдвигавшийся тогда только большевиками.

[25] *Чхеидзе Николай Семенович* (1864—1926), как председатель Петроградского совета, а с июня также и председатель ВЦИК, формально как бы возглавлял «революционную демократию».

Скобелев Матвей Иванович (1885—1938, расстрелян) — один из главных организаторов и товарищ председателя Петроградского совета, в описываемое время также зам. председателя ВЦИК.

[26] Во Временное правительство первого состава (2 марта—5 мая) входили главным образом члены различных партий, но оно и не называлось коалиционным. «Коалиционным» в политической риторике лета 1917 г. обычно именовалось правительство, составленное из делегированных в него представителей как несоциалистических, так и социалистических партий. Керенский не был формально уполномочен войти в правительство ни Трудовой фракцией Государственной думы, ни ПСР. Как выяснилось незадолго до его смерти, его роль во Временном правительстве в значительной степени объяснялась тем, что он был одним из руководителей тайной масонской политической организации (см. примеч. 76), в которую вступил в 1912 г.

[27] *«Демократия»* или *«революционная демократия»* — в политической риторике 1917 г. самоназвание общественно-политических элементов, составлявших и поддерживавших социалистические партии и группировки (включая большевиков и анархистов) и руководимые ими организации (советы, профсоюзы, фабзавкомы, армейские, земельные и продовольственные комитеты, Красную гвардию и т. п.).

[28] Идейным обоснованием «пораженчества» был выдвинутый Лениным во время мировой войны тезис, что задача революционных социалистов обеих сторон — добиваться поражения своих правительств (и превращения войны в «мировую гражданскую»). С точки зрения Ленина, свержение монархии не меняло положения, так как власть оказалась в руках «буржуазного» правительства. До Февральской революции пораженцами были только часть большевиков и несколько других небольших групп левых социалистов (главным образом в Петрограде и в Балтийском флоте).

[29] *«Германия превыше всего»* — слова из немецкой патриотической песни.

[30] 5 июля в печати появились сведения о связях Ленина с германскими властями и о получении его сообщниками денег от германского правительства. Сведения эти исходили из официальных источников (политический сыск, прекращенный после Февральской революции, был позднее в минимальном размере восстановлен как часть военной контрразведки). 22 июля было официально оглашено обвинение Ленина и др. в измене (Ленин и Зиновьев скрылись; Троцкий и др. арестованные большевики были выпущены под залог или на поруки). Документы, найденные в германских архивах после 2-й мировой войны (см.: *Zeman Z. A.* B. Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918 (London, 1958), подтверждают получение большевиками немецких денег. Важнейшие исследования по этому вопросу: *Мельгунов С. П.* Золотой немецкий ключ к большевистской

революции. Париж, 1940; *Futtrell Michael.* Northern Underground: Episodes of Russian Revolutionary Transport and Communications Through Scandinavia and Finland (London, 1963); Катков (см. примеч. 9); *Lyandres Semion.* The Bolshevik's «German Gold» Revisited: An Inquiry into the 1917 Accusations (Pittsburgh, 1995) (Carl Beck Papers Number 1106). В публикации Земана есть также документы о финансовой поддержке германскими властями украинских сепаратистов.

[31] *Грушевский — Грушевський Михайло Сергійович* (1866—1934), крупнейший украинский историк и видный политический деятель. За австро-германскую ориентацию в 1914 г. сослан в Симбирск. После Февральской революции сторонник автономной Украины в составе Российской федерации; глава Центральной рады и Украинской народной республики. В 1930 г., в разгар репрессий украинской интеллигенции, обвинявшейся в «буржуазном национализме», переселен в Москву, что для него было формой ссылки.

[32] *Конституционно-демократическая партия* (разг. «кадеты») — главная партия интеллигенции, в основном леволиберального направления. Кроме интеллигенции, пользовалась поддержкой среди левых кругов дворянства и буржуазии, а также части состоятельных крестьян и квалифицированных рабочих. К середине 1917 г., в результате распада более правых партий, оказалась единственной крупной несоциалистической партией. См.: *Emmons Terence.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia (Cambridge, MA, 1983), *Rosenberg William G.* Liberals in the Russian Revolution: The Constitutional-Democratic Party, 1917—1921 (Princeton, 1974).

[33] *Милюков Павел Николаевич* (1859—1943) — крупный историк и видный политический деятель; сторонник конституционной монархии английского образца, с середины 1917 — парламентской республики. В конституционно-демократической партии возглавлял центр. В его «Истории второй русской революции» (вып. 1—3, София, 1921—1923; основной текст написан в ноябре 1917 — августе 1918) развиваются мысли, во многом сходные с мыслями Готье. См. еще его: «Воспоминания». В 2 т. Нью-Йорк, 1955 (дважды переизданы в Москве — в 1990 и 1991 гг.), а также *Riha Thomas.* A Russian European: Paul Miliukov in Russian Politics (Notre Dame, 1969); *Вандалковская М. Г.* П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992; *Думова Н. Г.* Либерал в России: Трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. Ч. 1. М., 1993.

В 1893—1894 гг. Милюков был учителем Готье в Московском университете; см. воспоминания Готье (по-видимому, написанные в середине 20-х гг.): Университет (Из записок академика Ю. В. Готье) // Вестник МГУ. Серия 8, История, 1982, № 4 (перепеч. в кн.: Московский университет в воспоминаниях современников [1755—1917]. М., 1989).

[34] К началу русско-японской войны Готье было 30 лет, но он в свое время по окончании университета поступил в армию вольноопределяющимся, учился в военном училище и, вероятно, был произведен в прапорщики запаса.

[35] *Кизеветтер Александр Александрович* (1866—1933) — видный историк, ученик Ключевского. В 1911 г. ушел из Московского университета (см. примеч. 261), преподавал на Московских высших женских курсах и в Народном университете им. А. Л. Шанявского; после Февральской революции вернулся в Московский университет. С декабря 1917 г. член-корр. Академии наук (интересно, что Готье не упоминает о его избрании); вероятно, исключен в 1928, наряду с другими эмигрантами. См. его: «На рубеже двух столетий: воспоминания 1881—1914 гг.». Прага, 1929.

[36] «Выборгское воззвание» было революционным шагом, так как роспуск Государственной думы, согласно Основным законам 1906 г., был конституционной прерогативой монарха. Многие члены партии, в том числе, как видно, Готье, были недовольны радикальным тоном и содержанием воззвания и вскоре вышли из партии.

[37] *Иловайский Дмитрий Иванович* (1832—1920) — известный историк и публицист. В 1897—1913 гг.был издателем и редактором консервативно-монархической газеты «Кремль» в Москве.

[38] Автор берет слово «лозунг» в кавычки, вероятно, потому, что оно стало широко употребляться в современном смысле (в пропаганде и агитации леворадикальных партий) в описываемое время.

[39] *Готье* (урожд. Дольник) *Нина Николаевна* (ум. 1919) — первая жена Ю. В. Готье. «Л. Ег.», несколько раз упоминаемая в дневнике, по-видимому, жила вместе с семьей Г. (может быть, только в Загранье), но не была членом семьи.

[40] Идея земледельческих колоний интеллигенции имела распространение в народнических кругах в 1870-х и 80-х гг.

[41] Временное правительство первого состава пыталось отчасти опереться на земских деятелей: 5 марта все губернаторы и исправники были заменены председателями губернских и уездных земских управ (по совместительству) в качестве комиссаров Временного правительства.

[42] *Трубецкой Сергей Николаевич*, князь (1862—1905) — в 1905 г. первый выборный ректор Московского университета. В сентябре, когда, пользуясь автономией университета, революционные агитаторы превратили аудитории в арену митингов для уличных толп, Трубецкой, чтобы отвлечь внимание революционеров от университета и получить возможность возобновить занятия, пытался убедить правительство ввести свободу слова; умер 29 сентября от разрыва сердца.

[43] Готье, вероятно, имеет в виду азербайджанцев, которых было принято называть закавказскими татарами.

[44] 1 октября 1915 г. Болгария вступила в войну на стороне центральных держав. В некоторых националистических кругах союз с Турцией против Сербии и России идейно подкреплялся упором на тюркский, а не на славянский элемент в этногенезе болгар.

[45] 18 июля в газете «Русские ведомости» (см. примеч. 87) была опубликована телеграмма Совета Московского университета Керенскому, в которой Совет, ссылаясь на исторический опыт, выражал «уверенность, что спасение страны... возможно лишь при образовании единой твердой власти, преследующей общенациональные

цели» и что «только правительство, составленное из представителей различных политических партий и общественных течений... может спасти основы культуры и успехи науки, без которых немыслимо самое существование государства». Телеграмма заканчивалась словами: «Россия гибнет. Памятуя, что всякое промедление приближает нас к крушению свободы, не дайте истории сказать, что Россию погубила революция».

[46] 15—19 июля в газетах появились заявления Петроградского, Московского и Всероссийского торгово-промышленных союзов по вопросу о реорганизации Временного правительства, в которых высказывались мнения о политическом положении в стране, сходные с мнением Готье.

[47] Последняя сессия 4-й Государственной думы была официально прервана 27 февраля, но депутаты продолжали собираться на частные совещания. На первом совещании, 27 февраля, был образован Временный комитет Государственно думы, который, по соглашению с Петроградским советом рабочих депутатов, создал Временное правительство. Временный комитет тоже продолжал иногда собираться. Формально 4-я Государственная дума была распущена Временным правительством 6 октября, перед открытием Совета республики.

[48] *Готье Эдуард Владимирович* (ум. 1921) — родной дядя автора, врач-терапевт, профессор.

[49] Готье, вероятно, имеет в виду одно из двух: что Дума подчинилась указу о перерыве ее сессии или что Временный комитет Думы признал полноту власти за Временным правительством, а не сделал его ответственным перед собой. На втором решении, наряду с Керенским, действительно, особенно настаивал Милюков, главным образом чтобы облегчить отношения с Советом рабочих депутатов.

[50] Перефразировка латинского изречения: Fiat justitia, pereat mundus (Да свершится правосудие, пусть гибнет мир, т. е., хотя бы ценой гибели мира).

[51] *Бонар Лоу* (A. Bonar Law, 1858—1923) — британский политический деятель, лидер консервативной партии. В 1916—1918 гг. канцлер казначейства (министр финансов) в коалиционном правительстве Ллойд Джорджа.

[52] *Любавский Матвей Кузьмич* (1860—1936) — крупный историк, преемник Ключевского (1901 г.) на кафедре русской истории Московского университета; преподавал также на Московских высших женских курсах. После ухода Мануйлова (1911 г., см. примеч. 261) Любавский, придерживавшийся умеренно-консервативных (правооктябристских) взглядов, был избран ректором университета; в апреле 1917 г., после возвращения в университет либеральных профессоров, его сменил Мензбир (см. примеч. 193). С 1917 г. член-корр. Академии наук, с 1929 г. — действительный член. В июле (или августе) 1930 г. арестован по так называемому «делу Платонова», 2 февраля 1931 г. исключен из Академии, в августе приговорен к ссылке на три года; ссылку отбывал в Уфе, где и умер.

Существует мнение (Советское славяноведение. Материалы I конференции историков-славистов. Минск, 1969, с. 538), что упоми-

наемая книга Любавского (История западных славян... М., 1917) вышла после Октябрьского переворота. Но если бы Готье читал ее до выхода в свет, он, вероятно, отметил бы это. В 1918 г. книга вышла вторым изданием.

[53] То есть не только надельными общинными, но и приобретенными в частную собственность, скорее всего (хотя тверское земство выдавало ссуды крестьянам на покупку земли еще в 70-е годы), при содействии государственного Крестьянского поземельного банка, учрежденного в 1882 г..

[54] *Мокей-Гора* или просто Гора — село по соседству с Заграньем.

[55] Обе партии в описываемое время распадались на несколько более или менее организационно оформленных течений, различавшихся главным образом: 1) по отношению к войне (оборонцы, «революционные оборонцы», интернационалисты, пораженцы), 2) по отношению к Временному правительству (входившие в него; поддерживавшие; считавшие, что нужно не поддерживать, а оказывать на него «революционное давление»; считавшие, что его нужно свергнуть). Среди с.-р., кроме того, различались: а) сторонники разрешения земельного вопроса Учредительным собранием, б) формально державшиеся того же мнения, но поощрявшие радикальные действия земельных комитетов, в) агитировавшие за немедленный захват крестьянами помещичьих, государственных и других не принадлежавших им земель. Большевики летом 1917 г. действовали, по большей части, как самостоятельная партия, но во многих местах (даже в Москве) существовали объединенные организации РСДРП, в которые входили и большевики.

[56] Помещики, имение которых (Запрудье?) находилось по соседству с Заграньем.

[57] Вероятно, речь идет о Второй сельскохозяйственной переписи, которая проводилась летом и осенью 1917 г..

[58] Волостные комитеты были учреждены циркуляром земского отдела Министерства внутренних дел губернским комиссарам Временного правительства от 20 марта в качестве временных органов местного самоуправления впредь до создания волостного земства. Циркуляр предписывал привлекать к участию в волостных комитетах местных землевладельцев и интеллигенцию. Большинство в волостных комитетах обычно состояло из крестьян, их состав часто менялся в сторону все большей радикализации, и к описываемому времени они мало отличались в этом отношении от волостных земельных комитетов.

[59] *Куторга Мариетта* — родственница Готье, постоянно жившая в Загранье.

[60] *Сушигорицы* — волостной центр, большое торговое село с земской больницей; теперь центр сельсовета в Сандовском районе.

[61] Продовольственные комитеты (Общегосударственный, губернские, городские, уездные и волостные) были созданы Временным правительством (в связи с введением 25 марта государственной хлебной монополии) «для заведования продовольственным делом». По составу и образу действий были сходны с земельными комитетами.

[62] Чернов подал в отставку 20 июля, мотивируя это необходимостью иметь свободу действий для защиты себя от клеветы. Керенский 21-го заявил об уходе со всех постов, ссылаясь на свою неспособность создать правительство с достаточно широкой политической базой. Говорили об отставке и некоторые другие министры. Но едва ли можно сказать, что 22-го Временного правительства не было. Оставался на посту товарищ председателя Совета министров Н. В. Некрасов. Оставалось и большинство других министров и товарищей министров.

[63] *Скворцов-Степанов* (псевд.) — *Скворцов Иван Иванович* (1870—1928), в описываемое время председатель большевистской фракции Московской городской думы, которая отказалась войти в городскую управу и старалась дезорганизовать работу Думы. В речи на похоронах Скворцова-Степанова Бухарин вспоминал об этом его выступлении в думе с восхищением.

Национальный конвент (Convention Nationale) — революционный орган власти во Франции в 1792—1795 гг. В 1792—1793 гг., когда преобладающим влиянием в конвенте пользовались жирондисты, их радикальные противники, якобинцы, нередко использовали возбужденные ими уличные толпы для давления на конвент и таким образом добились изгнания из него жирондистов и законодательного оформления якобинского террора 1793 г. Ленин очень положительно оценивал эти действия якобинцев, и большевики прибегли к тому же методу, пытаясь устрашить Учредительное собрание.

[64] Готье, вероятно, имеет в виду большое число генералов, уволенных Временным правительством (еще в начале революции, в бытность военным министром А. И. Гучкова, было уволено больше 100 генералов).

[65] *«Утро России»* — ежедневная газета, выходившая в Москве в 1907—1918 гг. Издавалась П. П. Рябушинским, играла роль органа прогрессивной партии.

[66] *Брусилов Алексей Алексеевич* (1853—1926) — генерал от кавалерии, генерал-адъютант (почетное звание лиц, приближенных к императору). 22 мая—19 июля 1917 г. Верховный главнокомандующий; предпринятое им по настоянию правительства июньское наступление успеха не имело, так как армия была уже в значительной степени развалена; затем не у дел.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии. В момент Февральской революции по инициативе Временного комитета Государственной думы назначен командующим войсками Петроградского военного округа и в этом качестве лично арестовал царскую семью (мнение, что он был «ярый монархист», ошибочно). В описываемое время главнокомандующий Юго-Западного фронта; 19 июля назначен Верховным главнокомандующим.

[67] Из поэмы «Последнее новоселье» (1841 г.); у Лермонтова речь идет о французах.

[68] Называя династию Голштинской, а не Романовыми, Готье подчеркивает, с уничижительным оттенком, ее немецкое происхождение. Петр III, по матери внук Петра I, по отцу был из северногер-

манской династии герцогов Голштинских немецко-скандинавского происхождения. У всех последующих императоров матери были немецкие принцессы, за исключением Николая II, мать которого была датской принцессой, но того же Голштинского дома.

69 Права крестьян после реформ 1860-х гг. были ограничены главным образом: 1) в отношении подсудности и распространявшегося на них процессуального и материального права, 2) в волостном и земском самоуправлении (до апреля—мая 1917), 3) круговой порукой сельских обществ за несение денежных и других повинностей (до 1904 г.), 4) общинной собственностью на землю (у большинства) и практической невозможностью (до столыпинской реформы 1906 г.) выхода из общины.

70 Неясно, что автор имеет в виду. Казнокрадство в крупных размерах не было частым явлением в России в пореформенный период и едва ли серьезно повлияло на обороноспособность страны.

71 Измена в юридическом смысле (по закону 1912 г.: способствование или благоприятствование неприятелю в его военных или иных враждебных действиях) как будто не была особенно распространенной. Пораженчество, дезертирство, отказ от повиновения офицерам приняли массовый характер только после Февральской революции, а сепаратизм в окраинных частях империи (кроме Польши и Финляндии) после прихода к власти большевиков. Возможно, тут Готье, во-первых, обобщает свое впечатление от дел Мясоедова и Сухомлинова, а во-вторых, воспринимает как измену интернационализм циммервальдского толка.

72 *Александра Павловна* — соседка Готье в Весьегонском уезде. *Николай Павлович* — ее сын.

Высшее начальное училище — начальная школа повышенного типа (1912—1918) для детей 10—13 лет, примерно соответствовавшая неполной средней.

Луганск — уездный город Славяносербского уезда Екатеринославской губ. (теперь центр Луганской обл. Украины). Завод Гартмана — паровозостроительный (теперь тепловозостроительный).

73 В результате сложных маневров, направлявшихся (по крайней мере, публично) Некрасовым, 22 июля Керенскому было предложено составить новое правительство по своему усмотрению.

74 Речь идет о совместном заседании в ночь с 21 на 22 июля Временного правительства с представителями ЦК входивших в него партий (КДП, Российской радикально-демократической, Трудовой народно-социалистической, ПСР, РСДРП) и председателями Временного комитета Государственной думы, ВЦИК и ИК Советов крестьянских депутатов.

На этом заседании было принято решение, упомянутое в примеч. 73.

75 Не исключена возможность, что это игра слов. Schweineschlacht (*нем.*) — убой свиней; но это выражение можно понимать и как «битва свиней» или «битва из-за свиней». Так юмористически называли тарифный конфликт между Австрией и Сербией в 1905—1907 (свинина была важным предметом сербского экспорта в Австрию). С другой стороны, Готье, наверное, имеет в виду (как и в других местах

дневника) выражение «русские свиньи», употребительное среди антирусски настроенных немцев.

[76] Кроме партий и руководимых ими революционных и общественных организаций продолжали, в основном, функционировать аппараты министерств и ведомств, земских и городских учреждений.

До некоторой степени объединяющую роль играла масонская политическая организация (о существовании которой Готье, очевидно, не знал). В ней группировались (обычно без ведома официальных партийных инстанций) члены (нередко руководящие) различных партий, от октябристов до большевиков, объединяемые стремлением к установлению в России демократического строя (большевиков, как и октябристов, было очень мало, всего 1-2 человека); были и видные общественно-политические деятели, не состоявшие в партиях. Члены организации входили во Временное правительство всех составов. Новейший и наиболее авторитетный разбор литературы об этой организации см. в статье: *Хасс Л.* Еще раз о масонстве в России начала XX века. // Вопросы истории, 1990, № 1 (автор не имел возможности учесть книгу А. Я. Авреха «Масоны и революция». М., 1990). Из упоминаемых в дневнике Готье лиц в эту организацию входили, насколько можно судить, Авксентьев, Гиппиус, Головин, Грушевский, Гучков, Керенский, Кокошкин, Котляревский, Кускова, Мережковский, Мстиславский, Некрасов, Переверзев, Прокопович, Савинков, Скобелев, Скворцов-Степанов, Суханов, Терещенко, Чхеидзе, Шингарев; вероятно, и некоторые другие.

[77] *Ляпунов Прокопий Петрович* (ум. 1611) — политический деятель Смутного времени. Колебался, менял ориентацию. Весной и летом 1611 г., пытаясь вывести страну из кризиса, возглавил первое земское ополчение и временное земское правительство; возбудил недовольство казаков, которые до этого были его союзниками, и был ими убит.

[78] Готье как бы переворачивает латинскую пословицу: «Qualis rex, talis grex» — «Каков царь, таково и общество» (*букв.* стадо).

[79] Новое правительство, образованное 24 июля, состояло из членов пяти партий: КДП, радикально-демократической, Трудовой народно-социалистической, РСДРП и ПСР. Чернов вернулся на свой пост. КДП «разрешила» своим членам войти в правительство, не делегируя их; в числе вошедших были секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург и академик В. И. Вернадский, в качестве министра просвещения и товарищ министра (по делам высшей школы и организации научных исследований). Другие партии заняли сходные позиции. В ходе переговоров Керенский старался по возможности расширить состав правительства, пытаясь, в частности, привлечь Плеханова и Кропоткина (упустив из виду, по его словам, что Кропоткин анархист!).

[80] То есть с генералом Корниловым. Эта запись Готье 29 июля представляет значительный интерес ввиду событий, разыгравшихся через месяц.

[81] Первый муж М. А. Куторги, артиллерийский офицер.

[82] *Броды* — город в Восточной Галиции, к северо-востоку от Льво-

ва, у самой российской границы (теперь во Львовской обл. Украины).

83 То есть России; аллегория взята из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина.

84 *Антипьев Николай* — крестьянин из Мокей-Горы, знакомый Готье; сам писал свою фамилию «Антипов».

АВГУСТ

85 *Щербово* — волостное село в Весьегонском уезде; теперь входит в Сандовский район. Сандово — торговое село в Щербовской волости; теперь (под названием Старое Сандово) центр сельсовета в Сандовском районе.

86 28 июля Временное правительство приняло закон, дававший на время войны министрам внутренних дел и военному право запрещать и закрывать собрания и съезды, могущие представить угрозу для успешного ведения войны или для безопасности государства.

87 *«Русские ведомости»* (1863—1918) — ежедневная газета либерально-демократ. направления «с народническим налетом» (по выражению Ленина); издавалась в Москве группой профессоров университета, пользовалась большим влиянием в стране, особенно среди интеллигенции.

Б. Воронов (псевд.) — *Лебедев Борис Николаевич* (1883—1919), экономист и публицист, до войны член ЦК ПСР; в описываемое время член редакции правоэсер. газеты «Воля народа».

Руднев Вадим Васильевич (1879—1940) — правый с.-р., с конца июня 1917 московский городской голова.

88 *Андреев Леонид Николаевич* (1871—1919) — один из наиболее популярных русских писателей начала века; накануне и во время революции 1905 г. помогал большевикам. С начала мировой войны сторонник войны до победы; декабрь 1916 г. — октябрь 1917 г. — член редакции и активный публицист новой провоенной ежедневной газеты «Русская воля». Революцию приветствовал, но скоро разочаровался во Временном правительстве; указывал на угрозу со стороны большевиков, «агентов Германии, провокаторов и честолюбивых безумцев, корыстно жаждущих власти». См.: *Андреев Л.* Перед задачами времени: Политические статьи 1917—1919 гг. Бенсон, Вт., 1985.

Брошюра «Гибель» — очевидно, перепечатка одноименной статьи в «Русской воле» за 30 апреля 1917 г.

89 *Загранье* — вероятно, имеется в виду имение Старое Загранье поблизости от усадьбы Готье, в котором жили его кузины М. А. Куторга и Е. Репман.

Шварц Григорий — богатый помещик, хозяин имения Покров (?) (в Запрудье?), бывший гвардейский офицер.

Неясно, Юрьева, Капустина или Юрьево, Капустино.

90 *«Средняя* (иногда переводится как «Срединная») *Европа»* (*нем.*) — политико-географическое понятие, пропагандировавшееся в Германии некоторыми близкими к промышленным и правительственным

кругам публицистами как цель Германской империи — экономическое, политическое и военное сплочение среднеевропейских территорий (включая Австро-Венгрию, отчасти Балканы, Прибалтику, Польшу) под верховенством Германии.

[91] Николай II и его семья были арестованы 8 марта и содержались под стражей в Александровском дворце в Царском Селе. Временное правительство намеревалось отправить их через Мурманск в Англию (Николай II был двоюродным братом короля Георга V, а Александра Федоровна его двоюродной сестрой), но отправка затянулась из-за противодействия Петроградского совета, а позднее брит. правительство (из внутриполитических соображений) фактически отказалось их принять. (*Мельгунов* [Судьба императора Николая II после отречения. Париж, 1951] приходит к выводу, что задержка объяснялась также собственными соображениями Временного правительства). 31 июля вся семья была отправлена в Тобольск.

[92] *Котляревский Сергей Андреевич* (1873—1940 или 1941 [умер в заключении]) — историк и юрист, профессор государственного права Московского университета. В КДП примыкал к правому крылу; во Временном правительстве ведал «иностранными исповеданиями». Инославные христианские исповедания (т. е. все, кроме православного) и все нехристианские религии находились (с 1832 г.) в ведении Департамента иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. В ходе реорганизации 25 июля—5 августа этот департамент вошел в новое Министерство исповеданий, в которое вошла также, в качестве Департамента православной церкви, канцелярия Святейшего синода, ведавшая (с 1721 г., после отмены патриаршества) православной церковью. По-видимому, в дни реорганизации Котляревский числился товарищем обер-прокурора (светского главы) Святейшего синода.

Львов Георгий Евгеньевич, князь (1861—1925) — до 7 июля, возглавляя Временное правительство, был также министром внутренних дел.

[93] *Пасторат* — приходские церковнослужители (от лат. pastor — пастырь). Автор пользуется термином, который обычно употребляется по отношению к протестантскому духовенству.

Александра Павловна — дьяконица (см. примеч. 72).

Терентьев Иван — состоятельный крестьянин, житель села Мокей-Гора.

[94] *Залужье* — волостное село в Весьегонском уезде; теперь центр сельсовета в Сандовском районе. Расторопово, вероятно, в том же районе.

Шура В. — Веселаго Александр Михайлович, помещик, живший в Залужье.

[95] До мая 1917 г. земские учреждения существовали только на губернском и уездном уровнях. Волостное самоуправление было чисто крестьянским; лица других сословий, проживавшие в сельской местности, в нем не участвовали и его власть на них не распространялась. В мае Временное правительство учредило бессословное волостное земство с широкими полномочиями. Выборы в волостные земские собрания проходили в течение лета и осени.

[96] *Лялька* — Готье Владимир Владимирович, младший брат автора, юрист, товарищ прокурора Новгородского окружного суда (судебный округ обнимал несколько уездов, часто — целую губернию).

[97] Съезды деятелей важнейших отраслей промышленности, торговли, банков проводились с 1870-х гг.; особенно расширилась практика их созыва после 1905 г. В мае 1917 г. в Москве был создан Всероссийский торгово-промышленный союз, о съезде которого в начале августа идет речь.

[98] *Лерик — Веселаго Валерий* (Валериан?).

[99] Обращение «товарищи» было принято почти во всех социалистических группировках. Керенский этим обращением начал свое выступление 4 августа на заседании ВЦИК. Говорил он об угрозе «контрреволюции» и обещал не допустить ее. В тот же день на съезде губернских комиссаров Временного правительства он говорил о необходимости твердой власти. Готье воспринимал эти две цели как противоположные.

[100] *«Русский архив»* — ежемесячный исторический журнал, выходивший в Москве в 1863—1917 гг. (издатель и редактор П. И. Бартенев); публиковал, главным образом, источники по истории России XVIII—XIX вв.

Лебедев Кастор Никифорович (1812—1876) — юрист, служил в Министерстве юстиции, в Сенате, затем был сенатором; его «Записки» печатались в «Русском архиве» частями в течение продолжительного времени (1888—1911).

Граббе Павел Христофорович (1789—1875) — граф (1866), генерал от кавалерии, генерал-адъютант; 1862 г. — наказный атаман Донского казачьего войска, 1866 г. — член Государственного совета. «Записная книжка» Граббе печаталась в «Русском архиве» в 1888—1889 гг.

[101] Автор имеет в виду так называемое «малое» Московское совещание (в отличие от «большого», т. е. Государственного совещания) — неофициальное (подготовительное к «большому») совещание общественных деятелей 8—10 августа, в котором участвовало более 300 представителей торгово-промышленных и землевладельческих кругов, интеллигенции и военных. Подавляющее большинство участников было правее социалистов. Во многих выступлениях и в резолюции совещания высказывались мысли о положении в стране, сходные с мыслями Готье.

[102] *Веселаго Юлия* — вероятно, жена А. М. Веселаго.

Шура — А. М. Веселаго.

Колюбакин М[ихаил?] *Александрович* — помещик, живший в Залужской волости.

[103] *Раменье, Крутецкое* (?) — села в Залужской волости.

Общество — распространенный термин (наряду с термином «мир») для обозначения крестьянской поземельной общины (термин «община» употреблялся почти исключительно в научной и публицистической литературе).

[104] По-видимому, продовольственный комитет.

[105] *Прасковья* — прислуга и кухарка в доме Готье.

[106] Решающие бои в районе Риги начались 19 августа.

[107] 6 августа два военных атташе при румынской миссии в Петрограде подверглись «оскорблению действием» и были задержаны пьяным прапорщиком, членом ИК Петроградского совета, «за то, что разговаривали по-французски в трамвае». Этот инцидент обычно считается показателем растущей враждебности к союзникам, которые, со своей стороны, разными способами выражали недовольство неспособностью России продолжать войну. См.: *Rex A. Wade.* The Russian Search for Peace. February-October, 1917. Stanford, 1969.

[108] *Государственное* (часто называемое Московским) *совещание* (12—15 августа) было созвано Временным правительством для ознакомления общественности со взглядами и намерениями правительства (главным образом по военным и экономическим вопросам), выявления общественного мнения и демонстрации общественной поддержки правительства. Состояло из депутатов всех четырех Государственных дум и представителей различных общественно-политических организаций (кооперативов, городских дум и земских собраний, советов, профсоюзов, торгово-промышленных кругов, армии и флота, национальных группировок, академических учреждений, духовенства и т. д.); всего в совещании участвовало около 2500 человек.

[109] *«Революционная дума»* — 15 апреля Временное правительство установило новые правила выборов в городские думы, по которым избирательные округа были многомандатными, избиратели голосовали не за отдельных кандидатов, а за списки, и мандаты распределялись пропорционально числу голосов, поданных за каждый список. На выборах в Московскую городскую думу 25 июня абсолютное большинство мест получила ПСР.

В Москве, в отличие от Петрограда, Советы рабочих и солдатских депутатов существовали раздельно (слились после Октябрьского переворота). В Совете рабочих депутатов в описываемое время преобладали меньшевики, эсеры и несколько мелких партий (главным образом умеренно-социалистических); большевиков было около 30%.

«Контрреволюционным» Государственное совещание могло казаться только сторонникам «углубления революции».

[110] *Ильин Иван Александрович* (1882 или 1883—1954) — философ, государствовед и публицист; ученик П. И. Новгородцева. Разрабатывал учение о монархической государственности (О монархии и республике. Нью-Йорк, 1979). Теоретик активной борьбы с большевистской диктатурой (О сопротивлении злу силою. Берлин, 1925; 2-е изд. Лондон [Канада], 1975).

[111] *Статкевич Павел Григорьевич* — врач, профессор физиологии, один из руководителей Московского женского медицинского института П. Г. Статкевича и А. Б. Изачика (основан в 1909 г.).

Веселовский — вероятно, *Алексей Николаевич* (1843—1918), историк литературы, профессор университета и Лазаревского института восточных языков; 1901—1906 — председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете; с 1906 г. почетный академик.

[112] Речь идет о выборах в городские думы в крупных городах Ук-

раины, где украинские партии и группировки (автономистские, федералистские и сепаратистские) нередко получали меньшинство голосов (например, в Киеве 20%).

Центральная рада была образована 4 марта в Киеве как координационный и представительный орган украинского национального движения с участием главным образом социалистических и леводемократических партий и течений; постепенно стала носительницей украинской государственности. В июле Временное правительство утвердило созданный Радой исполнительный орган, Генеральный комиссариат, в качестве временного высшего органа по делам местного управления для пяти губерний (Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и большей части Черниговской), признав, таким образом, принцип автономии Украины.

113 *Топорово* — станция на строившемся тогда участке Кабожа—Овинище частной Московско-Виндаво-Рыбинской ж. д. (теперь часть Октябрьской ж. д.).

114 В марте—апреле Временное правительство уничтожило полицию (включая Департамент полиции Министерства внутренних дел) и учредило «милицию», подчиненную (официально) земским и городским управам. Однако в большинстве местностей милиция не была создана, а где была — обычно не выполняла полицейских функций из-за некомпетентности, а то и принадлежности милиционеров к «революционной демократии» с ее стремлением «углублять революцию».

115 *Пестово* — дачное место в Московском уезде (теперь в Мытищинском районе) на реке Вязь (теперь на берегу Пестовского водохранилища), в 18 км к западу от ж.-д. станции Пушкино Ярославского направления. Теперь летом связь с Пестовом осуществляется по каналу Москва—Волга.

116 Свидетельство Готье подтверждает широкое распространение в обществе ожидания в скором времени военного переворота. В «революционно-демократической» риторике угроза контрреволюции фигурировала с первых дней революции. Мнение о вероятности контрреволюции отчасти объяснялось склонностью судить о событиях по аналогии со школьным представлением о ходе французской революции конца XVIII века.

117 Готье как библиотекарю (т. е. зав. библиотекой) Румянцевского музея полагалось по штату три помощника; в описываемое время ими были, по-видимому, А. И. Яковлев, А. А. Борзов (зав. справочным бюро) и, возможно, Я. Г. Квасков, ведавший читальным залом. Сам Готье, кроме общего руководства библиотекой, ведал комплектованием.

118 *«Русское слово»* — большая ежедневная газета (1895—1917) демократического направления с огромным по тем временам тиражом (1916 — больше 700 тысяч). Издавалась в Москве товариществом И. Д. Сытина, пользовалась популярностью среди левой интеллигенции по всей стране. Закрыта Московским советом 27 ноября 1917 г. «за клевету на советскую власть».

119 *Пичета Владимир Иванович* (1878—1947) — историк, ученик

Ключевского и Любавского. 1910—1911 — приват-доцент Московского университета, 1911—1917 — преподавал на Высших женских курсах, с 1918 г. профессор МГУ и «университетского отделения» Пречистенских рабочих курсов; 1921—1930 — профессор Белорусского университета (1921—1929 — ректор; проводил официальную политику «белоруссизации» университета); действительный член Института белорусской культуры (1922—1928) и Белорусской Академии наук (1928—1930). В 1929 г. обвинен в белорусском национализме; в августе или сентябре 1930 г. арестован, 6 декабря постановлением СНК БССР вместе с рядом видных белорусских ученых исключен из академии за «контрреволюционную деятельность» и лишен звания академика; присоединен к так называемому «делу Платонова», в августе 1931 г. приговорен к 3 (?) годам ссылки, которую отбывал в Вятке (в 1934 г. переведен в Воронеж).

120 См.: *Guy de Maupassant.* Contes et nouvelles, t. 1 (Paris, 1974). Русский перевод Е. В. Александровой.

«...У вас, вероятно, имеются часы? Да? Ну так сломайте пружину, отнесите часы к господину Корню и попросите починить. Он вам с бранью ответит, что он не часовщик. Между тем, когда что-нибудь испорчено в бесконечно более сложном механизме, именуемом «Франция», он считает, что он лучше, чем кто-либо другой, способен тут же, на месте, произвести починку. И сорок тысяч горлопанов того же сорта, что и он, думают то же самое и беспрестанно заявляют об этом». (*Ги де Мопассан.* Воскресные прогулки парижского буржуа // Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. 1. М., 1958).

121 Рига была взята германскими войсками 21 августа.

122 *Михаил Александрович* (1878—1918) — великий князь. После отречения Николая II в его пользу отказался вступить на престол без решения Учредительного собрания и призвал население подчиниться Временному правительству. В описываемое время был подвергнут домашнему аресту в Гатчине.

2 августа Временное правительство приняло закон, дававший право военному министру и министру внутренних дел, «по взаимному их соглашению», подвергать административному аресту или высылке за границу «лиц, деятельность которых представляется особо угрожающей обороне государства, внутренней его безопасности и завоеванной революцией свободе».

Арест великого князя Михаила Александровича и ряда других лиц, а также высылка за границу нескольких человек, в прошлом близких к царской семье или известных своими монархическими взглядами, были связаны со слухами о монархическом заговоре. В действительности такого заговора, по-видимому, не было.

123 Автор имеет в виду волну беженцев в связи с наступлением германских войск в районе Риги; была ли такая волна, трудно сказать.

124 *Егоров Дмитрий Николаевич* (1878—1931) — историк-медиевист. Преподавал на Московских высших женских курсах, в Коммерческом институте и университете Шанявского; 1904—1911 гг. — приват-доцент Московского университета, с 1917 г. (или 1918?) профессор там же, с 1918 г. также на «университеском отделении» Пречистен-

ских рабочих курсов; 1919 г. — зав. отделом всеобщей истории в библиотеке Румянцевского музея; 1928 г. — член-корр. Академии наук. В августе или сентябре 1930 г. арестован по «делу Платонова», по-видимому, выведен из Академии, сослан в Ташкент, где и умер.

Савин Александр Николаевич (1873—1923) — в 1891—1895 однокурсник Готье (см.: *Ю. В. Готье*. А. Н. Савин [Студенческие воспоминания] // Голос минувшего, 1923, № 2, с. 183—187), позднее сослуживец по Московскому университету. С 1921 г. (?) преподавал также в Институте красной профессуры; в связи с этим М. Н. Покровский позднее упомянул его в числе «близко к нам стоявших».

125 *Володя* — шестилетний сын автора (род. 14 августа 1911 г.).

Очевидно, Готье думал, что его жена и сын поедут (сев на поезд в Сонкове?) через Бологое, где им придется делать пересадку. В Бологом могли скопиться беженцы из района Риги.

126 *Подолинский Сергей Сергеевич* (1879—?) — земский деятель (председатель Тульской губернской земской управы), затем саратовский и лифляндский вице-губернатор.

127 В словах Готье о Столыпине отражается отрицательное отношение к нему в либеральных кругах (не столько к содержанию его реформ, сколько к методам их достижения). Крайне правые были против реформ Столыпина и его влияния на Николая II, но подозрение, о котором говорит Готье, не находит убедительного подтверждения. См.: Убийство Столыпина: Свидетельства и документы. Нью-Йорк, 1986; Столыпин. Жизнь и смерть. Саратов, 1991.

128 В Мертвом переулке жили родственники автора. Мертвый переулок расположен между Пречистенкой и Б. Власьевским переулком, в нескольких кварталах от квартиры Готье в Б. Знаменском переулке.

129 То есть через Кашин, Калязин и Савелово, а не через Бологое.

130 Катков в результате тщательного анализа опубликованных и некоторых архивных данных приходит к выводу, что такого требования не было и что и Керенский, и Корнилов были введены в заблуждение. См.: *Katkov George*. The Kornilov Affair (London, 1980); русский перевод: *Катков Г. М.* Дело Корнилова. Париж, 1987.

131 *Шамби — Шамбинаго Сергей Константинович* (1871—1948) — однокурсник Готье по Московскому университету и близкий друг со студенческих лет. Филолог, специалист по истории средневековой русской литературы; преподавал в различных московских вузах; 1919 г. — зав. отделом русской литературы в библиотеке Румянцевского музея.

Гартунг А. Л. — старый знакомый Готье.

132 *Южин* (псевд.) — *Сумбатов Александр Иванович*, князь (1857—1927), после Февральской революции комиссар Малого театра.

Собинов Леонид Витальевич (1872—1934) — комиссар Большого театра.

133 *«Третий Рим»* — религиозно-политическое понятие, развивавшееся церковным писателем первой половине XVI в., иноком псковского Елеазарова монастыря Филофеем, согласно которому после падения второго Рима (Константинополя) достоинство Рима (т. е.

имперской столицы и центра православия) перешло к Москве (в то время столицы единственного оставшегося независимым православного государства). Широко распространенное мнение, что эта теория была официально принята московским правительством, ошибочно.

По мнению многих славянофилов, характер русского (теоретически — славянского) духовного склада и традиционного (допетровского, а позднее крестьянского) общественного строя качественно выше западноевропейского, и «славянской» цивилизации предстоит прийти на смену западноевропейской.

«Гром победы раздавайся» — неясно, что автор имеет в виду, ставя эту строку Державина в связь с мессианистским миросозерцанием.

134 *Потугин* — персонаж в романе Тургенева «Дым».

135 Артистка, о которой идет речь, Е. И. Тиме, после Февральской революции принимала деятельное участие в театрально-общественной жизни Петрограда.

Se non è vero... — начало итальянской поговорки: «Se non è vero, è ben trovato» («Если и не правда, то хорошо придумано»).

136 *Георгиевский Григорий Петрович* (1866—1948) — кандидат богословия, археограф, 1890—1937 — хранитель отделения рукописей Румянцевского музея.

137 *Яковлев Алексей Иванович* (1871—1951) — историк, преподавал в Московском университете, на Московских высших женских курсах и в других учебных заведениях; сотрудник Готье по Румянцевскому музею. С 31 января 1929 г. член-корр. Академии наук. В том же году снят с работы в университете, в августе или сентябре 1930 г. арестован по «делу Платонова», в 1931 г. осужден на 3 года ссылки, которую отбывал в Минусинске. Вернулся в Москву, по-видимому, в 1933 г. Как и другие члены-корреспонденты, из АН не исключался (см.: *Перченок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1, М. 1991, с. 232). В 1943 г. получил Сталинскую премию второй степени за книгу «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.». Т. 1. М.; Л., 1943.

Бахрушин Сергей Владимирович (1882—1950) — историк и общественно-политический деятель. Сотрудник «Русских ведомостей»; член Московского комитета КДП (в котором принадлежал к левому крылу), член комитета Прогрессивной группы гласных Московской городской думы; секретарь «Известий Главного комитета Всероссийского союза городов», руководитель Всероссийского бюро труда при Главном комитете; в 20-е гг. один из руководителей краеведческого движения в стране. 1919 г. — зав. отделом русской истории в библиотеке Румянцевского музея. 8 августа 1930 г. арестован по «делу Платонова», 1931 г. сослан в Семипалатинск, где был профессором в Педагогическом и Геологическом институтах; 1933 г. — вернулся в Москву. *Черепнин Л. В.* С. В. Бахрушин как учитель // Отечестевенные историки XVIII—XX вв. М., 1984; *Дубровский А. М.* С. В. Бахрушин и его время. М.. 1992.

Богословский Михаил Михайлович (1867—1929) — крупный историк, с 1898 г. приват-доцент Московского университета, с 1911 г. (после ухода Кизеветтера) профессор; был также проф. Московской

духовной академии и Московских высших женских курсов. *Vernadsky George.* M. M. Bogoslovsky (1867—1929) в его Russian Historiography: A History (Belmont, MA, 1978); *Черепнин.* Академик М. М. Богословский, в указ. соч.; М. М. Богословский // Отечественная история: Энциклопедия. Т. 1. М., 1994. (Далее: Отечественная история).

СЕНТЯБРЬ

138 «Великой провокацией» действия Керенского в отношении генерала Корнилова названы в заявлении Корнилова от 27 августа (опубликовано 28 августа). Керенский изложил свою версию событий в своей книге «Дело Корнилова». Москва, 1918 г. (перепеч.: Benson, Vt., 1987). *Савинков Борис Викторович* (1879—1925 [погиб в тюрьме при загадочных обстоятельствах]) — с 19 июля товарищ военного и морского министра (управляющий Военным министерством); с 27 августа также военный генерал-губернатор Петрограда и и. о. командующего войсками Петроградского военного округа; 30 августа подал в отставку; в начале сентября за его роль в корниловском деле исключен из ПСР. Савинков сочувствовал генералу Корнилову (который был назначен Верховным главнокомандующим отчасти по его настоянию) и в конце августа старался наладить сотрудничество между Корниловым и Керенским; разрыв между ними объяснял недоразумением (см.: К делу Корнилова. Париж, 1918). О Савинкове в августе 1917 г. см.: *Гиппиус З.* Синяя книга: петербургский дневник 1914—1918 гг. Белград, 1929 (перепеч. в кн.: *Гиппиус З.* Петербургские дневники [1914—1919]. Нью-Йорк, 1982). См. также: «Черные тетради» Зинаиды Гиппиус // Звенья... Вып. 2. М.; СПб., 1992; *Гусев К. В.* Савинков Б.В. // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М., 1993 (далее: ПД 1917).

139 Милюков, излагая этот эпизод, говорит, что сам он познакомился с Яковлевым на Московском совещании, где Яковлев «развивал такие фантастические планы об аграрной реформе, что невозможно было отнестись к нему серьезно», и добавляет: «Видимо, не вполне уравновешенный господин» (История второй русской революции. Вып. 2, с. 195).

140 *Завойко В. С.* — бывший предводитель дворянства Гайсинского уезда Подольской губ., журналист; с мая 1917 г. в армии (добровольцем), состоял при генерале Корнилове (формально ординарцем). Советник Корнилова и автор ряда публичных заявлений от его имени, в т. ч. заявления 27 августа. В случае осуществления корниловского замысла должен был войти в правительство; намечался также (в качестве министра внутренних дел) в состав Петроградского правительства, которое создавалось в октябре 1919 г. в ожидании вступления в город Северо-Западной армии генерала Юденича. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Аладьин Алексей Федорович (1873—1927) — из крестьян, учился в Казанском университете, 1896—1905 — в эмиграции; депутат 1-й Государственной думы, лидер Трудовой группы; 1906—1917 — в Анг-

лии, с начала войны доброволец в Британской армии. Летом 1917 г. по его настоянию командирован в Россию, в августе познакомился с генералом Корниловым и стал его советником; после подавления корниловского выступления арестован, освобожден после Октябрьского переворота. Во время гражданской войны в армиях Деникина и Врангеля; позднее вернулся в Англию, где и умер. См.: Аладьин А. Ф. // Отечественная история.

[141] *Львов Владимир Николаевич* (1872—1934) — однокашник Готье по историко-филологическому факультету Московского университета (из текста дневника и из воспоминаний Готье не видно, чтобы они были знакомы); был вольнослушателем Московской духовной академии. Депутат 3-й и 4-й Государственных дум, в обеих председатель Комиссии по делам православной церкви; избран в Думу как октябрист, 1910 г. — националист, 1911 г. — один из организаторов Партии центра. Во Временном правительстве с марта до конца июля обер-прокурор Святейшего синода. В конце августа по собственной инициативе посредник между Корниловым и Керенским, по-видимому, введший обоих в заблуждение (таков вывод Каткова, по мнению которого Львов в эти дни был в состоянии, близком к невменяемости). В 1920 г. — эмигрировал, стал сменовеховцем, в 1922 г. вернулся, примкнул к обновленчеству, затем к Союзу воинствующих безбожников, где занялся активной антирелигиозной пропагандой. См.: Львов В. Н. // ПД 1917.

[142] *Некрасов Николай Виссарионович* (1879—1940, расстрелян) — до 27 августа зам. председателя Совета министров и министр финансов, вместе с Керенским и Терещенко входил в состав неофициального руководящего «триумвирата» в правительстве. Автор радиограммы от имени Керенского 27 августа «Всем начальствующим лицам, комиссарам, войсковым и общественным организациям о мятеже Л. Г. Корнилова». В последовавшие за этим критические дни разошелся с Керенским (считал, что тот должен уйти с поста главы правительства) и больше во Временное правительство не входил. См.: Звенья... Вып. 2, с. 334; Некрасов Н. В. // ПД 1917.

[143] Заявлением от имени Временного правительства за подписями Керенского и министра юстиции А. С. Зарудного 1 сентября форма правления в России была объявлена республиканской и провозглашена Российская республика. Сенат, в обязанности которого (по статье 92 Основных законов 1906 г.) входили проверка конституционности законодательных постановлений и их обнародование путем напечатания в «Собрании узаконений» (после чего они входили в силу), отказался обнародовать это заявление как противоречащее «конституции» Временного правительства, т. е. соглашению Временного комитета Государственной думы и Петроградского совета от 2 марта, по которому форма правления должна была быть определена Учредительным собранием. Заявление было опубликовано в «Вестнике Временного правительства» 3 сентября.

В том же заявлении говорилось, что Временное правительство передает «управление делами государства до сформирования кабинета» пяти своим членам; в других документах они называются «Сове-

том пяти» или «Директорией» (последнее наименование вошло в обиход и закрепилось в исторической литературе; сам термин, как и многое другое в России 1917 г., был взят из практики французской революции конца XVIII в.).

Верховский Александр Иванович (1886—1938, расстрелян) — говоря о его «сомнительном прошлом», автор, вероятно, имеет в виду, что В. после Февральской революции был близок к «революционной демократии» (ее небольшевистскому крылу). См.: Верховский А. И. // ПД 1917.

Вердеревский Дмитрий Николаевич (1873—1946) — 7 июля был отрешен от должности командующего Балтийским флотом и отдан под суд за невыполнение распоряжений правительства в так называемые «июльские дни». Дело было прекращено в связи с «корниловскими» событиями. См.: Вердеревский Д. Н. // ПД 1917.

Терещенко Михаил Иванович (1886—1956) — с 5 мая министр иностранных дел, с конца августа до 25 сентября также зам. председателя Совета министров. Говоря о его «беспринципности», автор, вероятно, имеет в виду, что в заявлениях о внешней политике Временного правительства он отчасти пользовался фразеологией «революционной демократии», хотя фактически продолжал политику Милюкова. См.: Терещенко М. И. // ПД 1917.

Никитин Алексей Михайлович (1876—?) — присяжный поверенный, меньшевик (в конце сентября, когда он стал министром внутренних дел в последнем правительстве Керенского, ЦК РСДРП предложил ему покинуть партию). В дни Февральской революции Н. был первым председателем Московского совета рабочих депутатов, с 5 марта до 25 июня начальником милиции г. Москвы. Нелестное мнение о нем Готье, скорее всего, основывалось на впечатлениях о его деятельности за это время. См.: Никитин А. М. // ПД 1917.

144 В действительности отношения между Керенским и Черновым были неприязненными.

145 В связи с этим замечанием Готье интересно, что Керенский, по его словам, в декабре 1905 г. пытался вступить в Боевую организацию ПСР, но был отвергнут Азефом.

146 В начале сентября Временное правительство решило (главным образом, ради экономии топлива) «приостановить» занятия в высших учебных заведениях Петрограда до конца учебного года (для некоторых категорий студентов было сделано исключение). На Москву это решение (кажется, вопреки первоначальному намерению) не распространялось.

«Студенческий дом» был создан в 1915 г. для организации материальной взаимопомощи студентов Московского университета. После Февральской революции этот дом и образованный в нем Клуб социалистической молодежи оказались в руках большевиков, которые использовали их для расширения своего влияния. 24 августа собрание 1500 студентов московских высших учебных заведений высказалось за прекращение занятий на неопределенное время (чтобы они не отвлекали от участия в политической борьбе). Студенты, группировавшиеся вокруг Студенческого дома, были наиболее решительными сторонниками прекращения занятий.

[147] *Кишкин Николай Михайлович* (1864—1930) — левый кадет, в описываемое время член ЦК и МК КДП, член комитета Прогрессивной группы гласных Московской городской думы, товарищ главноуполномоченного (т. е. зам. председателя) Всероссийского городского союза, Московский городской комиссар Временного правительства, член Совета общественных деятелей, созданного на «малом» Московском совещании; пользовался личным доверием Керенского. 27 сентября Кишкин был вызван в Петроград, где в течение трех дней участвовал в обсуждении с Керенским и другими путей выхода из создавшегося положения (он намечался на пост министра внутренних дел в составе «директории»). 31 августа сделал сообщение об этой поездке на заседании МК КДП. См.: Кишкин Н. М. // ПД 1917.

[148] Законом от 24 июня (при министре просвещения Мануйлове) Временное правительство учредило в государственных университетах штатную должность доцента; выборы на эти должности проводились факультетами (т. е. собраниями профессоров факультета).

К этому времени Шамбинаго уже несколько лет был профессором, но не в Московском университете.

[149] Интервью с Керенским появилось в газете «Воля народа» 5 сентября в ответ на статью Чернова в ЦО ПСР «Дело народа» от 3 сентября. Ожесточенная полемика и в других статьях этих номеров двух важнейших эсеровских газет.

[150] В начале сентября более ста Советов рабочих и солдатских депутатов (в т. ч. 5 сентября. в Москве) приняло резолюции с требованием перехода власти к «революционной демократии».

[151] *Каледин Алексей Максимович* (1861—1918) — с июня 1917 (после восстановления Временным правительством внутренней автономии казачьих войск) первый атаман войска Донского, избранный Войсковым кругом. На государственном совещании выступил с речью от имени всех 12 казачьих войск, в котором призвал «все живые силы страны» к укреплению «демократического республиканского строя» и заявил, что «все советы и комитеты должны быть упразднены», с оговоркой относительно полковых и нижестоящих комитетов в армии. См.: Каледин А. М. // ПД 1917.

О роли генерала М. В. Алексеева (1857—1918) в конце августа — начале сентября см. в исследовании Каткова о «деле Корнилова».

Догадка Готье о «провокации» такого масштаба введенными до сих пор в научный оборот данными не подтверждается.

[152] *Талызина Ольга Анатольевна* — начальница Елизаветинского женского института в Москве, основанного в 1825 г.

Женские институты (*разг.* «институты благородных девиц») — закрытые средние учебные заведения Ведомства учреждений императрицы Марии, в которых воспитывались на казенный счет дочери (часто сироты) потомственных дворян и малообеспеченных военных и чиновников, а на собственный счет дочери личных дворян, духовенства, почетных граждан и купцов (Временное правительство постепенно ликвидировало сословные привилегии, но дошел ли этот процесс до женских институтов, неясно). Программы женских ин-

ститутов примерно соответствовали программам гимназий, но в них большее внимание уделялось иностранным языкам (новым). Женские институты были официально упразднены в 1918 г., но в течение гражданской войны продолжали функционировать в местностях, занятых антибольшевистскими силами, а затем были возрождены в эмиграции.

[153] *Юрьева Е. В.* — сотрудница Готье по Румянцевскому музею, деятельница КДП.

13 сентября Керенский просил москвичей Кишкина, юриста П. Н. Малянтовича (меньшевика) и пятерых представителей торгово-промышленных кругов (в т. ч. А. И. Коновалова и С. Н. Третьякова) приехать в Петроград для продолжения переговоров об образовании нового кабинета. Если сведения Готье достоверны, то все они уже раз вызывались, но вернулись с дороги (Любань — ж.-д. станция на Николаевской [теперь Октябрьской] ж. д. в 83 км от Петрограда). До этого Кишкин и два других московских кандидата на правительственные должности были в столице 2 сентября.

[154] *Вилькены* (иногда автор пишет эту фамилию «Вилькин») — давнишние друзья семьи Готье, бельгийские граждане (фламандское написание их фамилии — Wilken). Эмма Вилькен, неоднократно упоминаемая в дневнике, жила на Петровке и работала в школе для сирот.

[155] Всероссийское демократическое совещание (14—22 сентября) было созвано решением ВЦИК советов рабочих и солдатских депутатов от 2 сентября, к которому присоединился ИК советов крестьянских депутатов, чтобы «решить вопрос об организации власти, способной довести страну до Учредительного собрания». Состояло исключительно из представителей «революционной демократии».

[156] *Арсеньев Николай Сергеевич* (1888—1977) — в 1910 г. окончил историко-филологический факультет Московском университета, с 1914 г. — приват-доцент там же; 1918 г. — профессор Саратовского университета. С 1920 г. в эмиграции, преподавал (главным образом историю русской культуры и православное богословие) в различных университетах Европы и Северной Америки; с 1971 г. председатель Русской академической группы в США. См. его воспоминания: Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне, 1974.

Трубецкой Николай Сергеевич, князь (1890—1938) — выдающийся лингвист, с 1915 г. — приват-доцент Московского университета. 1918 г. — профессор Донского университета (учрежденного Временным правительством 5 мая на основе эвакуированного в Ростов-на-Дону Варшавского университета), с 1920 г. в эмиграции. Один из основателей евразийства.

[157] Домовые комитеты создавались по распоряжению городских властей с середины сентября в связи с введением карточный системы. Их главными обязанностями были раздача продовольственных карточек и закупка продовольствия для жильцов дома (чтобы сократить очереди в магазинах).

[158] 17 сентября (ст. стиля) — день поминовения святых мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии.

[159] По закону Временного правительства от 24 июня часть приват-доцентов (те, кто замещал профессоров или читал обязательные курсы) получила право участия в факультетских собраниях (с решающим голосом, кроме случаев выбора профессоров) и в заседаниях университетского совета (с совещательным голосом).

[160] Готье был приват-доцентом до 1915 г., а затем экстраординарным профессором, хотя еще в 1913 г. защитил докторскую диссертацию, что давало ему возможность получить звание ординарного профессора. Ординарный профессор избирался (по представлению факультета) Советом университета и утверждался министром просвещения.

[161] *Кокошкины — Владимир Федорович* (брат Ф. Ф.) и его жена, *В. Е.* — знакомые Готье.

Кокошкин Федор Федорович (1871—1918) — юрист и общественно-политический деятель. Окончил Московский университет, был там же приват-доцентом (в 1911 г. по предложению министра просвещения отстранен от преподавания). Видный государствовед, автор многих работ по теории государства и по русскому государственному праву. С марта 1917 г. председатель Юридического совещания при Временном правительстве (которое давало «предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов»); с мая — председатель Особого совещания по выработке закона об Учредительном собрании. 24 июля—26 августа государственный контролер и фактический лидер кадетской группы министров, деятельный участник переговоров во Временном правительстве о взаимоотношениях с Корниловым. См.: Кокошкин Ф. Ф. // ПД 1917.

[162] Это сообщение Готье дополняет сведения, рассмотренные в исследовании Каткова о «деле Корнилова».

[163] *Гурко Василий Иосифович* (1864—1937) — генерал от кавалерии, с октября 1916 г. по март 1917 г. — и. о. начальника штаба Верховного главнокомандующего. Письмо было опубликовано 21 сентября; переписка Гурко с Николаем II послужила основанием для распоряжения Временного правительства о высылке его за границу.

[164] *Счастнев Александр Всеволодович* — один из студентов Готье (?).

[165] Вопрос об использовании немецких денег для организации забастовок в России рассматривается в книге Каткова о Февральской революции.

[166] Машков переулок расположен между Покровкой и Большим Харитоньевским переулком.

[167] Районные думы в больших городах (с населением более 150 тыс.) были созданы по закону Временного правительства от 15 апреля; издание этого закона было частью общей политики приближения органов местного самоуправления к населению.

[168] То есть представитель партии народной свободы (конституционно-демократической).

[169] Дореволюционная Москва в административно-полицейском отношении делилась на 49 участков, одним из которых был 1-й Тверской; по-видимому, эти старые полицейские участки при выбо-

рах в районные думы использовались как избирательные. До революции участки группировались в 17 частей. После ряда скороспелых и недолговечных преобразований Москва 23 мая (в соответствии с законом от 15 апреля) была разделена на районы, для которых теперь избирались районные думы. Новых районов было тоже 17, но, так как в состав города были включены некоторые пригороды, районы были больше прежних частей, часто состоя из двух соседних, откуда и двойные названия. Дальше в тексте Готье называет участками новые районы.

170 Большевики получили абсолютное большинство голосов в 11 районах и относительное — в трех. По всему городу большевики получили 51% голосов, КДП — 26, ПСР — 14, меньшевики — 4%. На выборах в Городскую думу в июне за большевиков голосовало только 11%, за КДП — 17, за ПСР — 58, меньшевиков — 12%.

171 Всероссийский демократический совет был выделен 22 сентября Демократическим совещанием из своего состава как представительный орган, перед которым должно было быть ответственным Временное правительство до созыва Учредительного собрания. 23 сентября он принял решение о создании нового коалиционного правительства. 2 октября преобразован во Временный совет Российской республики.

172 *Бируков Николай Николаевич* — московский юрист, обладатель одного из крупнейших в России частных собраний инкунабул. Готье надеялся приобрести его для Румянцевского музея. См.: Эльзевиры библиотеки Н. Н. Бирукова в Москве (М., 1917).

173 Старое, шведского происхождения (*швед.* Osel), название острова, который теперь называется (по-эстонски) Сааремаа.

174 *«Новое время»* — большая ежедневная политическая и литературная газета умеренно-консервативного, проправительственного направления, выходившая в Петербурге с 1868 г., с 1876 г. — в издательстве А. С. Суворина. Закрыта 26 октября 1917 г. Петроградским военно-революционным комитетом.

175 Об этих беспорядках писали в двадцатых числах сентября «Русские ведомости» и другие газеты.

176 *Гензель Павел Петрович* (1878—?) — профессор юридического факультета Московского университета (который в свое время окончил) по кафедре финансового права и декан экономического отделения Московского коммерческого института (теперь — Московский университет народного хозяйства им. Г. В. Плеханова).

177 Университеты в Томске и Саратове существовали до революции, но не в полном составе факультетов. Иркутский и Туркестанский (теперь Ташкентский) университеты фактически открылись в 1918 г. Политика открытия новых университетов проводилась Временным правительством под руководством академика В. И. Вернадского, бывшего (с августа до 17 ноября) товарищем министра народного просвещения, ведавшим высшей школой.

178 Речь идет о подавлении беспорядков (в т. ч. вооруженных восстаний) в Туркестане (теперь государства Средней Азии и Южный Казахстан) и Степном крае (остальной Казахстан) в июле 1916—ян-

варе 1917, вызванных указом 25 июня 1916 г. о мобилизации около 500 тыс. мужчин из коренного населения (который по Уставу 1 января 1874 г. не подлежало воинской повинности) на тыловые работы.

ОКТЯБРЬ

[179] *Покров Пресвятыя Богородицы* — праздник православной церкви (1 октября).

[180] Речь идет о возможном переезде Временного правительства в Москву, чего не произошло, так как, несмотря на занятие германскими войсками 3 октября Эзеля, их наступления на Петроград не последовало.

[181] Вероятно, Н. В. Попов, профессор Московского университета, специалист в области судебной медицины.

[182] *Моонзунд* (теперь, по-эстонски, Муху) — пролив между материком и Моонзундским архипелагом, северный проход в Рижский залив. *«Слава»* — линейный корабль, вступивший в строй в 1905 г. В морском сражении 4 октября был поврежден и затоплен своей командой у южного входа в Моонзунд, чтобы преградить путь противнику.

[183] Это заявление было сделано членом ВЦИК Б. О. Богдановым (1884—1960). Говоря об этом эпизоде, Милюков называет его левым меньшевиком, очевидно, под впечатлением высказываний Богданова после корниловских событий о невозможности коалиции с кадетами и желательности «демократической диктатуры» пролетариата и крестьянства. В основном Б. был правым меньшевиком; см.: Богданов Б. О. // ПД 1917.

[184] Предпарламент — разговорное название Временного совета Российской республики, совещательного органа при Временном правительстве, в который уставом 2 октября был преобразован Всероссийский демократический совет. Совет республики, в отличие от Демократического совета, включал и представителей несоциалистических партий (КДП и радикально-демократической) и организаций (всего 156 членов из 550). Открылся 7 октября. На первом же заседании Троцкий заявил об отказе большевиков от участия в Совете, после чего они (53 человека) демонстративно покинули зал.

[185] *Трапезунд* — обычное русское написание названия турецкого города (*тур.* Трабзон) на юго-восточном берегу Черного моря, к западу от Батума. Трапезунд был занят российскими войсками в апреле 1916 г.

[186] В апреле была образована смешанная комиссия (правительственно-советская) под председательством Г. В. Плеханова для улучшения экономического положения ж.-д. рабочих и служащих. По-видимому, позднее сфера деятельности комиссии включала и других госслужащих. У Готье речь идет о прибавках, рекомендованных этой комиссией. Утверждались рекомендации Министерством финансов.

[187] *Гвоздев Кузьма Антонович* (1883 — после 20 апреля 1956) — рабочий, правый меньшевик. До Февральской революции председатель

Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете, затем один из главных организаторов Петроградского совета, член ВЦИК, член ЦК РСДРП. С 25 сентября министр труда. См.: Гвоздев К. А. // ПД 1917.

188 Вероятно, собирались сотрудники Готье по библиотеке Румянцевского музея.

189 В. И. Пичета был как бы предрасположен к панславизму своим происхождением: его отец был герцеговинец, а мать украинка.

190 Г. В. Плеханов и большинство его сторонников в социал-демократической организации «Единство» не разделяли панславистских взглядов. С начала войны они настаивали на необходимости победы антигерманской коалиции, так как считали, что она создаст более благоприятные условия для европейского рабочего и социалистического движения, чем победа Германии.

191 *Фокин Анатолий Михайлович* — член Исторического общества при Московском университете.

Юнкер (*нем.* Junker), gentry (*англ. собирательное*) — оба выражения указывают на принадлежность к дворянам-землевладельцам.

192 Вероятно, речь идет о планах подготовки помещений для правительственных учреждений на случай их эвакуации из Петрограда. Поручено это было Кишкину.

193 Больничные служащие, о которых идет речь, — санитары и другой младший обслуживающий персонал. Требование об отставке Временного правительства свидетельствует о том, что бастующие находились под влиянием большевиков.

Мензбир Михаил Александрович (1855—1935) — зоолог, с 1886 г. — профессор Московского университета по кафедре сравнит. анатомии. В 1906 г. избран помощником ректора, в 1911 г. подал в отставку с этой должности, за что был уволен и с должности профессора; преподавал на Московских высших женских курсах и в университете им. Шанявского. После Февральской революции вернулся в Московский университет и был избран ректором.

194 То есть защититься от притязаний бастующих и руководившего ими профсоюза служащих больниц, учебных и иных учреждений университета. Кроме отставки ректора, бастующие требовали увольнения некоторых врачей.

195 Второе совещание общественных деятелей (12—14 октября) было примерно такого же состава, как августовское.

196 *Евдокимов Андрей Андреевич* (1872—?) — журналист, сотрудничал в правосоциалистической прессе, писал на профсоюзные и кооперативные темы. С 17 сентября член комитета Московского отдела Лиги русской культуры (общественной организации «веховского» направления).

197 О ком идет речь, установить не удалось.

198 *Трубецкой Евгений Николаевич*, князь (1863—1920) — философ и юрист, с 1906 г. профессор Московского университета по кафедре энциклопедии и истории философии права; прогрессист. В своем выступлении на совещании он назвал собравшихся Миниными и Пожарскими.

Новгородцев Павел Иванович (1866—1924) — выдающийся юрист и философ; видный общественно-политический деятель, с мая 1917 г. член ЦК КДП. Развивал теорию естественного права, учение о самостоятельном значении нравственного начала и нравственной оценки явлений. См.: *Соболев А. В.* Павел Иванович Новгородцев // П. И. Новгородцев. Об общественном идеале. М., 1991; Новгородцев П. И. // ПД 1917.

199 Союз офицеров армии и флота был создан в мае 1917 г. как профессионально-патриотическая организация; председатель его Главного комитета был подполковник Л. Н. Новосильцев (1872—?), известный член КДП. Замешанный в «дело Корнилова», союз был в сентябре распущен, члены Главного комитета арестованы, так что выступавшие на совещании офицеры формально не могли говорить от имени союза.

200 *Рузский Николай Владимирович* (1854—1918) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант; в момент Февральской революции Верховный главнокомандующий Северным фронтом (в его штабе Николай II подписал манифест об отречении). С апреля в отставке по болезни. После Октябрьского переворота участвовал в Белом движении, был захвачен в качестве заложника и убит ЧК.

201 Одной из главных задач совещания было способствовать сплочению общественных элементов, на нем представленных, с целью «обратить тот зародыш, который существует теперь, в густую сеть, покрывающую всю страну». Вероятно, эта мысль сыграла некоторую роль в создании первых антибольшевистских организаций после Октябрьского переворота.

202 Решение ЦК РСДРП(б) о вооруженном восстании с целью захвата власти было принято 10 октября. К 13 октября дата выступления еще не была определена.

203 *Кончаловский Дмитрий Петрович* (1878—1952) — историк; окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал историю древнего мира там же и на Московских высших женских курсах; 1914—1917 — на фронте. В описываемое время приват-доцент в университете. После второй мировой войны в эмиграции. См. его: «Пути России: Размышления о русском народе, большевизме и современной цивилизации». Париж, 1969 и «Воспоминания и письма (от гуманизма к Христу)». Париж, 1971.

204 Автор не совсем точно воспроизводит часть знаменитой фразы Гамлета (III, 1): «[To be, or not to be:] that is the question» — «...вот в чем вопрос».

205 14—16 октября в Москве состоялся Десятый съезд КДП.

206 В боях 24 октября—9 ноября (н. ст.), начавшихся у реки Изонцо на австро-итальянской границе, итальянская армия потерпела сокрушительное поражение.

207 Персонаж в повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели».

208 20 октября газета «Новое время» сообщала, что забастовка, назначенная на 20-е, отменена, так как достигнут компромисс. В передовой статье того же номера утверждалось, что забастовку гото-

вили большевики в ходе мобилизации сил для захвата власти в городе.

Большевики готовились к выступлению почти открыто. Военно-революционный комитет Петроградского совета, созданный 10—12 октября, приступил к решительным действиям 20-го. Под влиянием Троцкого было решено приурочить переворот к назначенному на 25 октября открытию 2-го Всероссийского съезда советов, с тем чтобы съезд как бы узаконил переворот.

209 Да будет воля [Твоя] (*лат.*) — часть молитвы «Отче наш».

210 24 октября Керенский выступил в Совете республики с заявлением, в котором объявил, что большевики начали восстание, но в то же время утверждал, что угроза Временному правительству возникла не только слева, но и справа.

211 Вогау и Ко. — немецкая оптовая торговая фирма с конторой в Петрограде.

212 Московское археологическое общество, основанное графом А. С. Уваровым (1825—1884) в 1864 г., просуществовало до 1923 г. Здание общества на Берсеневке было пожаловано императором Александром II в 1868 г. Уварова Прасковья Сергеевна (1840—1924) — вдова А. С. Уварова, с 1884 г. председатель Московского археологического общества, с 1894 г. почетный член Академии наук. Умерла в эмиграции.

Лихачев Николай Петрович (1862—1935 или 1936) — историк и искусствовед, крупнейший собиратель древностей; с 1925 г. действительный член Академии наук. 28 января 1930 г. арестован по «делу Платонова», 1 февраля 1931 г. исключен из Академии, в августе сослан на три года в Астрахань, вернулся в 1933 или 1934 г., в Академии не восстановлен. Возможно, опять арестован (после убийства Кирова?). См. о нем: Память: Исторический сборник. Вып. 1, 3, 4. Нью-Йорк; Париж, 1978—1981; Звенья... Вып. 1 (по указателю).

Тураев Борис Александрович (1868—1920) — выдающийся историк древнего Востока (преимущественно египтолог) и церковный деятель. Профессор СПб. университета, с 1918 г. действительный член Академии наук; в 1917—1918 гг. принимал деятельное участие в подготовке и проведении поместного собора Русской православной церкви.

213 Все работники Румянцевского музея (в т. ч. библиотеки) делились на три категории: 1) «штатных чинов», т. е. государственных чиновников, служивших по Министерству народного просвещения (старший научно-административный персонал); 2) «вольнотрудящихся» — вольнонаемных рядовых библиотечных и музейных работников; 3) «нижних служителей» — технический и обслуживающий персонал.

214 *Голицын Василий Дмитриевич*, князь (ум. 1927?) — с 1910 г. директор Румянцевского музея.

215 *Третьяков Сергей Николаевич* (1882—1943) — торгово-промышленный деятель, с лета 1917 г. член КДП, в последнем составе Временного правительства (с 25 сентября) председатель Экономического совета. Во время Гражданской войны принимал деятельное участие

в организации антибольшевистской борьбы. Эмигрировал, жил в Париже; попал в руки германских оккупационных властей и расстрелян как советский агент. См.: Третьяков С. Н. // ПД 1917.

Смирнов Сергей Алексеевич (1883—?) — другой видный представитель купечества, председатель Московского военно-промышленного комитета, с 1917 г. кадет. С 25 сентября Государственный контролер. Как и Третьяков, был вскоре освобожден, участвовал в антибольшевистской борьбе, затем эмигрировал.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861—1918) — юрист, в начале 1917 г. председатель Государственного совета, в первые дни Февральской революции заключен в Петропавловскую крепость. Расстрелян по приговору ревтрибунала 5 сентября 1918 г., в день принятия постановления СНК о «красном терроре».

Маклаков Николай Алексеевич (1871—1918) — в 1913—1915 министр внутренних дел, затем член Государственного совета по назначению. 27 февраля 1917 г. заключен в Петропавловскую крепость; расстрелян по постановлению ВЧК.

216 Как и во многих других записях дневника, Готье проявляет здесь редкую прозорливость. Большинство в либеральных кругах считало, что большевики не смогут удержаться у власти.

217 Все упомянутые здесь улицы расположены в центре Москвы к северо-западу и западу от Кремля. В этом районе 28—30 октября шли основные бои между большевистскими повстанцами и силами созданного Городской думой 25 октября Комитета общественной безопасности (главным образом юнкерами двух военных училищ).

218 *Славин* — вероятно, управляющий домом или один из жильцов.

219 Б. Знаменский переулок, в котором жили Готье, оказался в районе боев. Артиллерийскому обстрелу со стороны повстанцев подверглось Александровское военное училище на Знаменке.

220 Комитет общественной безопасности ждал подкреплений с фронта, но они не были пропущены к Москве.

221 *Арманд Инесса Федоровна* (1874—1920) — француженка (урожд. Stéphane), воспитывалась в Москве в семье своего будущего мужа. С 1904 г. член большевистской фракции РСДРП, долгие годы была тесно связана с Лениным. В 1917 входила в Московский комитет РСДРП(б) и его Исполнительную комиссию; принимала деятельное участие в подготовке Октябрьского восстания.

Федя — Федор Александрович Арманд (1896—1936), один из пяти детей Инессы Федоровны; *Андрюша* — вероятно, Андрей Александрович (1903—1944), младший сын Инессы Федоровны, скорее всего из любопытства увязавшийся за своим братом-офицером.

Семья Арманд, как и семья Готье, принадлежала к московской французской колонии с XVIII в., они были дружны между собой, Ю. В. Готье знал И. Ф. Арманд с детства.

222 29 октября было объявлено перемирие на сутки, начиная с 12 часов ночи на 30-е.

223 На стороне восставших были солдаты запасной артиллерийской бригады. 30 октября переговоры были прерваны и в ночь на 31-е началось решающее наступление большевиков на центр города.

Никитские ворота — площадь на пересечении Б. Никитской и Бульварного кольца. Здесь шли наиболее ожесточенные бои, так как юнкера пытались преградить повстанцам путь к Александровскому училищу и Кремлю.

224 Всероссийский исполнительный комитет ж.-д. союза («Викжель») 26 октября предложил создать «однородное социалистическое правительство от народных социалистов до большевиков» с целью избежать гражданской войны, угрожая в противном случае забастовкой железных дорог. Переговоры о создании такого правительства начались 29 октября. 30 октября состоялось предварительное соглашение по главным вопросам. Но Ленин считал, что «переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий» и они были прекращены в начале ноября.

225 *Таня — Дольник Татьяна Николаевна*, свояченица Готье.

НОЯБРЬ

226 1 и 2 ноября артиллерийский обстрел большевиками Кремля, куда 1 ноября перебрался из здания Годской думы Комитет общественной безопасности, велся с пяти сторон.

227 Двоюродный брат Готье, сын его тетки по отцу. В прошлом Репманы, как и Готье, были книготорговцами. См.: Tastevin F. Histoire de la colonie fransaise de Moscou. Depuis les origines jusqu'a 1812 (Moscou; Paris, 1908).

228 Договор о прекращении вооруженного сопротивления был подписан 2 ноября в 5 часов вечера.

229 *Або* (*швед.* Abo) — губернский город (теперь, по-фински, Turku) на юго-запад Финляндии, бывшая столица великого княжества Финляндского.

230 Петроградский и Московский военно-революционные комитеты 26 октября постановили закрыть «буржуазные» газеты; были назначены многочисленные «комиссары по делам печати», которые при помощи вооруженных отрядов красногвардейцев захватывали типографии, «изымали» отпечатанные номера газет, предотвращали их рассылку по почте и продажу в киосках, арестовывали редакторов и главных сотрудников. Интересно, что в Москве эти меры начали приниматься (от имени МК, военной организации при нем и других большевистских партийных организаций) еще 25 октября, по-видимому, до образования ВРК вечером этого дня. Ленин придавал большое значение подавлению «буржуазной» печати, заранее продумал эту политику и излагал ее в переписке с единомышленниками и в «Правде» в течение последних двух месяцев до переворота.

27 октября созданный накануне Совет народных комиссаров принял «декрет» «О печати», уточнявший и отчасти расширявший критерии, на основании которых органы печати подлежали запрещению; теперь под них могли подпасть и газеты социалистического направления. Фактически такие газеты тоже начали закрывать с 26-го, но в меньшем количестве; многие продолжали выходить, и боль-

шинство из них резко протестовало как против подавления свободной печати, так и вообще против захвата власти большевиками.

231 На Кузнецком мосту находился большой книжный магазин Тастевена, раньше принадлежавший отцу Готье.

Городская дума находилась на Воскресенской площади, в здании, которое теперь занимает Музей Ленина. Здание было захвачено повстанцами 1 ноября.

Гостиницу «Метрополь» (Театральный проезд), как и Думу, большевики брали с боем (2 ноября).

232 Около четырех длинных кварталов вдоль Б. Никитской и Охотного Ряда; гостиница «Националь» — на углу Охотного ряда и Тверской. На стороне Комитета общественной безопасности в боях участвовало 600 студентов.

233-234 В. Е. Кокошкина — жена Владимира Федоровича, брата Ф. Ф. Кокошкина.

Beau-frère (*фр.*) — здесь: деверь.

235 Договор о прекращении борьбы предусматривал гарантию свободного вывода антибольшевистских войск из Кремля и Александровского военного училища.

236 *Марий* (C. Marius, ок. 157—186 до Р. Х.) и *Сулла* (L. Cornelius Sulla, 138—178 гг. до Р. Х.) — римские военные и политические деятели; возглавляя противоборствующие партии, поочередно брали Рим и подвергали преследованию своих противников.

237 *Минор Осип Соломонович* (1861—1934) — видный член ПСР, с июня 1917 г. председатель Московской городской думы; позднее эмигрировал. См.: Это было давно: Воспоминания солдата революции. Париж, 1933.

238 *Готье Эмиль Владимирович* (?) — дядя автора по отцу (?).

239 Все эти слухи не соответствовали действительности.

240 *Боголюбский Николай Иванович* (1856—?) — протоиерей; окончил Московскую духовную академию, был ректором Самарской духовной семинарии, с 1911 г. профессор богословия Московского университета (в русских университетах были общеуниверситетские кафедры православного богословия). Был известен своими либеральными взглядами.

241 *«Вечная память»* — песнопение, часть чина отпевания умерших.

242 Слушательницы Высших женских курсов.

243 «Декретом» от 6 ноября Московский военно-революционный комитет разрешил беспрепятственный выпуск в Москве с 8 ноября «органов печати» «без различия направлений» с предупреждением, что «никакие воззвания, призывающие к восстанию против Советов, допущены не будут. Органы печати, где появятся подобные воззвания, будут конфискованы, авторы же их будут преданы революционному суду». Мотивировалось это решение тем, что «выборы в Учредительное собрание предполагают свободу агитации [в опубликованном тексте заменено: «печати»] для всех без исключения партий и направлений».

244 20 октября был создан Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей; 7 ноября Центральная

рада провозгласила создание Украинской народной республики. Другие автономные образования были созданы позже (Закавказский комиссариат 15 ноября, Сибирская областная дума в декабре); независимость Финляндии, Литвы и Курляндии также была провозглашена позже.

245 Термин «декрет» как официальное название указов большевистского правительства был заимствован из практики французской революции конца XVIII в.

Сенат, осуществлявший функции конституционного надзора, не вводил большевистские декреты в законную силу, так как не мог признать законодательных прав за учреждениями, от имени которых они выпускались (Съезд советов, ВЦИК, СНК). Сенат действительно был вскоре упразднен (см. примеч. 258).

246 За отказ немедленно приступить к переговорам о перемирии «со всеми воюющими странами» (по его мнению, это могло сделать только правительство) и. о. Верховного главнокомандующего генерал Н. Н. Духонин был в ночь на 9 ноября отстранен от должности. Верховным главнокомандующим был назначен прапорщик Н. В. Крыленко (1885—1938). В тот же день за подписями Ленина и Крыленко была разослана радиограмма «всем... комитетам, всем солдатам... и матросам» с предложением «тотчас» выбирать «уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем».

247 Это были первые торжественные похороны у кремлевской стены на Красной площади. Похоронено было 238 человек.

248 После ареста министров Временного правительства товарищи министров примерно в течение месяца пытались продолжать вести дела, что им в какой-то степени удавалось, так как большинство государственных служащих не признавало власти большевистского СНК. Некоторое участие в этой работе принимали также освобожденные через несколько дней министры-социалисты. Председательствовал товарищ министра юстиции А. С. Демьянов, затем министр продовольствия С. Н. Прокопович (ставший как бы председателем Совета министров, так как Керенский отказался от этого звания). См.: *Демьянов А.* Записки о подпольном Временном Правительстве // Архив русской революции, VII. Берлин, 1922.

249 *Ивинский* — народник 1870-х гг. (?).

250 Патриарх Московский и всея Руси Тихон (в миру Василий Иванович Белавин, 1865—1925) был избран 5 ноября на поместном соборе Русской православной церкви, после того как собор восстановил патриаршество. До этого был митрополитом Московским. Поместный собор 1988 г. причислил его к лику святых.

251 *Сперанский Михаил Несторович* (1863—1938) — филолог, историк древней русской литературы; 1907—1923 профессор Московского университета, с 1921 — действительный член Академии наук. См.: *Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М.* «Дело славистов», 30-е годы. М., 1994.

252 *Богоявленский Николай Васильевич* (1870—1949?) — зоолог, профессор медицинского факультета Московского университета; позднее (до 1929 г.) был зав. кафедрой гистологии биологического отделения физико-математического факультета.

[253] Жалование чиновникам и другим государственным служащим традиционно выплачивалось 20-го числа каждого месяца.

[254] Речь идет о выборах в Учредительное собрание.

[255] *Духонин Николай Николаевич* (1876—1917) — генерал-лейтенант, с 1 ноября и. о. Верховного главнокомандующего. Отстраненному от должности 9 ноября, ему было предписано продолжать ведение дел до прибытия в ставку его преемника. Крыленко приехал 20 ноября. В тот же день Духонин был растерзан толпой сопровождавших Крыленко матросов и солдат. См.: Духонин Н. Н. // ПД 1917.

Генерал Корнилов после ликвидации «мятежа» содержался под стражей в городе Быхове, в 51 км к югу от Могилева.

Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант; до корниловских событий был Главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта. Позднее командовал Добровольческой армией и Вооруженными силами Юга России; с 1920 г. — в эмиграции. См. его воспоминания: Очерки русской смуты. Т. 1—5. Париж; Берлин, 1921—1926, и Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953. О нем см.: Деникин А. И. // ПД 1917.

Марков Сергей Леонидович (1878—1918) — генерал-лейтенант; с августа 1917 г. — начальник штаба Юго-Западного фронта.

Обвиненные в участии в корниловском «мятеже», Деникин и Марков были арестованы Бердичевским советом, затем отправлены в заключение в Быхов. 19 ноября заключенные генералы («быховские узники») были освобождены генералом Духониным, в ночь на 20-е покинули Быхов и с трудом пробрались на Дон.

[256] Интересно, что так же (и почти точно в таких же выражениях) состав большевиков характеризовал в своем дневнике экономист и общественный деятель (близкий к ПСР) Н. П. Огановский (1874—1938), преподававший в Московском коммерческом институте. См. его: Дневник члена Учредительного Собрания // Голос минувшего, 4—6 (апрель—июнь). М., 1918.

[257] *Черемисов Владимир Андреевич* (1871—?) — генерал от инфантерии, с сентября 1917 г. главнокомандующий войсками Северного фронта; был близок к кругам «революционной демократии». В дни Октябрьского переворота отказался выполнить приказ Керенского о посылке войск в Петроград под тем предлогом, что армия не должна вмешиваться в политическую борьбу. По-видимому, умер в эмиграции.

[258] *«Декрет о суде»*, принятый СНК 22 ноября, упразднял все существовавшие судебные учреждения (кроме мировых судов, деятельность которого приостанавливалась), прокуратуру, следственный аппарат и адвокатуру.

[259] 21 ноября член коллегии финансового и жилищно-земельного отдела Моссовета Д. В. Кузовков представил на усмотрение СНК проект декрета о национализации недвижимого имущества в городах.

[260] Речь идет о том, что союзники игнорировали «Декрет о мире», принятый 2-м Всероссийским съездом Советов 26 октября, и ноты Советского правительства от 8 ноября с предложением немедленного

перемирия на всех фронтах и 18 ноября с предложением начать совместные мирные переговоры. Германское правительство 14 ноября изъявило согласие начать переговоры, и 20 ноября начались сепаратные переговоры о перемирии с Германией и ее союзниками.

261 *Мануйлов Александр Аполлонович* (1861—1929) — экономист и общественно-политический деятель, 1908—1911 — ректор Московского университета, 1907—1911 — член Государственного совета по выбору от Академии наук и университетов, с 1905 г. — член ЦК КДП. В 1911 г. в знак протеста против решения правительства запретить студенческие сходки в стенах высших учебных заведений и вменить полиции в обязанность принимать решительные меры против таких сходок, что нарушало университетскую автономию, Мануйлов подал прошение об освобождении от ректорских обязанностей, но был уволен как от должности ректора, так и профессора университета. Это вызвало конфликт между Советом университета и министерством, в результате чего из университета ушло более 100 профессоров и приват-доцентов, в том числе многие из упоминаемых в дневнике Готье; большинство из них, как и Мануйлов, вернулось в университет после Февральской революции. В 1911—1917 Мануйлов преподавал в университете им. Шанявского, в Московском коммерческом институте и на Московских высших женских курсах. 2 марта—2 июля 1917 г. министр просвещения.

262 *Покровский Михаил Николаевич* (1868—1932) — историк и общественно-политический деятель; с 1905 г. большевик. В августе 1917 г., вернувшись из-за границы, стал членом Московского совета рабочих депутатов. В момент Октябрьского переворота член Замоскворецкого штаба Красной гвардии. С 14 ноября председатель объединенного Московского совета рабочих и солдатских депутатов.

Покровский окончил Московский университет в год поступления туда Готье, но был оставлен Ключевским при университете (по-теперешнему, в аспирантуре), так что он и Готье были давно знакомы.

263 25 ноября в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» был опубликован «Проект декрета о национализации городских недвижимостей и о реквизиции квартплаты».

264 *Рар (Rahr) Александр Александрович* — свойственник Готье, служил в страховом обществе «Россия». В 1920-х гг. выехал в Латвию, умер в Марокко.

Граве Александр Александрович — тоже свойственник автора, врач.

265 12 августа Временное правительство назначило открытие Учредительного собрания на 28 ноября. 17 ноября в газетах было опубликовано воззвание подпольного Совета министров (см. примеч. 248) с подтверждением этой даты. Но 26 ноября СНК принял декрет, гласящий, что Учредительное собрание должно быть открыто представителем СНК и при условии наличия не менее 400 членов. Образовавшийся около этого времени Союз защиты Учредительного собрания организовал 28-го демонстрацию у Таврического дворца в Петрограде (где должно было состояться открытие) под лозунгом «Вся власть Учредительному собранию», о которой и говорит Готье. См. воспоминания члена ПСР Б. Соколова «Защита Всероссийского

Учредительного Собрания» //Архив русской революции. Т. 13. Берлин, 1924.

[266] 28 ноября несколько десятков членов сумели проникнуть в Таврический дворец, чтобы демонстративно открыть Учредительное собрание.

[267] Декрет СНК от 28 ноября объявил КДП партией «врагов народа», готовивших «контрреволюционный переворот», приуроченный к открытию Учредительного собрания (чего в действительности не было); члены руководящих учреждений партии подлежали аресту и преданию суду революционных трибуналов. В тот же день были арестованы многие видные члены партии.

[268] *Стамболов Стефан* (1854—1895) — болгарский политик, в 1887—1894 глава правительства, установил режим диктатуры и террора.

[269] В описываемое время германские планы предусматривали отказ России от Польши, Литвы и Курляндии.

ДЕКАБРЬ

[270] Московский совет постановлением от 30 ноября запретил съемщикам земельных участков и помещений вносить их владельцам наемную плату.

[271] *Боголепова Е. А.* Николай Павлович Боголепов: Записки. М., 1912.

Боголепов Н. П. (1846—1901) — профессор римского права, затем ректор Московского университета, попечитель Московского учебного округа, 1898—1901 — министр просвещения. Смертельно ранен исключенным студентом П. В. Карповичем. Боголепов отличался сильно развитым чувством долга; как правовед был последователем Иеринга, считал, что «право есть одно из проявлений нравственной жизни народа, результат борьбы различных его классов за установление более справедливого порядка». Как министр известен главным образом правилами 1899 г., по которым студенты, замешанные в беспорядках, могли лишаться отсрочки по отбыванию воинской повинности (по Уставу о воинской повинности 1874 г. студенты университетов получали отсрочку до 27-летнего возраста). См.: Боголепов Н. П. // ПД 1917.

[272] Комиссары были назначены в главные ведомственные и исторические актохранилища, в том числе в Главный Московский архив Министерства иностранных дел.

[273] *Белокуров Сергей Алексеевич* (1862—1918) — историк и археограф, окончил Московскую духовную академию, с 1886 г. работал в архиве МИД, долгие годы был хранителем архива.

По газетным сообщениям, в заявлении служащих говорилось также, что они признают только власть Учредительного собрания. Евенко отказался принять условия служащих и объявил, что они увольняются (Русские ведомости, № 271, 8 декабря).

[274] Создание ревтрибуналов было предусмотрено декретом о суде 22 ноября. И в данном случае большевики пользовались примером

Французской революции конца XVIII в., когда ревтрибуналы были органами якобинского террора.

275 Центральный стачечный комитет объявил, что 8 декабря начнется забастовка служащих благотворительных больниц, сиротских домов и интернатов в знак протеста против политики большевиков и в поддержку Учредительного собрания.

276 *Грушка Аполлон Аполлонович* (1869—1929) — филолог, окончил Московский университет, профессор классической филологии там же и на Московских высших женских курсах Герье; в описываемое время декан историко-филологического факультета. Позднее (после 1925 ?) был избран членом-корр. Академии наук.

277 *Виноградов Анатолий Корнелиевич* (1888—1946) — литературовед, окончил историко-филологический факультет Московского университета, сотрудник Румянцевского музея. Начиная с описываемого времени был представителем музея в различных советских учреждениях и организациях. С 1919 (?) ученый секретарь, 1921—1924 — директор музея.

278 *Сухотин Лев Михайлович* (1879—1948) — литературовед, окончил историко-филологический факультет Московского университета, специалист по русской литературе XIX в. Позднее эмигрировал.

279 Занятие вооруженными отрядами матросов и красногвардейцев частных банков в Петрограде началось утром 14 декабря и закончилось к трем-четырем часам дня. Только после этого, в половине 11-го вечера началось заседание ВЦИК, на котором после довольно продолжительных прений был принят декрет о национализации банков; хотя это произошло, скорее всего, уже 15 декабря, декрет был помечен 14 декабря.

Национализации подлежали все частные банки и другие кредитные учреждения; вскоре они были превращены в отделения Государственного банка. Последующими декретами СНК были прекращены выплаты процентов и дивидендов держателям банковских облигаций и акций, акционерные капиталы банков конфискованы, а банковские акции аннулированы.

280 Очевидно, речь идет об увольнении служащих.

Главный Московский архив МИД (старейший исторический архив в России, выросший из архива допетровского Посольского приказа) был официально ликвидирован в 1918 г.; после ряда реорганизаций основные фонды его вошли в Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА). Здание архива находилось на углу Моховой и Воздвиженки, где теперь новое здание Государственной библиотеки России.

281 Переговоры о мире начались в Брестской крепости, где находилось командование войсками германского Восточного фронта, 9 декабря (22 декабря н. ст.). См. подробный и яркий рассказ подполковника Д. Г. Фокке, который был членом группы военных консультантов на переговорах о перемирии и о мире: На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии // Архив русской революции. Т. 20. Берлин, 1930; см также: *Wheeler-Bennett W.* The Forgotten Peace: Brest-Litovsk, March 1918. London, 1938.

Кюльман — Kühlmann, Richard von (1873—1948), германский дипломат, август 1917—июль 1918 — министр иностранных дел.

Чернин — Czernin, Ottakar Graf von (1872—1932), австро-венгерский дипломат, декабря 1916—апрель 1918 — министр иностранных дел.

Советская делегация в основном состояла из тех же лиц, что и во время переговоров о перемирии, а именно:

Иоффе Адольф Абрамович (1883—1927) — профессиональный революционер (1912—1917 в ссылке) и журналист; из богатой купеческой семьи, учился на медицинском факультете Берлинского университета и на юридическом Цюрихского. С 1910 г. неизменный сторонник Троцкого, с августа 1917 г. кандидат в члены ЦК РСДРП(б). Был главой советской делегации на переговорах о перемирии 20 ноября—2 декабря и о мире (на первом этапе).

Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936, расстрелян) — профессиональный революционер (1914—1917 в ссылке), журналист; из интеллигентной семьи, недолго учился на юридическом факультете Московского университета; 1902—1903 и 1908—1914 — в эмиграции, где был одним из ближайших сподвижников Ленина; с апреля 1917 г. член ЦК и один из виднейших представителей партии в среде «революционной демократии». Был против курса Ленина и Троцкого на вооруженное восстание, выступал за создание «однородного социалистического правительства». Председатель 2-го съезда Советов и избранного им ВЦИК (27 октября—8 ноября).

Биценко Анастасия Алексеевна (1875 — не ранее 1923) — видный член ПСР, в 1905 г. убила военного министра В. В. Сахарова, до Февральской революции отбывала «каторгу» (женщины, осужденные по политическим делам, к труду не привлекались). С ноября 1917 г. член ЦК партии левых социалистов-революционеров, избранного на первом съезде партии; член ВЦИК. Принадлежала к меньшинству в руководстве ПЛСР, отстаивавшему необходимость заключения мирного договора. С сентября 1918 г. член ЦК отколовшейся от ПЛСР Партии революционного коммунизма, выступавшей за более тесное сотрудничество с РКП(б). Вскоре вступила в РКП(б).

Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889—1937, расстрелян) — журналист, по образованию юрист. Был в числе «состоявших при делегации» в качестве ее секретаря.

Новым членом делегации, не участвовавшим в переговорах о перемирии, был М. Н. Покровский. Вероятно, он вошел в состав делегации как комиссар по иностранным делам Московской области (назначенный на эту своеобразную должность Московским военно-революционным комитетом, который осуществлял высшую власть в городе до 14 ноября 1917 г.).

В качестве консультанта делегации был придан *Павлович Михаил Павлович* (*Вельтман Михаил Лазарьевич*, 1871—1927), до 1918 г. меньшевик, затем большевик; профессиональный революционер, уволившийся с первого курса юридического факультета Новороссийского университета, так как, по его словам, «не хотел набивать себе голову университетскими глупостями»; в 1907—1917 в эмиграции во Франции, много читал и писал (в марксистском публицистическом стиле)

по вопросам международной политики; после Октябрьского переворота в НКИД, знакомился с документами Министерства иностранных дел. Об Иоффе, Каменеве, Карахане, Покровском и Павловиче, см. в кн.: Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989; об Иоффе, Каменеве, Биценко и Покровском в кн.: ПД 1917.

282 Одновременно с декретом о национализации банков (тоже официально 14 декабря) был принят декрет ВЦИК о «ревизии» сейфов. Ревизия началась в декабре и продолжалась до лета 1918 г. Номера сейфов, подлежавших проверке в присутствии владельцев их содержимого, еженедельно публиковались в газетах (сейфы не явившихся вскрывались и их содержимое конфисковалось). Золото в слитках и монете подлежало конфискации (вскоре решением СНК эта мера была распространена на платину, серебро и иностранную валюту). Большая часть находимых в сейфах ювелирных изделий, ценных бумаг и наличных денег тоже конфисковалась (владельцам возвращали ценности на общую сумму до 10 тыс. руб.); кроме того, содержимое сейфов стоимостью более 5 тыс. руб. облагалось налогом.

По официальной сводке, до 1 июля 1918 г. из 64 649 091 руб. наличными, найденных в сейфах, было возвращено владельцам 10 127 976 руб. (Известия ВЦИК. № 158, 27 июля 1918). В Москве к марту 1918 г. в 22 тыс. сейфов было обнаружено ценностей (не считая иностранной валюты) на сумму около 505 млн. руб. По сообщениям печати, проверка обнаружила, что большая часть ювелирных изделий и благородных металлов была вынута владельцами из сейфов до октября 1917 (Известия Московского совета рабочих и солдатских депутатов, 18 января 1918); сводка, опубликованная в июле, это подтвердила.

283 В начале ноября генерал Алексеев перебрался из Петрограда в Новочеркасск, где приступил к созданию воинских частей для борьбы против большевиков, из которых выросла Добровольческая армия. В Петрограде и Москве возникали небольшие организации, ставившие себе целью помощь Алексееву, в том числе денежную. См.: *Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова... М., 1991; М. В. Алексеев // Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.

284 13 и 17 декабря в «Известиях ЦИК» было напечатано заявление наркома просвещения А. В. Луначарского «О задачах государственных театров» с изложением принципов управления театрами.

285 *Миллер Федор Иванович — Miller, Gerhard Friedrich* (1705—1783), крупнейший историк и археограф, один из основоположников научного изучения русской истории. С 1766 г. до конца жизни начальник Московского архива Иностранной коллегии, впоследствии преобразованного в Московский Главный архив МИД.

Бантыш-Каменский Николай Николаевич (1737—1814) — крупный историк и археограф, ученик и преемник Миллера. С 1762 г. служил в архиве Иностранной коллегии, 1783—1814 — его управляющий.

286 В ноябре при Народном комиссариате просвещения была образована Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и

старины. Тогда же при Московском совете рабочих и солдатских депутатов была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины, в ведении которой, по мысли ее устроителей, должен был, по-видимому, находиться и Румянцевский музей. Представителем Музея для сношений с этой комиссией был назначен А. К. Виноградов.

287 *Романов Николай Ильич* (1867—1948) — искусствовед, окончил Московский университет, до 1911 г. преподавал там же, 1910—1923 — хранитель отдела изящных искусств Румянцевского музея.

288 Созданный в сентябре 1917 г. Литовский совет 11 декабря принял декларацию о «союзных связях» «Литовского государства» с Германией. 18 февраля 1918 г. Совет объявил Литву независимым государством, а 4 июля 1918 г. — королевством.

8 марта 1918 г. Курляндский ландтаг восстановил Курляндское герцогство. 12 апреля 1918 г. Совет прибалтийских земель (в составе представителей Эстляндии, Лифляндии, г. Риги и о. Эзель) образовал Балтийское герцогство, в которое вошло и Курляндское.

Эти государственные образования, созданные в условиях германской оккупации, оказались недолговечными.

289 *Малиновский Павел Петрович* (1869—1943) — архитектор, с 1904 г. большевик (?). В описываемое время председатель Комиссии Московского совета по охране памятников искусства и старины, гражданский комиссар Кремля. С 18 марта до упразднения комиссариата 11 июля 1918 и. о. (?) народного комиссара имуществ республики.

Наркомат имуществ республики был создан в начале декабря для управления имуществом бывшего Министерства императорского двора (которому принадлежали некоторые музеи); 16 декабря он договорился с Наркоматом просвещения о совместном управлении смежными учреждениями, к которым, по-видимому, был отнесен и Румянцевский музей.

290 Александровское военное училище, существовавшее с 1863 г.

291 Хотя на Турецком фронте российские войска к 1917 г. находились далеко на территории противника, по Брестскому миру Турции возвращались Карская и Батумская области, отошедшие к России по Берлинскому трактату 1878 г.

292 Соображение Готье о названии площади оказалось пророческим — в 1918 г. она была переименована в Советскую, в честь Московского совета, который занял здание канцелярии генерал-губернатора.

293 Английский клуб — фешенебельный клуб, основанный в 1772 г. Обычно имел около 600 членов (принимали только мужчин); в свое время в нем «ораторствовал» Чаадаев. Библиотека клуба славилась богатейшим собранием русской периодической печати (с 1813). С 1831 г. помещался в собственном доме на Тверской, который с 1924 г. занимает Музей революции.

Зайончковский Андрей Медардович (1862—1926) — генерал от инфантерии; с 1919 г. в Красной Армии. С 1921 или 1922 г., будучи профессором Военной академии РККА, участвовал в провокационной акции ВЧК-ГПУ по борьбе с активными монархическими и

военными организациями в эмиграции — играл роль «главы» фиктивного, якобы подпольного «Монархического объединения Центральной России», более известного под кодовым названием «Трест» (см.: Прянишников. Незримая паутина. 2-е изд. Б. м. [Нью-Йорк], 1979).

Нилов Константин Дмитриевич (1856—1918) — адмирал, генерал-адъютант, личный друг Николая II.

294 *Потулова Мария Ивановна* — преподавательница немецкого языка в Усачевско-Чернявском женском училище в Москве. Училище это, организованное по типу женских институтов (см. примеч. 152), находилось в ведении Человеколюбивого общества и имело целью обучение и воспитание сирот и дочерей бедных родителей.

295 *Зыков Владимир Матвеевич* — профессор медицинского факультета Московского университета, специалист по раковым заболеваниям.

296 *Узники* — арестованные 28 ноября члены ЦК КДП, в том числе Кокошкин и Шингарев.

Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — врач и общественно-политический деятель, видный член КДП; член Временного правительства первых двух составов (министр земледелия, затем министр финансов и зав. продовольствием). См.: Как это было: Дневник А. И. Шингарева. Петропавловская крепость, 27.XI.17 — 5.I.18. М., 1918; перепеч.: Royal Oak, MI USA, 1978; также: Шингарев А. И. // ПД 1917.

297 *Theroigne de Mericourt* (псевд.) — *Terwagne Ann Joseph* (1762—1817), «героиня» французской революции, жирондистка, принимала ведущее участие во многих массовых демонстрациях, в том числе во взятии Бастилии.

298 *Бьюкенен — Buchanan, Sir George* (1854—1924), британский дипломат, в 1910—1918 посол в России. См. его: «My Mission to Russia, and Other Diplomatic Memories» (London, 1923; рус. пер.: *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата. Пг., б. г.).

О роли Бьюкенена и генерала Рузского см. книгу Каткова о Февральской революции.

299 25 декабря Крыленко подписал приказ о создании «Революционной народной социалистической гвардии на фронте и в тылу», в котором провозглашалась «Священная революционная война против российской, немецкой и англо-французской буржуазии» и утверждалось: «С упованием смотрят на нас народы Запада, в Италии и Испании, в Германии и Франции, в Австрии и Швеции. Ждут не дождутся истомленные народы призыва к борьбе со своей буржуазией».

300 В 1915 г. российские войска вытеснили турок из Иранского Азербайджана и заняли Тавриз; к 1917 г. ими был занят весь север Ирана до г. Исфахан. В декабре 1917 г. иранское правительство признало советское правительство России.

301 *Веневитинов Михаил Алексеевич* (1844—1901) — археограф и историк, в 1896—1900 директор Румянцевского музея.

302 *Гершензон Михаил Осипович* (1869—1925) — выдающийся историк русской литературы и общественной жизни XIX в., публицист и общественный деятель; однокашник Готье по историко-филологи-

ческому факультету Московского университета, ученик П. Г. Виноградова, как еврей, не был оставлен при университете. Инициатор издания сборника «Вехи» (1909). См.: Гершензон М. О. // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. 1. М., 1989.

303 По-видимому, близкая знакомая Готье.

1 января. Ни визитов, ни газет с бюрократическими радостями. Вчера новые слухи об уничтожении всех государственных займов, наследств и т. д.[1] Все обеспокоены и все в это не верят или делают вид, что не верят. Видимо, кроме того, что за взятку при современном режиме можно сделать все, русская нечестность проявляется со стороны торжествующей хамократии вовсю. Встретили Новый год в Мертвом переулке, где и ночевали. Сейчас возвращался домой и на заборе, на бумаге одного из заборных декретов, прочел начертанную «народною» рукой следующую надпись:

Что ни час, то совет.
Что ни день, то декрет.
А хлеба все нет.

Vox populi, vox Dei [Глас народа — глас Божий (*лат.*)]. А все-таки — все гибнет, и все покорится еще более торжествующему немцу: недаром знаменитые русские дипломаты Троцкий и Ко. «приняли ультиматум» и продолжают продавать в Бресте остатки России оптом и в розницу[2]. Да отчего им и не продавать: ведь в России нет ни людей, ни народа. Где хоть один человек, выдвинутый революцией? Даже те посредственности, которые были в старое время — и те все исчезли; с-рская Керениада не дала ни одного человека; большевизм — тем менее. Более чем когда-либо, «народ-богоносец» — это панургово стадо, бросающееся в море[3]. Нет спасения тем, кто сам себя погубил. Вчера Вилькены рассказывали о поездке Жоржа[4] из Владивостока в Москву: порядок только в Маньчжурии[5], которую охраняют китайцы; в русских пределах их девять раз обыскивали; в Перми едва не расстреляли поезд, потому что некий комиссар, реквизировавший у ресторанного повара 2800 рублей, разозлился на протестовавшую публику и хотел было расстрелять поезд с помощью милиции и красной гвардии; наконец, раз у них украли паровоз какие-то солдаты для своего «воинского» поезда. Где же выход из этого бедлама?

4 января. Опять слухи об уничтожении государственных займов: что повлечет это за собою — обнищание людей, не

способных к работе или отвыкших от нее, но большей частью людей скорее цивилизованных; «буржуазия» дала более всего для займа свободы[6], теперь она должна платиться и за то, что у нее были кое-какие деньги, и за то, что у нее были все же кое-какие зародыши сознательного патриотизма. Какова будет участь всех, кто свое состояние поместил в так называемых спокойных бумагах?[7] Надо думать, что все это опять-таки временные явления, но каков будет поворот, который нас потянет вон из бездны, в которую мы падаем все ниже; и каковы будут наши остатки в тот момент, когда придет этот поворот? А наряду с этим постоянные настойчивые слухи о скупке русского достояния: англичане, американцы, немцы скупают земли, заводы, банки, и когда Россия избавится от большевического кошмара, она очутится во власти иностранцев. Все эти дни я был занят выуживанием вещей из стального ящика; пока что не удалось; сомневаюсь, чтобы вообще удалось и впредь; но это дало мне возможность посетить банк — нет ничего ужаснее пустого покинутого банка, в котором хозяйничают бывшие солдаты. В Музее выдали квартирные; даже удивительно; пока придирок никаких. В Бресте немцы отодрали наших «делегатов» за воззвание товарища Крыленко[8] и воспользовались им, чтобы быть с Россией еще более жестокими, а товарищи бывшие солдаты так и валят домой. Глупость русского народа, самая отъявленная неприкрытая глупость, которой пользуются изменники и негодяи, — вот то, что в действительности оказалось на месте пресловутого здравого смысла русского народа. Сегодня опять не вышли газеты. Товарищи их арестовали, вероятно, из-за завтрашнего дня: в Москве на заборах и стенах висят рядом приказ Совета рабочих депутатов, запрещающий демонстрации 5-го за всенародный кабак, и прокламация, призывающая всех на улицу в этот день[9]; ждут пальбы. Что будет на самом деле? И если кровь прольется, то за что она прольется: за химеру, за отвлеченное понятие Учредительного Собрания, за утопию, выдуманную русскими доктринерами.

5 [января]. Несмотря на демонстрацию, которая состоялась, весь день не принес мне никаких новых впечатлений. Я весь день сидел дома, много занимался, и как будто вне дома ничего не было. Говорят, что сегодня в Петербурге могло что-нибудь произойти. Я в это не особенно верю и не знаю даже, нужно ли этого желать, ибо возвращение господства с.-р. и царство всенародного кабака не есть выход из положения.

6 [января]. Всенародный кабак открыли вчера; президент Чернов; большевики уже на первом заседании покинули залу, так что конфликт, вероятно, неизбежен. Говорят, что с.-р. решили не выходить из Таврического дворца и не решать вопроса «о власти», а заниматься проведением законов, которыми можно будет подкупить любовь народа, и тогда свергнуть

большевиков — это «законы» «о мире», «о земле» и т. п. Борьба начнется, вероятно, с разгона кабака и с провозглашения съезда советов учредительным собранием[10]. Говорят, что с.-р. в случае своей победы хотят провозгласить президиум русской республики из Гоца, Минора и Авксентьева[11], а министерство поручить Рудневу. Вот скорбные главы!

О вчерашнем дне в Москве пока не удалось ничего толком узнать. По-видимому, была стрельба, были убитые и раненые, но каково было общее настроение и каковы числа жертв, не знаю[12].

Завтракал у Савина в обществе Богословского, Егорова, Котляревского, Н. В. Сперанского и др.; много говорили все о том же; выхода, кажется, никто не видит; говорили об Университете, положение которого экономическое столь же безнадежно, как и положение России. Что нас ждет в ближайшие дни: как отзовутся на Университете последующие взрывы и столкновения? Ясно, что в сумерках скудной русской культуры несдобровать и ее рассадникам.

7 [января]. Сегодняшний весь день — под знаком убийства Кокошкина и Шингарева[13]. Их убили больных в больнице. Кажется, в этом сомневаться не приходится, и это в то время, когда выпускают на свободу Белецких, Курловых[14] и т. п. В чем тут дело? Вечером циркулировали еще более страшные слухи о новых убийствах и о бое в Петербурге, но это еще требует проверки.

8 [января]. Убийство Кокошкина и Шингарева, увы, подтвердилось; остальные слухи об убийствах — нет. Бедный всенародный кабак распущен после суток существования; да и зачем было существовать этому кабаку, когда вся Россия — кабак в прямом и переносном смысле. Грустные вести из Заранья. 28 декабря пьяные граждане Запрудья ворвались к нам в дом и унесли два ружья [далее зачеркнуто: Влад. Влад.] брата. Начало положено; остальное пойдет по проторенной тропе. Грустно, хотя я и ожидал этого; грустно, что не придется жить в русской деревне, что Володю не придется воспитать на родной природе.

Завтра ждут большевической манифестации, запасаются провизией, ожидая нового московского осадного сиденья[15]. Как трагично умер Кокошкин; погиб в день существования того самого учредительного собрания, закон о котором писал[16]; и это символ погибшей России и неудачи ее революции. Забастовка банков продолжается[17]; начинает портиться городской водопровод — быть может, это последствие забастовки инженеров? Грустью веяло от рассуждений профессоров на совете; в клиниках решили принять пожертвование от раненых или от кого-то стоящего за ними (большевическая управа?) для поддержания на некоторое время госпиталя; от Екатерининской больницы — отступились

вовсе; большевическое правительство решили игнорировать, т. е. не переписываться с ним; это, пожалуй, и верно, потому что, если оно укрепится, оно все равно университеты погубит, но все же все разговоры о том, писать или не писать бумаги Луначарскому, — это сплошное показывание кукиша в кармане.

9 [января]. Сейчас вечер, и, кажется, демонстрация большевиков сошла более или менее благополучно; однако эпизоды с пальбой были, и один из них имел даже последствия для меня: сегодня я был впервые обыскан. Утром мы заходили к В. Е. Кокошкиной; Владимир Федорович уехал в Петербург; затем был я на панихиде по убиенным, а вышедши оттуда, видел шествие замоскворецких демонстрантов. Красная гвардия — ужасает своим видом; толпа рабочих обычного типа, лица без веселья, шествуют по команде, кричали кому-то ура, тоже по команде — красные флаги, как всегда, с надписями, которые встречались весною уже; очень много подростков, очевидно, совсем развращенных — словом, ничего особенного; так все и должно быть в русском социал-хулиганстве; когда я подходил оттуда домой, началась перестрелка; оказалось, что дело было на Моховой, против доходного дома Музея; по рассказу Никитюка[18], которого я встретил час спустя, первый выстрел раздался неизвестно откуда, а потом эта шатия начала валять друг в друга, причем, по его словам, оказалось до 100 убитых и раненых. В 2 часа я проводил дядю Эдуарда от нас до Воздвиженки и, идя назад по Ваганьковскому[19], был остановлен двумя красногвардейскими товарищами и обыскан, впрочем, вежливо; дойдя далее до ворот Музея, я встретил Никитюка, который сообщил мне все, что писано выше. От сегодняшней демонстрации, вчерашних писем из Загранья и убийства Кокошкина и Шингарева сегодня опять на сердце скребут кошки; чувствуется, что все идет с каждым днем хуже; а выход в будущем разве только немецкий принц, посаженный при помощи немцев же, um die russischen Schweine zu frischen[20]. Вечером читал опять Кюстина и, право, нахожу, что это захаянное сказание иностранца содержит много правды: например (IV, 72), La Russie, puissante chez elle, redoutable tant qu'elle ne luttera qu'avec des populations asiatiques, se brisera contre l'Europe[21]; ведь это целое пророчество.

10 [января]. По проверке оказалось, что на Моховой было трое убитых, а может, и всего трое убитых и раненых; характерно, что демонстранты в панике высадили зеркальную раму в доме Красильщиковой против Румянцевского Музея и спасались в этот дом от выстрелов. За день мало впечатлений и известий.

11 [января]. Сегодня — новая напасть: от Союза служащих государственных учреждений явилось предложение получить

жалованье за три месяца вперед и забастовать вместе со всеми учреждениями; всеобщая забастовка ожидается на днях; я стою на той точке зрения, что мы (Румянцевский Музей) — учреждение, которое должно хранить и которое ни в каком случае не должно принимать участие в политике.

По словам Нины, панихида в Храме Спасителя[22] по Шингареве и Кокошкине была очень величественна и многолюдна. В остальном день не принес ничего нового; все то же беспросветное состояние, без всякой надежды впереди, среди всеобщего разложения и гибели; я уверен, что большевики продержатся очень долго, потому что их некому сменить, за исключением разве иностранцев, которым до этого надо между собой помириться.

13 [января]. Вчера грустная, печальная Татьяна[23]; такой еще никогда не бывало; был в университетской церкви с таким чувством, что в последний раз, может быть; затем сидел на совещании профессоров, где с грустью и кислотой говорили все о том же: о новых захватах клинических служителей, об отношении к большевикам, о грустной будущности бедного Университета; чувствовалось, что все мы какие-то обреченные. В Музее своя тревога; с одной стороны, опять обсуждали вопрос о забастовке, хотя все в общем стоят на моей точке зрения, что мы не должны участвовать в борьбе партий; с другой, надо просить денег и охраны у большевиков, а главное, зажать рты хамам и акулам служителям; сегодня выяснилось (из свидания князя Голицына с г. Малиновским), что большевики готовят прибавки хамам, а может, и вольнотрудящимся, но тогда наши нештатные дамы заволновались, могут ли они принять прибавки от большевиков. Вопрос будет обсуждаться на дамском вече. В общих делах все ужаснее и ужаснее — гражданская война на юге и против Украйны привела к провозглашению самостоятельности последней и к сепаратному договору Украйны с немцами[24] и, наконец, к открытому заявлению немцев, что они не очистят русских земель, потому что население занятых ими областей не желает испытывать благодеяний русской революции. Так русское столпотворение приводит к осуществлению всех германских затей на востоке.

14 [января]. Русская революция имеет одну неотъемлемо свойственную ей черту — глупость, доведенную до крайних пределов; в ней все было глупо — от образования первого временного правительства, висевшего на воздухе, до большевических переговоров о мире; а вторая черта — это подражание глупости других; что бы и где бы ни выкинули, сейчас же всякая глупость находит себе подражателей, и волна подражательной глупости докатывается до полного конечного абсурда.

15 [января]. День без газет и с малым количеством слухов; тем не менее настроение самое тягостное; видел В. Ф. Кокошкина; этот жизнерадостный человек совершенно угнетен

и убит, да, по правде, и есть от чего; его впечатления от Петрограда: там все еще более подавлены, чем в Москве; настроение рисуется еще более беспросветным, нежели здесь. Черные, с А. А. Вырубовой[25] во главе, играют какую-то роль, но какую — ему это не ясно. О том, что эти силы что-то делают, я получал сведения в эти дни и из других источников. Однако насколько все эти силы, и эти и другие, организованы? Не проще ли думать, что все идет стихийно, без плана, с полным отсутствием какой бы то ни было организации, как все в России?

17 [января]. Объявление самостоятельности Украины есть апофеоз глупости русского племени и австро-германского умения не мытьем так катаньем добить этот глупый и несчастный народ; это — дальнейший шаг русской диссолюции. А если стать на их точку зрения, то, может быть, они и правы: ибо лучше стать рабом цивилизованных немцев, нежели рабом невежественных большевиков. Товарищи уехали в Брест за похабным миром[26]. Вчера впервые был в кинематографической конторе и немножко в ней забылся от всего ужаса, который меня давит и угнетает.

18 [января]. Сегодня у меня сложилось твердое убеждение, что большевики останутся у власти очень долго; на это указывает уступка банковских служащих, которые становятся на работу, уступая большевикам; лопнула забастовка служащих по ведомству финансов, сдаются городские учителя, колеблются казаки[27]; сегодня я слышал от бывших людей мнение, что война большевизма должна пройти чрез всю Россию, и только из пепла ее что-то, может быть, возродится. Начал читать лекции на Высших Женских Курсах; слушательниц мало, но все те же; спрашиваешь себя, зачем это все?

19 [января]. Сегодня большевицкий комиссар «имуществ республики» архитектор Малиновский обсуждал с нами смету Румянцевского Музея на 18-й год; новый начальник был крайне предупредителен; мы взбили смету на сумму до около миллиона, и он скостил с этой суммы много менее и любезнее, чем былые императорские петербургские чиновники. Но мне все казалось, что и он и мы — римские авгуры, которые должны засмеяться, если будут искренни[28]; все это пустое дело, и с нашей стороны, если мы и должны идти на такие разговоры, то только из активной обороны нашего Музея; от большевиков был еще художник Орановский[29], — совсем дурак и притом, вероятно, зловредный: в конце совещания он возбудил вопрос, нельзя ли всех сверхштатных сделать штатными и уничтожить слово «вольнотрудящиеся». Поляки присоединили Могилевскую губернию к Польше, а большевики говорят, что взяли Киев и что украинские полки перешли на их сторону[30]. Час от часу не легче. Известия о каких-то движениях в Германии; конечно, все это раздуто и значения

иметь не может, но все-таки было бы хорошо, если бы немцы немножко между собой порезались. Ко мне приезжал франко-итальянец Malfitano, член Institut Pasteur [Пастеровского института], член миссии «Entendement réciproque» [взаимопонимание (*фр.*)], которая дежурит в б. России с июля. Их ближайшая цель — расширение французского института в Петрограде[31] и основание русского института в Париже. О, если бы что-либо из этого вышло!

21 [января]. Вчера и сегодня больших новостей нет. Вчера налаживал разговор и свидание историков с Malfitano. Это человек застенчивый, но гораздо более симпатичный со второго раза. Он оказался Сиракузянином, и когда я это узнал, то так и всплыло путешествие в Сицилию; кажется, он был тронут моим энтузиазмом, а мне вспомнилось старое и захотелось безумно еще раз попасть в Италию. Волна большевизма идет по всей России. Германской забастовке я не придаю значения, но она все-таки факт, который может иметь определенные последствия. О, если бы мог быть приближен общий мир! Может быть, это приблизило бы и наше успокоение.

22 [января]. В газете «Фонарь» напечатаны опубликованные ранее в «Приазовском Крае» документы относительно немецких денег, которые получали Ленин, Троцкий и Ко. на свои «предприятия» от Германии[32]. Конечно, все это было известно и раньше, но документ имеет всегда особенную силу и вес. Но достигли ли немцы в России только того, что они хотели, или дела приняли несколько иной, не вполне для них желательный оборот? Это мы узнаем в ближайшие месяцы по тому, будут ли немцы продолжать поддерживать анархию или же будут стараться водворить порядок. Смогут ли они сделать последнее? Это будет зависеть от оборота дел на западе. Едва ли на руку немцам будут также централистические стремления большевиков в Малороссии и их отношение к Румынии[33]. Итак, Россию продали или, быть может, точнее, купили дешевле чем за 30 серебреников. Что же это за народ, который позволяет над собой сделать подобный эксперимент? и стоит ли о нем говорить? Приходится констатировать за последние дни усиление подавленного состояния среди цивилизованных людей; бессознательные надежды на скорое крушение большевизма не сбылись; денежное положение становится все хуже; вот источник развивающегося маразма в обществе.

23 [января]. Сегодняшние газеты принесли менее новостей, чем я думал. «Декрет» об отделении церкви от государства может иметь силу только в зависимости от того, как его будут осуществлять; думаю, однако, что нашу церковь и попов, утолстевших [так в подлиннике] и забывших Бога, может вернуть к их обязанностям и вообще поднять церковь только некоторое гонение; однако крестный ход в Петрогра-

де[34], видимо, на большевиков произвел впечатление. Движение в Германии остается неясным; кругом слышу удовольствие от разгона рады[35] — и сам его отчасти разделяю; вопрос только, как взглянут на это немцы; это должно сказаться в связи с заключением большевиками похабного мира, т. е. на ближайших днях. Еще одна основная черта русской революции — это общая лень и воздержание от труда; от этого мы отказались воевать, останемся без хлеба, без транспорта, а заработают гориллы, когда действительно «досыта наголодаются». Сегодня домовый комитет пригласил, с согласия М. М. Петрово-Соловово[36], управлять домом прокурора Могилевского суда кн. Ю. Д. Урусова.

24 [января]. Сегодня день без особых новостей. Вечером были у меня Malfitano, Савин и Яковлев. Договорились, что надо в Москве устроить маленький комитет, который бы мог вести [далее зачеркнуто: связи] сношения постоянные с соответственной французской организацией. Такова практическая сторона дела. Что из него выйдет, не знаю, б. м. ничего; я берусь за него, как за средство расширить мои слабые связи с иностранцами, в частности с Францией. Я делаю это с сознательной мыслью, что, может быть, все это пригодится в черный день, когда придется бежать из России. Покончив с делом, стали просто болтать; он оказался очень милым собеседником, который много рассказывал о Мечникове[37], о своем увлечении русскими, о своих превратностях за время войны. Мы старались осветить ему положение в России с нашей точки зрения историков. Он, видимо, слушал со вниманием. Вернулся из Питера Н. П. Киселев[38] и рассказывал, что там настроение еще более угнетенное, чем в Москве, и что просвета и там не видят. И есть еще оптимисты все-таки. На что они надеются?

26 [января]. За эти два дня мало нового. Кругом говорят, что козел революции обломает рога о церковную ограду. Так ли это? Хватит ли у православной церкви силы противостать гонению? Боюсь, что нет, и что самодержавие, и православие, и русская народность[39] — все это один bluff [блеф (*англ.*)], одно, как и другое. Все кругом продолжает быть в маразме и в ожидании каких-то провиденциальных перемен, которые, вероятно, никогда не придут, или придут, когда [далее зачеркнуто: не будет никакого] давно иссякнут всякие надежды.

27 [января]. Сегодня, наконец, выпустили «декрет» об «аннулировании» займов[40]; хотя, конечно, все еще, вероятно, переменится, тем не менее, он произвел на меня тяжелое впечатление — сколько народа выброшены на улицу, и все это такие люди, которые жили кредиторами государства и никому не вредили. Что же, это сделано в самом деле de bonne foi [искренне (*фр.*)] или же нарочно, чтобы отучать от социализма? Ведь, право, если смотреть оптимистически и

юмористически — возможно, что это так, чтобы отучить социалистующую Россию от ее химер. Очень страшно за родителей жены: трудиться упорно столько лет и успокоиться наконец — вот меньше года прошло, и все состояние опять под знаком вопроса. Сегодняшним известиям о наступлении Алексеева я не верю[41]; это было бы слишком хорошо, а все хорошее — слишком далеко от действительности. Мирные переговоры затягиваются; движение в Германии прекратилось, но кажется, что немецкая инспирированная пресса начинает травить большевиков.

28 [января]. Сегодня был крестный ход в Москве. К сожалению, мы его не видели; говорят, что народа было много; подробностей пока не знаем; я не пошел, потому что у меня прогрессирует антропофобия [человеконенавистничество (*греч.*)] и потому что сегодня утром у меня на шее был «жернов осельский»[42]. Потом нас посетил А. А. Кизеветтер и рассказал интересную вещь: от делегации Мирбаха и Кейзерлинга[43] приезжали в Москву уполномоченные для переговоров с промышленными тузами, пробуя заручиться их сочувствием делу мира; они говорили, что знают, что большевики — пена, которая исчезнет, и что они желали бы завязать переговоры с существом русского общества; видимо, что мир с большевиками кажется им ненадежным и их не удовлетворяет. Это любопытно, но что же эти дьяволы сделают для того, чтобы удалить нынешних владык земли русской? Известие о наступлении Алексеева опровергнуто, как и следует ожидать. Сегодня приехал из Киева С. Д. Кучин, пробравшись через Сарны, Лунинец и Брянск; по его рассказам, в Киеве похоже на то, что было в Москве 28 октября — 3 ноября; берут верх большевики[44], потому что наемные красногвардейцы, напоенные допьяна, оказывается, легко побеждают украинских солдат, которые разложились не меньше наших, очень неустойчивы и стремятся только «втикати». Вот в чем секрет большевицких побед.

30 [января]. Приехал брат — ликвидированный человек; но смотрит на вещи бодро. Вчера попали в Большой театр — на один из последних спектаклей в абонементную ложу, которую все равно удержать будет нельзя; в царской ложе сидели торжествующие хамы из солдатских депутатов — гнусно и противно. Вчера же был университетский совет — наши профессора, я говорю, по крайней мере о господствующей группе, — большие идеологи; они упорствуют в непризнании большевицкого правительства и даже не желают отвечать на вежливые, пока что, запросы из бывшего министерства. Сегодня пришли известия, что Троцкий и Ко. в Бресте мира не заключили, но заявили, что война прекращена. Это было сделано или по соглашению с немцами, и тогда это — фиговый лист, или это сделано было в виде наглой бравады по отношению

к немцам; в обоих случаях у немцев руки развязаны, и они могут сделать с бывшей Россией — все, что им угодно[45]. Так гнусно кончить войну — беспримерный в истории случай.

31 [января]. Пью бром и тем стараюсь сохранить душевное равновесие. Общий разговор о пресловутом «мире» г. Троцкого. Суждения в большинстве случаев схожи с моим; открывается возможность новых головокружительных событий, которые могут дать самые неожиданные результаты. Думаю, что это событие — какой-то перелом в большевицком иге, но какой, еще не знаю. А большевики продолжают душить мелкого буржуя — сегодня декрет о новом, третьем сборе подоходного налога, на этот раз — в пользу собачьих депутатов. Платить его при всем желании нечем. Стараюсь убедить и себя и Нину, что нужно все продать и все ликвидировать, как ни грустно расставаться с памятью о всей прожитой жизни. Было опять свидание с Malfitano, вырабатывали текст «appel» [призыва (*фр.*)] к взаимному пониманию.

Февраль

1-е или 14-е, не знаю — пока пишу оба числа; готов приветствовать это первое здравое изменение, проведенное большевиками[46]. Сегодня мы закладывали свое серебро, которое лежало на хранении в ссудной казне[47]; нам казалось, что лучше что-либо получить под залог его, ибо дома его держать нельзя, а если его оставить там без залога, то дождешься его конфискации. Оказалось, что ссудная казна теперь арена действий исключительно буржуев, которые закладывают то немногое, что у них осталось. Мир, заключенный радой и не заключенный большевиками, производит большое впечатление; об этом говорят и предвидят всяческое зло, так как немцы сделают Малороссию объектом своих вожделений.

3 [февраля]. Сегодня слышал от Мануйлова, что товарищи наборщики заявили, что в вопросе о праздниках они стоят на стороне церковного собора — в этом сказался русский человек во всей его красоте[48]. Говорят, что в Киеве убили митрополита Владимира и генерала Иванова[49]; интересно, подтвердят ли это газеты завтра? Начал читать лекции в Университете; к удивлению, лекция состоялась, хотя и при очень небольшом числе слушателей. Общее сознание, что большевики сидят надолго, укрепляется повсюду.

4 [февраля]. Сегодня Яковлев делал блины С. П. Бартеневу[50] и его сыну В. С., оставленному нами при Университете за услугу, оказанную ему у большевиков. Бартеневы оделись в волчью шкуру и с этой точки зрения представляют любопытное явление. Много говорили о тактике сегодняшнего дня. Преобладало мнение, что переодевание в волчью шкуру

лучше, чем что-либо иное. То, что сегодня писано о Киеве, превосходит всякие ожидания и вероятия. Убийство митрополита Владимира искупило его темное прошлое; самоубийство Каледина[51] — кошмар.

5 [февраля]. Дело на Дону кончается; большевизм и там побеждает, и, быть может, победа над бедными русскими генералами и офицерами без солдат будет решительнее и прочнее, чем над лукавыми хохлами, которые, предводимые лукавым Грушевским, отправились за немецкой подмогой[52]. Надвигается и война с одураченными и обозленными румынами, которым сами русские дали возможность с России содрать все то, что немцы не дали им содрать с Австрии[53]. В Музее учинили профессиональный союз всех служащих и избрали председателем кн. Голицына[54]; задача — беречь себя и добывать прибавки хамам. Дай Бог, чтобы мы не прогадали с этим делом.

В вечерних газетах сообщалось, что 4 февраля с-ры праздновали память Каляева: в большой аудитории Университета Шанявского собравшиеся плакали «о поэте-революционере, который отказался от помилования, боясь, что морально пострадает партия»[55]. Старый дурак дедушка Минор «представил» присутствующим брата Каляева, который «был так растроган, что упал без чувств». Бедная Россия, ты еще далека от исцеления.

6 [февраля]. Совершилось. Немцы возобновили войну; по-видимому, они взяли уже Двинск, возьмут Гапсаль[56]. Шведы, заступаясь за финляндскую белую гвардию, т. е. за цивилизованных шведов, идут на Торнео и заняли Аландские острова[57]. Большевики приостановили демобилизацию и взывают к священной войне[58]. Поздно. Что ты посеял, то и жни. Злонравия достойные плоды[59]. Развращенный ими народ умер, и ничто не пробудит в нем любовь к родине, которой в настоящем смысле у него и не было. Перевернулась новая страница русского смутного времени, и это одна из самых скорбных; народ-богоносец, увы, еще глубже опустился в яму отхожего места.

(8) 21 [февраля]. Большевики просят мира у немцев, а немцы идут вперед и забирают несчастную русскую землю. Теперь они могут сделать все, что хотят. Но что они хотят? Еще раз выторговать у большевиков выгодные, даже гораздо более выгодные, чем в Бресте, условия или же хотят устранить их, потому что они им не нужны для разложения России, доведенного до пределов, и потому что очаг пугачевщины на всей территории бывшей империи русской не может быть терпим с точки зрения Западной Европы: ведь такая зараза не может не оказать своего влияния и на Европу. Для немцев прямой расчет восстановить куцую Россию в виде монархии и по-прежнему, как до Александра III, властвовать в

ней[60]. Если будет первое, т. е. торговля с большевиками, то нам, цивилизованным людям, будет еще хуже, чем было, а если второе, то, значит, нам предстоят новые испытания, такие, каких у нас еще не было. Господство немцев, возможная немецкая оккупация — реально это означает пяту завоевателя, оскорбления, презрение белого к цветному, немца к русской свинье, но, по всей вероятности, — восстановление старого механизма, целость сбережений, водворение порядка. В духовном отношении это — полный крах всего; но ведь я уже переболел и оплакал Россию, какою я себе ее представлял и какою я желал ее видеть. С моей точки зрения, у нас все в прошлом, как это прошлое ни было тусклым. Большевизм, как опыт социалистической пугачевщины, настолько дик и тяжел, что даже владычество бронированного немецкого кулака кажется меньшим злом, чем разгул русских горилл. Ужасно в этом признаваться, даже самому себе. Но ведь гибель русских погромщиков неизбежна, так лучше пусть она придет поскорее. А народная честь, а стыд? Но ведь нельзя этих понятий даже прилагать к народу, который сам себя попрал и продал, который счел для себя ненужным даже обеспечить свое бытие.

(9) 22 [февраля]. События развиваются в том же направлении; немцы заняли Минск, кажется Полоцк[61]. Что они предпримут дальше? Меня поражает тупое равнодушие московской публики: ходят, гуляют, все театры действуют, ничто не трогает и ничто не всколыхнет эти массы, несмотря на истерические выкрики народных комиссаров о том, что «социалистическое отечество в опасности». Ведь выдумают же такой термин! Это дурачье устами главковерха призывает бороться с немцами из-за угла партизанскими отрядами, собирается объявлять какую-то мобилизацию. Сегодня я слышал, как один молодой солдат, несомненный большевик, говорил другому — «станет кто исполнять их приказания», а горничная или портниха, прочитавши истерическое воззвание, заявила — «ишь, раскричались!» Нет, убитых остатков или, вернее, зачатков патриотизма не воскресить, особенно самим убийцам. Сегодня я узнал о неожиданной, бессмысленной смерти моего ученика А. Я. Лютша, способного, хорошего мальчика, из которого вышел бы честный и добросовестный ученый работник. Язва в желудке в 24 года. Когда мне это сказали, я долго не мог очнуться от ужаса, несмотря на то, что сейчас ко всему, кажется, мы притерпелись.

(10 [так в подлиннике; должно быть: 11]**) 24 [февраля].** Вчера похоронили бедного Лютша; мы проводили его до кладбища, и мне как-то решительно не верится, что этот скромный, добросовестный молодой человек уже больше не существует. У меня вовсе не было так много учеников; но Лютш был всецело мой ученик, и мне еще более жалко терять

его именно потому, что это был мой, действительно мой, ученик. Я не знаю, что вышло бы из него; пожалуй, скорее что-нибудь очень скромное; при своих способностях и несомненной одаренности, он был упрям и немножко идеолог, немножко фантаст; он не хотел сосредоточиваться на научной подготовке и за два года едва ли приготовил два магистерских билета[62]; он отвлекался многими предметами; в последнее время — например, преподаванием на курсах Полторацкой[63]; в нем было много артистического, он увлекался музыкой, наукой; судя по его разговорам, он умел отлично, по-своему, наслаждаться жизнью, несмотря на более чем скромные условия жизни, в которые он был поставлен. Но в нем, с другой стороны, была громадная добросовестность, объяснимая его не совсем русской кровью. За что он брался, то он исполнял; и только в том, в чем он был ответствен перед одним собой, он позволял себе своеобразно эпикурействовать. Он был прекрасным работником в Музее, где его ценили, и где он почти единственный не потерял работоспособности в последние месяцы. И вот такой человек умирает от язвы в желудке в 24 года. Мы проводили его на Пятницкое кладбище и после погребения прошли на могилу Грановского, покоящегося в уголке западников, вместе с Н. Станкевичем, Кетчером, Коршем, М. С. Щепкиным и А. Н. Афанасьевым[64], двоюродным дедом моего Лютша.

Большевики приняли ультиматум Германии[65]; условия еще более тяжелые, но большевики не будут в состоянии выполнить их: прекратить пропаганду, вывести свои войска из Украйны и демобилизовать не только белую, но и красную армию. Это значит отказаться от углубления революции, а этого они сделать не захотят и не смогут. В немецких условиях много такого, на чем они будут в состоянии играть, и играть с большевиками как кошка с мышью; но, заключив мир, большевики все же продержатся еще некоторое время; на этом построен их расчет; пусть погибнет Россия, но да здравствует социалистическая республика. И они могут гордиться. Россию они погубили, они ее догубили, действуя вслед за Николаем II, Львовым, кадетами и Керенским. Позорное дурачье, будь они все прокляты судом истории. Мы сейчас возвращались домой и видели пьяного демократа, кричавшего, прислонившись к фонарю: «Пусть меня Ленин и Троцкий расстреляют, черти проклятые; будь они прокляты, а я всю ночь буду здесь стоять и кричать: Ленин, Троцкий, черти проклятые». И я готов повторить то же самое. Проклятие этим убийцам России, проклятие русской интеллигенции, которая довела народ до того состояния, в котором он находится. А черная бюрократия ничему не научилась: сегодня в Мертвом переулке обедал Н. П. Муратов[66] и нес такую чушь, что я даже запротестовал; ведь нельзя же обвинять декабрис-

тов в современных событиях. Вчера я узнал из нескольких источников, так что сомнений не остается никаких, что из 1½ миллионов пожертвований, которыми располагал стачечный комитет городских служащих, один миллион был украден. Дальше идти некуда.

(11 [так в подлиннике; д. б.: 12]**) 25 [февраля].** Какой-то сброд из жидов-интернационалистов, людей без отечества, без чести, без закона, бешеных горилл из русских рабочих и бывших солдат в количестве 227 человек, большинством 116 против 85, при 26 воздержавшихся, решил участь России и согласился на немецкие условия[67]. Немцы успели занять Псков, Ревель и Борисов[68]. Так идут события на русской земле. Что же будет дальше — вот роковой вопрос, который задаешь себе каждый день, каждую минуту. Игра не кончена, недаром большевики обнаруживают растерянность и неуверенность в завтрашнем дне. Малиновский говорил Виноградову, что они не знают, будут ли они на ближайших днях комиссарами. Я думаю, что будут и еще некоторое время продержатся.

(14) 27 [февраля]. События нарастают. Германцы несомненно идут на Петроград, и я думаю, что туда они дойдут. Насчет Москвы — это дело темное. Кругом уже учитывают этот приход; говорят, между прочим, что идет чрезвычайно энергичная скупка русских бумаг[69] немецкими агентами. Несомненно, вся бывшая Россия будет под немецкой пятой, что о ризах ее уже мечут жребий[70]. Страшно, грустно, стыдно за всех и за весь этот отвратительный в своей дикости народ. Ловишь себя на том, что ненависть к большевизму больше, чем ненависть к германизму.

(15) 28 [февраля]. Все идет по тому же пути; однако думаю, что развязка относительно Петрограда наступит не так скоро, быть может неделя, а то и больше. Вопрос о Москве затянется. Ужаснее всего будет, если вся сволочь явится в Москву и будет проявлять себя здесь во всей своей красе. Грустно и больно было сегодня читать лекцию о теории славянофилов. Какое глубокое заблуждение; как ошибались эти прекрасные люди, мечтая о блестящей судьбе страны, кончившей как старый алкоголик в одном из романов Золя: подожгли и сгорела без остатка. Вечером были дядя Эдуард и Мальфитано; хорошо поговорили; Мальфитано — мечтатель и нас же утешает в нашем горе.

(16 [февраля]) 1 марта. Сегодня почему-то страшный гнет на душе. Ужасно, если придут немцы; ужасно, если останутся большевики. Это неразрешимая дилемма, хотя умом представляешь себе довольно ясно, что только внешняя сила может выпихнуть большевиков. Немцы приостановились, продвинувшись довольно далеко; для чего? чтобы осесть или

же чтобы следующим прыжком захватить Петербург? Вечером заседание домового комитета, в котором я давно не был; а между тем ходить нужно; собачьи депутаты и их аггелы скоро сделают натиск на буржуйские квартиры; возможен новый налог, возможны попытки уплотнения; впрочем, говорят, что можно откупиться и что откуп стоит 500 рублей.

(17 [февраля]) 2 [марта]. Калейдоскоп известий. Утром Ленин разослал телеграмму, что переговоры разорваны[71]; днем известие, что неведомые проходимцы, отправленные в Брест[72], решили подписать мир, отдав еще в добавок к прежнему — Карс и Батум туркам. Что из этого выйдет, даже представить себе нельзя. Если этот мир будет действительно утвержден, то может статься, что Питер не послушают в Москве и в других городах, и война будет все-таки продолжаться; во всяком случае немцы могут продолжать играть с большевиками как кошки с мышами. Но если они стремятся к новым отторжениям от России, то можно ли их себе представлять как спасителей? А ведь это именно так и есть, по крайней мере, в Москве. Я в этом еще раз убедился, побывав сегодня в Английском клубе.

(18 [февраля]) 3 [марта]. В известиях много смутного. Что Покровский и Ко. подписали все, что им было предъявлено, — это факт[73]; но какие последствия из этого вытекут — это неясно. События бегут так, что даже мыслью за ними не угнаться. Сегодня мы праздновали наш академический праздник — диспут В. И. Пичеты[74], которому возражали Любавский и я; насколько мне кажется, диспут был из удачных как по общему настроению, так и по характеру возражений. Затем было угощение у Пичеты на дому; развязались языки, было уютно, хотя забыть об общем ужасе не пришлось; в различных речах много говорилось о том, что нас ждет и что мы переживаем — течения разделились: были пессимисты с Любавским во главе и оптимисты, которых представлял Егоров; но все согласны были, что до такого ужаса мы еще не доживали; много говорили о необходимости воспитать национальное чувство — как поздно об этом спохватилось русское цивилизованное общество.

(19 [февраля]) 4 [марта]. Мирный договор не ладится; заняли Нарву[75]; правители переезжают в Москву[76]. В Москве усиливаются анархисты; занимают особняки, а сегодня, говорят, захватили Английский клуб. В воздухе что-то нависло, как никогда еще не нависало. Я не знаю, что будет — погром, нашествие немцев или иное что, но что-то будет. От большевических кругов Кремля идет слух, что в числе немецких условий есть право вывезти из России произведения искусства, какие они найдут нужным; если это и так, то гориллам не нужны произведения искусства; но такое условие показывает, что с большевиками немцы собираются поступить сурово. Мирные условия подписаны М. Н. Покровским — вот истин-

но позорное имя в русской истории и позор для школы московских русских историков.

(20 [февраля]) 5 [марта]. Газеты не вышли, потому что, говорят, некоторые газетные идиоты из принципа решили не выпускать, пока цензура существует; они наказывают всех нас и свой карман, думая, что наносят удар большевикам, которым на них наплевать. Слухов мало, но говорят, что немцы требуют восстановления порядка в полном объеме; с одной стороны, это, может быть, и так, но тогда как могут немцы думать, что большевики честно выполнят это требование; но ведь немцам, с другой стороны, нельзя терпеть того кабака, который у нас существует. А ум все так вокруг немцев и вертится — пропала Россия, если спасти нас могут только немцы, а турки выгоняют нас из Трапезунда. Позор; еще раз чувствуешь, что можно жить только своими личными интересами — ни для чего другого в бывшей России жить не стоит, и сколько бы мы ни прожили — и не будет стоить. Много раз неврастеническое настроение успеет за день смениться — а все-таки рассудком приходишь к одному и тому же: Россия кончилась, сама себя предала, народ сам вырыл себе могилу — а теперь лишь логическое развитие всего того, что мы видели за последний год. Сегодня мы поднесли Любавскому единственный экземпляр, доставленный в Москву, сборника, затеянного четыре года назад[77]; сборник очень хороший, и подношение было теплым; быть может, это последний сборник этого рода.

(21 [февраля]) 6 [марта]. Сегодня слышал, что отныне навеки знаменитый М. Н. Покровский, который осенью жил на квартире у А. Н. Веселовского, куда-то исчезает и даже не приехал к Веселовскому сам, а по телефону просил собрать белье и пожитки, сказав, что пришлет за ними. Вероятно, этой гадине совестно даже видеть людей, с которыми он был знаком в старый московский период своей жизни. Рассказывали также, что будто бы тот же герой второй русской смуты заявляет, что дни большевиков сочтены. Интересна его речь в совете рабочих депутатов в Москве: она вся проникнута печалью — это не торжественный гимн, а отходная. Подлец и изменник, способствовавший преданию своего отечества на поток и разграбление немцам, с крокодиловыми слезами доказывал, что они хотят нас доконать, и, кажется, советовал не ратификовать [так в подлиннике] мира[78]. Проклятый, влюбленный в себя квазимодо, к которому я всегда чувствовал какое-то гадливое ощущение. Не сделавшись ничем другим[79], он стал Геростратом или, вернее, одним из геростратов России. Что ж! Суд истории его рассудит. В Москве распространяются анархисты и захватывают дома; непонятно еще, что они — могильщики большевиков или новая ступень в погружении русского народа в отхожее место.

(23 [февраля]) 8 [марта]. Собачьи депутаты, следуя товарищу Луначарскому, закрывают все учебные заведения г. Москвы[80] под предлогом голода, эпидемий и эвакуации «столицы» в Москву. Это смерть тех слабых ростков цивилизации, которые еще теплились в Москве или, по крайней мере, их долгая летаргия. Сознание всеобщей гибели и разрушения все более овладевает мной; сознание общего краха всей жизни, всего миросозерцания. А в Москву перевозят пресловутых народных комиссаров; в Москве идет такая вакханалия реквизиций помещений, перед которой бледнеет все бывшее доселе. Произвол, насилие и ничего больше; скрывают продвижение немцев, а оно все-таки совершается по какому-то плану. И большевизм и германизм, как две петли, душат бедную, гаснущую русскую жизнь.

(25 [февраля]) 10 [марта]. Вчера мы обедали с Любавским в тесном кругу, в квартире Веселовского; предлогом было поднесение ему книг [так в подлиннике], а настоящей причиной — отвести душу, забыться хотя бы на один вечер. Совершенно непьющая ученая среда на этот раз изменила своим привычкам и немного выпила; при взвинченных нервах создалось повышенное и оживленное настроение; много и легко говорили, и преобладающими нотами были ноты патриотические; это вытекало из личности Любавского, который все-таки был центром, и из общего чувства «Мариев, плакавших на развалинах Карфагена». А сегодня опять неисходная тоска, потому что все валится вокруг. Невольно спрашиваешь себя — делал ли хоть ты всегда все, что было нужно. Конечно, лучше было бы добровольно уйти на войну и там своевременно прикончить свое существование; но этому помешали три вещи — мой прирожденный индивидуализм, который всегда заставлял меня стараться жить не как Бог велит, а как сам я находил нужным; во-вторых, то, что на свои ученые занятия родной историей я смотрел как на служение родине, которое мне надлежало продолжать всю жизнь; и, наконец, семья. А теперь — счастлив тот, кто умер на войне, думая, что он способствует благоденствию и спасению России, и не зная, что русскому народу все равно, будет ли он свободным или рабом. Горько думать, что и наши все научные занятия — это никому не нужная роскошь, в которой русские гориллы не нуждаются и нуждаться не будут; а будущие владыки — немцы — сами сумеют использовать материальные и письменные памятники погубившего себя народа. Сегодня химерическое известие о новом русском правительстве кн. Львова и Путилова, которое образовано где-то в стране восходящего солнца под защитой японских штыков[81]. И само по себе все это утопично, а раз во главе будет этот рыхлый вегетарианец, то и подавно ничего не выйдет. Да если оно и имеет будущность, то все равно нас здесь задушат ранее, чем они сюда явятся. Все равно от своей погибели мы не уйдем.

(26 [февраля]) 11 [марта]. Целый день слышно только о «реквизициях» помещений, т. е. попросту о выгонке людей с их квартир в 24, 48, 72 часа, о захвате особняков и т. п. действиях на пользу народа; отнимают последнее; после денег — похищают личное имущество; скоро будет так, что имущие станут нищими, а грабители расхитят награбленное и «тогда придет Бирон, Мерзенштет и Гаденбург и великий Сукензон»[82], как писал еще князь Вяземский. Вечером был у Мальфитано и познакомился с его компаньоном Avenard, французом очень симпатичного типа; оказывается, в Москву перебрался весь Institut français. В университетском семинарии прочитал отличный реферат мой ученик Камерницкий — критический разбор истории Покровского[83]; это была хорошая и здоровая критика марксизма.

(27 [февраля]) 12 [марта]. Весь день с двух часов я сидел дома и пытался заниматься, в общем сравнительно удачно; надо пользоваться такими минутами, их становится все меньше и меньше. Утром, несмотря на праздник годовщины начала русской смерти и позора[84], я занимался на Высших Женских Курсах при наличности 3 слушательниц, молодцы! На улицах мало народа; кое-где красногвардейская сволочь с ружьями чего-то ждет и кого-то ищет. Ужасает надвигающийся ужас переселения властителей из Петрограда; здешние же грозят даже выселением всех ненужных ртов из Москвы — куда угодно. А на какие деньги? Очевидно, из этого создадут новый усовершенствованный способ есть буржуя и отделываться от неприятных им лиц.

(28 [февраля]) 13 [марта]. Положение не меняется; в Москве все та же волна реквизиций; по улицам в автомобилях или в «хамотрясах» ездят люди с самыми удивительными физиономиями, которых, встретив в укромном уголке, можно испугаться. Университетский совет; наконец, решили вступить в деловые сношения с современной властью; давно пора, хотя я не знаю, что выйдет из этого хорошего; решили всячески отстаивать университетские занятия; и из этого тоже не знаю, что получится. С. Б. Веселовского избрали экстраординарным профессором по истории русского права[85]. Будет ли он читать когда-нибудь в Университете?

Март, ст. стиля

(1) 14 [марта]. Пекли блины у себя дома — один раз в масленицу; Шамби рассказывал разные утешительные вещи, но я им не верю. Сегодня утром я много ходил по улицам, видел разные физиономии делегатов, которые явились в Москву[86]. Их можно было узнать по любопытствующим лицам, нахальному виду, ходьбе группами. Меня брал ужас, что эти банды

дикарей будут решать судьбы несчастной страны; отребье, чернь, руководимая демагогами, топчет в грязь «все великое, священное земли», и нет ни одного голоса цивилизованного человека, который бы направил и предостерег их и к которому бы они прислушались. Вся эта сволочь исполнит то, что им прикажет их царь — Ульянов — а потом? А потом они не сумеют выполнить условия мира.

(2) 15 [марта]. От французов, проповедующих Entendement Réciproque [взаимопонимание (*фр.*)], я слышал слово, которое мне очень понравилось, потому что оно верно. Русские после мартовского переворота помнили только «leur peau et leur poche» [свою шкуру и карман (*фр.*)]. Шкура и карман — вот что повело к нашей гибели; это и не могло быть иначе; не только народ, но и интеллигенция признала себя свободной от всех обязательств, принятых по отношению к кому бы то ни было; ni foi, ni loi [ни стыда, ни совести (*фр.*)], свое собственное благо, достигаемое какими-угодно средствами, — вот что стало целью; но ведь дело обстояло и ранее не лучше. Если интенданты были, как говорят, скромнее, чем раньше, то военные инженеры и особенно врачи показали пример взяточничества и злоупотреблений всякого рода. Сухомлиновы и Мясоедовы продавали Россию, теперь ее продают большевики. Боялись, что Штюрмер[87] предаст союзников; что же удивительного, если теперь предали и румын, и армян, и грузин и всех, кого только можно было продать. Шкура и карман — вот лозунги, в которых погиб русский народ, но погиб потому, что эти лозунги и раньше были его единственным лозунгом и потому что на большее он морально не способен — и не от одной темноты, а от той лживости и нечестности, которые не умирают и в русском интеллигенте.

В 3 часа состоялось наше собрание Compréhension réciproque. Было около ста человек; были сказаны теплые слова; чувствовалось, что русский интеллигент очень расположен к идеям такого взаимного интеллигенческого общения, потому что по существу эти идеи ему близки и понятны; я уверен, что если бы общественный барометр стоял на уровне прошлой весны, наше собрание имело бы очень большой успех; но сейчас русский интеллигент совестится бессознательно всего им содеянного и стыдится своих союзников. Последнее впечатление я вынес из довольно многочисленных переговоров по этому делу. Слышишь ответы — теперь не время, да разве можно; а за этими ответами чувствуются горечь и стыд. Однако наши французы и итальянцы были очень милы и держали и держат себя как нельзя лучше. Я, все-таки, считаю, что собрание удалось и что, может быть, из всего этого что-нибудь и выйдет.

(3) 16 [марта]. Они ратификовали мир[88]. После заседания, тянувшегося целый день, где гориллы ругались, едва ли не дра-

лись, они утвердили «похабный мир». Россия, связанная и изувеченная, предана ими их хозяевам-немцам. «Вот день начала многих бед для Греции», вспоминаю я слова Фукидида[89], хотя, впрочем, для России было уже так много подобных дней, что одним больше, одним меньше — все равно. В истории русской катастрофы перевертывается еще одна страница, но это не последняя. Мне нередко вспоминаются речи покойного В. О. Ключевского перед открытием первой Государственной Думы. Он сказал мне тогда — жизнь покажет, что делать, жизнь выведет; надо только показать мужику, что он дурак, да поладить с окраинами. И вот теперь русскому мужику [далее зачеркнуто: -горилле] -вороне эпигоны народничества и лисицы — интернациональные, в частности жидовские, изменники — напели[90], что лучше, выше и умнее его нет никого на свете, а наши окраины или сами отложились от нас, убегая от пугачевщины, или же выданы нами на поток и на грабеж. Как верно определил Ключевский наши две самых тяжелых болезни, и как тяжело эти болезни отозвались в наше время. Народ идиотов, кто тебя исцелит и направит? Рабство у немцев, рабство в позоре — немецкое Viehzucht, точнее Russisch[e]-Schweinzucht[91] — вот будущность народа-самопредателя. Все история может исправить, кроме того, чтоб народ сдуру, от небывалой в истории тупости и отсутствия чутья, сам покончил со своею будущностью, отдав себя голым в руки врага и с глупой радостью ожидая, как этот враг будет с ним расправляться.

В одной из речей царя-Ульянова на съезде горилл есть обращение к левому с.-р. Камкову (его жидовской настоящей фамилии не помню)[92], в ответ на его вопросы: «Один дурак может больше спросить, чем десять умных ответить». К этому можно прибавить только то, что эти слова могли бы быть обращены и к Ульянову. Это не один дурак, а десятки миллионов, может быть, сотни миллионов идиотов, среди которых не нашлось ни одного человека с проблесками если не государственного (что им государство?), то хоть народно-общественного ума. И это панургово стадо [далее зачеркнуто: хочет] претендует на то, чтоб сказать что-то новое миру — идиоты, дураки, преступники перед предками [и] потомками. Не может Россия менять свой уклад. После 1861 года — погибло дворянство, так как не могло приспособиться к новой жизни; после 1917 года — погибнет весь народ, ибо ни нового уклада, ни состязания с Европой он не в силах выдержать. А они все еще думают, что они богоносцы, хотя бы и не от старого Бога, а от коммунизма, анархизма и прочих жупелов русской жизни, которая, по существу, далее Разина и Пугачева не могла и не сможет идти.

(5) 18 [марта]. Вчера день без особых впечатлений; в городе чувствуется беспокойство господствующей группы; носятся слухи о разных отставках и переменах; пока все смутно,

но, видимо, перевернется еще страница русской смуты. В Университете занятия шли сегодня беспрепятственно.

(6) 18 [так в подлиннике; д. б.: 19] **[марта].** Состояние духа угнетенное; прямых поводов нет; но этот немецкий мир давит на меня все более и более; хуже всего территориальные уступки Турции, которые опять-таки были вырваны на почве вопроса о самоопределении национальностей — принцип, которым немцы так гениально воспользовались для околпачения тех дураков всякого вида и оттенка, которые вместе с изменниками составляют русскую демократию. О, русская глупость, что может с ней сравниться? Немцы могут писать вторую «Похвалу глупости»[93], но только русской. Сегодня имел свидание и беседу с Patouillet и его двумя помощниками, Fichelle и Antonelli[94]. Искренно или же только соболезнуя нам они выражали надежду, что что-то в России еще поправится; далее они говорили, что «la question russe devra ê-tre résolue au congrès» [русский вопрос должен быть разрешен на конгрессе (*фр.*)] и что «il est impossible de laisser l'Allemagne libre de ses actions en Russie» [нельзя предоставить Германии свободу действий в России (*фр.*)]. Так вот он, этот русский вопрос, порожденный народом-самоубийцей. Этот вопрос будет предметом дипломатических переговоров, и самоубийца займет внимание Европы, как ранее его занимал больной человек — Турция[95]. Русская сволочь достойна, впрочем, своей участи.

(7) 20 [марта]. Сегодня день необыкновенно смутный; общих изменений или новостей нет, но какая-то муть вокруг и извне и внутри, в душе, настолько, что даже не могу вечером заниматься. Сегодня я впервые попал в Кремль, ходил в Комиссию по охране памятников старины. У Троицких ворот толпа людей, одетых в военную форму, с вихрами волос из-под шапки, заломленной набекрень, с глупым и нахальным видом, частью русские, частью латыши[96] с плохой русской речью. Все это защитники владык, грубо спрашивающие пропуски; в воротах грязь, колдобины, лужи; автомобили продвигаются на руках, причем я сам видел, как один подпихивали какие-то дураки, помахивая кнутом и крича, как на лошадь; вслед за этим туда с трудом пара рослых и еще не очень тощих лошадей подняла сравнительно нетяжелую подводу дров. На площади полное смятение, какие-то люди снуют, незнамо куда и зачем; бесцельная суета, внешний вид растерянности — вот общее впечатление, которое получаешь! Затем я свернул на Дворцовую улицу и в помещении Комиссии видел, как Орановский и Ко. кушали на дворцовом сервизе.

(8) 21 [марта]. Общий барометр без движения; опять слухи о близком выступлении анархистов. С трех часов началось столпотворение вавилонское; на помещение в нашем доме сразу заявили претензию — какая-то морская судная коллегия

и какой-то комиссариат инструкторов военно-учебных заведений; удалось отделаться квартирой Гончаровых; но смятения было много; осмотры, совещания на лестницах, экстренное заседание домового комитета; беспокойства, надежды и т. д. Кто из двух конкурентов возьмет верх, мы узнаем завтра, но реквизиционная комиссия уверяет, что нас больше не тронут. Так ли, увидим потом. Кончилось для нас тем, что мы уплотняемся, сдавая две комнаты Тимашевым: [далее зачеркнуто: дочери] она — урожденная Трубецкая, он — едва ли не потомок министра Александра II[97]. Сегодня я в последний раз пишу в своем кабинете, в котором работал пять лет.

(9) 22 [марта]. Весь день в суматохе с переносом вещей в квартире. К вечеру более или менее убрались, имея уже не пять комнат, а три, и начали новую полупролетарскую жизнь. Жильцы въехали вечером; пока кажется, что будем ладить. Поле реквизиционной битвы осталось за матросами; сегодня они потребовали уже всей квартиры Гончаровых и даже угрожали М. М. Петрово-Соловово; но надежда отстоять ее еще не потеряна; старший из этих матросов держал себя с подобающим нахальством, грозил револьвером генералу Гурко и обещал расстрелять Тимашевскую обезьяну. На большом горизонте мало нового; большевики обещают вновь формировать армию[98]; вероятно, даже они видят наглядные последствия самой преступной из российских глупостей — пораженчества. Русские могут радоваться успеху пораженчества — оно действительно достигло всех возможных результатов.

(12) 25 [марта]. Наступление немцев на западном фронте; они рекламируют его по своему обычаю; французы, с которыми я сегодня заседал и обдумывал взаимопонимание, относятся к наступлению довольно спокойно — «ils ne feront pas plus qu'ils ne l'ont fait aux autres offensives» [они не достигнут большего, чем при других наступлениях (*фр.*)]; дай Бог, чтоб это было так; от этого зависит вся будущность Европы. В Москве мертвая точка; глухие слухи, разговоры, но большевики пока что и не думают уходить. Занятия в высших учебных заведениях идут своим чередом; замирание — самое постепенное, и если нас не прихлопнут искусственно, то мы как-нибудь дотянем до Пасхи. В Музее все еще не топят, что становится положительно противным — девицы окончательно являются только для чаепития и притом на законнейшем основании; от бездействия развал увеличится и подбирать вожжи будет еще труднее. Так как перетасовка в квартире кончилась, то со вчерашнего дня начал опять заниматься.

(13) 26 [марта]. Немцы одерживают значительные успехи; хотя это не катастрофа для союзников, но положение тревожное; для меня это — последняя моя надежда на что бы то ни было; если там союзники не сладят с немцами, то всемирное германское владычество неминуемо — и все это из-за тупой

и глупой подлости русского народа и его еще более подлой интеллигенции, бессовестной, беспринципной и глупой. Сегодня меня посещали французы Patouillet и Fichelle; они относятся к делу спокойнее; быть может, я просто стал неврастеником; во всяком случае, такого настроения, как сегодня, у меня не было давно; старался душить мрак тем, что усиленно писал лекцию о Ключевском[99]. Говорят, что большевики дадут нам денег; я все-таки этому не верю; но характерно вот что: тов. Малиновский, узнав, что наш Музей уже неделю как закрыт из-за недостатка топлива, страшно разозлился и утолил свой гнев тем, что в течение двадцати минут мылил голову по телефону нашему дураку, архитектору Шевякову[100] (депутату трудовой интеллигенции, horribile dictu!) [страшно сказать (*лат.*)], своему же товарищу по Институту гражданских инженеров. Так живут и не умирают распеканции [так в подлиннике] старого режима.

(14) 27 [марта]. По вечерним сообщениям, натиск немцев как будто ослабевает; хотелось бы верить, что это действительно так. В Москву возвращаются 400 французских офицеров обучать красную армию[101]; их расчет правилен; они говорят, что пока они смогут какую-либо пакость устраивать немцам, они останутся здесь; это понятно — для них русские теперь только материал для продолжения борьбы, по крайней мере, потенциально; на большее русские рассчитывать теперь не могут ни в каком случае. Музей мы открываем; трубы сегодня не лопались, и есть шансы, что учреждение может опять действовать. Насколько подла русская интеллигенция, можно видеть из следующего. В понедельник В. М. Хвостов[102], с которым вместе я шел в Университет, начал мне (я с ним вовсе не близок) ругательски ругать Мануйлова, с которым он всегда был дружен, за которым ходил собачкой и из-за которого вышел в 1911 году из Университета: оказывается, что Мануйлов все говорил, что не надо вносить городского большевицкого налога, [а] за спиной всех внес его; мотив — тот, что на бывшего члена правительства обратят особое внимание и будут с него особенно взыскивать. Хвостов по этому поводу говорит — во Франции есть поговорка nobless oblige [положение обязывает], а у нас поступают обратно ей; так делают видные кадеты и члены безвременного правительства; что же могут делать представители простой русской сволочи? Из сегодняшнего номера «Русских Ведомостей» вырезаю выдержку из последнего номера «Киевлянина»[103]. Я подписываюсь под ней обеими руками. В самом деле, кто были патриотами на Руси — часть мечтательных помещиков, да еще метисы, вроде меня и очень многих мне подобных. Некоторая часть старого дворянства любила Россию и умирала в эту войну за нее; и метисы ее любили, причем любовь к родине в кругах средних, в средней интеллигенции,

была обычно обратно пропорциональной количеству русской крови. Но ведь этой горсти людей было недостаточно, чтобы спасти страну, которую хотели погубить кровные русские интеллигенты, стыдившиеся весной 1917 года самого слова «победа» (например, болван Шевяков), или гориллы из народа, которые никогда не знали ничего, кроме la peau et la poche.

(15) 28 [марта]. Немцы продолжают двигаться. Становится страшно за Францию, за западные страны, за последний оплот против германского цезаризма. Хоть бы они уцелели — не для нас, мы отпетые, а для них; большего желать нельзя. Характерный случай из Музейской хроники: вчера было уже тепло, трубы не лопнули, и после двухнедельного перерыва уже было возможно заниматься; я предложил это в мягкой форме дамам, пришедшим пить чай, и все-таки все ушли, не желая начинать ранее сегодняшнего дня — вот она, русская добросовестность; и этой компании большевики будут выплачивать по 300 рублей в месяц. Все эти оклады примут, а работать будут по-старому. Оправданием будет то, что большевицкие оклады ни к чему не обязывают. Сейчас вернулся Ляля и рассказывал, со слов приехавшей Лены Репман, о том, что происходит в Загранье. Пока все еще стоит, но все напряжено до последней степени; ждут, как везде, что весною будут делить землю. Прибывшие матросы и солдаты делают попытки наставлять местных горилл на социалистический путь и силятся поддерживать революционный порядок от натиска анархии. Надо думать, что этого натиска они не отразят, а поведут себя так же, как вели на войне.

(17) 30 [марта]. Известия из Франции не лучше; немцы вновь напрягаются; чувство отупения. Днем — заседание совета Румянцевского Музея, который переименован в ученую коллегию; переизбрали князя, выразив ему свое глубокое доверие; постановили собираться каждую неделю, чтоб говорить о делах и выслушивать доклады и сообщения нашего посланника при владыках[104]; в библиотечной комиссии Университета говорили о новых большевических штатах; решили занять выжидательное положение впредь до выяснения дела в факультетах. Этот гнусный фарс переносится и в Университет, и придется там решать вопрос, как быть — спасать Университет и рисковать собственным достоинством или же блюсти последнее и рисковать Университетом. Сегодня познакомился с генералом Жилинским[105] — одним из ех-помпадуров военного типа: холодный и неприятный блеск глаз; что-то очень неприятное во всем выражении лица.

(18) 31 [марта]. Мало впечатлений. Известия с запада опять как будто лучше.

(19 [марта]) 1 [апреля]. Сегодня я видел А. Э. Вормса[106],

выпущенного большевиками после ареста. Он имел вид человека, постаревшего на несколько лет сразу. Оказывается, в доме [?] гр. Сол[л]огуб[107] были захвачены протоколы Союза земельных собственников[108], из которых выяснилось, что в данных заседаниях выступали бывшие министры Риттих[109] и Вормс; они и были арестованы; Риттих еще сидит, Вормса выпустили, потому что народный комиссар юстиции тов. Стучка решил, что общественная физиономия профессора Вормса допускает его освобождение[110]. Между прочим, он 30 часов просидел в подвале дома Сол[л]огуб, где ранее складывали картофель, в компании с какими-то спекулянтами, с женщиной, которую арестовали неизвестно за что, и с людьми, арестованными за торговлю спиртом, которым они сами накачивались. Всех их грозили чуть ли не каждую минуту расстрелять. Сегодня узнали ужасную новость: шальной пулей в Ростове или в Таганроге убит Зарудный, с которым собиралась венчаться Элли Петер[...]; как жаль ее — вот несчастное существование. Общее настроение подавленное; все точно обманулись в ожиданиях большевического падения; но ведь на скорое избавление наивно было надеяться. На западном фронте порыв испытывает перерыв. Это уже лучше, хотя до хорошего далеко. Avenard и Малфитано были сегодня очень грустны на нашем совещании; я понимаю, как душа французов должна теперь беспокоиться; ведь и для всех должно быть понятно, что на западе делается последняя ставка против германизма, и если из-за подлого русско-жидовского народа погибает прекрасная Франция, то еще более позора на грязных русских гориллах и на дьяволах в образе человеческом, вроде Лейбы Бронштейна и его соплеменников.

(20 [марта]) 2 [апреля]. Сегодня ревизовали стальной ящик брата; удалось вытащить [...] Наполеона, эмалевые часы, серебряные вещи; завтра должны передать табакерки в Румянцевский Музей. Были вежливы, но процентные бумаги выкрасть не удалось. В факультете обсуждали возможность увеличения окладов; решили признать несвоевременным такое увеличение; то же признали и приват-доценты; вероятно, в этом смысле и составлены постановления факультета. Я не дождался, потому что был вызван в Комиссию по охране памятников старины для суждения о делах Исторического Музея[111], против которого, кажется, хотят воздвигнуть гонение; от этого я не был и на магистерском экзамене Голубцова[112], хотя меня он очень интересовал. На западе без перемен; трудно сказать, к чему это поведет дальше. У нас, кого ни спросить — все в отупении; да и, правда, не знаешь, что ждать в будущем; и все-таки без внешней силы перерождение России продлится очень долго.

(21 [марта]) 3 [апреля]. Сегодня в Музей явился молодой человек из Комиссариата народного просвещения «по важно-

му делу» и спросил заведующего библиотекой. Это оказался «чиновник» нового образца — студент-филолог Юрьевского университета[113] Богушевский. Оказалось, что «Владимиру Ильичу» желательно пользоваться книгами, «заграничными справочными изданиями» из библиотеки Музея[114]. Я хотел ответить, что все это можно сделать посредством декрета, но они искали «законных» путей, и я должен был сказать, что по неотмененной статье неотмененного устава все учреждения имеют право выписывать книги Румянцевского Музея, в том числе и председатель Совета народных комиссаров. За этим же делом молодой человек отправился и в Университет; я в это время был у М. А. Мензбира и успел предупредить его о цели посещения г. Богушевского. Я очень был рад, что Мензбир стал на мою точку зрения и понял, что лучше дать Ленину справочник добровольно, чем подводить зря Университет; характерно, что библиотекарь Калишевский[115] не сразу понял это и хотел, разговаривая со мной, отстаивать неприкосновенность справочников. Вечером с Виноградовым сочиняли бутафорскую конституцию для Румянцевского Музея на время господства большевиков; не знаю, как ее примут в Музее; все это — переодевание в волчью шкуру[116]. Сегодня много всяческих слухов; в них трудно разобраться, но характерно, что большевики уверяют, что война с Германией скоро возобновится. Я очень боюсь одного: большевики, реорганизуя армию и возобновляя войну, должны опереться на союзников; союз союзников с большевиками может отвратить от них так называемую русскую буржуазию и бросить ее в немецкую ориентацию[117], несмотря на то, что именно буржуазия до сих пор более всего стояла за войну с Германией. На западе дело лучше; а с другой стороны, точка зрения союзников на Россию может быть только одна: с паршивой овцы хоть шерсти клок.

(22 [марта]) 4 [апреля]. Узнал любопытную вещь: Чичерин, который теперь изображает собой что-то вроде министра иностранных дел, — не кто иной, как родной племянник Б. Н. Чичерина, таким образом и родовитое русское дворянство со своей стороны участвует в теперешнем конечном разорении родины[118]. Андрей Белый, или Б. Н. Бугаев, поэт, романтик, мистик, последователь Штейнера, оказался левым с.-р.[119], истинно русская общественность, идиотизм, переменчивость, отсутствие общественной морали и этики или же просто неуравновешенность молодого Анахарсиса из Скифии[120]. «Россия, Россия. Россия, мессия грядущего дня» — это его стихи. Несчастная страна с ее самозваными мессиями и незванным, непрошеным мессианством вот уже четыре века все остается страной завтрашнего дня. Morgen, morgen, nur nicht heute [Завтра, завтра, не сегодня (*нем.*)] — а сегодня дай пограбить, изобразить моему ндраву не препятствуй. Народ идиотов и пре-

ступников. Все более и более упорные слухи о поступлении офицеров в армию. Быть может, этим намечается один из возможных исходов. На западе не хуже.

(23 [марта]) 5 [апреля]. На западе затишье; быть может, перед бурей. Сегодня был в заседании библиотечного отдела большевической Комиссии по охране памятников старины. Заседание не представляло интереса; но мне было любопытно видеть тов. Малиновского в виде государственного человека и министра; важности и деловитости было, несомненно, больше, чем у любого деятеля прежнего режима — в особенности вид affairé [очень занятого (*фр.*)]. Большевики хотят сразу подарить нам два дома — Аплаксинский [так в подлиннике; д. б. апраксинский (?)], который уже нам подарен, и церковный, который мы сами давно хотели получить; все это похоже на бред.

(25 [марта]) 7 [апреля]. Благовещение. Но благих вестей никаких; наоборот. Вчера — известие о высадке японцев во Владивостоке[121]; германцы высадились в Гангё и топят остатки русского флота; на юге отбирают Екатеринослав, а завтра очередь Харькова[122]; а здесь все та же война с буржуазами. Наконец, сегодня известие о том, что немцы дошли до Амиенс; правда, это «собственная корреспонденция» «Раннего утра»[123], и в ней есть некоторые географические несообразности, но ведь уже надо привыкнуть к тому, что сбывается все самое скверное. Чувствуешь только одно — что хоть бы какой-нибудь конец всему этому. Вчера и третьего дня известия о том, что немцы опять стараются заговорить с русскими правыми элементами и, будто бы, теперь успешнее. Почти нет сомнения, что русские геростраты доведут до того, что те, кто боролся с немцами, станут их друзьями, чтоб спасти хотя бы развалины России.

(27 [марта]) 9 [апреля]. На западе бои идут своим чередом; без успеха в ту или другую сторону. Слухи о взятии Amiens оказались, слава Богу, вздором, так же как и сменившие их слухи о взятии Реймса. Немцы приказали русской сволочи разоружить суда Балтийского флота, и русская сволочь поспешила привести в исполнение это приказание[124]. Взаимные отношения Германской империи и советской республики начинают мне напоминать отношения Рима к Карфагену перед последней Пунической войной или же к Египту во времена Помпея и Цезаря. С другой стороны, они дошли до Харькова, а японцы прочно засели во Владивостоке. Сволочь кричит об империалистах, ополчающихся против России, и ждет, чтобы легионы красной армии вышли из земли, когда Лейба Бронштейн топнет ногою. Вчера были у меня Малфи и Авенард, с которыми мы кропали устав союза взаимопонимания. Я излагал некоторые из моих скорбных мыслей; Авенард мне сказал — Vous ê-tes indigné, nous le comprenons [Вы

возмущены, мы это понимаем (*фр.*)]. В этом сказалось их отношение к русской сволочи, прикрытое деликатным чувством к гостеприимному хозяину. Да, все можно понять — самую последнюю подлость и гадость, но когда подлость делается только для самоубийства, без намека на выгоду, теряешь разум перед бездною такой глупости; а ведь в этом проявился пресловутый здравый смысл русского народа.

(28 [марта]) 10 [апреля]. По Курской дороге выдают билеты только до Орла — далее, видимо, уже немцы; большевик Саблин кричит об интернационалистической армии из военнопленных[125], которые, действительно, частью не желают возвращаться, боясь опять быть отправленными на войну; в Киеве собрались праздновать годовщину революции, но ее запретил немецкий комендант (о, ирония судьбы!). Словом, сумасшедший дом по-прежнему горит, а безумные по-прежнему прыгают в окна. На западе, может быть, скоро опять установится равновесие, но мира не видать, а как бы он был желателен во имя спасения европейской цивилизации; из нашего отхожего места это так ясно видно теперь.

(29 [марта]) 11 [апреля]. Сегодня собачкины [?] приказали доставлять им все земельные документы на предмет уничтожения и собираются уничтожить все акты по земельным делам в нотариальных конторах[126], а тов. Лупанарский[127] назвал университеты кучей мусора; в совете Румянцевского Музея раздается голос (конечно, Н. А. Янчук[128]) о необходимости реквизировать дом гр. Шереметева, занимаемый Охотничьим клубом, для размещения в нем этнографического музея — это ли не проявления, разнообразные и богатые, той всероссийской глупости, которая, неудержимо прорвавшись наружу, воочию доказала ненужность и вред политического бытия России. Будем ждать германского посла, который будет играть роль князя Репнина в Варшаве в 1760-х годах[129]. Более чем когда-либо мне становится ясно, что земельное дворянство и гибнущая промышленность пригласят немцев на помощь против социалистов всех оттенков. Это — единственный исход из теперешнего положения.

(30 [марта]) 12 [апреля]. Сегодня Ульянов доказывал, что он умнее Керенского; вышибали и ликвидировали анархистов[130]; из 27 особняков выгнали; что при этом разрушено и испорчено — не известно; в 4 часа из Кремля, где я в это время был на заседании Комиссии по охране старины, должны были быть разосланы автомобили, чтоб выяснить повреждения и убытки. Вечером говорили, что в сегодняшнюю ночь продолжение того же должно следовать и что, будто бы, здесь действуют и другие силы; в это последнее я не верю. Вести с запада начинают меня убеждать, что и там дело в конце концов замрет; а тогда дележ сошедшего с ума зверинца будет естественным исходом из положения. На днях я узнал, т. е. мне

сказали, что тов. Лупанарский — педераст, имеющий ближайшие дружеские связи с некоторыми известными футуристами. Se non, vero, ben trovato. Мне представляется чрезвычайно характерной эта смесь эпикурийского разврата с социальными экспериментами, фантастического футуризма с хлестаковщиной, образцом которой являются речи Луначарского о русской школе.

Апрель [ст. ст.]

(1) 14 [апреля]. Вчера не записывал, потому что хотелось закончить курс лекций по историографии, который я составляю в этом году; я осенью никак не ожидал, что этот курс мне все-таки удастся прочесть[131]. Вчера объявили, что будут снимать памятники царей и царского режима. Очевидно, в чтении своего путеводителя по революции они дошли до свержения Вандомской колонны[132]. На западе немцы опять потеснили англичан и взяли Armentières[133], но решительного успеха нет и не будет ни с которой стороны. Вчера ездили в Петровское-Разумовское[134]; был прекрасный весенний день; в парке снег еще не стаял; текли ручейки, местами грязь; природа была великолепна, и поэтому еще сильнее был контраст между природой и людьми: ругань в трамвае, разбитые окна дома Леве, купеческого клуба, дома Паутинского [?], быв. Катуар и т. д.; звериные рожи, мальчишки-хулиганы, молодые люди из высших учебных заведений с хохлами наперед (прежде лохмы были назади), растерзанные и грязные, и сверх сего заборная литература от [неразборчиво] возбудителя, через лекции об эсперанто до декретов большевиков. Я думаю, что это было бы хорошим предметом социально-психологического исследования — вся эта заборная литература!

(2) 15 [апреля]. На западе без перемен; слухи о флирте союзников с большевиками продолжаются; говорят, с ними особенно флиртуют американцы. Я думаю, что это происходит от абсолютного незнания России; это только скорее бросит русскую буржуазию в объятия немцев. Сегодня опять проскользнули футуристические словоизвержения Лупанарского о высшей школе. Вероятно, они все-таки что-нибудь против нас предпримут; другая тенденция — это чтобы служащие на государственной службе получали только одно жалование. В субботу Университетский совет вынес резолюцию о том, чтоб профессоров из ходатайства об увеличении жалования исключить, а всех остальных представить на усмотрение гг. большевиков. Я думаю, что такое решение — самое достойное; оно Московского Университета не унизило. Очень хороша была речь М. М. Богословского: в ней было много силы, чувства и сквозила его большая и честная душа; речь эта, предлагавшая

требовать денег для Университета как учреждения, просить их для всех тех, кто обижен или не получает ничего, и гордо отказаться для самих нас — наложила свою печать на все обсуждение и, в сущности, решила дело.

(3) 16 апреля. На Западе опять что-то похожее на равновесие. В Москве ждут Мирбаха — проконсула[135] Германской империи в разоренном Российском царстве. На юге немцы подходят к Курску и, конечно, его займут[136]. Сегодня мне пришлось сидеть за председателя в двух музейских заседаниях; в одном — хозяйственном — слушал дикость горилл-служителей, а в заседании совета — слушал длинные словоизвержения рыхлых русских интеллигентов. Все это бесполезно, скучно, пошло. Вчера в «Цике» (о бедный русский язык) тов. Гуковский, нечто вроде министра финансов[137] (говорят, что он не большевик, а спекулянт), сделал удивительный доклад о положении финансов России: бюджет расходов выражается «астрономическими» цифрами в несколько десятков миллиардов, а доходы только в 6 миллиардов и т. д.; в результате проповедуется экономия и рекомендуется в спешном порядке восстановить банки. Прочитав все это, я понял, что все наши пресловутые большевицкие прибавки, через месяц или два, могут превратиться в пустую фразу.

(5) 18 [апреля]. Вчера владыки праздновали Ленские избиения[138]; по сему случаю мы были сегодня лишены газет. Турки взяли Батум, а на остальном Кавказе против большевиков воюют меньшевики[139]. Немцы продвинулись к Курску и пробираются в сторону Воронежа; на западе идет, в сущности, безрезультатная бойня. А наши владыки как будто постепенно ссорятся с немцами. Вчера, глядя на весну, мне до боли ясно вспоминался плеск моря о скалы в Крыму и продажа цветов на улицах Парижа. Nessun maggior dolore...[140] В Загранье отправили письмо в Совдеп, сообщая что мы организуем артель трудовую и чтобы за нами укрепили землю[141]. Не знаю, что выйдет.

(7) 20 [апреля]. Вчера в Музей явилась особа низенького роста, с южным говором и курносым носом — оказалось, г-жа «Троцкая», желавшая получить «Киевскую мысль»[142] за 1915 и 1916 г. для своего «супруга»; была очень вежлива. Я ей указал, что необходимы известные формальности, с чем она согласилась. Сегодня она явилась, разодетая богато, но безвкусно, на автомобиле с солдатом, который стоял перед ней навытяжку, и получила свою «Киевскую мысль», в обмен на письмо к «Гражданину Библиотекарю Румянцевского Музея, профессору Ю. В. Готье», в котором, со всеми буржуазными предрассудками, вроде «честь имею просить» и «прошу принять уверение», г. Л. Троцкий просил о выдаче ему журнала [так в подлиннике] не более как на две недели. Продолжают ожидать германского проконсула; на западе опять ничего,

кроме частных успехов французов. Мои французы предрекают развитие действий союзников на Дальнем Востоке; я им ответил «que ce n'est que logique de dépécer le cadavre du mammouth» [что вполне логично делить тушу мамонта (*фр.*)], думая про себя, что народ, сам себя предавший и убивший, не достоин иной участи.

(8) 21 [апреля]. На западе пекло; все-таки немцы не в состоянии осилить армии народов сильных и себя уважающих. Но когда же, наконец, прекратится эта бойня, это разорение и гибель Европы? Яковлев рассказывал, что вчера был принят тов. Лениным в кабинете [далее зачеркнуто: стар. председателя (?)] прокурора судебной палаты[143] по делу его отца; был очень любезен и тотчас же отправил телеграмму в Симбирск, чтоб не трогали старика Яковлева[144]; о политике не было говорено ни слова. Жилец Дольников — Астафьев, бывший Харьковский вице-губернатор — идет завтра продавать газеты по улицам; вот она, русская революция. Сегодня справили второй диспут Пичеты[145]; по-моему, и этот диспут был удачен в смысле живого обсуждения книги. Интересно, последний это наш диспут или нет? Потонет ли этот обычай в куче мусора или Герострат-футурист Лупанарский не осквернит нашу святыню?

(10) 23 [апреля]. Битва народов на западе переживает период затишья, конечно, перед новыми бурями; у нас — все та же большевическая кислятина. Интересен проект Троцкого о создании рабочей армии на основании принудительного обучения всех рабочих и работниц, крестьян и крестьянок владеть оружием, при наличии кадров, состоящих из офицеров и генералов. Это — чушь, которая осуждена на неудачу, как и проект красной армии добровольческой, в крахе которой они уже сознались. Одно из двух: или армия, или ее нет; если она есть, то это может быть только при командном составе; а если будут офицеры, то впоследствии офицеры пожрут большевиков; это понимают и в этой среде, и этим я объясняю, почему проект Троцкого не был принят жидами Центрального Исполнительного комитета, а сдан в какую-то комиссию[146]. Заявление французского посла Noulens, что союзники, быть может, займут Сибирь; и это надо отнести на счет того, что с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Вчера открывали в зале Румянцевского Музея Instituto italiano [Итальянский институт (*ит.*)]; все было по ритуалу, но было, может быть, слишком много приказчиков от Дациаро и Чекато. Характерная подробность: должен был говорить Бальмонт; его ждали долго, как архиерея; он приехал с большим опозданием и прежде всего велел вести себя в ватер-клозет; даже выдающийся русский [далее зачеркнуто: поэт] человек, и тот не мог не обосраться[147].

В доме произошел большой переполох, который продолжался всю ночь до 4 часов: нарвались Славин и Гурко с сахар-

ной операцией; в доме распродали до 70 пудов сахара, при наличности врагов, всегда готовых донести. Донос и произошел — я думаю, что кроме завистливой и большевически настроенной прислуги, здесь принимал участие бывший управляющий и старуха, некая Зограф, которую Славин и Гурко стремились выселить из ее квартиры, чтоб расширить свои хозяйственные операции. К нам приходили два товарища, возможно, что ранее они служили в сыскной или охранке (по крайней мере, один), и снимали показания; один был сравнительно вежлив, другой очень нахален; было противно видеть у себя эти рожи — это было в первый, но, вероятно, не в последний раз; обыск был только у Славина и у М. М. Петрово-Соловово, где доискивались вина; суматоха была до 4 часов утра, хотя я досидел только до двух. Сегодня переполошившиеся буржуи из комитета собрались в экстренное заседание, чтоб установить общую линию поведения; затем Славин отправился в Комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией и, кажется, до сих пор не возвращался.

Сегодня сидели в Музее за разработкой устава, который никому не нужен и никогда не будет введен в действие; сколько мы теряем времени — это просто противно! А особенно противно, когда видишь, что все члены такого просветительного учреждения, как Румянцевский Музей, в лучшем случае, пошехонцы, заблуждающиеся в трех соснах, или же, в некоторых случаях, просто дурачье, объевшееся белены.

(11) 24 [апреля]. Вчера, по словам Бахрушина — соседа гр. Мирбаха, толпа черни глазела на освещенный дом, где пировали немцы с проконсулом прусского цезаря во главе. Хамы ждут своего хозяина. Глядя на глубину разврата общественного, политического, этического, нравственного и всякого другого, мне приходит теперь в голову, что если этот проклятый народ и может вылечиться от своего сумасшествия, то только вековым немецким рабством. Это — лошадиное средство: или оно убьет русский народ (эта возможность не исключена), или оно его вылечит; другого лекарства не видно. Сегодня — речь Ленина; натравливание на мелкого хозяйчика, т. е. крестьянина-собственника, надежды на зреющую западноевропейскую революцию и показывание кукиша из кармана немцам[148]; сегодня «национализовали» внешнюю торговлю. Для меня возникает вопрос — можно ли купить книгу у Тастевена или Лидерта?[149] Наш президент Славин ночевал где-то в узилище; сегодня днем был дома, но я его не видел; говорят, что вечером сей израильтянин был вновь «восхищен в рай», конечно большевический.

(12) 25 [апреля]. В газетах интервью с тупоголовым жидонемцем Штернбергом, астрономом, большевиком и комиссаром по делам высшей школы: собираются в апреле преобразовать историко-филологические и юридические факультеты[150],

которые, конечно, с их точки зрения должны считаться гнездами буржуазной науки. Что ж, поживем — увидим; надо будет оставаться и беречь Университет до последних пределов возможности; противно только, что какие-то неведомые, самочинные люди коверкают, не спрося никого, все то немногое, что было хорошего в наших университетах. В Пензе ставят памятник Карлу Марксу[151]; безумные гориллы продолжают куролесить. Немцы заняли Симферополь[152]. Скоро Севастополь будет взят с суши немцами во время мира с Германией. Еще раз скажу, что русский народ заслуживает того, что он получает, и что тяжко дожить до чувства ненависти и презрения к родному народу.

(13) 26 [апреля]. Смутные настроения и впечатления; чувство дальнейшего опускания в отхожее место; хотя особых острых данных нет. В доме надвигается новая опасность реквизиций; в домовом комитете ссоры и дрязги по поводу сахара. В ученых кругах разговоры о будущей судьбе Университета; я думаю, что, как бы мы ни приспособлялись, все равно, если большевики пожелают с нами разделаться, то их не остановят ни наши шаги в сторону демократизации Университета, ни какие-нибудь летние семестры: всегда найдутся и младшие преподаватели стиля «ôte-toi de là que je m'y mette» [уходи, чтобы я мог занять твое место (*фр.*)]. Остается ждать с философским спокойствием воли Аллаха, давно от русских отступившегося. Вчера был у Вилькенов и смотрел из их окна в ресторан «Ампир»; масса народу и представление на эстраде такое, что хоть бы и не в социалистическом отечестве.

(14) 27 [апреля]. Совет курсов; положение такое же неопределенное, как в Университете, будущее все в черном тумане; между прочим, надо было выдать с Пасхи жалованье служителям — 27 000 руб. по чеку — и пришлось свидетельствовать этот чек в районном Хамовническом совете рабочих депутатов — на том основании, что Высшие Женские Курсы — учреждение частное. Кизеветтер мне заметил после того, как Чаплыгин[153] сообщил об этом: запишите в свой дневник, а то после не поверят. Таковы судьбы высшего образования в стране горилл. Кооператоры, т. е. совет кооперативных съездов, иначе умеренно социалистическая горилья панацея, собралась спасать памятники искусства и старины (беда, коль пироги...) и образовала соответственный комитет, в который приглашен и я. Председатель Грабарь, секретарь Эфрос — все тот же «объединенный комитет», который едва не предал все музеи в руки большевиков[154]; на заседании комитета присутствовали кооператоры с.-р[овского] и н[ародно]-с[оциалистического] толков — все с горильими образинами; на лицах этих людей так и написана тупость и ограниченность. И вот они теперь решили быть меценатами. Дай Господи, чтоб что-ни-

будь вышло из этого. На западе немцы что-то пытаются сделать, но ничего не выходит; коса опять нашла на камень!

(15) 28 [апреля]. Ходил на тощую большевическую вербу с Вовулей. Девичье Поле, вернее один только проезд близ Черняевского училища[155]; абсолютно демократическая толпа, т. е. одни только гориллы; 6-7 плохоньких палаток; пыль столбом от пешеходов, и надо всем красуется задрапированный красной материей балкон местного совдепа, разместившегося в захваченном особняке Поспелова. Так умирает жалкой смертью вековое вербное гулянье. Вечером был на лекции Патулье «L'armature spirituelle de la France» [Духовные основы Франции (*фр.*)]. Эту лекцию, прочитанную на красивом французском языке, надо было слушать русским; по иронии судьбы на ней были почти одни только французы; говорилось о том, чем могут гордиться французы и чего не оказалось у русской сволочи — не только honneur et patrie [честь и отечество (*фр.*)], но чувства общей солидарности, сознания единства нации, которое составляет цемент нации и ее внутреннюю силу и которое создает несовместимую с русской действительностью union sacrée. Французы все это могли слушать с гордостью, а немногие русские с чувством стыда и боли.

(17) 30 [апреля]. Сегодня видели в магазине Вондрак нового хозяйчика; говоря словами Ленина — горничную[156], или что-то в этом роде, которая покупала себе 100-рублевую шляпу: «иные люди в мир пришли, иные мысли и стремленья они с собою принесли». Вот еще случай: в Румянцевский Музей явился парх из Комиссариата иностранных дел и просил ему указать, где печатаются договоры — требовалось найти какой-то договор с Австрией; когда Черепнин[157] ему нашел этот договор в «Собрании узаконений», то он чуть не со слезами его благодарил. Вот во что обошлась забастовка чиновников! Сегодня шли приготовления к 1 мая, с Троицких ворот Кремля висит плакат «да здравствует всемирная республика»[158]. В Комиссии по охране памятников старины был поставлен вопрос об обращении Нескучного дворца[159] под какие-то школы, а газона перед дворцом под огороды — и те, которые говорили об этом от Комиссариата народного просвещения, не отдавали себе отчета в собственной непроходимой глупости. Даже товарищ Малиновский и тот против них ополчился. (На этом же заседании присутствовала тов. Малиновская[160] — внешний вид ее вполне приличный.) Сегодня ломали Скобелева и снимали корону с Александра III и орлов, сидящих на его пьедестале[161]. Вот букет повседневных новостей, иллюстрирующих беспробудную глупость русской сволочи. Единственный здравый голос, который я слышал из толпы сегодня, — мальчишка лет 10-ти смотрел на другой плакат на Троицкой башне: «Да здравствует трудовая революционная дисциплина» и заметил: «Дис-

циплина? — которой нет»! Воистину сокрыл от сильных и открыл младенцам!

(19 [апреля]) 2 [мая]. Вчера они праздновали 1-е мая; мы сидели дома до 5 часов, потом вышли и обошли Храм Спасителя; ясная, очень холодная погода, ветрено. У Александра III, затянутого в черную тряпку и с веревкой на шее, человек 30-40 народу; слышатся слова присяжных ораторов, присланных «совдепом»; им отвечают голоса протеста; на перилах два юнца, в бывшем солдатском костюме, говорят: «Вот бы переписать, да сообщить в Совет рабочих депутатов»; вероятно, это касалось тех, кто говорил не в унисон с сегодняшним праздником[162]. Кремль в красных флагах; громадный флаг на дворце, вместо штандарта[163]. Вот все непосредственные наши впечатления. По-видимому, большим оживлением праздник не отличался; глупый народ стал в позу пассивного протеста[164], на которую он обычно способен; улицы (кроме процессий) были тихи и пустынны.

Сегодня случилось чудо — Никольские ворота были задрапированы красным, причем завешена была и икона, уже разрушенная в октябрьские дни. Вдруг сегодня красная завеса начала распадаться и открыла икону; ткань разлезалась сама собою по волокнам, точно ее облили какой-нибудь кислотой; собралась толпа, гудевшая о чуде, молебен, стрельба в воздух, в результате, чтоб разогнать толпу.

Получил сообщение о переговорах с немцами[165]; если и не соответствует это истине, то все равно предуказует ее в будущем. Ведут эти переговоры пока что 3 группы — Маркова 2-го[166] (земельные собственники), кто-то из московских торгово-промышленников и некий московский общественный деятель, имя которого пока скрывают; лозунги с русской стороны: соединение с Украиной и невмешательство в войну. Добавляют, что переговоры ведутся вразброд — истинно по-русски. Еще слышал от Яковлева, что на запрос балтийских немцев, что им делать — уезжать или оставаться — им было отвечено — «Man muss abwarten bis der Rittmeister nach Moskau kommt» [нужно дождаться прибытия в Москву ротмистра (*нем.*)]. Имеющий ум, да понимает. Проходя Денежным переулком[167], встретил 2 немцев штатских, 2 немецких солдат, 1 французского офицера, 1 французского моряка — не прообраз ли это будущей судьбы России под протекторатом наконец помирившихся народов запада?

(20 [апреля]) 3 [мая]. Немцы заняли Севастополь и Феодосию. То, на что полвека назад понадобился год нечеловеческих усилий[168], теперь достигнуто в 1-2 дня и осуществлено 1 мая, когда официальная Россия, советская, федеративная и т. п., справляла свой первомайский шабаш. Все идет planmässig и zweckmässig [планомерно и целесообразно (*нем.*)], только когда и как большевического чижа захлопнет злодей-

ка-западня, а с ним вместе погибнет и русская самостоятельность? Приехали встречать праздник в Пестово. Странное чувство. Как будто все то же, а между тем гориллы могут прийти и на «законном» основании выгнать законных хозяев. Располагаемся на 5-6 дней; сегодня очень холодно; авось, хоть потом погреемся. Декрет об отмене наследства, сегодня опубликованный[169], меня не трогает нисколько, но если бы, паче чаяния, большевицкое царство удержалось, то кроме эмиграции нет другого выхода.

(22 [апреля]) 5 [мая]. Пасха. Холод; северный ветер, не дающий развернуться природе. Живем в Пестове второй день; полное спокойствие; никто не является, не надоедает; известный отдых нервам здесь есть. Живем почти без прислуг, как и подобает в социалистическом обществе; чтобы не таскать блюд, едим в кухне, которая стала чем-то похожим на кухни во французских фермах — тут же и столовая и гостиная; разговлялись вчера в 10 часов, а в одиннадцать уже спали; идти к заутрене за две версты отказались из-за мороза, а я также и по нежеланию видеть горилл. Чувства радости, что я в деревне, у меня нет вовсе; все время здесь, может быть, даже это чувство более жгуче, чем в Москве, что все исчезло, все погибло, что русскому интеллигенту осталась возможность жить только в городах, антисанитарных, пыльных; что единственное, что было в России хорошо — русская деревня — запретный плод для всех не-горилл, ибо каждого из нас в любой момент могут отсюда выгнать.

Хочется записать мысль, которая не раз приходила мне в голову последнее время. Одна из особенностей русской смуты — обилие газет, то возникающих, то исчезающих: все объяты стремлением во что бы ни стало издавать газеты, не заботясь о том, кто их будет читать. Издание газет — тем большая потребность, чем левее каждый данный субъект или каждая данная группа. Русский человек видит свое призвание в издании газеты и дальше этого не видит ничего. Это напоминает мне один эпизод с покойным священником в Покрове-Барском Конце[170] — Михаилом Петровичем Тихомировым. Он ко мне очень благоволил и, когда я бывал в Загранье, часто приезжал со мной поговорить. Когда я только что кончил или, может быть, даже еще должен был кончать Университет (1895 или 1896 год), зимой, приехав в очень сильно возбужденном состоянии, что с беднягой случалось очень часто, он в разговоре стал меня спрашивать, что я намерен делать, кончив университет. На мой ответ, что хотелось бы посвятить себя научной деятельности, он возразил с разочарованием в голосе: «А я думал, что Вы будете газету издавать». Русский интеллигент среднего и ниже среднего уровня за 20 лет не подвинулся в своем развитии.

(23 [апреля]) 6 [мая]. К вечеру погода стала лучше; выхо-

дили гулять; за ветром было даже тепло. Из Пушкина привезли газеты; немцы действительно упраздняют Раду[171] — поделом этой сволочи; лучше и для дела соединения в будущем всей Руси; я думаю, что заодно с немцами против Рады действуют и все искренние сторонники воссоединения; а немцы здесь обнаруживают свой коренной недостаток: то, что они полагаются только на силу кулака; на самом деле они ссорятся со своими единственными друзьями. На западе все более или менее слава Богу. Разошлись спать в 10 часов и спали до 8 — это возможно только при том состоянии нервов и той оттяжке, которую я чувствую.

(24 [апреля]) 7 [мая]. Приехали из Москвы Эмма Вилькен и Шамби. Известий нет никаких. Шамби по-прежнему предрекает скорые решения. Газеты выйдут только в четверг — о рай для русских лодырей! Погода вчера была совсем прилична и допускала некоторое наслаждение природой. Население милостиво; жить можно было бы вполне, если бы не было этого ужасного чувства безысходности и безнадежности, которое не покидает меня ни на минуту и которое временами здесь даже сильнее, чем в Москве, — вероятно, по контрасту между тишиной вокруг и тревогой внутри себя.

(25 [апреля]) 8 [мая]. Вечером снежная пурга; сегодня опять ясно, но по-прежнему холодно. Сегодня приходили батюшки; разговор о том, что происходит вокруг. Выходит, что вертит всем комитет[172], в котором вертят в свою очередь несколько человек; преследуют они цели обогащения за счет всех, т. е. землевладельцев и крестьян, чтобы своевременно скрыться потом и замести свои следы. Семян нет нигде; картофель сажать нечем; но о том, как помочь этому действительному горю, комитет думает менее всего. Сегодня опять гложет червь о том, что делается в Москве, не свалилось ли каких неприятностей. Я воспользовался пребыванием здесь, чтобы набросать главу французской книги, которую я задумал; пока вышло лучше, чем я думал; работа затеяна большая; если я ее доведу до конца, пускай она будет моей общественной исповедью и моим гражданским credo[173].

(26 [апреля]) 9 [мая]. Взял вчера вечером читать газету молодых кадетов — еженедельник «Накануне»; прочел 2 номера из вышедших 4-х и убедился, что молодые кадеты все в один голос кричат об одном — родина, отечество, надо переродиться; русская интеллигенция виновата, она направила народ по ложной дороге — необходимо здоровое национальное чувство и т. п.[174] К этим голосам кое-где присоединяют свой сочный баритон и кадеты маститые. Но почему же все они не говорили и не писали этого раньше, с начала войны, когда об этом надо было писать, говорить, кричать? Меня всегда поражала бедность литературы о войне и по поводу войны у нас, в сравнении с тем, что выходило во Франции, Англии и Гер-

мании; теперь ясно, почему это было так. И для цивилизованных русских людей понадобился жестокий предметный урок для того, чтобы уразуметь то, что должно бы было быть совершенно ясным каждому. Что же ждать после этого от горилл? Еще одно размышление, почерпнутое оттуда же: в 2 номерах — статьи Кизеветтера, где разносится социализм и доказывается его непригодность и неприменимость. Ровно 5 лет назад, в Симеизе мы гуляли втроем — Кизеветтер, Богословский и я в Лименах[175], и я слушал спор моих спутников: Богословский доказывал то, что теперь пишет Кизеветтер, а Кизеветтер защищал идею социализма и доказывал его практическую возможность в будущем, правда не в ближайшем и не для русского специально народа; но ведь и теперь он говорит не о неподготовленности России для социализма, а о том, что русский опыт доказывает вообще непригодность социализма. Итак, даже для человека большого ума и дарований, но зараженного русско-интеллигенческой идеологией, нужен был жесточайший предметный урок, чтобы познать истину.

Наслаждаемся по-прежнему тишиной; холодно, но ясно, возможно греться на солнце сидя на крыльце, смотрящем на юг Все сильнее думается о том, что происходит в мире. Как бы было хорошо, если бы было возможно уйти от всего окружающего.

(27 [апреля]) 10 [мая]. Государственный переворот в Киеве[176] может иметь громадные последствия для несчастной Великороссии, хотя предугадывать подробности и рассчитывать на близкое время, как это делают, кажется, в Москве, по-моему — еще мало оснований. Во всяком случае, в Москве некоторое оживление. В вагоне разговор с двумя гласными каких-то совдепов[177]; впечатление одно: полный сумбур в голове, полное одурение, которое можно вывести только временем или очень жестоким ударом. Из Загранья тревожные вести. Если не приедем, то грозят отобрать пашни.

(29 [апреля]) 12 [мая]. Прожили еще два дня в Пестове, погода все время улучшалась. Наблюдения над местным населением и переговоры с ним убедили, что прожить лето там, вероятно, удастся, хотя крестьяне, оставаясь довольно любезными, стали достаточно фамилиарными; в частности, парк считается социализированным, и в последние дни, когда стало теплее, они в парк стали являться в большом числе. Вернувшись, я мало кого видел, но, судя по тону газет, дела правителей не слишком хороши, хотя процесс их смены, по-моему, не может быть кратким, если только не выступят какие-нибудь новые факторы, мне неизвестные. Какой-то перелом все же чувствуется.

(30 [апреля]) 13 [мая]. Слухи, слухи, слухи; как клевета в арии из «Севильского цирюльника». Они растут, распростра-

няются, проникают повсюду. Быть может, они смолкнут, чтоб вновь возродиться при каком-нибудь новом случае, быть может, они действительно предвещают конец большевиков. Суть их сводится к этому и к появлению режима, напоминающего малорусский в данный момент. С другой стороны, что-то действительно нарастает на Дальнем Востоке[178-179]; быть может, недалек день, когда азиатская Россия будет занята союзниками, а европейская — немцами, и об одежде ее, т. е. России, будут метать жребий. И что же против этого сделает народ-банкрот?

(2) 15 [мая]. За эти два дня только слухи и слухи, опять-таки самые разнообразные; под ними есть какая-то истина, но какая? Наиболее ценным я считаю то, что, по словам близко наблюдающего их Бориса Сергеевича Петр[...], настроение у большевиков сильно изменилось за время Пасхи. Немцы заняли Ялту и освободили (!) членов царской фамилии, сидевших в заключении в своих имениях[180]. Немцы охватывают все своими клещами, и весь вопрос в том, когда и как они нас захватят совсем.

(3) 16 [мая]. Новых слухов нет; старые поддерживаются; общее убеждение в том, что большевики полетят, но не менее общее, что владычество немцев неминуемо. Это убеждение гораздо сильнее, чем было в феврале; быть может, на этой почве у всех, и в том числе и у меня, является какое-то равнодушие к тем мерам, какие большевики могут предпринять по отношению к чему бы то ни было.

(4) 17 [мая]. Положение без перемен. Слухи такие: некоторые комиссариаты получили предписания свертываться и быть готовыми к отбытию в направлении Нижнего. Гарф рассказывал, что Московско-Курская железная дорога получила предписание быть готовой к эвакуации; на линии Московско-Рязанско-Казанской железной дороги за Волгой[181] велено строить тупики для загона туда подвижного состава, эвакуируемого отсюда. Оба сведения более или менее из первых рук, но что они означают — начало конца или же профилактические меры? Вечером собрание у Любавского; он и гр. [...] осведомили о том, что им известно по поводу немецкой ориентации. Впечатление такое, что какие-то переговоры действительно ведутся, но что Мирбах ломается и кобенится, чего-то обе стороны выжидают и, быть может, запрашивают. С другой стороны, велись или ведутся переговоры и с союзниками, но там они натыкаются на абсолютное нежелание Америки пойти на восстановление монархии. Вообще союзники нас понимают мало, а Американцы и вовсе ничего не смыслят в том, как нужно обращаться с русской дрянью и какие лошадиные средства нужны для нашего исцеления.

(5) 18 [мая]. Совет Университета; много говорили глупостей о филиальном отделении Университета в Иркутске, на ко-

торое уже наложили руку большевики[182]; потом были у нас Мальфитано и Авенар, [...] и дядя Эдуард — болтали о разных вопросах, более широких, чем взаимопонимание. Большевицкие войска захватили сегодня клиники; стоило большого труда их оттуда выжить, но и то еще не выяснено, ушли ли они. Слухи все те же; а толку от них не много. Не могут же немцы спасать народ-самоубийцу — на что им это? Вот и вспоминаются теперь длинные вереницы демобилизующихся самопроизвольно солдат, ночною порою проходивших этой зимою по Воздвиженке и Арбату: они вели к немецкому владычеству, и, глядя на них, когда с ними приходилось встречаться, жутко делалось на душе. Цены на продукты резко возвысились после Пасхи, и продуктов стало меньше. Голод, настоящий или искусственный, я не знаю — начинается.

(6) 19 [мая]. Слухи все те же; они не умолкают; много говорят о дальневосточных десантах; уверяют, что японцы собираются дойти к зиме до Урала. Кто же хуже — немцы или японцы, ибо ведь не надо думать, что японцы явятся только для одних наших прекрасных глаз. Уверяют, будто Мирбах требует какого-то контроля над какими-то дорогами. А Антония священник, говорят, произносил сегодня проповедь, в которой Николай II был уподоблен Лазарю, «который, может быть, воскреснет». Общее собрание дома, скучное, инертное, малолюдное, которое окончилось избранием старого комитета. Все так на Руси; впрочем, об упадках комитетов я не жалею. На западе готовятся к новым боям.

(8) 21 [мая]. Вчера я был приглашен на совещание при литературно-издательском отделе Комиссариата Народного Просвещения[183]. Я поехал туда, чтобы поближе посмотреть этот сумасшедший дом, и я не раскаиваюсь. Большая зала лицея[184]. Вместо царских портретов — красные полотнища, заколотые красными кнопками. Под одним из портретов в рамке портрет товарища Ульяновой-Крупской — тот самый, который в книге «Большевики»[185], с красным бантиком в углу; мраморные доски сняты. Я пришел на один час позднее назначенного времени; в зале были Сакулин, Гершензон, Грабарь, Брюсов, Вересаев, Чертков, И. Д. Сытин[186] и несколько товарищей. «Комиссар», товарищ Лебедев-Полянский[187], молодой человек лет 30-ти, брюнет, говорящий гладко, пересыпающий речь местоимениями — я, мне и т. п., «я как революционер», и т. д.; чувствуется чванство, надутое торжество, самовлюбленность и незнание в то же время, что дальше делать. Жид Голосовкер, оставленный или нет при Киевском Университете, сидит за секретаря. Председательствующий комиссар говорит длинную речь, в которой слышится защита декрета о монополизации классиков[188] и указывается, что все правила и порядок изданий, комментария и редакции уже кем-то предрешены. В ответ поднимается Гершензон и отве-

чает отповедью, очень резкой; ее лейтмотив такой: вы нас приглашаете на роль горничной, которой велят делать то или другое дело без рассуждения. Затем Сакулин оглашает заявление, подписанное им, Гершензоном, Вересаевым и мною, в котором указывается, что мы сочувствуем идее издания классиков на государственный счет, в изданиях, не преследующих целей наживы, но что мы против монополизации и что мы не знаем, что нам делать в деле, в котором все уже предрешено. Я спрашиваю у товарища Лебедева, что за комиссия в Петербурге и каково отношение Московской коллегии к ней[189]. Характерно заявление Черткова (я вижу его в первый раз — удивительно барская наружность, которую не скрывает, а скорее выставляет на вид оборванный, небрежный костюм) — он сказал, что и он бы подписал наше заявление, если бы там не говорилось о издании за счет государства, так как он против государства вообще. Оле [о (*ц.-сл.*)] глупости кающегося дворянина! Сытин молчал все время, изредка (он сидел рядом со мною) говоря мне вполголоса свои негодующие замечания. Странно было видеть его здесь: большевики почти отобрали у него все и его же пригласили на это совещание. Ответ товарища комиссара был длинен, гладок; он продолжал говорить с рисовкой, слушая самого себя и улыбаясь сладкой и подлой улыбкой. На Гершензона он очень обиделся и заявил, что он удивлен, как гражданин может говорить о том, что кого-то приглашают на роль горничной; при этом, как и в первый раз, он старался показать свою образованность, говорил о своих философских принципах, об «императивной категории», и вставлял французские выражения, вроде о куран, au fond вместо fond[190] и далее в этом роде. Но аргументы были в значительной мере митинговые; он старался софизмами доказать нам, что все можно пересмотреть и переделать, но что одного нельзя — отменить декрет о монополизации, цель которого — только искоренить «литературное мародерство». Как это будет делаться, он пояснить не мог. Получилось, у меня по крайней мере, впечатление, что большевики, наделав глупостей, желают, чтобы здравомыслящие люди исправили эти глупости и своим авторитетом покрыли их преступления, ибо ничем другим нельзя считать их декрет, лишающий авторов и их наследников их достояния. Мне надоело сидеть и я уехал, заявив, что я могу, в пределах подписанного мною заявления, быть консультантом комиссии (этот термин в их программе имеется), но что членом комиссии, коллегии или чего-нибудь в этом роде я не могу быть, ибо я не компетентен в деле литературной критики и редактирования. Конец заседания постараюсь узнать от Сакулина. Очень характерен состав петербургской комиссии, которая все предрешила и предначертала, но которая, по словам тов. Лебедева, может умереть теперь своею смертью в Петербурге,

так как она должна быть заменена новой комиссией — Московской, — имеющей возникнуть под сенью Комиссариата народного просвещения: в ней состоят А. Блок, Иванов-Разумник[191], заявившие себя левыми из левых с.-ров, Бенуа, иже везде свой и все исполняяй, и 2 журналиста — вот и все. И вот приглашают сериозных и уравновешенных людей исправлять то, что наделали преступный декрет и люди, взбесившиеся или невежественные, или прохвосты, которые предначертили порядок осуществления декрета. На этом совещании нам были предъявлены 1 том Щедрина, 1 том Кольцова и 3-й том курса Ключевского, изданные ими. Комиссар хвастался, что печатание обошлось им очень дешево, а Сытин шептал мне — ведь типографии-то они даром захватили! Я ушел с глубоким убеждением, что привлечь им солидных сотрудников не удастся: бездна нахальства, цинизма, и в то же время глупость, раскрывшаяся передо мной, еще раз убедили меня в истинной цене этих новоявленных устроителей России: сволочь, и только.

(9) 22 [мая]. Сегодня грандиозный крестный ход к Никольским воротам, ставшим теперь местом поклонения. Я видел его, т. е. вернее его часть и толпу на Ильинке, Никольской и у Иверских ворот[192]; она производила грандиознейшее впечатление. Это было не первое мая, а нечто более внушительное. Масса, конечно, против большевиков; но это не значит, что они сумеют их уничтожить.

(10) 23 [мая]. Ничего нового; все опять на мертвой точке; оттого ли, что скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается или оттого, что действительно ничего выйти не может, но только опять сто пудов на душе, опять чувство безысходного позора, стыда за все русское, и кажется, будто ничего никогда не переменится, и все будет продолжаться разорение несчастной страны. Никому мы не нужны, никто нас не желает привести в порядок, а тем временем князья мира сего довершают разорение страны. На западе готовятся к новым событиям.

(12) 25 [мая]. Положение без перемен; слухи или замерли, или все те же: говорят, что властители осмелели; другие говорят, что они в Москве боятся Мирбаха, а из Москвы на Волгу уезжать боятся, ввиду тамошних беспорядочных вспышек. Мог бы узнать кое-какие новости академического мира, но в совет Высших Женских Курсов не попал, потому что был в Донском монастыре, по случаю годины Ключевского[193]. Между прочим, сегодня в «Русских ведомостях» (т. е. в «Свободе России») появилась статья Львова о Ключевском и русской революции; интересно указание на беседу его с П. Струве (сборник Струве «Patriotica», стр. 200—202)[194], где Ключевский выражал сомнение, выдержит ли тонкий слой государственных учреждений неизбежную коллизию между

самочинным умствованием проснувшегося народа и правительством, которое во что бы ни стало хочет оберегать старый режим. Все более и более указаний, как много думал Ключевский о будущей революции и как пессимистически он смотрел на будущее России. На кладбище мы много бродили; как много там лиц, знакомых по истории XVIII и XIX веков, по хронике Москвы и даже по личным связям. Навестил Веневитинова — и этот предрекал русскую смуту; смотрели памятник Муромцева — бюст, сзади стена, впереди голая каменная пустыня — какой яркий символ для кадетской партии, этого кружка с пустыней вокруг[195]. Сегодня я имел счастье познакомиться с одним из вождей большевиков — Рязановым (истинную кличку его не знаю). Он явился в Румянцевский Музей, очевидно, знакомиться с учреждением, в связи с затеянным им предприятием — устройством главного управления архивов, музеев и библиотек (впрочем, Румянцевский Музей туда не входит), приглашал меня опять на какое-то совещание в Комиссариат народного просвещения, на которое я до сих пор, однако, приглашения официального не получал, но если получу, то пойду и в этот бедлам. Затем он удостоил меня беседы, длившейся более часу. Это человек лет 50-ти, очень прилично и чисто одетый, с вежливыми и корректными манерами; в первые минуты беседы удивляешься, что видишь такого большевика. Как кажется, и он также жид, но внешний его облик не выдает его; выдает разве только разговор, акцент, хотя не особенно сильный, но достаточно противный, не чисто жидовский, а жидовско-польский. Он влюблен в себя и занят самим собою, много намекал на свои занятия наукой — по-видимому, марксизмом (надо будет просветить свое невежество и посмотреть, что он вообще писал); с покровительственным высокомерием говорил о русских профессорах; с ученым видом знатока говорил об архивном деле, в котором, на самом деле, не пошел дальше старого доброго Самоквасова; снисходительно улыбался, говоря о слишком ярых приспособителях из нашей среды, которые особенно охотно «надевают защитные цвета», причем имел в виду, повидимому, кое-кого из петроградцев. В общем, при вежливых и корректных манерах, сильное стремление показать ученость, превосходство во всем и, в одно и то же время, беспристрастие и близость к «моему приятелю Ленину»[196]. Впечатление громадной, давящей вши, которая разящую от нее вонь старается заглушить дешевыми духами.

(13) 26 [мая]. Все без перемен. Все утро гуляли в Нескучном, где я не был по меньшей мере 28 лет; сад так же прекрасен, так же уютен; в нем чувствуешь себя где-то в оазисе; наплыв демократии сказывается только местами в протоптанных тропинках, в затоптанных газонах, да в горильих отпрысках, которые бегают группами и чувствуют себя как дома;

когда мы уходили, стали появляться хулиганы с стеками и начесами, костюмированные в военную одежду (иначе выражаться не могу); но все-таки до 2 часов элемент буржуазный преобладал; все-таки прелесть сада выше всех этих изъянов, и мы вышли в хорошем состоянии духа.

(15) 28 [мая]. Беседовал с французом, директором завода в Донецком бассейне; он говорил, что вся эта катастрофа неминуемо должна была произойти, и что, когда произошла 1-я революция, им на донецких рудниках было все ясно — настолько настроение рабочих было явно большевическим. Сегодня я получил (увы!) приглашение на совещание товарища Рязанова-Гольдендаха; если оно не кончилось сегодня, то завтра, к сожалению, придется один раз сходить; то, что об этом совещании рассказывали Яковлев, Виноградов и Савин, достаточно безотрадно. Слышал рассказ, идущий из московских немецких кругов, что, по мнению Мирбаха, Чичерин — ein reizender Kerl [очаровательный парень (*нем.*)], который исполняет все большевические желания, что никто лучше большевиков пока что немецких желаний не исполняет, и никто бы Брестского договора выполнять, кроме них, не стал. Это укрепляет меня в мысли, что если немцы и предпримут что-нибудь, так только, когда русские будут их об этом просить. А этой просьбы — свалить большевиков, с тем, чтобы стать покорными слугами немцев в отплату — пока еще нет. Терпеть придется еще долго, и кто знает, может быть, придется еще бегством спасаться в Киев или Харьков, где русская жизнь будет теплиться под защитой немцев. На западе затишье продолжается.

(17) 30 [мая]. Опять немецкое наступление на западе и опять частичный успех, и все это из-за русской сволочи. На Дону образовалось правительство генерала Краснова[197], который уже ходил воевать с большевиками под Гатчину; это правительство следует примеру Украйны и вступило в связь с немцами; таким образом теперь немцы будут воевать против большевиков в пределах Донской области и Северного Кавказа; область отторгается за областью; война идет все глубже. Сегодня большевики объявили в Москве военное положение. Какими новыми неприятностями грозит нам это?[198] Вчера приехал брат из Загранья. Положение таково, что ехать туда и можно и нужно.

(18) 31 [мая]. Военное положение привело вновь к закрытию всех так называемых буржуазных газет и к многим арестам. Вчера были, между прочим, арестованы кадеты, собравшиеся в кадетском клубе; в том числе Бочкарева и Юрьева, служащие в нашей Румянцевской библиотеке. Сегодня Яковлев был у Ленина для их освобождения и, кажется, добился успеха[199]. Характерен разговор, который, как передал Яковлев, произошел между ними — Л: «Мы арестовали людей, ко-

торые будут нас вешать». Як: «Не эти, а другие будут вас вешать». Л: «Кто же?» Як: «Это я вам скажу, когда будете висеть». Их общий тон и настроение, по словам Яковлева, растерянны и тревожны, но я все-таки не думаю, чтобы конец их [был] близок. Я не знаю, против кого именно направлены громы большевиков[200], но я твердо знаю, что их конец может быть только при содействии немцев; а чтобы они хотели этого переворота, этого не видно; объективных признаков такого явления нет. Дон все же становится новым сериозным препятствием на пути большевиков. На западе положение сериозное; немцы бьют на Реймс и Суассон, т. е. по направлению на юг к Парижу.

(19 [мая]) 1 [июня], Кризис не наступает и не наступит и на этот раз. Пень подгнил, а сваливать его некому. Большевики еще продержатся. Воздействие А. И. Яковлева имело успех, и Бочкареву уже выпустили; Юрьеву выпустят сегодня. Любопытно впечатление Яковлева от посещения здания судебных установлений: ранее оно было полно народа и большевической жизни; теперь эта жизнь замерла, и к сидящим там властителям можно пробраться легко, как никогда ранее. То же самое подтвердил мне сегодня Белокуров, ходивший к Бонч-Бруевичу по делу освобождения Иловайского (бедного старика все-таки продержали несколько дней)[201]. И все-таки более чем когда-либо я вижу неизбежность немецкого владычества; оно придет и поглотит нас без остатка и без возврата. Характерно полученное сегодня с оказией письмо от Юрьевских родственников (теперь, увы, опять Дерптских). Они jubelnd [восторженно (*нем.*)] встретили ritterliche deutsche Krieger [рыцарски благородных немецких воинов (*нем.*)], которые принесли им herrliche Rettung [чудесное спасение (*нем.*)]. Как это ни горько, как ни ужасно читать это русскому человеку — здесь одна только голая правда. Для балтов немцы спасители, и русская разнузданная сволочь, вместе с тупыми латышскими дикарями, сделала все, чтобы заставить мирное население ждать немецких избавителей. Известия с Дона сообщают о настоящем белом терроре; во Франции положение союзников по-прежнему тяжелое. Луначарский издал декрет об уничтожении обязательного преподавания латинского языка — и без того дичающая русская молодежь будет в ближайшее время еще более дикой: дело, конечно, не в самом латинском языке, а в известной школьной дисциплине и настойчивости.

(20 [мая]) 2 [июня]. День без новостей. Вся история пока только bluff [пускание пыли в глаза (англ.)], быть может, подстроенный самими заинтересованными лицами, чтобы подчеркнуть свою мощь и развязать свои руки[202]. Сегодня мы от-

крывали наше франко-итальянское взаимопонимание у Патулье в помещении Французского института. Собралось порядочно народа, обычные речи звучали сердечностью; быть может, впрочем, в речах русских, но не горилл, чувствовался некоторый стыд перед Францией. Как бы то ни было, но дело, которое затеялось два-три месяца назад, теперь близко к своему окончанию; надо только будет толкать его далее; кто знает, может быть, мы все-таки кое-что сделаем, т. е. добьемся, по крайней мере, более значительного общения между мыслящими и учеными сферами обеих стран. Если это хоть сколько-нибудь удастся, то наши усилия не будут напрасными. Много говорили в речах о зверином состоянии, до которого дошло человечество, о демонах войны и революции, которых спустили с цепи, но не могут загнать их обратно в клетку. Это верно, и постепенно приходит в голову мысль — сумеет ли человечество выйти из этого ужасного состояния, и успеем ли мы хоть сколько-нибудь успокоиться при жизни?

(21 [мая]) 3 [июня]. Ездил на вокзалы Николаевский[203] и Ярославский — чтобы выяснить, имеем ли мы право, получив свидетельство на право въезда в Москву, с этим свидетельством выехать; за этим же делом я заезжал на городскую железнодорожную станцию; и в трех местах я получил 3 разных ответа: на Николаевском ответили, что нельзя, на Ярославском — можно, на городской станции, что они выдают билеты без разрешений вообще. Истинно российская неразбериха и путаница. Ходят слухи, что настоящий взрыв большевических репрессий произошел по немецкой инициативе, и аресты производятся по немецким спискам, потому что одной из задач открытой организации было возобновление войны с Германией[204]. С запада нет вестей; страшно, что там делается.

(22 [мая]) 4 [июня]. Музейскую даму до сих пор не удалось освободить, несмотря на разрешение больших людей; по слухам, аресты продолжаются; если этим власти решили навести террор, то они этого достигают; настроение подавленное и запуганное. Говорят, что и война с чехословаками затеяна по немецкой указке; с чехословаками вообще что-то непонятно, по крайней мере, для абсолютно непосвященного человека: где они, сколько их[205]; все бурлит, волнуется; все колеблет троны большевиков, но совершенно верны слова, ходящие по всей Москве, — если они и труп, то похоронить их некому, за исключением, конечно, тех же немцев. Говорят, что сегодня главный военный штаб уехал в Муром. Зачем? Что это означает?[206]

(23 [мая]) 5 [июня]. «Очень желательно, но несвоевременно» — таков ответ, который был дан господами рабам, желавшим с ними завести разговор[207]. Посмотрим, что будет дальше. Москва продолжает быть полной слухов, волнений и беспокойств; разговоры об арестах и расстрелах; ЦИК объяв-

ляет крестовый поход на деревенских богатеев[208]; а советская Россия все суживается; кажется, что отрезан весь восток[209]; впрочем, непосвященному ничего не понять, и приходится теряться в догадках и предположениях.

(25 [мая]) 7 [июня]. Никаких новостей ниоткуда; все те же разговоры, вращающиеся около одних и тех же наболевших вопросов; из Заграньея телеграмма о скорейшем приезде. Нина решается ехать в воскресенье 9-го; а вчера и сегодня полный мрак души; не хочется ничего делать; кажется, что все, что можно делать — делать не для чего.

(26 [мая]) 8 [июня]. Состояние духа еще более скверное; все беспросветно; кажется, что с нынешней властью одинаково флиртуют и немцы и союзники. И те и другие переменят к нам свое отношение после окончания войны. А когда она кончится? На западе — опять тупик, который опять сменится резней — и так без конца.

(27 [мая]) 9 [июня]. Сегодня Нина уехала в Загранье. Свидетельство брата, прожившего там около двух недель, и известия оттуда, полученные в последние дни, убедили нас еще раз, что ехать туда нужно, что там хорошо и что прожить лето там удастся. Оправдаются ли наши расчеты? И на это, как на все, приходится отвечать гадательно. Их удалось посадить в поезд довольно хорошо — в вагон 1-го класса, хотя поезд состоял на три четверти из теплушек. Общих новостей никаких. На западе опять установилось равновесие; боюсь, что периодические прыжки немцев все-таки будут приближать их к заветной цели — Парижу.

(28 [мая]) 10 [июня]. Германцы опять бросились на французов; пока, кажется, без большого успеха. Опять страшно. Сегодня я был на академическом съезде; это было 4-е заседание; я был еще на открытии. Поразительно грустная картина. Членов всего 165—170 человек. Присутствуют не более 60-70, да еще вездесущие курсистки. Царит сон и скука. И это тогда, когда над академическим миром занесен удар, быть может, смертельный[210]. Что это значит? Равнодушие? Трусость? Желание обеспечить себе выход для того, чтобы принять дар данайцев от большевиков? Грустно и стыдно за тех, кто должен бы был считать себя солью земли. Когда видишь это, то невольно приходишь еще раз к выводу, что с таким народом ничего не сделать и что из него ничего не выйдет

(29 [мая]) 11 [июня]. Новое правительство объявилось в Сибири[211]; непонятно его реальное значение и сила. Власть ответила чем-то вроде мобилизации, из которой ничего не выйдет. На заборах опять расклеены ужасающие призывы. На западе — третий натиск германцев; он только начался, и нельзя предвидеть, во что он разовьется.

Было последнее заседание факультета перед летом; кто

знает, не последнее ли вообще? Магистерский экзамен Голубцова; превосходный ответ. Вместе с Новосельским[212], который окончил экзамен по главному предмету неделю назад — это первые представители тех, которые призваны сменить нас. Мы уже папаши по науке; дай Бог только, чтобы и папаши и молодежь не прикончили вместе свое учение, а может быть, и всякое существование.

(30 [мая]) 12 [июня]. Л. Ег. видела сегодня В. Ю. Ге[...], одного из виднейших московских немцев; он стонал при ней так же, как любой русский буржуй. Что это значит — или, быть может, немцы и сами не знают, что они нам готовят и что они с нами сотворят. Открыли действия «взаимопонимания»; народа было немного — равнодушие, апатия, усталость сказались и в этом. Отметив все это кисло-сладкими словами утешения, мы открыли действия. Выйдет ли что-нибудь? Объявлена мобилизация нескольких уездов (àla Куропаткин)[213]; интересна степень ее успеха. На западе сегодня известия лучше для французов.

(1) 14 [июня]. Ездил в Пестово; хорошая погода; по наружности все как раньше, но меня не покидало чувство, что кто-то может всем этим распорядиться помимо законных хозяев; вероятно, то же чувство будет во мне и в Загранье. Получил по приезде известие о том, что Нина благополучно приехала в Загранье. Дай Бог, чтобы удалось прожить лето. Дневные слухи и новости ничего не прибавляют нового к давно уже известной картине. На западе ничего решительного, ничего существенно нового; ничего не пишут о так называемых чехословаках, о которых носятся разные слухи. Я сам не вполне понимаю это движение. Что они, уходят действительно во Владивосток, или они явятся опорой полумифическому Сибирскому правительству? Но это правительство, если оно имеет реальное значение, неминуемо будет искать опоры в Японии, ибо одних чехословаков мало. Те люди, которые подписали телеграмму, опубликованную Лениным, составляют ли они одно с еще более мифическим правительством Колчака[214], или это враждебные друг другу явления? Ум ищет ответа и все-таки не находит ничего.

Я думаю, что одним из наиболее интересных явлений нашей современности надо считать всеобщее похудание, которое происходит не только от одного голода. Правда, недоедание ощущается многими, но далеко не всеми и не в такой еще пока острой форме, а между тем — все похудели, кто на 15, кто на 20% веса, а иные и более. Несомненно, большое значение имеют здесь нервные переживания. Думы и тоска подтачивают людские организмы и сушат их; горе людей сознательных, видящих бездну, в которую мы все еще продолжаем катиться, так сильно и так глубоко, что не может не отзываться на их физической природе, как не может не

отзываться на сытом обывателе то, что его в любой момент могут окончательно раздеть и ограбить.

Последнее время я часто думаю о том, почему я не сделался революционером, когда в дни моей юности, так же как и теперь, вся Россия делилась на два лагеря — власть имущих и власть оспаривающих. Я никогда не оставался равнодушным к этой «борьбе роковой» и никогда не отождествлял себя с первыми, потому что я был не привилегированным, не дворянином, не членом правящего класса и был всегда слишком независимым, чтобы искать себе благ в этой области, но я всегда всеми силами ненавидел слепых кротов, которые грызли корни своей страны, отвратительных свиней, которые сидели под дубом и губили свою родину. Я никогда не мог чувствовать себя близким русским революционерам, потому что мне всегда претила их беспринципная распущенность, дикость, грубость, чисто пугачевская жестокость, соединенная с непроходимой глупостью и тупостью. Я думаю, что в этом вопросе решающее влияние на мое мышление и на мое развитие имели и мать и отец — влияние, впрочем, почти бессознательное, ибо оно никогда не проводилось прямо, а прививалось как-то невольно, само собой. Пламенный патриотизм матери и ее ненависть к нигилизму, наряду с любовью к большой, процветающей, единой России, а с другой — скептицизм отца по отношению ко многому в русском мире, порождаемый здравым смыслом западноевропейской буржуазии, знающей, что такое истинный труд, и умеющей ценить его: вот те две силы, которые, вероятно, сделали меня навек нейтральным человеком в вековечной русской распре и вложили в меня ненависть как к тем, кто всячески затыкал предохранительные клапаны русской социальной жизни, так и к тем, кто всячески устраивал и готовил взрыв родной страны.

(2) 15 [июня]. Общие новости — аресты среди меньшевиков и с.-р. и роспуск ЦИКа[215] — la vermine continue-à-s'entre-manger [гады продолжают пожирать друг друга (*фр.*)]. На западе новая передышка. Сегодня происходила ревизия моего стального ящика. В банке — пустота; у входа в кладовые сидят в очереди несчастные буржуи; входим в кладовую и попадаем в руки товарища — надо сказать, довольно любезного и добродушного; ревизия происходит скоро и без особого чувства раздражения и горечи. Кругом слышно раздражение и разговоры в повышенном тоне.

Вечером знакомство и беседа с Вл. И. Гурко; очень интересный и умный человек. Немцы начинают проявлять желание разговаривать с русскими[216].

(5) 18 [июня]. Не записывал 2 дня, потому что ездил в гости к belle-soeur [свояченице (*фр.*)] Татьяне на озеро Сенеж[217]. Эта подмосковная местность давно меня привлекала, но мне никогда не случалось там быть; это было одним

из стимулов поездки, несмотря на то, что никакого настроения ехать первоначально не было. Надо признать, что это одна из лучших подмосковных местностей по своей красоте; лесные склоны, долины, очень большие высоты, составляющие части гряды, отделяющей бассейн Оки от бассейна верхней Волги и идущей от Волока Ламского до Сергиевой Лавры и, быть может, далее на восток, здесь очень характерно и красиво выражены. Самый Сенеж, полуискусственное-полуестественное озеро, очень красиво и привлекательно; прогулка по нему доставила мне большое удовольствие. Имение, в котором я был, пощажено революционной непогодой, да и кругом мало что напоминало о ней; поэтому настроение мое там было удовлетворительно. Зато какой контраст, когда я попал на станцию, — кругом все мешочники, ну, эти еще сравнительно ничего — обыкновенные гориллы; гораздо хуже всевозможные советские типы, которые были на станции и вокруг нее, — отставные солдаты с начесами, молодые железнодорожные и почтово-телеграфные служащие — викжели, викжелдоры и потели, одни в грязных рубашках, другие в отложных воротничках с голой грудью, с палочками, плетками, стеками, с самодовольно глупыми лицами победителей, не подозревающие, что они обреченные дураки и самоубийцы.

За эти 3 дня положение как будто еще более запуталось. Чехословаки превращаются во что-то сериозное, но для меня, по существу, все еще не понятное. Ходят слухи об убийстве Николая II и о бегстве Михаила[218]; я пока не верю ни в то, ни в другое, хотя первое возможнее второго. Говорят о том, что немцы входят в соглашение с большевиками для борьбы с чехословаками: если так, то это затрудняет немецкую ориентацию и создает возможность борьбы на каком-то Волжском фронте; а если Михаил действительно убежал, то выйдет, может быть, что сибирские с.-р. и меньшевики будут, во главе с Михаилом, сражаться против монархистов средней России, которые, быть может, примут немецкую ориентацию. Положение без прецедентов в истории. Абсурд русской смуты приводит ее к новым и, на этот раз, оригинальным проявлениям.

(7) 20 [июня]. Положение все более и более запутывается; право, недалеко время, когда мы перейдем на роль тартинок или, вернее, начинки между двумя нажимающими на нас врагами. В Москве нервозность и, вместе с тем, апатия. Хочется поскорее уехать, хотя знаю, что еду не на спокойствие. Вчера у нас было собрание по поводу приглашения от Марка[219]. Подробно обсудили тон и программу возможной беседы, но я не знаю, пришли ли мы к общему объединенному пониманию целей и сущности дела. Л. слишком примитивно патриотичен и не тонок; А. А. Г. — молчал, серьезно вдумывался, но я не знаю, что он надумал; [далее зачеркнуто: Савин] С. извивался

ужом и немножко хитрил; Д. Н. Е. — более интересовался, как все это будет, чем что произойдет, текст приветствия — более, чем канва беседы. Я. — наиболее искренен и наиболее настойчив. Я отпадаю, ввиду моего отъезда и того, что встреча перенесена на субботу. Сегодня я имел беседу с Я. по тому же предмету; я советовал ему идти вперед, не взирая на возможные препятствия, — идти вперед до отказа, т. е. до обнаружения полного нежелания той стороны нас понять и пойти нам навстречу. Я все-таки думаю, что нам не миновать с ними жить и по-ихнему выть и что надо теперь же начать принимать меры; буду поддерживать Я. сколько могу и насколько это нейдет в разрез с моими французскими связями и симпатиями. Интересно, что может практически выйти из этой истории.

(11) 24 июня. Загранье. Я начинаю вновь мои поденные заметки там, где я их вообще впервые предпринял, — в Загранье. Еще раз привелось сюда приехать и некоторое время пожить; не знаю, долго ли? Последний день в Москве прошел весь в приготовлениях к отъезду; от 4 до 6 было заседание правления Compréhension Réciproque, которое, к сожалению, ознаменовалось неприятным инцидентом. Малфи s'est emballer [вспылил (*фр.*)] против Хвостова и Henri [Avenard (?)], укоряя, не знамо с чего, их обоих в отступлении от идеи союза, потому что они предложили объединиться в работе или, точнее, войти в сношения с академической комиссией по изучению производительных сил России[220]; Малфи узрел в этом каких-то banquiers et industriels [банкиров и промышленников (*фр.*)], распалился и ушел. Это очень жаль, ибо это плохое предзнаменование для деятельности общества. За пять минут до отъезда вдруг явился Славин и сообщил, что на всех, кто получал сахар в марте при посредстве домового комитета, т. е. в ту операцию, которая была затеяна этим жидом и выдана швейцаром, наложены денежные штрафы. Как, что? — я расспрашивать не стал и уехал; что будет дальше, не знаю, но с моим характером, пока дело не выяснится, — это для меня новый источник дум и беспокойства.

Дорога в Загранье заняла 28 часов; я ехал с двоюродной сестрой М. А. Куторгой; взяли билеты 3-го класса, причем нам выдали их до станции Родионово, так как, якобы, въезд в Весьегонский уезд запрещен по случаю голода. Это не помешало в Родионове нам получить требуемые билеты в Красный Холм[221]. В Москве пришлось влезать в вагон — в окно; со мной это было в первый раз; удалось, при помощи одного моего бывшего Поливановского ученика, все еще носящего военную форму и теперь состоящего пиротехником в Раеве [?] (фамилии его я так и не мог припомнить, а спросить было совестно), занять мне место у окна, а Мане одну из полок для

лежания, так что ехать сравнительно было до Рыбинска прилично, а от Рыбинска до Сонкова[222] и совсем хорошо; только до Красного Холма пришлось стоять на площадке, ибо все 4 классных вагона были забиты гориллами. Ночью даже удалось поспать немного, но сну мешали 2 обстоятельства: разговоры горилл о политике и всякие звуки, сопряженные с дурным запахом и не сопряженные. Надо заметить, что гориллы, как истинно русские люди, очень боятся сквозняков и потому старательно закрывали окна там, где были рамы. Из разговоров запомнился один. Первый собеседник — за большевиков: толстая цепочка, солидный вид, глупые речи — тип швейцара, подающего доносы на буржуев; второй — бывший солдат с искренностью и надрывом в голосе — типичный с.-р.; 3-й голос из глубины, обнаруживавший наиболее здравого смысла и иронически прерывавший беседу вопросами, ставившими в тупик первых двух. Говорили громко и долго; первым сдался большевик; но, Боже, что за ужас происходит в гориньих головах! Какая смесь заученных фраз, воспринятых или вдолбленных «лозунгов», глупости такой, которая не знает ни пределов, ни задержки, ни критики. Болезнь пошла глубоко, и не знаю, какими героическими средствами ее можно вылечить.

Дорога на лошадях пришлась на вечер; она была бы совсем хороша, если бы не жесточайшая гроза, которая преследовала нас целых 20 верст. Я давно не видал таких удивительных молний. Грустно было проезжать через новую железную дорогу. Рельсы сняты, шпалы лежали и, говорят, что во многих местах гориллы и их сочли общенародным достоянием и разбирают на дрова. Развалины железной дороги — вот что невиданного творит «русская революция». Домой приехали в 2 часа ночи. Вот уже полтора дня, как я здесь; снаружи как будто все по-прежнему, но гориллы знают, что они теперь могут все, они дают чувствовать нашу зависимость от себя; политический разврат далеко шагнул с прошлого года. Тихо и пусто в усадьбе, где нельзя нанять работника; множество порубок в лесу, который пока что пострадал более всего. Если так пойдет дело, то чрез несколько лет в России хорошего леса не будет. Однако наружные отношения приличные; вчера я уже имел длинный визит Николая Антипьева с Мокей Горы; говорил и с некоторыми другими. Нужно сказать, что последние фокусы Ленина и Ко., касательно деревенской бедноты и «хозяйчиков»[223], имели здесь определенный отзвук: совдеп, руководимый большевиком П. Смирновым из деревни Бесова (это, по словам Лены, — типичный большевик, член партии, бывший прапорщик и комиссар в Кронштадте, тупой, глупый, «идейный», в то же время богатый крестьянин), был свергнут и заменен бывшим волостным старшиной, который оказался гораздо более консервативного направле-

ния. Внутри деревни есть сдвиг, направляемый глупостью и тупостью самих большевиков.

Есть и спать — вот что мне хочется больше всего; а во всем остальном грусть и апатия; гнетет эта северная, подлая и скучная природа, хочется юга и, как никогда, безумно тянет в Крым.

(12) 25 [июня]. Весь вечер — «черные мысли, как мухи, лезли одна за другою»[224]. Несмотря на летний день, на действительное благорастворение воздухов, даже на этом бедном севере, весь репертуар пакостей перебывал в голове — и общие дела и личные — все. Как правильна мысль в старой песне о тоске и молодце[225]. Единственно, что мне доставляет удовольствие, это сон — сплю с наслаждением, и все мне мало. Говорил с Алексеем Ив[ановым] и Иваном Терентьевым — хозяйчиками, буржуями; в них, конечно, большой сдвиг, и они теперь чувствуют все неудобные последствия социализма. Посмотрел я на деревню Запрудье — у каждого крестьянина срублены новые срубы; то же приблизительно заметил и по тем деревням, по которым мы ехали, — нахапано, наворовано[226]; русский народ пользуется и набивает свой карман, а мне так вот и кажется, что все шварцовские имения будут непременно проданы немцам, и здесь появятся немецкие колонии или немецкие лесопилки. Что тогда будет делать и где будет себя чесать это горилье царство? Сегодня, может быть, собирается съезд, который решит судьбу русской высшей школы[227] и введет тот устав, который я читал на последнем совете курсов: ведь это памятник беспримернейшей глупости, столь великой, что она почти неосуществима. Уже 4-й день без новостей, и как-то не хочется их получать.

(13) 26 [июня]. Была Ал[ександра] Пав[ловна], дьяконица; также перемена миросозерцания; вспоминала все, что я говорил в прошлом году, и говорила, что я оказался прав; из ее рассказов можно было бы усмотреть, что в крестьянах, действительно, совершается поворот; но ведь он может быть только медленным и сам по себе, не направляемый силой независимой и сильной, ни к чему не приведет; крестьяне говорят, что старое правительство было лучше, но ведь и оно было плохим, да и никто его не вернет. Приезжали из деревни Завражье за дисковой бороной, которая теперь «принадлежит народу». Из нее уже оказались вывинченными несколько винтов; вот последствие передачи инвентаря народу — он весь изломается и никто не будет его чинить, ибо чинить может только хозяин. Вечером смотрели, как бывший батарейный командир и жена его коллеги — Куторга и Лена Репман — возили навоз и складывали его в кучки; если в этом заключается цель социальной революции, то она достигнута. Но хуже всего здесь в Весьегонском уезде положение несчастного

Гриши Шварца: человек, над воспитанием которого дрожали, но который уже давно вместо блестящей гвардейской карьеры пошел по стезе алкоголизма — живет в избе, в деревне рядом с центральным имением своих предков, куда его не пустили даже «на квартиру». Потомок уездных магнатов превратился в Иова на гноище[228], а в имении сидит совдеп.

(14) 27 [июня]. Запрудские граждане-пролетарии возят из нашего леса муравейники для удобрения полей, разгораживая заборы, вследствие чего травятся наши посевы. Граждане-буржуи относятся к этому отрицательно; сами пролетарии очень любезны, но дело свое делать продолжают. Вчера узнал интересную вещь: в Сандове лавка П. Кузьмина была разграблена тремя деревнями еще зимою — и торговля прекратилась; в Сандове только одна кооперативная лавка, в которой ничего нет. Вчера газета пришла только за субботу; впечатление попрежнему одно: что-то нарастает тяжело, медленно, но что? У меня по-прежнему чувство тоски, навеваемое всей здешней природой и обстановкой: о как хочется жаркого, яркого юга!

(15) 28 [июня]. Только теперь я понимаю значение старорусского выражения «не прочить себе»; осмотревшись здесь, я именно чувствую, что я больше ничего здесь «себе не прочу»; текут водосточные трубы, кое-где кривится дом, подгнило крыльцо у кухни, рубят лес, и все это мне совершенно все равно, будто это никогда не было моим, будто я никогда не любил и не интересовался Заграньем. И местность, весь край, эти дали и леса, которые я так всегда любил — совершенно мне опостылели; вчера это констатировала Нина, и я не мог ей ничего возразить. Везде чувствуется горилье царство, гигантская клетка, в которой нет спасения от взбесившихся зверей.

(16) 29 [июня]. Сатанинский силлогизм — России нужна сильная власть, сильная и умная монархия; ее может дать только Германия; ни Франция, ни Америка не могут восстановить монархии в России; они будут тщетно стараться создать у нас республиканскую власть; Англии все равно, что бы у нас ни было; значит, победа Согласия не даст желаемого для нас результата, а потому — о ужас — надо, логически мысля, желать победы Германии. Если бы кто-нибудь сказал мне даже год назад, что я договорился до такого ужаса, я бы сам не поверил.

Закончил книгу В. М. Хвостова — «Социология»[229]; книга полезная, хотя таланта нет, как нет его нигде в его работах; в этом томе изложены главнейшие взгляды на социологию и социологические процессы — как много было высказано глубоких мыслей по поводу законов, двигающих людским общежитием, но как мы далеки от того, чтобы найти эти законы; пока все только остроумные предположения, нащупывание каких-то объективных норм, все почти взаимно исключаю-

щие, и только; хорошо бы, если найдут такие законы, найти также и средства для исправления «злых человек лукавых». Прекрасная погода и день без инцидентов; я чистил сад.

Газеты не принесли ничего нового — все такая же слякоть, от которой с души рвет; ничего нет и на западе — ни отрадного, ни плохого; человечество все больше затягивается в мертвую петлю самоуничтожения. Письмо от Яковлева; сообщает, что встреча состоялась и что (на словах, по крайней мере) там готовы идти навстречу тому, что мы формулировали в беседе 6/19 июня, если будут иметь сериозные гарантии. В этих последних, конечно, весь вопрос. Жаль, что Яковлев не пишет о возможных дальнейших перспективах в деле начавшихся сношений.

(17) 30 [июня]. Вчера вечером я пришел в уныние и ужас, видя цивилизованных людей надрывающимися за сохой; конечно, и пахоту можно осилить, но выходит, что право жить и работать вне города в этой проклятой стране покупается тем, что люди, способные к высшей деятельности, должны опускаться до самых элементарных работ, хотя бы и очень полезных. Пока пахали, прошла мимо компания человек в 8 молодых людей социалистического вида (учительницы, товарищи-полуинтеллигенты и т. д.); они шли на спектакль в Сушигорицы! Я целый день думал, что нужно предпринять некоторые шаги и для выяснения дел в сторону Франции, прежде чем окончательно выбрать ориентацию; надо заняться этим при помощи Патулье; в последний час надо выходить и нам, людям кабинета, людям частной жизни; во всяком случае, все это надо проделать прежде, чем ставить вопрос об окончательной эмиграции, вопрос, который мне все чаще и все сериознее приходит в голову и который неминуемо придется решать, если все это продлится долго. Ведь, в самом деле, тот самый русский зверь, который являлся в смуту, при Разине, Пугачеве, о котором говорил Наполеон, упоминая об акте gratter le russe[230], которого прекрасно провидели немецкие пангерманисты еще в XIX веке — он вырос и вздулся в лице дикого, нецивилизованного, но снабженного кое-какими полузнаниями, разночинца; через Базаровщину, нигилизм, марксизм, народничество этот зверь овладел страною, разрушил и разгромил свой дом, свою землю и смел тот рыхлый и тонкий слой дворянской цивилизации, который не умел справиться даже с реформой 1861 года. А между тем этот захаянный русской интеллигенцией рыхлый слой, да еще люди иностранной европейской крови, которые, однако, признавали себя русскими, были единственными европейски образованными, единственно сознательными элементами в России: они доказывали это своим настоящим патриотизмом и своим пониманием настоящего положения дела, в то время как русские интеллигенты сначала стыдились победы, потом наслаж-

дались идеей ограбления помещиков, наконец, вздумали спасать мир интернационализмом и лишь тогда почувствовали удар в своих крепких задах, когда стали копаться в их сэфах.

(18 июня) 1 июля. Сегодня мне стукнуло 45; могу сказать, что хуже 45-го года в моей жизни еще не было; боюсь, что 46-й его перещеголяет; перемена стиля, кажется, заставляет забыть об этой дате всех; я сам вспомнил потому только, что сел писать и поставил число. Вчера поездка на Гору с ответным визитом к Ник. Ант[ипову]. Видел много горских горилл, и общие впечатления те же, что и ранее от разговоров с отдельными лицами: полная путаница понятий, некоторое недоумение от всего происходящего, некоторый контраст между ожиданиями и тем, что действительно происходит; у большинства — отсутствие дурных чувств по отношению к нам, которое, однако, может всегда измениться под влиянием психологии масс. После того были на погосте; застали, впрочем, одного батюшку, который весь подавлен и расстроен всем происходящим; спрашивал меня о дальнейших наших судьбах, на что я мог ответить только такими же вопросами.

(19 [июня]) 2 [июля]. День без инцидентов; жара. Газеты за субботу не принесли ничего нового, кроме той же слякоти; медленное умирание — вот что представляется мне единственной будущностью Великороссии. В Самаре образовалось какое-то с.-рское правительство, которое выставляет знамя Учредительного собрания[231]. Прости им, Господи, яко же не ведают, что творят, а мне пошли избавиться от моего пессимизма, гнетущего меня самого. Во всех моих разговорах с крестьянами, я, за 1-2 исключениями, ни слова не слыхал о России, о солидарности, о спасении страны; цены на продовольствие, земля, нажива — и больше ничего; это я замечаю не как новость, а как постоянное и неизменное проявление русской народной души.

(20 [июня]) 3 [июля]. Читая книгу Преснякова «Образование великорусского государства»[232] и обновляя в своей памяти бесчисленные известия о княжеских смутах и усобицах, я поражаюсь сходством их психологии с психологией теперешних крестьян: вражда, клевета, драки и сейчас же, без всякого перехода — чуть ли не дружба; такие факты постоянно видишь у теперешних крестьян, и то же самое, например, между Московскими и Тверскими князьями в XIV веке — вражда, погубление в Орде, убийства, измены и сейчас же затем союзы политические и брачные (я нарочно беру примеры самой острой вражды между князьями — Москва—Тверь). Стоит страшная жара; в Москве, несомненно, растопляется мозг. Газета от воскресенья дает такие впечатления: в Австрии, может быть, действительно что-то назревает; союзники, кажется, действительно собираются вмешиваться с востока. На западном фронте, кажется, дело действительно

принимает хороший оборот для союзников. Это, конечно, сумма впечатлений за несколько дней.

(21 [июня]) 4 [июля]. Слух о том, что железнодорожная забастовка состоялась 2-го, дошел и до нас; брат вчера не приехал; вероятно, от этого; продолжает стоять страшная жара, в Москве, вероятно, совсем не переносная; сравнительно с теми многими, кто сидит в этой тюрьме нынешним летом, приходится считать себя в раю. Каждый день (как это было, впрочем, и ранее всегда), приходится убеждаться во лживости наших Образцовых, заведующих и нами, и нашим уголком, а ведь это хорошие представители русского народа. Наш Володя повадился каждый день ходить к своей маленькой кузине и заявляет (конечно, не родителям только), что он ни на ком, кроме нее, не жениться: многообещающая натура, как в этом, так и во многом другом, хорошем.

(22 [июня]) 5 [июля]. Приехал брат Владимир Владимирович; его рассказы невелики и прибавили немного; по-видимому, Англичане высадились на Мурмане[233]; надо думать, что это только начало дальнейших действий; голод в Новгороде очень силен; пресловутая забастовка не состоялась. Приехал он ненадолго, главным образом, чтобы запастись провиантом, и теперь возникает вопрос, как дать ему возможность вывезти отсюда провиант, ввиду всяческих препятствий, которые везде чинятся вывозу отсюда муки; очень жаль, что он не хочет остаться здесь — дело решалось бы более просто.

Чтение книги Преснякова навело меня еще на одну черту аналогии между современным демосом и былыми верхами общества: вероломство князей в удельные и московские века — разве не признак той же нечестности, которой повально заражены теперешние русские? Книгу я закончил; это произведение умного и образованного человека, специализовавшегося на микроскопическом анализе: много частичных мелких наблюдений, но часто из-за мелочей не видно целого.

(23 [июня]) 6 [июля]. Вчера опять визит Ник. Антипова: узнать, нет ли восстания против советской власти, от приехавшего брата. Разочарование при отрицательном ответе: очень они нам надоели — черт с ними; удивительно пытливый человек, но постоянно чувствуешь полную путаницу понятий в этой взбаламученной голове. Сегодня утром я должен был дебютировать на дисковой бороне, но мой Алексей Ив[анов?] не разбудил меня, мотивируя это тем, что, чем нас учить, он сам скорее сделает, и действительно сделал; это или нежелание подпускать меня к работам, чтобы потом сказать, что он сам все делает, или же проявление традиционного недоверия к барину-белоручке. Жду известий с почты и новых мерзостей, которые нам суждено узнать.

(24 [июня]) 7 [июля]. Газеты принесли подтверждение английского десанта на Мурмане; большевическое признание,

что в Сибири во главе чего-то такого встал Михаил Александрович; известия о новых беспорядках в Австрии и новом поражении австрийцев в Италии; и декрет о национализации всех акционерных предприятий[234]. Как будто опять перевертывается какая-то страница войны, и дело союзников опять поднимается. Мы заняты приготовлениями к отправке провианта с братом, который вполне уподобляется мешочнику. Я покончил с чтением немногих привезенных сюда книг и засаживаюсь за давно задуманную работу на французском языке.

(25 [июня]) 8 [июля]. Вчера день без слухов и инцидентов; к нам приходили «сидельцы» из Старого Загранья. Потом мы ходили туда и долго сидели на старом балконе перед липовой аллеей в меланхолическом созерцании прошлого Загранья, как последние могикане замирающей жизни. Сегодняшние сообщения не вносят изменений в старые впечатления, сумбур увеличивается, борьба не затихает; над университетами занесен удар; пресловутый устав опубликован, а созываемое на сегодня совещание, конечно, его не изменит. Бедная русская культура — si elle a jamais existé [если она когда-либо существовала (*фр.*)].

(26 [июня]) 9 [июля]. Под влиянием решаемой на этих днях судьбы университета[235], у меня опять полезли мрачные мысли в голову, не потому чтобы я не был подготовлен, а так, должно быть, потому, что время подошло. Нас может ожидать двоякая участь — или выгонка «на общем основании», как профессоров Нижегородского политехникума, или вменение нам в обязанность примениться к новому уставу и ввести его в действие. Я думаю, что оставаться в Университете и отстаивать его надо до последней возможности, сохранять позицию надо, удерживая ее, а не эвакуируя из боязни пострадать во время боя; но ведь мы слишком часто видели примеры второго, но ведь и в этом случае, в конце концов, все-таки, быть может, придется ретироваться, так как положение может оказаться невыносимым. И вот тогда станет вопрос, равно как и при увольнении за штат, — куда деваться? что делать? Не лучше ли всем сообща, как, по крайней мере, внушительной группе профессоров Московского Университета, перенести свою деятельность на Украину, где, быть может, обстоятельства будут более благоприятствовать мирной работе и где надо будет защищать русскую культуру и русский язык от украинской самостийности. Все эти мысли я изложил в письме к Матвею Кузьмичу Любавскому, тем более, что он занят мыслью об организации чего-то вроде Высших Женских Курсов в Екатеринославе[236]. Прошу его поделиться со мною своими мыслями.

Вчера ездили в Сандово, где узнали сногсшибательную новость, что будто бы чехословаки (они теперь вездесущи) за-

няли Ярославль и Рыбинск[237]; никакой веры этому слуху быть, конечно, не может; заезжали к Ф. Павловичу Образцову, богатому мужику, собственнику, бывшему Загранскому управляющему и потом Щербовскому волостному старшине; это типичный хозяйчик, выражаясь словами владыки. Он и теперь, как практический человек, не потерял головы, а только съежился. Добрался я, наконец, до маленького Загранского архива, существование которого даже отрицалось при прежних поколениях; он интереснее, чем я думал; надо все выбрать из него для семейного архива.

(27 [июня]) 10 [июля]. Сегодня новых газет не получили. Случайно или нет?[238] Весь вчерашний день было оживление. Приехали Шура Веселаго и Таля Томиловская с чадами и домочадцами, всего их было 7 человек — и мы целый день справляли тризну по буржуям или, как выразился Шура, быть может, их возрождение. И те и другие пока остались при том, при чем были раньше; Томиловские работают сами; Шура работает в кооперативной лавке, но и те и другие чувствуют на себе дамоклов меч революционной демократии. Расспросил я у них про всех здешних помещиков; в общем, совершенно разоренных и разгромленных имений мало: Покров Шварца, Вятка [?] Родичевых; есть разворованные, где хозяева посажены на скудный паек, — например, Друри; Измайловы, точнее Арсений Петрович, 70-летний старик (ибо оказывается, что его жена умерла зимою, как Екатерина II) еще живет дома; Каштаевские [?] работают сами на артельных началах. Все цепляется за старое; все висит на волоске; мы и сами вчера опять шутили — что мы последние могикане здесь. Вечером был ужин у нас с выпивкой — надо выпить то вино, которое здесь есть, не дожидаясь, чтобы это сделали гориллы. Ночью — проводы брата носили чисто Карамазовский характер; я не выдержал и ушел спать; бедной Нине пришлось испить чашу до дна.

(28 [июня]) 11 [июля]. Вернулся Ал[ексей] Ив[анов], отвозивший брата, который велел ему дожидаться обратного поезда из Сонкова[239], так как думал, что, может быть, вернется обратно. Однако с обратным поездом он не вернулся; с этим поездом [так в подлиннике] слезли всего несколько человек; краснохолмские красногвардейцы отправились в Сонково, может быть, дальше; Ал[ексей] Ив[анов] привез слух, что в Рыбинске жгут дома и режут[240]. Все это доказывает, что что-то происходит; думается, что, вероятнее всего, какое-нибудь местное выступление. Вчера я начал разбирать Загранский архив, который, оказывается, интереснее, чем я думал.

(29 [июня]) 12 [июля]. Скучный Петров день. Поездка в церковь. Услышал потрясающие новости о всеобщей забастовке, о якобы крушении советской власти и, главное, об убийстве Мирбаха[241]; все это нуждается в дальнейших провер-

ках и подтверждениях, ибо все это может иметь неисчислимые последствия. Данных мало, чтоб философствовать и писать комментарии; поэтому лучше терпеливо ждать. День прошел обычным порядком: обед в Старом Загранье, бесконечное сидение попов; прохождение пьяных по дорожке вдоль леса. Все-таки, судя по тем слухам, которые смутно до нас доходят, что-то в мире происходит. Как хочется узнать, что именно!

(1) 14 [июля]. Вчера я ничего не записал, потому что мы ездили к Александру Мих[айловичу] Веселаго и провели сутки в путешествии. Дорогой остановились на несколько минут на почте. Газет не оказалось, исключая большевистской «Бедноты»[242] от 9-го; в ней сказано, что в Москве мятеж левых с.-р. подавлен, но Мирбах действительно убит! В Залужье нашли газету от 7-го, где нового ничего не узнали. О пребывании в Залужье сказать нечего: постепенное продолжение декаданса, который так уже давно чувствуется; висят, как и все, на волоске; инвалид с простреленной головой должен сам работать, чтоб отстоять свой разваливающийся угол, а чтобы отбиваться от большевиков из совдепов — состоит председателем местного кооператива, куда крестьяне его выбирают, потому что единогласно признают его единственно честным человеком во всей округе. Интересно отметить, что в народные судьи[243] по Залужской волости попал М. А. Колюбакин, сын известного к.-д. и внук долголетнего местного земского начальника, сам к.-д. Сегодня добрались благополучно домой. Здесь нашли газету от 12-го, из которой я ничего не мог понять. Как будто большевики одержали победу над левыми с.-р.; но как будто также, что в газете («Новая жизнь», СПб издание)[244] не все договаривается. Сообщается об измене и смерти знаменитого большевистского вождя Муравьева[245] и целый букет новостей, взаимно противоречащих и внутренне несогласуемых. Кроме того, М. А. Куторга передавала слухи, краснохолмский и железнодорожный, о падении советской власти; думаю, что слух этот вздорный; но все вместе создает картину сумбура, в котором немыслимо разобраться.

(2) 15 [июля]. С раннего утра вышли косить; в первый раз в жизни я косил утреннюю росу [так в подлиннике]; физическая усталость, но приятное чувство усталости и чего-то сделанного, тем более, что было прекрасное утро. Газеты не пришли вовсе; слухов из Сандова также не привезли никаких, только два письма от Эммы Вилькен и от Яковлева; из письма Эммы, равно как из полученного в прошлую почту письма Лены Репман, видно, что под Москвой и в Москве живется плохо; что 2 дня не ходили поезда, даже пригородные, и что была паника. Яковлев, видимо, сосредоточился мыслью на последствиях убийства гр. Мирбаха. Видимо, во вторник в

Москве было довольно спокойно; остается ждать, косить и, по мере сил и возможности, работать за письменным столом.

(3) 16 [июля]. Вечером косили опять; сегодня утром меньше, потому что Образцовы сами вышли поздно, а нас не разбудили — быть может, чтобы потом сказать, что они все делали сами; тем не менее я, проснувшись, пошел на покос и косил полтора часа; в общем, дело идет недурно; думается, что с покосом мы справимся. Сейчас приходила Лена; у них дело спорится хуже и, что хуже всего, это рабочие; лучший был поляк Франц, который уехал к себе домой, да Ходжа [?] — румын из австрийских военнопленных, а русские — одна дрянь.

(4) 17 [июля]. Упорная работа на сенокосе и в промежутке довольно удачно работается за письменным столом. Отсутствие известий не мешает, быть может, даже способствует разбору Загранского архива и упражнению во французской стилистике; на первое смотрю как на последнюю дань уголку, который был мне мил; на второе, как на тяжелый долг и, быть может, средство сколотить деньгу. Сейчас Нина уехала на почту, и часа через два я получу очередную порцию мерзости. С почты ни слова; газеты в Москве, очевидно, закрыты; но почему не пришел номер «Новой жизни» от 12-го, который Маня привезла мне в воскресенье? Пришли только несколько экземпляров «Бедноты», из которых ясно, что власть существует по-старому, да письмо от Маши, из которого видно, что в Москве была стрельба, только небольшая, а в пятницу 12-го, когда письмо писано, — все тихо; что же творится и творится ли вообще что-нибудь?

(6) 19 [июля]. Вчера я ничего не записывал, потому что весь день работали; косить пришлось в общем около 6 часов; отмечаю это, как небезынтересное явление в жизни почтенного профессора, желающего до конца отстаивать свой угол. Странное дело, когда косишь, то все мерещатся воспоминания о прошлых путешествиях. Хоть бы когда-нибудь еще выглянуть в широкий мир, вон из горильего царства! Сегодня грозит обычная лихорадка по случаю уборки сена.

(7) 20 [июля]. Читал на почте какую-то из большевических «Правд» — на западе, кажется, благополучно; к.-д. принимают, если не немецкую ориентацию, то склоняются с ними поладить; чехословаки теснят местами большевиков[246]. Все остальное — без перемен. Письмо от Мальфи — они, кажется, сегодня уезжают во Францию; милый, хороший идеолог; но все же мы что-нибудь сделаем. Целый день работа на сенокосе; все мы устаем как собаки.

(8) 21 [июля]. Наперекор всем стихиям мы сегодня устроили «помочь», чтобы выкосить наш дальний сенокос в Горохове. Это удалось, но зато мы вдребезги устали, так как на этот раз пришлось, в противоположность прежним годам, быть не

барином, созерцающим с высоты, а участником дела. Меня подняли в половине пятого; пришлось продефилировать за 2 версты и там посильно работать косой, а затем принять участие и в отплате, т. е. забавлять горилл граммофоном, пить пиво и всячески их развлекать; это продолжалось до 5 часов вечера; 24 человека были накормлены завтраком, чаем, обедом, и выпито 8 ведер пива. Нужно сказать, что отношение этих людей самое нормальное, и во время «помочи» ничего не напоминало, что мы находимся в революции, — это одно из противоречий жизни. Вечером разговор с О. Е. Волковым, бывшим земским начальником, ныне подозреваемым в кадетстве; любопытные подробности о некоторых теперешних деятелях: в Красном Холме совдеп наполнен рецидивистами ворами и грабителями, которых он мне называл поименно. В общем, живет он так же, как и мы, под постоянным дамокловым мечем. От усталости легли спать в 10 часов.

(9) 22 [июля]. С утра косили клевер; с почты — ровно ничего; значит, газеты по-прежнему закрыты, но почему же нет писем? Уж очень плохо получаются ответы на посланные отсюда письма. Сегодня некоторый отдых; уборки сена нет, и я могу провести день за более привычными для себя занятиями. Только вечером опять 3 часа работали над сушкой клевера и сложили его в копны.

(10) 23 [июля]. Отвратительная погода; в работах остановка; пользуюсь случаем, чтобы поработать возможно более. Я чувствую, что нервы мои в общем крепче; я могу хладнокровно созерцать в своем уме все грядущие мерзости, которые нам придется пережить, пока мы не околеем или не наступят лучшие времена; у меня нет того гнетущего чувства ко всей окружающей природе, даже меньше того чувства тюрьмы, какое у меня было по приезде моем сюда. Надо думать, что это улучшение самочувствия поможет и в дальнейшем. Но это только нервы, а рассудок говорит все то же и, быть может, даже с большей ясностью — все погибло: страна, народ, будущность — и общая и наша.

(12) 25 [июля]. Жалостное впечатление произвели частные письма, полученные с почты. Московский террор, видимо, усиливается; телефоны выключены, газеты приостановлены все, за исключением, конечно, ихних; люди как впотьмах; из тьмы выползают только слухи, в которых, по обыкновению, не разобраться. Единственным приятным известием было сообщение тестя о том, что его избрали членом правления синематографического предприятия «Нептун»; дай Бог, чтоб это способствовало облегчению их материального положения и чтоб большевики не хлопнули и синематографы. Из-за трех заказных писем летал в Сандово по дождю, так как одно из них, казалось, должно было сообщить сведения о порядке получения вещей из ящиков; вместо того получил заявление об-

ратно. Уж не знаю, что из этого выйдет. Вчера и сегодня утром опять косили. Отчего же бы еще не пожить на необитаемом острове — без новостей иногда как-то лучше. Эти дни хорошо работалось над будущей французской книгой и над хроникой Загранья.

(13) 26 [июля]. Все утро работал на сенокосе и, гребя сено, обдумывал дальнейший план моей французской книги. Вчера прочел Нине написанное; выходит лучше, чем я надеялся. Сегодня меня взял ужас перед нашей жизнью будущей зимой — перед этим сплошным беспросветным ужасом и безнадежностью; ведь ничего не меняется; все пока остается по-прежнему, и при таких условиях дальнейшее существование невозможно. Я иногда думаю, что жаль, что я сейчас мало записываю; но, на самом деле, слава Богу — значит, менее тяжелых дум в голове и более нервной крепости.

(14) 27 [июля]. Газет по-прежнему нет; писем тоже; с одной стороны, злишься, с другой, даже лучше, что живешь как на необитаемом острове. Погода отвратительная; целый день работал за письменным столом.

(15) 28 [июля]. Именины Володи; испекли крошечный пирог из белой муки и побольше из черных сухарей. Поехали в церковь, да поп, видимо мучимый аппетитом, кончил обедню в 8-м часу, так что наши, т. е. Нина и Володя, отправившись в 8 часов, нашли церковь запертой; Володя очень радовался, правя нашей клячей. Вот и все празднование. И у Нины и у меня целый день чувство неисходной тоски от того, что есть, и от того, что еще предстоит; да и здесь все так противно, поскольку дело идет о людях. Оказывается, наши Образцовы крали капусту на Запрудском огороде; в субботу в Старое Загранье неожиданно явился «комитет» и произвел ревизию [?] удоя и т. п., причем прежде всего выслушал донос стряпухи, оказавшийся, конечно, лживым. Вот существование моих кузин. Может быть, кроме всего другого, действует и погода, которая до вечера была отвратительной, и отсутствие известий; старался коротать время за старыми письмами и кончал Загранскую хронику; вышло не лишенным интереса, хотя, конечно, можно было бы собрать и еще кое-что. А все-таки дико думать, что уже 3 недели, как мы почти ничего не знаем, что делается в мире.

(16) 29 [июля]. Прекрасный день; работал в поле с 5 часов утра до 6 вечера; это действует хорошо на нервы. С почты ничего, кроме повестки на заказное письмо. У нас из бани украли железные части. Кражи везде; поэтому крестьяне и свозят сено к своим дворам; очень уж сильна боязнь, что их же собратья их обкрадут.

(17) 30 [июля]. Целый день работа в поле; устаешь и одуреваешь. От матери жены письмо, оставляющее грустное впечатление. Видно, что жизнь в Москве тяжелее, чем когда-ни-

будь, и что настроение моей belle-mère [тещи (*фр.*)] не лучше моего собственного. Временами становится ужасно подумать, что придется вновь возвращаться в эту юдоль скорби, гнева и нужды. Нет, если это продлится долго, то не выдержим и придется бежать нищими куда-нибудь вон.

(18) 31 [июля]. Ездили на почту, чтобы что-нибудь узнать — узнал, что в Москве закрыты все небольшевицкие газеты впредь до полного укрепления советской власти[247]. Значит, мы осуждены на то, чтобы питаться советской печатью неопределенное время. Япония все-таки что-то делает, судя по известиям, которые проскальзывают; видно, что в Сибири и в Самаре дело как будто налаживается[248]. Французы бьют немцев — это самое главное[249]. В Москву германцы прислали Гельфериха — значит, этому посту придается огромное значение[250]. Каша запутывается, а мы все более и более превращаемся в canneton la rouennaise [утенка по-руански (*фр.*)], которого давят, чтобы из него шло больше соку.

Август

(19 [июля]) 1 [августа]. Вчера вечером coup de théâtre [неожиданное происшествие (*фр.*)]. В первый раз за все лето мы пошли прогуляться за Запрудскую горушку; отошли с ½ версты, вдруг крики — «Идите домой, кто-то приехал». — «Кто?» — «Не знаем!» В первую минуту я думал, не местный ли какой-нибудь комитет или что-нибудь в этом роде. Возвращаемся, и на Запрудской горушке у мельницы я встречаю Ивана, бывшего швейцара из Симеиза. В первый момент я даже и не узнал его; Нина же, увидев его, вообразила, что умер кто-нибудь из ее родителей. Дело оказалось в том, что пресловутый штраф за сахар был на меня наложен, и в субботу 14 мая товарищи явились, чтобы взыскать с меня 10 000 рублей или арестовать. По рассказу Ивана, в нашем доме все надеялись, что бумаги по этому делу погибли в мятеже 25/V—7/VII[251], и были совершенно спокойны. Т. к. меня не оказалось, то спрашивали мой адрес. Как бы то ни было, но кто-то дал знать родителям жены, и они вступили в переговоры о выкупе. Это было в воскресенье или понедельник. Ивана отправили, чтобы нас обо всем предупредить и сказать, что деньги найдены и что торгуются, что есть надежда уменьшить цифру и что дело улажено. Т. к. из 1 пуда 5 фунтов, которые мы имели несчастье приобрести, мы на свою долю приобрели 7 фунтов, то сахар обходится дорого. Еще Иван сказал, что мы должны получить телеграмму с извещением, сколько все это обходится. Закусивши и забравши каких оказалось возможным послать припасов, Иван ночью уехал. Это был сон, но сон кошмарный. А главное, что когда

еще получится телеграмма, окончательно ликвидирующая дело. Вот уже более суток, а ее все еще нет. Да и как это будет избыть? Как отдать занятые деньги? Хотя я и ждал этого дела, и лучше, что оно ликвидируется, но такой ужас и такое насилие можно стараться встретить и пережить равнодушно и с апатией, но не хладнокровно. Общие известия, сообщенные Иваном, были почему-то оптимистичны; почему, я и сам не понимаю. Все чего-то ждут и на что-то надеются; самое, однако, интересное из его сообщений — это как проезжать на юг за рубеж. Вот куда придется бежать; реальность этого факта все более и более мне уясняется. Весь день очень скверное состояние духа и тоска не от этого эпизода, а перед теми новыми испытаниями, которые нам готовятся, — холера, хронический голод, хронические издевательства и унижения, возможность войны на улицах Москвы и т. д. Я радовался только тому, что целый день пришлось работать в поле — убирали сено и клевер довольно удачно в смысле погоды.

(20 [июля]) 2 [августа]. Тихий день; телеграммы не получили; вечером пришли из старой усадьбы, чтоб прослушать Загранскую хронику, и, пока мы ее читали, явились в гости почтенные гориллы с Горы — Иван Терентьев и Ив[ан] Яковлев; был устроен five o'clock [чай (*англ.*)], на который приглашены Образцовы; было трогательное единение с народом, продолжавшееся часа два. После этого продолжено было чтение Загранской хроники.

(21 [июля]) 3 [августа]. Телеграммы нет; чувство тупого беспокойства, хотя рассудок говорит, что если никто не беспокоит, значит, дело как-нибудь устроится. Ездил на почту; ничего, даже ни одного письма. Кое у кого нашел 5 «Нашего века»[252], из которых узнал, что японцы двигаются от Владивостока[253], англичане — в Ташкент[254], и Алексеевцы заняли Ставрополь и Армавир, чехословаки — Екатеринбург, союзники — Архангельск[255]. Кольцо образовывается, но горе всем тем, кто останется внутри его. Мне думается, что Москва должна превратиться в настоящую геенну огненную. А это дурачье призывает офицеров на действительную службу для занятия командных должностей[256].

(22 [июля]) 4 [августа]. Телеграмму получили: «пока благополучно». Заключили из нее, что эта история еще не кончена, но что есть надежда отделаться не так дорого. Вечером обед и чай у Мани Куторга; были три инженера с железной дороги и две графини Толстые, занесенные бурей в Андрейцево к Поповым. Это типичные épavés de la révolution [вышвырнутые революцией (*фр.*)], двоюродные сестры Петербургских графов Д. И. и И. И. Толстых[257]; пенсионерки государя, они лишились всего; одна где-то служит, другая совсем больная, но приятная на разговор. Все это было так

странно и так грустно — этот пир в Загранском доме, доживающем свой век.

(12 [июля]) 5 [августа]. Получил письмо от Георгиевского; чувствуется, что в Москве голод; он также пишет, что большевики предполагают, по-видимому, лишить нас нашего двухмесячного ваката, но мне это все равно; я решил раньше 15-го не ехать. В газетах нового: скрежет Московских совдепов против буржуазии и крестьян и покушение на Эйхгорна в Киеве[258]. Этому поделом; чем более немецких китов пострадает, тем лучше: на это и должны быть употреблены левые с.-р., к которым принадлежит и убийца Эйхгорна; только на это они и годятся.

(24 [июля]) 6 [августа]. Стараюсь работать как можно больше; во-первых, потому, что на дворе такая поганая погода, какой я давно здесь не помню; во-вторых, потому что все-таки время моего пребывания ограничено, а хочется здесь, в относительно спокойной обстановке, сделать как можно более; ведь в Москве все равно заниматься придется мало и едва ли успешно. Чем больше я думаю, тем яснее мне становится, что настанет или может настать момент, когда бегство будет необходимо; надо решиться теперь же по возвращении в Москву подготавливать переезд на юг, например в Харьков; все равно придется спасаться из Москвы, потому что Москва будет ареной небывалых по ужасам событий. Какое счастье, что здесь голод стал чувствоваться только в последние дни; иначе, я уверен, что выдержать было бы невозможно; на две недели терпения хватит; до новой жатвы слишком близко, чтобы ждать эксцессов; но если бы ждать было долго, то эксцессы были бы, конечно; достаточно видеть эти униженно-напряженные лица, которые, пока заимообразно, ищут хлеба. А вот будет ли хлеб тогда, когда опять здешний хлеб будет съеден? В Сандово, говорят, переезжает часть Весьегонского совдепа с красногвардейским отрядом; это скверно; хорошо еще, что мы по-ихнему другого уезда[259]; это уменьшает шансы быть выгнанными из того «народного достояния», в котором мы живем. Я не отметил здесь смерти Николая II[260], но это потому, что только вчера, прочитав «Наш век» от 20 июля, я получил возможность осязать это сообщение. Николай II имел судьбу Людовика XVI и Карла I, но в модернизованном и перелицованном àla russe [на русский манер (*фр.*)] виде, без лицемерной торжественности английской революции и без разнузданной, но все-таки торжественной, французской; Николая без суда, это для русских особенно характерно, убили вдали от столиц, спеша, зря, боясь собственной тени. Сам он все сделал для того, чтобы это случилось; но его исчезновение есть развязка одного из бесчисленных второстепенных узлов нашей смуты, а монархический принцип от этого только выиграет.

(25 [июля]) 7 [августа]. Местные слухи — будто весь Весьегонский совдеп переезжает в Сандово; они, кажется, имеют под собой основание; это может действительно вызвать нашу выгонку отсюда; хоть бы недели 3 продержаться. Потом слышишь, что здесь и там уже жнут и молотят, и что будто бы обмолоченный хлеб будут отбирать «под комитет»; последние слухи, видимо, нервят население.

(26 [июля]) 8 [августа]. Газета от 2 августа не дала ничего нового. Слухи о Сандове, к счастью, оказываются ложными. К вечеру комический инцидент style moderne [в новейшем стиле (*фр.*)]. К нашему дому подходят 2 человека, один в форме, в двубортном сюртуке из парусины; за ним некто в солдатском костюме, с шашкой и босиком; я выхожу на веранду; первый говорит: «Представитель милиции Весьегонского уезда». В моем воображении встают картины одна страшнее и невозможнее другой; но дело разрешается самым комическим и вместе с тем грустным образом: в Сандово прислан отряд милиции в 10 человек; они там уже 4 дня, но им не дают пайка, и они голодают и поэтому форменно ходят по миру — их просьба дать им хлеба. Мы пригласили их и угостили молоком и хлебом и хлеба дали с собой, попросив этот инцидент оставить без огласки, так как хлеба даем им не от излишка, а из своего пайка. Из разговора оказалось, что один из них — бывший Весьегонский брандмейстер, уволенный, здорово живешь, большевиками или, точнее, лицами, хозяйничающими там под фирмою большевизма; в конце концов ему дали компенсацию в виде должности письмоводителя при Сандовском отряде милиции. Другой оказался бывшим колбасником от Белова в Москве, который пошел в милицию, потому что ему есть нечего, а колбасное заведение бездействует! За угощение они предлагали нам плату. Вот картина с натуры из русской революции — здесь спутано все: голод, большевизм, добродушие, дезорганизация и нищета людей, доведенных до последнего. Относительно Сандовских слухов, все оказалось более или менее враками; как, впрочем, все вообще здесь. В Сандове останется отряд милиции, а отряд красной «гвардии» или «армии» (не все ли равно?) временно отправлен в Щербовскую волость на помощь пресловутой бедноте[261].

(28 июля) 10 [августа]. Ходил в гости к двум графиням Толстым, которые поселились у Поповых в Андрейцеве. Поговорили с ними очень приятно; больная — неглупая; очень жаль их, несчастных, тем более, что и тут им живется не сладко из-за ссоры двух сестер Поповых. Наконец получил ответы на некоторые из моих писем — Яковлев сообщает, что в библиотеке вводятся новые штаты и 35 библиотекарей, но qu'il s'en moque, j'en fais autant [если ему безразлично, то и мне (*фр.*)], и если это состоится, то буду стараться только об

одном — не быть председательствующим в этой коллегии. Богословский сообщает, что университетские дела очень плохи и что с 15 сентября нового стиля «они» введут свои правила, детально разрабатываемые теперь еще каким-то новым совещанием, в котором участвуют 6 профессоров, 6 комиссаров и совдепщиков и 6 студентов, преимущественно крайних направлений[262]. Бедные университеты. Впрочем, все равно, если дело затянется, то нужно выдворяться в другие страны. Вспоминаешь психологию Печерина — отрекшегося от всего — как она высказана в одном из его плохих и искренних стихотворений, где говорится, как он, свободный духом, плывет по морю.

(30 [июля]) 12 [августа]. Бывшая управляющая Заграньем, Маремьяна Грачева, более чем подружилась с бывшим главой совдепа, большевиком и кронштадтцем, Смирновым из Бесова; отсюда естественное желание Маремьяны засесть в Загранье, а Смирнова — ей помочь; члены теперешнего совдепа, по крайней мере заведующий продовольственной частью, с ними заодно, тем более, что этот последний сам из Парфеньева, где обитает Маремьяна. Этим объясняются все внезапные ревизии в Загранье, придирки к Лене, как управляющей и доверенной советской власти. Вчера все это вскрылось на «общем собрании», куда мои кузины были приглашены. Предполагалось их устранить от управления, придравшись к мелочам; но очевидность была за них и, что очень характерно, само общее собрание не пошло за агитаторами, а стало за них: это знамение новейшего времени. Вот картина с натуры из действий советской власти в деревне. Был у Благовещенских. Свояченица только что получила письмо от дочери из Луганска: она зовет всех туда воскресать от голода; как бы не были эти слова пророческими для всех. Младший Благовещенский, Леша, возмущался порядками в Кашинском реальном училище, где он год назад кончил курс: ученики ворвались в совет, курят в классах, выживают неугодных преподавателей; при этом рассказчик добродушно прибавлял, что если бы он был теперь в училище, то он, наверно, был бы во главе безобразников, но что теперь он понимает, как все это ужасно и недопустимо; характерный пример предметного урока жизни. Погода так отвратительна, как давно не была здесь; такого июля я даже не помню.

(31 [июля]) 13 [августа]. Смутные слухи о каких-то ужасах в Петрограде; газета «Наш век», очевидно, прикрыта; в советской России, т. е. в росефесере, осталась только росефесерская печать; целый день помогали кузинам убирать клевер.

(1) 14 [августа]. С почты ни газет, ни денег, ни писем — даже возмутительно; работали целый день, помогая Лене и Куторгам справиться с их клевером, так как у них нет такого хозяйственного мужика, то их положение много хуже и беспомощнее нашего. Сегодня день рождения Володьки — 7 лет —

уже большой мальчик, целый отрок; Нина ездила с ним в церковь; он правил, и было полное удовольствие; опять целый день убирали клевер.

(3) 16 [августа]. Два дня непрерывной работы, чтоб помочь Лене и Мане убрать предоставленный им клевер; это была прекрасная школа для изучения дела, лучшая, чем на нашем сенокосе, потому что мы были предоставлены только своим буржуазным силам. Характерная картина — не успели мы убрать десятину, лежавшую близко к дер. Горе, как уже кто-то из обитателей ее явился с корзиной и стал косить окоски; если бы десятина была не убрана, он, вероятно, утащил бы клевер. По вечерам устраивались ужины вскладчину; они происходили в старом доме, и буржуи за ними отдыхали; однако вчерашний ужин ознаменовался скандальчиком семейного характера между Маней и ее мужем, в котором сказались в Курторге некоторые характерные черты русского интеллигента: еще утром, и опять за ужином, он говорил о том, как бы не обидеть мужика, если бы обстоятельства переменились, а когда его жена выпила рюмку наливки, он закричал, что он не позволяет ей этого, устроил скандал, вышел из-за стола, проявляя деспотизм, неуравновешенность и невоспитанность. Тяжело жить без известий; сегодня, когда физическим трудом мы не занимаемся, это особенно чувствуется, может быть, от погоды, которая продолжает быть отвратительной; такой полосы ненастья я давно здесь не переживал — вот он, северный климат и северная природа.

(4) 17 [августа]. Газет больше нет и не будет; это очевидно. Из ихних газет явствует, что мы «в огненном кольце». Интересно известие А. С.[263] — немцы предъявили ультиматум большевикам о мануфактуре и об освобождении бывших офицеров, теперь арестованных, и будто бы большевики отказали. В Москве множество арестов — среди офицеров и «капиталистов» — и все-таки у пишущих надежда, что что-то будет новое впереди. Не знаешь, что и думать; а Москва становится действительно «геенна огненная», возвращаться туда не хочется.

(5) 18 [августа]. Бесконечно грустные мысли от полученных вчера писем; введена настоящая диктатура пролетариата — бессмысленная жестокость темных масс, возбуждаемых демагогами, направляемая против более образованных элементов; я начинаю чувствовать чувство террора. Несомненно, Москва будет местом величайших ужасов. Как сделать, чтобы их избежать? Сегодня утром Нина призналась, что теперь она стала разделять мое стремление бросить все и уехать куда-то далеко, далеко.

(6) 19 [августа]. Была семья Благовещенских; они также подтверждали разнообразные слухи о том, что отовсюду по направлению к Москве движутся разнообразные силы; все это, конечно, нуждается в проверке, но один слух подтверж-

дает другой и, сопостовляя их, можно прийти к мысли, что нет дыма без огня. Это, однако, не сулит близкого счастья ни с какой стороны — хуже всего будет резня в Москве, или вообще эксцессы в последние дни господства советской власти, или какая-нибудь осада Москвы. Только бы какой-нибудь конец поскорее. Об этом всем особенно приходится заботится и думать, собираясь в Москву, а отъезд не за горами. Вечером ездили к гр. А. Г. Толстой, которая совершенно попала в руки полоумных и полудиких сестер Поповых. С почты ничего.

(7) 20 [августа]. С утра страшная тоска, главным образом от того, что совершенно не знаешь, что делать, — всем ли семейством ехать в Москву на голод или же расстаться, с риском быть отрезанными друг от друга; надо решиться ждать до субботы, а там принять какое-нибудь решение. Днем Ник. Антипьев привез известия, подтверждающие то, что писал А. С.: требование Гельфериха, их отклонение и его отъезд[264]. На поверку оказалось, что об этом Горским [т. е. жителям Горы] рассказала Лена с моих слов, и таким образом рассказ опять дошел до меня обратно; тем не менее в газете, который я получил с Горы, сказано, что персонал посольства уехал в Петербург; это подтверждает все остальное. А кроме того, французы опять здорово бьют немцев[265].

(8) 21 [августа]. С почты нет ничего; будучи в Сандове, просмотрел газеты «ихние» — тоже мало известий, которые бы представляли интерес: занят Шенкурск, значит, идут к Вологде; цель англо-французов, вероятно, захватить магистраль Званка—Пермь, т. е. весь север, всю Сибирь[266]. Все это, однако, процесс долгий, а в огненном кольце, в которое мы попали, мы все, может быть, погибнем. И вот в таком расположении надо ехать в проклятую Москву.

(9) 22 [августа]. Телеграмма из Новгорода — брат арестован за неисполнение правил регистрации офицеров[267]: «приезжайте немедленно». Новая наклейка, быть может, удар, быть может, для него несчастие. Надо здесь преждевременно бросить все и ехать в Новгород; что делать, сам не знаю. О безумие человека, видящего только то, что он желает видеть, и не считающегося с жизнью. Другая неприятность: образуется волостной комитет бедноты с неограниченными полномочиями. Лично нас это не коснется, так как мы отсюда уедем; но нашему Загранью, может быть, это и конец. Целый день чувство такой тоски, что от нее отпивался бромом. Вечером в Старом Загранье видели Чудновского, который сообщал слухи — их много, и они очень разнообразны; по ним выходит, что перемены внесут не немцы, а они придут с востока[268]. Кто доживет, увидит. Послали в Новгород запрос, прежде, чем к нему ехать.

(10) 23 [августа]. Хуже всего — сознание, что нужно ехать в Москву; тем, кто из нее не выезжал, все равно, а вот воз-

вращаться в геенну огненную — это тяжело; тяжело еще уезжать из того относительного спокойствия, в котором прожиты 2 месяца, а еще — оставлять своих, хоть бы на 2 недели.

(11) 24 [августа]. Письма из Москвы, из которых явствует: 1) что жизнь там возмутительно скверна, 2) что там неудержимо надеются на перемены к лучшему, 3) что инцидент с сахаром отнюдь не ликвидирован, а только отложен до моего возвращения. Советуют в Москву пока не ехать до каких-то перемен; до каких же это пор? Все это заставляет меня бесповоротно ехать в Москву и самому все это дело выяснить и ликвидировать. Здесь почти кончили жать и посеяли; вчера Нина нажала 2 груды, а я — !! — 7 снопов; и то рекорд для старого профессора.

(12) 25 [августа]. Телеграмма получена: «еще не освобожден, выезжайте». Значит, надо ехать в Новгород, потом в Москву на ряд тяжелых неприятностей, на неизвестность. Теперь все, что здесь, уже отходит на задний план; жаль, что я не успел набросать хоть бы 6-й главы моей будущей книги. Когда теперь придется за нее приняться? Сегодняшний день надо отвести на организацию отъезда и сборы.

(13) 26 [августа]. Окончательно выяснилось, что еду сегодня в ночь; наши останутся впредь до 1-го сентября или до моего извещения. Итак, лето 1918 года прожито в Загранье; и за то спасибо судьбе. Известий с почты никаких. Надо выезжать в мир темноты, ужасов и слухов. Вчера Благовещенские говорили, что издан декрет, по которому всякий, хотя бы неграмотный, может поступать в любое высшее учебное заведение, если он достиг 16-ти лет, причем бедноте и пролетариату отводится преимущество[269]. Это уже delirium tremens [белая горячка (*лат.*)].

(22 [августа]) 4 [сентября]. Я не записывал ничего целую неделю; причина — мои передвижения, московские хлопоты и житье вне дома. Путь в Красный Холм был очень неприятен — дороги напомнили мне то доброе старое время, когда с Ниной мы ехали в Загранье в виде voyage de noce [свадебного путешествия (*фр.*)]. В Молокове — сетования Ал[ександры] Ив[ановны] и ее супруга на современные события; старое поколение поняло, что оно ничего от нового строя не получит. Дорога до Сонкова прилична, но далее — настоящий пандемониум. Сначала я стоял на тормозе, причем был свидетелем спора между большевицким офицером, вооруженным шашкой и нагайкой, и рабочим Экспедиции заготовления государственных бумаг, очевидно, меньшевиком или с.-р.; спор носил ожесточенно страстный характер, с тоном угрозы со стороны «офицера», который, вероятно, из прежних ускоренных прапорщиков. Потом меня приютила в купе 2-го класса дама, ехавшая с 4-мя

детьми, и я чувствовал себя счастливым; от Бологого до Чудова я ехал уже в другом месте, также в ногах дамы, спавшей с ребенком. В Волхов поезд опоздал, пароход был пропущен, и я сидел 8 часов на ст. Чудово[270], превращенной в грязнейшую клоаку, и, чтобы получить право взять билет в Новгород, я должен был заплатить рублевую подать в местный совдеп. Пока я был в Чудове, прошел эшелон Красной Армии — лошади и материальная часть в хорошем виде, люди с обычными физиономиями, на которых написано нахальство, самодовольство и все, что угодно, кроме воинского духа; в каждом вагоне, кроме «солдат», была девка, скверная, дешевая петербургская девка; если все такие солдаты РСФСР, то с ними не победить. В Новгород я приехал в 7 часов вечера, 15/28; пошел пешком и, дойдя до Софии и Волхова, был сразу поражен красотой города; пройдя на Торговую сторону, я уже не мог обойтись без извозчика и нашел его за 5 рублей; извозчиков в Новгороде больше, чем в Москве. Я пробыл в Новгороде от 15-го вечера до 18-го — 1 час дня. Мои впечатления резко делятся надвое — хлопоты о брате и сам Новгород. Приехав, я узнал, что брат в тюрьме, арестованный на улице по доносу за нерегистрацию, которой он подлежал как офицер; в «чрезвычайной комиссии», которая есть и в Новгороде, он, кроме того, поругался с тамошними латышами. Я ставил себе задачей выяснить его положение, добиться с ним свидания и содействовать его освобождению. Выяснилось, что он числится за чрезвычайной комиссией, которая должна передать его в ревтрибунал. Освободить его, пока он за чрезвычайной комиссией, конечно, нельзя; я насилу добился там свидания с ним. Вот как это было: я являюсь в чрезвычайную комиссию, наполненную девками-латышками; меня посылают в комнату, где сидит одна такая особа. Я излагаю просьбу, она удаляется и приносит мне ответ невидимого божества — нельзя. Я прошу личных переговоров с этим божеством, которое называется «товарищ Ватин (?)», коренастый латыш с тупым лицом и грязными ногтями, в красном галстуке и грязном пиджаке. Я опять излагаю просьбу и предъявляю свои документы: бумажка, выданная мне на право возвращения в Москву из учреждения, называемого «Совдеп — комиссия по эвакуации», производит на него впечатление, и он дает мне разрешение на свидание. Пока писали мне бумажку, он вдруг опять подскочил ко мне и спросил: «А где вы узнали мою фамилию?» — желая этим что-то выведать. «Да у вас на двери она значится», — ответил я, указывая на соответствующий плакат. Злобный дурак отошел с кривой усмешкой. Выяснив положение в данный момент, я стал добиваться скорейшего облегчения его участи после передачи его в ревтрибунал. Я беседовал по этому поводу с военным комиссаром губернии (он же председатель трибунала), бывшим военным следователем Макаровым, с председателем народного

суда, бывшим судебным следователем Васильевым, и с следователем при трибунале Куприяновым (из интеллигентных военных чиновников). Все обещали мне содействие и были очень любезны; но видя этих людей из бывших судейских в роли большевических судей, я дивился глубине разврата, в который впал русский народ. Я уехал, повидавшись с братом и заручившись обещанием, что меня вызовут, если в этом явится надобность; освободить брата обещали через недельку или полторы. Теперь я боюсь, что ранение Ленина затянет дело[271].

На осмотр Новгорода я мог употребить урывки от первого дня, половину 2-го и утро 3-го. Если бы Новгород был не в России, то в него бы ездило множество туристов; он был бы предметом паломничества; у нас он забыт и запущен, хотя последнее придает ему особую прелесть. Из памятников я осмотрел Софию, Нередицы, Юрьев и Антониев монастыри и одну или две церкви. Впечатление было громадное; кроме того, я обегал все валы, которыми Новгород окружен. Как-то особенно живо чувствовалась прежняя жизнь Новгорода, особенно на Софийской стороне, где улицы остались такими же кривыми и пересеченными, как в старое время, тогда как на Торговой — все были перепланированы, вероятно, после пожара; такое же чувство при виде Волхова и его набережной, где склады леса и Гостиный двор выходят, опять-таки как в старое время, прямо на реку. Прекрасен вид с моста в сторону Ильменя, замыкаемый Городищем и Юрьевым монастырем — необычайная ширь и многоводие. Но наибольшее впечатление оставляет одинокая Нередицкая церковь на холме с несколькими домиками вблизи. Кто строил ее, кто и почьему почину писал эти фрески? Вековое молчание; поросшая былью и забвением старина, яркий след прошлой жизни, затерявшийся среди современного хаоса; квартира брата на окраине города, и окна его прямо смотрят на Нередицы; а с холма чудесный вид — равнина во все стороны, на которой, кроме города, видны монастыри: Кирилловский, Сковородский, Хутынский и отдельные церкви, ровесницы Нередицкой, — Болотово, Ковалево и др. Придя в Городище, я долго сидел на откосе, вспоминая, как отсюда же смотрели на запретный для них город княжеские наместники. Здесь мне удалось переехать на тот берег Волхова в Юрьев, наиболее богатый (до большевических декретов) из новгородских монастырей. Фотий устроил его великолепно на Орловские средства[272], не особенно испортив, впрочем, собор XII века с типичными 3 главами и столпом-башней; но теперь монахи все разбежались почти, и я ходил по монастырю словно по замку спящей красавицы. За монастырем под вековыми ивами с вымытыми водой корнями — дивный вид на Ильмень. В Антониевом монастыре мне не удалось проникнуть внутрь церквей — все было заперто, и ни одного отца я не встретил. София очень

напомнила мне Киевскую; она, впрочем, немного поменьше; ее реставрация, произведенная в последние годы, еще слишком свежа, но впечатление все же очень сильное; а когда я смотрел Спаса (нереставрированного) в среднем куполе с его легендарной десницею, мне хотелось, чтобы десница хоть наконец разжалась и поразила порочное и низкое человечество. Детинец, стены которого все целы, наполовину окружен городским садом, деревья которого обрамляют стены, как парк Гейдельбергского замка, — и этот угол прекрасен в своем запустении. Назад я поехал пароходом до ст. Волхов. Река полноводьем напоминает Неву; берега частью плоские, частью холмистые, местами очень красивые и живописные; я наслаждался, и, как накануне во время прогулки в Нередицы и Городище, я забылся и забыл о современности. Проехавши Колмово, исторические воспоминания о старом Новгороде исчезают; их сменяет Аракчеевщина: его казармы и бывшие военные поселения, Кречевицы, Муравьевские, Селищенские казармы, с соединяющими их шоссе, обсаженными березами; грандиозны и хозяйственные постройки. Еще недавнее оживление (здесь во время войны стояли запасные части) сменилось теперь пустотой и частью даже разорением; говорят, в последнее время солдаты, не желая даже таскать дрова, рубили пол и им себя топили. Станция Волхов пробудила меня к нынешней скорбной жизни: опять стояние на тормозе, а потом ночь в дачном вагоне с невозможностью даже прислониться, при мучительной неизбежности слушать громкий разговор 4 горилл о современных событиях.

В Москву я приехал **31/13 сентября** [так в тексте; должно быть: 18/31 августа] и первое, что узнал из заборной литературы, — это покушение на Ленина. Я не знаю, нужно ли было это делать; но видно, что борьба между большевиками и с.-рами усиливается[273]. Уже это сразу погрузило меня в кошмарную действительность; паника, подавленность, террор, смерть всякой жизни чувствуется гораздо больше, чем два месяца назад; всюду стремление уехать, бежать на Украйну; кругом лица или уезжающие, или готовящиеся уехать в Украйну. Это только начало, и далее, если ничего не изменится, то этот великий исход будет только расти, а старые центры русской жизни — Петербург и Москва — замирать и падать: как характерна трава забвения, которая затягивает некоторые московские переулки, — это прообраз будущего. Большевицкий террор тоже растет — все задушено; кругом аресты; арестованные и скрывающиеся повсюду, есть и среди родных — например, Саша Рар. По вечерам темно; жизнь замирает рано — и это начало великого разорения. Насколько я мог ориентироваться, положение смутно и более запутано, чем когдалибо; немцев бьют союзники так, как никогда; хотя полной победы я еще не предвижу, но немцам трудно, и они отсту-

пают и сдают; это заставляет их дружить с большевиками и даже покровительствовать им, не из симпатии к ним, а для поддержки их против союзников, идущих против большевиков и против немцев. Великороссия в результате сделается театром неслыханной гражданской войны, где русские будут сражаться рядом с немцами против русских же, идущих вместе с союзниками. И русские пойдут друг на друга и будут сражаться и избивать самих себя, являя пример невиданной подлости и тупости. Хорошо дополнительное соглашение немцев с большевиками — прибавление к Брестскому миру: Совдепия выплачивает немцам 6 миллиардов за немецкие капиталы и значительную часть этой суммы — золотом[274]. Дальше нельзя идти в области цинизма, чем то, что дали большевики в смысле «без аннексий и контрибуций». В Москве я должен был, конечно, заняться ликвидацией моей сахарной истории. Я был у М. Н. Покровского, чтоб заручиться ходатайством от Комиссариата Народного Просвещения о сложении 10 000 штрафа; в нужде, чтоб спастись от большевиков, пришлось кланяться большевикам же; я это свидетельствую здесь, не желая выставлять себя лучше, чем я на самом деле. Он принял меня как старого товарища, и бумага была написана; вчера я подал свое прошение в Чрезвычайную Комиссию[275] — и теперь жду, что из этого будет, не ночуя дома и не заглядывая туда, — глупое и гнусное положение. Все меня об этой истории спрашивают и соболезнуют. Дела я начал только в Музее. Библиотеки и Музей — по прежнему фетиши большевиков; что-то все заседают, совещаются, хлопочут, делают проекты увеличения штатов, но как все это смешно — ведь все равно из этого ничего не выйдет, а внутри Музея работа не делается почти вовсе. И как посмотришь на все, так и хочется, неудержимо хочется, бросить все и бежать куда глядят глаза. Положительно, надо об этом думать, и думать сериозно, ибо настанет момент, когда материальная жизнь станет здесь совершенно невозможной, а духовная померкнет окончательно.

(23 [августа]) 5 [сентября]. Не выдали шуб; новая напасть и новый убыток; говорят, надо подавать какое-то заявление, тогда часть выдадут; продался Лялькин столик, так что есть 900 рублей для меня; сэф не просрочен — и то хорошо. Слухов новых нет; на западном фронте союзники продолжают лупить немцев.

(24 [августа]) 6 [сентября]. Из Кокоревки есть шансы получить 2 сундука брата — надо скорее это делать. Меня более всего занимает сейчас психология немцев в их новом договоре с большевиками. Уступки, которые им делаются, правда, условные и могущие быть взятыми обратно, некоторые объясняют тем, что немцам плохо на западном фронте; я думаю, что положение на западном фронте влияет, но не в нем одном дело — немцы, пользуясь большевиками и тем, что восток

России фактически на стороне союзников, нагло и беззастенчиво грабят Россию; они тоже рассуждают — хоть день, да наш, пока не придется мириться с западными врагами, которые сегодня опять одержали громадные успехи. В личных делах день прошел спокойно; из Загранья письмо, что все спокойно и что пока комитета бедноты, в котором сидит Запрудский Яша Фишин, поставляющий нам грибы, опасаться нечего. Отмечаю еще следующее: когда был обыск у В. И. Герье[276], то бедного старика, так много сделавшего для России, и его дочерей обокрали тысяч на 15 и унесли все, что у них было драгоценного.

(25 [августа]) 7 [сентября]. Массовые расстрелы в Москве — погибли Щегловитов, Хвостов, Белецкий и протоиерей Восторгов[277]; они все много сделали, каждый со своей стороны, чтобы довести Россию до современного положения, но едва ли они думали, что погибнут из-за выстрела жидовки эсерки Ройд-Каплан[278] против [так в подлиннике] Ленина. Тревожные известия о брате — боюсь, чтобы он не стал жертвою того же озверения; единственная надежда — то, что вести пришли из наименее достоверного источника. Полный разрыв между большевиками и англо-французами и американцами, которые продолжают лупить немцев как никогда. Впрочем, их успехи делают положение внутри России еще более тяжелым. В советской России атмосфера сгущается с каждым днем.

(27 [августа]) 9 [сентября]. Ездил вчера в Пестово, где летняя жизнь также протекла благополучно: новость то, что раз нельзя пользоваться телефоном и условиться таким образом о приезде, то сообщают по телефону из Пушкинской аптеки и идут пешком навстречу экипажу; я дошел таким образом до Курова, т. е. полдороги[279]. Возвращение в Москву сегодня потребовало 5 часов: поезд опоздал на 2 часа — таковы теперь порядки на Ярославской дороге, которая всегда была одна из наиболее благоустроенных. В Москве на сегодня особых неприятностей не было; выясняется, что к нам, вероятно, вселятся Разореновы.

(28 [августа]) 10 [сентября]. Опять перевозился в остатках своей квартиры; решение ликвидировать все, что еще можно ликвидировать, крепнет с каждым днем. Навестил старого учителя В. И. Герье; удивительно философское спокойствие у этого старика, и много верного в тех мыслях, которые он проводил вчера, которые он проводил во всю свою жизнь, — мысли умеренного либерала, против которых так многие восставали. Когда мы слушали его лекции по истории французской революции, мы не думали, что вместе будем переживать русскую. На западе отступление немцев продолжается; единственно, что утешает. Большевики взяли Казань[280].

(30 [августа]) 12 [сентября]. Новые и постоянные успехи

французов, англичан и американцев; местами они заходят за линию 1917 года: ex occidente lux [свет с запада (*лат.*)]; мои сахарные дела идут в затяжку; в квартиру въехали Разореновы; каков будет симбиоз с ними — трудно сказать; квартира наша вновь представляет собою мебельную лавку, которую надо вычищать.

(31 [августа]) 13 [сентября]. Появился жестокий декрет, регламентирующий выселение с квартир[281]; быть может, это и не коснется нас и наших близких; однако декрет этот — не что иное, как обставленный правилами грабеж, в таком виде и размере, в каком свет еще этого не видал; надо всячески стремиться к полному облегчению себя от всего лишнего; это более необходимо, чем когда-либо. Был у Патулье; много и интересно разговаривал с ним; воззрения на русских близкие к моим; но винит и своих в многих проявлениях недостатка такта при сношениях с большевиками; будущее все зависит, по его мнению, от мира; а дело мира и войны в руках Вильсона[282] — «qui dispose de l'argent et des armées» [который располагает деньгами и армиями (*фр.*)]; тогда решится и русский вопрос; к японцам у него недоверие. Характерно, что о московской французской колонии, состоящей из «parvenues riches» [богатых выскочек (*фр.*)], у него такое же отношение, как у Па[...]ва. Жду своих; сегодня грустный 10-летний юбилей нашей свадьбы. Как хорошо были они прожиты для нас лично, и как ужасно вокруг. Курьезно, что Саша Р[ар] сегодня ночевал у Дольников, а вчера были его именины; уходя, он говорил, что не знает, где и сколько ночей ему придется ночевать в биваке.

(2) 15 [сентября]. Вчера я страшно волновался из-за неприезда Нины; ожидание началось еще 31-го; к юбилею Нина не приехала; я ждал 4 часа на вокзале, чтобы дождаться наконец опоздавшего поезда с бандой матросов, наполнявших его половину; жуткое впечатление от этих разбойников — истинных потомков Разинцев и Пугачевцев; вчера опять вопросы на вокзале через Митю Курдюмова[283]; наконец, в 2 часа вдруг письмо, которое я прилагаю здесь[284]. В нем Нина сообщает свое мудрое решение остаться в Загранье до 10-го сентября, главным образом, для Володи; так будет, правда, лучше, хотя и тяжко без них. Fichelle, зайдя в Музей, сообщил о новой победе французов; срезан выступ St. Mihiel, занят Pagny sur Moselle и начался обстрел Metz'а с взятием 13 тысяч пленных; слава Богу; хоть умирая политически, мы видим торжество истины на западе или, вернее, начало ее торжества. Здесь общее сознание — что дело затянулось в долгий ящик; правда, ведь только общий мир может дать толчок к разрешению русского кризиса и к уничтожению гнилостного очага заразы, идущей из нашей помойной ямы, на которой издавна уже изредка вырастали благородные шампиньоны. Интерес-

ная сводка сведений получилась у меня о чехословаках: 1) они отступают; 2) они делают это потому, что им наскучило защищать мертвое тело России, так как сами русские ни на что не способны; 3) между русскими группами, стоящими за чехословаками, идет страшнейший раздор; 4) la garde blanch-e a fait une noce épouvantable àKazan [белая гвардия учинила в Казани страшный дебош (*фр.*)]. Все это сообщено 4-мя разными лицами, но как все это похоже на правду! Мертвый народ, мертвое общество, которые должны стать материалом для эксплуатации со стороны более сильных народов. Я начал чистить квартиру и перенес все картины в Музей.

(3) 16 [сентября]. Получил письмо из Новгорода, которое прилагаю к дневнику[285]. Оно показательно для того, как господствующие люди производят репрессии в будущих поколениях — такой способ действий должен пробудить ужас и отвращение. В результате надо ехать в Новгород, вызволять брата; на это уйдет дней пять. Общее положение без перемен — никаких новых вестей или слухов; сообщений с западного фронта нет. Вчера была свадьба двоюродного брата жены — Миши Дольника; ужасно странное чувство я испытывал — точно происходило что-то давно забытое и явно контрреволюционное.

(5) 18 [сентября]. Чтобы выехать по Николаевской железной дороге, надо особое разрешение; его выдают в одном из помещений бывшего Дворянского института[286]. Мне пришлось подниматься по лестнице, которая вела в квартиру О. А. Талызиной; я был там всего год назад — Боже, что это за ужас, что за грязь и мерзость. На 4-м этаже выдают пропуски по командировкам; удостоверения выдавал товарищ рабочий, грубости которого я еще ничего равного не слыхал и не видал; а так как наша канцелярия не изволила поставить номера на выданное мне удостоверение, то мне и вовсе не выдали пропуска, и я еще потерял день. На западном фронте продолжается лупцовка немцев.

(7) 20 [сентября]. Вчера я просто не попал в то здание, где раздаются пропуски; безобразные очереди, перепутанные и бесконечные, у дверей бывшего подъезда Талызиных; какие-то хулиганы в полувоенной форме симулируют рубку шашкой, битье прикладом и даже делают вид, что стреляют; публика разношерстная, глупая шарахается, сбивает сама себя, испуганно оглядываясь на хулиганов, которые орут, что их вывели из терпения и что они всех выметут; я простоял два часа и ушел ни с чем; не знаю, что будет сегодня. Прикладываю письмо Нины[287] с грустными нотами относительно Загранья; я думаю, что там судьба простая и ясная — спасибо, что дали прожить лето; о дальнейшем мечтать не надо, тем более, что если ничто не изменится, то все равно придется отсюда удаляться куда-нибудь. На западе нового немного; мир, пред-

лагаемый Австрией, рискует повиснуть в воздухе, и война будет еще продолжаться. Из Казани антисоветские силы вывезли все золото[288] — 675 миллионов; по моим расчетам это составляет более половины наличных, и если прибавить 200 миллионов, отданных немцам, то у советов не более 300 миллионов.

(8) 21 [сентября]. Рождество Богородицы, и мы занимаемся в Музее; это плод нового режима; жиды же сегодня в субботу гуляют; такова справедливость нынешнего дня. Волна ужасов докатилась до Загранья. Во вторник 4/17 арестовали Лену Репман, которую под прямым влиянием пресловутого Бесовского Смирнова, как военного комиссара, объявили контрреволюционеркой, отправили в Красный Холм с издевательствами и стращают расстрелом, гоняя на принудительные работы рыть картофель. Когда это случилось, Нина сейчас же поехала в Москву и, слава Богу, вчера прибыла благополучно, принявшись сейчас же хлопотать по делам Лены. Между прочим, для этой цели я посетил сегодня моего кузена, большевика С. С. Кривцова[289], который любезно взял поручительство и по Лене и по Ляле. Он был важен, исполнен достоинства и журил профессоров Университета за то, что они не хотят мириться с «нынешним начальством». Прилагаю последнее письмо Нины из Загранья[290], как материал для суждения о тамошних настроениях в последние дни нашего там житья.

9/22—13/26 [сентября]. Вторая поездка в Новгород. Что за ужас ездить по железным дорогам. Вот моя одиссея. Я выехал из дома в 6 часов вечера 9 сентября. На Николаевском вокзале я долго сидел у кассы на своем чемодане в ожидании выдачи билетов; на скорый поезд, отходящий в 9 часов, меня не пустили; это — поезд привилегированных советской республики, поезд новых буржуев и патрициев демократии. Выдали билет на ускоренный поезд, выходящий в 10 часов вечера. Чтобы попасть в вагон, т. е. даже чтобы выйти на платформу, установлена очередь; я занял место в конце, который был около входной двери; очередь медленно двигалась; когда я добрался до вагона 2 класса, то мне удалось занять место в купе, в котором уже сидело 10 человек; я был 11-м. потом набился и коридор; в этом состоянии мы ехали всю дорогу; то же самое было и на обратном пути. Я не могу сказать, чтобы публика была злой и друг к другу неприятной; напротив, и туда и обратно все люди, скученные в купе, были взаимно расположены, кротки и предупредительны; господствовал оттенок грустной насмешки относительно положения вещей; на обратном пути стонали только некоторые, потому что была забита народом уборная, в которую доступ был совершенно прегражден; да еще тяжко было от недостатка воздуха; когда ехали туда, то окно открывали на стоянках; на обратном пути

открыли щелку, пока не запротестовали русские люди, ненавидящие свежий воздух. Ускоренный поезд добрался прилично до Твери, но затем прицепили товарный паровоз, с которым до Вишеры[291] мы опоздали на 2 часа. Одно время я даже боялся, что мы к 2 часам опоздаем в Чудово. Из Чудова до Новгорода я ехал в 4ом классе, совершенно пустом, так что я мог отоспаться за бессонную ночь; точно так же и возвращение до Чудова было отличным — я вторично ехал по Волхову; погода была вполне удовлетворительной, и я опять любовался широкой и полноводной рекой и ее интересными берегами.

Моей задачей в Новгороде было освободить брата; я достиг этого, и притом скоро и без большого труда; очевидно, психологический момент настал. В Чрезвычайной комиссии я довольно скоро добрался до ее начальника, т. е. председателя, который принял от меня прошение и предложил достать ему справку о «политической благонадежности» брата. Я обратился к комиссару дивизии, к которому он меня послал, который, в свою очередь, адресовал меня к уже известному мне с первой поездки губернскому комиссару Макарову; очень характерно, что комиссар дивизии, простой рабочий в косоворотке, говорил — «моя дивизия»; хоть я и не офицер, но мне было больно и обидно слушать, как он это изрекал. Макаров был так же любезен, как и в первый раз, и обещал переговорить с председателем ЧК; этот разговор решил дело. Не менее характерно, что выяснилось, что прежний состав Новгородской ЧК — товарищи Василит и Ватин [?] — обвиняются в разграблении какого-то из Лифляндских казначейств при эвакуации тамошнего края. В среду 12-го/25-го брата выпустили, причем Макаров передал чрез меня совет — уехать из Новгорода; завтра ждем его в Москве. Жизнь его действительно была в опасности и сохранилась только по случайности, о которой писал мне Бок. Обстановка расстрела была ужасающей; соузников брата вывели в поле и расстреливали, как рябчиков, а одного, не убитого сразу, добивали в упор; убийцами были мальчишки красногвардейцы, а распоряжался — бывший кавалерийский полковник Ниман или Нейман; таковы нравы Совдепии.

Между дела я опять бродил по чудесному Новгороду; был кое-где в церквах и в местах, в которых ранее мне быть не довелось; я уехал под тем же впечатлением очарования, как и в первый раз.

(15) 28 [сентября]. В Музее все по-старому; ходил в Комиссариат Народного Просвещения добывать охранную грамоту на квартиру и на библиотеку; меня за первой послали к Скаткину, секретарю Покровского; случайно встретив последнего, я ему рассказал цель своего посещения; он мне ответил — «Чем больше мы даем таких свидетельств, тем менее они имеют силы». Вот как говорят те, которые считают себя

владыками. Был я еще у Fichelle, который мне сообщил удивительные вещи о победах союзников на Балканах, в Палестине и во Франции; союзники нашли, наконец, средство против немцев; французы спаяли своих союзников, и Фош стал противником Гинденбурга и Людендорфа[292]. Несчастные презренные русские: пир был готов, но званые оказались не достойными его.

(16) 29 [сентября]. Большевистские газеты все-таки пропечатали вчерашнее французское радио, за исключением ответа Franchet d'Esperey[293]; дело заварилось не на шутку, во что оно только отольется? Заседание старого бедного комитета Музея 12-го года: решали, что делать дальше, так как большевики желают имущество Музея перевести из одних помещений в другие; судьба комитета и самого Музея находится в руках г-жи Троцкой, Грабаря и какого-то невозможного Ятманова[294]; жаль было смотреть на сонм бывших генералов и сановников, членов комитета: кн. Одоевский-Маслов в скверном пиджаке, кн. Щербатов в рваном френче, ободранные генералы Афанасьев, Петров, Яковлев, Воронцов-Вельяминов; А. А. Бахрушин в поддевке и косоворотке и т. д. — бывшие люди и бывшее дело[295].

(17) 30 [сентября]. Сегодня ночью арестовали Кизеветтера; в 10 часов начался обыск; в 3 часа ночи увезли его, жену, дочь и падчерицу; ареста его следовало давно ожидать; я удивлялся его спокойствию. Факультетское заседание: рассуждали об исполнении декрета касательно организации проверки знаний для неучей; было и смешно и грустно: ну как проверять знания невежд? А все-таки, во имя сохранения университетских кадров от слепого и дикого разгрома, надо рассуждать и вести переговоры, без надежды отстоять что-либо разумное[296]. В городе преувеличенные разговоры об успехах союзников; многие считают, что немцы уже уничтожены; но это глубочайшее заблуждение.

(18 [сентября]) 1 [октября]. События на западе и на Балканах принимают оборот головокружительный; на французском фронте — прорыв за прорывом; теперь началось очищение Бельгии; в Германии какое-то замешательство — большевики уже учитывают там революцию, но, конечно, это пока лишь воображение; тем не менее крепость нервов, кажется, начинает изменять немцам, и как бы преимущество не оказалось на стороне западных народов: какая дикая самоуверенность была у немцев, когда они в 1914 году зажгли мировой пожар; отрадно то, что хоть и мы погибли, но, может быть, и немцам придется плохо. Совет Университета единогласно решил выручать Кизеветтера; в комиссариат ездили Яковлев и Егоров; оказывается, что сам Покровский делал

шаги к его освобождению, но последнее не так легко: Кизеветтеру ставят в вину принадлежность к центральному комитету партии и сулят концентрационный лагерь; родных его арестовали за «оскорбление» тех, кто произвел обыск; быть может, все это связывается с предполагаемыми изменениями политической конъюнктуры и с приписываемым по слухам немцам и кадетам вместе стремлением, совместно действуя из Украины, свалить большевиков. Я в это не верю, но факт преследования кадетов в усиленном масштабе налицо; быть может, оттого арестована и Бочкарева. Лену Репман выпустили из Краснохолмской тюрьмы, но подробностей мы пока не имеем.

(19 [сентября]) 2 [октября]. Хлопочем о К[изеветтере]; положение его сериозно; сегодня была забота о библиотеке, так как можно бояться расхищения. Было заседание по устройству архивных курсов[297]; мысль, сама по себе, правильная: желательно, чтобы она была приведена в исполнение, но где найти достаточно сил душевных, чтобы предаться этому делу так, как это было бы нужно? На западе и на ближнем востоке союзники по-прежнему идут от успеха к успеху. В Бельгии взяты Roulers, Menin; южнее — Cambrai, St. Quentin; в Шампани французы и американцы идут на север. Что-то трещит у немцев; на Балканах [далее одно слово не разобрано] около ⅓ Сербии; освободители подходят к Ускюбу[298]; в Палестине взято в плен 50 000 турок. Я не знаю, какой корешок нашли союзники против немцев, но что-то они нашли — технику ли, большую ли крепость нервов или иное что, но факт, что на 5-м году, без России, перевес переходит на их сторону. Все это сулит неисчислимые перемены в будущем, повороты самые неожиданные и коренные, притом такие, которые будут совершенно противоречить тому, что ждут люди, считающие себя самыми дальновидными.

(20 [сентября]) 3 [октября]. На западе и на Балканах дальнейшее развитие тех же событий. Начал хождение по шубам; обнадеживают у Белкина[299], что часть шуб выдадут. Странное чувство овладевает мною, когда я хожу по московским улицам, — чувство общей смерти, прекращения всякой жизни, безвозвратного и бесповоротного; от этого чувства я отхожу, только когда я сижу или дома, или в еще не слишком разгромленной квартире, или же в Музее. Вава Варсонофьева вернулась из Загранья и находит, что жить там еще возможно; брат приехал из Новгорода и собирается в Загранье на неопределенное время.

(21 [сентября]) 4 [октября]. Внезапная тревога — на сегодня нас вызывают на вторичную ревизию и потрошение сэфа у Юнкера; между прочим, помещение реквизировано Государственной комиссией погашения долгов[300] — интересно, какие долги она погашает теперь, когда все аннулировали;

поэтому кладовые торопятся вычистить; надо поэтому ожидать радикального разрешения вопроса о сэфе. Положение К[изеветтера] не улучшается. Характерно, что лица власть имущие, к которым обращались, отклоняют от себя вмешательство в это дело, так как оно в руках учреждения самого высокого и самого властного. На западе немцы сдали без боя Armentières и Lens, который они так успешно и так отчаянно защищали в течение двух лет; в Бельгии англо-бельгийцы идут веером: если это движение продолжится, то немцам надо будет очистить Лилль и Остенде.

(23 [сентября]) 6 [октября]. Вчера мы употребили целый день на то, чтобы выпотрошить свой стальной ящик, а также ящик брата. Ждали три с половиной часа; затем у нас отобрали вещи, свыше 48 золотников, и переписали все бумаги с переводом их на хранение в народный банк РСФСР. Товарищи были вежливы, но и только. У меня было радостное чувство, когда вся эта церемония кончилась; эта загвоздка, заноза, сидевшая 10 месяцев и причинявшая боль, вытащена. За сейф, который перестал быть таковым, нас больше не держат; одним якорем в жизни меньше — это имеет свою прелесть. Вечером того же дня новая напасть. Получилось известие, конечно окольным путем, что в Москве получена телеграмма, что кто-то желает, чтобы я был арестован. Сегодня узнали одну подробность — за контрреволюционную пропаганду на даче. Надо думать, что дело это стоит в какой-то связи с делом Лены Репман и с объявлением Запрудья и Горы контрреволюционными. Кому-то понадобилось и нас припутать к этому делу; этого достаточно, чтобы отравить существование на целых недели две, если не больше. Решили, чтобы мне дома не ночевать; сейчас второй вечер, что я скитаюсь; и противно, и время тратится непроизвольно, а между тем завтра нужно начинать лекции; вот тут и изворачивайся! Сколько времени придется так скитаться?

Известия с запада по-прежнему хорошие; кроме того, известие, что Германия соглашается на условия союзников; на этом многие строят преувеличенные надежды, но я их не разделяю.

(24 [сентября]) 7 [октября]. Сегодня выяснилось, что пресловутая телеграмма была адресована самому Троцкому; вероятно, ее автором был Смирнов из Бесова. Ход мысли его мне понятен: сначала зацепил Лену, потом целиком распространил свое обвинение в контрреволюции на нас, и в частности на меня, как на главу семьи, — и, будучи военным комиссаром, ахнул народному комиссару по военным делам. Когда я все это узнал, то я пошел к Н. И. Троцкой, ныне председательнице Коллегии по делам музеев, и рассказал ей это дело. Она была со мной любезна и обещала оказать нужное содействие. Так, более или менее, ликвидирован третий обух: пер-

вый — арест Ляльки, второй — арест Лены и отъезд Нины, а третий — телеграмма. Будем ждать, что будет далее. Во всяком случае, буду жить дома. Была сделана сегодня попытка начать лекции в Университете; в 10 утра были там С. А. Котляревский и И. А. Покровский, математик приват-доцент Некрасов, Н. И. Новосадский и я — ни у кого лекции не состоялось; читал позднее только один Познышев на юридическом факультете[301]; у остальных ни у кого лекции не состоялись; хорошее начало семестра в обновленном университете.

(25 [сентября]) 8 [октября]. День без особых впечатлений. На западе опять успехи: освобожден от обстрела Реймс после четырех лет разрушения. В Москве бездна слухов, один неосновательнее другого. Видел человека, приехавшего из Казани: 5-го августа 800 человек заняли город; от них бежали несколько тысяч красноармейцев; они организовали народную армию, достигшую 8000; принудительная мобилизация проходила плохо, мобилизуемые разбегались. Они вывезли все и, главное, золото; и когда они увидели, что против них сосредоточены силы, с которыми они не могли справиться, то они ушли. За ними ушла вся буржуазия, буржуа вернулись большей частью из Лаишева и Чистополя[302], между тем как чехословаки, белогвардейцы и народная армия ушли дальше. Квартиры вернувшихся буржуев были конфискованы. Такова история Казани в пересказе очевидца.

(27 [сентября]) 10 [октября]. Наиболее выдающимся явлением за эти два дня был декрет о переизбрании всех профессоров, прослуживших более 10-ти лет в одном высшем учебном заведении или имеющих 15 лет педагогической деятельности в совокупности[303]. Итак, с 1 января, среди учебного года, мы выгнаны: кто и как будет дочитывать наши курсы, остается неизвестным; кто нас будет переизбирать под видом «всероссийского конкурса», также пока неизвестно. Возможность дальнейшего преподавания поставлена в зависимость от каких-то неизвестных сил, однако сил заведомо нам враждебных. Те из товарищей, с которыми мне приходилось говорить вчера и сегодня, относятся ко всему этому скорее иронически — ведь придется переизбирать около $^{9}/_{10}$ всего университетского персонала; многие, кроме того, думают, что что-то до 1 января переменится. Я отношусь хладнокровно, с тем грустным и равнодушным скептицизмом относительно благих результатов большевицких мероприятий, какой в последнее время не оставляет меня. Быть может, это облегчит отъезд из Москвы; заставит насильно разрубить узел, который добровольно никогда не разрубишь сам; с другой стороны, перерыв заработка среди года может поставить в безвыходное материальное положение и сделать самый отъезд невозможным. Что же — будем фаталистами. Пожалуй, так и лучше и спокойнее. А на западе опять союзники шарахнули немцев

между St. Quentin и Cambrai. Досужие москвичи уже вчера уверяли, что заключено перемирие и что скоро все переменится. Старая сплетница Москва остается верной себе; слухи родятся и сменяют один другой; то подписывают перемирие, то вводят в Россию международную оккупационную армию на 5 лет; но все это не подтверждается и, думается мне, еще долго не подтвердится. Сегодня я начал лекции на курсах; аудитория в 25—30 человек; на 2-м часе больше; преимущественно старые слушательницы; внимательное отношение — у них еще есть наивная вера в то, что в России можно учиться.

(28 [сентября]) 11 [октября]. Новый декрет о высшей школе: 1. все учебные занятия должны начинаться с 5-ти дня, чтобы дать возможность заниматься трудящимся; как это совместить с занятиями лабораторными и клиническими, это поистине непостижимо; объясняется все только чистой демагогией, и только. Реагируют на декреты одни смехом, другие безнадежным равнодушием. На западе новые успехи; ответ Вильсона требует увода германских войск с занятых территорий, прежде чем говорить о мире.

(29 [сентября]) 12 [октября]. Сегодня в Музее меня посетил заведующий следственной частью в ЧК, товарищ Р[оманов], и просил им помочь найти инструкции или правила для жандармов, чтобы правила эти, видоизменив, приложить к теперешнему хаосу, особенно чувствуемому в иногородних чрезвычайных комиссиях. Дальше идти нельзя. Приехал Avenard, прожив 2 месяца в Костромской губернии, и сам высказал мысль, что французским социалистам типа Longuet[304] надо было бы приежать сюда и воочию убедиться в том, к чему приводит социалистический опыт. На западе блестящее наступление англо-французов идет по-прежнему; хочется выпить, даже нарезаться за здоровье Фоша.

(30 [сентября]) 13 [октября]. Письмо от Алексея: в Загранье все арестованы; кругом жгут; в Загранье сожгли овин; запрещено выезжать в город за кем-либо из нас; просит предупредить брата, чтобы обождал, не приезжал, иначе его арестуют. Приходится обо всем этом его уведомить, чтобы ему не попасться; самому же мне спасать его не приходится: письмо Алексея Ив[анова] вполне вскрывает ту обстановку, при которой было послано товарищу Троцкому предложение о моем аресте. Прекрасный день; ездили на кладбище и были на новоселье у Курдюмовых на Ярославском вокзале.

(2) 15 [октября]. Всеобщее чувство, что назревает мир; я не думаю, однако, чтобы это настало очень скоро; однако, в зависимости от надежд на мир, во многих оживились и другие надежды. Конечно, одно из двух: или весь мир должен стать большевицким, или же мы должны жить, как все. Победившая сторона примется за нас, быть может, даже вместе с побежденными; как странно думать, что побежденными, в ко-

нечном счете побежденными, оказались немцы, и как прав был Avenard, говоривший весною, в самые трудные минуты последнего германского наступления: «Attendez la réplique de Foch» [Подождите ответа Фоша (*фр.*)]. Réplique превратилась в ту настоящую revanche [реванш (*фр.*)], о которой полвека грезили французы. Сегодня дальнейшие успехи — Douai, La Fére взяты. Немцы продолжают отступать. Обсуждали в двух факультетах — Университета и Высших Женских Курсов — как быть с занятиями; лекции превратили в 30-минутные и уложили все в промежуток между 5 и 10. Впрочем, все равно из занятий, надо думать, ничего не выйдет. Вчера я радовался, что оказалось возможным вызволить эмалевую табакерку, реквизированную из сейфа.

(3) 16 [октября]. Успехи и на западе, и на Балканах продолжаются; немцы выгнаны из Ниша и Митровицы; оставлен Laon и громадная площадь вокруг этого города. Мое буржуазное сердце только и живет славой старых народов запада, которые наши богоносцы считали выродками. Читал положение о единой трудовой школе[305]: какая смесь лицемерия, глупости, фантастики и сознательной злобы!

(4) 17 [октября]. Выручили шубы; перевели Нину в 3-ю категорию из 4-й; я перейду, вероятно, во 2-ю[306] — вот 3 обывательских радости, которые я сегодня пережил. Это характерно для переживаемого времени. В Загранье опять арестовали Лену. По декрету о перевыборах профессоров из 100 членов совета остается 9; вновь вошли в состав совета 162 человека; из них выбывают в свою очередь 80 — таково обновление совета; та же история будет и на Высших Женских Курсах; и грустно и смешно. О войне сегодня мало известий; только более подробное донесение о победе в Бельгии, давшей союзникам Roulers, да еще ответ Вильсона на немецкий ответ: он суров и требует, чтобы немцы, прежде чем мириться, перестали делать безобразия.

(5) 18 [октября]. Успехи в Бельгии продолжаются. Здесь чего-то ждут с юга, но чего, положительно никому толком не известно, кроме, может быть, посвященных. Шубы привезли домой.

(6) 19 [октября]. Сегодня очередь Лилля и Остенде; нажим на немцев идет своим чередом. Здесь усиливается тревога; что грозит властям, я не знаю, но что-то надвигается с юга; если все это опять кончится ничем, то это будет более чем глупо. На Высшие Женские Курсы большевики назначают комиссара — недоставало еще этого; впрочем, это должно быть вознаграждено — переименованием в университет.

(7) 20 [октября]. Очищены Брюгге, Зеебрюгге, Roubaix и Douai; долголетние стремления Германии к Pas de Calais, вообще к морю около Англии, канут на долгие годы, быть может, навсегда. Союзники требуют на будущем конгрессе

представителя единой России; в Украине перемена в ориентации от Германии на союзников; совещание бывших членов Государственной Думы в Киеве решает, что будущая Россия будет конституционной монархией; все это я вычитал сегодня из «Известий ВЦИК»[307]; выходит, что дело подходит к 5-му акту Макбета; скоро, может быть, Бэрнамский лес поднимется и пойдет со своего места. Но иллюзий себе делать не надо — все это будет еще не скоро и перестрадать придется не мало.

(8) 21 [октября]. Смутные разговоры и смутные надежды; неисправимых оптимистов все-таки еще остается достаточно. Сегодня возобновили действие Compréhension Réciproque; настроение было бодрое; решили работать на будущее. Начали заниматься в Университете по вечерам; чувство всеобщей бестолковости; народу топчется не мало, но все производят впечатление, что они не знают, чего хотят.

(9) 22 [октября]. Очищены Куртре, Tourcoign; нажим продолжается; даже из «Известий» видно, что Австрия валится, а немцы идут на переговоры с Вильсоном, несмотря на суровый тон его нот. В Университете сегодня более благоприятное впечатление от занятий, хотя все-таки остается мысль, что профессоров больше, чем студентов[308].

(10) 23 [октября]. Продвижение продолжается на западе, хотя сегодня в меньшей степени; но немецкий ответ Вильсону делает, на мой взгляд, дальнейшие переговоры возможными. Странную речь произнес Ленин в ЦИК'е: с одной стороны, говорил он, мы трещим, с другой — мы победим с помощью германских и болгарских товарищей; что это, сознательный обман или бессознательное самообольщение? Однако, одним дышит эта речь: беспросветной немецкой ориентацией; для Ленина Германия остается пупом земли, если не империалистическим, то революционным, и вся сволочь, слепо идущая за ним, уже непоколебимо верует, что все та же Германия — на этот раз большевистская — решит судьбу мира[309].

(11) 24 [октября]. Сегодня опять арестован брат в военном комиссариате. Я думаю, что его желание получить заграничный паспорт шло слишком вразрез с приказом, только что вывешенным на улицах и призывающим всех, или почти всех, офицеров до 40-летнего возраста. Опять полоса беспокойств и волнений. Я много думаю о том, что в действительности случилось в Германии и чем объяснить ее break-down [крушение (*англ.*)]; что-то в ней рухнуло внутри; быть может, здесь есть косвенное влияние русской революции: Германия зажгла ее, а теперь, когда она сама стала испытывать на себе тяжести поражений, тот дух, который она насадила у соседей, стал отзываться и на ней. Немцы от напряжения войны пострадали более, чем все другие, за исключением одной Франции, но разница между Францией и Германией та, что Германия, сама уже утомленная, лишилась всех своих союзников, а к обесси-

ленной Франции могучие союзные силы все прибавлялись. Я забыл отметить, что уже несколько дней, как, незаметно для нас, ликвидировалось Загранье. Дом опечатан; какой-то инструктор сказал, что мы можем туда не возвращаться, так как мы имеем квартиру в Москве. Откровенно сказать, меня это не тронуло; хочется не жизни в Загранье, а чего-то другого — отъезда куда-то далеко.

(15) 28 [октября]. Три дня я не вел записи, потому что опять явился ряд недоумений, вопросов и осложнений. В пятницу 12/25 брат отправился в военно-окружной комиссариат просить свидетельства о неимении препятствий к выезду за границу, но был там задержан, причем ему предъявили ту самую телеграмму, которую послал Федор Александров с Мокей Горы; его отпустили через сутки, но в выдаче пропуска отказали; ему был произведен допрос, как касательно его, так и обо мне. Таким образом, стал вновь вопрос о неприятностях, которые мне могут угрожать. Ясно, что телеграмма из центрального комиссариата была передана в окружной комиссариат и пока там остается. Посоветовавшись со сведущими людьми, я пошел поговорить об этом деле с товарищем Романовым, заведующим следственной частью иногороднего отдела ВЧК. Я нашел его в его резиденции в Национале; в гостинице все на вид по-старому, но внизу стоят товарищи в военном костюме, с винтовками; другой товарищ, за особой конторкой, говоря с еврейским акцентом, дает приказания. Пройдя контроль, все обстоит свободно. Я нашел товарища Р. в его комнате, живущим с супругой; это очень любезный молодой человек с университетским образованием; говорят, что он идейный коммунист; но говорили мы с ним, как старые добрые знакомые прежнего времени; выслушав меня, он посоветовал мне «плюнуть и не волноваться», но вперед не забегать, так как иначе «можно на себя насплетничать», «мало ли бывает наветов». Его мнение оказалось таким же, как и мнение Н. И. Троцкой, — из этого дела не выйдет ничего особенного; вероятно, оно где-нибудь замрет, а если не замрет и меня побеспокоят помимо его, товарища Р., то тогда нужно сослаться на него и на других видных «коммунистов». По его мнению, если дело не замрет, то оно дойдет до его рук, а что касается его, то он это дело распорядится погасить. На этом я в настоящее время остановился и ожидаю событий. В остальном дела без перемен; с одной стороны, гнут свое — национализуют торговлю; торговые улицы Москвы стали похожими на кладбище; все идет к общей социально-экономической смерти, среди пролеткультов, культурно-просветительных лекций, митингов и прочих попыток культурно-маниловских начинаний. Очень хороша нота Советского правительства Вильсону с вопросом о намерениях союзников касательно Совдепии: это удивительная смесь наивности и нахальства.

Дело мира идет медленно, но верно, но до русских дел еще далеко. А Фош по-прежнему гвоздит Гинденбурга.

(16) 29 [октября]. День без особых личных впечатлений. Приехал Леша Благовещенский и сообщил, что наш дом отводится под сельскохозяйственную школу; Лену Репман обвиняют в спекуляции; донос исходит от Аксиньи и работника Михаила (последнее было, впрочем, и летом). Ф[едор] Ал[ексан]дров явился к нам, вытянул у Алексея 40 рублей и на нашей лошади отправился в Сандово, чтобы дать не раз уже здесь помянутую телеграмму. Всюду ходит повальная испанская болезнь со смертельным исходом. К тому, что происходит в Загранье, я отношусь совершенно философски; мне все равно, ибо в условиях данного времени жизнь там все равно невозможна.

Ноябрь

(19 [октября]) 1 [ноября]. Опять я не записывал, потому что была новая тревога. Опять арестован брат и приходилось измышлять всякие ходы, чтобы его высвободить. Однако через 1½ суток сидения в узилище, в доме Шамшина на Знаменке, его опять выпустили. Снова происходил допрос, снова его расспрашивали не столько о нем, сколько обо мне, о Сандове, о Сонкове, о наших деревенских отношениях и т. д. По-видимому, таково его впечатление, что следствие ведется о взрыве на Рыбинско-Бологовской железной дороге, который произошел недавно и был, по-видимому, очень сильным. Пресловутая телеграмма сумасшедшего Ф[едора] Ал[ександрова] навела на мысль о возможности нашего отношения к этому событию. Право, уж не знаешь, к какому делу слепая судьба не приплетет в наше время; если бы не трепались ненужным образом нервы, то было бы просто смешно. Ища всяких ходов, я случайно вчера встретился с Ф. А. Армандом, который предложил мне обратиться к знаменитой товарищу Инесе, его матери, а моему другу детства. Сначала мне этого не хотелось, но потом, вспомнив, что Not kennt kein Gebot [про нужду закон не писан (*нем.*)], я решился; сегодня я получил от нее billet d'introduction [рекомендательную записку (*фр.*)] к комиссару военного округа Муралову и любезное письмо, которое, как документ, здесь прилагаю[310].

Сегодня очень интересное сообщение в «Известиях» под заглавием «Заговор империалистов против советской России», где говорится о предполагаемом почти что соглашении всех против большевизма. Я бы очень хотел знать, что это — ловкий прием, чтобы запугать одну часть читателей, или же под этим оповещением скрывается признание действительной опасности? Англичане дошли до Алеппо; вся Сирия и Месо-

потамия в их руках; французы в Герцеговине; на западе напор продолжается, но эти дни как будто менее силен.

(20 [октября]) 2 [ноября]. День с малым числом впечатлений; быть может, поэтому более останавливаешься на общих мыслях. Австрия так же разваливается, как и Россия; большевики кричат, что там социальная революция; этого еще далеко не видно; но что развал идет на национальной почве, это не подлежит сомнению. Я очень рад тому, что подлая клика действительных империалистов, свивших издавна гнездо в центральной Европе — прусские юнкера, венские жидовские банкиры, австро-венгерские аристократы и т. д., наконец, военные партии обеих стран — Австрии и Германии — словом, все те, которые действительно затеяли войну — что именно они повержены в прах и уничтожаются. Поделом. Quem Jupiter peredere vult, dementat; немцы совершили 3 непоправимых ошибки: 1) начали войну, когда почти владели миром, 2) втравили в войну Америку, которая вовсе воевать не желала, и 3) посадили в России большевиков. Всем этим руководящие немецкие круги доказали, что за их самоуверенностью скрывалась величайшая степень истинно немецкой тупости, такой, до которой не доходил ни один из народов земного шара, и вот результат — гибель монархий руками главных европейских монархистов, гибель империализма руками главнейших европейских империалистов.

(21 [октября]) 3 [ноября]. Видел торжества открытия памятников: 1) не то Каляеву, не то Дантону и 2) Кольцову и Никитину. Первое происходило, или должно было произойти, в Александровском саду. Около какого-то бюста, еще задрапированного, ходил с важным видом официальный историк нынешнего времени Н. М. Лукин; потом подошли два оркестра, какие-то quasi [якобы (*лат.*)] войска с красными плакатами и рабочие, тоже с плакатами, и еще человек 100—150 публики. Войска были предводимы молодым человеком верхом, в штатском и в широкополой шляпе; говорили, что это Смидович; посмотрев все это, я ушел. На Театральной площади уже были открыты 2 жалких памятника народным поэтам[311]. Около одного было пустое место, около другого до 150 человек, уныло слушавших ораторов. Тот, которого я слышал, говорил заученные речи о страданиях голодного народа, воспетых поэтами, и о преступлениях помещиков, которые питались за счет народа; такова фальшь жизни. Потом я пошел навестить бедного К. А. Вилькена, который почти что умирает, не перенося благодеяний времени. Такова истина жизни. Днем ходили группы с плакатами в честь революции в Австрии; она официально провозглашена большевиками, но между их воззваниями и телеграммами, на которых они основаны, лежит целая пропасть.

(22 [октября]) 4 [ноября]. Арестовали С. Н. Василенко[312],

человека, менее, чем кто-либо, способного к политическим деяниям и к политическому мышлению. Это, конечно, недоразумение, но чего это будет ему стоить! Получаем по полфунта конфет на карточку по случаю революционных празднеств.

(23 [октября]) 5 [ноября]. Москва готовится к революционной годовщине — эмблемы и украшения с кровожадными лозунгами; накопив кое-какого провианта, владыки выдают несколько усиленные порции сладостей, мяса, масла, точно заискивая или желая показать, что когда мы хотим, то и миловать можем. На западе опять удар по немцам, и очень удачный; сербы, вместе с союзниками, заняли Белград[313]; Сербия вычищена в один месяц после 3-летнего угнетения; честь им и слава; Австрия, видимо, разваливается, но разваливается ли она так, как этого хотят большевики, этого ниоткуда не видно; между тем истинного положения вещей не понять, живя впотьмах. Сегодня получено письмо от Алексея, из которого видно, что Загранье ликвидировалось. Он сообщает, что все белье, даже то, которое у него, увезли «незнамо куда»; что если мы приедем летом, то должны жить «на их квартире», и что хлебом он нас будет кормить, и что он на нас очень обиделся, потому что мы его не обеспечили; письмо заканчивается извещением, что у них «комуна» и что вообще плохо. Надо думать, что это «незнамо куда» просто обозначает, что белье вывезено на Гору и что гг. Образцовы, видя, что мы в данный момент ликвидируемся, предупредили совет и прибрали к рукам все, что было можно. Недовольство нами очень характерно для русской гориллы, которая останется жить в нашем доме, в наших вещах, пользуясь нашей коровой и нашей лошадью. В общем случилось то, что я предвидел с весны 1917: русскую интеллигенцию выгнали из деревни, а в этом процессе очередь дошла и до нас; приходится с благодарностью вспомянуть, что все же лето 1918 года нам, не в пример большинству лиц, имевших деревенские резиденции, удалось прожить в Загранье. Лену Репман, по дошедшим известиям, собираются освободить, но Петр Смирнов из Бесова, один из главных местных деятелей, заявил — «чтобы Репман в волости не было». Маня решается, кажется, оставаться в Загранье, в маленьком доме, созерцая разгром всего своего достояния и не имея возможности теперь его оставить; думается, что и ее скоро выставят; лишних свидетелей не нужно.

(24 [октября]) 6 [ноября]. Очередное событие — разрыв дипломатических сношений между немцами и советской властью[314]; событие — чреватое последствиями, но я еще не могу себе отдать отчета, какими именно и когда они скажутся. Возможно буквально все; власти скрывают многое, а обыватель, как всегда, предается преждевременной радости. Во всяком случае, какие-то события последуют; я только боюсь, что нашей братии придется претерпеть немало. Нельзя себе

представить, как разукрасили большевики Москву: в украшениях сказалась та удивительная смесь передовых политических и социальных идей с футуризмом, кубизмом и т. п.; вечером была своего рода пасхальная ночь: у Хр. Спасителя жгли фейерверк в течение около получаса; вероятно, жгли и какие-нибудь чучела; нам было противно, и мы не ходили туда, несмотря на близость.

(25 [октября]) 7 [ноября]. Москва празднует; я был только вечером на Тверской; погода прекрасная; говорят, что толпы были большие; город вечером был опять иллюминован; красные фонари были даже на Иване Великом. Il en a vu bien d'autre, ce brave vieux [Он всякое видел, славный старик (*фр.*)]. Толпа на Тверской была демократическая, черная, мастеровая, половинчатая — истинное олицетворение того, что захватило власть. Как всякая русская толпа, она была мрачна и скучна; на боковых улицах было темно и тихо, и даже флагов было немного. Газет нет; нет и известий, даже урезанных и искаженных; одни веселятся, другие скрывают, третьи ждут.

(26 [октября]) 8 [ноября]. Всеобщее напряженное ожидание, выражаемое толпами читающих стенные объявления-газеты «Роста», т. е. Российского телеграфного агентства. Недостаточность известий только возбуждает любопытство и разочаровывает. Ездил на именины свояка Мити Курдюмова на Ярославский вокзал и видел украшения в центре города. Я думаю, что каждый момент имеет свое отражение в искусстве. Украшения Москвы в октябре 1918 года превосходят по степени уродства все немецкое искусство довоенного времени, олицетворенное Лейпцигским памятником[315]; наиболее полное выражение нашего искусства — роспись лавчонок в Охотном Ряду, в котором гармонически смешались все «измы», которыми полна русская жизнь.

(27 [октября]) 9 [ноября]. Немцы порвали с советской властью. Значит ли это, что они сейчас что-нибудь предпримут? Я думаю, что нет. Это сделано, может быть, для того, чтобы скорее и лучше поладить с англо-франко-американцами; быть может, это предпосылка к тем переговорам, которые будут вести Эрцбергер и Ко. в ставке маршала Фоша[316]; между разрывом в России и вытекающими из него последствиями может пройти довольно долгий период, нежелательный для всех, но неизбежный. Это надо помнить всем русским легкомысленным оптимистам. Праздник в Москве еще не кончился: учреждения чисто советские продолжали сегодня праздновать. Наступление во Франции все еще продолжается, и если не будет перемирия, то союзники вытеснят немцев из Франции окончательно.

(28 [октября]) 10 [ноября]. Злобы сегодняшнего дня — дополнительное, опубликованное днем известие, что в Берлине власть перешла к какому-то совету и что тов. Иоффе вернули

в Берлин[317]. Каков процент правды в этом известии — не дано знать нам; но взрыв в Германии сам по себе возможен, потому что отступление их на западе приняло катастрофический характер, который или указывает на такой взрыв, или его предсказывает. Всякий взрыв в Германии, в том или ином размере почти неизбежный, может быть только вреден для остатков русской буржуазии, для Украины, для всех антибольшевических элементов в России; поэтому отдаленный момент отдыха и спокойствия отдаляется еще более. Но что бы ни вышло, что бы ни было с нами, если кому поделом встряска и даже возможная гибель — это германским принцам, юнкерам, банкирам и промышленникам, словом, тем, кого по справедливости надо называть мировыми империалистами. Выгонка из Франции и Бельгии, поездка на поклон к Фошу, суровые условия перемирия — все это только начало, быть может, великого искупления за величайшее в мировой истории преступление — войну, затеянную ими в 1914 году.

(29 [октября]) 11 [ноября]. Общее мнение то, что в Германии происходит не совсем то, что объявляют русские власти; новых известий почти нет: все отрывочно и смутно. Василенко выпустили без предъявления обвинения. Я получил сообщение от товарища М. К. Романова, что мне нечего тревожиться касательно телеграммы Фед[ора] Ал[ексан]дрова.

(30 [октября]) 12 [ноября]. Правдивых сведений мало; чтобы что-либо сказать о настоящем и что-либо предугадать в будущем, надо выждать некоторое время; я сейчас ничего не рисую себе сколько-нибудь точного и вероятного. Чем больше я думаю, тем более дивлюсь самоуверенности и глупости немцев, которые, погнавшись за победой над всем миром, погубили и всю Европу, и самих себя; погубили с такой же глупостью, как Николай II — Россию и русских нереволюционеров. Для меня вопрос стоит так: дойдет ли в Германии до объявления войны принципу собственности или нет; если нет, то революция остановится; если да, то это — большевизм; политический порядок, в сущности, для нас безразличен, а если немецких государей по шапке, то мир от этого не потеряет ничего. Другой вопрос, как это отразится на победителях; но реальных данных о состоянии умов во Франции и Англии мы не знаем ровно ничего [так в подлиннике], и потому судить нельзя.

(31 [октября]) 13 [ноября]. Положение без особых перемен: перемирие заключено, но точных условий его я еще не знаю; кажется, они жестокие; быть может, здесь влияние Англии, которая с Вильгельмом так же жестока, как была в свое время с Наполеоном. Говорят, что князья мира сего не слишком ликуют; это значит, что они не уверены в обороте, который примет германская революция. Говорил я сегодня с Авенаром; он тоже боится, что и во Франции может возникнуть движение:

суровые условия перемирия он считает ошибкой; лучше было бы примирить с собою Германию, чем восстанавливать ее против себя — французские социалисты, усиленные всеми недовольными от войны, будут, по его мнению, против тяжелых условий. Вообще данный момент необыкновенно важен и тревожен: будущее всей несчастной, старой, поруганной и разграбленной Европы заволоклось туманом, который не рассеется еще долго. А к нам, пожалуй, придут американцы; они очень мало пострадали, и у них еще, наверное, руки чешутся; да и business [коммерцию (*англ.*)] в России можно сделать хорошую.

(1) 14 [ноября]. Ничего нового; большевики сами признают устами своих вождей, что о Германии они знают очень мало; известия смутны, и в них трудно разобраться. Немцев мне глубоко жаль; вот куда приводит ослепление национальной гордостью. Но до чего глупы все полетевшие стремглав немецкие государи! Жили бы себе мирно — наверное, их хватило бы еще на несколько столетий, а теперь — старухи с разбитым корытом. Большевики на радости уничтожили Брестский договор[318]; какие из этого вытекут последствия? На квартиру нам еще набавили: теперь мы платим 600 рублей в месяц; я думаю, что долго мы не в состоянии будем жить на этой квартире.

(2) 15 [ноября]. Большевики по-прежнему недовольны германской революцией; это — единственный объективный признак, по которому мы можем судить о ее течении. Очередная бомба — вопрос о выселении с квартиры, который в 3-й раз встает перед нами. Военный контроль или контрразведка, пронизавшая наш дом, подобно раковой опухоли, желает еще распространиться и забрать весь наш передний корпус. На этот раз Нине и мне кажется, что придется уступить и переселяться в Музейскую мурью; жалко этой квартиры, которую мы себе выбрали и любили, но теперь все равно старая жизнь невозможна, и потому переезд на бивуак в 3 комнаты будет новым шагом по пути облегчения от всех приверженностей к вещам, к комфорту и т. п. Умер К. А. Вилькен; из людей, близких к моим родителям, остались в Москве только Ю. Е. Вилькен и Ар. Евг. Арманд, которым вместе 150 лет, да еще в Харькове М. М. Черкасская и Л. Н. Красильникова, которым вместе столько же.

(3) 16 [ноября]. В «Известиях» напечатаны очень интересные сведения «из киевских газет» о всех замыслах союзников против большевиков. Я не совсем отдаю себе отчет, зачем это напечатано — объяснений может быть много, но которое правильно, я не знаю. Очередная бомба — история в Музее: несколько дураков — разновидности русских дурней: упрямый и тупой белорусский осел смотритель Никитин, болван с демагогическими приемами регистратор Солодков, квазимодо делопроизводитель канцелярии Козлов и, наконец, прекрасно-

душный антропософ Петровский — задумали сваливать Стратонитского[319] и даже князя при помощи служителей; придется пожертвовать первым, чтобы спасти положение. Вопрос о выселении остается открытым и решится на будущей неделе.

(5) 18 [ноября]. Вчера и сегодня почти не был дома; Вилькенские похороны, поход в Марьину Рощу, чтобы застать Лерика Веселаго, и сегодня поход на Введенские Горы[320]. Оказывается, что теперь и умирать неудобно: на иноверческом кладбище, которое всегда было организовано лучше всех, могильщики не хоронят более 7-ми покойников в день и не хоронят ранее часа дня. Когда хоронили К. А. Вилькена, могила была не дорыта, и гроб пришлось поднимать опять на землю; крест, приготовленный заранее, потеряли и были грубы и недовольны; типичное проявление русской революции. Общее положение мутно; слухи иссякают, и ими продолжают жить обыватели; из-за границы вестей никаких; кажется, разрастаются крестьянские волнения, подавляемые в каждом отдельном случае, но вновь вспыхивающие в других местах[321].

(6) 19 [ноября]. Молчание в газетах; слухи все те же; чего-нибудь верного не определишь. В более узком круге дел — день без особых впечатлений.

(8) 21 [ноября]. Известий почти нет; слухи распространяются тем охотнее; говорят о приближении эскадры союзников к Петербургу; сегодня говорили, что Петербург уже взят; я этому, конечно, не придаю веры. Сегодня я был в «городе» и пришел в ужас от вида Никольской и Ильинки — все закрыто, люди еле бродят, не то чума, не то большой праздник; кое-где сбивают вывески, напоминающие о господстве буржуев в торговле и промышленности. Вопрос о нашем выселении с квартиры вчера как будто обострился; но ордера пока нет; стараемся принять все возможные меры, чтобы удержаться или же чтобы обеспечить себе переход в Музейские владения. Большевики, озабоченные сбором 10-миллионного налога, объявили о том, что каждый обязан показать все, что он имеет, — до наличных денег, хранимых на дому, включительно; но овцу можно стричь только тогда, если шерсть у нее отросла, а не гладко обритую, как те русские, которые прежде имели средства.

(9) 22 [ноября]. Вопрос о нашем выселении не подвинулся, за исключением разве лишь того, что я прилагаю старания обеспечить себе на территории Румянцевского Музея какой-нибудь угол; я, кажется, нашел его в квартире, отведенной под рукописи и архивы. Общие известия по-прежнему смутны; обращает внимание только известие о перестрелке между финляндским фортом Ино[322] и «русским» флотом, если сопоставить его с известиями о появлении союзной эскадры в Финском заливе. Более чем когда-либо чувствуется всеобщее утомление и всеобщее со стороны цивилизованных русских

людей страстное желание, чтобы миновало лихолетие. Чем дальше, тем тяжелее и тем меньше терпения.

(11) 24 [ноября]. Вопрос о нашем выселении, по-видимому, откладывается; вчера наш пархатейший председатель домового комитета сообщил об этом нашим жильцам; но его слова — это песок морской. Общие сведения по-прежнему смутны. Сегодня воскресенье, просидел дома и впечатлений испытал очень мало; было приятно отдохнуть в своей скорлупе.

(12) 25 [ноября]. Слухи, слухи и слухи; в них, кажется, можно уловить только одно, что флот союзников, возможно, появился в Балтийском море. В Москве скучно, мертво, становится все голоднее; день прошел, как все прошлые и будущие.

(13) 26 [ноября]. Одна из величайших несправедливостей заключается в том, что М. М. Петрово-Соловово, домовладелицу, живущую в этом доме, быть может, лет 50, выселяют в 2 дня, и ей некуда преклонить голову. А между тем факт этот в наше время случается сплошь и рядом. По новейшим сведениям, которые сейчас сообщил кн. Урусов, М. М. Петрово-Соловово хотят вселить к нам, на обмен Разореновых. В общем положении такая же муть, как и ранее.

(14) 27 [ноября]. Буча дома успокаивается, и пока никаких переселений и перемен у нас не будет. Определенных известий никаких. Все более и более чувствуешь гнет от отсутствия известий и от жизни подобно кротам.

(15) 28 [ноября]. Перемен нет; однако кто-то взял у совдепистов Лиски[323]. Воронеж объявлен на осадном положении и эвакуируется. Был в бюро по сейфам и видел там зерцало, в которое, на место классических указов Петра, был вставлен портрет Троцкого; кто из большевиков был на других двух сторонах, не знаю. В Музее опять брожение среди служителей: теперь желают уплотнять служащих, имеющих там квартиры.

(16) 29 [ноября]. Что-то готовится, где и как, мы не знаем ничего; но борьба будет, причем те, кто теперь владеет Россией, пустят в ход все доступные им средства. Сегодня я слышал об одном из комиссаров Кремля, эстонце Веймане, что он целых полтора месяца был в тайной командировке в Германии, для того чтобы вести там коммунистическую пропаганду; вот на что они идут; дураки те, кто в свое время их поддерживал.

(17) 30 [ноября]. Слышал из достоверных источников о том, что они готовятся к обмену или штемпелеванию денег, причем будут обменивать только в таком количестве, которое заявлено в сведениях, кем [то] подаваемых. Это отличный способ выйти из затруднений и сразу уничтожить громадное количество денег. Пишут о появлении союзной эскадры в Черном море; но срок не указан; вероятно, это произошло уже давно.

(18 [ноября]) 1 [декабря]. Ездили в Пушкино хоронить моего двоюродного брата и друга детства и юности Володю Репмана, умершего 47-ми лет от прогрессивного паралича. Его жизнь была полна ошибок; последние 10 лет он постепенно разрушался, а смерть была избавлением и для него, и для всех его близких. Его похоронили по-православному, отпели в Пушкинской сельской церкви и похоронили на Пушкинском кладбище. Его отец притулился по смерти [жены] к семье Готье; он тоже паразитически жил и паразитически упокоился при семье Армандов, в которую вошел своей женитьбой, как его отец вошел в семью Готье. На похоронах, при дневном свете, я видел кое-кого из семьи Арманд, с которой когда-то дружили мои родители. Бедные старики, последние сверстники и друзья отца — все они смотрят в могилу, и Ар. Евг. Арманд говорил сегодня, что все они, старики, обязательно уйдут этой зимой. Контрастом этой великой грусти был зимний славный денек с порошей. Вчера мне пришлось читать киевские газеты от прошлого воскресенья. От них веет чем-то живым, хотя, вчитываясь в них, нельзя не утвердиться в моем давнишнем убеждении, что скорого конца нашим страданиям ждать нельзя, а восстание идиота Петлюры[324], конечно, способно только задержать дело. Дело выяснится в 1919 году; дай Бог, чтобы от нас не остались только рожки да ножки.

(19 [ноября]) 2 [декабря]. Перемен нет; все так их, однако, хотят, что непременно требуют, чтобы они были скоро; отсюда новые и новые слухи, которые не смолкают ни на минуту, ни на день, но которых нельзя принимать всерьез. Общее положение таково, что победители будут должны заняться полицией мира, и есть много данных за то, что все дело кончится не триумфом русских большевиков, а возвращением к порядку волею культурных стран запада; однако на это нужно время и время. Получили письмо от Лены Репман; она пишет, что у нас понемногу все расхищают. Кисмет! Тем более что возвращаться в Загранье ни Нине, ни мне не хочется. Умер С. А. Белокуров. Для Архива Иностранных Дел и Общества истории и древностей, где он был всем, это невознаградимая потеря. Это был умный и крупный человек в нашем мире ничтожества; велики были и его недостатки — завистливость, мстительность, властолюбие; но они уравновешивались добросовестностью, преданностью своему делу и в особенности той гибкой стойкостью, которую он обнаружил в последний год, когда он спас Архив и всех служащих, не поступаясь собственным достоинством. Это 8-я смерть за один месяц. Испанская болезнь, общий упадок, от которого страдают все, плохое питание и холод — делают свое дело. Москва не только разбегается, но и вымирает.

(21 [ноября]) 4 [декабря]. Введение, но буднее; в Музее

пришлось работать, но на Высших Женских Курсах я отменил семинарий; уж очень непривычно и очень не хотелось мне заниматься. Был сегодня в последний раз в «сифилитическом» банке РСФСР; вместо своих бумаг я получил одну квитанцию. Пролетаризация идет все далее и далее. Слухи все те же. Положительных известий никаких.

(22 [ноября]) 5 [декабря]. Слухи не умолкают; но все только слухи; нового за сегодняшний день мало. Меня очень интересует вопрос: что нам, профессорам, после первого января велят — оставаться на своих местах до перевыбора или же запретят подходить к Университету и Высшим Женским Курсам на пушечный выстрел? Они одинаково способны и на то и на другое.

(23 [ноября]) 6 [декабря]. Положение без перемен, но слухи не умолкают, а, наоборот, все крепнут и крепнут; быть может, впрочем, это мне кажется, потому что, логически рассуждая, или весь мир должен стать большевицким, или же мы должны жить, как живет весь мир; а так как последнее вероятнее, то и кажется, что избавление придет скоро.

Я был приглашен на собрание, заседание или совещание в Народный Комиссариат по просвещению, касавшееся организации кинематографического дела в России, точнее, в Совдепии; это стоит в связи с мыслью создать кинематографическую картину «История русского освободительного движения», по поводу которой я являюсь чем-то вроде эксперта или консультанта в Обществе «Нептун». Я прежде всего увидел на этом собрании товарища Луначарского. Довольно изящный господин с развязными, хлыщеватыми манерами; хороший диалектик, он вел заседание, я должен сказать, талантливо и шел к ясно сознаваемой цели, несмотря на противодействие товарищей более низкой пробы. По сравнению с окружающими «товарищами» Луначарский был, несомненно, много выше, и эта давнишняя привычка вращаться среди людей низших во всех отношениях не осталась, может быть, без влияния на дальнейшее развитие самовлюбленности и самообольщения, несомненно, врожденного в этом природном кубисте-футуристе и хлыще. На собрание пришли многие из божеств местного Олимпа, начиная с тов. Покровского, который все более и более напоминает квазимодо; тут были прохвосты, кающиеся интеллигенты, профессионалы кинематографии, лица с выражением узкого фанатизма на лице и неизбежные жиды и жидовки, которые, в сущности, главенствовали здесь, как они главенствуют везде. Все это возглавлялось тремя богинями: Н. И. Троцкой — модисткой низшего разбора, Каменевой — жидовкой с лицом попугая и М. Ф. Желябужской-Андреевой-Горькой и т. д., которая, несмотря на «40 веков», ею олицетворяемых, сохранила некоторые следы «античных» своих внешних качеств. Тут же заседал

«профессор» Коган[325], мой старший товарищ по университету, теперь усердно рекламирующий Ленина на публичных лекциях — ad majorem «Dei» (Ленина) gloriam [к вящей славе «Божией» (*лат.*)]. То, что говорилось на заседании, интереса не представляло: обычная русско-жидовская болтовня, бессодержательная и полная личных счетов.

(24 [ноября]) 7 [декабря]. Беседа с Н. Г. Семеновым, моим товарищем по юнкерскому училищу; он генерал штаба, командовал дивизией; теперь, волею большевиков, он начальник штаба 2-й армии, оперирующей на восточном фронте, но сбежал оттуда, заболев[326]. Вот его характеристика Красной Армии: ее достоинство не велико; с командным составом из бывших офицеров нет никакой внутренней связи, но среди командиров новой формации, из красноармейцев, есть такие, которые пользуются авторитетом; они запанибрата с солдатами, но умеют им внушить иногда и доверие. Уничтожить эту армию трудно, потому что части рассеянные, разбегаясь, вербуют из местных жителей бывших солдат, и бывали случаи, что некоторое время спустя они собирались вновь даже в большем числе. Припасов огнестрельных у них больше, чем у противников, и это создает им перевес. Противник еще слабее их. Ядро — чехословаки, к которым присоединяются части, формируемые Сибирским правительством; солдаты там получают мало, припасов у них мало; офицерство ничему не научилось, поскольку дело касается обращения с солдатами и отношения к ним. Они, кроме того, деморализуются пропагандой большевиков. Стоит, однако, прийти настоящей вооруженной силе, сильно организованной и оборудованной технически, и перевес легко окажется на ее стороне. В настоящее время военная опасность для РСФСР не на восточном, а на южном фронте. Сегодня большевические газеты сообщают, что зарубежное русское представительство[327] приняло обязательство платить долги, признало прежнее заграничное представительство России; что немцы возвратили союзникам взятое ими русское золото и что главное руководство войсками союзников на юге будет принадлежать Franchet d'Esperey.

(25 [ноября]) 8 [декабря]. Сегодня ничего не сообщается о поездке в Берлин русско-жидовских товарищей и говорится о боях к северу от Лисок. Значит, все идет не так, как им хочется. Слухи все те же или такие же.

(28 [ноября]) 11 [декабря]. Эти дни все оставалось без перемен; все то же напряженное ожидание чего-то и все тот же мрак, нас окружающий. Сопостовляя все военные известия, я теперь убедился, что большевики врут жестоко. Они врут, скрывают и извращают, как никогда этого не делало ни одно правительство; так же точно они врут и в своих сообщениях из-за границы. Ни в Германии, ни в остальной Европе дела вовсе не идут так, как бы им хотелось. Сегодня ходил

прощаться с Патулье, который уезжает в надежде, как он говорит, вернуться к весне в Москву. Он много меня расспрашивал о моих мнениях касательно того, что нужно делать в России; в частности, ставя вопрос, не делают ли союзники ошибки, дружа с контрреволюционными элементами вне Совдепии. Я отвечал ему, что иного выхода у них нет; что только контрреволюционеры оставались им все время верны; желательно только, чтобы контрреволюция не проявлялась слишком сильно и не была слишком черной. Он уверял, что все это будет в числе материалов для его бесед с Poincaré и вообще с некоторыми из великих мира. Кухарка Маша сообщила, что солдат-латыш сообщил ее другу Гаврилычу, что они безотменно уедут через две недели «в свою сторону». Имея в виду движение большевиков внутрь Балтики, я начинаю допускать возможность тяги латышей изнутри совдепии к ее периферии.

(29 [ноября]) 12 [декабря]. День прошел без перемен и без особых впечатлений; кажется, явилась уже привычка к жизни на манер кротов — слепыми и в земле.

(30 [ноября]) 13 [декабря]. Слухи утомили и как будто утихают; пусты и газеты; теперь тревога в Музее в смысле разных похоронок; уверяют, что будут обыски и надо опять думать о перенесении мощей разного рода в другие места.

(1) 14 [декабря]. Момент затишья, конечно временного, продолжается. Слухи не изменяются в своем содержании; однако большевики указывают и на высадку на юге[328], и на возможность начала военных действий на севере. По-прежнему самое приятное и единственно приятное провождение времени — когда спишь или же, окончив деловой день и надев валенки, запираешься в свою скорлупу.

(3) 16 [декабря]. Сегодня опять общий подъем: на него оказывают влияние меньшевистские газетки, выходящие по воскресеньям и по понедельникам. Проводили сегодня Авенара; много говорили о грядущем пришествии нашем во Францию. Дай Бог, чтобы все это сбылось. Во мне крепнет в последние дни уверенность, что все это изменится в более или менее близком будущем, иначе придется бежать отсюда без возврата. Надо думать, что бедному Авенару, наконец, удастся вырваться из этого ужаса на простор в его beau pays de France [прекрасную землю Франции (*фр.*)].

(5) 18 [декабря]. Несколько раз пришлось видеться с петербургскими историками Пресняковым и Полиевктовым[329]. Раньше это не сознавалось, но теперь, при обострении жизни, как все-таки ясно чувствуется разница в психологии Петербурга и Москвы. Они легче приспособляются к РСФСР и оптимистичнее смотрят на настоящее, чем мы, — трудно это сразу объяснить: не то наследие Питерской бюрократичности, не то какой-то налет эсэровщины, уживающейся с тем же бю-

рократическим духом бывшей столицы. Факт все-таки тот, что они легче мирятся и с тов. Гольдендахом и со всем еже с ним. В Киеве творится что-то неладное; самостийники Петлюра и Ко., кажется, вновь взяли верх и свергли Скоропадского; об этом глухо сообщают большевики; все ли проходит именно так, или на самом деле все идет как-нибудь иначе, мы совсем не знаем. В том-то и ужас нашего положения, что мы слепы как кроты — c'est la bouteille d'encre [ни зги не видать (*фр.*)], как сказал друг Авенар, сегодня окончательно уехавший. Приведется ли когда-нибудь с ним увидеться?

(7) 20 декабря. Вчера справляли традиционные именины тестя; после будничных занятий в Музее я провел целый вечер в тепле и уюте, напоминавшем старую Москву, которой никто из нас больше не увидит; даже смеялся, как будто забыв все происходящее; выпили и немножко водки. Сегодня вечером беседа у Богословского; разбирали, что от чего пошло и кто во всем виноват; голоса разделились, но, прислушиваясь к нашей беседе, посторонний бы поразился безотрадностью и мрачностью суждений историков; наши Петербургские коллеги даже не могли этого перенести и, замолчав, скоро удалились. О происходящем вокруг нас попрежнему никакого понятия нельзя составить; вдумываясь по отрывочным данным в события на Украйне и задавая себе вопрос, на чьи деньги оперирует Петлюра, а с другой, принимая во внимание окрики Фоша на немцев и угрозы оккупации Германии, невольно думаешь, что Германия все еще не сложила оружия и, не сопротивляясь активно, все еще, доступными ей средствами, подливает масла в огонь везде, где этот огонь еще тлеет. Получили известия от дяди Эмиля, бежавшего на Украйну; в Полтавской губернии им показалось недостаточно спокойно — от их ли трусости или от действительных движений Петлюры и т. п. сволочи, но он отправился в Бендеры[330]. «Бендер пустынные раскаты» увидят теперь нашего бедного московского ультрабуржуазного дядю; будем надеяться, что у румын ему будет спокойно. Еще одна мысль; мне думается, что у поляков конца XVIII века должна была появляться мысль, что длительное владычество иностранцев — единственный выход из анархии; глядя на Украйну, Совдепию, Сибирь и другие лоскуты несчастной погибшей России, не знающие покоя, видя, как смуты вспыхивают там, откуда уходят немцы, я задаю себе вопрос, не нужно ли нам длительной, тяжелой оккупации иноземцев, их сурового владычества, чтобы вылечиться от гангрены, в которую уже полвека погружена Русь?

(8) 21 [декабря]. День без всяких впечатлений; бушует пурга, и невольно думается о стуже и морозах, которые нас ждут в дальнейшие 3 месяца, без дров и без продовольствия. Узнал, что иностранцы продолжают уезжать; теперь черед за

бельгийцами. Процесс превращения Совдепии в страну, лишенную всякого общения с цивилизованным миром, идет неуклонно: страна вне закона — вот во что превращается Россия.

(9) 22 [декабря]. Пурга бушевала весь день так, что невольно приходят на ум всякие преобразования, предвещания и т. п.; точно сам Бог от нас окончательно отступился и ясно нам это показывает. В заседании Общества истории и древностей Любавский прочел некролог Белокурова — кое-что в нем было шаблонно, но была одна основная мысль, что смерть главного работника в обществе напоминает о том, что теперь черед за всем обществом, которое погибнет, как погибнет вся русская культура. Вечер провел у Яковлева, сначала с Пресняковым и Николаевым[331], потом вдвоем с Яковлевым; между прочим, мы обсуждали вопрос, что будет у нас, если все пойдет так, как оно идет сейчас; мы единогласно решили, что постепенно должно замереть все, прекратиться школы, умереть от голода и холода города, стать железные дороги, а в деревнях будут жить гориллоподобные троглодиты, кое-как, по образу первобытных людей каменного века, обрабатывая пашню и тем питаясь. Наносная русская культурность должна погибнуть, ибо «народ», во имя которого «интеллигенция» или, вернее, полуинтеллигенция принесла в жертву все, что было в России лучшего, не нуждается ни в чем, кроме самого грубого удовлетворения своих первобытных инстинктов. Говорили и о Петербуржцах; думается, что они страдают своего рода дальтонизмом в отношении большевиков; они в своем брошенном Петрограде искренно думают, что с ними можно говорить о созидательной работе, тогда как мы уверены, что такая работа при этой власти немыслима.

(10) 23 [декабря]. Пурга кончилась, но сегодня уже гонят буржуев расчищать снег, даже на железных дорогах; по правде сказать, я таких сугробов и не видал. Говорят о телеграмме, будто бы полученной великими мира от тов. Зиновьева, что все морские базы на Балтийском море захвачены союзниками, что морских сил нет и что положение тяжелое. В Университете какие-то зловещие слухи среди студентов о том, что вместо нынешнего старостата назначат старост-коммунистов; что же поделать, пусть и они, как и крестьяне, почувствуют прелести режима. Один студент обратился ко мне сегодня с вопросом, зачтется ли ему мой курс за весь курс XIX века. Я ответил ему, что не знаю; тогда он мне сказал — вот скоро будет собрание студентов-социалистов, они все устроят, и управление университетом и все требования установят; на это я ему возразил — вот с их требованиями и сообразуйтесь.

(11) 24 [декабря]. Сегодня слышал такой рассказ: сами большевики смеются над тем, что они пишут в своих газетах:

телеграммы — сплошное вранье; радио, и особенно немецкое радио, выдумываются целиком в Москве. Читал последнюю лекцию в Университете в качестве профессора до обращения в бесправного человека, которому, может быть, дозволено будет преподавать. Надо все же терпеть до теплого времени.

(13) 26 [декабря]. Ничего нового, все та же мгла, та же надвигающаяся последняя черта. Сегодня они уничтожили все юридические факультеты, как устарелые и ненужные. Действительно, в бесправной стране права знать не нужно. Это новая черта той безумной, превосходящей всякое вероятие глупости и безмозглости, которой отличаются вершители коммунистических судеб бедной России. Опять снежная метель, которая точно все хочет засыпать, точно хочет уничтожить все живое. Картофеля нет и не будет, так как его сгноили, заморозили, спрятали или раскрали, а без картофеля голод в Москве еще увеличится.

(14) 27 [декабря]. Новые слухи о критическом положении под Петроградом и о критическом же положении на юге; мы так часто слышим о такого рода новостях, что я пропускал все это мимо ушей. Над нами теперь висит «чрезвычайный революционный налог», выражаемый цифрами астрономическими; все его ждут, все о нем говорят, но никто о нем не беспокоится, именно ввиду его чрезвычайности и его непосильных размеров: что же волноваться, когда все равно его не уплатить. Меня все более и более беспокоит вопрос питания Нины; на все лады я обдумываю вопрос о том, когда и куда ее вывезти; но ведь теперь куда бы то ни было везти — это везти на верную смерть.

(15) 28 [декабря]. Беспокоюсь за состояние Нины[332]; наша кухарка заболела, по-видимому, испанской болезнью, и Нине приходится все делать за нее, а это еще более влияет на ее болезненное состояние. Вечером была Лена Репман — зовет на праздники в Пестово; я стою за то, чтобы воспользоваться приглашением, пока возможно; все-таки это даст некоторый отдых и некоторые силы, пока подготовится дело отъезда окончательного, вон из проклятой совдепии.

(16) 29 [декабря]. Вечером зашел за Б. В. Ключевским[333], который угостил меня великолепной горячей белой булкой, и мы вместе пошли на панихиду по С. Ф. Фортунатове[334]. Я первый раз в жизни был в покойницкой часовне больницы; там бедный Степочка лежал еще без гроба в обществе еще 6 покойников, и панихида прошла в самой тяжелой и убогой обстановке. Такое же похоронное воспоминание оставило во мне совещание профессоров и преподавателей историко-филологического факультета по вопросу о пресловутом всероссийском конкурсе; что-то мы старались сделать, а между тем Университет уже все равно разгромлен, да и не существовать ему, если удержатся долго большевики; все закончилось по-

хоронным пустым чаем в ректорском кабинете, из которого Мензбир вытаскивает все его собственное имущество, так как через два дня он уже более не ректор[335]. Вечером пришлось идти на собрание жильцов дома, по поводу раскладки революционного налога, по которому меня обклали в 2000 рублей. Налог был распределен, несомненно, с полным презрением к справедливости, праву и всяким требованиям этики; на заседании видно было, что комитет хочет только протолкнуть дело, не вникая ни в одно возражение и не принимая никакой поправки; жид Славин, конечно, сумел выйти сухим из этой неприятности; он себя обложил только в 1000 рублей. Вечером была Мариетта, бывшая Куторга, имеющая стать Кузьминой-Караваевой, так как переходит замуж за другого. Между прочим, выяснилось, что Куторга оказался типичным русским интеллигентом-социалистом: обобрал [так в подлиннике] у своей бывшей жены все деньги и еще просит, а может быть и требует, от нее на содержание себя. Сообщила Мариетта и о Загранье: у нас вывезли не только белье, но и книги; в доме собирается поселиться исполнительный комитет Юрьевской волости, а Образцовы, дураки и нахалы, обокрали нас, как могли; служат совдепщикам, дерут нос, ходят в нашем добре и орут, что мы им не заплатили жалований; интеллигент и мужик в русской земле одинаково хороши: Куторга и Образцов могут подать друг другу руку.

(17) 30 [декабря]. Давно не было такой тоски, как сегодня; давно мне не представлялась так ясно бездна, в которую упал русский народ; из этой бездны лжи, беспринципности и бесправия не вытащит его и тот чаемый переворот, которого мы все ждем, и ждем, может быть, напрасно. Ужас в том, что слишком много народа ничему не выучились и ничего не забыли и, попирая все принципы этики, все еще говорят о республиканских чувствах, о свободе и т. п. химерах, хотя казалось бы, что большевики давно на практике нас отучили от всего этого. Сегодня я заметил, насколько и я, и все кругом нас раздражительны; в Музее мне пришлось несколько раз с раздражением повышать голос в разговоре с людьми, которые не хотели понять, что есть известные товарищеские принципы и требования солидарности. Дело шло только об установлении праздничных дежурств.

(18) 31 [декабря]. Были Любавский и Шамбинаго; отлично поболтали, несмотря на то, что пессимизм мой и Любавского перевешивал обычный оптимизм Шамби; даже замечталось о какой-то лучшей жизни. Сегодня брошен один жребий и приняты меры к обеспечению существования вне совдепии; правда, меры эти мизерные, но на худой конец, если придется выезжать из совдепии, и они пригодятся. Сегодня конец большевицкого года; хотя это — единственный декрет, который надо навсегда оставить в силе, тем не менее праздновать

сегодня и встречать новый год было бы чем-то несовместимым с чувством порядочности; пускай над нами веселятся проклятые латыши, которые уже сейчас поют у меня над головой. Второй раз я заканчиваю год в этих записках, и теперь положение еще во много раз хуже, чем год назад. Что даст наступающий 19-й год? Я надеюсь, что он даст ту или иную развязку.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЯНВАРЬ

[1] Проект декрета об аннулировании государственных займов, согласно предварительной повестке дня, должен бы рассматриваться СНК 31 декабря; возможно, об этом сообщалось в газетах. Декрет ВЦИК «Об отмене наследования» был принят 27 апреля 1918 г.

[2] Когда переговоры в Бресте возобновились 27 декабря, советскую делегацию возглавил народный комиссар иностранных дел Лев Давидович Троцкий (1879—1940), профессиональный революционер (дважды бежал из ссылки) и опытный журналист из состоятельной еврейской колонистской семьи. Получив только среднее образование (окончил реальное училище), долго жил в эмиграции (1902—1905, 1907—1917, в Лондоне, Женеве, Вене, Цюрихе, Париже, Нью-Йорке), был начитанный человек, блестящий оратор, хорошо говорил по-немецки. Социал-демократ с 1897 г., с 1903 г. до лета 1917 г. почти всегда и во всем расходился с Лениным. С августа 1917 г. член РСДРП(б) и ее ЦК, руководитель Октябрьского переворота в Петрограде, после чего стал вторым лицом в партии и Советском правительстве. Считал нужным затягивать переговоры в расчете на революцию в Германии и Австро-Венгрии в ближайшее время. См.: *Deutscher Isaac.* The Prophet Armed. Trotsky: 1979—1921 (Oxford, 1954); *Коммунистическая оппозиция в СССР 1923—1927* / Сост. Фельштинский Ю Т. 1—4. Бенсон, Вермонт, 1988, и М., 1990. *Разгром левой оппозиции в СССР:* Письма ссыльных большевиков (1928). Публ. Ю. Фельштинского в кн.: Минувшее. Вып. 7; *Троцкий Лев.* Письма из ссылки 1928 / Ред.-сост. Фельштинский. М., 1995; *Волкогонов Д.* Троцкий: политический портрет. В 2 кн. М., 1992; Троцкий Л. Д. // ПД 1917. Кроме главы, состав делегации оставался прежним (Иоффе стал вторым лицом; через некоторое время приехал один из лидеров левых эсеров, В. А. Карелин, бывший в это время народным комиссаром госимуществ). Консультантами по национальным делам делегации были приданы присяжный поверенный П. И. Стучка (см. примеч. 110), профессиональный революционер С. В. Мицкевич-Капсукас (1880—1935) и ученый лесовод С. Бобинский (Bobincski, 1882—1937, расстрелян). Особый интерес представляет то, что в качестве второго консультанта от социал-демократической партии Польши и Литвы

фигурировал Радек (по словам Фокке, почти не владевший русским языком), истинная роль которого остается неясной. Радек Карл (1885—1939, погиб в заключении) — австро-венгерский подданный (родом из Галиции), левый социалист-интернационалист, с 1904 г. работавший в польских, германских, швейцарских партиях и организациях этого направления. Выходец из относительно интеллигентной мелкобуржуазной среды, он окончил классическую гимназию; был способный и умелый журналист, энергичный и находчивый пропагандист и агитатор. С начала мировой войны (дезертировав, по сведениям Фокке, из австро-венгерской армии) тесно сотрудничал с Лениным во всех его начинаниях. О роли его в связях Ленина с германскими властями см. книгу Каткова о Февральской революции; дополнительные сведения содержатся в его автобиографии во 2-й части 41-го тома «Энциклопедического словаря Гранат» (перепеч. М., 1989); и (о причастности Радека к убийству Р. Люксембург и К. Либкнехта) в материалах Б. И. Николаевского (см. указанную публикацию Фельштинского в № 7 «Минувшего»; см. также ПД 1917). Интересно, что, по его словам, немедленно по прибытии после Октябрьского переворота в Петроград, он был послан обратно в Стокгольм для «предварительных переговоров» (до начала официальных переговоров о перемирии?) с Рицлером. *Riezler Kurt* (1882—1955) — известный специалист по мировой политике, служил в германском МИД, во время войны был прикомандирован к Генеральному штабу, где играл важную роль в разработке и осуществлении политики ослабления России путем поддержки пораженческих и сепаратистских сил; позже был советником в миссии графа Мирбаха в Москве (см. примеч. 43), а после его убийства и. д. главы миссии. 30 декабря началось обсуждение выработанного германской стороной проекта мирного договора, который содержал и территориальные требования Германии и ее союзников (см. примеч. 269 за 1917 г.). Интересно, что, хотя пока германские требования не имели формы ультиматума, Ленин тоже считал, что это фактически ультиматум, и настаивал на их принятии.

[3] Образ в произведении Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

[4] *Жорж* — член семьи Вилькенов.

[5] Прямые поезда Владивосток—Москва в описываемое время ходили не кружным путем к северу от китайской границы, как теперь, а по принадлежавшей России, а затем СССР до 1935 г. Китайско-восточной железной дороге через Маньчжурию.

[6] *Заем свободы* — последний консолидированный (т. е. поглощавший прежние) государственный военный заем, выпущенный 27 марта 1917 г. См.: *Apostol P. N.* Credit Operations // Russian Public Finance during the War. New Haven, 1928.

[7] То есть, вероятно, не котируемых на бирже, а имеющих (теоретически) постоянную ценность.

[8] См. примеч. 299 за 1917 г.

[9] Постановлением СНК от 20 декабря 1917 г. открытие Учредительного собрания было назначено на 5 января 1918 г. К манифестации 5 января призывал Союз защиты Учредительного собрания,

созданный в конце ноября с участием эсеров, народных социалистов, меньшевиков и кадет. Заявление против демонстраций было принято Петроградским советом 3 января.

[10] Это предположение Готье сбылось почти в точности. На выборах в Учредительное собрание большевики получили 24% голосов и соответственно (поскольку выборы были пропорциональными) из 707 (по другим данным 715) избранных их было 175; из присутствовавших на заседании около 410 членов — около 120. Ушли они после того как Учредительное собрание отказалось узаконить результаты Октябрьского переворота. В 5 часов утра 6 января (после 13-часового заседания) Учредительное собрание было (по распоряжению, полученному через члена СНК П. Е. Дыбенко) разогнано «охранявшим» его отрядом матросов под командой анархиста А. Г. Железнякова. В ночь с 6 на 7 января ВЦИК принял декрет о его «роспуске», а собравшийся вскоре 3-й съезд советов 18 января постановил устранить из текста советских узаконений ссылки на их временный, «до созыва Учредительного собрания», характер. Советское правительство перестало именоваться «Временным рабоче-крестьянским правительством».

[11] *Гоц Абрам Рафаилович* (1882—1940, умер в лагере) — член ЦК ПСР, июнь—октябрь 1917 г. — председатель ВЦИК 1-го созыва. В дни Октябрьского переворота член Комитета спасения родины и революции. См. биографические справки в кн. *Минувшее: Исторический альманах.* Вып. 7. Париж, 1989; в кн.: ПД 1917 и в кн.: Отечественная история...; Энциклопедия (ОИЭ). Т. 1. М., 1994.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878—1943) — член ЦК ПСР, председатель ИК Всероссийского совета крестьянских депутатов, Совета республики и Комитета спасения родины и революции. В описываемое время находился в заключении в Петропавловской крепости. Позднее эмигрировал. См.: ПД 1917; ОИЭ. 1.

[12] В Москве, как и в Петрограде, состоялась демонстрация в поддержку Учредительного собрания; обе были разогнаны.

[13] Кокошкин и Шингарев, арестованные 28 ноября, 5 января были переведены из Петропавловской крепости в Мариинскую больницу и там в ночь на 6-е убиты караулившими их солдатами (по другой версии — ворвавшимися в больницу матросами). См. воспоминания сестры Шингарева в приложении к его дневнику. (См. примеч. 296 за 1917 г.). По официальному сообщению, убийцы были обнаружены и арестованы. Но суда над ними не было и, вероятно, они были вскоре освобождены. О Кокошкине и Шингареве см. также: *Винавер М.* Недавнее: Воспоминания и характеристики. Париж, 1926 г.

[14] *Белецкий Степан Петрович* (1873—1918) — по образованию юрист, служил по Министерству внутренних дел (тайный советник), с 1914 сенатор; 1909—1912 — и. д. вице-директор Департамента полиции, 1912—1914 — и. д. его директора, 1915—1916 — товарищ министра внутренних дел. Имел репутацию беспринципного человека крайне правых взглядов, близкого к Распутину; принимал деятельное участие в организации «дела Бейлиса». В дни Февральской ре-

волюции арестован, вскоре после Октябрьского переворота освобожден; с началом «красного террора» (см. примеч. 277) опять арестован и 5 сентября 1918 расстрелян. См.: ОИЗ. 1.

Курлов Павел Григорьевич (1860—1923) — шталмейстер, генерал-лейтенант; военный прокурор, затем служил по Министерствам юстиции и внутренних дел. 1905—1906 — минский губернатор; в 1907 г. — и. о. вице-директора Департамента полиции и зав. Особым отделом (ведавшим охранными отделениями), затем и. д. директора Департамента; 1907—1909 — начальник Главного тюремного управления; 1909—1911 — товарищ министра внутренних дел и командир отделения корпуса жандармов; сентябрь—декабрь 1916 г. — опять товарищ министра внутренних дел. Трижды (в 1906, 1911 и 1915 гг.) увольнялся и обвинялся в серьезных служебных проступках, но всякий раз расследование прекращалось и он получал новое назначение, хотя и с понижением; подозревался в причастности к убийству Столыпина. 28 февраля 1917 г. арестован, тотчас после Октябрьского переворота освобожден, в августе 1918 г. эмигрировал. См. его воспоминания: «Гибель Императорской России». Берлин, 1923.

15 *«Московским осадным сиденьем»* часто называют пребывание Москвы в осаде силами второго Лжедимитрия в 1608—1610 гг.

16 Кокошкин был председателем комиссии Временного правительства по выработке закона о выборах в Учредительное собрание.

17 Банковские служащие бастовали в знак протеста против национализации банков.

18 *Никитюк Всеволод Станиславович* (по другим данным — Степанович) — зав. хозяйственной частью Румянцевского музея.

19 Ваганьковский переулок, переименованный в конце XIX в. в Малый Трехгорный, в обиходе местных жителей долго сохранял старое название.

20 Очевидно, автор хочет передать по-немецки выражение «чтобы свежевать русских свиней», полагаясь на смысловое сходство глагольных корней (доступные нам словари немецкого языка такого значения глагола frischen не дают).

21 «Россия, сильная у себя дома, грозная, пока борется с азиатскими народами, разобьется о Европу». *Кюстин — Custine Astolphe Louis Léonard*, marquis de (1790—1857), франц. путешественник и писатель, автор книги «La Russie en 1839» (Paris, 1843), которого цитирует Готье.

22 Храм Христа Спасителя, построенный в 1839—1883 гг. в память Отечественной войны 1812 г., находился между Волхонкой, Соймоновским проездом и Пречистенской набережной. Взорван 5 декабря 1931 г.; теперь его восстанавливают.

23 День св. Татьяны (12 января ст. ст.) — годовщина основания Московского университета. Отмечался как праздник университета и русского студенчества.

24 9 января Центральная рада провозгласила Украинскую народную республику независимым государством. Сепаратный мирный договор между УНР и Германией с ее союзниками был подписан в Брест-Литовске 27 января. См.: *Oleh S.* Fedyshyn Germany's Drive to

the East and the Ukrainian Revolution, 1917—1918 (New Brunswick, 1971).

[25] *«Черный блок»* — распространенное в либеральных кругах наименование темных личностей, старавшихся (главным образом через Вырубову и Распутина) влиять на царскую семью в своих интересах. Катков находит (Russia 1917, с. 209), что никакого единства, тем более политического, между ними не было.

Вырубова (урожд. Танеева) Анна Александровна (1884—1964) — с 1904 г. фрейлина императрицы Александры Федоровны; близкий друг царской семьи и Распутина. С 1920 г. в эмиграции в Финляндии. Недавно обнаружена ее переписка за последние годы жизни; последнее письмо датировано 1961 г. годом (устное сообщение С. М. Ляндреса). Книга под заглавием «Фрейлина Ея Величества: Интимный дневник и воспоминания А. Вырубовой». Рига, б. г. — сомнительной подлинности (хотя, возможно, и основана отчасти на каких-то подлинных материалах).

[26] 17 января после перерыва возобновились пленарные заседания мирной конференции в Бресте. Советскую делегацию опять возглавлял Троцкий.

[27] Войсковые правительства казачьих областей не признали Октябрьского переворота и Советского правительства, оказывали сопротивление большевистским войскам и попыткам переворотов в своих областях и до какой-то степени (особенно на Дону) поддерживали антибольшевистские начинания. Однако возвращавшиеся с фронта деморализованные казачьи части нередко примыкали к большевикам. В начале января в станице Каменской (теперь город Каменск-Шахтинский Ростовской обл.) состоялся «съезд фронтового казачества», на котором был образован Донской казачий военно-революционный комитет.

[28] То есть обе стороны понимали несерьезность, чисто формальный характер того, что делали.

[29] *Орановский Е. В.* — в описываемое время зам. наркома имуществ республики.

[30] Польские патриоты стремились к восстановлению польского государства в его исторических границах, а не к созданию нового государства на территории сплошного расселения поляков; обычно подразумевались границы 1772 г., т. е. до первого раздела Польши. Могилевская губерния была образована на части территории, отошедшей к России по первому разделу. 16 января на некоторых заводах Киева началось большевистское восстание против правительства Украинской народной республики. Большевистскими войсками Киев был занят 26 января.

[31] *Пастеровский институт* — научно-исследовательский институт иммунологии в Париже, основанный в 1886 г. Л. Пастером. Ж. Мальфитано был научным сотрудником этого института. Institut Francais de St. Petersbourg (на Гороховой ул.), основанный до войны, имел целью способствовать развитию франко-русских культурных связей. Такие институты в разных странах обычно создаются по инициативе французского правительства и содержатся на его средства.

[32] *«Фонарь»* — беспартийная газета, выходившая в Москве нерегулярно в 1917 и 1918 гг. (последний выпуск 12 марта 1918); закрыта большевистскими властями. *«Приазовский край»* — большая ежедневная «политическая, экономическая и литературная» газета левого направления, выходившая в Ростове-на-Дону в 1891—1918 гг. Документы, о которых идет речь, известны в литературе как «документы Сиссона» — по имени американского журналиста, при посредстве которого они получили широкую огласку (Edgar Sisson с ноября 1917 г. был петроградским представителем U. S. Committee on Public Information, официального информационно-пропагандистского ведомства США во время 1-й мировой войны). Так как, по-видимому, большинство из них были целиком или отчасти подложными, вся публикация оказалась дискредитированной, и до выхода книги Земана в науке господствовало мнение, что документальных данных о связи Ленина с германскими властями нет. См.: *Kennan George F.* The Sisson Documents. The Journal of Modern History. Vol. XXVIII, March—December 1956; *Старцев В. И.* Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб., 1994.

[33] 12 декабря 1917 г. Всеукраинский съезд Советов в Харькове провозгласил создание Украинской советской республики и объявил ее частью Российской советской республики. В декабре 1917 г. в Одессе был образован Румынский военно-революционный комитет, приступивший к формированию красных румынских частей (в Одессе и окрестностях были захвачены рум. военные склады). В январе эти части боролись в Бессарабии с оккупировавшей ее румынской армией.

[34] Декрет СНК, обычно называемый декретом об отделении церкви от государства, был принят 20 января. Постановлением второй сессии Поместного собора Русской православной церкви, открывшейся в эти же дни в Москве, он был определен как «акт открытого гонения против Церкви». Крестные ходы, состоявшиеся после декрета в Петрограде и др. городах, воспринимались большевиками как «контрреволюционные демонстрации».

[35] Всеукраинский съезд советов объявил Центральную раду «вне закона».

[36] *Петрово-Соловово Мария Михайловна* (1858—1940) — хозяйка дома, в котором жили Готье, из состоятельных дворян Тамбовской губ., фрейлина императрицы.

[37] *Мечников Илья Ильич* (1845—1916) с 1888 г. до конца жизни работал в Пастеровском институте в Париже.

[38] *Киселев Николай Петрович* (1884—1965) — выдающийся книговед и библиограф, по образованию филолог-романист. По окончании Московского университета (1910 г.) служил в библиотеке Румянцевского музея. В 1925—1930 заведовал отделом редких книг библиотеки; возможно, пострадал в связи с арестом Готье, но, кажется, тогда не был арестован. По-видимому, был арестован в 1939 г., реабилитирован в 1957 г.. См.: Книга: исследования и материалы. Сборник XII. М., 1966.

[39] *Православие, самодержавие, народность* — принципы, на кото-

рых должно строиться народное образование в России, сформулированные в 1833 г. министром просвещения С. С. Уваровым. Эта формула, часто называемая теорией официальной народности, выражала взгляды императора Николая I и стала основой политической доктрины российской монархии до 1905 г. и большинства позднейших русских монархических течений. См.: *Riasanovsky Nicholas V.* Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. Berkeley and Los Angeles, 1959.

40 Декрет был «одобрен» СНК 1 января 1918 г. и «подтвержден» ВЦИК 21 января; обычно называется декретом 21 января. Декретом этим аннулировались все государственные займы, заключенные прежними правительствами, как внутренние, так и внешние, а также все правительственные гарантии по займам предприятий и учреждений. Наряду с аннулированием облигаций прежних займов, декретом предусматривалась компенсация «трудовых» сбережений на сумму до 10 тыс. руб. облигациями нового займа.

41 С 27 декабря «Алексеевская организация», в командование которой вступил генерал Корнилов, стала именоваться Добровольческой армией. Известия, о которых говорит Готье, возможно, были связаны с переводом в эти дни Добровольческой армии (насчитывавшей в это время, по разным сведениям, от 2 до 4 тыс. бойцов) из Новочеркасска в Ростов-на-Дону. (*Деникин А. И.* Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова. М., 1991; *Португальский Р. М.* и др. Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.)

42 *«Жернов осельский»* (*церк.-слав.*), т. е. «ослиный» — верхний жернов, который крутил, ходя по кругу, привязанный к нему осел. В переносном смысле — душевная тяжесть.

43 *Мирбах — Mirbach Wilhelm, Graf von* (1871—1918) — германский дипломат (с 1911 г.), был посланником в Греции и представителем МИД в оккупированной Румынии; участник мирных переговоров в Брест-Литовске. С конца декабря 1917 г. глава германской делегации в Петрограде, затем официальный представитель в ранге посланника при Советском правительстве. См.: *Baumgart Winfried.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litovsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien, 1966. *Кейзерлинг — Keyserlingk, Walther, Freiherr von* — контр-адмирал, глава военно-морской миссии в делегации Мирбаха.

44 По-видимому, поезда между Киевом и Брянском в эти дни не ходили, так как это был район военных действий. Красная Армия заняла Киев 26 января.

45 Заявление Троцкого (в соответствии с его полномочиями) было сделано 28 января. В ответ Кюльман заявил, что «неподписание Россией мирного договора автоматически влечет за собой прекращение перемирия». 18 февраля началось наступление австро-германских войск.

ФЕВРАЛЬ

46 Декретом СНК от 24 января о введении в «Российской Респуб-

лике» «западноевропейского», т. е. григорианского, календаря постановлялось считать первый день после 31 января не 1 февраля, а 14-е. Переход Готье на новый календарь, хотя он и приветствовал эту меру, затянулся.

[47] *Ссудная казна* — государственное кредитное учреждение. Открытые в 1772 г., ссудные казны (их было всего две — в Санкт-Петербурге и Москве) имели целью в какой-то степени оградить малоимущих и людей среднего достатка от ростовщичества. Под залог драгоценных вещей в них можно было получить небольшой заем из сравнительно низких процентов. Очевидно, в ссудной казне еще можно было хранить драгоценности, беря под них денег взаймы.

[48] Готье имеет в виду то, что в России главные церковные праздники были нерабочими днями, а их было довольно много. О поместном соборе см.: *Curtiss John S.* The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. Boston, 1953.

[49] *Владимир* — в миру Богоявленский Василий Никанорович (1848—1918), духовный писатель и проповедник, доктор богословия; с 1886 в монашестве. В 1898—1912 гг. митрополит Московский, 1912—1915 митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, первоприсутствующий член Святейшего Синода, с 1915 митрополит Киевский и Галицкий. Придерживался крайне правых взглядов, но был убежденным противником Распутина. Убит в Киево-Печерской Лавре 25 (?) января. Об обстоятельствах убийства см.: *Степанов Владимир* (Русак). Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе. Ч. 1. М., 1980 — Valley Cottage, N. Y., 1987, с. 65—66.

Иванов Николай Иудович (1851—1919) — генерал от артиллерии, генерал-адъютант; после Февральской революции был не у дел. После Октябрьского переворота вернулся из Петрограда в Киев, где служил до войны. Слух о его убийстве оказался ложным.

[50] *Бартенев Сергей Петрович* (1863—1930) — пианист, профессор музыки в Николаевском сиротском женском институте Ведомства учреждений императрицы Марии в Москве.

[51] Большинство донских казаков, возвращавшихся с фронта, расходилось по домам, не желая принимать участия в начинавшейся гражданской войне. Не находя достаточной поддержки среди казаков в начатой им совместно с генералом Алексеевым борьбе, Каледин 29 января сложил полномочия войскового атамана и в тот же день застрелился. См.: *Kenez Peter.* Civil War in South Russia, 1918. Berkeley, 1971.

[52] Киев был взят Красной Армией 26 января; Центральная рада перебралась в Житомир, потом в Сарны (ж.-д. ст. в Ровенском уезде Волынской губ., с 1939 г. город в Ровенской обл.). При поддержке германских войск (на основании Брест-Литовского соглашения от 27 января) она вернулась в Киев 1 марта (н. ст.). См. книгу Баумгарта, упомянутую в примеч. 43.

[53] 2 декабря Бессарабский земский совет (состоявший главным образом из представителей левых партий) провозгласил образование независимой Молдавской народной республики. 6 января в Бессара-

бию вступили румынские войска, 13 января занявшие Кишинев, а в феврале всю территорию губернии. 13 января Советское правительство объявило о разрыве дипломатических отношений с Румынией. Постановлениями земского совета от 9 апреля (н. ст.) и 10 декабря 1918 г. Бессарабия была присоединена к Румынии. Австро-Венгерские территории, на которые претендовала Румыния, она получила: по Сен-Жерменскому мирному договору держав Согласия с Австрией (1919) Буковину, а по Трианонскому договору их с Венгрией (1920) Трансильванию и восточную часть Баната. С румынской точки зрения это был процесс объединения населенных главным образом румынами земель в одном государстве.

54 На общем собрании всех служащих был избран «Комитет служащих Государственного Румянцевского музея»; в 1919 г. он стал местной организацией Московского профсоюза работников советских, общественных и торговых учреждений, а в 1920, после разделения этого профсоюза, вступил в профсоюз работников искусств. В. Д. Голицын был избран председателем комитета на год, а затем дважды переизбирался (декретом ВЦИК и СНК от 10 декабря об уничтожении сословий и гражданских чинов был уничтожен и княжеский титул, так что официально он князем уже не был). Секретарем комитета был избран ученый секретарь музея К. А. Стратонитский.

55 После убийства И. П. Каляевым (1877—1905) великого князя Сергея Александровича (1857—1905, дяди Николая II) и присуждения его сенатом к смертной казни вдова убитого, великая княгиня Елизавета Федоровна (старшая сестра императрицы Александры Федоровны, 1864—1918) посетила его в тюрьме и уговаривала просить о помиловании, обещая ходатайствовать за него перед императором. 4 февраля была годовщина убийства.

56 Германское наступление началось 18 февраля (н. ст.) в 12 часов дня. Двинск (теперь в Латвии, по-латышски Daugavpils), уездный город Витебской губ. и крепость, был занят в первый же день наступления, 18 февраля. Гапсаль (теперь в Эстонии, по-эстонски Haapsalu), уездный город Эстляндской губ., был занят 22 или 23 февраля.

57 Возможно, автор до некоторой степени смешивает два разных явления. Белая гвардия, созданная финляндским Сенатом (правительством) в декабре 1917 г. для борьбы с образовавшейся летом Красной гвардией и предотвращения захвата ею власти, пользовалась поддержкой со стороны Германии. 5 марта на Аландских островах высадился отряд германских войск. Шведское же правительство поддерживало возникшее на Аландских островах (*швед.* Äland), населенных исключительно шведами, движение под лозунгом национального самоопределения, за отделение от Финляндии и присоединение к Швеции.

58-59 21 февраля СНК выпустил декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!».

60 В царствование Александра III немецкое влияние на российское правительство значительно уменьшилось. Переориентация на

Францию резко ослабила германское влияние на внешнюю политику. Во внутренней политике проводился в жизнь тезис «Россия для русских», что до некоторой степени ослабило позиции в правительственном аппарате не обрусевших немцев. Подорвано было до того почти неограниченное господство местного немецкого дворянства и бюргерства в Остзейских (прибалтийских) губерниях.

61 Минск был занят 21 февраля, Полоцк 25-го.

62 То есть, будучи оставленным при университете, приготовился к магистерскому экзамену по двум предметам.

63 *Курсы Полторацкой* — Московские частные высшие женские юридические и историко-филологические курсы В. А. Полторацкой, основанные в 1907 г.

64 *Грановский Тимофей Николаевич* (1813—1855) — выдающийся историк-медиевист и известный общественный деятель. О нем и других западниках см.: *Walicki Andrzej.* A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism. Stanford, 1979.

Станкевич Николай Владимирович (1813—1840) — историк, руководитель знаменитого «кружка Станкевича», средоточия московских гегельянцев 1830-х гг. См.: *Brown Edward J.* Stankevich and his Moscow Circle. Stanford, 1966.

Кетчер Николай Христофорович (1809—1886) — врач и литератор (выдающийся переводчик); в молодости входил в радикальный кружок Герцена и Огарева, позднее придерживался либеральных убеждений.

Корш Евгений Федорович (1810—1897) — журналист и переводчик; одно время входил в кружок Герцена, позднее разделял либеральные взгляды. Долгие годы (1862—1892) был предшественником Готье в должности библиотекаря Румянцевского музея.

Щепкин Михаил Семенович (1788—1863) — знаменитый актер Малого театра в Москве.

Афанасьев Александр Николаевич (1826—1871) — историк, литературовед; по образованию юрист; более всего известен как выдающийся исследователь русского фольклора.

65 Германский ультиматум был принят ВЦИК и СНК в ночь на 24 февраля.

66 *Муратов Николай Павлович* (1861—?) — действительный статский советник; служил по судебному ведомству, затем 1906—1912 — тамбовский, 1912—1915 — курский губернатор; с 1915 г. член Государственного совета по назначению, входил в группу правых.

67 Речь идет о ВЦИК, избранном 3-м Всероссийским съездом Советов в январе 1918 г. (всего было избрано 305 членов).

68 Псков был занят 26 февраля, Ревель (теперь по-эстонски Tallinn) днем раньше, Борисов (уездный город Минской губ., теперь в Минской обл. Белоруссии), по-видимому, в те же дни.

69 То есть ценных бумаг, в расчете на то, что обесценившие их советские декреты потеряют силу.

70 Метафора основана на евангельском тексте (Матф. XXVI. 35), где говорится о разделе по жребию одежд Иисуса Христа после распятия.

[71] Утренняя телеграмма СНК была вызвана недоразумением, разъяснившимся в течение 2 и 3 марта.

[72] В состав советской делегации, подписавшей мирный договор, входили: *Сокольников Григорий Яковлевич* [1888—1939 (погиб в заключении)] — глава делегации. Журналист, из интеллигентной семьи, высшее образование (юридическое и экономическое) получил в Париже; вернулся в Россию весной 1917 г. вместе с Лениным. С лета 1917 г. влиятельный член ЦК РСДРП(б) (10 октября избирался в Политбюро). Входил в состав делегации А. А. Иоффе, подписавшей 2 декабря в Бресте соглашение о перемирии. Был неизменным сторонником Ленина во внутрипартийной борьбе по вопросу о мире (ПД 1917). *Петровский Григорий Иванович* (1878—1958) — рабочий, депутат 4-й Государственной думы (1914—1917 в ссылке); в 1912 г. был кооптирован в большевистский ЦК, но в 1917 г. в него не попал. С 17 ноября 1917 г. народный комиссар внутренних дел (сменил на этом посту А. И. Рыкова, ушедшего из-за разногласий по вопросу об образовании «однородного социалистического правительства» (ПД 1917). *Чичерин Георгий Васильевич* (1872—1936) — чиновник из потомственных дворян и, можно сказать, потомственный дипломат (дипломатами были его отец и многие предки по матери из балтийско-немецких семей баронов Мейендорфов и графов Штакельбергов), с детства увлекавшийся дипломатическим искусством. Окончив СПб. университет по историко-филологическому факультету, с 1897 г. до эмиграции в 1904 г. служил в Архиве Министерства иностранных дел, где под руководством известного историка Н. П. Павлова-Сильванского работал над историей министерства. В 1905 г. большевик, с 1906 г. меньшевик. По возвращении в Россию в январе 1918 г. опять большевик, заместитель наркома иностранных дел; с 13 марта и. о. наркома, с 30 мая нарком иностранных дел. *Карахан* — см. примеч. 281 за 1917 г.

[73] М. Н. Покровский был членом делегации на мирных переговорах в декабре-январе (при Иоффе и Троцком). На последнем этапе (при Сокольникове) в переговорах не участвовал и мирного договора не подписывал. По наблюдениям Фокке (см. примеч. 281 за 1917 г.), Покровский больше других членов делегации заботился о территориальных интересах России.

[74] В качестве магистерской диссертации Пичета защищал первую часть своего исследования «Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве». Т. 1. М., 1915.

[75] Нарва была занята германскими войсками 4 марта. Готье мог считать это свидетельством того, что «мирный договор не ладится», так как Нарва за все время пребывания ее в составе Российской империи (с Петровских времен) не входила в Эстляндскую губернию (в описываемое время была заштатным городом Ямбургского уезда Петроградской губ.), а население ее (по данным 1910 г.) несколько более чем наполовину (51%) состояло из русских. Официально

Нарва отошла к Эстонии по советско-эстонскому мирному договору 2 февраля 1920 г.

[76] Советское правительство переехало в Москву 11 марта. Решение перенести столицу в Москву было принято ВЦИК в конце февраля, а 16 марта утверждено 4-м Всероссийским съездом советов.

[77] Сборник статей в честь М. К. Любавского (Петроград, 1917).

[78] Покровский входил во фракцию левых коммунистов, считавших принципиально недопустимым заключать мир с «империалистами». Генеральный консул США в Москве М. Саммерс (Maddir Summers) 31 марта телеграфировал в Государственный департамент (Министерство иностранных дел США), что Покровский ожидает, что Москва будет оккупирована в мае, а Советское правительство будет вынуждено отступить за Волгу и там воссоздавать свои силы (Enteen. Указ. соч., с. 25).

[79] Готье, вероятно, имеет в виду, что Покровский не стал профессиональным историком. С 14 ноября 1917 г. он был председателем Московского совета рабочих и солдатских депутатов; московским комиссаром по иностранным делам оставался до 20 марта, когда стал председателем образованного в этот день Московского областного Совета народных комиссаров.

[80] 13 марта Московский совет постановил закрыть высшие учебные заведения, а их преподавателей и студентов эвакуировать из города. На следующий день общее собрание старостатов шести крупнейших вузов решило «считать декрет... недопустимым вмешательством в область автономии высшей школы, а потому совершенно его игнорировать, ни в какие отношения с представителями Советской власти не входить». (Цит. по сб.: Память. Вып. 5. М., 1981; Париж 1982, с 412.) Как видно, постановление Моссовета не было приведено в исполнение.

[81] 5 марта Советское правительство направило правительствам стран Согласия и США ноту, в которой, между прочим, запрашивало, что они предприняли бы, «если бы Япония... попыталась захватить Владивосток...». Примерно тогда же в газетах стали появляться сообщения о предстоящей в ближайшее время высадке союзников на Дальнем Востоке. Первая высадка японцев (небольшого отряда морской пехоты) во Владивостоке произошла месяцем позже, 5 апреля. Известие об образовании правительства во главе с князем Львовым не соответствовало действительности.

[82] Кроме Э. Г. Бирона (1690—1772), фаворита Анны Иоанновны и фактического правителя России в ее царствование (1730—1740), выдуманные псевдонемецкие фамилии.

[83] То есть его книги «Русская история с древнейших времен». В 5 т. М , 1910—1914, первого обзора истории России с марксистской точки зрения.

[84] То есть начала Февральской революции.

[85] *Веселовский Степан Борисович* (1876—1952), в свое время окончивший юридический факультет Московского университета, в 1917 г. был удостоен университетом степени доктора истории русского права honoris causa (*лат.*, букв. «чести ради»), т. е. без защиты дис-

сертации. Годом избрания его профессором обычно указывается тоже 1917 г.

86 Речь идет о делегатах (1232 чел.), съехавшихся на Чрезвычайный 4-й Всероссийский съезд Советов, проходивший 14—16 марта.

87 *Штюрмер Борис Владимирович* (1848—1917) — обер-камергер, действительный тайный советник; с 1904 член Государственного совета (входил в группу правых); 20 января—10 ноября 1916 г. — председатель Совета министров, 7 июля—10 ноября — также министр иностранных дел. По отцу происходил из немецкой семьи (обрусевшей) и на этом основании подозревался в прогерманских симпатиях.

88 Брестский мирный договор был ратифицирован 4-м Всероссийским съездом Советов 15 марта.

89 Цитата из «Истории» древнегреческого историка Фукидида (V в. до н. э.).

90 Автор напоминает басню И. А. Крылова «Ворона и лисица».

91 Viehzucht (*нем.*) — скотоводство; Russisch[e]-Schweinzucht (*нем.*) — разведение русских свиней. Возможно, тут игра слов, так как нем. Zucht означает также «дисциплина», «повиновение», «принуждение».

92 *Камков (псевд.) — Кац Борис Давидович* (1885—1938, расстрелян), член ВЦИК, член ЦК левых эсеров; был против Брестского мира (ПД 1917).

93 *«Похвала глупости»* — сочинение Эразма Роттердамского.

94 *Jules Patouillet* — директор Французского института в Петрограде и руководитель группы «взаимопонимания»; *Fichelle* — молодой историк, прикомандированный к институту. Патуйе и его сотрудники с начала войны занимались пропагандой в русском обществе в пользу союзников. См.: *Pascal Pierre.* Mon journal de Russie 1914—1918. Lausanne, 1975. Г-жа Патуйе во время пребывания с мужем в России вела дневник, копия которого имеется в архиве Гуверовского института при Стэнфордском университете в Калифорнии.

95 «Больным человеком Европы», делами которого могут (а то и должны) заниматься совместно другие великие державы, называли в европейской публицистике второй половины XIX в. Оттоманскую империю.

96 Сводная рота латышских солдат (из лат. стрелковых полков, сформированных в 1915 г.) вместе с матросами и красногвардейцами охраняла советское правительство в здании Смольного института в Петрограде, в поезде во время переезда в Москву, а затем в Кремле.

97 *Тимашев Александр Егорович* (1818—1893) — в 1868—1878 министр внутренних дел.

98 Декрет о создании рабоче-крестьянской Красной Армии был принят СНК 15 января; тогда же была образована Всероссийская коллегия по организации и управлению РККА. Хотя в Брестском мирном договоре говорилось, что «Россия незамедлительно произведет полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством», организация Красной Армии продолжалась. В течение марта из расплодившихся к тому времени комиссариатов и коллегий был создан единый наркомат по военным делам, во главе которого 14 марта был

поставлен Троцкий; постановлениями СНК от 4 и 19 марта был создан и усовершенствован Высший военный совет, возглавляемый наркомом, для руководства военными операциями.

99 Вероятно, для курса историографии (см. примеч. 131).

100 *Шевяков Николай Львович* — архитектор Румянцевского музея.

101 Присылки этих офицеров требовал, еще будучи наркомом по иностранным делам, Троцкий в письме французскому послу Нулансу (см.: Pascal. Указ. соч., с. 265).

102 *Хвостов Вениамин Михайлович* (1868—1920) — профессор римского права на юридическом факультете Московского университета (который в свое время окончил). Кроме работ по специальности, автор общих трудов по социологии и по методологии истории.

103 *«Киевлянин»* — большая и влиятельная ежедневная литературно-политическая газета русско-националистического направления, выходившая в Киеве в 1864—1918 гг. Редактор — с 1879 профессор университета св. Владимира Д. И. Пихно, с 1911 видный член 2-й, 3-й и 4-й Государственных дум В. В. Шульгин (1878—1976). О нем см.: ПД 1917.

Номер «Русских ведомостей», вырезку из которого прилагает автор, оказался последним — в тот же день газета была закрыта. Под другим названием («Свобода России») продолжала выходить 11 апреля—6 июля 1918 г. Текст приложенной вырезки состоит из следующих заметок В. В. Шульгина о социалистах: «Социалисты воображали, что так называемая контрреволюция придет от рахитичных русских капиталистов или от мечтательных русских помещиков... Во имя этой несуществующей контрреволюции они расстреливали и уничтожали тот небольшой культурный класс, который в России единственно был носителем национальной гордости и готов был подвергнуться всем экспериментам «социализма», лишь бы сохранить независимой свою родину. Задача блестяще удалась. Людей, любивших свое отечество, смяли и растоптали из страха перед «ней». Но когда это было сделано, «буржуи» уничтожены, тогда-то и пришла «она»... Пришла сильная, спокойная, уверенная... И все эти жалкие людишки стали на колени и приветствовали ее появление. Контрреволюция пришла в образе немецких офицеров и солдат, занявших Россию. Тех немецких солдат, у которых «нервы оказались крепче».

104 На заседании совета Румянцевского музея было принято «Положение» об управлении музеем, согласно которому вместо совета учреждалась ученая коллегия, а председателем ее должен был быть председатель комитета служащих.

105 *Жилинский Яков Григорьевич* (1853—1918) — генерал от кавалерии, 1911—1914 — начальник Генерального штаба, затем командующий войсками Варшавского военного округа и Варшавский генерал-губернатор (в генерал-губернаторство входили все 10 польских губерний); с началом мировой войны главнокомандующий Северо-Западным фронтом, вскоре смененный за поражение в Восточной Пруссии.

[106] *Вормс Альфонс Эрнестович* (1868—1937) — юрист, окончил Московский университет, преподавал в СПб. политехническом институте, в 1906—1911 — приват-доцент Московского университета; уйдя из университета, преподавал в Московском коммерческом институте, с 1917 г. — опять в университете, где был профессором до 1928 г. Специалист по гражданскому (в частности, страховому) и крестьянскому праву. Когда был в правительстве (возможно, товарищем министра), установить не удалось.

[107] Речь, по-видимому, идет о захвате особняка графини Соллогуб чекистами (после образования Московской ЧК в начале марта или после переезда в Москву 10 марта Всероссийской ЧК).

[108] Всероссийский союз земельных собственников и сельских хозяев, зародившийся в 1905—1906 гг., был воссоздан в 1916 г. (для помощи в снабжении армии продовольствием) и организационно оформился весной 1917 г. Основная цель Союза — защита имущественных прав землевладельцев (в том числе состоятельных крестьян). Закрытый официально советскими властями в феврале 1918 г. спорадически действовал до конца гражданской войны (в местностях, занятых антибольшевистскими силами), а затем в эмиграции.

[109] *Риттих Александр Александрович* (1868—1930) — тайный советник, гофмейстер; окончил Александровский (бывш. Царскосельский) лицей, с 1905 г. служил по Главному управлению землеустройства и земледелия (с 26 октября 1915 г. Министерство земледелия), последний до Февральской революции (с 12 января 1917 г.) министр земледелия; с 1916 г. сенатор (ПД 1917).

[110] *Стучка Петр Иванович* (1865—1932) — в описываемое время (18 марта—22 августа 1918 г.) народный комиссар юстиции. Вормс имел репутацию человека либеральных взглядов.

[111] Императорский Российский Исторический музей в Москве (теперь Государственный Исторический музей) помещается в здании, замыкающем с севера Красную площадь.

[112] *Голубцов Иван Александрович* (1887—1966) — историк, археограф, архивовед и картограф; окончил Московский университет в 1910 г. (в основном ученик Богословского) и был оставлен при университете; сдал магистерский экзамен, но диссертации не успел защитить до отмены ученых степеней (только в 1963 г. получил докторскую степень). С 1912 г. преподавал на Высших женских курсах Полторацкой и (до 1925) в Московском университете (куда Курсы были влиты). С 1914 г. служил в Московском архиве Министерства иностранных дел, затем в других архивах. В 1930 г. арестован по «делу Платонова» (Звенья, 1, с. 222), скорее всего, сослан, а по возвращении в Москву в середине 30-х гг. работал по контрактам (главным образом по составлению исторических карт); с 1946 г. младший [!] научный сотрудник Института истории Академии наук. См.: И. А. Голубцов — ученый и человек // *Черепнин Л. В.* Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984.

Интерес Готье к экзамену, несомненно, объяснялся, в частности, тем, что в студенческие годы Голубцов работал и в его семинаре.

[113] Юрьевским с 1893 г. (после официального переименования города) назывался Дерптский университет (с 1919 г. Тартуский, по эстонскому названию города).

[114] Других сведений об этом обращении Ленина в библиотеку Румянцевского музея как будто нет. Широко известно его аналогичное (письменное) обращение 1 сентября 1920 г.

[115] *Калишевский Антон Иеронимович* (1863—1925) — библиотековед, окончил Московский университет, 1891—1908 — работал в библиотеке Румянцевского музея, 1908—1925 — директор университетской библиотеки.

[116] Новая структура библиотеки была принята на заседании Ученой коллегии музея в начале января 1919 г. и обрисована в докладе Готье «План устройства органов Румянцевского музея» на «библиотечной сессии» Наркомпроса в конце того же месяца.

[117] Интересно, что в это же время к мысли о «германской ориентации», (т. е. о сотрудничестве с Германией против большевиков) пришли многие члены Правого центра, образованного в Москве в марте.

[118] *Чичерин Борис Николаевич* (1828—1904) — крупнейший представитель западнического либерализма в русской мысли XIX в. Чичерины — старинный московский дворянский род.

[119] С мая 1917 до 6 июля 1918 г. левые эсеры, расходясь с большевиками идейно, тесно сотрудничали с ними политически. Многие продолжали сотрудничать и позже и даже вступили в РСДРП(б). См.: *Фельштинский Ю. Г.* Большевики и левые эсеры: октябрь 1917 — июль 1918. Париж, 1985.

[120] *Анахарсис* — у Геродота (IV.76.2) и других древних авторов скиф (у Диогена Лаэртийского (1.101) полугреческого происхождения), отправившийся в Грецию и пленившийся тамошними порядками.

[121] 5 апреля во Владивостоке высадились со стоявших в бухте судов две японские роты и полурота английской морской пехоты. Официальные цели высадки — защита иностранных подданных, устранение опасности со стороны находившихся в Сибири и на Дальнем Востоке австро-германских военнопленных и помощь эвакуации чехословацкого корпуса.

[122] *Гангле* (*швед.* Hangu, *фин.* Hanko) — небольшой портовый город и курорт на юго-западном побережье Финляндии, у входа в Финский залив. Германские войска (посланные по договоренности с финляндским правительством для помощи ему против Красной гвардии, пытавшейся захватить власть) начали высадку в Ганглё 3 апреля. Екатеринослав (с 1926 г. Днепропетровск) был занят австро-германскими войсками 4 апреля, Харьков — 8-го.

[123] *«Раннее утро»* — ежедневная политическая и литературная газета либерального направления, издавалась с 1907 г. в Москве на средства одного из братьев Рябушинских, крупных промышленников, банкиров и либеральных общественно-политических деятелей (прогрессистов); незадолго до революции перешла в собственность

известного издателя И. Д. Сытина. Закрывалась Московским военно-революционным комитетом 26 октября 1917 г.; окончательно закрыта 30 мая 1918 г.

124 Произвести полную демобилизацию военно-морского флота обязывал Советское правительство Брестский мирный договор, но в действительности этого сделано не было.

125 *Саблин Юрий Владимирович* (1897—1937 [? — погиб в заключении]) — прапорщик, в марте—апреле 1918 командовал 4-й Красной Армией. В 1917—1918 гг. был левым эсером, в РСДРП(б) вступил в 1919 г. О нем см.: *Рапопорт В., Алексеев Ю.* Измена Родине. Очерки по истории Красной Армии. Л., 1988.

Из австро-венгерских и германских военнопленных в 1917—1920 гг. было создано много красногвардейских и красноармейских формирований. Мотивы участников были различны: одни подпадали под влияние большевистской пропаганды и воодушевлялись идеей мировой революции, другие видели в борьбе на стороне большевиков продолжение борьбы против держав Согласия (сначала России, а затем государств, помогавших антибольшевистской стороне в гражданской войне).

126 Декрет ВЦИК (или ВЦИК и СНК?) «О социализации земли» был принят 27 января. В нем, в частности, говорилось: «Всякая собственность на землю [...] в пределах Российской Федеративной Советской Республики отменяется навсегда». Эта формулировка была взята почти буквально из программы по земельному вопросу ПСР; народным комиссаром земледелия в это время (24 ноября 1917—18 марта 1918) был левый эсер А. Л. Колегаев (1887—1937, расстрелян) (ПД 1917); по некоторым сведениям, текст декрета был написан зам. наркома, тоже левым эсером, И. А. Майоровым (1891—1941, расстрелян) (ПД 1917).

127 Саркастическое искажение фамилии Луначарского (от *лат.* lupanar — дом терпимости), ходившее среди интеллигенции (по крайней мере, до конца 1930-х гг.). Не исключена возможность, что эта запись Готье — первое по времени письменное свидетельство.

128 *Янчук Николай Андреевич* (1859—1921) — этнограф и филолог, исследователь культуры славянских народов; окончил Московский университет, 1889—1903 — секретарь Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, 1899(?)—1916 — редактор журнала этого общества «Этнографическое обозрение». С 1892 г. хранитель Дашковского этнографического музея, входившего (до 1924 г.) в состав Румянцевского музея. С 1919 г. профессор Московского университета; один из организаторов (1918 г.) Белорусского научно-культурного общества и Бел. народного университета в Москве, затем Белорусского государственного университета в Минске, где в 1921 г. был профессором.

129 *Репнин Николай Васильевич, князь* (1734—1801) — дипломат и полководец, в 1763—1768 гг. посланник в Варшаве. Бесцеремонно вмешивался во внутренние дела Польши, используя находившиеся на территории Польши российские войска для давления на польское правительство.

[130] О взаимоотношениях между большевиками и анархистами и о вооруженной борьбе между ними в ночь с 11 на 12 апреля см.: *Avrich Paul.* The Russian Anarchists. Princeton, 1967. Хотя большинство захваченных анархистами зданий было взято без боя, в некоторых местах они оказали серьезное сопротивление; при штурме «дома анархии», т. е. здания Купеческого клуба (теперь Театр имени Ленинского комсомола) на М. Дмитровке с обеих сторон была даже пущена в ход артиллерия.

[131] Рукопись этого курса, который Готье удалось прочесть только один раз, сохранилась в его бумагах в архиве Академии наук (Московское отделение Архива РАН, ф. 491).

[132] Колонна на Вандомской пл. (Place de Vendôme), установленная в честь побед Наполеона I, была стащена с пьедестала по декрету Парижской коммуны от 12 апреля 1871 г. (позднее восстановлена). 12 апреля 1918 г., в годовщину декрета Парижской коммуны, СНК принял декрет (обычно упоминаемый под упрощенным названием «О памятниках республики»), который предписывал убирать с площадей и улиц памятники, воздвигнутые «в честь царей и их слуг». На основании этого декрета в течение десятилетий по всей стране было разрушено множество памятников.

[133] *Армантьер* — город на севере Франции, бóльшую часть войны был в трех км. позади британских позиций

[134] *Петровско-Разумовское* — бывшее подмосковное имение (к 1917 г. в пределах города) графов Разумовских, где с 1865 г. находилась Петровская (с 1923 г. Тимирязевская) сельскохозяйственная академия.

[135] *Проконсул* — должностное лицо в древнем Риме, правитель страны (обычно завоеванной), превращенной в провинцию.

[136] Германские войска заняли юго-запад Курской губернии, но до Курска не дошли.

[137] *Гуковский Исидор Эммануилович* (1871—1921) — член РСДРП с 1898 г., большевик, в 1917 г. казначей большевистского ЦК; с апреля 1918 г. нарком финансов.

[138] Ленский расстрел произошел 4 апреля 1912 г.; по новому стилю годовщина падала на 17 апреля.

[139] Батумская область по Брестскому мирному договору отходила к Турции. Закавказские власти (см. ниже) не признавали Брестского договора, но не могли сопротивляться турецкому наступлению (тем более что мусульманское население Закавказья было на стороне Турции). Турецкие войска заняли Батум без боя в ночь на 15 апреля. Созданный 15 ноября 1917 г. в Тифлисе Закавказский комиссариат (краевое правительство) созвал 23 февраля 1918 г. Закавказский сейм, который в марте объявил об отделении Закавказья от большевистской России, а 22 апреля провозгласил образование Закавказской демократической федеративной республики. В комиссариате, сейме и правительстве ЗДФР наибольшим влиянием пользовались грузинские меньшевики.

[140] Начало стиха из «Божественной комедии» Данте (Ад, V, 121—123): «Nessun maggior dolore/ Che ricordarsi del tempo felice/ Nella mis-

eria» (в переводе Д. Д. Минаева: «Нет большего мученья,/ Как о поре счастливой вспоминать/ В несчастье».).

141 Очевидно, Готье и его близкие решили попытаться использовать положения декрета ВЦИК «О социализации земли» (опубликован 19 февраля) о порядке распределения национализированных земель. Судя по дальнейшим записям в дневнике, это им на какое-то время удалось.

142 *«Троцкая» — Седова Наталья Ивановна* (1882—1962), вторая жена Л. Д. Троцкого. С июня (?) 1918 г. зав. музейным отделом Наркомпроса. В 1929 г. вместе с мужем выслана из СССР; умерла в Мексике. *«Киевская мысль»* — влиятельная ежедневная политическая и литературная газета демократич. направления (1906—1918); среди сотрудников были социал-демократы, в том числе Троцкий, бывший несколько лет иностранным корреспондентом (во время войны писал из Парижа). По-видимому, Троцкий хотел просмотреть свои корреспонденции военного времени.

143 По переезде в Москву Советское правительство разместилось в здании Судебных установлений (бывшее здание Сената в Кремле).

144 *Яковлев Иван Яковлевич* (1848—1930) — отец А. И. Яковлева, педагог, крупнейший деятель чувашского просвещения. Основатель (1868 г.) и бессменный руководитель Симбирской чувашской учительской школы (с 1917 учитель семинарии), ставшей главным центром светской чувашской культуры; 1875(?)—1903 гг.— также инспектор чувашских школ Казанского учебного округа (в который входила и Симбирская губерния). Отец Ленина, И. Н. Ульянов (1831—1886), бывший с 1869 г. инспектором, а с 1874 г. — директором народных училищ Симбирской губ., способствовал деятельности Яковлева в своей губернии, и они были знакомы семьями. Этим объясняется, что, когда Чувашское национальное общество попыталось устранить Яковлева от руководства семинарией (и отпочковавшимися от нее женскими курсами), его сын обратился к Ленину, который принял его 20 апреля. В конце апреля А. И. Яковлев виделся с Лениным по этому вопросу вторично, Ленин распорядился послать вторую телеграмму в Симбирск и 4 мая получил ответную телеграмму с сообщением, что И. Я. Яковлев оставлен в должности. Позднее Ленин еще раз принял участие в его судьбе: 28 мая 1919 г. он направил телеграмму симбирской губернской ЧК с распоряжением не выселять Яковлева и его жену из квартиры. Телеграммы Ленина см. в ПСС, тт. 50 и 51; см. также: *Владимир Ильич Ленин.* Биографическая хроника. Т. 5.

145 Речь идет о защите Пичетой в качестве докторской диссертации второй части исследования «Аграрные реформы Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве» (т. 2, М., 1917).

146 Новейшее исследование процесса строительства Красной Армии — *Hagen, Mark von.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917—1930. Ithaca, 1990.

147 Фотоателье И. и Д. Дациаро (Daziaro) помещалось на Кузнецком мосту, д. 7; магазин произведений печати и картин В. Чекато в Камергерском пер., д. 6.

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867—1942) отличался нескромным поведением.

148 Готье говорит о речи Ленина в Московском совете 23 апреля, которая была напечатана в «Правде» и «Известиях» на следующий день (ПСС, т. 36).

149 Декрет СНК «О национализации внешней торговли» был принят 22 апреля. Книжный магазин Н. Ф. Лидерта находился на Петровских линиях, д. 4.

150 *Штернберг Павел Карлович* (1865—1920) — с марта 1918 г. (после переезда Советского правительства в Москву) член Государственной комиссии по просвещению и зав. отделом высших учебных заведений Наркомпроса. Об этих учреждениях см.: *Кейрим-Маркус М. Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 — середина 1918 гг.). М., 1980. См. также: *Fitzpatrick Sheila.* The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and the Arts under Lunacharsky, October 1917—1921. Cambridge, 1970. Подготовленный в его отделе проект реформы высшей школы Штернберг изложил на заседании Государственной комиссии 20 апреля. По словам Луначарского (который и сам видел в них мало хорошего), страсть Ш. к реорганизации университетов казалась почти неестественной для ученого. Историко-филологические и юридические факультеты были закрыты в конце 1918 г.

151 Упомянутый выше декрет СНК от 12 апреля предусматривал, в осуществление высказанной незадолго перед тем идеи Ленина о «монументальной пропаганде», сооружение памятников революционерам и другим «прогрессивным» деятелям. Памятник Марксу в Пензе (не сохранился ?) был, кажется, первым памятником такого рода.

152 Германские войска заняли Симферополь 22 апреля.

153 *Чаплыгин Сергей Алексеевич* (1869—1942) — 1903—1911 гг. и с 1917 г. — профессор Московского университета по кафедре прикладной математики; член КДП, во время войны активный член Московского городского комитета Всероссийского союза городов. В 1905—1918 гг. был директором Московских высших женских курсов, которые часто называли Чаплыгинскими.

154 Совет всероссийских кооперативных съездов был учрежден на съезде в марте 1917 г. (хотя сами съезды созывались с 1908) для руководства нехозяйственной деятельностью кооперативов. Грабарь Игорь Эммануилович (1871—1960) — живописец, искусствовед и общественный деятель; с 1913 г. — попечитель, председатель совета хранителей Третьяковской галлереи. После Февральской революции был сторонником создания «Министерства изящных искусств;» продолжал действовать в том же духе и после Октябрьского переворота (см. исследования, упомянутые в примеч. 150). 3 июня 1918 г. Третьяковская галлерея (которая в 1892 г. была пожертвована П. М. Третьяковым городу Москве) была декретом СНК национализирована (т. е., отобрана у города), а 17 июня Луначарский назначил Грабаря ее директором. *Эфрос Абрам Маркович* (1888—1954) — искусствовед, литературовед, переводчик, в описываемое время один из хранителей Третьяковской галереи.

155 Речь идет о гулянье в Вербное воскресенье. Усачевско-Чернявское училище — см. примеч. 294 за 1917 г.

156 Иронический намек на известное утверждение Ленина, что после успешной социалистической революции функции государства так упростятся, что их сможет исполнять «каждая кухарка».

157 *Черепнин* — возможно, Н. А. Черепнин, крупный специалист по архивному делу.

158 Вывешивание плакатов такого рода было частью политики «монументальной пропаганды», осуществление которой началось с подготовки к празднованию 1 мая 1918 г.

159 *Нескучный дворец* — внушительное здание в неоклассическом стиле (строилось с 1756 г.), окруженное парком, на Б. Калужской ул. (с 1957 г. часть Ленинского проспекта). С 1934 г., когда главные учреждения Академии наук были переведены в Москву, в нем помещался Президиум Академии.

160 *Малиновская Елена Константиновна* (1870—1942) — общественная и театральная деятельница, жена П. П. Малиновского, с 1905 г. большевичка. После Октябрьского переворота комиссар московских театров, затем управляющий московскими театрами, с 1920 г. академическими театрами; позднее была директором Большого театра.

161 Памятник генералу М. Д. Скобелеву (1843—1882) был поставлен в 1912 г. на Тверской пл. (которая по этому поводу была переименована в Скобелевскую), там, где с 1954 г. находится памятник Юрию Долгорукому. Памятник Александру III работы А. М. Опекушина (тоже установленный в 1912 г.), находился к северо-востоку от храма Христа Спасителя, недалеко от Румянцевского музея.

МАЙ

162 Вероятно, это одно из первых по времени свидетельств о зарождавшейся склонности к доносительству. До 1917 г. доносительство такого рода было редким явлением.

163 Официальный флаг императора как главы государства (черный государственный орел на желтом прямоугольном полотнище), поднимавшийся над Большим Кремлевским дворцом во время пребывания в нем императора.

164 Едва ли не самое раннее свидетельство о стихийной тактике пассивного сопротивления большевистскому режиму.

165 Речь идет о переговорах с представителями Германского правительства членов Правого (иначе Московского) центра. Некоторые сведения об этих переговорах содержатся в воспоминаниях В. И. Гурко «Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу» // Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924. Гурко, Владимир Иосифович (1863—1927) — брат генерала Василия Иосифовича Гурко, действительный статский советник, камергер, тверской уездный предводитель дворянства; в 1906 г. — товарищ министра внутренних дел (П. А. Столыпина) и зав. земским отделом министерства, принимал деятельное участие в подготовке столыпинской земельной ре-

формы; 1912 г. — член Государственного совета по выбору от Тверского земства (входил в группу правых). В описываемое время один из руководителей Правого центра, в котором представлял Союз земельных собственников.

[166] *«Марков 2-й»* (на публицистическом жаргоне думского и последумского времени; первоначально для отличия от однофамильца) — *Марков Николай Евгеньевич* (1866—1943), один из лидеров черносотенства, депутат 3-й и 4-й Государственных дум (товарищ председателя фракции правых), где прославился скандальными выступлениями о «жидо-масонах» и т. п.

[167] *Денежный пер.* — между Арбатом и Б. Левшинским пер. (с 1939 г. ул. Щукина).

[168] Севастополь и Феодосия были заняты германскими войсками 30 апреля. Оборона Севастополя во время Крымской войны продолжалась с октября 1854 до сентября 1855 г.

[169] Декрет ВЦИК от 27 апреля об отмене наследования был опубликован 3 мая. Наследование отменялось как по закону, так и по завещанию; имущество умершего переходило в собственность государства. Незначительные имущества (до 10 тыс. рублей), главным образом крестьян и ремесленников, могли поступать «в управление и распоряжение» наличных родственников. Право наследования было восстановлено (с тем же пределом в 10 тыс. руб.) с введением в действие нового Гражданского кодекса 1 января 1923 г.

[170] Имение знакомого Готье Г. Шварца недалеко от Загранья.

[171] Отношения между Центральной радой и германскими властями испортились после подписания 23 апреля германо-украинского экономического договора, более выгодного для Германии. В результате 29 апреля Центральная рада была упразднена.

[172] В начале декабря 1917 г. СНК утвердил новое положение о земельных комитетах, по которому земли, имущество сельскохозяйственного назначения и постройки «нетрудовых» хозяйств переходили в «ведение и распоряжение» этих комитетов, которые должны были «изъять» их из владения частных лиц. Весной 1918 г. земельные комитеты были превращены в земельные отделы советов.

[173] *«Французская книга»* Готье, о работе над которой он не раз упоминает в дневнике, напечатана не была. Закончил ли он ее и сохранился ли ее текст, нам неизвестно.

[174] *«Накануне»*. Еженедельник политики, литературы и общественной жизни, несколько выпусков которого вышло весной 1918 г. в Москве, издавался Ю. Н. Потехиным, Ю. В. Ключниковым и Н. В. Устряловым, будущими инициаторами сменовеховства. По его содержанию, о котором пишет Готье, прослеживается связь между основными мыслями «Вех» (1909) и «Смены вех» (1921). См.: *Устрялов Н.* Под знаком революции. Харбин, 1925. «Накануне» называлась также ежедневная сменовеховская газета, выходившая в 1922—1924 гг. в Берлине, в руководстве которой принимали участие Ключников и Потехин.

[175] *Лимены* (с 1944 г. Голубой Залив) — урочище и селение около курортного поселка Симеиз на Южном берегу Крыма.

[176] Одновременно с упразднением Центральной рады (29 апреля) генерал П. П. Скоропадский, избранный (при поддержке германских оккупационных властей) в тот же день на «съезде хлеборобов» в Киеве гетманом Украины, провозгласил создание (вместо Украинской народной республики) Украинской державы (государства) с гетманской (т. е. квазимонархической) формой правления. Гетманское правительство (коалиция правых и либералов, в том числе видных кадет) стремилось охранять (и восстанавливать, где они были попраны) имущественные права состоятельных слоев населения. С этим, вероятно, и были связаны надежды москвичей, о которых пишет Готье.

[177] Термин «гласные» в отношении депутатов советов официально не употреблялся.

[178-179] Кроме высадки англичан и японцев во Владивостоке, Готье, возможно, имеет в виду движение в апреле — первой половине мая отряда забайкальских казаков под командованием есаула Г. М. Семенова из Маньчжурии на Читу (до которой они не дошли) и образование Временного забайкальского правительства во главе с Семеновым. Однако, вскоре войска Забайкальского правительства были разбиты частями образованного для борьбы с ними Даурского фронта Красной Армии, и Семенов вынужден был опять отступить в Маньчжурию.

[180] Ялта была занята германскими войсками 1 мая. Освобожденные члены императорской семьи (жившие с лета или осени 1917 г. в принадлежавших им имениях на Южном берегу Крыма) вскоре эмигрировали и таким образом избежали расправы, постигшей в 1918—1919 гг. большинство их родственников, оказавшихся под большевистской властью. Некоторые подробности прихода германских войск и освобождения членов императорской семьи сообщает генерал Врангель. См.: Белое дело: Летопись белой борьбы. Кн. 5. Берлин, 1928; перепечатана как отдельное издание: Воспоминания генерала барона П Н. Врангеля. Франкфурт-на-Майне, 1969, и М., 1992.

[181] Линия Москва—Нижний Новгород в описываемое время была частью Московско-Курской, Нижегородской и Муромской железной дороги. Прямая линия на Казань (через Арзамас) была открыта через несколько месяцев; заволжская линия (Казань—Екатеринбург) в это время строилась.

[182] Проектировавшийся филиал был открыт как самостоятельный (второй в Сибири) университет в том же году при антибольшевистском правительстве П В. Вологодского

[183] Литературно-издательский отдел Наркомпроса был образован в середине ноября 1917 г.; существовал до 14 мая 1919 г., после чего вошел в созданное тогда Государственное издательство. О собрании 20 мая см. также упомянутую выше книгу Fitzpatrick, с. 134—135.

[184] После переезда Советского правительства в Москву Наркомпрос занял помещение Катковского лицея на Остоженке, д. 57. Катковским (по имени его вдохновителя, знаменитого публициста М. Н. Каткова) в обиходе назывался Императорский в память цесаревича

Николая лицей, открытый в 1868 г. Лицей состоял из гимназических классов (с расширенной по сравнению с гимназиями программой) и университетских, дававших образование в объеме юридического факультета. Отличительной чертой его была также заимствованная из практики Оксфордского и Кембриджского университетов так называемая туториальная система обучения и воспитания, при которой в центр внимания ставится личность учащегося. Лицей, по-видимому, был закрыт еще до переезда Наркомпроса в Москву.

185 Автор имеет в виду только что вышедшую книгу «Большевики Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 г. бывш. Московского Охранного Отделения» (М., 1918; 3-е изд., М., 1990) под ред. М. А. Цявловского. В книге было опубликовано немало документов, далеко не лестных для большевиков; портрет Крупской (как и других большевистских деятелей) — полицейская фотография арестованной; редактор, *М. А. Цявловский* (1883—1947) — известный литературовед.

186 *Сакулин Павел Никитич* (1868—1930) — известный литературовед, сочувствовавший советской власти и сотрудничавший с ее учреждениями. *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873—1924) — поэт-символист с неустойчивыми политическими взглядами. В 1910—1912 гг., будучи литературным редактором журнала «Русская мысль», разделял «веховские» взгляды редактора журнала П. Б. Струве (см.: *Pipes Richard*. Struve: Liberal on the Right, 1905—1944 [Cambridge MA, 1980]). В описываемое время сотрудник литературно-издательского отдела НКП; позднее занимал в этом наркомате руководящие посты, в том числе короткое время председатель Главного управления по делам литературы и издательств («Главлита», т. е. цензурного ведомства; смещен за недостаточно твердое проведение официальной политики); с августа 1918 действительный член Социалистической академии общественных наук; с 1919 член РКП(б). *Вересаев (псевд.) — Смидович Викентий Викентьевич* (1867—1945), известный писатель, с 1890-х гг. марксист; свойственник Луначарского. *Чертков Владимир Григорьевич* (1854—1936) — общественный деятель, после смерти Л. Н. Толстого фактически возглавлял толстовское движение, в 1917—1920 редактор журнала «Голос Толстого и единение». *Сытин Иван Дмитриевич* (1851—1934) — книжный деятель просветительского направления, к 1917 г. владелец крупнейшего в стране издательского, печатного и книготоргового дела. Его предприятия были «национализированы» (конфискованы) и поступили в ведение литературно-издательского отдела, а затем в значительной степени на их материальной основе было образовано Государственное издательство. Озабоченный судьбой издательского дела, Сытин сотрудничал с Наркомпросом в его преобразовании, а затем был консультантом Госиздата. См.: Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982.

187 *Лебедев-Полянский (псевд.) — Лебедев Павел Иванович* (1881—1948), член РСДРП с 1902 г., большевик, профессиональный революционер; последователь А. А. Богданова (член группы «Вперед», сторонник теории «пролетарской культуры»), близкий сотрудник Луначарского. Первое время в НКП было несколько «комиссаров;» Ле-

бедев-Полянский был комиссаром литературно-издательского отдела за все время его существования.

188 Декретом ВЦИК от 29 декабря 1917 г. «О государственном издательстве» литературно-издательскому отделу НКП предоставлялось право объявлять свою монополию на издание произведений любого автора, в первую очередь — классиков литературы и науки. Инициатором декрета был Лебедев-Полянский, который впоследствии ставил себе в заслугу его проведение.

189 В январе при литературно-издательском отделе была сформирована литературно-художественная комиссия с участием ряда видных писателей и художников (она, между прочим, приняла решение о печатании всей издававшейся литературы по новой орфографии). С переездом наркомата в Москву деятельность комиссии в Петрограде прекратилась, а в Москве из-за настроений, проявившихся на описываемом собрании, новую комиссию удалось образовать только в июле.

190 *«Императивная категория»* — вместо «категорический императив» (основное понятие этики Канта); «о куран» — au courant (*фр.*: «в курсе», произнесенное с сильным русским акцентом); «au fond» вместо «à fond» (*фр*: «в сущности» вместо «основательно»). Как видно из приводимых Готье примеров, Лебедев-Полянский, вышедший из полуграмотной мещанской семьи, учившийся в духовной семинарии (где новая философия не преподавалась, а новые языки не входили в число обязательных предметов) и на медицинском факультете Юрьевского университета (где после перевода преподавания с немецкого на русский язык требования к поступающим нередко снижались), был полуинтеллигентом; не помогло и проживание в 1908—1917 гг. в Женеве. Несмотря на это, он возглавлял (1921—1930) Главлит, был действительным членом Социалистической (позже Коммунистической) Академии общественных наук, профессором Московского университета, главным редактором Литературной энциклопедии, а с 1946 г действительным членом Академии наук СССР.

191 *Иванов-Разумник (псевд.) — Иванов Разумник Васильевич* (1878—1946), литературовед и историк общественной мысли; по образованию математик Последователь П Л. Лаврова, Иванов-Разумник рассматривал историю русской общественно-политической мысли как историю борьбы «интеллигенции» с «мещанством». В 1917—1918 гг. возглавлял революционно-романтическую группу писателей «Скифы»; в 1919 г. один из организаторов Вольной философской ассоциации («Вольфила») в Петрограде (о ней см.: *Гаген-Торн Н. И.* Вопросы философии, 1990, № 4). Во время Второй мировой войны эмигрировал, умер в Германии. См. его воспоминания Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953.

192 *Никольские ворота* — ворота Кремля под Никольской башней в северо-западном углу Красной площади. Ильинка расположена между юго-восточным углом Красной площади (против Спасской башни) и Ильинскими воротами (разобранными в 1934 г. воротами китайгородской стены. Никольская ул. — между северо-восточным углом Красной площади (против Никольской башни) и Лубянской

площадью. Иверские ворота в проходившей тут в прошлом стене Китай-города находились в Воскресенском (с 1922 г. Историческом) проезде у северо-восточного угла Красной площади. В 1930-х гг. ворота и находившаяся между их арками часовня Иверской иконы Божией Матери (одной из наиболее почитаемых православными святынь в Москве) были снесены «для расширения проезда с площади Революции [до 1918 г. Воскресенской] на Красную площадь». В настоящее время восстановлены.

193 Ключевский умер 12 мая 1910 г. и похоронен на кладбище Донского монастыря. Донской-Богородицкий мужской монастырь (основан в 1591 г. на месте победы в том же году над крымским ханом Казы-Гиреем) находится в Замоскворечье; до последнего времени в нем расположен филиал Музея архитектуры им. А. В. Щусева.

194 Газета «Русские ведомости» запрещалась большевистскими властями 26 октября 1917, 27 марта (или 3 апреля), 30 мая и, наконец, 9 июля 1918 г. В апреле и мае выходила под названием «Свобода России». Львов Лоллий Иванович (1888 — не ранее конца 1950-х гг.) — литератор; позднее эмигрировал. Заголовок статьи — «Ключевский о России». *Струве П. Б.* Patriotica: Политика, культура, религия, социализм. СПб, 1911. Об этом сборнике статей Струве 1907—1909 гг. см. его биографию, упомянутую в примеч. 186.

195 *Веневитинов* — см. примеч. 301 за 1917 г. *Муромцев Сергей Андреевич* (1850—1910) — выдающийся юрист и общественно-политический деятель. Ученик Иеринга, воспринявший также многое из английской юридической мысли; разрабатывал психолог. основы права, роль личности, соотношение права и справедливости. Долголетний председатель Московского юридического общества и редактор «Юридического вестника», стремился готовить профессиональных законодателей для будущей парламентской работы. Как председатель 1-й Государственной думы много сделал для выработки думского регламента и установления процедурных норм. Будучи против «Выборгского воззвания», подписал его из солидарности с др. депутатами, чем лишил себя возможности дальнейшей думской деятельности. В последние годы жизни председатель правления Народного университета им. А. Л. Шанявского. Говоря о памятнике Муромцеву в Донском монастыре как символе КДП, Готье имеет в виду, что она не смогла стать массовой партией. См.: *Emmons Terence.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge MA, 1983.

196 *Рязанов (псевд.) — Гольдендах Давид Борисович* (1870—1938 [арестован в 1931 г., затем в 1937 г.; погиб в заключении]), профессиональный революционер и крупнейший марксовед. В 1900—1905 и 1907—1917 гг. в эмиграции. До лета 1917 г. внефракционный с.-д., осенью 1917 г. один из виднейших представителей большевиков в профсоюзах и различных органах «революционной демократии», после 2-го съезда советов член ВЦИК. Рязанов не был «приятелем» Ленина и почти всегда расходился с ним идейно и политически. Марксоведческие исследования, о которых догадывается Готье, Рязанов начал в эмиграции, там же принялся за подготовку полного собрания сочинений

Маркса и Энгельса, издание которого (на языках оригиналов и в русском переводе) в значительной степени осуществил в созданном им в 1921 г. Институте К. Маркса и Ф. Энгельса. За границей же им были написаны «Англо-русские отношения в оценке К. Маркса» (с критикой высказываний Маркса об истории и внешней политике России) и «К. Маркс и русские люди сороковых годов». См. о нем: Гранат; Память, вып. 1—4; Минувшее, 3, 7, 10; Звенья, Вып. 1, 2 (по указателям). 2 апреля 1918 г. Рязанов, бывший одним из руководителей Наркомпроса, был назначен председателем образованного тогда Центрального комитета по управлению архивами. 22 мая была образована комиссия с участием Рязанова по централизации архивного и библиотечного дела, которой, в частности, было вменено в обязанность созвать совещание с участием представителей заинтересованных ведомств и специалистов. Совещание состоялось 27—28 мая.

Самоквасов Дмитрий Яковлевич (1843—1911) — историк права, архивист, известный археолог. С 1892 г. управляющий Московским архивом Министерства юстиции. Его «Архивное дело в России» (В 2 т., М.) вышло в 1902 г.

197 21 апреля в ходе восстания донских казаков против большевистской власти было создано Временное донское правительство. «Круг [съезд] спасения Дона» (11—18 мая) избрал войсковым атаманом Всевеликого войска Донского генерал-лейтенанта П. Н. Краснова (1869—1947).

198 Постановление о введении в Москве военного положения было принято СНК 29 мая «ввиду обнаруженной связи московских контрреволюционных заговорщиков, в центре коих стоят правые социалисты-революционеры, с восстанием погромных банд в Саратове, мятежом казачьего генерала Краснова на Дону и восстанием белогвардейцев в Сибири, а также ввиду разнузданной агитации контрреволюционеров, стремящихся использовать продовольственные затруднения народа в интересах восстановления власти капиталистов и помещиков». «На Н. И. Муралова, — говорилось далее в постановлении (без указания его должности), — возлагается обязанность принятия всех вызываемых обстоятельствами чрезвычайных мер в интересах поддержания революционного порядка». 30 мая военное положение было распространено на дачные и другие пригородные местности в 20-верстной полосе за пределами города. Юридически «военное положение» ничего нового не вводило, так как в тексте постановления никаких правовых норм не указывалось, а соответствующий закон 18 июня 1892 г. (как и все другие законодательные акты, кроме большевистских декретов) по смыслу «декрета о суде» от 22 ноября 1917 г. не мог применяться; Муралов и его подчиненные должны были руководствоваться своим «революционным правосознанием». Таким образом, «военное положение» могло означать только ужесточение произвола, господствовавшего до него.

Муралов Николай Иванович (1877—1937, расстрелян) — большевик с 1903 г.; из мещан, получил среднее сельскохозяйственное образование, был управляющим небольшими имениями; во время войны в

армии, рядовой; один из организаторов Октябрьского переворота в Москве. С 14 ноября 1917 г. командующий войсками Московского военного округа. См.: Гранат; Возвращенные имена. Кн. 2. М., 1989; *Троцкий Лев.* Письма из ссылки.

199 В «Биохронике» Ленина об этом визите Яковлева сведений нет, но говорится, что до 10 июня Ленин дал указание В. Д. Бонч-Бруевичу справиться в ЧК о причинах ареста З. Н. Бочкаревой и Е. В. Юрьевой, «за которых ручается коллектив служащих Румянцевского музея» (т. 5, с. 527).

200 Судя по декрету о «военном положении», поводов для репрессивных мер большевиков было несколько. В феврале—марте Савинковым был образован в Москве из военных Союз защиты родины и свободы. С марта в Москве существовал антибольшевистский Союз возрождения России, в который входили (наряду с народными социалистами, левыми кадетами и правыми с.-д.) видные эсеры. В мае Совет ПСР в Москве принял решение о вооруженной борьбе против большевиков и для приведения его в исполнение половина членов ЦК (10 человек) выехала в различные районы, в том числе в Поволжье; 21 мая ЦК принял решение направить Авксентьева (который в это время не был его членом) в Сибирь. По крайней мере, кое о чем из этого большевики имели сведения (в мае были арестованы некоторые участники савинковского Союза). Что касается «разнузданной агитации контрреволюционеров», то тут имеются в виду нелестные для большевиков отзывы в газетах (например, видных экономистов — меньшевиков) об их продовольственной политике (разрушение рынка, ограбление состоятельных крестьян вооруженными «продотрядами» и т. п.).

ИЮНЬ

201 *Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич* (1873—1955) — литератор и издатель, по образованию землемер; в ранней молодости толстовец, с 1895 г. с.-д., после раскола партии на 2-м съезде большевик, неизменный сторонник Ленина во внутрипартийной и внутрифракционной борьбе. С ноября 1918 до 1920 г. управляющий делами СНК. См.: Книговедение: Энциклопедический словарь; Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. 1. М., 1989; ПД 1917; ОИЭ. 1. Об аресте Иловайского и хлопотах о его освобождении см.: *Цветаева Марина.* Избранная проза 1917—1937. В 2 т. Т. 2. Н.-Й. 1979, с. 215—246; по ее словам, его продержали в заключении больше недели. Иловайский был отцом первой жены И. В. Цветаева, отца М. И. Цветаевой.

202 Речь идет о введении 29 мая в Москве военного положения. В ночь на 30 мая в городе было арестовано около ста человек.

203 Теперь Ленинградский.

204 Союз возрождения России действительно считал, что будущее небольшевистское правительство должно сохранить верность союзникам в войне с австро-германским блоком.

205 Отдельный чехословацкий корпус (часто называемый в печати легионом), к концу мая насчитывавший до 45 тыс. человек, был сформирован незадолго до Октябрьского переворота на добровольных началах из военнопленных и российских граждан (в России проживало более 40 тыс. чехов-колонистов) в тылу Юго-Западного фронта для участия в военных действиях против Австро-Венгрии. В связи с переговорами в Бресте и предстоявшим выходом России из войны корпус был 15 (28 н. ст.) января объявлен частью французской армии и должен был быть переброшен через Дальний Восток во Францию; к концу мая его эшелоны растянулись по железной дороге от ст. Ртищево (к юго-западу от Пензы) до Владивостока. По условиям Брестского мирного договора Советское правительство было обязано демобилизовать все войсковые формирования на подвластной ему территории. 26 марта представители Советского правительства, Чехословацкого национального совета и союзных правительств подписали в Пензе соглашение о сдаче чехословацкими войсками большей части оружия советским властям. Среди солдат и офицеров корпуса, подавляющее большинство которых считало Брестский мир предательством, распространилось мнение, что советские власти действуют по указке немцев, и 20 мая на совещании делегатов частей корпуса в Челябинске было решено оружия не сдавать. 25 мая Троцкий (с 8 апреля народный комиссар по военным и морским делам) отдал приказ о полном разоружении чинов корпуса (обнаруженные с оружием в руках подлежали расстрелу на месте). В тот же день части корпуса начали вооруженную борьбу с частями Красной Армии.

206 Действительно, образованный в марте Высший военный совет, игравший роль главного штаба, с 5 июня находился в Муроме, чтобы быть ближе к возникавшему Восточному фронту гражданской войны. 14 июля он был возвращен в Москву.

207 Речь идет о попытке группы членов Правого центра и группы университетских коллег Готье вступить в переговоры с германскими представителями в Москве на предмет совместных действий против большевиков.

208 Декретом ВЦИК и СНК от 27 мая «О реорганизации Народного комиссариата продовольствия и местных продовольственных органов» последним предоставлялось право иметь особые отряды из «сознательных рабочих» для организации «трудового крестьянства» против «кулачества».

209 До 4 июня чехословацкие войска вместе с начавшими формироваться русскими антибольшевистскими отрядами заняли Челябинск, Новониколаевск (с 1925 г. Новосибирск), Пензу, Сызрань, Томск, Петропавловск.

210 Речь идет об одном из совещаний, проводившихся по инициативе Отдела высшей школы Наркомпроса для ознакомления с подготовленными отделом проектами реформы высшей школы и нового Положения об университетах.

211 26 мая в Новониколаевске сибирскими областниками (главным образом эсерами) был создан Западно-Сибирский комиссариат как

временное областное правительство. После занятия антибольшевистскими силами 8 июня Омска комиссариат перебрался туда.

212 *Новосельский Алексей Андреевич* (1891—1967) — ученик А. И. Яковлева, специализировавшийся по русской истории XVII в. См.: *Черепнин*. Отечественные историки.

213 11 июня СНК принял декрет о принудительном призыве в Красную Армию лиц призывного возраста в некоторых уездах Приволжского, Уральского и Западно-Сибирского военных округов. *Куропаткин Алексей Николаевич* (1848—1925) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант. В бытность военным министром (1898—1904) разработал план стратегической готовности для ряда пограничных военных округов. См.: Первая мировая в жизнеописаниях русских военачальников. М., 1994.

214 10 июня СНК принял обращение к населению (которое подписали Ленин, Троцкий и Бонч-Бруевич) с объявлением войны Временному сибирскому правительству. В обращении воспроизводился текст телеграммы Совнаркому из Омска с изложением целей областного правительства, подписанной командиром стрелкового корпуса полковником Ивановым и уполномоченным Временного Сибирского правительства Ляховичем. Правительство, о котором идет речь, — Западно-Сибирский комиссариат, в состав которого вошли «уполномоченные» первого Временного Сибирского правительства, оставшиеся в Западной Сибири после отъезда П. Я. Дербера в Харбин. Комиссариат переехал из Новониколаевска в Омск 8 июня. «Правительства Колчака» в это время не существовало.

215 14 июня ВЦИК принял постановление об исключении «за контрреволюционную деятельность» из своего состава и из всех советов «правых» (т. е. всех, кроме левых) эсеров и всех меньшевиков. До этого во ВЦИК, избранном 4-м Всероссийским съездом Советов в марте, было больше 10 «правых» эсеров и 5 меньшевиков. Говоря о «роспуске ЦИКа», Готье имеет в виду предстоявшие выборы на 5-й съезд советов, который должен был избрать новый ВЦИК.

216 Вл. И. Гурко принимал участие в переговорах с германскими представителями.

217 Около станции Подсолнечная Николаевской (теперь Октябрьской) ж. д. в 65 км к северо-западу от Москвы.

218 *Михаил — великий князь Михаил Александрович.* Слухи эти не соответствовали действительности.

219 *Марк* — по-видимому, сотрудник германской миссии в Москве или посредник в установлении контакта между коллегами Готье и германскими представителями. В исторической литературе, как и в источниках, вовлеченных до сих пор в научный оборот, никаких сведений об этом контакте нет. По-видимому, не фигурировал он и в «деле Платонова», по которому участники этих переговоров обвинялись в антисоветской деятельности, а это позволяет думать, что ЧК о них не узнала. Имена участников собрания легко расшифровываются: Л. — Любавский, А. А. Г. — Грушка, Д. Н. Е. — Егоров, Я. — Яковлев.

220 *Хвостов* — по всей вероятности, Вениамин Михайлович. Ко-

миссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) — комиссия, созданная Академией наук в 1915 г. по инициативе и под председательством (до 1930 г.) академика В. И. Вернадского для содействия усилиям России в мировой войне. Впоследствии из нее выросло несколько важнейших институтов Академии, имевших (и имеющих) огромное значение для обороны страны.

221 *Родионово* — ж.-д. станция на линии Рыбинск — Бологое в 76 км к западу от Рыбинска, последняя крупная станция к востоку от границы Тверской губернии. *Красный Холм* — заштатный город Весьегонского уезда Тверской губернии (теперь районный центр); в описываемое время конечная станция ж.-д. ветки на север от ст. Сонково, ближайшая ж.-д. станция к Загранью.

222 В Сонкове, вероятно, была пересадка.

223 11 июня был принят декрет ВЦИК и СНК «Об организации и снабжении деревенской бедноты», согласно которому повсеместно образовывались волостные и сельские «комитеты бедноты» для распределения хлеба, «предметов первой необходимости» и сельско-хозяйственных орудий, а также оказания содействия продовольственным отрядам в изъятии «излишков» у «кулаков и богатеев». Лидер левых эсеров Камков назвал «комбеды» комитетами деревенских лодырей. Создаваемые и руководимые большевиками, они служили им орудием в борьбе с левыми эсерами, которые часто имели большинство в сельских и волостных советах. Большевистские вожди деятельность «комбедов» приветствовали как начало «классовой борьбы» и «гражданской войны» в крестьянской среде.

224 Строка из стихотворения А. Н. Апухтина «Мухи».

225 См.: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 5. СПб., 1899, № 105, 106.

226 Это наблюдение Готье очень интересно, так как свидетельствует о том, что разграбление имущества помещиков в 1917—1918 гг. нередко приводило к улучшению материального положения и жилищных условий средних крестьян.

227 Совещание по реформе высшей школы состоялось в Москве 8—14 июля.

228 Библейский образ невинного страдальца.

229 Первый том «Социологии» В. М. Хвостова вышел в 1917 г.; второй том остался неоконченным.

230 *«Скобления русского»* (*фр.*). Авторство изречения «Grattez le russe et vous trouverez le tartare» («Поскоблите русского, и найдете татарина») приписывается разным лицам, в том числе Наполеону I.

ИЮЛЬ

231 8 июня Самара была взята прибывшими из района Пензы чехословацкими войсками и восставшими антибольшевистскими организациями (эсеровской и беспартийной офицерской). В тот же день вышел из подполья Комитет членов Всероссийского учредительного

собрания (из пяти эсеров под председательством В. К. Вольского), объявивший себя временной властью до созыва Собрания. Ожидалось, что будут приезжать в Самару и вступать в Комитет и другие члены Учредительного собрания (кроме большевиков и левых эсеров, мандаты которых, как государственных изменников, аннулировались). Новая власть выступила под лозунгами: «Единая независимая свободная Россия!» и «Вся власть Учредительному собранию!». См.: *Лебедев В. И.* Борьба русской демократии против большевиков. Записки очевидца и участника свержения большевистской власти на Волге и в Сибири. Н.-Й., 1919; перепеч. Orange VT, 1986.

232 *Пресняков. А. Е.* Образование великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918.

233 В. В. Готье приехал из Новгорода; привезенные им сведения носили общий характер и не обязательно касались недавних событий. Первая высадка небольшого отряда британской морской пехоты в Мурманске имела место в начале марта. См.: *Kennan George F.* The Decision to Intervene (Princeton, 1958); *Ulman Richard H.* Anglo-Soviet Relations, 1817—1921: Intervention and the War. Princeton, 1961.

234 К началу июля численность войск союзников в Мурманске и на Мурманской железной дороге увеличилась почти до 8 тыс. 3 июля британский отряд занял станцию и город Кемь (уездный город Архангельской губ., теперь районный центр в Карельской республике) в 610 км к югу от Мурманска. Слух относительно великого князя Михаила Александровича был безоснователен. Австро-венгерские войска, прорвавшие перед этим оборону противника в Южном Тироле и продвинувшиеся на несколько километров, 20—26 июня были отброшены на исходные позиции. Декрет СНК о безвозмездной национализации (т. е. конфискации) акционерных обществ и товариществ на паях был принят 28 июня.

235 8—14 июля в Московском университете состоялось созванное Наркомпросом совещание по реформе высшей школы, на которое собралось около 400 человек — преподавателей, студентов и служащих университетов и других высших учебных заведений. Выступали Луначарский, занимавший сравнительно более умеренную позицию, Покровский (с мая зам. наркома просвещения), Штернберг (с марта зав. отделом высшей школы НКП). Доклад о реформе сделал Рейснер Михаил Андреевич (1868—1928) — юрист, который незадолго до этого, будучи заведующим отделом законодательных предположений НК юстиции, составил проект декрета СНК от 20 января «о свободе совести, религиозных обществах и союзах», открывший гонения на церковь. Ему же принадлежала идея «пролетарского интуитивного права» в виде «революционного правосознания», служившая теоретическим обоснованием квазисудебного произвола и лежавшая в основе декретов СНК о суде от 22 ноября 1917 и 22 июля 1918 г.. См. весьма содержательную автобиографию в 41-м томе Энциклопедического словаря «Гранат». В описываемое время Рейснер был членом коллегии Отдела высшей школы НКП и комиссии по реформе. Доклад Рейснера вызвал, насколько можно судить, решительные возражения князя Е. Н. Трубецкого (бывшего в свое время научным ру-

ководителем Рейснера в Киевском университете), Любавского, В. М. Хвостова; из упоминаемых в дневнике лиц несколько более примирительно выступал Мензбир, а также, по-видимому, Петрушевский и Савин. По предложению Чаплыгина была образована комиссия для дальнейшей разработки Положения об университетах.

236 Высшие женские курсы были открыты в Екатеринославе (с 1926 г. Днепропетровск) в 1916 г. В 1918 г. на базе этих курсов был образован Екатеринославский университет. В течение 1918 г., главным образом усилиями министра народного просвещения и искусств в гетманском правительстве Украины Н. (М.) П. Василенко (1866 или 1867—1935?), были также созданы Украинская Академия наук и Ближневосточный институт в Киеве, политехнический и сельскохозяйственный институты в Одессе, сельскохозяйственный институт в Херсоне. См.: Память, Вып. 5; Звенья, Вып. 2 (по указателям).

237 Ярославль (6 июля) и Рыбинск (8-го) были заняты не чехословацкими войсками, а восставшими русскими антибольшевиками. Восстание планировалось с весны Союзом защиты родины и революции и Национальным центром; главным вдохновителем был Савинков, действовавший в согласии с генералом Алексеевым; военные руководители вступали в командование повстанцами от имени генерала Алексеева. Из-за арестов в мае—июне пришлось начать восстание не в Москве и Казани, как намечалось, а в верхневолжских городах. См.: Красная книга ВЧК. Т. 1, 2. Изд. 2-е. М., 1989.

238 9 июля «Известия ВЦИК» и «Правда» опубликовали сообщение, в котором говорилось: «В связи с провокационным выступлением авантюристов из лагеря левых эсеров и в целях прекращения контрреволюционной агитации посредством печатного слова Отдел по Делам Печати при М. С. Р. Д. (бывш. Комиссариат по Делам Печати) постановил [8 июля]: 1. Все удостоверения о регистрации повременных изданий, выданные до 6 июля с. г. включительно, считать недействительными. 2. Впредь до особого распоряжения временно прекращается выдача удостоверений на право печатания повременных изданий. [...] 5. Виновные в нарушении и неисполнении настоящего постановления будут караться по всей строгости военного положения. [...] настоящее постановление не распространяется на произведения печати, издаваемые Правительственными учреждениями и Российской Коммунистической Партией».

239 Очевидно, поезда, ходившего по ветке Сонково — Красный Холм.

240 По-видимому, началось подавление восстания.

241 Об убийстве графа Мирбаха и о так называемом «левоэсеровском мятеже» (которого, кажется, не было) см.: *Katkov George*. The Assassination of Count Mirbach // Soviet Affairs, № 3 (St. Antony's Papers, № 12) (London, 1962) и указанную выше книгу Фельштинского (см. примеч. 119).

242 *«Беднота»* — ежедневная газета ЦК РКП(б), выходила с 14 марта 1918 г. в Москве.

243 Готье не говорит, как М. А. Колюбакин «попал» в народные судьи. «Народные суды» создавались на основании декрета СНК от 22 ноября 1917 г., который предусматривал выборность «народных

судей». Однако будущий (с 22 августа 1918 г.) народный комиссар юстиции присяжный поверенный Д. И. Курский (1874—1932), большевик с 1904 г. года, с ноября 1917 г. участвовавший в создании в Москве новой власти, в автобиографии пишет, что он «был организатором первых народных судов в Москве». Его жена в своих воспоминаниях тоже ничего не говорит о выборах; по ее словам, Курский и его сотрудники «в конце концов набрали таки аппарат и организовали в ряде участков Москвы народные суды». См.: Гранат; ПД 1917.

244 *«Новая жизнь»* — большая ежедневная «общественно-литературная социал-демократическая газета», выходившая в Петрограде с 18 апреля 1917 г. (с 1 июня 1918 г. в двух изданиях, петроградском и московском) под редакцией Горького, В. А. Базарова (1874—1939, погиб в заключении), В. А. Десницкого (1878—1958), Н. Н. Суханова (1882—1940, расстрелян) (см.: Гранат; ПД 1917) и др. Закрывалась большевистскими властями 12 и 22 июня 1918 г., окончательно закрыта в июле (по-видимому, московское издание перестало выходить после постановления Московского совета от 8 июля). Часто встречаемое в исторической и справочной литературе упоминание о ней как «меньшевистской» или «левоменьшевистской» ошибочно. Редакция и группа ближайших сотрудников газеты состояли (за единственным исключением Суханова, который в 1917—1920 гг. был меньшевиком-интернационалистом, последователем Мартова) из бывших левых большевиков, последователей А. А. Богданова, которые в 1904—1907 гг. вместе с Лениным возглавляли большевистскую фракцию в РСДРП и в значительной степени определяли ее идейное лицо. После Февральской революции они образовали группу, а потом Партию социал-демократов-интернационалистов, идейно наиболее близкую к большевикам, но свободную от ленинской партийной дисциплины и отвергавшую его политику захвата власти и насилия по отношению к инакомыслящим.

245 *Муравьев Михаил Артемьевич* (1880—1918) — подполковник, с корниловских дней 1917 г. левый эсер. С 13 июня 1918 главнокомандующий красноармейскими войсками Восточного фронта гражданской войны. 6 июля, получив известие о событиях этого дня в Москве, заявил о выходе из ПЛСР. Так называемый мятеж Муравьева 10—11 июля нуждается в серьезном изучении; кажется, есть основания думать, что это было не выступление против Советской власти, а попытка совместно с чехословацкими войсками возобновить военные действия против Германии и Австро-Венгрии.

246 «Германскую ориентацию» в борьбе с большевистской властью в мае—июне 1918 г. приняли украинские кадеты, которые вошли в гетманское правительство, а также Милюков, приехавший с Дона в Киев, и некоторые другие видные члены КДП. Большинство партии сохранило верность союзникам; Милюков вскоре отказался от германской ориентации, но положения лидера партии не вернул. В июне чехословацкие войска совместно с русскими антибольшевистскими силами заняли Самару, Омск, Барнаул, Красноярск; в июле — Уфу и Иркутск.

247 26 июля «Правда» опубликовала сообщение отдела печати Московского совета под заголовком: «К закрытию антисоветской печа-

ти», в котором говорилось: «Запрещение выхода антисоветской повременной печати в Москве, изданное в связи с событиями 6 июля, остается в силе впредь до полного укрепления и торжества Российской Советской Социалистической Федеративной Республики. В дополнение к постановлению от 8 июля сообщается, что Отделом Печати будут выдаваться удостоверения частным лицам и организациям на право выпуска политических периодических изданий, стоящих на платформе Советов».

248 Не совсем ясно, что автор имеет в виду, говоря о Японии; возможно, объявление союзников 6 июля, что Владивосток будет находиться под их протекторатом. Что касается Сибири и Самары, то до него могли дойти такие сведения: 23 июня на заседании Сибирской областной думы в Томске было создано новое Временное сибирское правительство во главе с П. В. Вологодским; 30 июня этому правительству передал власть Западно-Сибирский комиссариат; после падения 29 июня Советской власти во Владивостоке часть членов первого Временного сибирского правительства во главе с П. Я. Дербером, переехавшая туда в середине мая из Харбина, объявила себя «центральной властью Сибири»; 4 июля Временное сибирское правительство приняло декларацию о независимости Сибири от Советского правительства в Москве; 9 июля управляющий КВЖД генерал-лейтенант Д. Л. Хорват (1858—1937) с вооруженным отрядом Дальневосточного комитета активной защиты родины и Учредительного собрания прибыл из Харбина на станцию Гродеково Приморской обл. (с 1958 г. пгт Пограничный Приморского края, в 97 км к северо-западу от Уссурийска) и объявил себя временным верховным российским правителем; 15 июля в Челябинске состоялось совещание по вопросу о создании общероссийского антибольшевистского правительства. О событиях в Сибири в годы гражданской войны см. воспоминания двух видных деятелей: *Гинс Г. К.* Сибирь, союзники и Колчак, 1918—1920 гг.: Впечатления и мысли члена Омского правительства. Т. 1—2. Пекин, 1921; *Серебренников И. И.* Мои воспоминания. Т. 1 — В революции (1917—1919) Тяньцзин, 1937; а также исследование С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака». Ч. 1—4. Белград, 1930—1931.

249 Речь идет о Второй битве на Марне, примерно в 70 км к северо-востоку от Парижа, которая началась 15 июля наступлением германских войск. 18 июля французские войска перешли в контрнаступление и к 4 августа отбросили противника на исходные позиции. Париж был спасен.

250 *Helfferich Karl-Theodor* (1872—1924) — германский экономист и государственный деятель; 1906 г. — директор Анатолийской ж. д., которой принадлежала и строившаяся тогда Багдадская ж. д.; 1908 г. — член правления Немецкого банка (Deutsche Bank); с февраля 1915 г. статс-секретарь имперского казначейства (министр финансов), организатор финансирования военных расходов Германии; 1916—1917 гг.— министр внутренних дел и вице-канцлер при канцлере Бетман-Гольвеге. Мнение Готье о его назначении послом в Москву, куда он прибыл 28 июля, сходно с позднейшим (на 7-м съезде советов 6 ноября 1919 г.) высказыванием об этом Чичерина.

251 То есть 25 июня ст. ст./5 июля н. ст. Говоря о мятеже, Готье в отсутствие других сведений принимает официальную версию того, что произошло в Москве 6—7 июля.

252 *«Наш век»* — одно из названий газеты «Речь»; издатели пользовались им короткое время в 1908 и 1911 г., а затем опять с 30 ноября 1917 до окончательного закрытия газеты 3 августа 1918 г.

253 В июне—августе отряд под командованием атамана Уссурийского казачьего войска есаула И. М. Калмыкова (которого поддерживали японцы) двигался по железной дороге Никольск (с 1957 Уссурийск) — Хабаровск, занимая промежуточные станции.

254 26 июля Закаспийское временное правительство, возникшее в результате свержения во второй декаде июля Советской власти в Закаспийской обл. (приблизительно теперешняя территория Туркменистана), обратилось с просьбой о помощи к Британской военной миссии, которая находилась в г. Мешхеде (на северо-востоке Ирана). 28 июля в район ст. Байрам-Али Закаспийской ж. д. (теперь город в Марыйской обл.) прибыла британская пулеметная команда из 20 человек. В эти дни войска Закаспийского правительства вели бои с красноармейскими частями в районе Чарджуя, в 214 км к северо-востоку от Байрам-Али, т. е. по направлению к Ташкенту.

255 Ставрополь был взят 21 июля, Армавир — 26, но 30 опять перешел к красным. Екатеринбург был занят сибирскими и чехословацкими войсками в ночь на 25 июля; 13 августа там было образовано Уральское временное правительство. В Архангельске 2 августа была свергнута большевистская власть и в тот же день образовано Верховное управление Северной области во главе с Н. В. Чайковским, которое пригласило в город союзников (союзная эскадра стояла на архангельском рейде). См.: *С. П. Мельгунов.* Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Париж, 1929.

256 Декрет СНК о призыве на действительную службу «бывших» офицеров был принят 29 июля.

257 *Д. И.* — Возможно, это описка, следует: «Д. А.». Тогда это граф *Дмитрий Андреевич* (1823—1889) — государственный деятель, 1866—1880 — министр народного просвещения, 1882—1889 — министр внутренних дел и шеф жандармов. *Толстой Иван Иванович, граф* (1858—1916) — нумизмат и археолог, по образованию юрист; октябрь 1905—апрель 1906 — министр народного просвещения в правительстве С. Ю. Витте.

258 *Эйхгорн — Eichhorn, Hermann von* (1848—1918), германский генерал-фельдмаршал, с конца марта 1918 главнокомандующий группой армий «Киев», которая оккупировала Украину и прилегающие местности. 30 июля убит левыми эсерами Б. Д. Донским (?—1918) и И. К. Каховской (1888—1960) с целью, с одной стороны, отомстить за политику оккупационных властей по отношению к крестьянам, а с другой — сорвать Брестский мир; об отношении к Брестскому миру различных групп в ПЛСР см.: Минувшее: Исторический альманах. Вып. 2. Париж, 1986, с. 7—80.

259 В 1918 (?) из южной части Весьегонского уезда был образован Краснохолмский, в который, как видно, вошло и Загранье.

260 См. вышеупомянутую книгу С. П. Мельгунова «Судьба императора Николая II после отречения», а также *Паганууцци П.* Правда об убийстве Царской Семьи: Историко-критический очерк. Джорданвилль, 1991; исследование Э. Радзинского «Расстрел в Екатеринбурге» // Огонек, 1989, № 21 и 1990, № 2; *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. М., 1991; Последние дни Романовых. М., 1991.

261 Одним из аспектов «продовольственной диктатуры», введенной декретами ВЦИК и СНК от 13 и 27 мая, было создание из городских рабочих-добровольцев вооруженных «продотрядов», часть которых входила в «Продармию». «Продармейцы» находились на положении красноармейцев. В обязанности отрядов входили «организация бедноты», «реквизиция» продовольствия, подавление «контрреволюционных» выступлений, несение заградительной службы (против «мешочников», т. е. частных лиц, возвращавшихся в города с самостоятельно приобретенным продовольствием). О деятельности продотрядов и ее результатах см.: *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918-1921 гг. Иерусалим, 1987.

262 Вероятно, речь идет о комиссии, упомянутой в примеч. 235.

263 Вероятно, Савин.

264 6 августа миссия Гельфериха уехала из Москвы во Псков, находившийся на территории, оккупированной германскими войсками.

265 Речь идет об Амьенской операции британских (в том числе австралийских и канадских) и французских войск 8—13 июня, которая положила начало общему наступлению союзников, приведшему к капитуляции Германии.

266 *Шенкурск* — уездный город Архангельской губ. (теперь районный центр Архангельской обл.) на р. Ваге, приблизительно в 375 км к юго-востоку от Архангельска и в 420 км к северо-востоку от Вологды. Званка — узловая станция (у одноименного села Новоладожского уезда Петроградской губ., когда-то принадлежавшего Державину; теперь город Волхов Ленинградской обл.) на линии Петроград—Вологда, где от нее отходит построенная во время мировой войны ж. д. на Мурманск. Целью продвижения на юг русских войск Северной области и союзников действительно было достичь магистрали Вологда—Пермь, чтобы соединиться с наступавшими с востока сибирскими и чехословацкими войсками и создать общий антибольшевистский фронт.

267 С целью призыва их в Красную Армию.

268 Части Народной армии (Комитета членов Учредительного собрания) и чехословацкие войска 22 июля взяли Симбирск, а 6 августа Казань. Об условиях жизни в Казани при «белых» людей из состоятельных слоев общества см.: *Рачинская Е.* Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж, 1990.

269 Такие положения действительно содержались в декрете «О правилах приема в высшие учебные заведения РСФСР», принятом СНК (и подписанном Лениным) 2 августа и в принятом на том же заседании СНК по предложению Ленина проекте постановления о при-

еме в высшие учебные заведения представителей пролетариата и беднейшего крестьянства.

СЕНТЯБРЬ

[270] Готье сел на поезд на ст. Красный Холм, в Сонкове и Бологом у него были пересадки. Волхов — ст. Волховская (теперь Волхово) на левом берегу реки Волхов, где он хотел сойти, чтобы сесть на пароход; т.к. пароход он пропустил, ему пришлось проехать еще несколько километров до ст. Чудово, чтобы там пересесть на поезд, идущий в Новгород.

[271] Покушение на Ленина имело место 30 августа.

[272] *Фотий* (в миру *Спасский Петр Никитич*, 1792—1838) — церковный деятель, архимандрит; будучи с 1822 настоятелем Юрьевского монастыря в Новгороде (основанного в 1030 Ярославом Мудрым), богато обстроил его на средства, пожертвованные его духовной дочерью и почитательницей графиней А. А. Орловой-Чесменской.

[273] В отсутствие других сведений, Готье принимает официальную версию о покушении на Ленина как организованном ПСР.

[274] 27 августа советской делегацией во главе с Иоффе в Берлине было подписано финансовое соглашение, которым Советское правительство обязывалось выплатить Германии контрибуцию (формально компенсацию за национализированные немецкие капиталы) в 6 млрд. германских марок.

[275] Автор приложил черновик прошения к дневнику. См.: Приложения, письмо 1.

[276] *Герье Владимир Иванович* (1837—1919) — профессор всеобщей истории в Московском университете и либеральный общественно-политический деятель. Основатель и руководитель (1872—1888, 1900—1905) Московских высших женских курсов (которые часто назывались курсами Герье). Деятельный участник московского городского и губернского земского самоуправления. С 1906 г. член Государственного совета по назначению, октябрист. Автор книг о 1-й, 2-й и 3-й Государственных думах, о крестьянской реформе Столыпина («Второе раскрепощение»). О Герье как преподавателе см. воспоминания Готье и других его слушателей в сборнике «Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917)». М., 1989 (по указателю).

[277] *Щегловитов Иван Григорьевич* (1861—1918) — действительный тайный советник, статс-секретарь (почетное звание для лиц из высших гражданских чинов, которых император формально приближал к себе), сенатор. Окончил Императорское училище правоведения (закрытое учебное заведение для детей потомственных дворян, основан в 1835 «для образования благородного юношества на службу по судебной части»). В 1906—1915 — министр юстиции, с 1907 член Государственного совета по назначению (вошел в группу правых), январь—февраль 1917 — председатель Государственного совета. Имел репутацию реакционера, покровительствовал черносотенному Союзу

русского народа. *Хвостов Алексей Николаевич* (1872—1918) — действительный статский советник, в звании камергера, из среды высшего чиновничества, окончил Александровский (бывший Царскосельский) лицей. Служил по Министерству внутренних дел. Депутат 4-й Государственной думы, лидер и председатель бюро фракции правых. 1915—1916 — министр внутренних дел и главноначальствующий отдельным корпусом жандармов. Как и Щегловитов, считался крайним реакционером, принадлежащим к «клике Распутина». Оба были расстреляны 5 сентября. *Восторгов Иоанн Иоаннович* (1866 или 1867—1918) — протоиерей, из духовной семьи, окончил духовную семинарию; законоучитель и миссионер, издатель ряда черносотенных газет и журналов, редактор «Московских церковных ведомостей». Председатель Московского отдела Союза русского народа, а после его раскола (?) — Всенародного русского союза. В течение предшествовавших месяцев Ленин и другие большевистские вожди неоднократно в публичных выступлениях настаивали на необходимости подавления «классовых врагов» при помощи террора, в частности расстрелов. Покушение на Ленина послужило поводом для принятия соответствующих постановлений, за которыми последовали массовые расстрелы. В резолюции ВЦИК от 2 сентября, принятой по предложению Я. М. Свердлова, говорилось, что «за каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов». 5 сентября СНК по докладу Дзержинского принял постановление, которое, в частности, гласило, «что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; [...] что необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»; постановление было подписано наркомом юстиции Д. И. Курским, наркомом по внутренним делам Г. И. Петровским и управляющим делами СНК В. Д. Бонч-Бруевичем. См.: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России 1918—1923. Изд. 2-е, доп. Берлин, 1924; перепеч. Нью-Йорк, 1979; Смолин А. У истоков красного террора // Ленинградская панорама, 1989, № 7, с. 25—28.

278 Опять Готье опирается на официальную версию, которую, правда, до сих пор принимают без серьезной проверки почти все историки. *«Ройд-Каплан»* — сдвоенная и частично исковерканная фамилия, часто фигурировавшая в печати. *Ройтман Фейга Хаимовна* (с 1906 г. известная как Фаня Каплан) (1887 [а не 1880, как часто указывается] — 1918), которая была обвинена в покушении и по распоряжению Свердлова без суда убита 3 сентября в Кремле, скорее всего покушения не совершала (а по состоянию здоровья и не могла совершить). ПСР, по-видимому, к этому покушению не имела отношения. См.: *Lyandres Semion*. The 1918 Attempt on the Life of Lenin: A New Look at the Evidence. Slavic Review 48, № 3. Fall, 1989. Автор тщательно проанализировал едва ли не все опубликованные источ-

ники (и небольшое число неопубликованных, найденных им в иностранных архивах); вопрос об организаторах, исполнителях и мотивах покушения остается открытым и нуждается в серьезном исследовании с привлечением не введенных до сих пор в научный оборот (вероятно, все еще недоступных) архивных материалов.

[279] Полдороги от Пушкина до Пестова — 9 км; Курово теперь, вероятно, не существует, так как место, где оно находилось, по-видимому, затоплено Учинским водохранилищем.

[280] Красная Армия взяла Казань 9—10 сентября.

[281] 13 сентября президиум Моссовета издал постановление (опубликовано в тот же день в «Известиях») о порядке реквизиции жилых помещений и движимого имущества — очередное наступление на «буржуазные» квартиры.

[282] *Вильсон — Wilson Thomas Woodrow* (1856—1924) — 28-й президент США (1913—1921). Патулье, вероятно, имел в виду так называемые «14 пунктов В» — условия справедливого мира, изложенные президентом в поелании конгрессу США 18 января. Пункт 6 касался России и предусматривал освобождение Германией всех оккупированных ею российских территорий, предоставление России возможности определить свою национальную (в смысле: государственную) политику и вступить в сообщество свободных наций.

[283] *Курдюмов Дмитрий* — свояк Готье.

[284] См.: Приложения, письмо 2.

[285] См.: Приложения, письмо 3.

[286] Автор, очевидно, имеет в виду Елизаветинский женский институт.

[287] См.: Приложения, письмо 4.

[288] В Казанском отделении Государственного банка находилась значительная часть золотого запаса России, эвакуированная из Петрограда. О дальнейшей судьбе золота см. статью «Золотой запас РСФСР» в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР». М., 1983.

[289] *Кривцов Степан Саввич* (1885—?) [вероятно, погиб во время ежовщины]) — большевик, подвизался на идеологическом поприще; с начала 1920-х гг. преподавал в Институте красной профессуры; к 1930 г. член Коммунистической академии и Общества историков-марксистов, зав. методологической секцией Института В. И. Ленина. Видный пропагандист понятия «марксизм-ленинизм» и один из создателей «марксистско-ленинской» теории «исторического материализма».

[290] См.: Приложения, письмо 5.

[291] *Вишера* — вероятно, крупная станция Малая Вишера в 44 км к юго-востоку от Чудова.

[292] На Балканах союзники в течение второй половины сентября заняли почти всю сербскую часть Македонии (приблизительно бывшая республика Македония в составе Югославии). В то же время британские и арабские войска заняли Северную Палестину. Во Франции 26 сентября началось общее наступление союзных армий по всему фронту от побережья до Вердена. 14 апреля было создано Верховное командование всех союзных войск во Франции. Верховным главно-

командующим был назначен маршал Фош (Foch Ferdinand 1851—1929). *Гинденбург — Hindenberg, Paul von* (1847—1934), генерал-фельдмаршал, с 1916 г. — начальник Генерального штаба полевых армий, фактически главнокомандующий. *Людендорф — Ludendorff Erich* (1865—1937), генерал от инфантерии, с 1916 г. — первый генерал-квартирмейстер, фактически начальник Генерального штаба.

293 *Franchet d'Esperey Louis-Félix* (1856—1942) — французский генерал, с июля 1918 г. главнокомандующий союзными войсками на Балканском театре военных действий. 29 сентября в Салониках было подписано сепаратное перемирие между союзниками и капитулировавшей Болгарией.

294 Н. И. Троцкая была зав. Музейным отделом НК просвещения, созданным 28 мая 1918 г. Г. С. Ятманов и И. Э. Грабарь, до этого возглавлявшие не связанные друг с другом музейные коллегии НКП в Петрограде и Москве, вошли в состав коллегии нового отдела.

295 *Одоевский-Маслов Николай Николаевич, князь* (1849—1919) — генерал, бывший командир лейб-гвардии конного полка. *Щербатов* — вероятно, *князь Николай Борисович* (1849—1936). Петров — вероятно, Николай Иванович (1841—?), генерал. *Яковлев* — вероятно, *Григорий Михайлович* (1852—?), генерал. *Бахрушин Алексей Александрович* (1865—1929) — знаменитый театральный деятель, создатель театрального музея; с 1918 председатель музейно-архивной секции при Театральном отделе НКП.

296 Возможно, арест Кизеветтера был связан с его выступлением в совете университета, в котором он призывал бойкотировать назначенное на сентябрь второе совещание по реформе высшей школы в знак протеста против декрета от 2 августа. На заседании совета ректор университета М. А. Мензбир счел декрет приемлемым при условии, что к лабораторным занятиям будут допускаться только достаточно подготовленные студенты; большинство присутствовавших согласилось. Очевидно, на описываемом заседании историко-филологического факультета продолжалось обсуждение этих вопросов.

ОКТЯБРЬ

297 К концу 1918 г. Главное управление по архивным делам НКП открыло в Петрограде и в Москве курсы архивистов. На московских курсах, кроме Готье, из упоминаемых им в дневнике лиц читали лекции С. Б. Веселовский, С. В. Бахрушин, А. И. Яковлев, Любавский, Савин.

298 *Ускюб — Uskub*, турецкая форма названия македонского города Скопле.

299 *Белкин Сергей Иванович* — владелец мехового магазина на Кузнецком мосту, в который можно было сдавать меховые вещи на хранение.

300 *Юнкер* — частный (акционерный) коммерческий банк Юнкер и Ко. на Кузнецком мосту. К описываемому времени банк, несомненно, был превращен в отделение Государственного банка; Готье по привычке употребляет прежнее название. Государственная комиссия

погашения долгов — ведомство государственных займов, учрежденное в 1810 г.; подчинялось министру финансов. Очевидно, помещение банка было реквизировано при переезде Советского правительства в Москву.

301 *Покровский Иосиф Алексеевич* (1868—1920) — профессор римского и гражданского права. *Некрасов Александр Иванович* (1883—1957) — математик и механик, с 1918 доцент, с 1937 г. профессор Московского университета. *Новосадский Николай Иванович* (1859—1941) — филолог, специалист по классической филологии и эпиграфике. Окончил Историко-филологический институт в СПб. (учрежденное в 1867 г. закрытое высшее учебное заведение университетского уровня для подготовки преподавателей), до 1906 г. профессор Варшавского университета, с 1906 г. Московского. *Познышев С. В* (1874—?) — криминалист, видный представитель социологической школы уголовного права.

302 *Лаишев* — уездный город Казанской губ. (теперь рабочий поселок Лаишево, районный центр в Татарстане) пристань на правом берегу Камы в 62 км к юго-востоку от Казани. *Чистополь* — уездный город Казанской губ. (теперь районный центр в Татарстане) пристань на левом берегу Камы, примерно в 140 км к юго-востоку от Казани. «Буржуи» бежали из Казани на пароходах; железная дорога на Агрыз—Екатеринбург только строилась.

303 Декрет, содержание которого автор передает, был принят СНК 1 октября. Перевыборы должны были произойти не позже 1 ноября Фактически «конкурс» состоялся в начале 1919 г. и не произвел особых перемен в составе профессоров университета. По словам профессора М. М. Новикова, он не помнил, чтобы кто-нибудь был забаллотирован, кроме профессора астрономии коммуниста Штернберга. См.: *Новиков М.* Московский университет в первый период большевистского режима // Московский университет, 1755—1930. Юбилейный сборник. Париж, 1930.

304 *Longuet Edgar* (1879—1950) — внук К. Маркса, долголетний видный член Французской социалистической партии.

305 Проект положения «О единой трудовой школе» обсуждался на состоявшемся 26 августа—1 сентября Первом всероссийском съезде по просвещению, на котором выступал Ленин. 30 сентября ВЦИК утвердил представленный НКП текст положения (подписали Свердлов, Покровский и секретарь ВЦИК А. С. Енукидзе), который был опубликован 16 сентября. Одновременно было опубликовано датированное 16 сентября обращение Государственной комиссии по просвещению за подписью Луначарского под заголовком «Основные принципы единой трудовой школы». Готье, вероятно, прочитал оба документа. См.: Народное образование в СССР: общеобразовательная школа. Сборник документов 1917—1973 гг. М., 1974, с. 133—145.

306 Речь идет о категориях хлебных карточек, введенных в августе: ко второй относились лица, занятые легким физическим трудом (полфунта хлеба в день), к третьей — занятые умственным трудом (четверть фунта), к четвертой — не работающие, которым пайка не полагалось.

[307] «Известия» за 20 октября, с. 3: «На Украине».

[308] До декрета 2 августа о правилах приема в Московский университет поступило 2632 заявления. После опубликования декрета было получено еще 5892, большей частью от лиц, не имевших законченного среднего образования. Однако посещение занятий, по-видимому, резко сократилось; в результате в 1918/19 учебном году университет окончило только 178 человек, по сравнению с 1668 в предшествующем году.

[309] 22 октября Ленин выступил на объединенном заседании ВЦИК, Московского совета и еще нескольких организаций с речью (докладом о международном положении), которая на следующий день появилась в «Известиях». См.: ПСС, т. 37, с. 111—125.

НОЯБРЬ

[310] Письмо в рукописном собрании Гуверовского института не найдено. Записка Муралову, командующему войсками (а не комиссару) Московского военного округа гласит: «Уважаемый товарищ! Прошу принять моего знакомого, Юрия Владимировича Готье. Буду Вам благодарна. Инесса Арманд».

[311] *«...не то Каляеву, не то Дантону»* — так как на открытии памятника выступал Лукин, более вероятно, что памятник был Дантону, одному из главных деятелей французской революции конца XVIII в. *А. В. Кольцов* (1809—1842) и *И. С. Никитин* (1824—1861) считались (особенно в кругах левой интеллигенции) «народными» поэтами. *Александровский сад* — большой парк вдоль западной стены Кремля, разбитый в 1820—1821 гг. (при перепланировке центра Москвы после пожара 1812 г.) над заключенной в трубы рекой Неглинной, около устья которой был в свое время заложен город Москва. *Лукин Николай Михайлович* (1885—1940?, погиб в заключении) — историк, специалист по истории Западной Европы в новое время; большевик с 1904 г., партийный журналист, в конце 1917 — начале 1918 г. помощник Покровского в Московском областном комиссариате по иностранным делам; в 1909 окончил Московский университет, в 1915 г. начал в нем преподавать (кажется, прочитал только пробную лекцию); возобновил преподавание осенью 1918 г Его младшая сестра Анна Михайловна позже была женой Бухарина. *Смидович Петр Гермогенович* (1874—1935) — в описываемое время (с марта 1918 г.) председатель Московского совета.

[312] *Василенко Сергей Никифорович* (1872—1956) — композитор и дирижер, с 1907 г. — профессор Московской консерватории. Позднее стал «классиком» советской музыки.

[313] Белград был взят 18 октября.

[314] *А. А. Иоффе*, бывший с апреля советским послом (с июня, когда Советское правительство отменило дипломатические ранги, полномочным представителем) в Германии, по его словам, «принимал деятельное участие в подготовке германской революции» (в частности, по-видимому, тратя на это крупные суммы денег — см.: *Ларсонс М. Я.*

В советском лабиринте: эпизоды и силуэты. Париж, 1932. 5 ноября германское правительство разорвало дипломатические отношения с РСФСР, а на следующий день Иоффе и весь состав полпредства были высланы из Германии.

[315] Памятник, установленный в Лейпциге в 1913 г., в дни празднования столетней годовщины Лейпцигского сражения 1813 г., в котором соединенные силы России, Австрии, Пруссии и Швеции одержали победу над армией Наполеона.

[316] Слухи (выгодные советским властям) о том, что разрыв Германии с Советским правительством был как-то связан с давлением стран Согласия, вскоре широко распространились по Москве. *Эрцбергер — Erzberger Matthias* (1875—1921), с начала августа 1918 г. министр без портфеля в правительстве принца Макса Баденского, глава делегации, 11 ноября подписавшей Компьенское перемирие, условия которого были продиктованы маршалом Фошем.

[317] 9 ноября правительство Макса Баденского ушло в отставку и в тот же день император Вильгельм II отрекся от престола; 10 ноября было создано временное правительство, Совет народных уполномоченных (Rat der Volksbeauftragten) в составе трех правых и трех левых социал-демократов. Сообщение о том, что Иоффе вернули в Берлин, не соответствовало действительности.

[318] Германия отказалась от Брестского мирного договора 11 ноября актом подписания Компьенского перемирия (включением этого условия союзники показали, что в какой-то степени продолжают заботиться об интересах России); двумя днями позже договор был аннулирован Советским правительством

[319] *Петровский Алексей Сергеевич* (1881—1958) — сотрудник библиотеки Румянцевского музея, специалист по русской литературе, позднее зав. отделом философии; член Русского антропософского общества, друг А. Белого и других антропософов. *Стратонитский Конкордий Андреевич* (1865—?) — ученый секретарь Румянцевского музея

[320] *Марьина Роща* — местность в северной части Москвы. *Введенские Горы* — местность на северо-востоке Москвы, где находится Немецкое (теперь Введенское) кладбище.

[321] О крестьянских волнениях см. вышеупомянутую книгу М. С. Френкина.

[322] *Ино* — русская форма названия форта Inio на южном побережье Финляндии.

[323] *Лиски* — узловая станция на Юго-Восточной ж. д. в 90 км к югу от Воронежа. Была взята Донской казачьей армией под командованием генерала С. В. Денисова.

ДЕКАБРЬ

[324] *Петлюра Симон Васильович* (1879—1926) — украинский политический деятель, один из руководителей Украинской с.-д. рабочей партии; 1917—1918 — генеральный секретарь (министр) по военным

делам в правительстве Укр. народной республики. 13 ноября Украинский народный союз (коалиция украинских социалистических партий) образовал в Белой Церкви (уездном городе Киевской губ.), где был расположен полк Сечевых стрельцов (созданный в конце 1917 г. из бывших австрийских военнопленных-галичан), новое украинское правительство, Директорию, которая выступила против правительства гетмана Скоропадского. Петлюра занял в Директории пост командующего войсками, ядро которых составляли Сечевые стрельцы.

325 *Каменева Ольга Давыдовна* [1883—1941 (расстреляна)] — 1918—1919 — зав. Театральным отделом Наркомпроса с момента его образования, затем подотделом художественного образования Московского отдела народного образования; с 1923 г. ведала культурными связями с заграницей, 1925—1929 — председатель правления ВОКС (Всесоюзного общества культурной связи с заграницей); 1929(?)—1935(?) — председатель правления общества «Друг детей».

Андреева (псевд.) — Желябужская (по мужу) *Мария Федоровна* (1868—1953), известная актриса, 1903—1913 — «гражданская жена» Горького; с 1904 г. — большевичка, играла большую роль в финансировании большевистской фракции РСДРП. С сентября (?) 1917 г. возглавляла городские театры Петрограда; с сентября 1918 г. — комиссар театров и зрелищ Северной коммуны. О деятельности ее и Каменевой в НКП см. вышеупомянутую книгу Fitzpatrick.

Коган Петр Семенович (1872—1932) — историк литературы, учился на историко-филологическом факультете Московского университета курсом старше Готье, с 1910 г. приват-доцент СПб. университета по кафедре романо-германской филологии, часто выступал с публичными лекциями в Москве и провинции В обширных «Очерках» (1903—1912, часто переиздавались) в популярной форме перетолковывал на марксистский лад историю западноевропейских, древнегреческой и новейшей русской литератур (подобно тому, как Покровский делал это в отношении русской истории). Сотрудник Театрального отдела НКП. С 1918 г. профессор Московского университета (беря слово «профессор» в кавычки, Готье, вероятно, хотел подчеркнуть свой взгляд на работы Когана как поверхностные и тенденциозные). Позднее обвинялся в «вульгарном социологизме».

326 2-я армия Восточного фронта была создана 20 июня 1918 г. приказом командующего фронтом М. А. Муравьева; первые три командующих армией (20 июня—4 июля) в энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983) называются «изменниками». Н. Г. Семенов был начальником штаба армии 19 сентября—2 ноября, когда командовал ею бывший полковник В. И. Шорин (1870—1938), а в РВС входили член ЦК РКП(б) и ВЦИК Г. Я. Сокольников, член ВЦИК С. И. Гусев (1874—1933) и профессор Московского университета П. К. Штернберг. В бытность Семенова нач. штаба армия участвовала в Ижевско-Воткинской операции (против восставших рабочих Ижевского и Воткинского заводов); сходное с рассказом Семенова описание обстановки в армии и на фронте см. в автобиографии Сокольникова в энциклопедии «Гранат».

[327] Речь идет о собрании в Париже российских послов в странах Западной Европы, итогом которого было создание там же в конце года Русского политического совещания с князем Г. Е. Львовым во главе как некоего политического центра антибольшевистской борьбы, ставившего себе целью отстаивание единства, целостности и суверенитета России, «спасение русской демократии и революции». Из упоминаемых в дневнике лиц в Совещание входили посол во Франции В. А. Маклаков, Савинков, графиня С. В. Панина (как представительница Национального центра), связан с ним был П. Б. Струве; членами Совещания были также бывший министр иностранных дел С Д. Сазонов (представлявший адмирала Колчака и генерала Деникина), Н. В. Чайковский и др. См.: *Thompson John M.* Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966.

[328] В ночь с 15 на 16 ноября союзный флот в составе британских, французских, итальянских и греческих судов вошел в Черное море; высадившиеся союзные войска заняли 23 ноября Новороссийск, 24-го — Севастополь, 26—28-го — Одессу, 9 декабря — Николаев, 14 декабря — Феодосию.

[329] *Полиевктов Михаил Александрович* (1872—1942) — ученик Платонова, с 1917 г. профессор Петроградского университета, с 1920 г. преподавал в Тифлисском университете. В связи с «делом Платонова» его имя называлось в большевистской печати как якобы члена подпольной организации, но арестован он, кажется, не был.

[330] 14 декабря войска Директории под командованием Петлюры заняли Киев, место правительства гетмана Скоропадского заняла Директория, была восстановлена Украинская народная республика. *Бендеры* — уездный город Бессарабской губ. (теперь в Молдавской республике). Вся Бессарабия с января 1918 г. была занята румынскими войсками, а в апреле официально присоединена к Румынии.

[331] *Николаев Александр Сергеевич* (?—после 1948) — петроградский историк, профессор, специалист по истории и методике архивного дела; в описываемое время читал лекции на Петроградских курсах по подготовке архивных специалистов.

[332] Н. Н. Готье страдала диабетом.

[333] *Ключевский Борис Васильевич* (1869—1944) — сын В. О. Ключевского, был помощником и секретарем отца, а после его смерти хранил его бумаги.

[334] *Фортунатов Степан Филиппович* — сын крупнейшего московского лингвиста Ф. Ф. Фортунатова.

[335] Фактически Мензбир оставался в должности до весны 1919 г.

1919 год

Январь

(19 [декабря]) 1 января. Хотя я начинаю год по новому стилю и хотя я переходу на новый стиль всегда сочувствовал, я сам продолжаю чувствовать старый стиль и сам про себя буду встречать его через 12 дней; быть может, это молчаливый протест против режима РСФСР. День без впечатлений, сидел дома и писал лекции; только в занятиях и отрада.

(20 [декабря]) 2 [января]. Провели вечер у родителей жены; туда я шел в сравнительно хорошем настроении, может быть потому, что прочел все заманчивые вести, которые сегодня напечатали в своей газетке меньшевики-печатники[1], а вышел — мрачнее ночи, после того как жгуче почувствовал нищету вместо довольства, потерю всего заработанного жизнью и тень голода, витавшего над нами. Тяжелые вести из Киева, идущие от Собинова, точнее, от его сыновей-офицеров; они совпадают с тем, что написано сегодня в газете печатников: там начинается террор самостийников; я не знаю, что лучше — эта сволочь или большевики[2].

(22 [декабря]) 4 [января]. Pichon заявил, что они, французы, разбили большевиков под Пермью[3]. Сегодня рассказывали, что у Деникина дела не плохи и что снабжение военными припасами налаживается. Приехавший из Воронежа говорил, что казаки в 30 верстах, что красная армия не желает идти в бой и что усилия тов. Троцкого вынудить их идти довольно тщетны; противник сейчас, однако, очень слаб, но стоит одного усилия, чтоб опрокинуть красноармейцев. Сегодня вышел указ о том, чтоб нам продолжать учить с сохранением содержания, но без ответственности и без права ходить в совет и факультеты[4]. Раз снимают ответственность, можно только порадоваться.

(23 [декабря]) 5 [января]. Целый день чувствовал усталость от вчерашней прогулки на Девичье Поле и на Миусскую площадь[5]; эти прогулки тоже современность: они дают свою колоритную нотку в общую картину русской жизни. На завтра жену требуют на очистку снега[6] — вот еще одна нотка современности; такими «нотками» мы окружены, из них мы не выходим. Одесса занята добровольческой армией и союзниками. Там поднят трехцветный флаг во имя единой и неделимой

России[7]. Наконец-то! Об этом сообщает меньшевицкая газетка «Вечер Москвы», которая, конечно, этому не сочувствует[8].

(24 [декабря]) 6 [января]. Утром вез по улицам Москвы кислую капусту в обществе А. И. Яковлева, такого же, как я, профессора Университета, и О. М. Веселкиной, начальницы Ал[ексан]дровского института, точнее, бывшего и[нститута][9]. Потом сгребал снег с улицы. Потом имел визит гр. П. С. Шереметева по поводу спасения Михайловской библиотеки[10], причем обнаружилось трогательное единение в этом деле и официальных и неофициальных сфер. Я никогда так не был доволен елкой, как в этом году и радуюсь, что, придя от всенощной, мы ее зажжем.

(26 [декабря]) 8 [января]. Два тихих дня, в которые большевики позволили нам отдыхать; я старался в эти дни отдохнуть, но едва ли достиг какого-то ни было результата; по крайней мере, сейчас, вечером второго из этих дней, я чувствую себя таким же разбитым, как и ранее. Сегодня возили Володю в цирк и смотрели, как он веселился; но мы веселиться не могли; нигде, может быть, так, как в цирке, не бросается в глаза царящая над нами охлократия: ничего, кроме горильих рож. Вечером долгий и жаркий спор с Ниной по поводу того, что нам предстоит делать и что предпринять для нашего спасения. Мое впечатление, что пока мы еще не понимаем друг друга. Это очень тяжело, тем более что и сам я ежедневно колеблюсь, не зная, что лучше делать. Но я все более и более прихожу к заключению, что деятельность в Совдепии никакая не мыслима и что отсюда, и во имя России, и во имя себя самого, надо уходить.

(27 [декабря]) 9 [января]. Призраки голода надвигаются все ближе и теснее. Сегодня прошелся по Москве и как-то особенно проникся ужасом от этого мертвого, убитого города; одна мысль — бежать, и более, чем когда-либо, я укрепляюсь в мысли, что надо готовиться к отъезду.

(30 [декабря]) 12 [января]. За эти дни жизнь текла в обычных рамках; это не прежние праздники, а какое-то промежуточное состояние, не лишенное всегдашних беспокойств и отличающееся от простых будней только меньшим числом текущих обязательных занятий. Слухи о том, что большевики собираются разрушить и наш факультет, обратив его в часть нового общего факультета «общественных наук», становятся все крепче. Мы даже совещались по этому поводу и решили, что на имеющее последовать приглашение участвовать в заседаниях, имеющих быть по этому поводу, мы пойдем, хоть все собравшиеся, кажется, ясно себе представляли, что всякие рассуждения будут бесполезны. Очень характерно вел себя Сакулин: он хороший человек, но типичный социал-предатель и соглашатель, не то народный социалист, не то меньшевик, ни то ни се, ругает большевиков и тут же готов всту-

пить с ними в переговоры на каких-то условиях, хотя он сам должен знать, что никаких условий соблюдать все равно они не будут. Есть слухи и о том, что они вовсе не допустят конкурса, а назначат тех, кого им хочется. Я отношусь к этому равнодушно; все дело в том, чтобы дотянуть до лета и до возможности куда бы то ни было уехать или же выждать перемен. Я это и думаю и говорю везде. А перемены все-таки будут; большевики меняют свою продовольственную политику и разрешают свободно ввозить почти все; я не думаю, чтобы это могло изменить к ним отношение недовольных ими масс, но если даже 10% объявленных милостей осуществится, то нам, несчастным буржуям, не производящим хозяйственных благ, будет, может быть, лучше. С другой стороны, отовсюду слухи о разложении красной армии; да она и не может не разлагаться. В-третьих, тоже настойчивые слухи о новых высадках людей и технических средств, главным образом на юге. Наконец, объявление войны Финляндией Эстонии[11]. Разложение внутри и натиск извне; все это должно произойти в течение 1919. О германских событиях я до сих пор ничего сказать не могу, потому что не могу ничего понять в них.

(31 [декабря]) 13 [января]. Сегодня слышал о том, что получены известия от Ент. и Пин. Один говорит, что родственники будут, другой говорит, что вернется весною. Еще сведение, что в Деникинской армии ссорятся монархисты и республиканцы[12] и что при приезде английских офицеров все офицеры напились. Как все это по-русски! Если будут какие-нибудь изменения, то, наверно, выплывут все-таки некоторые новые люди из тех, которые выстрадали все это время и изучили на практике русскую жизнь.

(2) 15 [января]. «Старый» новый год встретили обычным образом у родителей жены — радовались двум пирогам из черной муки и пили сладенькое вино за невозможностью достать ни водки, ни шампанского, которыми прежде провожали и встречали год; вчера опять остатки буржуазности — обед у Е. А. Готье[13] — вместо бездны яств, которые там когда-то в этот день бывали, была ветчина с картошкой, и все поражались роскошью стола: таковы картины голода, затягивающего нас. Но этот голод затягивает и их: упорно говорят о выводе красноармейских частей из Москвы во избежание голодного бунта; они сами пишут о катастрофическом положении продовольствия. Чувствуется, что назревают какие-то новые непредотвратимые события. Что они нам принесут?

(3) 16 [января]. Вчера неожиданно получил письмо от кн. М. М. Черкасской из Харькова от 19 сентября. Где оно валялось — остается тайной. Оно характерно для иллюстрации переживаемого времени, и поэтому я прилагаю его здесь[14]: вот какие сведения дают о себе жители двух городов, между

которыми два года назад сообщение поддерживалось тремя парами курьерских поездов, ходившими 14 часов. В сегодняшних известиях неподражаемое письмо жены «тов. Раскольникова», попавшего в плен к англичанам[15]: офицеры прямо перешли на ту сторону, а матросы в последний момент стали отдавать им честь и величать «Ваше вскбродие» и сами выдали Раскольникова. Русский человек всегда и везде себе верен: «душевной крепости не бе в нас отдавна».

(4) 17 [января]. Все более и более настоятельным становится дело выезда из Москвы Нины и Володи; особенно Нины; вчера пришла в голову мысль, что если Леля переедет в Вологду, то Нине на время уехать туда, так как вопрос питания там лучше обставлен, чем здесь; с другой стороны, хотя дело все труднее и труднее, но надо выхлопатывать право на выезд из Совдепии. Слава Богу, выпустили А. А. Кизеветтера; к сожалению, я его еще не видал; хотя вчера он был у нас, но меня не оказалось дома, а сегодня я его не застал. Сегодня нет ни крупных слухов, ни интересных известий, а между тем именно сегодня какое-то особое нетерпение и желание, чтобы все поскорее кончилось.

(5) 18 [января]. Убиты Либкнехт и Роза Люксембург[16]: наши владыки завыли; это сериозная страница в германской революции; было время, когда я жалел об его [так в подлиннике] аресте, а теперь хочется сказать: собаке собачья смерть; далее наши вещают, что с.-р. ищут с ними соглашения; сегодня мы с Яковлевым обсуждали эту конъюнктуру и пришли к заключению, что такое отслоение vermine [гадов (*фр.*)] скорее хорошо, чем плохо; их мир не будет прочным, а противников коммунистов это сразу отмежует и от с.-р. подлой слякоти. Было собрание домовых жильцов: свергали домового председателя, который покусился на изнасилование дочери управляющего.

(6) 19 [января]. Был в Храме Спасителя на патриаршей службе; пахнуло чем-то старым и хорошим, но я думаю, что это была моя любовь к Московской Руси, а не сознание силы православной церкви, которая слаба и бессильна, несмотря на внешнюю красоту церковной службы. В то же время шла «демонстрация протеста» по поводу убийства Либкнехта; я ее не видал; говорят, что она особой внушительностью не отличалась. Ободряющих новостей нет; сидел дома и работал. Вечером в Обществе истории и древностей, где избирали председателя и секретаря на место умерших Глазова и Белокурова: избрали Любавского и Богословского; последний после избрания заявил, что его дело — свято блюсти устав и священные предания общества[17]. Я с ним согласен.

(7) 20 [января]. Бездна слухов; один противоречит другому; во всем, кажется, можно разобрать только одно, что как будто что-то начинается на севере[18] и, быть может, будет более дей-

ствительным, чем на юге. В Украине новый переворот: директория свергнута какими-то военными; пока еще рано делать выводы, но падение Петлюры и прочей сволочи может навевать только самые приятные чувства. Начал лекции в Университете: 2½ градуса; кое-какой народ все-таки был; удивляюсь этим молодым людям.

(8) 21 [января]. Очищена Нарва[19] и подтверждается переворот в Киеве; этого достаточно, чтобы все повеселели, хотя, может быть, и без всякого основания; в остальном — день прошел, и слава Богу; благодарим Его и за то, что Нина вымолила в Совдепе на усиленное питание 30 яиц, 3 фунта пшена и 3 фунта риса; именно вымолила и выстояла.

(9) 22 [января]. Справляем св. Гапона[20] и их же с ним убиенных или без него, это все равно; в мертвой Москве все закрыто, что разницы не делает, ибо и в остальные дни тоже все закрыто. Ходил в Дорогомиловскую слободу[21] за молоком к отставному извозопромышленнику, который делает нам милость, поставляя по дорогой цене небольшое количество молока; из разговора выяснилось, что вся семья недовольна существующим положением дел; видно, что низы готовы растерзать и своих теперешних владык, но еще не решаются и без посторонней помощи не решатся этого сделать. Много смутных разговоров и слухов, но веры им придавать страшно: уж очень грустно во всем разочаровываться.

(10) 23 [января]. Продолжаются напряженные ожидания чего-то такого; быть может, не будет и на этот раз ничего, а жизнь становится все труднее. Утром я ходил к Мясницким Воротам[22] в магазин Самсонова получать 30 яиц и 3 фунта риса для Нины и Володи. Уже самый факт путешествия так далеко за столь малым характерен для нашего времени, но путешествие по Москве в деловое время утром еще раз произвело на меня ужасное впечатление — вероятно, нашествие Чингис-хана приблизительно так влияло на города, которые ему подвергались: все окна заколочены, все убито, все прекращено; не скоро удастся все исправить и привести в порядок тем, кто будет призван это сделать. Рассказывают, что Ленин, катавшийся в автомобиле по Сокольникам, был остановлен, причем у него отобрали автомобиль и пригрозили ему браунингом, кто — не известно[23]. Se non é vero, то, во всяком случае, характеризует разложение нынешнего режима.

(12) 25 [января]. Татьянин день. Обедня в Большом Вознесенье[24]; прекрасное пение; среднее количество профессоров и отсутствие студентов; может быть, впрочем, потому, что об этой обедне знали только по передаче из уст в уста. Наш прот. Боголюбский сказал проповедь на тему о том, что древние мученики и мученицы не «стыдадились» [так в подлиннике] Христа; надо было сделать естественный вывод, что нынешние люди Его стыдятся; это было бы верно, но вывода такого

он не сделал; быть может, сам устыдился или, точнее, испугался; проповедь могла бы быть эффектной, но эффект произведен не был. В 1 час дня была встреча профессоров в зале совета; встреча неофициальная; было человек 50 профессоров, новых и старых, уйденных и оставленных; начал собрание Гулевич[25] очень тактичной и умной речью; по содержанию она была обычной речью при открытии собрания, но он очень тонко коснулся современного момента и не менее тонко благодарил Боголюбского за возможность быть сегодня в храме; под конец он предложил избрать председателем собрания Савина. И Савин хорошо справился с задачей руководить разговорами, о которых можно было сказать словами Цицерона: cum tacent, clamant [красноречивое молчание (*лат.*)]. Не знаю, что было на душе у присутствующих, но, конечно, речи большей частью шли о том, что Татьяна наша не последняя, и что мы опять будем ее праздновать в нашем храме[26] и что Московский Университет еще сыграет свою роль в том возрождении России, которого мы все так страстно ждем. А мне так не раз сегодня думалось — не последняя ли это Татьяна? Не умрет ли сам собой наш Университет от холода и голода, если большевики не умрут до тех пор? Я рискнул приветствовать от имени собравшихся Кизеветтера и Новикова, недавно вышедших из узилища или из Бутырской санатории[27]. Некоторые говорили с искренним оптимизмом, например, тот же А. А. Кизеветтер, который меня этим даже поражает; я недоумеваю, искренняя твердая вера или маниловщина. Характерным было выступление Д. Л. Черняховского, когда-то моего репетитора, который говорил об идеальной автономии Университета с участием студентов; его речь не была покрыта аплодисментами. Разошлись, посидев часа полтора. К сожалению, сегодня не устроилось компании, чтобы провести Татьяну; никогда мне так не хотелось ее отпраздновать, как сегодня. Сегодня большевики напечатали обращение предварительной Мирной конференции ко всем русским правительствам, приглашая их съехаться 15 февраля на Принцевых островах. Конечно, трудно сказать, каков истинный характер этого предложения или предписания; я толкую его как очную ставку перед диктаторами мира; общее мнение не пессимистично; большевики комментируют его с кислыми ужимками, ибо искренно они его принять не могут. Быть может, это последняя попытка что-либо сделать с Россией[28]; быть может, последняя попытка спаять русских или отругать их перед активным вмешательством; что ж, подождем 3 недели; ведь ждали же достаточно долго. Очень поучительны и очень утешительны выборы в германский учредительный Рейхстаг: ни одного спартаковца и 23 независимых; большинство у шейдемановцев, которые, в сущности, не левее наших кадетов[29]. Европа осталась Европой, а Россия показала, что она

не более как ожидовевшая Азия. Вчера мне пришлось пешком идти на лекции на Девичье Поле[30], а оттуда пешком же на лекцию в Университет Шанявского; если бы это пришлось делать регулярно, то чтение лекций было бы невозможным.

(13) 26 [января]. Был у меня Н. А. Бердяев[31], несомненно выдающийся и приятный человек. Живя литературным трудом и, вероятно, капиталом, он тоже дошел до стенки и говорил со мной о возможности получить место по части музеев и архивов; я, конечно, дал ему все необходимые советы и указания. В беседе он высказал мысль, которую я вполне разделяю, хотя она до моего сознания еще не доходила: у нас слишком много разлагающих сил и слишком мало, точнее, совсем нет сил слагающих; в этом наша величайшая трагедия и опасность. Он был ранее оптимистом, но сейчас изменился к худшему; однако, его пессимизм не превосходит моего. Говорят, на вчерашней профессорской беседе был Артемьев, «товарищ министра» от большевиков[32]. Как жаль, что никто мне не показал этого субъекта, который, вероятно, пришел туда в качестве соглядатая. О вчерашнем приглашении на Принцевы острова сегодня пишут кисло, а меньшевики даже вовсе молчат; значит тут что-то не то.

(14) 27 [января]. Присутствовал на заседании библиотечной сессии; так называется какое-то новое учреждение, выдуманное в Комиссариате Народного Просвещения для управления библиотеками в Совдепии. Я пришел в кабинет тов. Луначарского, где (без него) происходило какое-то предварительное заседание и без толку сыпались слова; председательствовал беспринципный тов. Брюсов[33]; минут через 15 пришел тов. Покровский и, едко извинившись за какие-то слова, сказанные накануне, выгнал заседание из этого кабинета; стали искать, куда идти; оказывается, что бывший актовый зал Лицея не топится — в нем 5°; в библиотеку? но есть постановление, что в библиотеке заседаний быть не должно; но что же такое? Покровский по-солоновски [так в подлиннике] изрек, что библиотечная сессия в библиотеке заседать не может; долго ждали между шкапами, что кто-то откроет заседание. Глядя на все это, я еще раз вспомнил слова генерала d'A[...]de, говоренные в Москве — a, le gâchis [ну и безалаберщина (*фр.*)]! Кроме gâchis, русские ни на что не способны, очевидно.

(17) 30 [января]. Заседание «библиотечной сессии», так названы какие-то периодические съезды, которые должны вершить дела русских библиотек[34]. На них присутствуют отчасти люди нашего склада, вроде вице-директора Публичной библиотеки Браудо, Венгерова[35], Калишевского; надо сказать, что петербургских мало; академики Ольденбург и Дьяконов сказались больными и не приехали[36]. Зато и другой лагерь представлен очень полно, и даже товарищ Покровский удостаива-

ет принимать участие в дебатах. Быть может, самым интересным экземпляром является С. Д. Масловский (псевдоним — Мстиславский), бывший библиотекарь Академии Генерального штаба, левый с.-р., участник брестских переговоров, отец семейства в 10 человек, на вид алкоголик, про которого говорят, что его поступки всегда возбуждали по меньшей мере недоумение. Он предлагает сделать все книги в России общим достоянием, предоставив «народу» уничтожать книгу, пользуясь ею где угодно и как угодно; другой тип, А. П. Кудрявцев, ловкий проходимец из эмигрантов, ставящий своей задачей почему-то покровительство русским антиквариям, быть может, будучи сам заинтересован в этом. Кто знает? О других не говорю: достаточно посмотреть на физиономии А. А. Покровского, почему-то пользовавшегося популярностью среди библиотекарей в Москве, тов. Чачиной, что-то лепечущей о внешкольном образовании[37], и иных, чтобы видеть, что из рук этих горилл скоро вывалится последняя книжка. Во время дебатов было несколько перлов; говоря об антиквариатах, М. Н. Покровский говорил, что они жулики и мошенники; Кудрявцев, возражая ему, говорил, что такое явление может быть только исключением, что вообще все, что основано на грабеже, не может быть твердым: попал пальцем в небо. Говорили о возможной утечке редких книг за границу; Покровский по этому поводу изрек — все равно или большевицкий остров поглотит море, или море высохнет; как оно, очевидно, имеет тенденцию. Не то глупость, не то доктринерская наивность. Между прочим, на этой сессии мы проводим какие-то фантасмагорические штаты библиотеки — в 250 человек[38]. Куда мы будем их сажать? Долго ли эта орда просуществует у нас? На общем горизонте ничего определенного; говорят, что на Принцевы острова поедут Раковский[39] и Иоффе, чтобы ссорить американцев с англичанами и французами; это тоже называется попасть пальцем в небо. Все-таки, очевидно, что до весны не будет ничего и что в конце концов вся Россия, голодная, бессильная и разоренная, упадет в объятия иностранных капиталистов и империалистов.

(18) 31 [января]. Сегодня несколько радостей, характерных для современного момента; Маша приехала из деревни и привезла картофеля 7 пудов, 6 фунтов масла, 7 фунтов крупы и 3 огромных ковриги хлеба; читал в Шанявском, был народ и дали денег с сентября; и, в-третьих, не было никакого пленума или комиссии. Общих слухов никаких; все остается, как вчера; говорят, что на Принцевы острова они не едут; для нас это было бы даже и лучше.

(19 [января]) 1 [февраля]. Слышал от А. И. Браудо, со слов В. Д. Бонч-Бруевича, что на анонимное радио они не поедут;

из того же источника: Ленин говорил Горькому — мы знаем, что у нас ничего не выходит, но куда же нам уходить, когда нас никто не свергает. Поэтому они гонят вовсю, и в ус себе не дуют, и будут так делать до последней своей минуты. Вчера нес в руках два хлеба от Ярославского вокзала в Мертвый переулок — оригинальное занятие. Имел разговор с П. С. Анти[...] о передвижениях на юг; находит, что сейчас никуда пробраться нельзя.

(21 [января]) 3 [февраля]. Кислые известия в «Известиях», изобличающие недовольство из-за того, что их недостаточно приглашают на конференции; на днях они расстреляли четырех великих князей: Георгия и Николая Михайловичей, Дмитрия Константиновича и Павла Александровича[40]. Рязанов назвал это «гнусным расстрелом». Надо думать, что у них есть два противоположных течения — 1) за сближение с Европой — 2) против него.

(22 [января]) 4 [февраля]. События дня: нота тов. Чичерина правительствам союзников: предлагаются концессии, амнистии, уплата по займам, с условием, чтобы внутренний строй Советской России остался нетронутым. Некоторые считают это капитуляцией, но я не держусь этого мнения; вся нота полна лжи, обычной для большевиков; они обещают что угодно, с тем чтобы при случае обмануть и отречься от всех своих обещаний[41-42]. Для меня вопрос состоит в том, что союзники из этого сделают или захотят сделать: сделают ли вид, что они им поверили, и вступят в переговоры, или же это будет моментом полного между ними разрыва. Я думаю, что, на худой конец, если они начнут договариваться, то будет небольшой момент, когда сношения с заграницей будут возможны; тогда надо этим воспользоваться и уехать. Меня сильно начинает тяготить моя библиотекарская должность в Музее; хлопоты без конца, все усиливающиеся, и более никакого нравственного удовлетворения.

(23 [января]) 5 [февраля]. Большевики заняли Киев[43] и отходят в Псковском районе; вечная кадриль chemins croisés [скрещивающихся дорожек (*фр.*)]; однако военные действия продолжаются повсюду, и это стоит в полном противоречии с условиями, выставленными союзниками в радио, приглашавшем большевиков на Принцевы острова. По более или менее общему мнению, положение должно определиться — или война, или мир, и, во всяком случае, конец теперешнему неопределенному состоянию. С Яковлевым и Бахрушиным решили, что, если будет мир, конечно, временный и, вероятно, кратковременный, надо тотчас же выбираться из Совдепии.

(25 [января]) 7 [февраля]. Очередные слухи: кто из них едет якобы в Париж, кажется Мануильский; его будто бы вызывают, однако он едет с паспортом Красного Креста, что до-

казывает, что дело обстоит не так просто[44]. Ноту Чичерина будто бы заставило их послать то, что где-то высадился большой десант; в Финляндии есть будто бы и русская организация во главе с генералом Юденичем и с Треповым[45]. Вернулся А. Э. Вормс с финляндской границы; его с большевицким паспортом не пропустили, тогда как будто бы пропускали людей без оных; Вормс сидел 3 дня на границе, читал газеты финские, шведские и английские и вынес впечатление, что английской интервенции не будет, потому что внутренние затруднения Англии слишком велики. Сегодня узнал, что арестовали у нас в доме самых влиятельных членов домового комитета — кн. Урусова, Соколова и Крылова; уверяют, что это визитная карточка бывшего председателя Славина. Сегодня целый день мрачное настроение.

(26 [января]) 8 [февраля]. Угнетенное состояние души; чувствую, что все валится из рук и ничего делать не хочется, ибо порывы их творчества, которые грозят теперь сломать университеты и опечатать Музей, т. е. изгадить всю мою работу, — еще хуже их виртуозности в ломке. Был у меня в Музее офицер Генерального штаба, которому в один день поручено от «полевого штаба» выяснить, какие области Россия советская может отдать кому-то такое на основании ноты Чичерина. После долгого разговора выяснилось, что в основу работы можно положить атлас Замысловского[46].

(28 [января]) 10 [февраля]. В умах полная неразбериха; но слухи опять как будто оживляются: рассказывают о каком-то кооператоре типа с.-р., который приехал из Англии и слова которого в общем подтверждают слова Вормса о состоянии умов в Англии; говорится о добровольческой армии — нерусской — которую будто бы успешно набирают и поддерживают Франция и Англия; говорят о взятии обратно Уфы[47]; в газете печатников письмо некоего мужа революционна о том, что у Колчака 400 000 прекрасной армии. Где правда, где ложь? А между тем большевики свое дело делают и ломают университеты; теперь выдумали нас, историков, свести с юристами в факультет общественных наук[48]; для них никогда не будет достаточно ерунды. Принялись и за библиотеки, вследствие проявленного к ним со стороны тов. Ленина интереса[49] — постоянные циркуляры, точь-в-точь как ранее, когда чем-нибудь интересовались августейшие персоны.

(29 [января]) 11 [февраля]. Решил провести день дома, чтобы отдохнуть от Музея и подкрепить слабеющие нервы; на этот раз это мне удалось; лекции, однако, я читал и опять удивился на наших студентов, которые хоть и в малом числе, но упорно являются слушать курс доисторической археологии. Общее положение без перемен; те же слухи и то же болото.

(30 [января]) 12 [февраля]. Еще один день дома; чувствую,

что у меня менее желания бросаться на других, нежели несколько дней назад; целый день занимался вдали от газет и от шума; новостей, кажется, особенных нет; вечером в Обществе истории и древностей, где М. М. Богословский читал свои воспоминания о В. О. Ключевском (сегодня его именины): в мастерском изложении М. М. ожили воспоминания о Московском Университете за 80-е и начало 90-х годов, когда Московский Университет был центром умственной жизни Москвы; пахнуло чем-то далеким, хорошим, навсегда ушедшим; надо и мне написать свои воспоминания об университетском времени[50].

(1) 14 [февраля]. Встретил Ил. Н. Бор[оздина][51], который рассказывает, что «они» собираются уничтожить «2-ю ступень» единой трудовой школы, ими же самими изобретенную, и желают заменить ее посылкою всех детей на фабрики на 4 часа в день, причем за фабричным трудом будут следовать чтения[52]. Перемен нет, кроме того, что нам, кажется, не миновать слияния с юристами и что пресловутый всероссийский конкурс, ими же объявленный, будет заменен простым назначением. Общий вопрос — быть или не быть — стоит без перемен.

(2) 15 [февраля]. Опять большой праздник, проведенный как будень; сидели после 3-х часов в научно-издательской комиссии при архивном управлении и толкли воду в ступе: рассуждая об издании документов, которых ни при современном, ни при будущем состоянии русской земли издавать все равно не придется. Приехавшие из Петербурга передают, что все там на месте; однако тов. Чичерин разразился сегодня нотой к Финляндии по поводу сосредоточения войска на финско-русской границе.

(5) 18 [февраля]. За два дня произошли большие и неприятные события. «Военный Контроль», поселившийся в нашем доме, переименовался в «Особый отдел ВЧК»[53]. и стал пухнуть и расширяться. «По стратегическим условиям» они выселяют всех жильцов старого Солововского дома, и все 10 оставшихся квартир вселяют в дом № 4, т. е. наш. При этом недвусмысленно говорят вокруг, что и весь дом будет постепенно выселен. Приходится опять думать о переезде в Музей; об этом ведутся переговоры, и мы уже сейчас отправили часть мебели в Музей. Надо все устроить и все привести в порядок, а там, может быть, удастся и что-нибудь сделать с собой самими. На общем горизонте мертвая зыбь.

(6) 19 [февраля]. Все по-прежнему, и даже нет интересных слухов. Для проведения фантасмагорических штатов Румянцевского Музея я был водим в Комиссариат Народного Просвещения на заседание коллегии комиссариата. Председательствовал тов. Покровский, но я никогда не думал, чтобы он вел заседание так вяло, скверно и неумело. На заседании при-

сутствовала Н. К. Крупская-Ульянова-Ленина[54], без 5 минут русская императрица; я не ожидал видеть ее такой, какая она есть, — старая, страшная, с глупым лицом тупой фанатички, причем ее уродство подчеркивается ясно выраженной базедовой болезнью; остальные присутствующие были Познер, Шапиро, Маркс[55] и другие представители господствовавшего племени, кроме тов. Чачиной — тип вечно смущающейся, краснеющей и мигающей учительницы, тоже фанатического вида, которая при Н. К. Крупской состояла вроде того, как mezzo-soprano состоят при soprano в италианских операх[56]. Первый вопрос, на котором я присутствовал, касался невразумительной и сумбурной записки Ленина, сущность которой сводилась к тому, что вся Совдепия должна покрыться сетью библиотек, причем каждая из них должна дать отчет о своих успехах, а все вместе — соревновать одна перед другой[57]. К записке все относились совершенно так же, как в былое время к тому, что всемилостивейше начерталось на всеподданейших докладах. Чрезвычайно характерна была речь одного из присутствующих — тов. Темкина[58], конечно еврея, по поводу этой записки: он доказывал, что надо создать сначала библиотекарей, потому что в провинции «наших» нет, что культурное земство исчезло и интеллигенция ушла. Ульянова и Покровский были смущены, когда увидели, как их товарищ попадал пальцем в небо. По этому же поводу зашла речь о каком-то учреждении, которое будет называться Центрокнигой и, состоя при ЦИКе, будет монополизировать все издательства в России. Жиды, создавшие этот проект, съели, как оказалось, издательства Комиссариата Народного Просвещения, и надо было видеть, как товарищи присутствовавшие ругали отсутствовавших и какая рознь чувствовалась между ними[59]. Очень характерны были слова, сказанные Покровским во время обсуждения этого вопроса: он говорил о том, что часть книг куда-то спрятана, что «они в провинциальных городах припрятаны спекулянтами, которые все еще чего-то ждут, но дождутся, наверно, только того, что книги станут макулатурой. Старым книгам надо противопоставить наши книги». Удивительна эта слепая вера в спекулянта, эта боязнь чего-то, что не должно прийти, но придет, и это противоположение наших и ненаших. Затем тов. Шапиро, из молодых ранний, настаивал, чтоб разрешали какой-то вопрос, в котором он был заинтересован; Покровский не соглашался; другой жид, тов. Познер, сначала поддерживал Шапиро, но потом, убедясь, что Шапиро что-то сделал помимо его, резко переменил фронт и, называя того не Львом Григорьевичем, а Л. Шапировым, стал соглашаться с Покровским: опять ссора, свара, подкапывание друг под друга. Еще один из вопросов был отложен Покровским на том основании, что доклад о нем не был доставлен членам коллегии, но оказалось, что

правитель ее дел, тов. Маркс, уже шесть дней назад роздал его всем, кому нужно было. Присутствующие долго сетовали на плохую постановку у них дела. Когда дошел черед до наших штатов, то оказалось, что мне не нужно было вовсе приезжать. Я, однако, не раскаивался, что потерял здесь время; картина убожества и неумения ничего сделать, разве только утопать в словах, была так ярка, что оставила во мне неизгладимое впечатление и убедила еще раз, что эти существа, имеющие от людей только образ, ничего создать не могут.

(8) 21 [февраля]. Сегодня получился пресловутый ордер на вселения, но завтра еще будут судить и рядить, кого и куда вселять. Был в архиве Иностранных Дел, где М. М. Богословский нашел мне дело Волынского[60], которое я давно хотел просмотреть; архивные занятия произвели на меня впечатление наркоза. В Музее я подал записку о командировке за границу; выйдет ли это дело? На общем горизонте опять мертвая полоса; слухов новых нет.

(9) 22 [февраля]. Весь день провел в заседаниях, причем одно было бесполезнее другого. В Музее 3 часа слушали рассказы Романова и Борзова[61] о их питерских похождениях на «общемузейской конференции», столь же ненужной, как и все другие начинания нашего времени, потом в Главном архивном управлении занимались тихим саботажем, слушая какие-то правила печатания документов, изобретенные А. Н. Филипповым[62], и, наконец, вечером в домовом комитете сидел, чтобы защищаться от уплотнения и вселения; здесь получилась самая неожиданная картина: пресловутый Славин не желает выезжать, и поэтому весь план уплотнения нашего дома сел на мель. Вопрос остается открытым до понедельника. Глупо, тошно и смешно.

(10) 23 [февраля]. Буржуйно отдыхал, пролежав в постели до 12 часов, и целый день ходил по гостям до оттяжки. В газетах сообщается об уходе в отставку Краснова и о том, что где-то неподалеку от Одессы большевики столкнулись с французами[63]; быть может, это сдвинет дело с мертвой точки. Сегодня день годовщины основания красной армии; на тех улицах города, где я сегодня был, праздник этот не выражался ничем, кроме нескольких уродливых плакатов. Д. Е. Курдюмов рассказывал о совещании по разгрузке московского узла, на котором он присутствовал: оказывается, что разгружать некому и нет никаких механических средств; на Северной дороге коммунисты сами подавали сегодня пример разгрузки вагонов, но из 2000 служащих пришло только 120.

(11) 24 [февраля]. Вопрос об уплотнении выясняется: сегодня мы проводили последний день в нашей столовой; завтра мы уступим ее или Бабогину [?] с тремя детьми и женой-ведьмой, или Рубцову — инженеру с большой семьей; таковы превратности современной жизни; все более и более крепнет

мысль о неминуемости полной ликвидации квартиры. Новостей никаких, кроме разве того, что к нам едут ревизоры из западных социалистов — Каутский, Адлер, Гильфердинг, Гендерсон, Лонге и т. п. Что могут нам дать они? Ничего или что-нибудь еще худшее, чем то, что мы имеем.

(12) 25 [февраля]. Происходил переезд внутри квартиры; усталость, беспорядок, ужас; все это так дико и так ненужно, и так современно. Извне ничего, все по-старому. Фантасмагорические штаты Румянцевского Музея сделали новый шаг к своему осуществлению; штаты факультета общественных наук также проходят. Вечером слушал пробную лекцию А. А. Новосельского; это прекрасно устроенная голова; отличная лекция на тему «Дворянское землевладение после Смуты и после 1861 года». Это первый из молодого поколения историков, которого мы выводим на свою смену. Я думаю, что этот будет хорошим продолжателем школы Ключевского[64].

(14) 27 [февраля]. Два дня прошли в переезде, и вот мы теперь стеснены в 2-х комнатах, в которых еле помещается та часть имущества, которая нам необходима для жизни. Извольте при таких условиях заниматься и двигать науку, т. е. исполнять ту обязанность, которую с нас не снимают и большевики. Мне было сначала очень грустно покидать еще ½ квартиры и остаться в двух задних комнатах; грустно, потому что, въезжая в эту квартиру, мы думали, что она будет для нас вековечной квартирой; потому что она нам подходила по всем своим условиям. Но, переехав, я чувствую себя легко и вспоминаю стихи Печерина о пловце на море в челноке; еще один якорь сорван, еще одной задержкой меньше; надо жить на бивуаках, пока не околеешь, или не уедешь, или не переживешь это ужасное время. Но все-таки в таком стеснении жить нельзя и надо искать выхода в переселении в Музей, от чего я отказывался в течение целых 20 лет. На общем горизонте муть. Узнал, что делают предложение поступать на службу подслушивать частные разговоры по телефону на правах военной цензуры; такое предложение сделано было моему товарищу В. А. К. Все более и более убеждаюсь, что приезд социалистической делегации не сулит нам ничего хорошего; между прочим, для них реквизировали особняк А. В. Рериха в Малом Каретном переулке; таким образом, светила социализма будут жить в награбленном добре; это стильно и хорошо.

(15) 28 [февраля]. День без больших впечатлений; удалось вспомнить старую масленицу и съесть вволю блинов; газет не читал вовсе и потому сохранил сравнительно хорошее расположение духа. Никаких слухов не слышал.

(18 [февраля]) 3 [марта]. Не вел записей, потому что предпринято очень характерное для современной жизни путеше-

ствие: в ночевку в Машков переулок к Готье и оттуда к Курдюмовым на Ярославский вокзал; туда ехали на ломовом от Университета до Сретенских Ворот за 10 рублей; оттуда — на извощике за 50 рублей; все прочее без перемен; все кругом так же тошно, как и раньше.

(19 [февраля]) 4 [марта]. Сегодня в принципе решили переехать в дом Музея, в половину квартиры Мензбира. Я думал, что из нашей квартиры в Большом Знаменском мы переедем только на тот свет; но вот что значат человеческие предположения; пришли большевики и разрушили их все: переезд в Музей, куда я 20 лет не только не стремился, но сопротивлялся переезжать, грозит многими осложнениями и неприятностями; но в данный момент надо думать, что там будет покойнее, а если придется и удастся уехать, то и добро, быть может, будет целее.

(20 [февраля]) 5 [марта]. В пятницу, говорят, будет решаться судьба профессоров-историков. Большевики составили какую-то комиссию из 15 коммунистов (в том числе Сторожев)[65-66] и 15 некоммунистов, которые должны решить, кто из профессоров юридического и исторического отделений историко-филологического факультета достоин войти в факультет общественных наук; от нас туда имеют отправиться Богословский, Савин, Петрушевский и Виппер[67]; мне очень их жалко, особенно первых двух; отправились они туда по специальному приглашению. Я считаю себя профессором Университета по избранию совета Университета 18 апреля 1915 года; я не сделал ничего, чтоб так или иначе заявить свое отношение к князьям мира, и буду продолжать их игнорировать до тех пор, пока меня или выгонят из университета, или я сам выберусь из Совдепии.

(21 [февраля]) 6 [марта]. Решение судьбы будет не в пятницу, а в понедельник; наше будущее зависит от цвета социалистической академии, которая, видимо, не сумев ничего сорганизовать из себя, желает внедриться в Московский Университет силой; таков смысл всей реформы: озлобленные неудачники, ничтожества, преисполненные самообольщения, желают распоряжаться судьбами Московского Университета[68]. Кругом все мертво; надежды на освобождение меркнут все более и более; а процесс перегнивания затянется надолго. Большевики внезапно объявили на завтра праздник 3-го Интернационала. Что это значит, я как-то, к стыду моему, не понимаю[69].

(22 [февраля]) 7 [марта]. Пользуясь праздником 3-го Интернационала, я целый день сидел дома и занимался на проходе в нашей спальной, причем у меня осталось впечатление, что за мной в коридоре целый день кто-то ходил в ватер-клозет. Это впечатление от чрезмерного прироста населения в квартире. Вечером город был во мраке: внешних проявлений

радости от 3-го Интернационала я не видал; но Александровское училище было все освещено: должно быть, они там пировали.

(25 [февраля]) 10 [марта]. На большом горизонте нет ничего ясно видного; однако в эти дни вновь оживились слухи, быть может, в связи с их беспокойством и недовольством, которое они, по-видимому, проявляют за эти дни; опять говорят о каких-то наступлениях в Балтийском крае, в Литве и к Минску[70], всему этому я, впрочем, значения большого не придаю. В субботу мы устраивали пир у Курдюмовых на Ярославском вокзале; я записываю это, потому что факт этот характерен для нашего времени: 12 человек собрались на кооперативные блины, потому что всем хотелось забыться, выпить алкоголя и наесться блинов; пир начался в 9 часов и продолжался до 4-х часов ночи; по правде, все было забыто, было тепло, светло и весело. В тот же день до пира я был призван в ВЧК, в ее особый отдел, поселившийся у нас во дворе; я должен был дать показания по делу кн. Ю. Д. Урусова, обвиненного в «сокрытии государственного достояния», каковым оказались документы исторического значения. Урусов мне говорил о них два раза, и оба раза я советовал ему сдать их в государственное хранилище; на эти разговоры он сослался, и вот поэтому я и был привлечен к допросу. Первая повестка была в четверг, 6-го; я получил ее после назначенного для допроса времени; в субботу меня потребовали туда по телефону и пригрозили даже арестом, если я скоро не приду. Я отправился в особняк М. М. Петрово-Соловово и нашел грязный вертеп, наполненный мальчишками-латышами и девками-латышками. Меня попросили обождать в комнате, откуда вытащена всякая мебель — осталось только несколько стульев; я слышал, как резвились латыши рядом, и прочел на стене объявление о том, что фракция коммунистов при особом отделе ВЧК выражает порицание товарищам, которые позволили себе грубое обхождение с товарищами женского пола на кухне. Потом, скрипя сапогами, пришел золотоволосый и голубоглазый человек лет 30-ти, очень вежливый и приветливый, который сказал мне, что он сию минуту к его [так в подлиннике] услугам, и, спустя некоторое время, я позван был в старую спальню этого дома с коринфскими колоннами и дивным зеркалом; следователь Фельдман, с золотыми волосами и безупречным русским языком, более похожий на старого народовольца, чем на современного латышско-еврейского деятеля, допросил меня вежливо и толково и напоследок сообщил, что документы, бывшие у Урусова, составляли делопроизводство Ставки с 25 февраля по 1 апреля 1917, которые он получил, вероятно, как бывший в то время прокурором Могилевского окружного суда. Я не мог не сказать, что было неосторожно такие документы держать у себя. Сегодня, как я

узнал вечером, «выборы» в новый факультет не могли состояться, так как товарищи-коммунисты, назначенные «перебирать людишек» из так называемых буржуазных профессоров, не явились. В этом они сказались все во всей своей красоте и неряшестве.

(27 [февраля]) 12 [марта]. В понедельник и сегодня, в среду, решалась судьба юридического факультета и историков и не решилась. В понедельник пришло 13 человек академической группы и 3 коммуниста; сегодня — 13 академической группы и 18 коммунистов. В понедельник они составили свой список; сегодня был составлен другой, более длинный и совершенно измененный; в первом списке из нашей группы историков были Кизеветтер, Богословский, Яковлев, Пичета; не было Любавского, меня и Бахрушина; относительно меня, как выяснилось, тов. Покровский, который более или менее всем вершит, не мог себе усвоить, как можно, будучи «директором громадной библиотеки», сочетать это с Музеем [так в подлиннике; вероятно, должно быть: с университетом]; сегодня это было выяснено, и моя кандидатура прошла, но все дело сорвалось из-за того, что сегодня, после 6-часового прения, большевики выдвинули кандидатуру Стеклова-Нахамкеса, и эту кандидатуру академическая группа не приняла[71]. Тогда тов. Покровский заявил, что эта попытка соглашательства не удалась, как и всякая попытка соглашательства, и что поэтому новый факультет придется комплектовать индивидуальными приглашениями; обе группы разошлись, не прощаясь. Все это мы обсудили у Богословского, который сказал нам (Любавскому, Яковлеву и мне), что он ожил, увидав нас после того, как 6 часов смотрел на страшные, нахальные жидовские рожи. Мы решили, что наш долг — нести наши обычные обязанности и гадать, что будет дальше; что, может быть, все это случилось даже к лучшему, ибо избавляет всех от какой-либо индивидуальной ответственности. Еще одно общее впечатление, нами закрепленное: большевическим жидам до смерти хочется влезть в Московский Университет, и они всячески стараются, чтобы туда попасть, сохраняя какие-то фиговые листы законности: я думаю, что будет лучше, если они себя туда сами назначат. Новое оживление слухов; упорно говорят о начавшемся наступлении Колчаковских войск с востока[72]; быть может, это только очередные самоуслаждающие слухи.

(28 [февраля]) 13 [марта]. Общее приподнятое настроение от разных слухов, неизвестно на чем основанных, по поводу того, что произошло вчера. Общий голос, что так лучше.

(1) 14 [марта]. На частном совещании потерпевшей поражение академической группы решили, если последует приглашение от большевиков, то собраться на совет. Я очень рад, что я далек от всего этого; пусть будет, что будет, ибо оставаться в Университете в той компании, которая туда лезет, не

есть уже служить и быть профессором университета. Можно допустить, чтобы они назначали, но входить с ними в соглашение или соглашательство не следует. Общие известия по-прежнему скорее благоприятны.

(2) 15 [марта]. Продолжают распространяться слухи о продвижении с востока[73], о волнениях среди красноармейцев и рабочих, и все веселеют; между тем голод, несомненно, растет; хлеб дошел до 30 рублей фунт, мука до 1100 рублей пуд. Сегодня решился наш переезд в Музей; в залог возвращения оставляем в квартире люстру и полки для шкапа в передней.

(3) 16 [марта]. Слухи крепнут; говорят о восстаниях среди красной армии, о волнениях на почве голода; забастовки в Петрограде они сами не отрицают. Впечатление, что что-то нарастает, есть несомненно, но когда и во что это выльется, даже и думать об этом трудно. Сегодня фактически начали переезд; только теперь чувствуется вся ненужная канитель этого дела. Последние новости по академическому вопросу таковы, что историко-филологический факультет остается без перемен до конца апреля и что экономистов передают к нам на факультет, прежде чем нас, историков, передадут на факультет общественных наук.

(4) 17 [марта]. Получено письмо от Патулье; пишет, что по вопросам взаимопонимания должно быть совещание в составе groupe promoteur [инициативной группы (*фр.*)] и лиц, бывших в России, — его, Avenard и Malfitano. Malfi вернулся из Италии, где забросил удочку взаимопонимания также; как хотелось бы побывать на этом заседании! О жизни в Париже он пишет, что только хлеб и сахар по карточкам; «la boucherie abonde» [мясные продукты в изобилии (*фр.*)]; яйца стоят 60 сантимов, т. е., по отзывам знающих дело, в 4 раза более, чем до войны. Ходил в Комиссариат просвещения поддерживать и проводить штаты Румянцевской библиотеки; ждали с А. А. Борзовым 2 часа, после чего нам сказали, что все вопросы откладываются; хамы остаются хамами.

(5) 18 [марта]. Праздник Парижской коммуны и похороны президента Свердлова; я думаю, что парижские коммунары никогда не думали, что русские варвары будут их праздновать полвека спустя после прелестей 71 года, а президент не думал, что праздник, в установлении которого он, несомненно, принимал участие, омрачится его собственными похоронами. С 10 до 1 часа сегодня 15 человек музейских товарищей перетаскивали наши пожитки на новое жительство на руках, на салазках, причем и мы этому всему помогали. Остатки нашей квартиры облуплены и пусты; если вдуматься во все это, то берет тоска, но лучше в это не вдумываться, а плыть по течению; разум велит жить как можно более налегке. По слухам, их продолжают толкать с востока.

(6) 19 [марта]. Гигантские штаты Музея сделали сегодня

новый шаг к своему осуществлению. Еще раз пришлось побывать в «коллегии комиссариата». Тов. Покровский очень милостиво докладывал о деле нашего Музея; в заседании были Познер, Артемьев и какие-то 2 типа рабочего вида, говорят, влиятельные члены сего учреждения. Меня очень заинтересовал Артемьев. Вид человека из общества, бледное лицо, желчный и неприятный вид; чувствуется или обиженное самолюбие, или неудовлетворенное честолюбие. Во время разговоров маленькая подробность: заговорили о сверхсметных кредитах; Покровский, смеясь, заявил, что у комиссариата средств на них нет, за исключением ассигнованных на Пермский Университет, который занят чехословаками. Слухи все те же; внимание обращается на Поволжье. Мы все еще не можем переехать на музейскую квартиру, потому что нет лошади, на которой мы могли бы перевезти громоздкие вещи.

(10) 23 [марта]. Все эти дни мы переезжали и вот уже третий вечер живем Моховая, 3, квартира 9, совместно с профессором М. А. Мензбиром. Устраиваемся мы прилично, во всяком случае, лучше, чем мы были последнее время на старой квартире. Перенесение совершалось до сих пор только на руках, так как при всем желании не можем достать ни одной подводы — ни через «гужевой транспорт» (так называется большевистский «центроломовой»), ни вольным образом. Это также проявление и знамение времени. Переезд повлек за собой переборку всех книг; это я делал с удовольствием, и во мне опять стало просыпаться желание собирать книги; надеюсь, что завтра довезут сюда все остальные книги, и моя подручная библиотека, насчитывающая томов около 3000, уставится в скромном уголке, ей отведенном. Хуже всего дело обстоит с роялью; боимся, что ее испортят при перевозке, так как опытных людей нет, а неопытные не умеют, как взяться. Вот еще одно последствие большевизма, нами пережитое: с любовью создавшееся гнездо разрушили, и Бог весть, где и когда нам придется создать его вновь. Живем на биваках, как, впрочем, это теперь и нужно. А все-таки грустно. Пока неприятностей от житья в Музее нет, кроме холода, который наступил здесь после нашего приезда, оттого, что вышли все дрова; говорят, что дрова будут, но, наверно, будут и неприятности от здешнего житья. На общем горизонте продолжают мелькать какие-то надежды. Суждено ли им сбыться на этот раз?

(11) 24 [марта]. Думали, что закончим сегодня свой переезд, но, увы, подводы надули, и все остается по-старому; вечером я перетащил часы, завернутые в столовую скатерть, да еще привезли общими усилиями кухонные предметы. Разговоры все те же. Шестая или седьмая волна надежд еще не успокоилась, так же как и движение с востока; на юге, однако, поле остается за большевиками, которые даже начинают лезть на Крым[74].

(13) 26 [марта]. Нас переизбрали в Университет по всероссийскому конкурсу; я получил 4 избирательных и 2 [не]избирательных и таким образом вторично как бы попал в Университет. Какая это все глупая комедия. Нужно, однако, сказать правду, что наша молодежь вела себя удивительно тактично и мило и вполне доказала свою солидарность с нами. Характерно, что Сакулин получил 9 черняков, за свое подслуживание большевикам, конечно. Новостей нет; настроение то же; все еще ждем подвод, чтобы перевезти остальное свое добро.

(17) 30 [марта]. Перерыв в записи произошел вследствие того, что мы продолжаем устраиваться в новом помещении; у меня не было угла и не было чернил. За эти дни перемен не произошло; война большевиков с небольшевиками приобрела опять характер шахматных ходов; отношение союзников остается опять-таки столь же смутным, неопределенным, как и раньше. Однако большевики надеются на какие-то улучшения. Вчера я был принят тов. Покровским по вопросу о заграничной поездке от Музея. Он был милостив и даже любезен; заявил, что наше предприятие желательно и не так неосуществимо, как это думают; при этом было добавлено, что, может быть, «наши отношения с Антантой наладятся скорее, чем можно было надеяться, и что, может быть, embargo, которому мы подвергаемся по внушению из Вашингтона, будет с нас снято». Это стоит в связи со слухами, которые носились уже несколько дней, что идут будто бы переговоры между союзниками и большевиками[75]. Быть может, они и идут, но вряд ли до чего-нибудь доведут. Свиданием моим с Покровским я остался доволен: он сочувственно отнесся к самой идее экспедиции за границу, а его несочувствие могло бы создать много препятствий; теперь дело вступает в стадию организации; она очень нелегка, но, быть может, Бог даст, доведет до чего-нибудь положительного. На днях мне рассказывали, что в Салт[ыковском] пер[еулке] существует новый усовершенствованный дом свиданий, куда специально приезжают члены ВЧК; право входа туда стоит 500 рублей; там еженочно происходят оргии. Таково специфическое соединение разврата и бандитизма с тупым доктринерством, представителями которого являются Ленин, Покровский и подобные им. «Анархия, поддерживаемая террором», — сказал про Совдепию на днях Pichon, и тупой доктриной, добавил бы я. А страна гибнет и будет гибнуть далее, потому что одни не умеют извлечь ее из пропасти, а другим выгодно оставлять Россию в дыре. Мука достигает 1500 рублей за пуд; вот он, тот настоящий неприкровенный голод, который нам приходится переживать. Все заботы направлены только на то, чтобы не умереть с голода; пока все как-то с этим справляются, но с каждым днем это становится все труднее.

(19 [марта]) 1 [апреля]. Идет снег, на душе холодно, в квартире тоже. Сейчас было здесь несколько представителей академического мира и в том числе два последовательных ректора Московского Университета за 1911—1918 гг.[76] Говорилось много интересного; мнением московского академического мира кто-то интересуется. Днем заседание факультета в воссоединенном виде; увы, по-видимому, не надолго. Мы приветствовали наших младших товарищей; они приветствовали нас, но вся эта идиллия была омрачена подтверждением известия, что историков все-таки передают на новый факультет; показывали и список тех, кто будет туда назначен. Меня в этом списке опять нет; зато есть все ихние — Нахамкес, Гольдендах и tutti quanti [им подобные (*ит.*)]. Во мне борятся несколько чувств; мне жаль, что моя деятельность в Университете прервется, но разум мне говорит, что для меня не может быть ничего выгоднее, как, будучи избранным советом и теперь по-большевически переизбранным на основании всероссийского конкурса, не быть назначенным большевиками на их факультет-вертеп, в котором пришлось бы заседать с лицами, до которых не хочется дотрагиваться. Пока останусь профессором 2-го университета[77], а там будет видно. Если ничего не изменится летом, все равно один выход — вон отсюда. При создающемся положении вещей — еще одним якорем меньше; это очень хорошо.

(20 [марта]) 2 [апреля]. Сегодня первый день оттепели, но весна подвигается лениво. Купили пуд муки за 1300 рублей, вследствие чего начинаем влезать в долги. Большевики открыли, как они пишут, новый заговор, в котором обвиняют с.-р. и с.-д.[78] La vermine s'entremange [Гады пожирают друг друга (*фр.*)]. Вопрос о факультете общественных наук стоит открытым; говорят, они будут назначать прямо на кафедры; когда наш бедный Университет станет вертепом, не будет уже никакой радости быть в нем профессором. Я решил поэтому не предпринимать ничего для того, чтобы быть членом нового факультета, тоже вертепского характера.

(21 [марта]) 3 [апреля]. В Москве царит какое-то беспокойство; строгости для пропуска в Кремль; вчера они написали, что открыли какой-то заговор и, говорят, вновь идут аресты; рассказывают, что где-то кто-[то] выкрал оружие; словому очередная волна волнений. Военная сводка очень для них неудачная[79]. С сегодняшнего дня вся Москва поплыла от оттепели.

(22 [марта]) 4 [апреля]. День без больших впечатлений; каждое утро наслаждаюсь в Архиве Министерства Иностранных Дел, изучая дело Волынского, чтобы выяснить все, что можноу о его генеральном проекте; это — лучший час в течение всего дня. Общее положение все то же — большое беспокойство внутри и толчки с востока.

(23 [марта]) 5 [апреля]. Натиск продолжается; говорят, занят Сарапул, тогда значит в опасности ружейные заводы Ижевский и Воткинский[80]. Беспокойство продолжается; однако возможности московских выступлений, по доходящим слухам, или ликвидированы, или отложены[81]. Сегодня А. Н. Савин сообщил мне, что мое невнесение в списки профессоров общественного факультета объясняется тем, что тов. Покровский полагает, что мои обязанности по Музею слишком сложны (sic!). Однако новейшая фаза та, что мне предлагается кафедра археологии. Я продолжаю стоять на моей прежней точке зрения и предоставляю им делать с собою, что им угодно.

(26 [марта]) 8 [апреля]. Взяли Одессу, вероятно, потому, что никто не хотел ее защищать[82]; все-таки политика союзников мне представляется совершенно непонятной; то начнут, то бросят; относительно русского юга я, однако, не смотрю безнадежно; его завоевание обеспечивает или, точнее, укрепляет вопрос о единстве России. Вчера я должен был предпринять путешествие на Ярославский вокзал и в Машков переулок, откуда принес 23 фунта хлеба, 4½ фунта соли и 18½ фунтов ржи; на спине у меня был альпийский мешок, а в руках два других мешка; так профессор гуляет по Москве. Университетский вопрос превращается все в большую и большую кашу. Большевики, т. е. Покровский и Ко., упразднили обе наших исторических кафедры[83] и заменили их какими-то фантастическими; предполагается еще какое-то совещание, но все сходятся на том, что лучше простое назначение, какое они теперь замышляют, чем та фикция соглашения, которая предлагалась ранее. На улицах Москвы происходит нечто совершенно невообразимое — сплошная лужа, через которую переходят только те, кому выходить из дому необходимо нужно.

(27 [марта]) 9 [апреля]. Натиск с востока продолжается[84]; зато взята Одесса; по рассказам, идущим от немногих людей, проникающих сюда извне, большевизм — зараза для всякого солдата и для всякой усталой армии; иностранные войска на юге России разлагаются под влиянием большевизма, да еще усиливаемого пропагандой и подкупом. Вот, быть может, секрет неуспеха всяческих интервенций.

(28 [марта]) 10 [апреля]. Все то же; есть беспокойство; некоторые комиссары, говорят, увозят семьи на юг. Собирались в бывшем помещении портнихи Ламановой и, совместно с юристами и экономистами, обсуждали свою судьбу под председательством ех-члена Временного правительства С. Н. Прокоповича[85], который сегодня удивительно напоминал старушку на паперти, просящую прохожих; собрание это вообще было и жалким и смешным. Я думаю, что вообще нужно предоставить им все, что возможно и что они желают; все равно при теперешнем положении нам остается только тер-

петь и сгибать спину. От бесконечной ходьбы ноги совершенно отказываются повиноваться; чувствуется страшная усталость, еще увеличимая московскими путями сообщения или, точнее, их полным отсутствием. Сегодня поданы докладные записки о заграничной командировке. Выйдет ли что-нибудь из этого начинания?

(31 [марта]) 13 [апреля]. Я стал записывать менее аккуратно; причина — необычайное скопление дел, ненужных, неважных, но наплывающих в такой куче, какой мне никогда и не снилось. Вчера Нина и Володя отправились к Троице[86]; не знаю, надолго ли и будет ли это предприятие удачным. Я должен был ехать сегодня, но из-за музейских дел придется остаться до завтра. Большевики бьют тревогу, как они давно не били, — все против Колчака! Таков лозунг; удастся ли им и на этот раз вывернуться или же перевернется новая страница нашей многострадальной истории? Вчера я ездил снова в комиссариат для дела будущей командировки за закупкой книг; прием любезный, но говорят, что из РСФСР, кроме как при помощи Международного Красного Креста, не выедешь[87]. Будем искать этой помощи. Затеяли новое дело: издательство по истории совместно с российскими кооператорами; в пятницу 11-го сидели по этому поводу в Народном банке, причем я впервые видел пресловутую Кускову[88]: вздорная, но не глупая баба, привыкшая, чтобы с ней считались. Если не помешают посторонние дела, то это предприятие может пойти; придется писать и самому, чтобы иметь хлеб насущный. Вчера вечером ходил к Храму Спасителя ко всенощной; приятное чувство в этой громаде, полной народа, несомненно чуждого большевизму. По университетскому вопросу новостей нет. Было или не было назначений в факультет общественных наук — я и не знаю.

(3) 16 апреля Сергиев Посад[89]. Экспедиция сюда, проектированная едва ли не несколько месяцев назад, состоялась. Нина и Володя приехали в субботу, 30/12 и устроились в маленьком обывательском домике, за Лаврой, на Штатной улице, в сравнительно демократическом квартале Посада. Такое предприятие в прежнее время было бы невероятным и немыслимым. Мы проводили Пасху в Крыму; раньше я проводил ее в Петербурге, Киеве, деревне и т. п.; теперь, чтобы немного отойти от ужаса московской жизни, мы спрятались в убогой, хотя и чистой комнатке посадского бывшего полотера и его жены и невестки, бывших вышивальщиц, и сына, бывшего живописца[90], а теперь милиционера; так и здесь все меняется и все приходит в упадок. Чтобы приехать сюда, мне пришлось на себе притащить ношу около 2-х пудов, быть может, даже больше; я пронес ее с Моховой до вокзала и здесь по Посаду, ночью спускаясь и подымаясь по здешним горам и оврагам среди ручьев и луж; я был очень доволен, что

мог сравнительно легко проделать это; значит, и в этом деле мы можем не зависеть от горилл. В поезде не было чрезмерной тесноты, но произошло какое-то крушение; мы стояли 5 раз по 15—30 минут; в последний раз перед самым Сергиевым, и в конечном счете поезд, вместо 2 часов, протащился 4, так что пришлось будить и Нину и хозяев, чтоб они меня пустили. Вчера ходил на рекогносцировки; изучение местности показало, что здесь голоднее, чем в Москве; однако можно достать много молочных продуктов, хотя и по жестоким ценам; хлеба нет; картофеля с трудом купил пуд; кое-как продовольствие все же обеспечено; боюсь только, что не хватит денег; это вечный кошмар теперь. Мы приехали сюда сейчас же после вскрытия мощей преподобного Сергия[91]; здесь ходят слухи, что хотят даже увезти мощи и закрыть Лавру; но по наружности здесь все спокойно; народ безмолвствует, хотя, конечно, недовольство, по всем данным, существует; но оно скажется, если будут перемены; тогда эти безмолвные гориллы будут пороть животы и вязать руки большевикам всякого рода, вида и происхождения. Погода дивная, насколько она может быть дивной в рахитической русской природе; солнце греет и морит; несмотря на жесткую постель, я спал 12 часов и готов спать бесконечно долго и много. Записываю еще одно московское впечатление: я стоял полтора часа в казначействе, чтобы получить музейский аванс в 25 000 рублей, дабы быть и казначеем библиотеки. Я получил только пять; так получили все, кому должны были выдать более десяти тысяч: власть остается даже без своих бумажных денег; заминка, говорят, не первая, но в данный момент очень сильная. Здесь московские дела и интересы несколько отошли на задний план, даже о заграничной поездке думается меньше, так же как и о новостях общего характера; впрочем, это только так, временное затишье, пользуясь которым надо набраться сколько-нибудь физических и моральных сил.

(4) 17 [апреля]. Оба дня я поглощал книги — стратегический очерк войны за июль — август 1914 года, составленный кем-то из нынешних военных ликвидаторов, но умно и толково, и «Мистер Бритлинг» Уэллса[92], одну из самых умных книг о войне, которые мне приходилось читать. Они навеяли во мне много мыслей: воспоминание о жгучем беспокойстве и жгучих ярких надеждах начала войны, когда казалось, что, несмотря на все недочеты, на все отрицательное, Россия нашла себя; очерк войны дал мне много объяснений и подтверждений того, что я всегда называл «кавалеризмом» в нашем ведении войны: вожди-кавалеристы заставляли пехоту воевать по-кавалерийски и истощали ее; глупость поражения Самсонова и Ренненкампфа в августе — сентябре 1914 — просто поразительна; автор винит в этом главным образом Жилинского[93]; но мой разговор с Жилинским указал мне, что не

один же виноват (см. выше); уж не сводит ли автор личные счеты с Жилинским? Ведь это было бы «так по-русски». И Галицийская битва — лучшая наша победа в войну — далась нам куда труднее, чем казалось в то время; столько глупости и столько нерасчетливости делают весьма понятным, почему у нас так скоро не хватило пороху. С другой стороны, чтение книги Уэллса многое объясняет в медленности и неподготовленности союзников, в том, что они затянули войну и тем дали нам выдохнуться ранее, чем это было желательно. Интересна и психология англичан: и они склонны ругать себя и всех своих и бичевать себя за свои недочеты; наконец, очень интересны мысли о том, что расплатой за всяческую спекуляцию во время войны будет революция; не дай Бог, чтобы она была где-нибудь еще: ведь если революция и вправду сводит счеты со спекуляцией, то на место сверженных спекулянтов она возносит других, которые именно на революции строят свои спекулятивные расчеты и ловят в мутной воде рыбу еще успешнее, чем их предшественники; опыт нашей страны доказывает это лучше всего.

Были в Троицком соборе у обедни и прикладывались к обнаженному скелету преподобного Сергия; его оставляют в том виде, как он получился по вскрытии; как я сегодня узнал, это делается нарочно и, по-моему, правильно; говорят, что и врачи вскрывавшие признали скелет лежавшим 500 лет, а найденные желтые волосы — седыми, но пожелтевшими от времени; таким образом наши попы, взявшись за ум и оставляя мощи незакрытыми, правильно хотят показать: глядите, мы не скрываем того, что было и что есть, и этим они, конечно, не только не ослабят, но усилят религиозное чувство. После церкви долго сидели на лестнице Лаврской колокольни; но нет во мне ни религиозного, ни исторического чувства; переживаемое вытравило во мне и то и другое; против Лавры горели ряды, полные реквизированного товара; говорят, загорелось в лавке, где была обувь, предназначенная для выдачи населению; вероятно, товарищи раскрали и подожгли — иллюстрация вышеприведенной мысли о спекуляции; население равнодушно смотрело на пожар и не заботилось о его тушении — пришлось слышать много разговору на тему, что ранее, где пожар, то сейчас же тушили, потому что свое было, а теперь некому и не для кого. Завершили прогулку блинами, заплатив за 10 штук (отличных, правда, блинов) 30 рублей; это характерно для экономической оценки момента. 12 Евангелий стояли в Академической церкви; публика здесь более изысканная, нежели в Троицком соборе; отличное чтение, но убийственный холод; встретили молодое поколение академической профессуры, перекочевавшее в Москву, — К[а]пт[ерев]ых] и Гол[убцова (или -ых?)][94], которые сообщили хорошие известия.

(5) 18 [апреля]. Продолжаю отсыпаться — опять 12 часов подряд; вечером от 5 часов в Лавре; дивный день и такой же дивный вечер; с балкона трапезной чудесный вид в сторону Вифании[95] с теплыми весенними тонами; бодрит и внушает какую-то смутную надежду, которую в себе тут же заглушаешь. Курьезная подробность, здесь слышанная: местные большевики не устраивают куличей и пасху, но справляют праздник пирогами с вареньем, чтоб отличаться от обыкновенных людей. Мне нравится здесь обиход Страстной, особенно вчера — вынос плащаницы из одной церкви в другую; несмотря на уничиженность Лавры и академии, все это хранит свою большую и древнюю красоту. Я ловлю себя на сравнении этой Пасхи с прошлогодней, такой же большевистской, которую мы проводили в Пестове. Тогда у меня не было никаких надежд до четверга, когда я узнал о перевороте на Украине и о провозглашении гетмана; я думал тогда, что в этом — залог спасения России; но я очень и очень обманулся; прошел год самых невозможных мытарств, страданий и разрушений, и все-таки, несмотря на то, что сейчас положение еще хуже, чем год назад, у меня есть еще какая-то надежда на то, что это может измениться вследствие внутреннего перелома, именно теперь намечающегося, как результат не только преступлений, но и глупости большевиков; они упустили народ, и его глупое и тупое сочувствие к ним не вернется; вот что, как мне кажется, дал этот год. На этой почве возможна и национальная заря с востока[96], без немцев и даже без союзников; если она придет, то тем крепче и яснее она будет, но придет ли она, это я не знаю и сказать не могу.

(6) 19 [апреля]. День по службам; литургия Великой Субботы в Троицком соборе с его подкупающей древностью: «Воскресни, Боже» Бортнянского напомнило мне старые времена, когда мы с мамой регулярно, из года в год, выстаивали службы у Храма Спасителя. Встретил Каптерева, который сообщил мне, что через Сергиев прошел на Вятский фронт поезд Троцкого; по слухам, у Вятки растерянность и бегство[97]. Погода серая и не слишком теплая; вторую половину дня сидим дома, немного занимаемся, отдыхаем и озабочены распределением нашей скудной пищи по рационам.

(7) 20 [апреля]. Заутреня в Лавре; во многих местах мне приходилось встречать Пасху, но обстановка Лавры имеет свою прелесть, несмотря на уничижение, в котором теперь пребывает и Лавра и академия; мы простояли почти всю заутреню и, шлепая по грязи, вернулись домой и разговелись скромными куличом и пасхой, которые никогда мне не казались такими вкусными, как этот раз, хотя в последние годы я иронически нередко называл пасху замазкой; а кулич этого года похож на те куличи, которые ранее можно было получить в булочных готовыми за 80 копеек — с малым количеством

сдобы. Сегодня после позднего и сытного завтрака (я подчеркиваю это свойство, потому что в нем выражается вся суть переживаемого момента) мы отправились в гости к Каптеревым и к Голубцовым и отлично провели время до 9 часов вечера. По Посаду ходили группами обыватели, чувствовалось праздничное настроение, что мало вязалось с нашими ощущениями (по крайней мере, с моими). Из общих известий узнано было мало; на железной дороге усиленное движение взад и вперед; слухи об эвакуации Костромы; на чем они основаны, не знаю; видели поезд, шедший к Москве с автомобилями — как будто эвакуация с севера — и другой, шедший на север, с пулеметами — вот и разбери их; вероятно путаница, без которой ни они, ни те, кто до них был, не могут обойтись. У Каптеревых познакомился с П. А. Флоренским[98]; он, кажется, интересный человек. С молодым поколением посадским, т. е. с И. А. Голубцовым, моим учеником, и с Каптеревыми время прошло очень скоро в оживленной и приятной беседе; я многое выяснил себе в теперешнем положении Лавры и ее главной святыни, которой, по-видимому, грозят дальнейшие осложнения из-за деятельности группы евреев, вертящих русскими дураками на тех «электокурсах» [?], которыми захвачена академия. Очень курьезна беспечность высшего лаврского начальства и московского патриаршего управления: в вопросе о мощах они уподоблялись страусам, прячущимся в собственные крылья. Кажется, более всего энергии и деятельности проявляла и проявляет та самая светская университетская молодежь Лавры, с представителями которой мы вчера проводили время.

(8) 21 [апреля]. Целый день дома, не выходя на воздух; здесь довольно тепло, а наруже северный ветер, холод, дождь, а под конец снег; уединение отлично действует на нервы; новостей и известий — абсолютно никаких; чтения и заботы о еде — обеде и ужине и о том, хорош ли выйдет хлеб, который Нина сама печет; таковы занятия профессорской семьи, проводящей Пасху у Троицы в 1919.

(9) 22 [апреля]. Сборы на железную дорогу; решаюсь ехать сегодня днем, потому что идти по слякоти на утренний поезд уж очень неприятно. В Москве сумма полученных известий в общем удовлетворительна. Движение с востока не меняет своего характера; это — самое умное и самое сильное из движений, направленных против Совдепии, но скорых результатов оно, конечно, принести не может; нигде я не чувствую так остро презрения к русскому народу, как едучи по железной дороге: гнусные физиономии, грязь, разговоры о пайке, о прелестях или о невыгодах современного режима — вот все, что слышишь.

(10) 23 [апреля]. Окунулся в московскую жизнь; она так и шибанула в нос своей мерзостью. Начать с того, что я остался

совсем без денег; аванса, из которого я, между прочим, должен был получить также и уплату себе, т. е., точнее, Нине, я не получил; всю наличность уплатил за припасы, добытые в архивном управлении, и теперь надо добывать денег, чтобы прожить наступающую неделю. Во-вторых, я погрузился во всю бездну противоречивых слухов о движении с востока; от пессимистов до оптимистов целая пропасть: одни ни на что не надеются, другие готовы на завтра ожидать избавления; все это создает такую неразбериху, что чувствуешь, как сам тупеешь и не знаешь, чему верить или чего ждать. Вечером, вместе с А. А. Борзовым, потерял 4 часа в «малом совнаркоме»[99], где должны были пройти штаты библиотеки Румянцевского Музея. Он помещается в бывшем кабинете товарищей прокурора палаты; рядом, в комнате, выходящей на лестницу, помещается род приемной, где наставлено несколько стульев и кресел, натасканных из всех комнат здания судебных установлений, которое показалось мне сегодня таким бедным, несчастным и сиротливым. Поразительны физиономии, которые проходили в комнату малого совета и толпились в приемной, — неинтеллигентность так и дышит в них; ужас берет от мысли о том, кто нами правит. Нам, однако, так и не удалось «быть впущенными» в августейшее собрание; 3 часа ушли у них на рассмотрение вопроса о какой-то сельскохозяйственной переписи, после чего нам было сообщено, что «малый совет не ужинал» и что наш вопрос сам тов. Покровский постарается провести за этим ужином. Наше длительное ожидание прерывалось двукратной беседой с диктатором русского просвещения, весьма «милостиво» к нам настроенным; очень характерны были его со смехом сказанные слова, как в Харькове университет попал под неограниченную власть 7 студентов — «студенческую диктатуру». Что это — садизм или что-нибудь другое? Единственным результатом посещения Кремля была подкова, большая и отлично сохранившаяся, которую я поднял среди Сенатской площади, кстати сказать пропитанной вонью и загороженной забором от ворот Арсенала до половины площади и до Никольских ворот; из-под забора видны обломки Васнецовского креста на месте убийства Сергея Александровича[100].

(12) 25 [апреля]. Два дня отчаянной беготни по Москве по мелким делам и для добычи денег. Наиболее интересным был мой визит в иностранный отдел Красного Креста, помещающийся в Эрмитаже[101]; как странно быть в этом капище московских обжор и вообще как противно видеть здание, приспособленное для одной цели, вдруг наскоро переделываемое для другой; запустение, грязь, чувство чего-то оставленного, забытого, брошенного, сломанного. Разговор с заведующим иностранным отделом, нашим приват-доцентом Коровиным[102]; поездка, быть может, и не безнадежна, но вопрос о

ней труден и сложен и, в конце концов, зависит от финляндского сената, к которому и придется обратиться с просьбой о допущении в пределы Несовдепии чрез посредство датчан и норвежцев. В академических делах нового мало; в пятницу должно было быть организационное собрание «факультета общественных наук», но оно отложено, потому что, по словам Покровского, «наши» еще не сговорились и не составили своего списка, и переговоры комиссариата с ними затянулись. 11-го [24-го] вечером собрание у Бахрушина, где был весь состав русских историков, а также Савин и Егоров. Бахрушин мне нравится все больше: это очень тонкий, умный и талантливый человек, которому предстоит большое будущее, если вообще у русских людей есть какое-нибудь будущее. На общем горизонте все то же: для людей нетерпеливых все кажется погибшим, потому что наступление[103] идет недостаточно скоро; для пессимистов самая медленность его возбуждает сомнения; но географическая карта должна рассеять всякие сомнения: при самых благоприятных условиях дело может подвигаться только очень медленно; на западе поляки взяли Вильну. Эти, наверно, постараются ее не возвращать[104].

(13) 26 [апреля]. Опять день в Троице; первая гроза, в промежутках между дождями прелестная весенняя погода; возникает вопрос об устройстве здесь на все лето или, по крайней мере, до того момента, когда можно будет предпринять что-нибудь новое и определенное. День отдыха без новостей и известий. Говорят, что и здешние комиссары не то разбегаются, не то сменяются.

(14) 27 [апреля]. Они сообщают об успехе над Колчаком; этот успех не слишком велик, даже совсем незначителен[105]; однако все же пробуждаются самые пессимистические мысли о будущем; быть может, сорвется и эта, последняя, надежда, и тогда перед нами годы разорения, смуты, анархии, из которых не будет никакого исхода. Решили провизорно летний вопрос и сняли две комнаты у А. А. Тихомирова[106] (думал ли я когда-нибудь, что буду жить под одним кровом с этим противным «маркизом»?) в доме Каптеревых; очень хороша обстановка дома и сад; это будет что-то вроде житья в Воскресенске[107]; рядом леса и поля по направлению к Вифании и Черниговке. Мне кажется, что при наличных условиях это одно из лучших разрешений вопроса.

(15) 28 [апреля]. Возвращение в Москву. Информация довольно удовлетворительная: сегодня состоялось первое заседание факультета общественных наук; по словам Егорова, это был сплошной кабак; они отказывались от чтения курсов, являли себя полными невеждами в деле университетского преподавания[108]. Жалею, что не был на этом гнусном, но, видимо, забавном зрелище.

(16) 29 [апреля]. Четыре часа стоял в очереди в Госбанке,

чтоб получить 20 000 аванса на музейские приобретения. Банк заплеван, загажен; очередь к комиссару — мальчику лет 25 — человек 70 до меня и человек 40 за мной; наслушался всяких недовольств по отношению к большевикам; недовольство назрело, готово; с востока дурные вести; под Оренбургом товарищи хвалятся победой над Колчаком. Интересно было бы выяснить соответствие между действительностью и тем, что на самом деле произошло [так в подлиннике].

(18 [апреля]) 1 [мая]. Вчера ходил в датский Красный Крест — единственное официальное иностранное учреждение, существующее в Совдепии. Прием очень любезный, готовность содействовать осуществлению экспедиции за книгами; относительно данного момента — указание, что «les rélations sont trés tendues» [отношения очень натянутые (*фр.*)] между РСФСР и Финляндией, «mais peut-être que sa s'arrangera» [но, возможно, это уладится (*фр.*)]; впечатление, что дело не безнадежно, но пройдет немало времени и хлопот, пока оно сделается. О победах на востоке больше ни слова[109]; получается впечатление, будто это какое-то раздутое известие, рассчитанное на 1 мая. Очередные слухи о каких-то осложнениях с Финляндией — вообще с северо-западом, который будто бы более опасен для Совдепии, чем все остальное[110]. Идя пешком от датчан из Пименовского переулка[111] на Ярославский вокзал, чтобы ехать к Троице, видел толпу несчастных, отправляемых из ВЧК в Бутырки; зрелище грустное и тяжелое. В поезде толпа людей, из коих часть, наверно, желает провести 1 мая вне Москвы.

(19 [апреля]) 2 [мая]. Москва. Известия, в общем, удовлетворительны. 1 мая прошло как будто вяло; похвальбы победами нет. На железной дороге опять пришлось слышать ругань и только ругань. Был опять в Госбанке, чтобы опять выстаивать свой аванс; после новых 3-х часов я получил, наконец, эти деньги. Вся функция Госбанка, кажется, сводится теперь к выдаче бесчисленного количества керенок[112] и 250-рублевиков; все остальное замерло. Говорят, что у большевиков особенно расстроена продовольственная организация на восточном фронте; думали питаться хлебом Заволжья, а вместо того получили шиш.

(22 [апреля]) 5 [мая]. Двое суток у Троицы; отличная прогулка по лесам и полям в воскресенье, 4/21; 15 буржуев и буржуек, выбравшихся из ужасной и отвратительной Москвы, забыли на несколько часов переживаемые горя [так в подлиннике] и испытания и наслаждались убогой русской природой; мне было очень жаль этих бедных буржуев и буржуек, когда им ночью пришлось идти на поезд, чтобы не опоздать на советскую службу. Удивительно кроток и покорен

судьбе русский интеллигентный буржуй; среди этой компании были очень богатые люди и очень богатые женщины, и все они удивительно просто примирялись со своей судьбой; я не знаю, хвалить ли их за философское миросозерцание или же презирать за рыхлость. Жизнь все запутывается; осложнения на западе и северо-западе, несомненно, увеличиваются; а их победы на востоке оказываются блефом[113].

(23 [апреля]) 6 [мая]. Положение без перемен. Был в датском Красном Кресте; отказа опять нет. Уполномоченный, Dr. Martini, несомненно, очень большой и искусный дипломат; надо посылать за именными разрешениями в Финляндию и далее; мне был предложен вопрос: а если они вам дадут секретаря, который будет вести советскую пропаганду? Я ответил, что в этом случае я вовсе не поеду. Возобновил лекции в Университете.

(25 [апреля]) 8 [мая]. Положение без перемен; опять везде уныние: русская проклятая и глупая интеллигенция снова в отчаянии созерцает свое бессилие и падение; сегодня слышал, что причиной успехов большевиков около Самары являются военнопленные мадьяры[114]; это возможно, хотя мадьяров суют обычно повсюду; так что это подозрительно. Очень интересна показалась мне речь Черчилля, которой отрывки большевики вчера напечатали в «Известиях»; из нее можно вывести, что совсем без внимания Совдепию все-таки не оставят, особенно если мир все-таки будет подписан[115].

(28 [апреля]) 11 [мая]. Два дня в обычных московских хлопотах; главные хлопоты по Румянцевскому Музею, ввиду того, что прошли и утверждены фантасмагорические штаты; кроме того, прибавились еще занятия в высших учебных заведениях; сейчас очень тяжело вести эти занятия; совсем нет никакого entrain [увлечения (*фр.*)]; аудитория окончательно рассыпается, но когда занятия остановятся сами собой, еще не видно. Сегодня в Троице перебираемся на другую квартиру. Общие известия становятся опять интереснее; надо вооружаться терпением, между тем как чувствуешь, что оно приходит к концу. Моя предполагаемая командировка будет также и от Университета. Бумаги приготовлены, и надо везти их в датскую миссию.

(29 [апреля]) 12 [мая]. Во вчерашних газетах опубликованы условия мира для Германии; товарищи раздувают их тяжесть и неприемлемость для Германии. Они действительно очень тяжелы, но ведь на Западе должна быть такая ненависть и злоба по отношению к Германии, что тяжесть эта понятна; вся работа Бисмарка пошла насмарку глупостью Вильгельма; любопытно упоминание о России, вероятно, искаженное товарищами: Брестский договор отменяется, и Россия (какая-то новая, другая) имеет право взыскивать убытки с Германии[116]. Очень интересен разговор с сербом Д. И. Иличем, который

вместе со своей полукомпатриоткой Крюковой приезжает сюда за продуктами: он сказал мне за верное, что Франц-Фердинанд был убит действительно сербской организацией, которая группировалась около сербского генерального штаба, что в этом пункте своих претензий Австрия была права; но что Франц-Фердинанд был убит действительно за дело, так как это был самый большой враг славянства. Окончательно водворились в доме Каптеревых, в квартире Тихомирова Александра Андреевича, бывшего ректора и попечителя, и пользуемся частью мебели С. М. Соловьева[117]. Я никогда не думал о такой конъюнктуре!

(30 [апреля]) 13 [мая]. Известия смутны и неопределенны; кадриль на востоке и на юге; большевики не могут победить врагов, и враги не могут победить большевиков[118]. Яковлев привез известия, что и в Поволжье режим так же изжит, как здесь, и что при случае там будут также расправляться очень жестоко. Был сегодня в датской миссии и подал свои бумаги; сказали зайти наведаться через месяц; говорят, что для меня есть шансы быть впущенным в Европу. Это не значит еще, что меня выпустят отсюда и что будет удовлетворительно разрешен денежный вопрос. Очередной слух: на юге атаманы Григорьев и Махно провозгласили себя чем-то вроде самостийников, воспользовались полутора миллиардами денег, взятыми у большевиков, и объявили себя врагами советской власти[119]. Бедная Россия! Даже труп ее и то не могут перестать терзать. Сегодня видел весьма ощутительные следы отсутствия топлива в Москве: на Девичьем Поле заборы Чернявского училища и прекрасного Немчиновского сада разбираются на дрова; это только начало. Был на заседании исторического отделения факультета общественных наук; тон задают товарищи Волгин и Удальцов[120], от своих отставшие и к чужим не приставшие: они ничего не знают, совсем ничего в академических делах не понимают, но не желают и нас слушать: получается невообразимый кабак, безысходный и непоправимый; мы сами перестаем понимать что-либо и даже на вопросы студентов, точно так же, как и мы, ничего не понимающих, мы должны отвечать, что нам ничего не известно и мы сами ничего не понимаем. Непроходимая русская глупость, верхоглядство и невежество приложены и к разрушению высшей школы.

(1) 14 [мая]. Только теперь, думая о том, что мы переживаем, я понял, почему триста лет назад Россия так легко стала добычей самозванцев: легковерие, темнота, непрочность всей социальной структуры России делали и тогда и теперь возможными такие недопустимые и немыслимые, казалось бы, метаморфозы. Посетил М. Н. Покровского, чтобы отблагодарить за расширение штатов Румянцевской библиотеки. Прием был опять милостивый, и слышал следующее по поводу во-

проса о покупке иностранных книг, чем он по-прежнему интересуется: «Антанта опять хочет с нами мириться; месяц назад из этого ничего не вышло; теперь, может быть, и выйдет; они навезли в Стокгольм 900 000 пудов всяких вещей — компотов и варенья для детей — и обещают все это подвезти, если мы остановим военные действия против Колчака и Деникина. Удивительно странные люди: как только Колчаку приходится плохо, так они начинают предлагать нам мир».

(3) 16 [мая]. Продолжают ужасаться условиями мира, которые предъявлены Германии; а по-моему, условия самые нормальные, если принять во внимание все, что Германия сделала за эти 5 лет. Конечно, немцы в конце концов воскреснут, но им придется пройти через тяжелые годы. Все имеет черед; после торжества Германии настает revanche старой Франции. У нас все гниет без перемен.

(5) 18 [мая]. Какой-то новый нажим на западе, около Петербурга[121]; я, однако, теряю всякое представление о смысле этого нажима, раз он производится недостаточными силами и не сразу со всех сторон; бедная Россия действительно превращается в какие-то «живые мощи», которые лежат недвижимо и которые все раздирают. Ужасные хлопоты с расширением музейских штатов; от хлопот единственное убежище — Сергиев.

(7) 20 [мая]. Провел два дня в Сергиеве за разбором писем Герцена, Грановского, жены Грановского и нескольких дам, соприкасавшихся с кружком западников; письма сохранились в семье Корш и теперь предлагаются к приобретению для Румянцевского Музея. Я люблю людей всех московских кружков 40-х годов; люблю эту маленькую ячейку культурных людей, которые светили своим светом на всю горилью Россию, несмотря на их сплетни, их вечную Grübelei [тоскливые размышления (*нем.*)], которой уделил место Герцен в «Былом и думах» и о которой не раз говорит в своих письмах жена Грановского. Из разобранных писем мне более всего интересным показалось одно письмо Грановского к М. Ф. Корш, где он говорит о постоянных припадках тоски, которые им овладевают и от которых он имеет успокоение в вине и картах; и этот талантливый русский человек был русским человеком, несмотря на свою принадлежность к западникам, и он отдавал дань всем прелестям русской жизни[122]. Есть для меня какая-то особая прелесть в чтении писем давно ушедших людей; это то же чувство, что и при архивных занятиях, но какое-то более живое и интимное. Справили новоселье; были Каптеревы, Таня и серб Илич; разговор держался вокруг больного человека, т. е. России (Турция едва ли не умерла, да и Россия близка от того же) [так в подлиннике]. Илич говорил, что, по его мнению, напрасно Клемансо и Ллойд Джордж не снарядили особых миссий из всех желающих,

чтобы шире ознакомить Европу с большевистской Россией: это способствовало бы более быстрому и успешному отрезвлению от социализма. Сегодня нанес мне визит А. А. Тихомиров и имел со мною длинную беседу, точнее монолог, потому что, если бы я даже хотел участвовать в разговоре, я бы не мог этого сделать, так как он бы мне этого не дал сделать. Удивительно странный человек: сквозь непомерное чванство, преисполненное собственной гениальностью и постоянное стремление везде видеть жидо-кадетов и масонов, в нем виден человек с умом; очень верные отзывы о Мануйлове и Чупрове[123] — этих искусственных именах, созданных глупостью русской интеллигенции; не менее интересный отзыв о Кассо[124], которого он считал сначала умным и порядочным человеком, а потом убедился, что он был мелкий плут и авантюрист. О Николае II он отзывался как о человеке очень странном, но неглупом (с последним я, конечно, не могу согласиться), но он верно оценил Александру Федоровну как одну из самых отвратительных женщин; о Николае он верно говорит, что он как будто нарочно назначал в министры самых худших и ничтожных людей, точно боясь, что они умалят его авторитет. Разговор наш кончился обычными его выпадами против дарвинизма. Нужно отдать справедливость, он достойно несет свое тяжелое положение, когда даже и есть ему приходится чуть не впроголодь. Конец дня посвящен был занятию на огороде; благодаря любезности Каптеревых, мы имеем небольшой огород, и наши аппетиты разгораются: хотим сеять даже картошку; таковы мечты буржуев в России в 1919 году. Кухарка Маша отправилась под Ростов менять занавески из передней на картофельную муку. И это тоже что-то современное.

(8) 21 [мая]. Два дня в Москве, и снова беготня и самая бестолковая потеря времени. Известия, однако, довольно веселые; Петербургу на самом деле что-то начинает грозить[125]; мир тоже приближается, а это может в конечном счете быть на пользу и нам. Весь вечер сегодня разбирали «тарифные ставки» музейским служащим и скандалили из-за того, что тарифная комиссия (до какой чепухи доходит теперь дело в государственных учреждениях) обидела наших сотрудников. Еще одно курьезное наблюдение: сегодня в кабацком факультете общественных наук присутствовал Покровский; меня поразило его желание, и притом, кажется, искреннее, как-то опять сблизиться со старыми товарищами. Это чувствовалось во всех его словах и поведении. Я думаю, что он очень удивился бы, если в сердцах присутствующих прочел отсутствие таких же встречных чувств.

(9) 22 [мая]. Много комментируется телеграмма Троцкого о том, что родоначальнику мировой революции Петрограду грозит опасность. Что это — тактический прием или реальная действительность? Увидим через несколько времени.

(10) 23 [мая]. Разговоры жужжат вокруг возможного взятия Петербурга. Я не отдаю себе отчета в степени серьезности этого предприятия. Надо ждать. Есть ли это отдельная часть общего движения или что-нибудь отрывочное? В зависимости от этого определяется и возможный исход как этого дела, так и всей вообще судьбы России; сегодня тащил на спине полпуда хлеба с Новинского[126] в Мертвый; хорошенькая картина для моего профессорского звания. Вечером собрание русских историков у меня: говорили о планах преподавания на будущий год, ни минуты не веря в их осуществление.

(12) 25 [мая]. Сергиево. Первый летний день. Лазили с Володей на Лаврскую колокольню и любовались дивным видом: хороший летний день все-таки ободряюще действует и заставляет как-то отходить мыслью от всего происходящего и менее думать о прелестях мировой революции. Известия удовлетворительные; почти везде в кадрили — команда reculez [отступайте (*фр.*)], но о главных очагах опасности ничего не пишут, и о Петрограде и о Риге[127] — молчок. Сегодня удалось почитать и подготовить далее работу о Смуте для кооператоров.

(13) 26 [мая]. Сергиево; целый день в полном спокойствии и без всяких известий; дивная погода; в такие дни все-таки легче живется; довольно много работаю. Очередная беседа с А. А. Тихомировым, который говорил, в виде предположения, что Николай II в свое время был не без греха в масонстве и участвовал в черных мессах; он ссылался при этом на лиц, бывших близкими ко двору с заднего крыльца. Кто знает, быть может, в этом есть доля правды.

(15) 28 [мая]. Опять московская беготня и целые дни строительства в Румянцевском Музее, без надежды от этого строительства видеть благие результаты. Общие известия становятся все интереснее; кто-то что-то берет[128] — но когда же конец этой ужасной братоубийственной войне? Чем больше думаешь, тем все яснее становится, что общество, породившее Николая II с его Распутиным, Мясоедовых и Сухомлиновых, Арцыбашевых и Кузминых в литературе, должно было кончить тем, чем оно кончило. Интересные вещи творятся в университетском вопросе: сегодня тов. Волгин, новоявленный профессор от большевизма, говорит о необходимости выработать план занятий, обязательный для студентов, а из комиссариата приходит бумага с предложением следить за тем, как студенты посещают лекции. Как хорошо было бы, если бы комиссариат додумался до восстановления инспекций и педелей[129].

(16) 29 [мая]. Вознесение, каким-то чудом оставленное в числе праздников. Я не поехал в Сергиево, потому что это уж слишком утомительно. Но мне скучно. Был на кладбище и продефилировал пешком через всю Москву и еще раз убедился в той ужасающей мерзости, какую сейчас представляет

Москва — вонь, грязь и полное отсутствие интеллигентных физиономий. Озверение чувствуется на каждом шагу. От усталости спал целых два часа. Известия удовлетворительные, но еще раз убеждающие, что дело нашего перерождения есть дело довольно долгое. Получил письмо от Сашки Гартунга, которое, как «человеческий документ», рисующий русского интеллигента, здесь прилагаю[130].

(17) 30 [мая]. Общее положение без перемен. Читал лекцию в собрании адвокатов о власти и праве в русской истории, где проводил мысль, что независимый русский суд 3 раза терпел крушение по вине правительства и общества; присутствовали Филатьев, Лидов, Коссовский[131] и некоторые другие персоны из мира ех-адвокатуры. Доклад, кажется, в общем соответствовал поставленной цели; по крайней мере, народ не расходился, и были довольно оживленные разговоры; характерно, что Филатьев и отчасти Лидов, вообще люди времени Керенского, все-таки обнаружили себя неисправимыми [?] народниками. Русскому человеку хоть кол на голове теши, а он все-таки остается интеллигентом со всеми одному ему свойственными благоглупостями.

(19 [мая]) 1 [июня]. Сергиево; отличная погода; опять что-то отошло и пользуешься два дня свободой. Кстати, очень курьезное открытие: читая лекцию адвокатам, я узнал от Коссовского, что заместитель Мартини — Ск[...] — такой же датчанин, как я, и так же, как и мы грешные, стремился вон из Совдепии и, наконец, недавно удрал. Слух об упразднении всех факультетов общественных наук, кроме одного; это меня не удивляет, так как подобная мысль логически вытекает из создавшегося положения, и учебные кадры Университета, Высших Женских Курсов и Университета Шанявского почти совпадают.

(22 [мая]) 4 [июня]. В Москве опять можно наблюдать курьезное, но обычное явление: упадок духа у ех-буржуев, потому что дела не так скоро подвигаются, как бы этого хотелось. Из личных дел — по-прежнему переобременение по Музею; не знаю, когда вылезу из котла, в котором киплю по случаю расширения библиотечных штатов. Из общих известий — говорят за верное, что Сибирское правительство признано; так ли это или не так, но сегодня арестованы все оставшиеся в Москве консульства, точнее, консульский персонал, так как все остававшиеся здесь пребывали уже в качестве частных лиц: бедные Вилькены, никогда ни к какой политике не причастные, сидят под домашним арестом; бывший норвежский консул Хольмбу [Holmby ?] точно так же сидит под арестом вместе с Е. А. Готье, хозяйкой дома, в котором он живет; гонение на иностранцев отразилось сегодня

в газетах тем, что опубликовано уничтожение всяких охранных грамот, им данных (кажется, все такие грамоты были давно уже нарушены, по крайней мере, во всех тех отдельных случаях, когда они это считали для себя нужным). Какова на самом деле причина этого удивительного поступка, пока не ясно. Декрет о разрешении ездить по железной дороге только с разрешения уже отозвался на хлебных ценах — они опять скакнули до 1200 рублей пуд.

(23 [мая]) 5 [июня]. Облава на консулов и иностранцев оказывается гораздо шире, чем можно было думать сначала: все нации подверглись одной и той же участи; очевидно, происходит что-то гораздо большее, нежели мы знаем. Вечером с удовольствием занимался в Архиве Иностранных Дел; тихо и прохладно, и никого нет; провел два с половиной часа с полным удовольствием.

(24 [мая]) 6 [июня]. Вот рассказ Димы Вилькена: в 1 час ночи на среду к ним явились из ЧК с ордером на обыск их квартиры, вместе с соседней квартирой Назе. Перерыли все и копались до 7 часов утра, после чего Жоржа В[илькена] увезли на Лубянку, 14. Между прочим, увезли 16 тысяч денег, принадлежавших различным лицам, и заявили, что оставляют им 200 рублей, потом передумали и оставили 1000 рублей. Наутро явились для допроса старая жидовка и ее секретарша и долго расспрашивали их о всех их связях, знакомых и, уходя, заявили, что их показания таковы, что их освободят немедленно; освобождение последовало к вечеру 2-го дня. По-видимому, то же последовало и у других иностранцев; у Вилькенов задержали еще 5 бельгийцев; хватали также швейцарцев и других членов малых народов и государств. Газеты сегодня вопят о движении на Вятку, а Нахамкис говорит о десанте в Архангельске[132]. Московские обыватели опять приободрились. Вечером приехал в Сергиево; весенний вечер, гроза, тепло, светло, уютно.

(25 [мая]) 7 [июня]. Недавно, едучи по железной дороге, я видел такую сцену: два парня по 3-му десятку на замечание, сделанное им в вагоне, что он для некурящих, ответили, что они «старину не празднуют», что теперь все новое, а на старое им наплевать. Однако под дружным натиском внезапно осмелевших интеллигентов подлые и глупые гориллы быстро сдались и бросили цигарки в окно. Сегодня, идя в Вифанию, мы встретили толпу мальчишек с пилами и топорами; мой друг Шамбинаго резко, по своему обыкновению, обратился к ним: «Что, идете грабить чужие леса? По новому декрету?» Те грубо ему отвечали: «Конечно, по новому, а не по старому. Что нам старое? Теперь все новое». Психология и тех и других одинаковая: вера первобытных людей, что все изменилось, что все прежнее исчезло и целиком заменилось чем-то новым. В этом смысл революции для народа или той его части, которая раз-

деляет подобную веру; смысл останется без изменения, пока не будет дан властный окрик, и горилье стадо присмиреет в позе старухи при разбитом корыте. Ибо в отрицании старого права коренится отрицание всякого права, а вера в новое заключается в убеждении в свободе от всякого формального и нравственного обязательства и в господстве произвола своей собственной личности, горильство которой превосходит «Кит Китыча»[133] во много раз. Ошибка идеологов большевизма заключается в том, что этой психологии они не понимают, а частью не желают понять; там, где «рабоче-крестьянский» народ не есть средство для демагогии, он является идолом на пьедестале: и то и другое одинаково развращают его. Воспитания, более того, дрессировки народа нет в настоящее время, как не было при царях; еще раз оправдывается поговорка «les extremiés se touchent» [крайности сходятся (*фр.*)]. Отличная прогулка в Вифанию; тропический день с грозой; купание в Вифанских прудах; газеты вроде вчерашних.

(26 [мая]) 8 [июня]. Троицын день у Троицы; прогулка в Лавру к обедне; масса народа, обычное гулянье в храмовые праздники, но в больших размерах. В Троицкий собор не пробраться; там служил патриарх. Вчера он проехал мимо нас — причем русский папа более чем скромно ехал на скотской [?] одиночке; у него симпатичное и умное лицо. Вечером отличная прогулка к Черниговке. Вспомнил я еще два инцидента из музейской жизни, рисующие русского человека. Наш «смотритель» Никитюк, глупое и упрямое быдло из Подляшья[134], теперь получил название «заведующего хозяйственной частью» и вообразил себя всемогущим; на этом основании, не спросясь никого, он начал пробивать брандмауэр в соседний архив, чем вызвал конфликт с соседним учреждением и вдобавок написал от своего имени самую дерзкую бумагу; на другой день, узнав, что кн. Голицын велел обложить дерном могилу своей жены, отменил это приказание, заявив, что он (он бывший садовник и управляющий того же кн. Голицына) имеет право давать распоряжения по хозяйственной части. Вот он, тип нецивилизованного русского человека, которому вино власти ударило в голову. По газетам они везде отступают[135], но храбрятся и хвастают. Читал австрийские условия мира; я бы ее окорнал совершенно так же.

(27 [мая]) 9 [июня]. День без происшествий и без известий извне; прекрасная погода и хороший отдых; праздник не слишком давал себя чувствовать; даже народа вокруг дома было мало.

(30 [мая]) 12 [июня]. Во все 3 дня, проведенные в Москве, мне не удалось записать ни слова: слишком много дел, слишком все это скучено, еле хватает времени справиться с настоятельными текущими делами. В Москве мое настроение сильно переменилось. Там все уверены в противоположном тому,

что пишут большевики в «Известиях». Убеждение это основывается на множестве незаметно проникающих слухов, идущих в значительной части от самих пугающихся, озлобленных, ссорящихся между собою большевиков. Упорно из разных мест идут сведения, что информация, даже в скудных сводках, будет все глуше и глуше. О поражениях сообщать не велено. Из всех данных, которые удается собрать, видно, что наступление на РСФСР все-таки продолжается[136] и что прифронтовая полоса вся объята восстаниями[137]; отголоском этого является объявление на военном положении всей Украйны и всей Тамбовской губернии. Отмечаю два факта: Д. А. К. пишет из Орла: «Я приеду, а вслед за мной приедут Л. и С.» Ш. Г. получил письмо от К. Г., из которого явствует, что под М. на западе были бои, в результате которых М. кем-то занят или же накануне занятия. Стала волноваться и Москва; виною этому невыдача хлеба; хлеба нет, и взять его неоткуда. Подвоз немыслим, и, кроме того, настает самое голодное время перед новым урожаем; и в Москве волнение среди рабочих и черни. Уже в прошлое воскресенье происходили демонстрации; они повторились в понедельник и во вторник; говорят, что они вновь будут сегодня: требования — хлеба, долой гражданскую войну, свободная торговля. Конечно, это вызовет репрессии, которые еще более выдвинут ВЧК на место Совета Народных Комиссаров. Говорят также, что идет отчаянная грызня между Троцким и начальником особого отдела ВЧК Кедровым, который хочет занять место Троцкого. Слухи о том, что Троцкий с ума сошел, идут из кругов ВЧК; но он до сих пор отгрызается, хотя он болен на самом деле и страдает неврастенией. В пятницу был в факультете общественных наук и был свидетелем, как студенты-коммунисты — жид Генин и армянин Рутурьян — требовали, чтоб их пустили «с решающим голосом», на основании только что опубликованного декрета о допущении студентов-коммунистов в факультеты. Им предложили предъявить мандаты; за неимением таковых дело отложено до следующего раза, равно как и выборы в «президиум» факультета. Поразительно было их нахальство; я должен сказать, что меня этот инцидент вовсе даже не тронул — мне было искренно смешно; но многие, по старой памяти, еще считали долгом обижаться и сердиться. Ясно только одно: быть деканом теперь нельзя для человека, который желает сохранить свою физиономию. Сегодня длинный разговор с А. А. Тихомировым; ругал Победоносцева и сообщил мне, что полоумный митрополит московский Леонтий[138] называл Победоносцева «собачьи мощи». Характерно для митрополита; необычайно удачно для самого Победоносцева. Идя с купанья, много думал о сущности моей историко-исследовательской работы: какой идеей ее объединить — и пришел к заключению, что я, в сущности, историк дворян-

ской цивилизации в России. Московный [так в подлиннике; должно быть: Замосковный] край — одно звено, областное управление — другое; книга о падении империи — последнее; задуманные очерки по истории XVI века — первое; сословная политика Петра и Пушкин, как венец дворянской культуры, — вопросы, меня интересующие. Если бы все это разработать, то получилась бы серия, внутренне объединенная и цельная. Сегодняшняя сводка все-таки приличная: утеряны Новый Оскол, Царев[139], и регресс на западе.

(1) 14 [июня]. Великолепная прогулка на велосипеде с С. Н. Каптеревым; нельзя себе даже и представить, до чего очаровательны окрестности Посада; если бы здесь не была Россия, то сюда бы ездили, ходили пешком; здесь были бы рестораны, schöne Aussicht [красивый вид (*нем.*)] и т. д. А что сегодня делается в Париже! Дорого мы бы дали, все несчастные русские цивилизованные люди, остающиеся верными заветам прошлого, чтобы хоть краем глаза посмотреть на это всемирное торжество[140]. Увы — «не для нас пришла весна»!

(2) 15 [июня]. Еще сутки без известий. Мы их получаем только вечером. Сегодня мне в первый раз приснилось во сне Загранье; я думаю, оттого, что кругом косят сено, и все это напоминает прошлогоднюю страду, которая, несмотря на всю утомительность, имела свою прелесть. Что-то там делается? Кто косит наше сено? Утром ходили с Ниной в Лавру; когда идешь по центральной части Посада и видишь совдепские горильи рожи, то испытываешь чувство какой-то гнилой отрыжки, точно поешь чего-нибудь недоброкачественного. Большевики в воскресенье написали, что в Харькове будто бы Н. И. Астров[141] формирует какое-то новое правительство с с.-р. и народными социалистами. Если это так, то бедная Россия, значит, ничему еще не научилась; значит, при первой возможности надо бежать, ибо это дурачье нам не принесет исцеления.

(3) 16 [июня]. Известия, почерпнутые из «Известий», оставляют опять-таки смутное впечатление; вечное продвижение на восток — теперь к Златоусту и Екатеринбургу. Что оно означает — только ли развал колчаковских армий или также что-нибудь другое? На юге топтание на месте. Какой процент вранья и какой процент правды во всем, что они пишут? Прожив дня 3-4 вдали от слухов и разговоров, всегда ставишь себе эти вечные, больные вопросы. Надо думать о том, чтобы как-нибудь прожить зиму. Вот очередные и самые тяжелые заботы ближайшего будущего; пережить, освободиться от всего лишнего и, при первом удобном случае, вырваться из этого смрадного нужника: вот желания, которыми ограничиваешься в настоящее время.

(5) 18 [июня]. В Москве уныньe; взяли Екатеринбург и Екатеринослав[142]; хотя, с другой стороны, полное убеждение

в том, что действительность не соответствует тому, что пишут в «Известиях». Мне передавали даже, что «Известия» запрещены на «фронтах» и что там издается другая газета, где печатается соответственная ложь о Москве. Se non é vero... Отсюда ясно 1) что никакое движение извне, отдельно взятое, не может справиться с РСФСР, хотя последняя разваливается, и 2) что надо готовиться зимовать. Вот это последнее и есть самое трудное дело. Wir müssen durch! [Мы должны выжить! (*нем.*)] В остальном отвратительно, скучно, гадко, безысходно!

(6) 19 [июня]. Неожиданно для себя, вследствие необходимости на будущей неделе заменить В. Д. Голицына, я приехал в Сергиево в пятницу вместо субботы. Удивительно: пребывание в Москве бодрит нравственно, вследствие множества самых разнообразных слухов — что хочешь, то и бери, тому и верь; сюда приезжаешь поэтому взбодренным, а здесь узнаешь только из газет, и потому к концу пребывания в Сергиеве настроение падает. Отдал дань трамваям — у меня вытащили портмоне с 40 рублями и золотыми запонками; хорошо еще, что часы целы. Заботы о зиме занимают меня все же больше всего; какое есть топливо, все реквизируется учреждениями, имеющими власть, но, по нерадивости или неумению, не заботящимся о заготовке дров; к таковым — увы! — относятся и железные дороги!

(7) 20 [июня]. Вчера вечером Нина сказала вдруг, что она бы ничего не имела против отъезда куда-нибудь на русский юг. Я сейчас же стал обдумывать какой-нибудь план в этом направлении. Мне кажется, что если вся обстановка останется без изменений, то надо устроить себе командировку на юг, чтоб закупать книги в Киеве, Харькове, Одессе и вместе с тем устроить где-нибудь и семью, а вместе с тем, и самого себя в более теплом месте. Известий сегодня не получалось; благодаря этому напряженное отношение к событиям несколько ослабло. Надолго ли? До следующих известий; надо отметить, что вчерашние официальные вести были довольно удовлетворительны.

(8) 21 [июня]. Нина уехала в Москву. Я остался с Володей в Сергиеве. С утра работал, как обычно; потом слушал воспоминания А. А. Тихомирова; он читал мне за время от 1898 по 1902, т. е. за время, главным образом, своего ректорства и за время министерства Боголепова и Ванновского[143]. Я должен сказать, что я слушал их с большим удовольствием. Очень многое в них дополняло то, что мне было известно раньше; многое мне кажется совсем не таким, каким казалось в то далекое время. Я всегда ругал его как ректора, а теперь приходится сознаться, что он был прямее и честнее других и что кое в чем он был и прав, например, в том, что в студенческих беспорядках он видел явление чисто политическое. Я вполне соглашаюсь с ним и в том, что Германия тогда уже

поддерживала наши настроения и беспорядки из своей пресловутой Wille zur Macht [воли к власти (*нем.*)]. Только близорукие русские могут говорить, что немцы лучше союзников. Немцы могли от нас иметь все; но этого им показалось мало, и они захотели нас поработить; когда это не удалось, они нас уничтожили.

(9) 22 [июня]. Прекрасная прогулка на велосипедах на монастырскую дачу Тарбеево, теперь, как водится, отобранную, и купанье в озере. Дорогой обдумывал, что делать к зиме. Надумал новый вариант — остаться здесь, запасти с осени побольше запасов и отсиживаться. Или же неминуемо ехать к югу; в Москве можно жить, только если будет обеспечено топливо, пища и свет.

(10) 23 [июня]. Гроза с градом, ливень, жара и до и после того. Мрак души, усиливаемый беспокойством о здоровье Нины. Будет ли подписан мир — вот вопрос, самый важный для нас, несчастных цивилизованных русских[144].

(11) 24 [июня]. Сырая погода после гроз; ветер; хмуро наруже и хмуро на душе. Переношу архив Стесселя, который приобрел для Румянцевского Музея[145]; кое-что перечитываю, и от этого мое душевное расположение становится еще хуже. В Порт-Артуре держали двух генералов на одной роли — ну разве это не по-русски; да разве два русских генерала могли не поссориться? Когда вспоминаешь и переживаешь все, что пережито было 15 лет назад, так и встает во всю высоту свою русская общественная глупость, равной которой нет в мире. У носа японцев вздумали строить русский империализм голыми руками; нарвались, получили ужасный урок и все-таки не унялись, продолжали дела вести так, что влопались в бездну еще более глубокую и зловонную. Все это так больно и стыдно! А когда взглянешь вперед — в то grand au delà des bolchéviki [прекрасное будущее после большевиков (*фр.*)], на которое мы все так надеемся, то разве не ясно, что и теперешнего урока недостаточно и что русская глупость будет продолжать расти и развиваться; от этого будущее кажется еще более беспросветным.

(14) 27 [июня]. Настроение в Москве пестрое. Одни ждут, другие не ждут ничего. Мир, слава Богу, будет подписан. Возможно, что это шаг вперед к успокоению мира, но иллюзий себе делать нельзя: все это будет продолжаться очень долго. Ежедневно занимаюсь в архиве; это лучшее препровождение времени, какое я могу себе в настоящее время представить. В Москве продолжаются аресты и обыски в самых широких размерах[146]; с одной стороны, жуть берет; с другой — видишь, как все это несостоятельно и тщетно. Говорят о брожении на железных дорогах. Я думаю, что и это симптоматический признак, но и он должен взять много времени, чтобы вылиться во что-нибудь конкретное.

(16) 29 [июня]. Мысль все более и более делается крепкою, что ближайшее будущее по тяжести своей гораздо тяжелее всего, что мы пережили до сих пор; это вытекает не только из интуиции, но и из логики. Уходя, они будут «хлопать дверью»[147], но от хлопания у многих заболит голова. Она, например, опять заболела у Саши Рар[а], которого арестовали вчера по ордеру, который, кажется, не был даже на его имя; болит и заболит еще у многих, пока владыки или свалятся, или успокоятся. Объявлено об «оставлении» Харькова[148]. Очень было бы интересно знать, какие эксцессы там были допущены и насколько крепко Деникин будет владеть Харьковом; от этого зависит многое. Не очень мне понравилось сегодня то, что писано по поводу мира; в Германии, видимо, какие-то колебания; мне говорят даже, что готовится монархическая контрреволюция. А мир все-таки необходим, иначе борьба с большевизмом будет трудной. Вчера я видел в Москве зрелище вполне современное и, быть может, имеющее стать еще более распространенным: деревянный дом, разломанный на дрова, в котором люди возились как черви или мухи в падали. Жилищный вопрос в Москве грозит в близком будущем очень и очень осложниться.

(17) 30 [июня]. Мир подписан в субботу в 4 часа дня. 1 августа 1914 — 28 июня 1919 = 4 года 11 месяцев — такова длительность одной из самых ужасных эпох в истории несчастного человечества. Я не знаю, кого суд истории сделает окончательно виновным в этом ужасе, но мне кажется, что основными виновниками были не стихийные обстоятельства, а определенные люди: немецкие военные, немецкие, т. е. германские, промышленники, германские и австрийские дипломаты, венские жиды и авантюристы; все эти люди полагали быстро нажиться посредством миллионов хорошо обученных и хорошо снаряженных немцев, нафанатизованных идеей Deutschland über alles; вместо того они погубили Германию, Австро-Венгрию, Россию, погубили 20 монархий, которыми сами держались, и подорвали благосостояние всей остальной Европы, разорив ее финансы и отчасти промышленность. Конечно, этот мир таков, что не будет вечным миром. Была идея французского реванша; теперь будет расти идея реванша немецкого, и когда-нибудь снова заговорят пушки, штыки, газы и т. п. ухищрения разрушительной техники. Борьба за берег Рейна, продолжавшаяся 20 веков, не кончится в 1919 году. То, что начнется теперь на западе, повлияет и на наше положение; если это будет рост империализма, то он должен уничтожить большевизм; если это будет рост рабочего движения, то большевизм этим самым получит косвенную поддержку. Во всяком случае, нам предстоят тяжелые и трудные осень и зима, если только мы не погибнем от политических взрывов и переворотов. Движение с юга разрастается[149], но я до сих

пор не отдаю себе отчета ни в его силе, ни в его дальнейшей будущности. Продовольственный вопрос, как в Москве, так и в Сергиеве, затягивается и осложняется с каждым днем.

(18 [июня]) 1 [июля]. Сегодня мне 46 лет, из которых 5 вычеркнуть надо из жизни; я всегда говорил и теперь убежден более, чем когда-либо, что жить гораздо лучше во времена тишины и застоя, чем во время столь «интересное», как то, которое мы переживаем. Благодушествую в Сергиеве; сейчас только пришел с купанья, которое нашел в ½ часе ходьбы, в речке Торгоше; сегодня природа благоухает и сияет; и даже в этой гнусной северной природишке чувствуется своя красота. Большевики перевели часы обратно на ½ часа; даже с метеорологией и то играют! Упорные слухи о Курске, не знаю, на чем основанные[150].

(22 [июня]) 5 [июля]. Все эти дни я ничего не записывал, все по той же причине; я боюсь записывать дома, ввиду тревожности положения и возможности в каждую минуту обыска. (Пишу это, чтоб после самого себя не заподозрить в чудовищном преувеличении.) В Музее же надо урвать свободную минутку, чтоб спокойно записать свои мысли, а ее, при сложившихся обстоятельствах, не скоро выберешь. За эти дни все внимание людей, мучительно ждущих избавления, было по-прежнему устремлено на юг, где продвижение деникинских армий продолжалось до Белгорода, Борисоглебска и Балашова; тревога у «них» большая[151]. Стараются тянуть всех, кого могут, на защиту своего социалистического государства; выходит мало, но я все-таки боюсь, что выйдет достаточно, чтобы лавина вновь откатилась; боюсь, потому что откатывались прежние и потому что мы совершенно не знаем, что являет собою наступающая армия и какую помощь может ей дать явление дня, так называемая зеленая армия, т. е. громадные скопища дезертиров, накопляющиеся по всем углам Совдепии. Много говорят о надвигающемся наступлении с запада[152]; но ощущать его еще до сих пор нельзя. В Москве перестали выдавать хлеб и утешают, что неизвестно, когда выдадут; таким образом, в Москве может оказаться настоящий, действительный голод; происхождение его понятно — подвоза с юга сейчас быть не может, так как все остатки транспорта заняты военными грузами. Но и такое создающееся положение может быть богатым последствиями.

(23 [июня]) 6 [июля]. Сергиево. После 3 душных и тревожных дней в Москве опять здешний мир и благодать. По приезде, после душного вагона и еще более ужасной московской духоты, я даже ходил вечером купаться; а совсем вечером мы вместе с Ниной немного прогулялись, погружаясь в настоящую ночную прохладу. Вчера они признались в утере ими Ба-

лашова и Богодухова[153]; кроме того, вспыхнуло что-то между Ярославлем и Вологдой, взорван мост и разобран путь; туда отправилась ВЧК.

(24 [июня]) 7 [июля]. Целый день дума о том, как быть дальше в материальном отношении. Цены растут невероятно. Сегодня здесь, в Сергиеве, масло 170 рублей фунт, молоко 75 рублей четверть, конина 30 рублей, творог 32 рубля, яйца 120 рублей; записываю для памяти потомству. Можно еще ждать месяц-два; потом надо куда-то уходить; но как все это решить? Куда? Как? Зимою мы обречены и на голод и на холод; уже здесь сажень дров до 1000 рублей. Что же будет в Москве? Пожалуй, придется бежать в какое-нибудь хлебное место; но опять, что выбирать и где его найти? Погода очаровательна, и лето стоит, каких давно не бывало.

Еще одно замечание: Инесса отказалась взять на поруки Жоржа Вилькена; такова память за хлеб-соль в молодости. Признаюсь, что даже от нее я этого не ожидал.

(26 [июня]) 9 [июля]. Лишний день в Сергиеве; иногда забываешь весь окружающий кошмар. Цены скачут вверх так, что мысль даже за ними не успевает угнаться. Молоко дошло до 75—80 рублей в течение двух недель; не хватает никаких денег. Несмотря на все ободряющие слухи, на всю брехню, которая идет вокруг, я остаюсь пессимистом и мало верю в то, что Деникин дойдет до Москвы. Между тем победа над большевизмом может быть, только если будет занята Москва и разгромлена «красная» Москва, т. е. все гнездо «интернационала», которое свилось в старой глупой Москве. Пока не уничтожен очаг заразы, до тех пор никакой победы над большевизмом быть не может. Кроме того, меня уже теперь заботит вопрос о зимнем топливе. Что будет, если дела пойдут так, как они идут до сих пор? Лучший исход будет — жить сообща у какого-нибудь очага, подобно эскимосам или чукчам, в одной комнате, отапливаемой во всем доме. Вот зимние перспективы, как я их рисую.

(14) 27 [июля]. Опять большой пробел, объясняемый московской трепкой. За эти дни новый очередной сенсационный слух: о вступлении немцев в борьбу с большевиками. Говорят даже, что они объявили войну, но ведь теперь войны не объявляют, а просто констатируют состояние военных действий. Это возможно, так как слухи идут из многих большевицких и военных кругов. Если это подтвердится, то, конечно, это новый признак того, что большевики имеют против себя весь цивилизованный мир. Косвенным подтверждением слухов о Германии является оживление военных действий в Двинско-Псковском районе[154]. Известия о Деникине также лучше, чем казалось неделю или две назад. Екатеринослав оказался не взят: кулак, собранный большевиками по Елец-Валуйской линии[155], по-видимому, разбивается о такой же кулак Дени-

кина, который именно по этой линии собрал значительные силы. На востоке отступление происходит не так, как пишут большевики. Вот деталь, касающаяся железнодорожного дела: уводится весь персонал, снимаются стрелки, но не разрушаются крупные сооружения. Это я слышал от Н. К. Г[...]. Полная уверенность в том, что все реляции их лживые, окрепла во мне по рассказам П. Н. К[аптерева?], только что вернувшегося из Воронежской губернии. Красноармейцы бегут от казачьих разъездов[156], и ясно более, чем когда-либо, что они не смогут противостоять никакой сколько-нибудь организованной и стойкой силе. Еще слух В. Н. К. сообщил, что в Московском совдепе ему сказали так: мы живем так: спасайся, кто может. Если сопоставить все то, что я здесь написал, то можно подумать, что я настроен радужно. На самом деле это совсем не так: я столь же скептичен, как и всегда: уж очень много приходилось обманываться. Что слухи, доходящие до нас, не всегда лживы, показывает рассказ Г. Н. Н., симеизского астронома, приехавшего восстанавливать связь своей обсерватории[157] с Пулковом; он подтвердил почти все, что тем или иным путем доходило до нас оттуда, и сообщил многое для меня интересное о всех крымских превратностях 1918 и 1919 годов. Грустнее всего рассказ о Севастополе: он гораздо более взят, чем в 1855 году; в нем не осталось ровно ничего — ни одного годного судна, ни одного военного сооружения. Так русские гориллы поступают с родным краем. На этих днях мне пришлось быть свидетелем того, как москвичи добывают себе топливо: из Преображенского, Черкизова, Лефортова, даже из-под Сухаревки, люди идут в Лосиный Остров[158] с топорами и даже ножами и тащат оттуда тонкие деревья; они тянутся вереницей, как муравьи, и тащат на плечах тонкие бревна, изнемогая от ноши и страшно портя лес. В Музее скандал: в 3-й раз арестовали кувшинное рыло Козлова[159], как с.-р.; но он, кроме того, и с. с., так как его арест повел за собой арест 327 000 рублей, лежавших у него в кассе; теперь эти деньги приходится добывать из Чрезвычайной Комиссии. В кабацкий факультет Комиссариат по Просвещению прислал бумагу, чтобы подождать с выбором декана и его аггелов, ввиду предполагаемого переустройства управления Университетом и факультетами. Говорят, что они очень недовольны выступлением студентов-коммунистов, бывшим 3 недели назад, и не знают, как выйти из положения, которое сами создали.

(15) 28 [июля]. Пасмурный день; перечитываю написанный мною очерк смуты; вчерашние газетные известия довольно удовлетворительны. Но терпением надо запастись большим. Справляем именины Володи; характерны очень сделанные ему подарки — деревянное ведерко за 20 рублей, маленький крендель и перочинный ножик.

(19 [июля]) 1 [августа]. Снова три дня в Москве без возможности что-либо записать. Дома страшно даже держать один лист (это также характерно для момента), а в Музее — просто некогда. Основной факт московской жизни за последние дни — это повальные обыски или, по крайней мере, обыски в таких размерах, в каких они еще не бывали. Можно ставить вопрос, не желают ли они обыскать действительно все квартиры в Москве. Обыски эти, однако, отличаются от обысков по определенному подозрению того или иного лица; они несколько иные: ищут оружия, дезертиров; попутно отбирают серебряные и золотые вещи и иногда бумажные деньги, если их на руках более чем 10 000 рублей. Таким образом открывается широкий простор для произвола; арестов, однако, не производят. Пока обыски были в нескольких местах; ожидают их теперь все, и самое отношение к ним, у многих, по крайней мере, стало равнодушным. На общем горизонте новое оживление и новые надежды в связи с непрекращающимся натиском с юга и с оживившимся натиском с запада. Взяты Камышин и Полтава; чьи-то лапы тянутся к Киеву от Полтавы и от Ковеля; известия о Минске таковы, что он не сегодня завтра будет чьим-то достоянием[160]. Но кто же они? Деникина мы еще кое-как знаем; говорят, что идут немцы, поляки, англичане; теперь заговорили о том, что поход на РСФСР есть не что иное, как поход Лиги Наций против большевизма. Последнее кажется мне наиболее вероятным[161], однако такое коллективное предприятие надо наладить, что, в свою очередь, возьмет немало времени Конечно, мира быть не может с людьми, которые ставят себе задачей разлагать пропагандой весь мир, которые лгут и обманывают из принципа и не держат никаких слов или обязательств.

Казначея Румянцевского Музея, арестованного неделю назад, выпустили через 3 дня, вместе с деньгами. Хлеб и мука дешевеют в Москве; говорят, это происходит оттого, что рабочие, которым позволено закупать хлеб, везут его в таком множестве, что спекулируют им, продавая его тем, кому не позволено закупать хлеб.

(20 [июля]) 2 [августа]. Ильин день. Дивная погода после ненастья. Вчерашняя газета очень ничтожна по содержанию; вестей из Москвы нет. Таким образом, впечатления равняются нулю Сегодня утром долго мечтали о том, чтобы когда-нибудь попасть в Западную Европу и вернуться в лоно цивилизации, ибо с каждым днем чувствуешь все более, как и мы, и все окружающее падает в бездну варварства.

(22 [июля]) 4 [августа]. Со смущением товарищи сообщили вчера о кончине советской Венгрии[162]. «Радио еще не ясно», но факт сообщается тем не менее. Это большой шаг к ликвидации большевизма; несмотря на малые размеры, Венгрия — беспокойная страна в Европе, и ее успокоение, хотя

бы и несколько насильственное, миру Европы не повредит и заставит сосредоточить внимание на едином очаге мировой смуты — РСФСР. Сводка довольно удовлетворительна. Вчера великолепная прогулка по окрестностям Посада, которые все более и более поражают меня своей красотой; бродили 7 часов и околесили около 18 верст. Это лучшее отвлечение от тяжелой действительности.

(23 [июля]) 5 [августа]. Еще один спокойный день; отличная погода, прогулка с Ниной, доказывающая, что сил у нее прибыло. Сегодня осмотр Лавры: ходили по стенам и лазили на чердак и на хоры Успенского собора под предводительством П. Н. Каптерева. Надо пользоваться каждым случаем, чтобы осмотреть как можно больше; всякая такая экскурсия есть, в сущности, маленькое путешествие; не имея возможности уехать далеко, надо изучать то, что близко и что не будет времени смотреть позднее. Из Москвы сведений не поступало.

(24 [июля]) 6 [августа]. Сводки безразличные; остается впечатление, что хотят что-то замазать и замолчать и потому усиленно кричат, стараясь выставить что-то, никогда не бывшее. Вечером неожиданно приехали Леля и Таня; передавали, что в Москве усиленно говорят о падении советской Венгрии; я согласен, что это событие большой важности. Характерно то, что сообщают сами большевики, что их венгерских собратьев будут судить за преступления политические и уголовные, и, главным образом, за последние.

(28 [июля]) 10 [августа]. Снова перерыв по случаю поездки в Москву. Общее впечатление, что большевики потрясены происшествиями в Венгрии. Для нас мы пока можем сделать тот вывод, что, раз покончили с Венгрией, значит, когда-нибудь обратят благосклонное внимание на нас; мы только не учитываем, что на все это нужно чрезвычайно много времени. Московская брехня идет, как всегда, дальше; учитывают взятие Петербурга, Саратова, Минска и, как всегда, невозможно учесть, где начинается брехня и где кончаются ложь и укрывательство большевиков; тем не менее убеждение, что все это должно кончиться когда-нибудь, видимо крепнет. Продолжаются гадания и проекты, рассчитанные на «после». Я закончил свой очерк Смутного времени, написанный для кооперативного издательства, с которым мы заключили на этих днях договор. Теперь его просматривает С. В. Бахрушин, чтобы решить, годится ли он для широкого круга читателей. Я взялся за эту работу только из желания нажить деньги, необходимые для поддержания себя и семьи; если бы мне можно было выбирать, я бы исключительно занялся специальными работами, из которых потом желающие могли бы брать нужный им материал. А между тем необходимо добывать керенки. Для этой цели я продал 100 экземпляров за 1500 рублей моей доктор-

ской диссертации в так называемый книжный центр, т. е. большевикам, которые могут ею хоть бы оклеивать комнаты. Цены (привожу для справок те, по которым купили разные припасы) — пуд муки 1600 рублей, капуста 20 рублей фунт, яйца 150 рублей десяток, мясо 70 рублей. В пятницу я был в больничной церкви Новоекатерининской больницы, на панихиде по Мише Островском. Церковь помещается в саду, внутри больничных владений. Я был поражен той феноменальной грязью и антигигиеничностью, в которой находится больничная территория. Видна и здесь рука времени — никто не хочет ничего делать; здесь, как и везде, русский человек понимает свободу по-своему — как свободу от всякого дела и обязанности. В ту же пятницу я должен был, в погоне за деньгами, чтобы купить печурку на зиму и попасть на помянутую выше панихиду, пешком побывать 1) на Маросейке, 2) на Девичьем Поле, 3) на Донской и 4) на Страстном бульваре[163]. Такова участь московского обывателя, не имеющего в своем распоряжении автомобилей. Печурка куплена за 250 рублей в целях отопления зимою. Пишу эти мелочи, потому что они, вероятно, представят со временем некоторый интерес.

(30 [июля]) 12 [августа]. Два дня подряд прогулки в лесах за грибами; одна длилась 4 часа, другая 7. Еще раз пришлось убедиться, какие дивные окрестности вокруг Посада; какое раздолье, какое богатство леса, какой простор для деятельности человека, какие прочные остатки первобытных лесов, в которых когда-то укрылся Сергий. Ничто так живительно не действует, как природа; уйдешь в лес — и забудешь о большевиках. Сегодня сводка очень печальная для большевиков; конечно, действительность, быть может, хуже еще, но сводка — это тот минимум, лучше которого для них быть не может. Вот почему я придаю ей значение, хотя бы и относительное. Взят Минск и много важных пунктов на юге.

(31 [июля]) 13 [августа]. Целый день дождь: ходил провожать Лену Р[епман] и видел на станции дальний поезд — он весь битком набит «ими»; вечером слушал мемуары Тихомирова, которые по-прежнему интересны; остальное время сидел занимался. Разговор с А. А. Тихомировым, который рассказал мне, почему он ненавидел Ключевского и считал его подлецом (sic!). В 1904, в январе, когда Тихомиров был ректором, инспектор Фоминский (большой дурак) (это — мое мнение) донес ему, что на лекции Ключевского должна быть сходка, где японофилы подерутся с японофобами. Тихомиров написал Ключевскому письмо, прося его в эту субботу не читать и дать ему ответ на его письмо. Ключевский не ответил. В субботу Тихомиров просил В. О. приехать к нему перед лекцией. Ключевский прибыл и послал ему сказать — прикажет ли он, Тихомиров, ему явиться к нему на квартиру или же прикажет ждать его в ректорском кабинете. Когда Тихомиров

пришел в ректорский кабинет и изложил Ключевскому, в чем дело, и упрекнул его, что тот ему не ответил, Ключевский сказал, что он не мог ответить ему, так как был занят, а что он не будет читать только по приказанию ректора. Тихомиров отказался дать такое приказание, но, назло Ключевскому, послал инспектора проводить его в аудиторию. Здесь характерно поведение обоих и очень типично и для того и для другого[164].

(4) 17 [августа]. Кружась в Москве, я теперь уже и не пытаюсь записывать мои впечатления в четверг — субботу и отношу эту обязанность на воскресенье. За эти дни нажим на большевиков расширился и усилился. Последнее известие, по их газетам, т. е. по минимуму, от которого приходится исходить, взяты Сумы, наверно взят Борисов; красная армия отошла за Мозырь, т. е. почти к Гомелю; на юге они показывают бои у Обояни и вновь признают потерю Борисоглебска[165]. Их статьи и воззвания или злопыхательны, или монотонны. Рассказывают о какой-то новой делегации, будто бы явившейся и заседающей в Кремле, да еще о каком-то будто бы новом ультиматуме, предъявленном большевикам. Я плохо верю этим рассказам; если эта делегация немецкая, то она, в лучшем случае, может быть коммивояжерской, как была первая, бывшая здесь весной; иной, кроме немецкой, я здесь не представляю себе. Какие бы ни предъявляли большевикам ультиматумы, они уйти не могут, потому что им некуда уйти. Значит, остается ждать результатов натиска. Среди москвичей эти дни было мажорное настроение, несмотря на ожидание зимы без дров. Несмотря на постоянные реквизиции квартир, которые теперь участились еще более, ввиду того, что из всех городов все и вся эвакуируется в Москву. Обыски прекратились; рассказывают, что в последние дни эпидемии обысков ордеры на них продавались за 150 рублей на Сухаревке — это похоже на правду. В университетских кругах пока тихо; ждут призыва профессоров (во имя равенства!) и слияния университетов в один, как это сделано сегодня в Петербурге, где все разделено на медицинскую академию, академию механических или прикладных наук и, наконец, университет с двумя факультетами — общественных наук и физико-математическим. Куда же, интересно, девался факультет восточных языков?[166] Что за дикая глупость все кромсать по совершенно новым произвольным принципам. Впрочем, что же говорить о их глупости? Пути ея неисповедимы. Сегодня я целое утро бегал по рынку, где незаметно истратил 800 рублей; поражаешься громадному количеству москвичей, которых здесь встречаешь. Встречи самые неожиданные; все стремятся попасть на Троицкий базар, который в последние воскресенья приобретает громадные размеры. Сейчас беседовал с В. С. Миролюбовым, издателем «Журнала для всех». Он встречал Ленина и Ко., живя за границей в 1908—1913 годах[167], и го-

ворил мне о напористости и беспринципности Ленина и о том, как мало у них честных людей. Действительно, честности было мало при старом режиме, который облит весь нечестностью; но этот строй, сам построенный на лжи и обмане, еще более подходит ко всякого рода мерзавцам и подлецам. Все, что было лживого и нечестного при царях, теперь расцвело, а все честное ими отвергнуто, принижено и растоптано.

(5) 18 [августа]. Слышано несколько небезынтересных рассказов: большевики признают 3 своих «неблагополучия» — 1) где-то за Днепром, у Екатеринослава или за ним, где целая их армия оказалась окруженной, 2) у Ворожбы, где случилось нечто подобное, и 3) под Борисоглебском[168]. Между тем, они 15-го собирались сами переходить в наступление. Таким образом, карты их оказались смешанными[169].

(6) 19 [августа]. В нынешнем году большевики почему-то решили праздновать Преображение, тогда как в прошлом году они сочли его буднем. Вчера вечером большая пятичасовая прогулка за грибами, причем принесено их было очень много; это отлично действует на нервы и заставляет забывать о действительности. Т. к. это понедельник, то сидим без известий.

(7) 20 [августа]. Быть может, сейчас мы переживаем критический момент большевицкой державы. Нажим все сильнее — двигаются к Гомелю, Орше, Дну, Киеву и Курску. На юге взяты Обоянь и Гадяч, но [так в подлиннике; должно быть: и] совершен прорыв в сторону Тамбова и Козлова (это официально). Но большевики сами собрались наступать везде; говорят, это их ва-банк. Сегодня они пишут, что наступают на Новый Оскол, Бирюч и по линии Воронеж—Ростов[170]. Теперь вопрос в том, чье наступление пересилит и чья окажется сильнее; а от этого зависит и дальнейшее.

Умер В. И. Герье; я узнал это от приехавшего из Москвы студента. Он скончался, кажется, в воскресенье. Этого надо было ждать, потому что с весны падали и его душевные и его телесные силы. С ним исчез большой столп Московского университета; жизнь историко-филологического факультета тесно связана с ним за всю вторую половину XIX столетия. И Университет и женское образование, в частности 2 раза основанные им Высшие Женские Курсы, и город Москва многим и многим обязаны ему[171]. Он был последний эпигон западнического кружка и любил это подчеркивать. Но потомство воздаст ему по заслугам и оценит его лучше, чем современники. Резкость, холодность, облик в виде ножа (lame de couteau), как называл его покойный отец, и внешний и внутренний, отвращали от него людей, заставляли его бояться; кроме того, у него был недостаток такта, который нередко доставлял ему ненужные неприятности и столкновения. Для нас, студентов 90-х [годов], он был все еще грозой, хотя и меньшей, чем для наших предшественников; сам я его боялся

долго спустя после университета, хотя он всегда относился ко мне с большой благожелательностью. Интересна эволюция его политических взглядов: он слыл в 80—90-х годах либералом; потом стал убежденным октябристом. За это его ославили русские интеллигенты от к.-д. и левее, а для невежественной молодежи после 1905 он стал чуть ли не настоящим черносотенщиком. Между тем именно эта эволюция одна только и была нормальной; он остался умеренным либералом, а при бешеной скачке русского общества к пропасти, его поглотившей, те, которые не участвовали в этой course àla mort [погоне за смертью (*фр.*)], казались усталыми [так в подлиннике; вероятно, должно быть: отсталыми] людьми. Быть может, в его трезвости сказалось его нерусское происхождение. Современных русских деятелей в последнее время он, кажется, презирал. По крайней мере, у меня осталось такое впечатление от бесед с ним последней зимой. И в этом, быть может, сказалось в нем настоящее западничество: он был либералом западного типа, в России не привившегося и для русских, с их безрассудным стремлением к абсолютному, непонятного. Вот эта черта да некоторые угловатости характера и помешали ему занять то место в русском, бедном людьми, обществе, на которое он имел полное право. Мир праху твоему, один из последних моих учителей, и спасибо за то, чему ты меня научил!

(11) 24 [августа]. Герье хоронили в тот день, когда я поехал в Москву; по отзывам бывших там друзей — Яковлева, Егорова, Бахрушина, — да потом и по отзыву дочерей В. И., похороны были очень сердечными; была даже лития перед университетом; зато почти отсутствовал официальный характер, который при нормальных условиях был бы, несомненно, очень заметным. В пятницу я навещал его дочерей, а в ночь у них был обыск, и бедную Е. В. вторично увезли в чрезвычайку, причем взяли переписку В. И. за 1896 и 1897, две фотографических группы 80-х годов и путеводитель по Крыму. Чем руководились идиоты, обыскивавшие дом, трудно понять; но явление характерное для данного момента. Герье похоронили на Пятницком кладбище, в некрополе западников, где он лег последним эпигоном западников.

Общее положение за эти дни слагалось так: концентрическое движение на Киев развивалось беспрепятственно, причем, однако, опасность заключается в том, что к Киеву стремятся сразу трое — поляки, Петлюра и Деникин; я очень боюсь, что их соединение приведет не к коалиции, а к взаимному столкновению. Недурно идет наступление и на западе; большевики заявляют, что поляки подходят к Бобруйску и обстреливают Борисов. На юге ведется очень сложная игра; прорыв на Тамбов удался; Курск, видимо, почти под обстрелом; а большевики предприняли контрнаступление к югу от

Воронежа и в сторону Камышина; вчера по Москве ходили слухи о взятии большевиками Камышина и Валуек[172]. Таким образом, на юге происходит взаимное давление, и вопрос, кто кого пересилит. Говорят, что большевики рассматривают свое движение как ставку ва-банк. Очень много говорят о какой-то делегации, которая будто бы присутствует в Москве не то для переговоров, не то под арестом. Разговоры о сдаче власти, об уходе большевиков, о чьей-то выдаче не прекращаются, но все-таки никак невозможно разобрать, какая действительность скрывается под этими слухами. В академических кругах — очередная гадость: слияние всех факультетов и университетов в одно учреждение. Такую вещь могут сделать только идиоты, но, опять-таки, и здесь не приходится ничему удивляться. Впрочем, все смотрят на все с равнодушием, так как преобладает общая уверенность в близком конце. Назначают и сроки; я их не назначаю, но что-то когда-нибудь изменится, в этом я не сомневаюсь более чем когда-либо: большевики сейчас в войне со всем миром, а внутри все ползет по-прежнему.

(12) 25 [августа]. Хвалятся, что взяли Камышин и Валуйки; частные сведения, весьма, впрочем, достоверные, говорят о том, что в Тамбове все сожжено, что нужно было сжечь, в Козлове производится то же и что казаки направляются веером по 3-м направлениям — на Моршанск, Данков и Елец[173], т. е. для уничтожения и перерезания железных дорог, которые служат базой для большевицкого южного фронта, и что поэтому их южное наступление обречено на неудачу. Об остальном они сегодня молчат. Оттого ли, что близится какой-то критический момент, или от иного чего, но у меня весь день мрак души. Погода отвратительная; настоящий подмосковный август. Как хотелось бы куда-нибудь на юг, к солнцу и теплу. Уехать из Москвы — это, кажется, самая страстная мечта жизни. Уехать, чтобы не видеть этих ужасных горилл, диких, самодовольных и глупых.

(13) 26 [августа]. Понедельник. Известий нет. Частный слух о том, что получено здесь, в Посаде, радио об ультиматуме (который по счету?) и, чтоб не дать распространиться этому слуху, радиотелеграфисты арестованы. И. А. Голубцов, приехавший из Алатыря[174], сообщает, что там несколько десятков тысяч разутых красноармейцев просят милостыню и грабят по окрестностям. Прогулка за грибами для отвода от мрачных мыслей; ходили 7½ часов. Я принес некоторое количество грибной пищи.

(15) 28 [августа]. Положение все, по-моему, осложняется; бои в Курской губернии все продолжаются; они идут у Курска, а, с другой стороны, красные хвалятся, что они заняли Волчанск в 80 верстах от Харькова. Говорят, что в этом месте начальником является генерал В. И. Селивачев[175], выпущен-

ный из тюрьмы под условием командования армией. Я его встречал зимой, когда он управлял Лефортовским архивом, и он мне казался порядочным человеком. Неужели шкурность столь велика среди русских генералов, что они действительно честно будут драться за большевиков? Между тем все сведения сходятся в том, что Мамонтов делает чудеса в полосе Козлов—Ряжск—Данков, распространяясь оттуда на Рязань, Моршанск, Пензу с одной стороны, на Тулу — с другой, на Елец — с третьей. Если он испортит и перережет все линии, то, говорят, что южное наступление может окончиться катастрофой. Киев, несомненно, взят; кто-то подбирается к Полоцку, но зато красные вновь взяли Псков[176]; говорят, что там перессорились русские белогвардейские генералы — Родзянко, Ливен и Балахович[177]. Узнаю коней ретивых! Есть слухи, что очень пакостит нам Финляндия, которая даже хотела в 24 часа выгнать всех русских, которые там находились; причем, по тем же слухам, Юденич оказывается плохим дипломатом. Все это очень волнует, ибо чувствуется, что мы ходим вокруг возможного перелома, который может, однако, на этот раз и не наступить. Другой источник беспокойства — здоровие Нины; новый рецидив болезни. Вот причины, почему я два дня в очень мрачном настроении. Я чувствую, что освобождение должно прийти до холодов, иначе мы не выдержим новой зимы при условиях еще более ужасных, чем прошлая зима. Не клеится и устройство квартиры здесь, в Посаде, а между тем необходимо сохранить здесь уголок; здесь все-таки легче будет обеспечить себе тепло и сытость.

(18) 31 [августа]. Положение становится, вне всякого сомнения, день ото дня все напряженнее. Большевики, устами Нахамкиса и других, уверяют, что на днях начнется наступление всех империалистов мира; уже не двунадесяти, а четырнадцати языков. О делах на южном фронте они пишут не то, что на самом деле есть. Однако вчера они уже говорили о том, что они избегли опасности быть окруженными у Валуек и Купянска, о рейде Мамонтова, который действует, расширяясь веером. Поезда на юг не идут далее Рязани и Тулы, и поэтому подвоз продовольствия в Москву совершенно прекратился; цены скачут бешено; хлеба почти не выдают; на Сухареве хлеб дошел до 80 рублей, а мука в продаже до 2800 рублей. Вчера в ночь произведены очень многочисленные аресты: Котляревский, Алферов, Д. Д. Плетнев, наша Юрьева, Кишкин; хотели арестовать И. А. Ильина, но он скрылся; говорят — Самарин, наверно, Д. Н. Шипов; С. А. Первушин, Д. К. Будинов и даже Ю. И. Базанов. Везде обыщики были вежливы; если сопоставить эти имена, то видно, что здесь дело идет о кадетах, о «видных» лицах, о бывших богатых людях; но почему попал Д. К. Будинов, почему арестовали таких кадеток, как мать и дочь Кареевы, или Нат. Андр. Винкельман?[178] Толкуют все

это как взятие заложников; но надобно признать, что и с этой точки зрения их мероприятия не выдерживают критики. Их напряженное положение не мешает им продолжать свои пресловутые реформы; дело о слиянии всех факультетов в одну кучу, видимо, приобретает характер какой-то общей свалки, в которой будет разрушена вся высшая школа в Москве. Одна надежда, что все это перед концом.

(19 [августа]) 1 [сентября]. Прошлой осенью мы гадали среди историков, что большевики продержатся до Успения; но вот и оно прошло, а они все еще сидят, хотя троны их, видимо, колеблются. Вчерашняя сводка показывает бои на линии Оскола, т. е. верст 45-50 восточнее, чем накануне; таким образом, прорыв к Харькову, видимо, не удается[179]. Аресты, сделанные в пятницу, превосходят всякие вероятия: нахватали во всех кругах. По-видимому, арестованные исчисляются чуть ли не сотнями: брали кадетов, других партийных людей, задели Религиозно-философское общество, теософов, присяжных поверенных, гг. бывших членов Совета — словом, нельзя даже уловить нитей, которыми руководились арестовывавшие, т. е. ВЧК. Общее впечатление все-таки то, что берут заложников. Я думал и думаю о себе — так как невозможно уловить целей, то очень легко попасть в число жертв; посоветовавшись с Ниной, решаюсь быть осторожным и в ближайшую поездку в Москву постараюсь не ночевать дома — все-таки будет выигрыш времени. Уж очень бы не хотелось попадаться из-за двух причин: ведь все-таки возможно, что наступают их судороги, это одно; а другое — они будут очень злы и пропасть можно ни за полушку. Читаю «Vie et correspondance de Taine»; вот что он пишет по поводу борьбы партий после 2 декабря 1851: «Entre les coquins d'en haut et les coquins d'en bas, les gens honntes qui pensent vonts se trouver écrasés»[180] — это писано 11 декабря 1851 — как это приложимо к большевизии! Дивная погода осеннего типа. Длинная прогулка по лесу в обществе П. Н. К[аптерева] и А. И. Огнева[181]. Нине, слава Богу, лучше.

(20 [августа]) 2 [сентября]. День без известий. Провели в прогулке в село Шарапово за 10 верст; были приняты местными крестьянами-«мастерками», которые ранее работали на шелковую фабрику в Сергиеве; теперь все это стоит в ожидании лучшего будущего. Нас угощали (нас было 9 человек) 10 яиц, чаем, сливами, фунтами 3-4 хлеба и четвертью молока; это составляет по современной оценке около 500 рублей; и за все это не взяли ничего; это дает возможность сделать 2 вывода: посещение «господ» — все еще предмет тщеславия для пейзанов и 2) они гораздо богаче нас. Прогулка была очаровательна. Я думаю, что если придется эмигрировать, то более

всего будешь жалеть хороших летних и осенних дней в той русской деревне, из которой русская интеллигентская пропаганда выгнала цивилизованных людей! Смотря на море лесов, открывавшееся со здешних пригорков, я думал — вот она, страна, погибающая от отсутствия топлива! А все-таки подобная прогулка и общение с природой — это нравственная ассенизация. Благодаря ей, хоть на несколько часов забываешь о совдепии.

(25 [августа]) 7 [сентября]. Провел четыре дня в Москве, где главным предметом разговоров и забот продолжают быть аресты, насчитывающиеся сотнями и тысячами. Насколько можно было ориентироваться в причинах их, они объясняются следующим. По слухам, идущим от Ряз[анова] и Д. И. Ульянова[182], большевики напали на нити какого-то заговора, или на нити сношений с засовдепской Россией; вариант слухов гласит, что где-то в Москве нашли список кадетского правительства, которое должно было составиться в случае прихода Мамонтова; в состав его должны были входить Авинов, Леонтьев, Котляревский, как будто Чаплыгин. Говорили, что список этот нашелся не то у Н. Н. Щепкина, не то еще у кого-то из кадетов[183]. Если это не простая провокация, то можно ли представить себе большую глупость? И как все это по-кадетски — во-первых, все одним им, которые все проморгали, во-вторых, все наивно предается письменной записи. Ex ungue leonem [По когтям узнают льва (*лат.*)]. Узнаю коней ретивых. Благодаря этому большевики решили сделать большим неводом крупный улов, и в невод этот ловят по кадетским спискам чуть ли не с начала существования партии. Разит сеть также и народно-социалистических дураков, глупое отколовшееся от к.- д. [так в подлиннике; правильно: с.-р.] отродье. Как производились аресты и засады, можно усмотреть из того, что Кизеветтер с женой пришли неделю назад к Петрушевским, и сейчас же (дело было в 6 часов вечера) вслед за их приходом (за ними, вероятно, следили) туда нагрянула ЧК и арестовала гостей и хозяина. В этот вечер у Петрушевских должны были быть гости; пришел С. Б. Веселовский, с нотами, чтоб играть на рояле, и иностранной валютой в кармане — сцапали и его; потом пришла Р. П. Богословская, также попавшаяся в ловушку; наконец, во 2-м часу ночи, М. М. Богословский явился узнать, что сделалось с его женой, и был схвачен засадой. Такие засады были устраиваемы в домах очень многих арестованных. Богословский и Петрушевский, которые не принимали участия в политике (а М. М. даже и не кадет), будут на днях выпущены. Но лицам более крупным, особенно кадетам, будет выбраться гораздо труднее. Положение таково, что никто не гарантирован от возможности сесть в Бутырки или в один из бесчисленных домов заключения в Москве (монастыри, отдельные дома,

дома полицейских частей и т. д.). И признаюсь, что никогда я не чувствовал так близко над собой дамоклов меч большевицкого узилища, несмотря на мое всегдашнее отчуждение от политики. Что бы далее ни случилось, я более, чем когда-либо, понимаю и убеждаюсь, как глубоко я был прав, сторонясь от русской политической жизни, где, кроме интриг и кружковщины, ничего не было и — увы! — не будет. Все партии — только вывески для честолюбцев и капканы для дураков; а партия господствующая еще вдобавок орудие для мерзавцев.

На фронтах за эту неделю дело складывалось благоприятно для антибольшевиков; чувствуется возможность близкого освобождения; но, как вчера сказал мне Вениамин Михайлович Хвостов, «могут быть еще зацепки»; кроме того, фанатические большевики, вроде Ульяновых, будут держаться до последней минуты и креститься своим двуперстным знамением, даже когда дом, в котором они находятся, запылает со всех концов. В их психологии есть много общего с психологией раскольников-самосожигателей.

Вчера происходило заседание всех уплотняемых гуманитарных факультетов; было глупо и грустно. Благополучно совершили над собой харакири, которое довершится сегодня на заседании в комиссариате.

Сегодня — день советской пропаганды; товарищи сулятся звонить в Москве во все колокола и издавать все звуки, какие они в состоянии издать. Один из номеров дивертисмента — «похороны буржуазной старой, отжившей Марсельезы». По этой, вероятно, причине газеты сегодня совершенно пустые.

(26 [августа]) 8 [сентября]. Старый семейный торжественный день. Прогулка на велосипеде с С. Н. Каптеревым. Дивные места, о которых не знает никто, а между тем здесь могли бы возникать дачи, дачные поселки, если бы все это было в стране горилл, а не в стране людей [так в подлиннике]. Положение дома таково: Нине нужна санатория; санаторий нет, ибо или они захвачены, или в них стол, не подходящий для сахарной болезни. А между тем она нуждается в постоянном и пристальном лечении. Вот как обстоят дела в горильской большевизии.

(27 [августа]) 9 [сентября]. Сводка безразличная. Гомель на осадном положении. Какие-то глупые радио каких-то эстонцев, которые желают вступить в переговоры с большевиками о мире. Или это утка, или, в худшем случае, — знак, что раздоры на белом северо-западном фронте продолжаются и ухудшаются. С другой стороны, какие-то известия — из статьи Нахамкиса о сговорах в Риге, как действовать против большевиков[184]. В Москве запрещено выходить после 11 часов вечера. Целый день сижу дома, и ничто меня не радует.

(28 [августа]) 10 [сентября]. В ожидании известий. Газета

не удовлетворяет. Слишком много в ней заведомой и наглой лжи. Слухи, которые, между прочим, отчасти оправдываются, все-таки служат коррективом к подлым словоизвержениям торжествующих русских нигилистов. Чем далее, тем более я убеждаюсь, что если мы доживем до лучшего времени, то сейчас же необходимо будет увезти своих и все лишнее распродать, ибо смена большевиков будет только новой страницей в печальной истории так называемой русской революции; не надо повторять ошибки и оставаться здесь, когда можно будет уехать. Анархия, смуты, перевороты ждут нас в будущем, вероятно, не в малом еще количестве.

(30 [августа]) 12 [сентября]. Я увлекаюсь, читая «Vie et correspondance de Taine». Вчера читал о 1870 и 71 гг. Я выписываю здесь несколько отдельных фраз; они легко приложимы к нашему теперешнему состоянию и к моим мыслям до войны, в войну и в революцию. «On souhaite la paix, le commerce, le travail, le bien-être pour soi et pour le moment, et l'on résiste de plus en plus énergiquement aux raisonnements qui, dans la tàte d'un souverain, feraient tuer cent milles hommes pour le bénéfice des générations futures et pour le maintien d'une prééminence» (II, 336). «Le 12 (juillet 1870) j'ai écrit à une personne influente (? Princesse Mathilde), pour lui dire que nous allions avoir contre nous les passions de 1813, *que la guerre tait imprudente*; presque tous les hommes cultivés pensaient comme moi» (III, 16). «Pour moi le sentiment des maux publics est si vif que je ne sens plus véritablement le beau» (III, 27). «Il est bien probable qu'à mon retour, je ferai à Paris des articles politiques de fond, malgré ma répugnance et mon insuffisance; il faut maintenant que tout le monde mette la main à l'oeuvre; mais la parole est si peu de choses contre les institutions et le caractre national! Enfin je ferai ce que je pourrai, malheureusement avec peu d'espoir; tu sais ce que je pense de nôtre pays et cela depuis des années» (III, 480; 7 février 1871). «(21 mars:) La bétise inouie de la garde nationale et la trahison de l'armée nous mettent aux mains des gens du ruisseau» (III, 68-69).

«Mon chagrin est si profond et mes prévisions sont si tristes que j'aime mieux ne pas en parler» (26 mars, III, 74). «D'aprés mes entretiens avec plusieurs personnes bien informées et dont l'une revient de Londres, les menées et l'argent bonapartistes sont pour beacoup là-dedans» (28 mars, III, 76-77). «L'argent va manquer à la Commune; on parlait hier de menaces contre la Banque; il y aura des violences contre les grands établissements de crédit, contre les financiers, les riches; la Commune les forcera à signer des traités, on emmenera plusieurs comme ôtages; elle va se trouver acculée des crimes» (30 mars, III, 81). «Comme banquier, magistrat etc., ils sont menacés; on parle de quinze cents personnes arrêtées à Paris comme suspectes» (1 avril, III, 85). «Conversation aujourd'hui avec un professeur de science et un vieux peintre. Ils

sont tous les deux favorable ou presque favorables aux insurgés. Cela me confond toujours; on ne comprend pas qu'un homme intelligent ait une si faible notion du droit et de la justice» (8 avril, III, 99). «Il y aura une terrible bataille dans Paris; les insurgés ont des chefs trés résolus» (17 avril, III, 102). «Paris — c'est un pandémonium; la mére d'une dame que est ici (Tours), sortant de chez elles ces jours-ci en robe trés simple, a été apostrophée dans la rue par une mégère: 'A bas les aristocrates en toilette; on vous mettra bientôt à bas'» (30 avril, III, 104). «Je mange et dors bien, mais ma barbe a grisonné (5 mai, III, 197). «Deux principes inconnus en France, admis universellement et appliqués fidlement dans tous les pays libres: (1) quand la majorité a prononcé, se soumettre franchement, sérieusement, ne pas garder l'arrire-pensée de la violenter par un coup d'Etat; (2) permettre à la minorité de dire et imprimer tout ce qui lui convient» (21 mai, III, 121). «J'apprends à l'instant les horreurs de Paris... les misérables! Ce sont des loups enragés» (25 mai, III, 128)[184a]. Это анализ в изречениях и русской так называемой революции и повторение моих собственных мыслей.

Я ездил с Володей в Пушкино за пудом муки, который Р[епманы] выменяли на наш револьвер, пролежавший год в дупле. Кстати, зашли к старикам Армандам. Боже, какой ужас в Пушкине! В саду рубят деревья на дрова, пасутся телята на цветниках; старики замерли в ожидании смерти, которая подкралась уже к половине их. Дорожки запущены, калитка в парк настежь. Я ушел с тяжелым чувством. Общие новости, официальные и неофициальные, расходятся, как никогда: они пишут о движении вперед близ Конотопа и Бахмача. Слухи, идущие из источников достоверных, говорят о поражении под Осколами и Касторным, под Царицыном[185], и под Гомелем. Переговоры с эстонскими меньшевиками оказались филькиной грамотой, как этого и следовало ожидать.

(31 [августа]) 13 [сентября]. Еще несколько изречений из Тэна: «le suffrage universel, dans un pays apathique tend toujours à mettre le pouvoir aux mains des bavards déclassés (III, 172). L'éssentiel est que les classes éclairées et riches conduisent les ignorants et ceux qui vivent au jour le jour (III, 173)»[185a].

Гуляя, я видел русских интеллигентов, пилящих дрова; не боясь плоской шутки, скажу, что интеллигенция, которая своими усилиями довела дело до того, что ей самой приходится пилить дрова, — вполне этого достойна; на другое она не годится. Много разговоров о движении немцев на Бологое, о котором возвещается в большевических газетах[186]: для меня это еще неясно. Узнал, что выпущены Богословский, Петрушевский и Бахрушин. Комиссариат, т. е. товарищ Покровский, сократил наши лекции на одну треть, потому что у них сократили кредиты на одну треть; хорошенький способ оценки ученого преподавания в высшей школе.

(1) 14 [сентября]. Газета: товарищи признают, что их отбили от Царицына; они признают также занятие Ельца, Старого и Нового Осколов, что показывает, что вся линия Елец—Валуйки в руках Деникина. Это может иметь очень большие последствия. Арестовывают нотариусов, в том числе дядю Костю. Сегодня все утро таскал разные вещи, 2 пуда капусты; была большая мена: за разное старое добро мы получили мешок картофеля, меру репы, грибов, молока и т. п. Прекрасно заполненное dimanche d'un bourgeois.

(2) 15 [сентября]. День, как всегда, без известий. Однако в воскресенье, вчера, товарищи сообщили, что их вышибли из Бахмача. Выходит, что через месяц после наступления, предпринятого 15 августа, успехи товарищей сводятся только ко взятию Камышина. Посещение Лаврской библиотеки, помещающейся над трапезной; там же находится и старый архив, в котором великое богатство неиспользованного материала по монастырскому хозяйству и землевладению XVI—XVII веков; весь архив в полном порядке, благодаря труду никому не известного монаха-библиотекаря отца Алексея. Вот где бы заняться, если бы только явилась возможность дать волю моим проектам об исследовании XVI века. Завтра опять в проклятую Москву! Не хочется! Выписываю еще несколько изречений из Тэна, которые вполне соответствуют моим мыслям:

«Vous savez si j'aime la Révolution; pour qui la voit de près, c'est l'insurrection des mulets et des chevaux contre les hommes sous la conduite des 'singes qui ont des larynx des perroquets'; mais l'ancien régime n'est pas beau non plus...» (III, 266).

«Ma seule thèse intime est contre le pouvoir arbitraire et absolu, soit de la foule, soit d'un individu. Un être humain ou une collection d'ê-tres humains, qui est despote et ne subit pas le contrepoids d'autres pouvoirs, devient toujours malfaisant et fou» (III, 272—273).

«Le souffrage universel qui est un chancre toujours coulant» (IV, 45, 24 mars 1878).

«Je vous assure que les Girondins de la législative ne sont pas jolis à voir de près: l'orgueil doctrinaire et juvenile est le fond, et ils se permettent jusqu'au 10 août tout ce qu'on fera contre eux après le 10 août» (IV, 93; 28 juin 1879)[186a].

Разве это не наши кадеты?

(2) 15 сентября. Я надумал, сидя в Сергиевом Посаде, общий план моих занятий на всю жизнь. План больше, чем время, которое мне осталось работать. Хочу его записать на всякий случай.

1) Введение в русскую историю — научная разработка археологического материала по Восточной Европе до 862 года (условно, конечно, понимая эту дату). Это не сделано.

2) Взаимные отношения русских к Балканскому полуострову и к славянам до завоевания Балкан турками и образования Московской державы. Это — terra incognita.

3) Опыт сравнительного изучения славянского права: Р[усская] Пр[авда], [Вислицкий] статут, Законник Ст[ефана] Д[ушана], Закон Винодола и т. д. Пс[ковская] [судная] гр[амота], судебники, Нешав[ские] ст[атуты], Полиц[кий] ст[атут] и т. д.

3-е вытекает отчасти из 2-го.

4) Здесь начинается главная часть проектов: образование Московского государства — в виде очерков по истории XV и XVI вв. — «Иван Грозный», «образование дворянства», архитектоника Московской державы XVI века: сознательные усилия Московских государей в созидании своей державы. «Идеология XVI века: иосифляне, связь с юго-славянством, теории власти, ереси». Московское государство в представлении иностранцев; отношение к Литве, Польше и другим державам; культурные заслуги италианцев. Москва и Крым в XV—XVI вв. Экономическое состояние Московии, особенно до кризиса 60-х годов (архив Троицкой Лавры). Главное — подчеркнуть: цари создали дворянство как послушную им силу.

5) Мой очерк Смутного времени и другие мои работы о Смуте формулируют мои мысли об этой эпохе.

6) Замосковный край — есть, в сущности, история дворянства в XVII в. в главных чертах.

7) Сословная политика Петра Первого. Начать с идей 80-х гг.; дворянство на исходе XVII века, пробуждающееся к политическим вожделениям XVIII века. Петр и дворянство: это что-то вовсе не известное.

8) История областного управления, принявшего громадные размеры, — есть не что иное, как будничная история дворян от Петра до Екатерины II, когда они окончательно завоевали все.

9) Пушкин как квинтэссенция дворянской культуры. Лучшее, что она дала до наступления момента, когда оно само в себе усумнилось.

10) Падение Российской Империи, мною начатое уже.

$$\left\{\begin{matrix}1\\2—3\\4—10\end{matrix}\right\}\text{ 3 цикла}$$

Из самого большого сделаны 5, 6, 8 и набросан эскизно 10. Чтоб сделать все остальное, надо две жизни; но все вместе взятое составило бы ряд монографий, в которых были бы выражены все мои взгляды на всю русскую историю. В частности же, вышел бы цельный цикл по истории дворянской России, возникшей в XV—XVI вв. и павшей в XX[187].

(7) 20 [сентября]. Сергиев Посад после четырех дней в Москве. Московские запуганные буржуи и «буржуиды» — не-

обыкновенные дураки. Они все еще думают, что все должно измениться во мгновение ока, и поэтому плачут и рыдают, если им в большевицкой газете что-нибудь покажется не так. Например, на этой неделе в среду написали, что эстонцы желают мириться с большевиками, и в Москве уныние. Как будто что-то может измениться оттого, что какие-то чухонские социал-предатели — меньшевики, трудовики и тому подобная сволочь — задумали поцеловаться с советской властью. В четверг военная сводка была довольно интересна; главное — везде отступили и, между прочим, бои происходят около г. Тима — почти прямо к востоку от Курска[188]. И вот настроение вдруг поднимается — столь же неосновательно, как накануне оно опустилось. В пятницу мы заседали с тов. Волгиным в виде собрания исторического отделения и говорили о зачеркнутых курсах[189]. Новый Магницкий или Рунич[190] — тов. Покровский — все это черкал единолично или совместно со своим famulus'ом [рабом] (*лат.*) или Вагнером — тем же Волгиным. Надо было видеть, с каким самодовольством этот подлец докладывал, что тот или иной курс был вычеркнут по недоразумению, что с единоличным мнением Покровского не следует считаться и т. п. заведомую ложь. Я вернулся сюда с вечерним поездом; что за ужас эта тьма на железных дорогах! Паровоз идет при одном освещенном фонаре вместо 3-х; на каждой станции по одному фонарю на всю территорию станции; в вагонах абсолютная тьма, так что можно убить человека — и этого на заметишь. Большевики желают подвергнуть преследованию Сухаревку под тем же предлогом, что надо бороться со спекуляцией, но тогда Сухаревка возникнет на каждом углу и перекрестке. По рецепту врача для Нины я добыл 5 фунтов сыру — это тоже достойно примечания! В пятницу я решил ехать в Сергиево; в течение сентября я буду ездить контрабандой, пропуская дни в Музее. Надо заботиться о семье и беречь здоровье — это последнее, что остается. А приехав сюда сегодня, рыл картошку и колол дрова.

(9) 22 [сентября]. Несомненно, Деникин перешел в общее наступление по всему фронту. Это показывает, что он выдержал наступление большевиков, начавшееся 2/15 августа и не давшее результатов, за исключением взятия Камышина, и теперь нашел в себе достаточно сил, чтобы ответить наступлением. Мои предположения, что на юге творятся большие дела, оправдываются. Теперь надо ждать результатов предпринятого движения; они могут быть очень большими, но могут и сорваться. Если Деникин добьется продвижения к Москве, хотя бы до Брянска, Орла и Ельца, то тогда опасность для Москвы будет обрисовываться более определенно. Но в данный момент я еще не усматриваю начала Московской операции; я думаю, что сделать все одним ударом было бы очень

трудно. Однако первый результат уже сказался: все повеселели; даже телефонные разговоры из Москвы обнаружили веселое состояние обывателя. Возможно, что они располагают кое-какими дополнительными сведениями, но возможно и то, что достаточно было газетных известий, чтоб привести москвичей в радужное состояние: новый признак необыкновенного легкомыслия и дряблости московского обывателя.

Я набросал несколько слов для характеристики старого Герье, чтоб прочесть их в заседании его памяти, которое непременно будет устроено Историческим обществом. Я думаю, что этот «кальвинистский пастор» был создан, чтоб «требовать» от людей, и потому, несмотря на свои громадные заслуги, он никогда не был популярен. Стоит дивная сентябрьская погода; ходили с Ниной в Лавру и грелись на солнце, как весною; странно подумать, что уже 6-й месяц, как мы водворились в Посаде. Сегодня я отсутствую в Музее контрабандой.

(11) 24 [сентября]. Вчера день был кошмарным по сумме полученных впечатлений. Расстреляны Алферов, Астровы, Н. Н Щепкин и А. А. Волков как шпионы Деникина[191]. Впечатление такое, что подобная участь может в любой день постигнуть каждого из нас. «Они» окончательно озверели, быть может, под влиянием неудач на юге, где оставлены Курск, Льгов, перешли через Сейм и подбираются к Воронежу[192]. Но сегодня газета — пуста. Надо, конечно, ослабить впечатление. Хожу на съезд академических библиотек — Боже, какая скука.

(12) 25 [сентября]. Продвижение продолжается. Сегодня, однако, газеты необыкновенно пусты. Видимо, хвастаться нечем. Видел я В. Н. Щепкина, который является единственным ходатаем по делам семьи брата; оказывается, что, кроме него, расстреляны его два зятя[193]. По его словам, тов. Покровский чувствовал себя неловко, принимая его по делам, и сначала сказал ему, что он его не узнал. На это В. Н. Щепкин ответил ему, что он, конечно, очень постарел. Общее впечатление, что казни вызвали не терроризацию, а озлобление. На чем основано такое мнение, мне не ясно, ибо я конкретных данных по этому поводу не имею. Но какое огромное накопление злобы!

(13) 26 [сентября]. Брошена бомба в помещение РКП, иначе, в дом гр. Уваровой, причем убито несколько второстепенных деятелей[194]. Сердце заранее содрогается при мысли о тех репрессиях, какие последуют за этим происшествием. Конечно, это дело левых с.-р.[195], которые таким поступком пожелали нагадить одновременно и направо и налево, но расплатятся неповинные люди. На фронте их дела плохи. Сегодня означается станция Золотухино, почти под Орлом[196]. Говорят, что уже есть распоряжение об эвакуации Смоленска; что на юге под Орлом у них осталось только 4000 штыков, что туда они бросают несформированные, раздетые и разутые

дивизии из-под Алатыря и Ардатова[197], о которых я месяц назад слышал, что солдаты там просят милостыню. Продолжаю ходить на библиотечный съезд, где сегодня пришлось спасать библиотеку консерватории от поползновений одного из отделов «наркомпроса», и отстаивать библиотеки учреждений, которые хотят уплотнять.

(14) 27 [сентября]. Путешествие в Сергиево с вечерним поездом, в полной темноте. Кругом разговоры горилл, в общем неприязненные для большевиков, а главная тема — о жидах. Большинство очень хвалило поляков; юдофилом оказался лишь один человек, вернее — один голос из темноты, принадлежавший русскому полуинтеллигенту. У своих я застал настоящую панику, происходившую от слухов об осадном положении, при котором нельзя будет ни въезжать в Москву, ни выезжать из нее. Мне кажется, что до такого момента еще далеко. Погода продолжает быть дивной. Беспокойство увеличивается нервным настроением П. Н. Каптерева и возможностью ареста И. Ф. Огнева, который вчера не вернулся из Москвы; слухи о его аресте привез я, а до меня они дошли в связи с арестом В. Ф. Саводника; 65-летний профессор-гистолог, на что он им нужен?[198] Во время разговора в вагоне я услыхал о таком разделении коммунистов: 1) материалисты или сволочь и 2) «священные» — которые «только и думают соблюсти свою идею». Возможно, что такое разделение возникло в среде самих коммунистов. Чувствуется, что мы подходим к настоящему кризису.

(15) 28 [сентября]. Очень хорошая сводка — Малоархангельск, Нижнедевицк — таковы характерные пункты[199] Война перешла в Великороссию самым решительным образом. Известий из Москвы нет. Сегодня похороны жертв бомбы[200]. Было бы все-таки интересно знать, кому пришло в голову ее бросить так не вовремя. Целое утро происходила мена; бурку на картофель, башмаки на масло; продавалась ротонда на деньги, и на деньги покупалась мука. Пара туфель оценивается 1500 рублей! «Да ведают потомки православных»!..

(16) 29 [сентября]. День с малым количеством известий. Последний из утренних поездов не пошел, так как, говорят, произошло где-то повреждение пути. Теперь это — обычное явление. Погода по-прежнему великолепная. Стараюсь сегодня воспользоваться свободным днем, чтобы хорошо поработать.

(17) 30 [сентября]. В прошлую пятницу погиб дядя жены, Д К. Александров-Дольник. Он был арестован 3 недели назад, вместе с другими нотариусами, подозреваемыми, что кто-[то] из них из-под большевиков продал Метрополь. Когда за него стали хлопотать, то в ЧК сказали: «Вы не знаете, за кого хлопочете, — ведь это царский прокурор». В четверг 12/25 была брошена бомба в дом гр. Уваровой; в пятницу в 8

часов вечера его из Бутырок отправили в ЧК на Лубянку, где он был в тот же вечер расстрелян «по постановлению трех», как бывший прокурор. По рассказам одного из нотариусов, сидевших с ним в Бутырках и освобожденных после его увоза, он очень волновался, узнав в пятницу о расстреле Алферовых и Ко. и о взрыве: он уже видел себя следующей возможной и подходящей жертвой, тем более что его товарищей освобождали, а его нет. О последних минутах его мы ничего не знаем. Вероятно, тело его свалили на Калитниковское кладбище[201], куда обычно сваливают жертв террора. Вчера обо всем этом очень просто сказали Надежде Васильевне, узнавшей о его переводе на Лубянку и добивавшейся передать ему пищу. Вечером была очень простая, но потрясающая по существу панихида. Он погиб одной из жертв новой вспышки красного террора. Пострадав от Щегловитова 12 лет назад[202], он теперь пострадал от революционеров — такова участь людей благомыслящей середины в той ужасающей склоке, которая зовется русской революцией. Мы были с ним в хороших отношениях, несмотря на его несколько тяжелый, себялюбивый характер. Это был честный человек и честный деятель, с широким юридическим умом. Если бы старый порядок окружал себя такими людьми и действовал через них, то Россия имела бы другую судьбу. Царство ему небесное!

История с профессором И. Ф. Огневым оказалась, в сущности, трагикомедией; он попал в засаду, вслед за своей прислугой, отправившейся искать углей в квартиру родственников Алферовых. Огнева пошли искать другие, и таким образом бабка за дедку, дедка за репку — в засаду попали человек 12-15, в том числе служащие Румянцевского Музея, Садовник и Усова, живущие в том же доме. Я рад за бедного старика, который отделался двухдневным недоеданием.

По отношению к Университету Комиссариат Народного просвещения преследует какую-то определенную политику сделать занятия невозможными: нас, кажется, стесняют временем от 4 до 6 вечера — остальные помещения нужны для «рабочего факультета»[203].

Сводка по-прежнему указывает на продвижение внутрь Совдепии по всем направлениям, кроме северного.

(21 сентября) 4 октября. Я вернулся в Посад всего через четыре дня, а мне кажется, что прошла целая вечность. Причина — трагическая смерть Д. К. Едучи вчера, я долго думал о том, как это примет Нина и не повлияет ли на восприятие ею грустной вести ее теперешняя болезнь. Но записка моя, которую она получила вчера, объяснила ей уже все; она поняла и приняла весть так же, как и все мы, со спокойным ужасом. Я стараюсь определить сущность данного момента;

он, конечно, серьезнее, чем год назад, когда вспышка «красного террора» была последствием покушения на Ленина. Натиск извне усилился; они сами сознают, что наступают решительные дни. Говорят, они решили не эвакуировать Москву, а защищаться здесь. Все это может создать особенно тяжелые моменты — моменты смертельной опасности, дикого произвола, ужасающей жестокости. Мы все более и более приближаемся к положению Парижа в мае 1871; но тогда это был один Париж, а теперь мы все еще в середине очень большой территории, из которой нет никакого выхода на волю. Остающимся в этой территории предстоит пережить все возможные ужасы, прежде чем трагедия придет к своему логическому концу, и остатки России примут нормальный облик, и старуха — русская интеллигенция с разбитым корытом мессианизма — должна будет приняться за починку своей разгромленной избы. Вчера мне пришлось быть у тов. Рязанова, с ходатайством о Лизе Рар; он был очень милостив и даже запросил сведений о ее муже[204]. Я не знаю, что заставляет его идти навстречу таким ходатайствам — природная отзывчивость или желание перекинуть мост? В последние дни разнесся сенсационный слух, что большевики хотят закрыть все занятия в высших учебных заведениях, за исключением медицинских факультетов. Это, конечно, жест отчаяния (или глупости?), но, может быть, было бы даже лучше, если бы и не ломать глупой комедии занятий, когда нет ни слушателей, ни даже помещений: лучшую аудиторию в Университете, помещение историко-филологического факультета, большевики захватили под «рабочий» факультет — ведь надо же выдумать такое глупое название — и будут там, вероятно, читать свою «карлумарлу». Мы же должны читать в помещении юридического факультета или на курсах Полторацкой. Некоторые историки склоняются в пользу последнего помещения; я же решил остаться в Университете и добровольно из него не уходить.

Возвращаясь к убийствам последних дней, я думаю, что в них имеют значение старые личные счеты: в этом меня убедила статья в «Известиях ВЦИКа» от 3 октября, под заглавием «Сашка-каторга». Это инсинуации против А. А. Волкова, исходящие из среды, близкой к земству Ярославской губернии[205]. Вероятно, автор ее или подобные ему не были чужды смерти Волкова. Возможно, что старые личные счеты сыграли роль и в смерти Д. К. Донос царствует более, чем когда-либо.

Масло стоит уже 500 рублей, а мука 3300. Вчера они пропечатали в газетах телеграмму Ленина, призывающую к доставке хлеба в города. Тщетные иллюзии, ибо все, что осталось, занято перевозкой войск, а хлеб уже и возить неоткуда. Остались только линии Москва—Нижний и Москва—Арзамас—Казань. Все остальные имеют уже значение чисто воен-

ных дорог. Отсюда забота добывать муку во что бы то ни стало.

(23 [сентября]) 6 [октября]. Весь воскресный день прошел в мене вещей. Мы запасли 5 мешков картофеля, около 2 пудов пшена и теперь остается запасти муки, что, кажется, труднее всего. Кольцо суживается, и надо предвидеть время, когда придется испытывать настоящий голод. Нина занята приготовлениями на зиму — самыми элементарными и неожиданными, вроде сушки репы — все это вопросы жизни, вытекающие из современного момента. К счастью, ее силы несколько поднялись и состояние улучшилось. Два вечера я сам чистил и резал репу. В девять часов я заваливаюсь спать и сплю 11 часов; быть может, это результат общей слабости, быть может — следствие потрясающих впечатлений прошлой недели. Вчерашняя сводка благоприятна для белых; красные признают потерю Ливен и Дмитриева (Курской губернии) и движение Деникина наперерез линии Гомель—Брянск. Таким образом, Деникин, видимо, не столь углубляет свой прорыв, сколько расширяет его на запад, чтоб отрезать большевиков, оставшихся на Украйне, и на востоке, чтоб отрезать части красной армии, действующие на границе Донской области к югу от линии Грязи—Царицын[206].

Передают новую фазу в вопросе о закрытии занятий в Университете: будто бы слушатель Университета Шанявского Канделаки [?], поддерживаемый гнусом Покровским, предлагает закрыть филологический факультет как контрреволюционный. П. Н. К[аптерев] передавал, что вопрос будет решен в понедельник, ни более ни менее как в ЦИКе.

(26 [сентября]) 9 [октября]. Вновь в Сергиеве, по случаю того, что в Румянцевском Музее морят жуков, которые едят этнографических болванов. Думаю воспользоваться, чтобы побольше поработать. Во вторник я начал занятия в Университете. Пришло 6 слушателей, большей частью старых, уже знакомых. Меня поместили в самую малую из юридических аудиторий, рассчитанную приблизительно на 400 человек, неуютную, похожую на сарай. Для удобства я перенес все занятия на один день — вторник. Вчера товарищи признались, что потеряли Воронеж. Двигаясь, как сказано в «Известиях», к Усмани, а по слухам, уже от Грязей к Козлову, белые отрезают красную армию, находящуюся между Новохоперском и Камышином[207]. Для этого им нужно захватить только Грязи и Козлов, узлы железных дорог. С другой стороны, усиленно говорят о движении в обход Орла и на перерез линии Брянск—Калуга[208]. Слухи очень согласны между собой, невзирая, идут ли от простых обывателей или от коммунистов. В соответствии с этим в Москве настроение, я бы сказал, недурное, несмотря на необычайную местную тревожность. В частности, в последние дни были обыски в Университете и в

Высших Женских Курсах, и ЧК что-то нюхала в Историческом Музее. Это создало паническое настроение и в Румянцевском Музее; пришлось часть вынести, частью переложить похоронки. На это ушло вчера все утро и часть дня. Еще оригинальная черточка: гр. П. С. Шереметев говорил мне вчера, что в его беседе с тов. Рязановым относительно двух убитых его зятьев (они были убиты вместе с Д. К.), Гудовича и Сабурова, Гольдендах его спросил: «Гудович — граф?» — и на утвердительный ответ заметил, сочувствуя Шереметеву и, по-видимому, сам возмущаясь порядками: «Этого совершенно достаточно!» То есть достаточно иметь титул, чтоб погибнуть[209].

(27 [сентября]) 10 [октября]. Тихий день. Известий из Москвы пока нет. Работал над своим «Смутным временем», отделывая его с редакционной стороны. Сегодня на базаре 10 яиц стоили 200 рублей, масло, которого было очень много, — 520 рублей фунт.

(29 [сентябра]) 12 [октября]. Из Москвы П. Н. К[аптерев] привез массу хороших вестей; не знаешь только, верить ли всему этому. Все же, по-видимому, обрисовывается движение на Тулу, может быть, даже в обход Орла. Затем дрогнула большевическая армия на Дону[210]; это — то известие, которое переполошило большевиков и заставило снять с очереди вопрос об историко-филологическом факультете. Много указаний на их растерянность. Цены скачут еще более усиленным ходом: сегодня здесь яйца 200 рублей, молоко 210 рублей, мясо 560.

(1) 14 [октября]. Вчера и сегодня приготовления к переезду в Москву. Устраиваем свое здешнее жилье на зимний лад и, хоть и очень мало тащить с собой, а все-таки накапливается немало. На этих днях обрисовалось здесь новое большое дело: Румянцевский Музей должен взять под свое покровительство библиотеку Духовной Академии. Это надо сделать во имя будущего[211]. Для меня это искомый легальный титул для приездов сюда. Живя здесь, теряешь последние полуреальные представления о действительности. С одной стороны, смутные благоприятные слухи доходят и сюда; с другой — газеты маловыразительны и глухи. Точно они все хотят замолчать.

(5) 18 [октября]. Я не мог записывать в Москве, так как опасался это делать, не зная, куда мне прятать свои записи. За неделю изменилось очень многое. Обнаружился громадный натиск на Петербург, такой, какого не было никогда раньше. Сегодня большевики сознаются, что потеряли Красное Село[212], и статья Троцкого в «Известиях» указывает на возможность боя на улицах. Словом, Петербург может ускользнуть из-под власти большевиков. На юге дело также обстоит благополучно; продвижение за Орел, по слухам даже за Мценск, хотя последнее требует проверки; очень быстро

большевики отступают между Воронежем и Волгой. Зато минусом надо считать набег большевиков на Киев; они хвастаются, что они его заняли, хотя общее впечатление таково, что в их сообщениях, очень кратких и неясных, что-то не то. В лучшем случае, это именно не более как налет[213]; так, по крайней мере, думает большинство. Впервые на этой неделе заговорили о том, что может произойти в Москве, если сюда дойдет Деникин. Гадают о том, будут ли большевики защищаться в самой Москве или удерут из нее заблаговременно. Пока мнения расходятся — сторонников и того и другого, кажется, одинаковое число. Много говорят и о грядущей тактике Деникина — пойдет ли он в лоб на Тулу или будет обходить Тулу и Оку (древний «берег») через Калугу. Пока можно отметить только желание большевиков сдержать его посредством нажимов на фланги у Графской[214] — Усмани и от Киева до Брянска. Я не видел Ленина и не был на Сухаревке; как будто приходится торопиться, но полагаю, что исполню только второе и увижу только одно из двух остающихся мне неизвестными великих проявлений русской революции. Выпустили из Бутырок нашу Е. Б. Юрьеву; она вышла из тюрьмы, видимо, потрясенная тем, что там перечувствовала. Я узнал от П. Н. К. подробности о том, как возят обреченных. Их вызывают для отправки «по городу с вещами»; последние переходят убийцам. Вызывают обыкновенно после 4 часов дня и до позднего вечера; и это время — самое тревожное в тюрьме. Из лиц сколько-нибудь заметных убит один из русских социалистующих — Волк-Карачевский[215]. Я сдал рукопись «Смутного времени»; мне сказано, что на ее печатание «получено разрешение»; я, однако, думаю, что ее внутренний дух слишком противен теперешним веяниям и что лучше будет ее печатать позднее[216]. Еще одна заметка: вопрос о дровах для Румянцевского Музея зависит от того, будет ли грузчикам (грузить должны со станции Берендеево Ярославской железной дороги)[217] доставлено некоторое, и притом сравнительно небольшое, количество табаку, соли, спичек и папирос. Вот от чего зависит благополучие или, вернее, возможность функционирования Музея и публичной библиотеки. В Сергиев Посад мы приехали опять, чтобы менять разные вещи. К желанию освободиться от всего лишнего прибавляется еще боязнь, что дом наш не уцелеет, если сражение будет происходить на территории самой Москвы.

(7) 20 [октября]. Известия двоякие: с одной стороны, большевики хвастаются, что взяли Фастов[218], перешли в наступление против Орла и Воронежа и отбили обратно Гатчину. С другой — потеряны Красное Село и Гатчина и войска отводятся на линию Петербургско-Витебской железной дороги, потерян Новосиль и понесено поражение под Царицыном. Кроме того, билеты по Николаевской железной дороге выда-

ются только до Малой Вишеры[219]. Сегодня я принимал в опеку Румянцевского Музея библиотеку Московской Духовной Академии; прекрасная бибиотека и в полном порядке. Будет приятно способствовать спасению этого книжного сокровища.

(12) 25 [октября]. Вся эта неделя, безразличная в житейском отношении, была очень тяжела в отношении дел общих. Взяты обратно Орел, кажется Воронеж[220], и произошла большая заминка перед Петроградом, который не взят, хотя все настроились уже на то, что он должен пасть. Что является действительной причиной всего этого, мы не знаем, но впечатление этих фактов на обывательское чувство, которое только что окрылилось надеждами — удручающее. Несомненно и то, что в «их» сообщениях есть, как всегда, ложь, но опять-таки учесть количество лжи и отделить ложь от правды — невозможно, и в этом вторая причина мрачных настроений. Все же предстоит мучительный вопрос — неужели и на этот раз сорвалось? Неужели и теперь они выскочат из дыры, в которой они, как нам казалось, уже сидели? Ослабевают ли те? или опять найдут в себе силы? — вот мучительные вопросы, которые стучатся неотступно в голову. Во всяком случае, происходит новая заминка, новая оттяжка против оптимистических ожиданий той недели, или даже нескольких предшествующих недель. Мучительно хочется из этой ужасной страны, которая быстро приходит в состояние полного первобытного варварства, и чувствуешь, что все желания напрасны, что мы сидим в самой ужасающей и самой мрачной тюрьме. Здоровье Нины меня также беспокоит до последней степени: приближается зима, а все наши надежды на летнюю поправку оказались тщетными, и зима для нее настает при еще более ослабленном организме. Из этого адского круга мыслей нет выхода.

(13) 26 [октября]. Все утро лезли черные мысли о голоде и о здоровье Нины и о том, что все, что нас окружает, бесконечно и неисходно. Утром ездил смотреть Вифанскую библиотеку — хорошее собрание до 10 000 томов, в основе которого лежат библиотеки Платона, Филарета и Макария[221]. Видел разрушенную церковь Вифанской семинарии — большая и грязная зала и в ней солея, которая служит или может служить эстрадой.

(14) 27 [октября]. Выясняется, что никогда еще не было такой разницы между тем, что сообщается, и тем, что происходит в действительности. Приехал из Сергиева в обстановке, в какой я никогда еще не ездил. Поезд набит в 5 раз против нормы. Я только в половине пути мог войти в вагон. Все пассажиры везли мешки с картошкой; плата была 600 рублей мера (яйца — 230, мясо — 650). Настроение добродушное, но чувствуется озлобление и утомление. Сегодня открыли Музей.

Я рад, потому что это позволяет видеть много людей и заполняет время.

1 [ноября]. От записей дома приходится отказаться. Это слишком опасно. Я давно не был в таком подавленном состоянии, как эти дни. Петербургская авантюра лопнула если не совсем, то надолго. На юге началось отступление Деникина из-под Орла, Ельца и Кром[222]. В чем дело, понять нельзя; достоверных сведений нет. Но все очень похоже на первые дни отступления Колчака: удар в центр, отступление в центре и некоторое время устойчивость на флангах. Я очень был бы рад, если бы я ошибался, но боюсь, что это именно так. Оптимистов много и сейчас; они продолжают на что-то надеяться, а у меня кошки скребут на сердце. Возможно, конечно, что и с моей стороны дело объясняется нервами. Дай Бог! Как бы то ни было, я думаю, что мы засели с большевиками на 3-ю зиму. Мое уже угнетенное настроение усиливается, во-первых, тем, что дом наш не топят. За Музеем закреплено до 350 вагонов дров, но эти дрова в Берендееве Северной дороги, а железные дороги реквизируют все дрова, которые поступают в Москву, и, по слухам, направляют их на дороги, ведущие на юг от Москвы, которые не имеют ни полена своих дров. У нас еще не отбирали дров, но есть большая опасность, что это произойдет. Между тем в квартире 7° и мозги начинают стучаться о стенки черепа от холода. Другая, точнее — третья, причина моей подавленности — здоровье Нины. Оно не хуже, но перспектива для нее такой зимы, как та, которая нам угрожает, приводит меня в ужас. Наконец, вопрос голода становится настолько острым, что думаешь, что сколько вещей ни распродавай, все равно денег не хватит, и когда все распродастся, то придется складывать оружие и беспомощно опускать руки. Из области курьезов: в мемуарах Тихомирова, которые он закончил мне читать незадолго до моего отъезда из Сергиева Посада, кн. Львов назван «политически глухонемым». Блестящее и верное определение. Н. А. Бердяев подал заявление о продлении его охранной грамоты на библиотеку[223]. М. Н. Покровский положил резолюцию: «Препятствий не имею»; но, по слухам, Бердяев находится на Украйне. Такова осведомленность о служащих в Комиссариате Просвещения.

(22 [октября]) 4 [ноября]. Победы красной армии по всей линии. Состояние дома без перемен. Холод невозможный. Продажа вещей идет полным ходом. Я перестаю читать газеты и решаю предоставить все на волю — не знаю чью. Более чем когда-либо я боюсь, что небольшую группу русских цивилизованных людей бросят на произвол судьбы и оставят дохнуть в стране, где цивилизации подписан смертный приговор. Ос-

тается добиваться одного — выпуска за границу. Если доживет кто-нибудь до этого момента, да будет ему благо. Но — увы! — кто из нас доживет до весны?

(23 [октября]) 5 [ноября]. Хлеб поднялся до 150 рублей. Везде все отнимают; газет я не читаю, потому что они скверны. Здоровье жены ухудшается. Железные дороги останавливаются. Возникает призрак голодной смерти. А. И. Я[ковлев] передавал сейчас, что некоторые шишки в комиссариате открыто сознают, что все прогорело, но добавляют: «Но...» Из-за этого «но» мы все погибаем.

(26 [октября]) 8 [ноября]. The rest is silence[224]. Так можно определить мое миросозерцание последних дней. Мрак без просвета. Остается ждать, что будет, не строя никаких планов и расчетов. Вчерашние празднества были много скромнее, чем в прошлом году. Никаких выдач обывателям, кроме полфунта белого хлеба детям. Завтраки в школах много тощее, чем в прошлом году. Все, что было, выдавалось красноармейцам. Манифестаций я не видал, но местами они были жидки, местами на них сгоняли принудительно[225]. Такими средствами набирались толпы манифестантов, которые вместе с войсками составляли в нужных местах достаточное количество людей. Я начинаю думать, что нас оставят гнить в блокаде неопределенное время, в течение которого вымрут 4/5 цивилизованных русских людей, оставшихся в большевицком плену. В конце концов бывшая Россия все-таки, как спелый плод, упадет в объятия международного капитала.

(28 [октября]) 10 [ноября]. Положение все то же. Устроил Нину в санаторию; ехать 20-го; начинаю бояться, будет ли это достаточно. Здоровье ее беспокоит меня бесконечно. Единственные думы: прокормиться, подлечить жену и протерпеть до весны. Скучно, пошло, гадко. Жизнь и деятельность замирают почти везде. Сегодня смотрел на Архив Иностранных Дел и на наш Музей — глаза бы не смотрели. В старое здание Университета переводят тифозный госпиталь: еще новый способ убить Московский Университет.

(31 [октября]) 13 [ноября]. Вопрос о продовольствии заслоняет все остальное, кроме вопроса о топливе. Сущность дела заключается в том, что большевики, не имея никаких запасов, решают закрыть все учреждения, думая этим сэкономить топливо для железных дорог, для которых у них нет дров. Движение замирает даже на железных дорогах. Вследствие этого мы сидим без дров, как в Музее, так и в Университете, и, наконец, дома. Единственно, когда себя чувствуешь прилично, это сидя вечером дома в одной комнате, которую отапливаем при помощи железной печурки. Тогда горе и заботы временно отходят на задний план, и их как будто забываешь, но утром они вновь овладевают с большей силой.

(1) 14 [ноября]. Получил копию интересного документа,

который здесь прилагаю[226]. Факт налицо, этот парх куда-то едет, но остается совсем не ясным — зачем. Сумма частных сведений такова, что на юге никто не сражается[227]. Перефразируя сообщения их же печати, очумевшие московские обыватели вышивают по ним, как по канве, и брешут о всяких переговорах с Антантой и о т. п. глупостях. Факт остается фактом: положение безвыходно; мука стоит 6—7 тысяч, мясо 150 рублей, яйца 330 рублей десяток. Купив вчера 10 яиц и 4 фунта мыла, мы истратили 1000. Говорят, что закрываются лекции на всех гуманитарных факультетах; пока только на время, до весны, с сохранением содержания. Интересно, как все это будет завтра.

(4) 17 [ноября]. На нас ополчается само небо. Сегодня с утра метель и вьюга, как в добром феврале. Можно себе представить, как это должно отразиться на состоянии железных дорог, а следовательно, и на нашем продовольствии. Хорошо бы, если эта разруха отозвалась бы и на большевиках; но в данном случае — их агония есть и наша агония. В нашей квартире 0. Мы переселились к теще; поэтому всякое подобие дома разрушено. Живешь на торчке, не зная, где преклонить голову. В будущем приходится рассчитывать на путь эволюции. Кто выживет и дождется его результатов, не знаю. Если дело пойдет эволюцией, то это пахнет годами такого смешения доктринерства с пугачевщиной, которого не выдержит ни одна живая душа. Смешение это есть именно главная сущность русской революции — ее Saft und Kraft [буквально: сок и сила (*нем.*)]; оно и есть залог гибели всего живого в России. Существование в Москве измеряется только теми печурками, которые поставлены в некоторых комнатах: это быт эскимосов или самоедов. Мелкий штрих: есть в Румянцевском Музее предложение купить дрова по спекулятивной цене у лица, которое состоит и спекулянтом, и членом ЧК Виндавской железной дороги. Типично для русской революции.

(5) 18 [ноября]. Псевдоголландцы, засевшие в доме тетки Е. А., стали, после ее ареста, принимать участие в грабеже дома и вчера, по рассказам, напились остатками ее вина. Картина, достойная великой русской революции, которая есть не что иное, как один сплошной грабеж. Слышал еще, как грабили дом в Кунцеве[228] и дом гр. Уваровой в Карачарове: там крестьяне-коммунисты резали на куски персидские ковры и делили их между собою. Такая же грабиловка начинается в доме тетки. По ее же делам я был вчера у главного деятеля так называемого политического Красного Креста, присяжного поверенного Н. К. Муравьева, у которого также в прошлом рыльце в революционном пушку[229]. Сухой и представительный, седеющий блондин лет 50-ти; вежливый и знающий себе цену; принимал меня, греясь у железной печки в хорошо меблированной комнате, где я видел много прекрасного фарфора,

убранного в большом шкафу. Он занимает небольшой, но симпатичный особняк, который, очевидно, не трогают.

(10) 23 [ноября]. Я вернулся из четырехдневного странствования. 19-го вечером мы с Ниной выехали из Мертвого переулка на санях, любезно нам предоставленных от главного начальника высших учебных заведений (!)[230]. Это было настоящее катание, притом приятное, по первопутию, напоминавшее старые времена, если бы только мы не ехали по совершенно темным улицам. Утром мы двинулись далее в Щелково. Там не оказалось лошадей из санатории и пришлось требовать их по телефону. В России ничего не может произойти без особого беспорядка! Чтобы поспеть вовремя в Москву, я, не дожидаясь лошадей, отправился в Гребнево, т. е. в санаторию, пешком, но по дороге меня подвез добрый поселянин, возвращавшийся, исполнив повинность привоза дров на совдеп. В разговоре он сильно ругал товарищей. Санаторий расположен в Гребневском палаццо, когда-то виденном мною при проезде из Пушкина в Берлюковскую пустынь. Какой размах! Какая красота давно прошедшей и погибшей жизни! Санаторий произвел на меня хорошее впечатление. Погуляв и побеседовав с доктором Гриневским и с М. М. Богословским, который там лечится, я отправился пешком обратно и версты за полторы от санатория встретил Нину, которая, видимо, устала от несколько затянувшегося путешествия. По дороге наиболее интересное место — Щелковский фабричный поселок, где все вывески красные; видимо, все в руках совдепщиков, а фабрики (Рабенека, Четверикова) безвозвратно стоят[231]. Накануне было сожжено здание продовольственного склада, для того чтобы спрятать концы хищений в воду.

21-е и 22-е я провел в Сергиевом Посаде и, несмотря на тамошние передряги, я, как всегда, чувствовал там какое-то душевное облегчение. Мои подопечные библиотеки я нашел в порядке. Уладилось и дело Лавры: ее восстановили, но только с 43 монахами в качестве сторожей. По словам председателя Комиссии охраны, гр. Ю. А. Олсуфьева[232], это — лучшие монахи. Если это так, то Лавра ничего не проиграла. Очень характерно, что за всеми распоряжениями идут к Олсуфьеву: я сам был свидетелем, как его спрашивали, что делать с церковным вином, когда отпирать Троицкий Собор и т. п. Он произвел на меня впечатление истинного наместника Лавры. Между прочим, он рассказал мне, что во время переговоров с совдепом из уст председателя оного, чухонца из военных писарей, Ванханена[233], вылетела такая фраза: «Мы вашего дяденьку из гроба выковырнем». Ходил в первый раз обедать в советскую столовую: грязь неописуемая и везде портреты бога-Маркса и его пророков. За 12 рублей получил тарелку скверного супа из воблы и картофельный рулет. Мои поездки протекли вполне благополучно. В Посад я выехал с опозда-

нием на 1 час, но ехал только 3 часа; 3 часа мы ехали и обратно, несмотря на метель и вьюгу. По современному состоянию железных дорог, это блестяще. Ужасно впечатление от темных вагонов, куда перед Москвой врываются потоки людей, не находящих себе места: это какая-то холодная геенна! Niflheim[234] современной большевизии — ругательства, вопли, просьбы куда-то пройти и потесниться, и все это заглушается криками — «Товарищи!» До ближайших к Москве станций и по мере того, как от нее отъезжаешь, разговоры спокойнее, но все они вертятся вокруг наболевшего вопроса — кто виноват в переживаемом ужасе. Вчера я присматривался к ехавшим в Москву пресловутым курсантам, занимающим Лавру, и слушал, как один из них убеждал некую обывательницу Посада, что все идет очень хорошо — типичный социалистующий юноша из русских интеллигентов — рыхлый, глупый, невежественный неофит новой религии социализма.

Об общих делах говорить не приходится. Все идет как нельзя хуже. Я более, чем когда-либо, однако, боюсь, что нас оставят гнить в блокаде бесконечно долгое время. Несмотря на все уверения товарищей, что кто-то с ними желает вступить в соглашение, я очень плохо этому верю. Ведь нельзя же победителям мира вступать в соглашение с бандитами, нарушающими элементарные принципы публичного и гражданского права! Да и нет в этом никакой нужды.

(12) 25 [ноября]. Положение без всяких перемен. Но от их продвижения нам ни радости, ни героев. У меня чувство, что все потеряно. В квартире — 3°; ночую, ютясь у тещи. Сын лежит в постели, чтоб не простудиться еще больше. Сестра жены, Таня, выходит замуж в комиссариате за двоюродного брата, Алешу Гвоздева, для того чтоб получить 40 аршин ситца, щедро раздаваемого большевиками всем, кто через их посредство заключает брак. Прилагаю письмо Лизы Рар из тюрьмы: это характерный документ[235].

(14) 27 [ноября]. Вчера я читал на архивных курсах. Передо мною сидела пролетарская девица в платочке. Что может она почерпнуть из моих лекций? Получил изданный в Петербурге «Исторический Архив» с хорошими статьями петербургских историков, в том числе уже покойных Лаппо-Данилевского и Дьяконова. Хорошая книжка, написанная бывшими людьми[236]. Говорят, что архивный диктатор Рязанов недоволен ее слишком старомодным содержанием. Холод по-прежнему царствует в квартире, в Музее, в Университете. Враг, с которым не могут справиться и большевики. Сегодня встретил сапожника Скурятникова [?], у которого шила обувь вся шикарная Москва; теперь его кормит сапожник, который, вероятно, у него работал, — у него пропало все, и они расстреляли его единственного сына.

(16) 28 [ноября]. Я почти уверен, что победители мира

хотят удушить большевиков теми же приемами, которыми они удушили Германию. Беда лишь в том, что мы сами подохнем вместе с большевиками. Вчера встретил прекрасно одетого старика, несомненно хорошего общества, который просил милостыню.

(18 [ноября]) 1 [декабря]. Двухдневная поездка в Гребневскую санаторию. Здоровье Нины пока в том же положении. Моя надежда заключается в длительном пребывании ее там, что, может быть, несколько восстановит ее надорванные силы и позволит ей перезимовать. Я сознаю, что это последняя и[ли] одна из последних ставок, и под влиянием этих дум я провел много тревожных часов. Вот еще один из примеров жертв войны и революции. Ее организм не вынес потрясений, нервная система дала трещину, а предрасположение к сахару указало путь к разрушению организма; так как темперамент ее не создан для борьбы с болезнью, то и это создавало новые и неблагоприятные условия. И вот результат — она инвалид, а наш дом сметен и обращен в ничто. Сегодня пришло известие сразу о смерти двух старых библиотечных Румянцевских служащих — С. И. Соколова и В. И. Безсонова: грозное предупреждение на зиму; да и вообще для всех нас: ведь это грядущая участь всех нас, кому не удастся бежать из этого ада. Вчера я сделал 9 верст пешком от санатории до железной дороги и 5 верст по Москве с пудом картошки за спиной — итого 14 верст. Это тоже штрих из нашей жизни. Общие дела без перемен. Большевицкие слухи о переговорах, кажется, преувеличены; мрак окружает нас по-прежнему и готовится нас поглотить.

(21 [ноября]) 4 [декабря]. Вчера — похороны В. И. Безсонова. Я случайно, по забывчивости, прошел в соседнюю приходскую церковь, в конце Остоженки[237]; там хоронили троих, но В. И. между ними не было; я сообразил, что мне надо было идти в церковь Воскресения, рядом, и там нашел двух покойников, в том числе того, кого искал. А что было в соседних других церквах? Неужели то же самое? После убогой службы бедного В. И., в гробу со щелями, положили на простые салазки и поволокли на Ваганьково. Чудесная жанровая картина. Я по-прежнему живу цыганом, так как Володя кашляет, и его нельзя еще привести домой. Целыми днями я передвигаюсь, чтобы добыть то одно, то другое — пищу, лекарства — то Нине, то Володе, то на общую потребу, и в конце концов так все становится утомительным, что временами падаешь духом. Надо собраться с силами, чтоб сесть и писать что-нибудь, хотя бы для того, чтоб заработать на хлеб, — и нет никакой возможности. И так без конца, без просвета, без края. Во вторник, 2-го, ко мне приходили 2 курсистки и

3 студента; я занимался с ними в спальной, как единственной более или менее теплой комнате, причем лекция и семинарий прерывались хлопотами по части топки печурки. Таковы условия преподавания в Московском Университете в 170 году его существования. Большевики ожидают нападения с запада. Что это будет за нападение, трудно сказать слепым кротам. Все, что было до сих пор, скорее показывает неосновательность походов на РСФСР и особую манеру владык вопить ранее, чем их схватят за горло, чтобы потом, когда минует воображаемая опасность, орать: «Мы непобедимы». Чисто жидовская тактика. Объективный показатель есть только один: квазиделегацию Красного Креста выгнали из Польши и теперь не пускают отсюда поляков, которые собрались было ехать домой. Университет умер; Музей замирает; здоровье Нины не поправляется. Чего остается ждать?

(22 [ноября]) 5 [декабря]. Сижу без известий о Нине. Не знаю — или Таня не приехала, или же приехала, но ничего не сообщает. Положение без перемен. Слухи о чуме на востоке; тиф, по-видимому, усиливается. Опять разговоры, что поляков выпускают из Москвы. В остальном без перемен. Меня очень занимает, что они хотят сделать с Туркестаном; они обращают на эту страну особое внимание. Для чего? Чтобы сделать его базой похода на Индию или же, чтобы насадить там образцовую коммуну? Во всяком случае, если бы мне предложили туда ехать, я был бы в большом опасении и раздумье.

(27 [ноября]) 10 [декабря]. В пятницу 5/22 я отправился в мой обычный поход. Я нес до 30 фунтов продовольствия для моей бедной Нины. Я шел вечером на вокзал мимо Театральной площади, которая освещалась кровавым светом надписи 7-го Всероссийского съезда советов, красовавшейся на колоннах Большого театра. Доступ к театру ревниво охраняли те, кто ранее назывались солдатами, в отличных новых тулупах и шубах: рабоче-крестьянское правительство еще резче отмежевалось от народа, чем правительство царское. Я шел со смутным чувством, потому что Таня не приехала в назначенное время и осталась в санатории. На вокзале у Лели я узнал, что Таня прислала письмо, сообщая, чтоб не беспокоились, что она осталась до моего приезда, чтоб Нине не было скучно. Тем не менее письмо Тани посеяло мрачные мысли и предчувствия. Курдюмовы были взволнованы только что происшедшим обыском у их соседа и приятеля Мантейфеля, барона, эмигранта и меньшевика, начальника тяги Северных дорог, которого арестовали и увезли в ВЧК за злостный саботаж, потому что где-то нашли неиспользованный не вполне испорченный паровоз. Мне пришлось провести ночь в вагоне, где меня любезно приютил приехавший в Москву начальник одного из дальних участков [?]. Это был простой вагон 2-го

класса, перешедший в его частное владение — как, по его словам, все мягкие вагоны 2-го и 1-го классов. Таково положение дел в РСФСР. 6/23 я совершил беспрепятственно мое путешествие и в 12 часов был в Гребневе, где от М. М. Богословского, которого встретил во дворе, узнал потрясающее известие о том, что моя Нина в безнадежном положении. Болезнь вдруг резко ухудшилась и приходила к своей естественной развязке — «диабетической коме». Все произошло сразу накануне вечером. В 3 часа Нина вдруг стала возбужденно заговариваться, а в 5 часов она уже впала в тот сон, из которого нет возврата. Он продолжался 31 час, и она скончалась в ночь на 7-е в 11 часов вечера. Никто не ожидал такой развязки. Даже врачи не ждали ее, по крайней мере так скоро. Утром 7-го Таня уехала в Москву, чтобы предупредить стариков и приготовить Володю. Я остался на месте, чтобы побыть с ней и подготовить похороны. Мой дорогой друг М. М. Богословский не оставлял меня ни минуты. Какая чуткая, славная душа, какое теплое отзывчивое сердце и какая вместе с тем сдержанность. Все устроилось и быстро, и гладко — и администрация санатория, и местное духовенство были необыкновенно внимательны и предупредительны. Единственное осложнение было в сооружении гроба (это — характерная черта момента), теса не оказалось нигде, и чтоб сделать его, разломали перегородку в оранжерее; тем не менее гроб был все же готов в понедельник утром. В 1 час дня ее перенесли в церковь; в 5 часов была совершена заупокойная всенощная, после чего священник позвал М. М. Богословского и меня пить чай. Моя первая мысль была отказаться, но он приглашал так радушно, что мы пошли, и прекрасно провели время: маленькая комната, жарко натопленная, приветливо пыхтевший самовар, сдобное печенье, мед, кофе с молоком и маслом, старинное радушие — даже на душе как-то отлегло на время. Среди присутствующих были два бывших человека — свиты Е. И. В. г.м. Петрово-Соловово Б. М. и рязанский прокурор В. П. Звонников, уверявшие в один голос, что сколько-нибудь жить можно только вне Москвы. Вечером приехали Таня, Леля, брат В. Вл., Э. К. Вилькен, Ал. Ал. Гвоздев, Н. В. и Липа Дольник, которых необыкновенно радушно приняли [и] разместили в санатории.

9/26, в мои именины, совершали отпевание и поставили Нину в холодной церкви, чудесной, стильной, светло-белой и голубой, точно преддверие небес, куда переселилась моя праведница, и затем, поблагодарив всех за теплое участие, мы отправились пешком в обратный путь.

Сегодня, 27/10, я обходил разные совдепии и довольно легко получил разрешение на погребение ее в Новодевичьем монастыре. Наш бедный Володя мужественно переживает свое первое великое горе: он многое понимает, но старается

сдерживаться и таит скорбь в своей маленькой ребяческой душонке. Задачей нашей будет поддерживать в нем культ матери, которого та так заслуживает. Вот она, безвинная, в медленных муках погибшая жертва зверских аппетитов немцев и неистовств русских революционеров. Исходной точкой болезни были ужасы войны; невозможность изъять Нину из кипящего котла русских безобразий довела ее до рокового конца. Да будут прокляты и прусские юнкеры, и русская сволочь вместе с ними. Я, со своим бедняжкой мальчиком, — настоящая épave [отбросы (*фр.*)] житейского моря. Построить вновь здание своего благополучия я не сумею и не захочу; сумею ли я сделать то единственное дело, которое мне предстоит, исполнить единственное обязательство, которое лежит на мне перед Ниной, — воспитать Володю, чудесного, богато одаренного мальчика, с большими и хорошими задатками? Это будет последняя жизненная битва. Ее надо выиграть, но уверенности нет, как нет ее у меня более ни в чем. До сих пор биты были мои ставки на общественные дела; теперь бита моя главная жизненная ставка; я стал одиноким стариком, вступившим в тот период жизни, который можно назвать кладбищенским. Все дорогое, все люди, которых любил, — все в могиле, за исключением света в окошке — Володи. Бродить между могильными камнями — вот все, что остается мне в личном моем уделе. Addio, le sante memorie! [Прощайте, святые воспоминания! (*ит.*)] Здравствуй, одинокая старость, которой я всегда боялся более всего, даже когда в шутку говорил Нине, что уверен, что умру ранее ее и что ей не миновать быть вдовой.

Я слишком много остановился на личных чувствах, которых избегал в этих заметках. Но ведь моя личная катастрофа стоит в прямой связи с катастрофой общей, и потому я и описываю ее здесь. Когда я приехал в Москву и спрашивал о том, что брешут в Москве, — никто не мог ничего ответить. Никто газет не читает. Москва в маразме и даже не плодит слухов. Кажется, всякие переговоры, если только они были (в чем я сомневаюсь), кончены, прерваны, и мы опять погрузились в какой-то беспросветный мрак большевизма, выхода из которого не дано есть человеку [...] и который, быть может, наступит через несколько лет, когда и мы все успеем давно уйти вслед за моей дорогой Нинкой в «страну, иде же несть печали и воздыхания».

(4) 17 [декабря]. Все эти дни я по-прежнему жил моим личным горем. Общие дела отошли куда-то далеко. Мне вспоминается один эпизод из одного романа Салиаса[238]: богатый купец, все потерявший в чуму, сам вырыл себе могилу и, легши в нее, повернулся к стенке и перестал думать. Я сам себе напоминаю этого купца. Я просто более ничего не думаю и ничего не жду. Мне только до сих пор непонятно, что во-

круг меня так вдруг стало пусто и что я осужден на вечное одиночество. Сегодня я начал заниматься делами, и мне казалось, что это лучше, но как только останешься один сам с собою, так и ловишь себя на мысли, что вот-вот расскажешь что-нибудь, когда приедешь в Посад или в санаторий к моей дорогой Нинке, которой нет и никогда не будет. Фактическая обстановка последних дней была такова: в четверг утром я выбрал место в Новодевичьем монастыре и условился с могильщиками, что они приготовят могилу к субботе. Вечером я пошел ночевать к Лене и в пятницу выехал в Гребнево вместе с М. В. Сергиевским[239], который с удивительной любезностью вызвался меня сопровождать. Мы были в санатории в четверть 12-го дня. Возчик уже ждал нас; мы условились, что выедем в 4-м часу. До того я сидел все время в комнате М. М. Богословского. Нечего говорить, что и Сергиевский, и я встретили такой же радушный прием в санатории, как и в предыдущие дни. В 4 мы вышли из санатории пешком до церкви, поставили гроб в розвальни, привязали его и, сев сбоку, отправились в путь в 4¾ дня. В 8 часов вечера мы были в селе Пехре[240], в 15 верстах от заставы, где оставались до половины 3-го. Гроб стоял во дворе; мы соснули в чайной, где, конечно, не обошлось без всякого рода вопросов. Когда мы выехали вновь, то мороз очень усилился, светила луна, и все небо было усеяно звездами: Орион, Сириус, Юпитер и, наконец, Венера — все перебывало перед нашими глазами. Она так любила кататься, и ее последнее катанье было в такой феерической обстановке. Однако лошадь была уже утомлена, и ехали мы медленнее; мы даже больше шли пешком, нуждаясь в пробеге, чтоб согреться. У заставы мы были в 5¾, после чего начался проезд через Москву по самому длинному концу, который вообще в Москве существует, — он занял 2¾ часа, что равняется приблизительно 12 верстам; у ворот монастыря мы были в 8 часов. На всем протяжении мы не встретили ни одного милиционера, и никто не спросил нас о цели нашего путешествия. Так кончилось это беспримерное путешествие, возможное только при большевицком режиме. Остальное не представляет ничего замечательного. Вторые похороны Нины прошли, как должны были пройти, — в них было все, кроме отпевания, как в Гребневе было все, кроме опускания в могилу. Несмотря на большевицкие декреты, мне удалось получить место и для себя, рядом с моей Ниной, и таким образом приобрести земельную собственность в то время, когда эта собственность отрицается. Кладбище Новодевичьего монастыря мне всегда нравилось, потому что красив сам монастырь и еще потому, что около нового кладбища проходит окружная дорога: «и пусть у гробового входа младая будет жизнь играть!..»

Вчера была обедня в Румянцевском Музее по инициативе

моих сослуживцев, которые вообще очень сочувственно ко мне относятся. Оба дня я чувствовал страшное утомление и непреодолимое желание спать.

(6) 19 [декабря]. Общими делами я совершенно перестал интересоваться. Я теперь чувствую и познаю, что такое чувство мертвого спокойствия. Я вижу и знаю, что у меня более нет родины, нет семьи, что моя деятельность замирает, как ненужная; остается только сын, которого нужно спасти, — вот вся цель моей жизни и деятельности.

(9) 22 [декабря]. Ездил в Посад. Как всегда, эта поездка действует на меня успокоительно. Близость к природе, относительная тишина. Мучительным было только возвращение по железной дороге.

(11) 24 [декабря]. Мое состояние душевное превращается в какое-то окаменение. День за днем проходит, и думаешь, слава Богу, что еще одним днем меньше. Русская трагедия вошла в стадию мрака. Запрудский Васька Никифоров посетил меня и принес в гостинец сухарей. Я послал поклон всему Запрудью, но нарочно просил не передавать поклона Алексею. У нас цел и дом, и скот, и инвентарь. Спрашивал меня, не хочу ли я поехать в деревню. Я ответил, что деревня для меня умерла и что больше я туда не поеду.

(12) 25 [декабря]. Еще один скучный день. Продолжают говорить, а они продолжают писать о какой-то опасности с запада. Я думаю, что дело идет об опасности, которую вообразили себе жиды; они кричат, а за ними кричат и все остальные.

(13) 26 [декабря]. И. Ильин говорил мне о своей беседе с Каменевым; тот удивлялся, почему русская интеллигенция не с ними. Я нахожу, что русская интеллигенция заслужила, чтобы большевики думали, что она должна быть с ними. Мор кругом увеличивается; сегодня в их газетах я обратил внимание на заявление Клемансо, что западные державы возведут колючую проволоку вокруг советской России[241]. Я думаю, что это так и будет, несмотря на ходящие слухи об интервенции поляков.

(16) 29 [декабря]. С. Д. Бахарев рассказал мне свою эпопею. Он был в Саратовской губернии, проехал оттуда в Каширу[242] на тормазе, на паровозе и пешком, а теперь поступил на железную дорогу конторщиком. Еле справляется с прокормлением семьи. Наслышался самых ужасающих рассказов — 2 достоверных случая того, как едят людей; ассистенты университетских лабораторий едят собак и кошек. И все это производится тихо, смирно и без шума. Вчера весь день сидел с Володей, который, слава Богу, здоров и хорошо упитан. Чувствую нравственное утомление, какого не испытывал давно. Продолжаются слухи о каких-то нападениях с запада. Сегодня рассказывали, что большевики спешно перебрасывают войска на польскую границу. Где истина и где ложь?

(18) 31 [декабря]. Кончается самый ужасный для меня год. Впереди ничего — ни в частной жизни, ни в общих перспективах. Революция съела у меня все, что было у меня самого дорогого, и оставила мне пока хрупкое бремя в виде малолетнего сына, воспитать которого при современных условиях более чем проблематично. Днями я испытываю тяжелую невыразимую тоску, из которой нет выхода, как нет выхода и из нашей жизни. Холод, голод, смерть нравственная и физическая — вот удел всех, кто не приспособился и не спекулирует. Сегодня услыхал, что бельгийцев предполагают также выпроводить. Счастливые Вилькены. Дай Бог дожить, чтобы за ними последовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЯНВАРЬ

[1] *«Газета печатников»* — орган Московского союза печатников, выходила с декабря 1918 по 10 марта 1919 г. Руководство Московского союза печатников было «меньшевистским» до конца мая (или начала июня) 1920 г., когда помещение союза было занято вооруженным отрядом чекистов, а члены правления арестованы. См.: *Гарви П. А.* Профессиональные союзы в России в первые годы революции (1917—1921). Нью-Йорк, 1958. Меньшевиками в обиходе продолжали называть членов социал-демократических группировок, генетически связанных с меньшевистской фракцией РСДРП; большинство их с августа 1917 г. входило в Объединенную РСДРП (с 20 мая 1918 г. просто РСДРП).

[2] *Л. В. Собинов* жил в это время в Киеве. Возможно, что Готье был знаком с ним со студенческих времен, так как оба учились в Московском университете (Собинов — на юридическом факультете и курсом старше). 14 декабря 1918 г. Киев был занят войсками Директории, в составе которой, как и правительства восстановленной Украинской народной республики, были главным образом представители украинских социалистических партий. Жалобы на произвол и самоуправство «петлюровцев» (как в обиходе называли приверженцев Директории по имени командующего ее войсками, а с 10 февраля 1919 г. и ее председателя, С. В. Петлюры) и на сходство их в этом отношении с большевиками можно найти во многих воспоминаниях лиц, живших на Украине.

[3] *Pichon Stuphen Jean-Marie* (1857—1933) — французский политический деятель и дипломат, в 1906—1911, 1913 и 1917—1920 — министр иностранных дел. Пермь была взята Сибирской армией 23—24 декабря 1918 г. без участия французских войск. Командующим Сибирской армией был в это время (с 5 сентября) генерал-майор П. П. Иванов-Ринов, формально главнокомандующим «белыми» армиями (теоретически с 18 ноября) адмирал А. В. Колчак.

[4] По-видимому, это распоряжение (НКП ?) было связано с перевыборами профессоров, имевшими состояться до 1 января, но в действительности проведенными позже.

[5] Миусская площадь находится в районе Тверских-Ямских улиц неподалеку от Александровского, или Брестского (теперь Белорусского), вокзала. Прогулка туда, по всей вероятности, объяснялась тем, что там находился Университет им. Шанявского.

[6] Трудовая повинность, постепенно введенная несколькими постановлениями ВЦИК и СНК в течение 1918 г., теоретически распространялась на всех трудоспособных граждан в возрасте от 16 до 50 лет. Фактически применялась главным образом в отношении крестьян, а в городах — «нетрудовых элементов», к которым, как явствует из записи, могла быть отнесена жена профессора с малолетним сыном. Для Н. Н. Готье, страдавшей диабетом, работа по очистке улиц от снега была не только тяжелой, но и опасной для жизни.

[7] Одесса, находившаяся до этого под властью правительства гетмана Скоропадского, в ноябре 1918 г., после образования Директории, была занята «петлюровцами». 26—28 ноября город был взят добровольческим отрядом генерал-майора А. Н. Гришина-Алмазова (бывшего до 4 сентября 1918 г. командующим Сибирской армией), который действовал от имени Добровольческой армии генерала А. И. Деникина; добровольцам содействовали высадившиеся в одесском порту французские войска.

Лозунг Добровольческой армии гласил: «Единая, Великая, Неделимая Россия», и трехцветный российский флаг (сменивший в Одессе желто-голубой, принятый сторонниками независимости Украины) оказался связанным с этим лозунгом.

[8] *«Вечер Москвы»* — одно из названий (также «Утро Москвы») еженедельной газеты, издававшейся в 1918—1919 гг. Московским профсоюзом рабочих печатного дела «с целью оказания помощи безработным печатникам». РСДРП отрицательно относилась к вооруженной борьбе с большевистской диктатурой. Ее лидер, Ю. О. Мартов, считал, что большевики пользуются поддержкой большинства пролетариата, а применение силы по отношению к пролетариату недопустимо, даже если он введен в заблуждение и действует во вред себе и всему обществу.

[9] *Александровский институт* — женский институт ведомства учреждений императрицы Марии; основанный в 1891 г., он был закрыт вскоре после Октябрьского переворота.

[10] *Граф П. С. Шереметев* (1871—?) — археограф, владелец одной из богатейших в России частных библиотек, насчитывавшей около 40 000 томов. Библиотека составлялась предками П. С. Шереметева с конца XVIII или начала XIX столетия и состояла из систематически подобранной литературы, главным образом по истории и искусству.

Библиотека находилась в Михайловском, имении графов Шереметевых в Подольском уезде Московской губернии, в 47 км к юго-западу от Москвы по Калужскому шоссе. 26 ноября 1918 г. был опубликован (или принят?) декрет СНК за подписью Ленина «О по-

рядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще», по которому «реквизиция» (фактически конфискация) осуществлялась с ведома и согласия НКП. Этот и последующие декреты СНК, инструкции ВЧК и НКП установили порядок, согласно которому книги, представляющие научную ценность, должны были передаваться в крупные государственные книгохранилища, в том числе Румянцевский музей. Говоря о спасении библиотеки, Готье, вероятно, имеет в виду, что помещичьи усадьбы обычно подвергались разгрому и библиотека могла погибнуть; да и в результате «реквизиции» книги могли попасть в «государственный книжный фонд» и (в лучшем случае) разойтись по мелким библиотекам.

[11] 11 ноября 1918 г. в Ревеле (*эст.* Tallinn) было образовано правительство Эстонской республики во главе с К. Пятсом (Pats, 1874—1956), в которое вошли представители главных эстонских партий. 29 ноября части Красной Армии (в том числе эстонские) заняли Нарву, и в тот же день приехавшие в Нарву из Петрограда эстонские коммунисты объявили о создании «Эстляндской трудовой коммуны». 7 декабря декретом СНК (даже не ЦИК!) за подписью Ленина она была «признана независимой» под именем Эстонской советской республики. Красная Армия продолжала занимать Эстонию. В этой обстановке на помощь эстонским правительственным войскам пришли добровольцы из Финляндии, прибывшие в Таллинн 31 декабря. Именно это Готье имеет в виду, говоря (вслед за доступными ему газетами) об «объявлении войны Финляндией Эстонии». См.: *Georg von Rauch.* Geschichte der baltischen Staaten. Stuttgart; Berlin, 1970.

[12] Наибольшим политическим влиянием среди высшего командования Добровольческой армии, а равно и в игравшем роль правительства Особом совещании при командующем армией (с 8 января 1919 главнокомандующий Вооруженными силами Юга России) генерале Деникине, пользовалась конституционно-демократическая партия, в которой с лета 1917 г. преобладали республиканские взгляды. Немало было в армии и на занятых ею территориях и монархистов, но крайне правые (черносотенные) как и крайне левые (большевистские, левоэсеровские и анархистские) тенденции подавлялись; так, например, ростовский градоначальник закрыл погромную антисемитскую газету «На Москву!». В общем, цензура была довольно либеральной: в Харькове во время пребывания его под «деникинской» властью выходила лево-социал-демократическая газета «Жизнь» бывших петроградских «новожизненцев» во главе с В. А. Базаровым. См. также: Коммунистическая оппозиция... Т. 1—4, и *Троцкий Л.* Письма (по указателям).

[13] *Е. А. Готье* — тетка автора.

[14] См.: Приложение 6.

[15] *Раскольников (псевд.) — Ильин Федор Федорович* (1892—1939), большевик с 1910, в 1917—1918 — комиссар Главного морского штаба, зам. наркома по морским делам, член Реввоенсовета. 27 декабря 1918, руководя морской разведкой у Ревеля (где с 12 декабря стояла британская эскадра), попал в плен к англичанам, содержался в Брикстонской тюрьме в Лондоне; 27 марта 1919 был обменен на

брит. офицеров. См.: Гранат; ПД 1917; и воспоминания его второй жены в кн. *«Минувшее»*. 7. Первая жена Раскольникова — *Рейснер Лариса Михайловна* (1895—1926), дочь юриста М. А. Рейснера, литературная и политическая деятельница, с 1918 член большевистской партии. В 1918—1920 принимала участие в боевых действиях на восточном фронте гражданской войны, была политкомиссаром. В октябре 1923 вместе с К. Радеком и другими представителями Коминтерна была в Германии для участия в руководстве попыткой тамошних коммунистов захватить власть.

16 Лидеры Коммунистической партии Германии К. Либкнехт (1871—1919) и Р. Люксембург (1871—1919) были убиты 15 января.

17 *Общество истории и древностей* — Императорское (часто именуемое Московским) общество истории и древностей российских, основанное в 1804 г., до описываемого времени очень деятельное, внесшее огромный вклад в развитие исторической науки. В дальнейшем влачило жалкое существование (в частности, перестали выходить его «Чтения»), а в 1929 г. было закрыто.

Глазов Владимир Гаврилович (1848—1916?), генерал от инфантерии, сочетал штабную, военно-ученую и военно-учебную деятельность с организаторской в области гражданской науки и народного образования; 17 августа 1904—октябрь 1905 — министр просвещения. См. о нем ОИЭ. 1.

Любавский в 1907—1918 гг. был редактором «Чтений» ОИДР, с 1913(?) временным председателем общества.

18 13 января в Архангельск прибыл из-за границы (с сентября 1917 г. он был российским представителем при итальянском главном командовании) генерал-лейтенант Е. К. Миллер (1867—1937), вошедший во Временное правительство Северной области в качестве военного министра и назначенный генерал-губернатором области. Вскоре, по отъезде Н. В. Чайковского в Париж для участия в Русском политическом совещании, он стал ведать и иностранными делами. Серьезных военных действий на севере в это время не было. См.: *Добровольский С.* Борьба за возрождение России в Северной области // Архив русской революции. Т. 3. Берлин, 1921.

В эмиграции генерал Миллер был с 1930 г. (после похищения генерала А. П. Кутепова) председателем Русского общевоинского союза (главной организации бывших участников гражданской войны на «белой» стороне); 22 сентября 1937 г. был похищен агентами НКВД (см.: Прянишников Б. Незримая паутина. 2-е изд. Б. м., 1979).

19 В течение января—февраля 1919 г. эстонская армия (командующий подполковник И. Лайдонер, 1884—1953) с участием финских, датских и шведских добровольцев вытеснила Красную Армию с территории Эстонии. Нарва была взята 19 января.

20 То есть годовщину Кровавого воскресенья, 9 января 1905 г. О Гапоне см.: *Sablinsky Walter.* The Road to Bloody Sunday: The Role of Father Gapon and the Assembly in the Petersburg Massacre of 1905. Princeton, 1976.

21 *Дорогомиловская слобода* — местность (бывш. Ямская слобода на

Смоленской дороге) на правом берегу Москвы-реки в ее Дорогомиловской излучине, где находятся Брянский (теперь Киевский) вокзал и гостиница «Украина».

[22] *Мясницкие ворота* — площадь к северо-востоку от центра города, при пересечении Мясницкой ул. с Бульварным кольцом. Готье пришлось пересечь почти весь Белый город.

[23] *Сокольники* — местность в северо-восточной части города (в описываемое время на окраине). Рассказ, передаваемый Готье, подтверждает Крупская (см. ее «Воспоминания о Ленине». М., 1957, с. 399). Ограбление, по-видимому, произошло в православный Сочельник, 24 декабря 1918/6 января 1919 г.

[24] Храм Большого Вознесения расположен на Большой Никитской ул., почти на стыке ее с Малой Никитской у Никитских ворот.

[25] *Гулевич Владимир Сергеевич* (1867—1933) — биохимик, с 1901 г. профессор медицинского факультета Московского университета, с 1929 г. действительный член Академии наук.

[26] По всей вероятности, Савин имел в виду университетскую церковь (теперь клуб), расположенную на южном углу Охотного ряда и Б. Никитской ул., у бывшего нового здания университета.

[27] То есть из Бутырской тюрьмы. Тюрьма находится в бывшей Бутырской слободе поблизости от Долгоруковской (с 1919 Каляевской) улицы, к северу от Савеловского вокзала.

[28] *Принцевы острова* — группа небольших островов в Мраморном море, на которых расположены морские курорты; принадлежат Турции, в описываемое время были под военным контролем держав Согласия. Обращение было оглашено на Парижской мирной конференции 21 января президентом США Вильсоном. Это действительно (как догадывался Готье) была попытка «что-либо сделать с Россией» (одна из пяти таких попыток в ходе конференции). Выбор Принцевых островов объяснялся тем, что, во-первых, при поездке туда морем большевикам не нужно было бы проезжать через какие-то другие страны (большинство европейских держав не признавало советское правительство законным правительством России), во-вторых, председатель Совета министров Франции Клемансо никак не хотел пускать большевиков в Париж. Советское правительство ответило (4 февраля) уклончиво, антибольшевистские правительства отказались садиться за один стол с большевиками, и конференция не состоялась. См.: *Kennan George F.* Russia and the West Under Lenin and Stalin. New York, 1961, с. 121—125.

[29] *Рейхстаг* (*нем.* Reichstag) — традиционное (со времен средневековой Священной Римской империи) название центрального представительного органа германского государства. Готье называет учредительным рейхстагом учредительное Национальное собрание (Nazionalversammlung), избранное 19 января 1919 г. Созванное в гор. Веймаре, оно учредило республиканский образ правления, выбрало президента и правительство и приняло конституцию (часто называемую, как и сама республика 1919—1933 гг., Веймарской). *Спартаковцы* — леворадикальная социал-демократическая организация «Союз Спартака», за три недели до выборов преобразованная в Коммунис-

тическую партию Германии. Независимые — Независимая социал-демократическая партия Германии, «центристское», в основном пацифистское, меньшинство во главе с К. Каутским и другими правоверными марксистами, отколовшееся от Социал-демократической партии в апреле 1917 г. и до 1922 г. бывшее самостоятельной партией. Шейдемановцами автор называет, по имени одного из его лидеров, патриотическое большинство германских социал-демократов, оставшееся в Социал-демократической партии после откола «независимых». *Ф. Шейдеман* (Ph. Scheidemann, 1865—1939) стал первым канцлером (главой правительства) Веймарской республики (8 февраля—20 июня 1919 г.; ушел, так как был против подписания Версальского мирного договора). Интересно (главным образом для характеристики КДП) замечание Готье, что «шейдемановцы», «в сущности, не левее... кадетов».

[30] У Девичьего Поля, в доме № 1 по Малой Царицынской ул. (с 1924 г. Малая Пироговская) помещались Московские высшие женские курсы.

[31] *Бердяев Николай Александрович* (1874—1948) — философ и публицист, видный деятель русского религиозного возрождения и «веховского» движения, один из создателей христианского экзистенциализма и персонализма. В 1918 г. участник сборника «Из глубины». С 1918 г. вице-председатель образованного тогда же Всероссийского союза писателей. 1918—1922 — организатор и руководитель Вольной академии духовной культуры (о ней см. в сб.: София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Под ред. Н. А. Бердяева. Берлин, 1923), которую после высылки возродил в Берлине (см.: *Williams Robert C.* Culture in Exile: Russian Emigrus in Germany. 1881—1941. Ithaca and London, 1972). С 1917 г. Бердяев был членом антибольшевистского Совета общественных деятелей (в описываемое время подпольного); в Совете преобладали сторонники конституционной монархии, среди которых Бердяев «был идеологом» (см.: Красная книга ВЧК. Т. 2. 2-е изд. М., 1989). См. также: РП. 1; Философы России XIX—XX столетий (биографии, идеи, труды). М., 1993.

[32] *Артемьев Д. Н.* (?—?) — профессор минералогии (где?). После переезда Советского правительства в Москву занимал руководящие должности в НКП: член Государственной комиссии по просвещению; в мае—июне 1918 г. — зав. отделом профессионально-технического образования, с июня — член коллегии отдела единой трудовой школы (в который, по его настоянию, был влит отдел профессионально-технического образования), член коллегии, затем зав. научным отделом НКП (об этом отделе см. вышеупомянутое исследование М. Б. Кейрим-Маркус), с осени член коллегии отдела высших учебных заведений. С 20 августа 1918 г. также член коллегии Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства.

[33] С 5 июля 1918 г. Брюсов был зав. Московским отделением Библиотечного отдела НКП, вскоре превращенного в самостоятельный Московский библиотечный отдел. О «беспринципности» Брюсова см. примеч. 186 за 1918 г.

[34] «Сессия» была организована НКП во исполнение решений СНК от 7 июня 1918 г. и 14 января 1919 г.; в последнем комиссариату поручалось немедленно принять самые энергичные меры для централизации и улучшения библиотечного дела. Готье выступил на сессии с двумя докладами: «План устройства органов Румянцевского музея» и «Об отношении государственных библиотек к плану библиотечной сети».

[35] *Браудо Александр Исаевич* (1864—1940) — историк и библиограф; окончил Дерптский университет; автор обзоров литературы по русской истории. Зав. отделом «Rossica» Императорской (с 1917 г. Государственной) публичной библиотеки в СПб.

Венгеров Семен Афанасьевич (1855—1920) — выдающийся историк русской литературы, библиограф и общественный деятель. 1897—1899 и с 1906 г. приват-доцент СПб. университета; с 1910 г. также профессор учебных курсов Психоневрологического института (в 1916 г. преобразованных в Частный университет при ПНИ, который в 1918 г. преобразован во Второй Петроградский государственный университет); 1912—1916 — профессор Петербургских высших женских курсов. С 1905 г.(?) секретарь Союза российских писателей; 1916—1919 — председатель Литературного фонда. С апреля 1917 г. первый директор созданной по его инициативе Российской книжной палаты. РП. 1; ОИЭ. 1.

[36] *Ольденбург Сергей Федорович* (1863—1934) — востоковед и искусствовед, выдающийся организатор науки и общественно—политический деятель. С 1904 г. до 10 октября 1929 г. непременный секретарь Академии наук. Деятельный участник либерально-демократического движения, с мая 1917 г. член ЦК конституционно-демократической партии. 24 июля—1 сентября 1917 г. — министр просвещения, затем член Временного совета республики и товарищ председателя его комиссии по национальным делам. После Октябрьского переворота старался спасать библиотеки ликвидируемых учреждений и конфискуемые частные. В описываемое время член Постоянной библиотечной комиссии Академии наук и редакционной коллегии Восточного отдела издательства «Всемирная литература».

Дьяконов Михаил Александрович (1855—1919) — видный историк русского права, с 1912 г. действ, член Академии наук. С 1917 г. директор Второго (иностранного) отдела библиотеки АН (до 1920 г. единой администрации библиотеки не было). Едва ли болезнь неприехавших академиков была дипломатической. Они не были сторонниками бойкота советских учреждений (в частности, в 1919 г. оба были избраны общим собранием АН в состав библиотечной коллегии Центрального комитета государственных библиотек Северной области). Академик Дьяконов умер 10 августа 1919 г. Академик Ольденбург (лично знакомый с Лениным с 1891 г.) после Октябрьского переворота, озабоченный судьбой Академии и других учреждений и деятелей культуры, стремился до некоторой степени сотрудничать с новой властью. Этой его позицией и неустанными хлопотами объясняли сравнительную сохранность Академии (до 1928-1929 гг.), но она вызывала и нарекания в излишней угодливости. Был арестован

4 сентября 1919 г., но вскоре (21-го или 22-го) освобожден. (См. сборники «Память», Вып. 1, 3—5. Москва—Нью-Йорк—Париж, 1978—1982; Минувшее. Вып. 1, 7. Париж 1986, 1989; и Звенья. Вып. 1. М., 1991).

37 *Мстиславский (псевд.) — Масловский Сергей Дмитриевич* (1876—1943), полковник, до Февральской революции библиотекарь Николаевской военной академии (как с 1909 г. называлась Академия генерального штаба); с 1904 г. член ПСР, входил в ее военную организацию. В первые дни Февральской революции в качестве главы военной комиссии Петроградского совета пытался подчинить ему воинские части, находившиеся в столице. После Второго съезда советов член ВЦИК, 12 декабря 1917—22 января 1918 — член Президиума ВЦИК. 20 ноября—2 декабря 1917 г. — член делегации Иоффе, подписавшей перемирие; в переговорах о мире не участвовал. С начала декабря член ЦК ПЛСР, вышел из него после ареста в связи с «выступлением» левых СР в июле 1918 г. Участвовал в гражданской войне, был членом ЦК партии украинских коммунистов (боротьбистов). С 1921 г. формально беспартийный литератор, принимал деятельное участие в большевистской пропаганде. См. его воспоминания: *Мстиславский С.* Пять дней: Начало и конец февральской революции 2-е изд. Берлин; Петербург; Москва, 1922; Краткая литературная энциклопедия. 4. М., 1967; Звенья. 2. 1992; а также газету «Книжное обозрение» 35, 31 августа 1990 г., где о нем приводятся некоторые новые сведения.

Кудрявцев Алексей Павлович (?—?) — журналист, в 1906—1907 гг. печатался в критико-библиографических журналах «Книга», «Новая литература», позднее также в «Русском богатстве» и газете «Речь». В 1906 г. выпустил брошюру об О. Бланки и его последователях. В 1912 г. (по данным парижского архива Департамента полиции) — член ПСР, жил в Париже. После раскола партии в конце 1917 г. член ПЛСР. С весны 1918(?) зав. библиотечным отделом НКП в Петрограде, входил в упоминавшуюся выше комиссию (с участием М. Н. Покровского и Д Б. Рязанова) для рассмотрения вопросов организации архивного, музейного и библиотечного дела.

Покровский Алексей Алексеевич (1875—1954) — архивист, библиограф и археограф. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. 1900—1917 — сотрудник, затем зав. архивом Московской синодальной типографии. 1919—1925 — зав. историко-культурным отделом Единого государственного архивного фонда. Позднее работал в Архиве народного хозяйства, Центральном архивном управлении и ЦГАОР

Чачина Ольга Ивановна (?—1919) — большевичка, старая знакомая Ленина (с 1895) и Крупской (по уфимской ссылке). 1900—1904 — секретарь Нижегородского комитета РСДРП, в декабре 1905 г. участвовала в вооруженном восстании в Сормове. С 1909 г. зав. библиотекой им. Гоголя в Москве. В 1918 г. секретарь коллегии Московского отдела народного образования, затем зав. библиотечным подотделом Внешкольного отдела НКП.

38 Вероятно, инициатива такого расширения штатов библиотеки

исходила от НКП; 3 мая СНК принял постановление об «отпуске» комиссариату «сверхсметного кредита» на эти цели.

39 *Раковский Христиан Георгиевич* (собственно Станчев Христо Георгиев 1873—1941) — видный болгарский и международный революционер, социал-демократ. По образованию врач (окончил университет в Монпелье), некоторое время учился также на юридическом факультете в Париже. Будучи очень состоятельным человеком, субсидировал своих единомышленников в разных странах, в том числе Ленина. С конца 1917 г. член РСДРП(б), 1919—1927 — член ее ЦК. В течение 1918 г. исполнял различные поручения революционного и квазидипломатического характера на Украине и в Германии. С января 1919 г. председатель СНК и народный комиссар иностранных дел Украинской ССР. В апреле—мае 1922 г. — член советской делегации на Генуэзской конференции. 1923—1925 — полпред СССР в Великобритании, 1925—1927 — во Франции. В 1927 исключен из партии, в 1935 г. восстановлен, работал председателем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. В 1938 г. по «бухаринскому» делу приговорен к 20 годам заключения, но 11 сентября 1941 г. расстрелян. См. подробную автобиографию в энциклопедическом словаре «Гранат»; о расстреле см.: Известия ЦК КПСС, 1990.

ФЕВРАЛЬ

40 *Георгий Михайлович*, великий князь (1863—1919) — внук Николая I, известный нумизмат, коллекционер, музейный деятель; автор капитальных трудов по русской нумизматике XVIII и XIX вв., обладатель одного из лучших собраний русских монет; управляющий Русским музеем императора Александра III в Петербурге (теперь Государственный Русский музей). *Николай Михайлович*, великий князь (1859—1919) — брат предыдущего, генерал-адъютант, генерал от инфантерии; окончил Академию Генерального штаба; участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг., завершил военную карьеру в 1903 г. начальником дивизии. Видный историк и источниковед, ввел в научный оборот большое число источников (по истории царствования Александра I, истории русского портрета, русским некрополям в России и в Париже). 1909—1917 — председатель Императорского русского исторического общества; был также председателем Императорского русского географического общества. *Дмитрий Константинович*, великий князь (1860—1919) — также внук Николая I, генерал-адъютант, генерал от кавалерии; 1897—1905 — главноуправляющий государственным коннозаводством. *Павел Александрович*, великий князь (1860—1919) — младший сын Александра II; генерал-адъютант, генерал от кавалерии, 1898—1902 и 1916—1917 — командир гвардейского корпуса. 1 марта 1917 г. с согласия других великих князей, бывших в то время в столице, составил проект манифеста от имени Николая II с обещанием ответственного министерства (проект был показан Милюкову, который не нашел нужным его использовать). Сын Павла Александровича, великий князь *Дмитрий Павлович*

(1891—1942), участвовал в убийстве Распутина. См. воспоминания дочери Павла Александровича: Marie, Grand Duchess of Russia. Education of a Princess: A Memoir. New York, 1931. Великие князья были расстреляны 27 января в Петропавловской крепости. Официальным основанием для расстрела было то, что они были заложниками за Розу Люксембург и Карла Либкнехта(!).

41-42 Аналогичное мнение об этой ноте см. в книге известного историка: *Ulam Adam B.* Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967. New York, 1968. С. 97.

43 Киев, находившийся в руках Директории, был взят 5 февраля Первой украинской советской дивизией (начальник И. С. Локотош), входившей в состав войск Украинского фронта (командующий В А. Антонов-Овсеенко).

44 *Мануильский Дмитрий Захарович* (1883—1959) — профессиональный революционер, по образованию юрист (в 1911 г. окончил Сорбонну). С 1918 г. выполнял различные поручения ЦК РКП(б) революционного и квазидипломатического характера на Украине. В Париж Мануильский ехал в качестве главы «миссии Российского общества Красного Креста» (советского). Выбор его на эту роль, возможно, был связан с тем, что в 1918 г. в борьбе с эпидемией сыпного тифа на Украине участвовали представители Международного комитета Красного Креста. Сама же миссия была, вероятно, очередной попыткой вынудить правительства стран-победительниц иметь дело с представителями (хотя бы закамуфлированными) советского правительства, которое они не считали законным.

Российское общество Красного Креста, основанное в 1867 г. (одно из старейших в мире), сотрудничало с Международным комитетом Красного Креста в Женеве. Решениями СНК 4 и 8 января 1918 г. имущество общества было конфисковано, «враждебное революции» Главное управление (избранное членами общества) «упразднено» и назначен комитет по его реорганизации. Почти через год, 20 ноября, на учредительном съезде нового общества (с прежним названием) была избрана «центральная коллегия» во главе с Я. М. Свердловым (одним из виднейших сторонников «красного террора»!). В годы гражданской войны в местностях, не занятых Красной Армией, продолжали действовать окружные и местные управления и местные комитеты старого общества; позднее организации Российского Красного Креста были воссозданы в эмиграции. Советское общество было признано Международным комитетом в октябре 1921 г.

45 В ноябре 1918 г. в Хельсинки был образован Русский комитет во главе с А. Ф. Треповым. В январе 1919 на съезде членов и сторонников комитета в Выборге был избран Национальный русский комитет под председательством профессора А. В. Карташева и с участием акад. П. Б. Струве, который признал адмирала Колчака Верховным правителем России, а руководителем антибольшевистской борьбы на Северо-Западе объявил генерала Юденича.

Трепов Александр Федорович (1864—1928) — егермейстер, статс-секретарь. 1892—1895 — предводитель дворянства Переяславского уезда Полтавской губ. С 1889 г. служил в Министерстве внутренних

дел, с 1899 г. — в канцелярии Государственного совета; 1905—1906 участвовал в выработке «Учреждения Государственной думы» 20 февраля 1906 г.; 1906 г. — сенатор; 1914 г. — член Государственного совета по назначению (входил в группу правых). С октября 1915 г. управляющий министерством, с ноября 1915 г. до ноября 1916 г. — министр путей сообщения; под его руководством в рекордно короткий срок была построена Мурманская железная дорога. 19 ноября—27 декабря 1916 г. председатель Совета министров (ушел после убийства Распутина). Имел репутацию честного консерватора. Умер во Франции

Юденич Николай Николаевич (1862—1933) — генерал от инфантерии, в марте—апреле 1917 г. главнокомандующий Кавказским фронтом, затем не у дел до конца сентября, когда по поручению Временного правительства провел совещание представителей казачьих войск для выяснения причин их недовольства. В августе 1917 г. участвовал в московском совещании общественных деятелей и в Государственном совещании. Имел репутацию знающего и успешного полководца, но слабого политика. (См.: Первая мировая в жизнеописаниях. .)

46 *Замысловский Егор Егорович* (1841—1896) — историк, профессор СПб. университета и других учебных заведений столицы, специалист по истории Московского государства в XVII в. Был учителем будущего императора Николая II по русской истории и, по-видимому, оказал значительное влияние (недостаточно исследованное) на его исторические взгляды. Составил «Учебный атлас по русской истории» с объяснительным текстом, выдержавший три издания (1865—1887) и широко использовавшийся в школах. Слова Готье об атласе, возможно, носят иронический характер.

47 Уфа, занятая Красной Армией (командующий Восточным фронтом полковник С. С. Каменев) 31 декабря 1918 г., была 13 февраля взята Сибирской армией (1 января—10 июля 1919 г. командующий генерал-майор Р. Гайда) .

48 Постановление НКП о закрытии юридического факультета и организации нового фак—та общественных наук было принято (или обнародовано?) 28 декабря 1918 г. После этого несколько кафедр юридического факультета было присоединено к историческому отделению историко-филологическому факультета. 3 марта 1919 г. коллегия НКП утвердила образование факультета общественных наук в составе нескольких кафедр бывшего юридического факультета и исторического отделения историко-филологического факультета.

49 Судя по воспоминаниям Луначарского и Крупской, Ленин проявлял этот интерес чуть ли не с первых дней после Октябрьского переворота; в последующие месяцы он неоднократно возвращался к этой теме. В частности, 7 июня 1918 г. написал проект (по-видимому, тут же принятый без изменений) постановления СНК «О постановке библиотечного дела», в котором НКП предлагалось «два раза в месяц давать отчет в СНК о том, что практически сделано им в этой области» (*Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 422). 30 января 1919 г. он написал проект нового постановления,

тоже принятого без изменений и опубликованного в «Известиях ВЦИК» 1 февраля (см.: ПСС, т. 37. С. 470 и примеч. на с. 620).

50 Эти воспоминания Богословского, по-видимому, не опубликованы; по крайней мере, их нет ни в его книге «Историография, мемуаристика, эпистолярия (научное наследие» (М., 1987), ни в сб. «Московский университет в воспоминаниях современников» (М., 1989). Возможно, рукопись сохранилась в бумагах Богословского, находящихся в Историческом музее; не ее ли цитирует академик Черепнин в статье о Богословском в 93-м томе «Исторических записок» (М., 1974; перепеч. в кн.: *Черепнин Л. В.* Отечественные историки. М., 1984)? О воспоминаниях Готье см. примеч. 33 за 1917 г.

51 *Бороздин Илья Николаевич* (1883—1959) — историк-медиевист с широким кругом интересов (в 20-е гг. занимался историей Востока, в 50-е историей южных славян); окончил историко-филологический факультет Московского университета, ученик Виноградова. В описываемое время, вероятно, доцент Московского университета; позднее, кажется, преподавал в Казанском университете (?20-е), Ашхабадском педагогическом институте (?40-е); наконец, в 50-е гг. в Воронежском университете. См.: *Вайнштейн О. Л.* История советской медиевистики. М., 1968; История средних веков: Библиографический указатель. 1. М., 1968 (по указателям).

52 Подобные планы, называвшиеся «соединением обучения с производительным трудом», были отчасти осуществлены в ходе многочисленных перестроек школьного образования в течение 1920-х — начала 30-х гг.

53 *«Военный контроль»* — название военной контрразведки в Красной Армии 18 мая 1918 г. (когда она была образована) — 1 января 1919 г., когда (на основании решения Бюро ЦК РКП (б) от 19 декабря) эта организация (до того подчиненная Полевому штабу Красной Армии) была объединена с фронтовыми отделами ЧК в Особый отдел ВЧК. Положение об особых отделах было утверждено ВЦИК 6 февраля; возможно, официальное переименование имело место после этого. Начальником Особого отдела в январе—августе 1919 г был М С Кедров (1878—1941, расстрелян), с марта также член коллегии ВЧК, с мая особо-уполномоченный ВЧК на Северном фронте, затем на Южном и Западном. Приобрел печальную известность своей жестокостью (см.: *Мельгунов С. П.* Красный террор в России). Мельгунов, в начале весны 1919 г. привезенный после ареста в Особый отдел, где его допрашивал Кедров, позднее вспоминал: «Дом хорошо знакомый, там в нижнем этаже жил историк Готье»; см. его: Воспоминания и дневники. Вып. 2. Ч. 3. Париж, 1964.

Размещение Особого отдела в доме Петрово-Соловово Мельгунов объяснял близостью его к зданию Александр. военного училища на Знаменке, где после переезда советского правительства в Москву находились центральные учреждения Красной Армии.

54 После Октябрьского переворота Крупская вошла в Государственную комиссию по просвещению (до начала 1919 г. высший орган новой власти во всей сфере культуры), в которой часто председательствовала; с апреля 1918 г председатель выделившейся из нее Малой

государственной комиссии (по аналогии с Малым СНК). После переезда правительства в Москву, когда Луначарский предпочел остаться в Петрограде, до ноября 1918 г. фактически возглавляла НКП, до мая как зам. наркома. С июня 1918 г. член образованной тогда коллегии НКП, в которой представляла внешкольную секцию комиссариата в составе трех отделов, включая внешкольный отдел, которым она заведовала. Лучшая биография Крупской — *McNeal Robert H.* Bride of the Revolution: Krupskaya and Lenin. Ann Arbor, 1972; см. также вышеупомянутые работы Fitzpatrick и Кейрим-Маркус об НКП.

[55] *Познер Виктор Маркович* (1877—1957) — философ и педагог, один из теоретиков «единой трудовой школы». Окончил СПб. университет. С 1899 г. социал-демократ, в 1904—1905 и после Февральской революции большевик; во время Октябрьского переворота участвовал в захвате Министерства просвещения и канцелярии попечителя Петроградского учебного округа. С 1 ноября 1917 г. зав. школьным отделом НКП, с 9 ноября член Государственной комиссии по просвещению, с апреля 1918 г. секретарь Малой Государственной комиссии, с июня член коллегии НКП, где представлял школьную секцию. С 27 июня 1918 г. по ноябрь 1919 г. зав. Отделом единой трудовой школы (руководил подготовкой и проведением в жизнь мероприятий по разрушению сложившейся к 1917 г. системы школьного образования).

Шапиро Лев Григорьевич (1887 или 1888—1957) — экономист и публицист; социал-демократ, 1903—1909 — член Бунда; 1917 г. — меньшевик (был близок к большевикам); 1918 г. — большевик. Член Государственной комиссии, затем (1918—1919) коллегии НКП. С 15 января 1918 г. зав. отделом «привлечения научных сил на службу крестьянской и рабочей России» (или «мобилизации науки»), с апреля член коллегии научного отдела. Один из инициаторов проекта «реорганизации» Академии наук (фактически ликвидации путем растворения в некоей «Ассоциации наук» прикладного характера); проект не прошел благодаря сопротивлению Луначарского и Ленина (превращение Академии в орган, работающий по заданиям Коммунистической партии и правительства произошло в конце 20-х гг. См.: *Перченок Ф. Ф.* Академия наук на «великом переломе». Звенья. 1) 22 мая 1918 г. вошел в комиссию по организации архивного, музейного и библиотечного дела. *«Маркс»* — Маркус, В. А. — в описываемое время управляющий делами НКП.

[56] *Чачина* была зав. библиотечным подотделом внешкольного отдела НКП, которым заведовала Крупская.

[57] Вдогонку постановлению СНК от 30 января Ленин от себя отправил в НКП письмо с «дополнительными соображениями», содержание которого суммирует Готье, и с просьбой сообщить ему «свое заключение по этому поводу». Не представившим отчеты заведующим библиотеками Ленин грозил преданием суду, а библиотечные отделы НКП обязывал ежемесячно представлять сводные отчеты в СНК. См.: ППС. Т. 37, с. 474—477 (запись Готье дает возможность уточнить датировку ленинского письма: terminus ante quem — 19 февраля).

[58] *Темкин М. Б.* — зав. школьно-инструкторским подотделом НКП.

[59] *Центрокнига* — сокращенное название Центрального книжного комитета, распорядительного органа, стоящего над издательствами, вопрос о создании которого рассматривался с октября 1918.

5 февраля ЦК РКП(б) постановил: «...книгоиздательское дело концентрируется при Комиссариате народного просвещения, но члены коллегии этого отдела должны до утверждения их в коллегии Народного комиссариата быть санкционированы ЦК партии» (Известия ЦК КПСС, 1989, 6, 7). Дело закончилось постановлением ВЦИК 20 мая 1919 г. о создании Государственного издательства, во главе которого был поставлен В. В. Боровский, введенный в коллегию НКП. См.: *Динерштейн Е. А.* Начало советского книгоиздания // Книга: исследования и материалы. Вып. 15. М., 1967; его же: Положившие первый камень: Госиздат и его руководители. М., 1972.

[60] Волынский Артемий Петрович (1689—1740) — государственный деятель, сторонник введения сословно-представительных учреждений при сохранении самодержавия. «Дело Волынского», о котором говорит Готье, — дело по обвинению его в измене. Результатом изучения этого дела была статья Готье «Проект о поправлении государственных дел» А. П. Волынского // Дела и дни. Исторический журнал. 1922. Кн. 3. С. 3—31.

[61] *Борзов Александр Александрович* (1874—1939) — известный географ, с 1918 г. профессор Московского университета, преподавал также в Межевом институте. Долголетний сотрудник библиотеки Румянцевского музея; в описываемое время зав. справочным бюро библиотеки (до 1926) и член ученой коллегии музея; впоследствии главный библиотекарь.

[62] *Филиппов Александр Никитич* (1852 или 1853—1927) — юрист, историк права; учился в Московском, Гейдельбергском, Берлинском и Пражском университетах; профессор государственного права (с 1892) и ректор Юрьевского университета, профессор (впоследствии заслуженный профессор) истории русского права Московского университета. Основные работы по русскому обычному праву и истории права первой половине XVIII в. (в частности, опубликовал 12 томов «Бумаг Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны»). В описываемое время принимал участие в работе Главного архивного управления, читал лекции на московских курсах по подготовке архивных специалистов.

[63] *Генерал Краснов*, бывший с мая 1918 г. Донским атаманом, с образованием 8 января 1919 г. Вооруженных сил Юга России, признал главенство над собой генерала Деникина как главнокомандующего, но 19 февраля ушел в отставку и уехал в Германию. Небольшой передовой французский отряд был расположен на узловой ж.-д. станции Колосовка в 128 км к северу от Одессы и в 61 км к югу от Вознесенска. Столкновение произошло при попытке французов занять Вознесенск. Оказалось, что город, где до этого были «петлюровцы», занят большевиками, которые обстреляли французский поезд; французы ответили огнем, но вернулись в Колосовку. См.:

Майбородов В. С французами // Архив русской революции. Т. 16. Берлин, 1925.

64 *Новосельский Алексей Андреевич* (1891—1967) — известный историк, ученик А. И. Яковлева. В той степени, в какой это позволяли внешние условия, он оправдал надежду Готье. См. о нем: сб., посвященный его памяти: Дворянство и крепостной строй России XVI—XVIII вв. М., 1975; *Черепнин Л. В.* Памяти А. А. Новосельского // Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984.

МАРТ

65-66 *Сторожев Василий Николаевич* (1866—1924) — историк и археограф. Окончил Московский университет, где слушал лекции Ключевского; принимал участие в их издании. Не оставленный при университете, в 1888—1895 (1896?) служил в Московском архиве Министерства юстиции, позже преподавал в частном коммерческом училище К. К. Мазинга. Издал много источников, главным образом по социально-экономической и административной истории Московской Руси XVI—XVII вв. Часто печатался в библиографических журналах и в периодических изданиях леволиберального направления. Много лет был секретарем финансовой комиссии Московской городской думы (хотя симпатией в думских кругах не пользовался). Едва ли Сторожев был коммунистом в смысле членства в партии (прямых сведений об этом, кажется, нет). Но как историк он издавна сотрудничал с Покровским; в 1917 г. после летних выборов в Московскую городскую думу входил в большевистскую фракцию. С весны или начала лета 1918 г. заведовал финансовым отделом НКП; в июне был одним из представителей НКП на чрезвычайном совещании по профессионально-техническому образованию. В упоминаемой в тексте комиссии также был одним из представителей коммунистической власти. Вскоре Сторожев стал членом факультета общественных наук.

67 *Петрушевский Дмитрий Моисеевич* (1863—1942) — известный историк-медиевист, в 1906—1911 и с 1917 г. профессор Московского университета. На совещании по реформе высшей школы в июле 1918 г., по-видимому, занимал до некоторой степени соглашательскую позицию. В 1921 г. был назначен директором созданного тогда Института истории при факультете общественных наук и оставался в этой должности после реорганизаций 1925 и 1926 гг., приведших к включению института в РАНИОН, независимую от университета.

Виппер Роберт Юрьевич (1859—1954) — известный историк с широчайшим кругом интересов; ученик Герье, с 1897 г. преподавал в Московском университете (с 1899 г. профессор). Многие его взгляды воспринимались как близкие марксистским; Н. М. Дружинин пишет о его сочувствии «передовым» идеям (Воспоминания и мысли историка. 2-е изд., доп. М., 1978). К Октябрьскому перевороту и новой власти относился отрицательно. Как видно из дальнейших записей, Готье обоих недолюбливал.

68 Социалистическая академия общественных наук — квазинаучное идеологическое учреждение, основанное в 1918 г. декретом ВЦИК и ему подчиненное. Делилась на социально-исторический, политико-юридический и художественно-литературный факультеты; при академии был образован Пролетарский университет с теми же факультетами. Создание социалистической академии и Пролетарского университета было частичным осуществлением мыслей А. А. Богданова о построении «пролетарской культуры» как предпосылке социалистической революции (см.: *Utechin S. V.* Philosophy and Society: A. Bogdanov // Revisionism: Essays in the History of Marxist Ideas. Ed. by L. Labedz. London, 1962; *Grille D.* Lenins Rivale: Bogdanov und seine Philosophie Kuln, 1966; РП. 1; ОИЭ. 1). Лишь немногие члены Социалистической академии и профессора Пролетарского университета были профессорами высших учебных заведений (например, М. А. Рейснер); большинство были доцентами (Н. М. Лукин, В. П. Волгин), преподавателями средних учебных заведений, а то и лицами без законченного высшего образования (Луначарский, Рязанов, Бухарин).

69 2—6 марта в Москве состоялся учредительный съезд Третьего (Коммунистического) интернационала. Очевидно, праздник был объявлен в ознаменование этого события, которому руководство РКП(б) придавало большое значение. Целью организации было объединить усилия по подготовке и проведению «мировой пролетарской революции» по образцу Октябрьского переворота в России. Образование Коминтерна, в который вошли комммунистические и несколько левосоциалистических партий, организационно оформило раскол в социалистическом движении и, подчинив иностранные партии Исполкому Коминтерна (председателем которого был «избран» один из ближайших сотрудников Ленина, Г. Е. Зиновьев), фактически подчинило их руководству РКП(б), послушными орудиями которого они вскоре стали.

70 В конце 1918 г., следуя за отводимыми германскими войсками, Красная Армия заняла большую часть Латвии, Литвы и Белоруссии; в тылу армии были провозглашены советские республики с коммунистическими правительствами (27 февраля 1919 г. образована объединенная Литовско-Белорусская республика). С начала марта войска независимых (антикоммунистических) правительств Латвии и Литвы (заключивших 1 марта союзный договор) перешли в наступление. В то же время польские войска начали наступление на Вильну и Минск.

71 *Стеклов (псевд.) — Нахамкес* (позднейшее написание «Нахамкис» менее точно) *Юрий Михайлович* (1873—1941, погиб в заключении), профессиональный революционер, журналист (формально с 1916 г., когда он окончил Петроградский университет, помощник присяжного поверенного). Социал-демократ с начала 1890-х гг., испытал сильное идейное и политическое влияние Рязанова; после 2-го съезда РСДРП оставался вне фракций, но чаще склонялся к большевикам; с момента Октябрьского переворота большевик. В дни Февральской революции один из основателей и виднейших руково-

дителей Петроградского совета, член его Исполнительного комитета и бюро (или президиума) ИК; главный представитель совета в переговорах с Временным комитетом Государственной думы об образовании Временного правительства. Ему приписывали авторство «Приказа 1», сильно способствовавшего разложению армии. Член Президиума ВЦИК 1—3 созывов (т. е. до января 1918 г., позже оставался членом ВЦИК и ЦИК СССР). Основной составитель текста конституции РСФСР, принятой 5 съездом Советов в июле 1918 г. В члены факультета общественных наук предназначался в качестве историка. О нем см. автобиографию в энциклопедическом словаре «Гранат», «Историю второй русской революции» Милюкова и «Записки о революции» Н. Н. Суханова (Берлин, 1922—1923).

[72] 4 марта Сибирская армия перешла в наступление и 8-го заняла Оханск (уездный город Пермской губ. в 81 км к юго-западу от Перми).

[73] 12 марта Сибирская армия заняла Уфу.

[74] 22 марта в составе Украинского фронта Красной Армии (командующий А. В. Антонов-Овсеенко) была создана Группа войск крымского направления, которая 24 марта начала наступление на Крым.

[75] О взаимоотношениях между Советским правительством и державами Согласия см.: *Thompson John M.* Russia. Bolshevism, and the Versailles Peace. Princeton, 1966.

АПРЕЛЬ

[76] *Любавский* и *Мензбир.* С марта 1919 г. до июня 1920 г. ректором (последним, избранным Советом университета) был М. М. Новиков (см. примеч. за 1920 г.).

[77] В 1918 г. Московские высшие женские курсы были преобразованы во Второй Московский университет, просуществовавший до 1930 г., когда он был разделен на три самостоятельных института: Московский государственный педагогический (с 1941 г. им. Ленина, теперь Московский государственный педагогический университет), Второй Московский медицинский и Московский институт тонкой химической технологии (с 1940 г. им. Ломоносова).

[78] В конце марта ЦК РСДРП(б) принял решение о борьбе с «подрывной» деятельностью меньшевиков, эсеров и анархистов, которые обвинялись в провоцировании забастовок рабочих в Петрограде, Брянске, Туле, Астрахани, на Александровской (Белорусской) ж. д. и в других местах. Запись Готье говорит о том, как это решение отражалось в печати. О взаимоотношениях большевиков с социалистическими партиями в описываемое время см.: *Schapiro Leonard.* The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State: First Phase. 1917— 1922. Cambridge MA, 1955.

[79] 24 марта Уральская армия под командованием атамана Уральского казачьего войска генерала В. С. Толстова (1884—1956) начала наступление на Уральск (взятый Красной Армией 24 января). Продолжала наступать Сибирская армия.

[80] Слух о занятии Сибирской армией Сарапула оказался преждевременным; Сарапул был занят 12 апреля, Воткинский завод 9-го, Ижевск 14-го.

[81] Вероятно, до Готье доходили слухи о подпольной военной организации во главе с генералом Н. Н. Стоговым. Созданная (точнее — восстановленная) в конце 1918 г. и получившая название Добровольческой армии Московского района, она имела членов и сторонников в различных воинских частях и учреждениях Красной Армии и фактически представляла собой кадр для будущего корпуса. В политическом отношении примыкала к Национальному центру. Как будто должна была выступить при подходе к Москве армий Колчака или Деникина (по другим сведениям, выступить самостоятельно в сентябре 1919). Была раскрыта Особым отделом ВЧК в сентябре—октябре. См.: Красная книга ВЧК. Т. 2. 2-е изд., уточнен. М., 1989.

Стогов Николай Николаевич (?—?) — генерал-лейтенант, перед Октябрьским переворотом начальник штаба Юго-Западного фронта, 1918—1919 — командир бригады в Красной Армии. Главнокомандующий Добровольческой армией Московского района. Арестован 13 апреля 1919; по-видимому, бежал из заключения и пробрался к Деникину. 22 марта 1920 г. участвовал в совещании старших генералов, на котором преемником Деникина был избран генерал Врангель; затем комендант Севастополя, участвовал в разработке плана эвакуации из Крыма воинских частей и гражданских беженцев и в дни посадки на суда (30 октября—1 ноября) обеспечил полный порядок в городе. С апреля 1930 г. до мая 1934 г. начальник канцелярии председателя Русского общевоинского союза генерала Е. К. Миллера.

[82] Догадка Готье, что Одессу никто не защищал, соответствовала действительности. По решению французского правительства французские и греческие войска были 5—6 апреля эвакуированы морем, а небольшой русский добровольческий отряд, находившийся в районе Одессы, отошел в Бессарабию, где был разоружен румынскими властями. 6 апреля город был занят 1-й Заднепровской бригадой, входившей в образованную 22 марта группу войск одесского направления в составе Украинского фронта. Командовал бригадой штабс-капитан Н. А. Григорьев (1878—1919), именовавший себя атаманом Херсонщины и Таврии, перешедший со своей частью 2 февраля от «петлюровцев» на сторону Красной Армии, а 7 мая взбунтовавшийся.

[83] То есть кафедры истории России и всеобщей истории.

[84] 7 апреля Сибирская армия взяла Стерлитамак, 8-го — Белебей (уездные города Уфимской губ., теперь в Башкирской республике).

[85] *Прокопович Сергей Николаевич* (1871—1955) — видный экономист, публицист и общественно-политический деятель, внефракционный социал-демократ, последователь Э. Бернштейна (летом 1917 г. короткое время меньшевик). Во Временном правительстве был председателем Главного экономического комитета, зам. председателя Экономического совета, 24 июля—1 сентября министр торговли и промышленности, с 25 сентября министр продовольствия. После Октябрьского переворота возглавлял Временное правительство в

подполье; в феврале 1919 г. устроил совещание бывших министров Временного правительства, на котором было выработано заявление в связи с планировавшейся конференцией на Принцевых островах. В конце 1917 г. член Комитета спасения родины и революции; в 1918—1919 на его и его жены, Е. Д. Кусковой, квартире собирались для неофициальных совещаний (иногда называвшихся контактными или клубом Кусковой и Прокоповича) лица, причастные к подпольным антикоммунистическим организациям (Союз общественных деятелей, Союз возрождения России, Национальный центр, Тактический центр). См. 2-й том «Красной книги ВЧК» и работы Б. Нортон, указанные ниже в примеч. 88. В 1918 г. Прокопович был избран профессором юридического факультета Московского университета и вскоре стал деканом факультета, в каковом качестве, вероятно, и председательствовал на совещании, о котором пишет Готье.

[86] *Троица* — здесь Троице-Сергиева лавра, монастырь, основанный в 1330-х гг. преподобным Сергием Радонежским. Здесь помещалась (с основания в 1814 г. до закрытия в сентябре 1918 г.) Московская духовная академия.

[87] Это объяснялось тем, что большинство европейских правительств, не признавая Советское правительство законным, не имело с ним дипломатических и консульских отношений.

[88] *Кускова Екатерина Дмитриевна* (1869—1958) — видная общественно-политическая деятельница и журналистка реформистско-социал-демократического направления, последовательница Э. Бернштейна (иногда определяла свою позицию в политическом спектре как «левее кадет»; летом и осенью 1917 г. короткое время меньшевичка); влиятельная участница кооперативного движения. С первых дней Февральской революции комиссар по обеспечению свободы печати в Москве. С апреля 1917 г. ближайшая сотрудница ежедневной газеты «Власть народа» («газета демократическая и социалистическая», издавалась основанным по инициативе Кусковой Кооперативным товариществом издательского дела; закрывалась большевистскими властями в ноябре 1917 г., марте и, наконец, мае 1918 г.). Боролась за предоставление женщинам избирательных прав на выборах в Учредительное собрание (что и было достигнуто; ни в одной из главных европейских стран женщины тогда избирательных прав не имели). Делегат Демократического совещания от кооперативов, член Всероссийского демократического совета и Временного совета Российской республики. См. также выше примеч. 85 и исследования Б. Нортон: *Norton Barbara T.* Eshche raz ekonomizm: E. D. Kuskova, S. N. Prokopovich and the Challenge to Russian Social Democracy // The Russian Review 45:2, 1986; The making of a Female Marxist: E. D. Kuskova's Conversion to Russian Social Democracy // International Review of Social History 34:2, 1989; Laying the Foundations of Democracy in Russia: E. D. Kuskova's Contribution, February—October, 1917 // IV World Congress for Soviet and East European Studies, Harrogate, England, 21—28 July, 1990; готовится к печати. В записи Готье речь идет, вероятно, о вышеупомянутом Кооперативном товариществе издательского дела.

[89] *Сергиев* (или Сергиевский) *Посад* — безуездный город (с 1782 г.) Дмитровского уезда Московской губернии около Троице-Сергиевой лавры, в 71 км к северо-востоку от Москвы по Ярославскому направлению. Образован из подмонастырских слобод в 1768 г. После Октябрьского переворота прибежище выдающихся религиозно-политических деятелей и ученых: Л. А. Тихомирова (1852—1923), В. В. Розанова (1856—февраль 1919), о. Павла Флоренского (см. ниже примеч. 98).

[90] Штатная улица (теперь ул. Академика Фаворского), расположенная на холме за монастырем, была населена людьми, состоявшими в штате монастыря; хозяева Готье были в прошлом монастырскими служащими.

[91] Вскрытие мощей производилось большевистскими властями по указанию Народного комиссариата юстиции от 1 марта 1919 г. в видах антирелигиозной пропаганды — в надежде, что останки святого окажутся истлевшими.

[92] *WellsH. G.* Mr. Britling Sees It Through (1916) — роман о жизни в Англии во время войны.

[93] *Самсонов Александр Васильевич* (1859—1914) — генерал от кавалерии, в начале мировой войны командующий 2-й армией Северо-Западного фронта. Погиб в конце неудачной Восточнопрусской операции 14 августа — 2 сентября 1914 г. (возможно, застрелился).

Ренненкампф Павел-Георг Карлович фон (1854—март 1918, расстрелян по приговору ревтрибунала за несколько месяцев до официального объявления «красного террора») — генерал-адъютант, генерал от кавалерии, в начале мировой войны командовал 1-й армией Северо-Западного фронта. Вопрос о вине за поражение в Восточно-Прусской операции остается спорным. Официально основная вина была возложена на Ренненкампфа, который был уволен с театра войны, а в октябре 1915 г. совсем уволен от службы. Главнокомандующий войсками Северо-Западного фронта генерал Жилинский (см. примеч. 105 за 1918 г.) тоже был удален с театра военных действий и послан российским представителем в союзный военный совет в Париж.

[94] Дети профессоров Московской духовной академии Н. Ф. Каптерева (1847—1917), профессор всеобщей истории (с 1910 г. член-корр. АН; депутат 4-й Государственной думы, прогрессист) и А. П. Голубцова (1860—1911), профессор церковной археологии и литургики: *Каптерев Павел Николаевич* (1889—?) — философ и историк естествознания, в 1920-е гг. работал в Государственной академии художественных наук, тогда же (?) профессор Московского университета. В 1933(?) г. арестован по «делу» о вымышленной «национал-фашистской» организации (см. ниже примеч. 98); находясь в заключении в Бамлаге, в 1934 г. работал на Сковородинской (теперь в Амурской обл.) мерзлотной научно-исследовательской станции; после освобождения (до 1940 г.) вернулся в Москву, продолжал заниматься научной работой. *Каптерев Сергей Николаевич* (?—?) — тогда же арестован по тому же «делу». Реабилитирован в 1958 г. *Голубцов Иван Александрович* — см. примеч. 112 за 1918 г. Возможно, Готье имеет в

виду и младших детей А. П. Голубцова, Марию Александровну (филолога, автора воспоминаний о Ключевском) и Сергея Александровича (1893—1930, историка, исследователя жизни и трудов Ключевского), прямых упоминаний о которых в дневнике нет. Слова Готье, что младшие Каптеревы и Голубцов(ы?) «перекочевали в Москву», вероятно, означают, что они не служили в духовной академии, хотя жили, кажется, в Сергиевом Посаде (возможно, не круглый год).

[95] *Вифания* — здесь Спасо-Вифанский мужской монастырь, основанный в 1783 г., в 3 км к юго-востоку от Троице-Сергиевой лавры. Здесь сохранялся гроб, в котором был первоначально похоронен преподобный Сергий Радонежский, и находилась известная Вифанская духовная семинария.

[96] То есть успех армий адмирала Колчака.

[97] На вятском направлении с 4 марта наступала Сибирская армия генерала Гайды. Для противодействия ей 10 апреля была образована Северная группа войск (командующий полковник В. И. Шорин, 1870—1938? — погиб в заключении) Восточного фронта (с 28 сентября 1918 г. командующий войсками фронта полковник С. С. Каменев, 1881—1936). Как народный комиссар по военным и морским делам (с 8 апреля 1918) и председатель Революционного военного совета (с момента его образования 6 сентября 1918 г.), Л. Д. Троцкий был высшим руководителем всех действий Красной Армии. В своем поезде (бывшем императорском) он часто выезжал на фронты гражданской войны, особенно туда, где создавались критические для Красной Армии ситуации.

[98] *Флоренский Павел Александрович* (1882—1937, расстрелян) — выдающийся богослов, философ и ученый с широчайшим кругом интересов и исследовательской деятельности. С 1911 г. священник, 1912—1918 — профессор Московской духовной академии. В описываемое время председатель комиссии по научному описанию художественных ценностей Лавры, которые он старался спасти. После ареста и кратковременной ссылки в 1927 г., был вновь арестован в 1933 г. по «делу» о вымышленной «контрреволюционной национал-фашистской Партии Возрождения России». Партия эта якобы возникла из уцелевших от разгрома остатков «монархической организации Всенародный Союз борьбы за возрождение России», возглавлявшейся академиком Платоновым и ликвидированной ОГПУ в 1930 г., той самой «организации», в принадлежности к которой обвинялся и Готье. См.: Огонек № 45, ноябрь 1990.

[99] *Малый совнарком* — рабочий орган при СНК (созданный по образцу Малого совета Временного правительства), состоявший из нескольких комиссаров или их заместителей, для решения менее важных вопросов или подготовки дел к рассмотрению в СНК. Председателем Малого СНК в 1919—1920 гг. был М. Ю. Козловский (1876—1927).

[100] *Сергей Александрович* (1857—1905) — великий князь, сын Александра II, генерал-адъютант, генерал-лейтенант. Член Государственного совета; с 1891 г. до начала 1905 г. московский генерал-губернатор, с 1896 г. также командующий войсками Московского военного

округа. Имел репутацию реакционера. Убит Каляевым 4 февраля 1905 г. в Кремле, в северной части Сенатской площади, неподалеку от Никольских ворот. На месте убийства был установлен крест работы В. М. Васнецова.

[101] *«Эрмитаж»* — известный ресторан на Петровском бульваре, недалеко от Трубной площади. Здесь студенты и профессора Московского университета обычно праздновали Татьянин день.

[102] *Коровин Евгений Александрович* (1892—1964) — юрист, специалист по международному праву. Окончил Московский университет в 1915 г. Член КДП; сотрудничал в прогрессистской газете «Утро России». После Февральской революции сторонник внешней политики Временного правительства (см. его: Внешняя политика обновленной России. М., 1917). В дальнейшем беспартийный национал-большевик, видный участник и апологет советской политики в области международного права.

[103] Армий адмирала Колчака. 12 апреля они заняли Бугульму (уездный город Самарской губ., теперь в Татарской республике), Сарапул (уездный город Пермской губ., теперь в Удмуртской респ.) и Орск (уездный город Оренбургской губ.); 14 апреля — Ижевск, 18 — Бугуруслан (уездный город Самарской губ., теперь в Оренбургской обл.).

[104] *Вильна* — традиционное русское написание и произношение названия города (*белор.* Вільня, *пол.* Wilno, *нем.-евр.* [идиш] Вилнэ, *лит.* Vilnius). В конце XIX — начале XX вв. относительное большинство (более 40 %) населения города составляли евреи, на втором месте были поляки; сельское население окрестностей до сих пор в большинстве поляки. Правительство независимой Польши считало Виленский край частью не только исторической, но и этнической польской территории. Вильна была занята польскими войсками 19—21 апреля.

[105] Вероятно, речь идет об обороне Оренбурга Южной группой армий (с 5 марта командующий М. В. Фрунзе) Восточного фронта от наступавших на него Южной армейской группы под командованием генерал-майора Г. А. Белова и Оренбургской армии (командующий атаман Оренбургского казачьего войска генерал-лейтенант А. И Дутов). Бои за Оренбург начались 20 апреля и продолжались до середины июня.

[106] *Тихомиров Александр Андреевич* (1850—1931) — зоолог, окончил СПб. университет по юридическому факультету и Московский по физико-математическому; 1899—1904 — ректор Московского университета, 1911—1917 — попечитель Московского учебного округа. Имел репутацию консерватора; как администратор был сторонником жесткой дисциплины и противником «студенческого движения» и «прогрессивных» профессоров.

[107] *Воскресенск* (с 1930 г. Петра) — заштатный город Звенигородского уезда Московской губ. около 70 км к западу от Москвы по Московско-Виндавской ж. д. (теперь рижское направление Московской ж. д.). Сходство, о котором говорит Готье, усиливалось тем, что Воскресенск, как и Сергиев Посад, вырос у стен старинного монас-

тыря (Воскресенского Новоиерусалимского, основанного патриархом Никоном).

108 *«Они»* — очевидно, назначенные профессорами коммунисты.

МАЙ

109 С 29 апреля в боях под Оренбургом было затишье (до 10 мая).

110 24 апреля Олонецкая добровольческая армия (около 2 тыс. финских добровольцев) заняла Олонец (уездный город Олонецкой губ. близ вост. берега Ладожского озера, теперь в Карельской республике) и подошла к Лодейному Полю (уездный город той же губернии в 244 км от Петрограда по Мурманской ж. д., теперь в Ленинградской обл.). Целью финских добровольцев была помощь движению среди местных карел за присоединение к Финляндии (более 70% населения Олонецкого уезда составляли карелы-ливвики, большинство финляндских карел тоже ливвики); эта помощь дала им возможность создать недолговечное Олонецкое правительство. Большевистские власти усмотрели в этом угрозу Петрограду. Губернии Петроградская, Олонецкая и Череповецкая (бывшая северо-восточная часть Новгородской губ., теперь в составе Вологодской, Ленинградской и Новгородской областей) были объявлены на осадном положении, создан Комитет рабочей обороны Петрограда. 6 мая Красная Армия взяла Олонец.

111 *Пименовский переулок* — Нововоротниковский (с XIX в.; Готье употребляет название начала XVIII в.) в районе Пименовской (с 1929 г. Краснопролетарской) улицы (последняя — продолжение Петровки и Каретного ряда к северу, за Садовым кольцом).

112 Бумажные деньги, печатавшиеся в огромном количестве (иногда до 5 млн. руб. в день) Временным правительством.

113 Красная Армия перешла в контрнаступление на южном участке Восточного фронта 28 апреля, но, до того как она добилась серьезных успехов, Сибирская армия, продолжавшая наступление на северном участке фронта, 4 мая заняла Елабугу (уездный город Вятской губ., теперь в Татарской республике).

114 Контрнаступление Южной группы армий Восточного фронта под командованием Фрунзе (начальник штаба подполковник В. С. Лазаревич, 1882—1938, расстрелян) против Западной армии (командующий генерал-лейтенант М. В. Ханжин) продолжалось успешно. 4 мая 5-я армия (с 5 апреля командующий поручик М. Н. Тухачевский) взяла Бугуруслан; 5 мая Западная армия оставила Сергиевск (пригород Бугурусланского уезда Самарской губ.) и начала отступление на Бугульму. В «интернациональных соединениях» Красной Армии сражались десятки тысяч бывших военнопленных венгров. Возможно, из них состоял 222-й Интернациональный стрелковый полк, сформированный перед началом контрнаступления в Самаре, вошедший в состав 25-й стрелковой дивизии (начальник подпрапорщик В. И. Чапаев) и отличившийся в Бугурусланской операции.

115 7 мая «Известия» перепечатали из берлинской газеты «Голос

России» (близкой к правым эсерам) отрывки из выступления Черчилля (бывшего в это время военным министром и министром авиации в правительстве Ллойд Джорджа) в Палате общин 25 марта, в котором он дал общий обзор военных действий на фронтах гражданской войны в России, обращая особое внимание на британскую интервенцию.

116 Речь идет об условиях будущего Версальского мирного договора; условия, касающиеся России, свидетельствовали о том, что союзники продолжали в какой-то степени заботиться о ее интересах.

117 *Соловьев Сергей Михайлович* (1820—1879) — знаменитый историк, учитель Ключевского, в 1871—1877 ректор Московского университета.

118 На востоке Сибирская армия продолжала наступать на Уржум (уездный город Вятской губ.) и Мамадыш (Казанской губ., теперь в Татарстане), которые ей, однако, взять не удалось; в то же время Южная армейская группа Восточного фронта Красной Армии наступала на Бугульму (взята 13 мая) и Белебей (взят 17 мая). На юге, где Вооруженные силы Юга России занимали весь Северный Кавказ, в начале мая Кавказская добровольческая армия (8 января—22 мая командующий генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель) 8 мая форсировала р. Маныч и продолжала теснить 10-ю армию (26 декабря 1918—25 мая 1919 командующий полковник А. И. Егоров) Южного фронта (24 января— 13 июля 1919 г. командующий полковник В. М. Гиттис), которая отступала на Царицын; но на р. Северский Донец три армии Южного фронта теснили Донскую армию (15 февраля 1919—27 марта 1920 г. командующий генерал В. И. Сидорин) и Донецкую группу войск генерал-лейтенанта В. З. Май-Маевского.

119 Григорьев поднял восстание против большевиков 7 мая. *Махно Нестор Иванович* (1889—1934) — анархист, в 1918—1921 предводитель многочисленных вооруженных отрядов, главным образом в Екатеринославской губ; трижды заключал соглашения с большевиками и разрывал их. О нем см.: *Palij Michael.* The Anarchism of Nestor Makhno. 1919—1921: An Aspect of the Ukrainian Revolution. Seattle, 1976; и *Malet Michael.* Nestor Makhno in the Russian Civil War. London, 1982.

120 *Волгин Вячеслав Петрович* (1879—1962) — профессиональный революционер, журналист, в молодости испытал влияние Рязанова; до 1914 г. меньшевик, 1917—1920 меньшевик-интернационалист, с 1920 г. большевик. В 1908 г. окончил Московский университет, ученик Виппера, по рекомендации которого был оставлен при университете, но, по-видимому, магистерского экзамена не сдал и диссертации не представил. С 1914 г. преподавал в Университете им. Шанявского, 1918—1919 — профессор Пролетарского университета при Социалистической академии. В 1919 г. был назначен членом Государственного ученого совета НКП (учрежденного декретом СНК 4 марта) и (о чем говорится в записи Готье) профессором Московского университета. В дальнейшем играл видную роль в подчинении Академии наук большевистским властям и внутренней большевизации. См.: «Гранат»; Звенья. 1.

Удальцов Александр Дмитриевич (1883—1958) — в 1913 г. окончил

историко-филологический факультет Московского университета (возможно, судя по тематике его позднейших работ, ученик Егорова), но, по-видимому, оставлен при университете не был. Брат известного московского большевика (с 1905 г.) И. Д. Удальцова (1885—1958), которому помогал в его революционной деятельности, но официально вступил в партию только в 1928 г.

[121] 13 мая со стороны Нарвы началось наступление на Петроград русского Северного корпуса (с января до 30 мая командир генерал-майор К. К. Дзерожинский), входившего (до 19 июня) в Эстонскую армию; тогда же началось наступление на Псков отряда полковника С. Н. Булак-Балаховича. В наступлении участвовали также две эстонских дивизиии; в Финском заливе наступающим оказывали поддержку суда британской эскадры. Им противостояли войска Западного фронта (19 февраля—22 июля командующий генерал-лейтенант Д. Н. Надежный).

[122] *Корш Мария Федоровна* (1809—1883) — сестра Е. Ф. Корша. О личности Грановского см.: *Гершензон М. О.* История молодой России. М., 1908; (2-е изд., М.; Пг., 1923).

[123] *Чупров Александр Иванович* (1842—1908) — видный экономист, статистик, публицист и общественно-политический деятель; участник Земского движения, долголетний сотрудник газеты «Русские ведомости». А. А. Мануйлов, преемник Чупрова на кафедре политической экономии и статистики Московского университета, был, как и Чупров, виднейшим представителем «народничествующего» крыла русской либеральной экономической и политической мысли. Вероятно, с этим связана оценка их Готье, который относился неприязненно к любым народническим тенденциям. См.: *Егоров Ю. Н.* История российской экономической науки XIX—XX вв. Симбирск, 1992.

[124] *Кассо Лев Аристидович* (1865—1914) — тайный советник, с 26 сентября 1910 г. главноуправляющий Министерством, с 1911 г. до смерти — министр народного просвещения. Произвольными распоряжениями, нередко нарушавшими автономию университетов, восстановил против себя либеральную профессуру (наиболее яркий пример протеста — массовый уход профессоров и преподавателей из Московского университета в 1911 г.). Несомненно, многих шокировало то, что противоправные распоряжения исходили от юриста. Тихомиров имел возможность близко наблюдать поведение Кассо в 1899—1904, когда Кассо был профессором гражданского права в Московском университете, а Тихомиров ректором университета, и в 1911—1914, когда, как попечитель Московского учебного округа, Тихомиров оказался подчиненным Кассо.

[125] 15 мая Северный корпус занял на псковском направлении Гдов (тогда уездный город Петроградского губ.), а 17-го на петроградском Ямбург (тоже уездный город, в 138 км к юго-западу от Петрограда по Балтийской ж. д.; с 1922 Кингисепп). В последующие дни наступление на Петроград продолжалось.

[126] Новинский бульвар составляет часть Садового кольца к западу от Кремля.

127 Рига, бывшая до этого (со 2 января) в руках латвийского советского правительства (председатель присяжный поверенный Стучка), была 22 мая взята латышскими, немецкими и русскими (Либавский добровольческий стрелковый отряд полковника князя А. П. Ливена) добровольческими частями под общим командованием генерала фон дер Гольца. См. об этом воспоминания князя Ливена «В Южной Прибалтике» в сб. «Белое дело», кн. 3. Берлин, 1927.

128 25 мая Северный корпус занял Псков. На юге Кавказская армия генерала Врангеля, нанеся 19—21 мая поражение 10-й армии полковника Егорова у станицы Великокняжеской (с 1926 г. Сальск), 24-го форсировала р. Сал и продолжала наступление на Царицын. На Восточном фронте, наоборот, продолжалось контрнаступление Красной Армии на уфимском направлении.

129 Ироническое замечание автора касается университетских служащих, следивших за поведением студентов; должности инспекторов и педелей были упразднены после реформы 1905 г.

130 См.: Приложение 7.

131 Все трое — видные московские адвокаты. *Филатьев Г. В.* (?—?) — общественно-политический деятель, народный социалист, товарищ министра юстиции одного из составов Временного правительства. В момент Октябрьского переворота товарищ московского городского головы (см. его доклад об этих днях в «Воспоминаниях и дневниках» Мельгунова). С мая или июня 1918 г. член Союза возрождения; участвовал в совещании бывших членов Временного правительства у Прокоповича по вопросу о предполагавшейся конференции на Принцевых островах. Один из организаторов Тактического центра, хотя членом его не был; в августе 1920 г. приговорен по делу ТЦ к 10 годам лишения свободы (во время следствия и на суде держался достойно), в 1921 г. освобожден по амнистии. В 1922 арестовывался в качестве свидетеля по делу ПСР. *Лидов, П. П.* (?—?) — в августе 1920 г. защитник на суде по делу Тактического центра. *Коссовский Максим Ильич* (?—?).

ИЮНЬ

132 30 мая Сибирская армия подступила к Глазову (уездный город Вятской губ., теперь в Удмуртской республике). 27 мая в Архангельске высадился британский отряд с заданием прикрывать эвакуацию британских войск, находившихся в городе и на Северном фронте (но летом принявший участие в наступательной операции). Решение об эвакуации было, по-видимому, принято Британским правительством еще в марте; американцы эвакуировались в июне.

133 Персонаж в комедии Островского «В чужом пиру похмелье», олицетворение самодурства.

134 *Подляшье* (*польск.* Podlasie) — историческое название местности по среднему течению Западного Буга, населенной преимущественно белорусами и украинцами и входившей в состав Гродненской губ. и соседних польских губерний; теперь в Гродненской и Брестской областях Белоруссии и в приграничных воеводствах Польши.

[135] Под Петроградом фронт приближался к Ораниенбауму (с 1948 Ломоносов) и Гатчине; на юге Добровольческая армия (22 мая—27 ноября 1919 командующий генерал Май-Маевский) 4 июня заняла Славянск (заштатный город Изюмского уезда Харьковской губ., теперь в Донецкой обл. Украины). Но на Восточном фронте Красная Армия 9 июня взяла Уфу.

[136] Наступление на Петроград продолжалось до 20 июня. На юге Донская армия, прорвавшая 24 мая Южный фронт у ж.-д. станции Миллерово (в 253 км к северу от Ростова-на-Дону) и продолжавшая наступление, 8 июня соединилась с крупными (до 30 тыс. человек) силами восставших в тылу Красной Армии донских казаков (так называемое Вешенское восстание, начавшееся еще в марте).

[137] О крестьянских восстаниях во время гражданской войны см.: *Френкин М.* Трагедия крестьянских восстаний в России 1918—1921 гг. Иерусалим, 1987.

[138] *Леонтий* (в миру Лебединский Иван Алексеевич, 1822—1893) — с 1891 г. митрополит Московский.

[139] *Новый Оскол* — уездный город Курской губ., теперь в Белгородской обл. Царев — уездный город Астраханской губ. (бывший Сарай-Берке, столица Золотой Орды), теперь село в Ленинском р-не Волгоградской обл., в нескольких кмилометрах к востоку от г. Ленинска.

[140] 13 июня на мирной конференции в Париже закончилось обсуждение поправок к проекту мирного договора с Германией (союзники сделали незначительные уступки).

[141] *Астров Николай Иванович* (1868—1934) — видный московский юрист и общественно-политический деятель, левый кадет, член ЦК КДП. Окончил Московский университет, был мировым судьей, городским секретарем (т. е. главой аппарата городской управы), гласным городской думы (возглавлял Прогрессивную группу). Во время мировой войны был инициатором создания Всероссийского союза городов и членом его ЦК. После Февральской революции городской голова (до июньских выборов); в июле намечался в состав Временного правительства. Затем член Совета общественных деятелей, Правого центра (твердо держался союзнической ориентации), Союза возрождения, Национального центра (один из инициаторов); летом 1918 направлен на юг. 23 сенября. Уфимским государственным совещанием избран в состав Временного всероссийского правительства (так называемой «Уфимской директории»), но фактически в него не вошел, так как находился на юге, где был членом Особого совещания при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (игравшего роль правительства) в Екатеринодаре (с 1920 г. Краснодар) В 1920 г. эмигрировал, жил в Праге, где и умер. Оставил «Воспоминания» (Париж, 1940). Харьков в описываемое время находился в руках красных.

[142] Екатеринбург был взят Красной Армией значительно позже, 15 июля. Екатеринослав (с 1926 г. Днепропетровск) в течение первой половины 1919 г. несколько раз переходил из рук в руки: находившийся до этого в руках «петлюровцев», он 26 января был взят Красной Армией, в марте Григорьевым, 14 мая опять красными.

[143] Воспоминания А. А. Тихомирова, по-видимому, не опубликованы. *Ванновский Петр Семенович* (1822—1904) — генерал-адъютант, генерал от инфантерии, 1881—1898 — военный министр (провел много положительных реформ); с 1898 г. член Государственного совета. 25 марта 1901 г. (после убийства Боголепова) — 11 апреля 1902 г. — министр народного просвещения; начал реформу высшего и среднего образования (отчасти подготовленную при его предшественнике), направленную на их «модернизацию» и «демократизацию» (в частности, почти полное устранение из учебных планов гимназий греческого языка, сближение учебных планов гимназий и реальных училищ); ушел после убийства министра внутренних дел Д. С. Сипягина. См.: *Alston Patrick L.* Education and the State in Tsarist Russia. Stanford, 1969; ОИЭ. 1.

[144] Подписание Версальского мирного договора состоялось 28 июня.

[145] *Стессель Анатолий Михайлович* (1848—1915) — генерал-лейтенант, в русско-японскую войну начальник Квантунского укрепленного района; решением суда был в 1908 г. признан главным виновником сдачи Порт-Артура. В архиве Стесселя (Отдел рукописей ГБР, ф. 289, 1.10/1,2) сохранились его воспоминания и дневник за время русско-японской войны.

[146] Поводом для арестов послужило, по-видимому, начало раскрытия Национального центра.

[147] Выражение Троцкого.

[148] Харьков был занят Добровольческой армией (генерал Май-Маевский) 25 июня.

[149] 28 июня Добровольческой армией был занят Екатеринослав, а 30-го Кавказской армией (генерал Врангель) Царицын.

ИЮЛЬ

[150] Курск был занят Добровольческой армией гораздо позже, в сентябре.

[151] 3 июля, прибыв в Царицын, генерал Деникин отдал директиву о наступлении широким фронтом на Москву. Упоминаемые города (уездные города Курской, Воронежской и Саратовской губерний) находились на трех главных направлениях наступления.

[152] Правительство независимой Польши стремилось восстановить Польское государство в его исторических границах (т. е. до первого раздела в 1772 г.) и старалось занять польскими войсками как можно большую часть этой территории. К началу июля 1919 г. линия фронта проходила к западу от Минска (примерно по линии, по которой Рижским мирным договором 1921 г. была проведена восточная граница Польши). Вскоре возобновилось наступление польской армии, и 8 августа она заняла Минск.

[153] *Богодухов* — уездный город Харьковской губ.

[154] К востоку от Пскова наступление против частей Западного фронта (22 июля 1919 — 29 апреля 1920 командующий полковник

В. М. Гиттис) вела Северо-Западная армия (19 июня — 2 октября 1919 г. командующий генерал-майор А. П. Родзянко; см. его «Воспоминания о Северо-Западной армии». Берлин, 1921), в которую был развернут Северный корпус, и 2-я эстонская дивизия.

155 *Елец* — уездный город Орловской губ. (теперь в Липецкой обл.), Валуйки — уездный город Воронежской губ. (теперь в Белгородской обл.); в обоих важные узловые ж.-д. станции.

156 С юга на воронежском направлении наступали части Донской армии (генерал Сидорин).

157 В Симеизе находится обсерватория (теперь астрофизическая), принадлежавшая Московскому университету.

158 *Преображенское, Черкизово, Лефортово* — исторические названия местностей в северо-восточной части Москвы. Сухаревка — разговорное название местности вокруг Сухаревской башни (снесенной в начале 1930-х гг.), стоявшей между Большой и Малой Сухаревскими площадями, в северной части Садового кольца. *Лосиный Остров* — лесной массив к северо-востоку от Москвы (с 1960 г. частично в черте города, теперь «природный национальный парк» под тем же названием).

159 *Козлов* — казначей Румянцевского музея.

АВГУСТ

160 *Камышин* (уездный город Саратовской губ. в 196 км к северу от Царицына; теперь в Волгоградской обл.) был взят Кавказской армией (генерал Врангель) 28 июля. Полтава была взята Добровольческой армией (генерал Май-Маевский) 29 июля, Киев — много позже, 31 августа. 8 августа Минск был занят польской армией.

161 Лига Наций ко всем этим военным действиям не имела и не могла иметь никакого отношения. Основанная Версальским мирным договором, она официально не существовала до вступления в силу этого договора 10 января 1920 г. (до этого только началось создание ее центрального аппарата в Женеве). Да и позже вмешательство в гражданскую войну в России могло бы быть предметом внимания Лиги только с целью ее прекращения.

162 Венгерская советская республика перестала существовать 1 августа с вынужденным уходом коммунистов из правительства.

163 *Маросейка* — улица к северо-востоку от Кремля, между Ильинскими Воротами и Бульварным кольцом. *Девичье Поле* — местность к юго-западу от Кремля, за Садовым кольцом. *Донская* — имеется в виду улица или площадь в Замоскворечье. *Страстной бульвар* — часть Бульварного кольца к северо-западу от Кремля, между Тверской и Петровкой.

164 По-видимому, этот эпизод остался неизвестным академику М. В. Нечкиной: о нем не упоминается в ее биографии Ключевского (Ключевский В. О. История жизни и творчества. М., 1974).

165 *Сумы* и *Обоянь* (уездные города соответственно Харьковской и Курской губ.) были взяты Первым армейским корпусом (с января 1919 командир генерал-майор А. П. Кутепов) Добровольческой

армии, Борисоглебск — Донской армией. Борисов (уездный город Минской губ.) был занят польской армией. Сообщение об оставлении Мозыря, кажется, было ошибочным. О Кутепове (1882—1930? — похищен из Парижа агентами ОГПУ) см.: Генерал Кутепов: Сб. статей. Париж, 1934, и вышеупомянутую книгу Б. В. Прянишникова «Незримая паутина».

166 17 августа было опубликовано постановление НКП «О преобразовании Петроградских высших учебных заведений», согласно которому 1-й, 2-й и 3-й петроградские университеты реорганизовались в единый Петроградский университет, все высшие экономические школы в Народнохозяйственный институт, все научно-учебные медицинские учреждения в Петроградскую Академию медицинских наук. Факультет восточных языков (наличием которого СПб. университет отличался от других российских университетов) был выделен из университета, в дальнейшем несколько раз преобразовывался и переименовывался, пока в 1944 г. не был возвращен в университет. В Москве востоковедение преподавалось в особом учебном заведении, Лазаревском институте восточных языков (теперь Институт стран Азии и Африки в составе Московского университета).

167 *Миролюбов Виктор Сергеевич* (1860—1939) — журналист и издательский деятель, с конца 1898 г. издатель «Журнала для всех», популярного ежемесячного журнала оппозиционного направления, выходившего в 1896—1906 гг. в СПб. В 1905—1906 гг. журнал сочувственно освещал революционные события; закрытый правительством, он в ноябре—декабре 1906 г. выходил как «Народная весть», а затем до конца 1908 г. как «Трудовой путь». Едва ли Миролюбов жил за границей до 1913 г., так как в 1911—1913 гг. он редактировал сборники «Знание», в 1911—1914(?) гг. фактически возглавлял редакцию журнала «Современник», а в 1912—1913 был редактором литературного отдела журнала «Заветы» (все эти издания выходили в СПб. и в известном смысле продолжали традицию «Журнала для всех»). В 1914—1917 гг. Миролюбов издавал «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (также в духе «Журнала для всех»); в апреле—ноябре 1917 г. сотрудничал в правоэсеровской газете «Воля народа». Позднее работал в Центральном кооперативном издательстве, редактировал журнал «Артельное дело».

168 *Ворожба* — важная узловая ж.-д. станция в северо-западном углу Харьковской губ. (теперь в Сумской обл.) — была взята корпусом генерала Кутепова. *Под Борисоглебском* — речь идет о начале рейда Мамонтова (см. след. примеч.).

169 Начало контрнаступления Красной Армии на южном фронте намечалось на 2—5 августа, но подготовка затянулась и сведения о приготовлениях дошли до противника. 10 августа 4-й Донской конный корпус (командующий генерал-лейтенант К. К. Мамонтов) прорвал фронт на стыке армейских групп полковника Шорина и генерала Селивачева в районе Новохоперска (уездный город Воронежской губ.) и начал глубокий рейд по тылам красных войск с целью их расстройства; 18 августа Мамонтов взял Тамбов. Несмотря на это, 14—15 августа и Шорин, и Селивачев перешли в наступление.

[170] К Гомелю и Орше (уездным городам Могилевской губ.) двигались части польской армии, в направлении на Дно (узловая станция на пересечении ж.-д. линий Петроград—Витебск и Рыбинск—Псков в Порховском уезде Псковской губ.) — Северо-Западная армия, к Киеву и Курску — части Добровольческой армии.

Гадяч (уездный город Полтавской губ.) был взят Добровольческой армией. Прорыв в сторону Тамбова и Козлова (теперь Мичуринск) — рейд генерала Мамонтова. Новый Оскол и Бирюч (уездные города Курской и Воронежской губ.) были взяты частями группы Селивачева в ходе наступления на Харьков.

[171] Московские высшие женские курсы, основанные Герье в 1872 г., были закрыты правительством во второй половине 80-х гг., а затем вновь учреждены в 1900 г.

Характеристику деятельности Герье в Московской городской думе см. в вышеупомянутых воспоминаниях Н. И. Астрова.

[172] Наступление к югу от Воронежа вела группа Селивачева, на Камышин — Особая группа Шорина.

[173] Камышин был занят 10-й армией (26 мая—28 декабря 1919 г. командующий подполковник Л. Л. Клюев, 1880—1943), входившей в группу Шорина; Валуйки — войсками группы Селивачева. Козлов был взят Мамонтовым 22-го, Елец — 31 августа. До Моршанска и Данкова (уездных городов Тамбовской и Рязанской губ.) казаки Мамонтова, кажется, не дошли.

[174] *Алатырь* — уездный город на северо-западе Симбирской губ. (теперь в Чувашской республике).

[175] *Волчанок* — уездный город Харьковской губ. на ж.-д. линии Белгород—Купянск. Дойдя в своем наступлении на Харьков до Волчанска, войска группы Селивачева начали отступление. Селивачев Владимир Иванович (1868—1919) — генерал-лейтенант; в Красной Армии с декабря 1918 г. В описываемое время помощник командующего Южным фронтом и командующий армейской группой в составе фронта. Умер 17 сентября от тифа.

[176] Киев был взят частями Киевской группы (командующий генерал-лейтенант Н. Бредов) Вооруженных сил Юга России 30—31 августа. К Полоцку подходили польские войска. Псков был занят войсками Западного фронта (командующий 22 июля 1919—29 апреля 1920 г. полковник В. М. Гиттис, 1881—1938, погиб в заключении).

[177] *Родзянко Александр Павлович* (1879—?) — генерал-майор, служил в гвардии,во время мировой войны командовал бригадой на Северо-Западном фронте. 19 июня—2 октября 1919 г. командующий Северо-Западной армией, в которой затем служил под началом генерала Юденича. См. его: «Воспоминания о Северо-Западной армии». Берлин, 1921.

Ливен Анатолий Павлович, светлейший князь (1872—1937) — полковник; из старинного лифляндского дворянского рода латышского происхождения. Служил в гвардии, рано ушел в отставку, но в начале мировой войны вернулся в свой полк. В январе 1919 г. сформировал в Курляндии русский антибольшевистский отряд, позднее реорганизованный в 5-ю (Ливенскую) пехотную дивизию Северо-За-

падной армии, которая в июне 1919 г. отличилась в боях под Петроградом; сам Ливен по состоянию здоровья (в результате тяжелого ранения) в этих боях участия не принимал. См. его воспоминания «В Южной Прибалтике (1919 г.)» в сборнике «Белое дело». Вып. 3. Берлин, 1927.

Балахович — Булак-Балахович (собств. Бэй-Булак-Балахович) Станислав Никодимович (1883—1940), в описываемое время генерал-майор; офицер (кавалерист) военного времени (вступил в армию добровольцем). В начале гражданской войны примкнул к «красным», сформировал партизанский отряд, перешел со своим отрядом на сторону «белых», служил в Северо-Западной армии, затем в эстонской и польской. После окончания польско-советской войны 1920 г. пытался продолжать вооруженную борьбу против большевиков. Отличался склонностью к «партизанщине». О взаимоотношениях между различными военными деятелями на Северо-Западе см. воспоминания Родзянко и Ливена, а также полковника К. К. Смирнова «Начало Северо-Западной армии» в сб. «Белое дело». Вып. 1. Берлин, 1926, и штабс-капитана И. С. Коноплина-Горного «Крестоносцы (Письма о добровольческой борьбе на Западе)» там же. Вып. 4. Берлин, 1928.

178 Массовые аресты, начавшиеся в ночь с 28 на 29 августа, были связаны с раскрытием Национального центра. Когда зам. начальника Особого отдела ВЧК И. П. Павлуновский (1888—1940? — погиб в заключении; см.: Минувшее. 1, с. 184—185) 22 августа доложил Ленину о предстоящих арестах, тот (запиской Дзержинскому от 23 августа) распорядился «...на эту операцию обратить сугубое внимание... и поширe... захватить». Этой записки нет в ПСС; по-видимому, она была впервые опубликована в кн. «В. И. Ленин и ВЧК: Сборник документов (1917—1922 гг.)» (М., 1987). См.: Красная книга ВЧК, т. I и II, а также письмо Ленина Горькому от 15 сентября (опубликовано в ПСС в 1965 г.) и материалы в Известиях ЦК КПСС № 1 за 1989 и № 2 за 1990 гг..

Алферов Александр Данилович (?—1919) — видный московский общественный деятель, член КДП, гласный городской думы (член комитета Прогрессивной группы), один из основателей Всероссийского союза городов и член его ЦК, после Февральской революции член Комитета общественных организаций. Был близок к Национальному центру, хотя, кажется в него не входил. Арестованы были также его жена Александра Самсоновна (вместе с мужем руководившая частной женской гимназией, преобразованной в школу 76) и еще двое родственников, связанных с НЦ. *Плетнев Дмитрий Дмитриевич* (1872—1941?, погиб в заключении) — знаменитый врач-терапевт, профессор (Московского университета?), член КДП, вероятно, к этому времени отошедший от политической деятельности. Арестован был также его брат Борис Дмитриевич, тоже кадет, живший в Москве, но преподававший в Демидовском юридическом лицее в Ярославле (декретом СНК от 21 января 1919 г. преобразованном в университет); последний, не будучи членом Национального центра (кажется, входил в Совет общественных деятелей), был привлечен С. А. Котляревским к разработке проекта государственного управления

будущей России. *Самарин Александр Дмитриевич* (1868 или 1869—1932) — действительный статский советник, 1908—1915 — московский губернский предводитель дворянства, с 1912 г. член Государственного совета по назначению (группа правых), 1914—1917 — Главноуполномоченный Российского Красного Креста, с 5 июля по 25 сентября 1915 г. и. д. обер-прокурора Святейшего синода. Имел репутацию убежденного консерватора, антираспутинца. С 30 января 1918 председатель Совета Союза объединенных приходов Православной Церкви. 15 августа был арестован по делу Союза; в январе 1920 г. Московским губернским трибуналом приговорен к расстрелу, «но ввиду победоносного заключения борьбы с интервентами» суд нашел «возможным заменить эту меру заключением его в тюрьму впредь до окончательной победы мирового пролетариата над мировым империализмом». Освобожденный в марте 1922 г., вновь арестован осенью 1925 и весной 1926 г. сослан в Якутию, откуда вернулся в 1929 г.; не получив разрешения жить в Москве, последние годы прожил в Костроме. См. о нем Память, Вып. 3 (Москва, 1978 — Париж, 1980). *Шипов Дмитрий Николаевич* (1851—1920) — видный общественно-политический деятель, действительный статский советник. Один из виднейших участников (с 1877 г.) и руководителей земского движения, с 1900 председатель Московской губ. земской управы. В 1905 один из основателей Союза 17 октября, в 1906 г. — Партии мирного обновления. В 1907—1909 — член Государственного совета по выборам от моск. земства. С 1911 г. отошел от политической деятельности. Пользовался большим моральным авторитетом в либеральных кругах. Один из организаторов и первый председатель Национального центра. По-видимому, был арестован раньше (в мае 1919? г.); умер в Бутырской тюрьме. *Первушин Сергей Александрович* (1888—?) — экономист, в описываемое время профессор экономического отделения факультета общественных наук Московского университета. В Национальный центр он, по-видимому, не входил. *Будинов Дмитрий Тимофеевич* (1875—?) — врач-радиолог. В «Красной книге ВЧК» он не упоминается, как и Ю. И. Базанов, о котором никаких сведений найти не удалось. *Мать и дочь Кареевы* — возможно, жена и дочь видного историка и социолога, профессора Петроградского университета и член-корреспондента (позднее почетного члена) Академии наук Н. И. Кареева (1850—1931), который одно время был членом ЦК КДП и кадетской фракции в 1-й Государственной думе. *Винкельман Наталья Андреевна* — заведующая 6 городской школой вышивания. Ни о ней, ни о Кареевых упоминания в «Красной книге» нет.

СЕНТЯБРЬ

179 Контрнаступление Красной Армии на Южном фронте продолжалось до 25—27 августа, но уже 26 августа началось новое наступление деникинских войск, на первом этапе которого Добровольческая армия генерала Май-Маевского оттеснила группу Селивачева.

180 Здесь и далее цитаты из Тэна сверены по изданию: Taine H. Sa vie et sa correspondance. 4-e éd. (Paris, 1905). Замечания в скобках и курсив принадлежат Готье. «Между жуликами наверху и жуликами внизу честные, думающие люди окажутся раздавленными» (1, 170).

181 *А. И. Огнев* — вероятно, сын профессора И. Ф. Огнева (см. ниже примеч. 198).

182 *Ульянов Дмитрий Ильич* (1874—1943) — младший брат Ленина; с апреля 1919 г. зам. председателя СНК и нарком здравоохранения и социального обеспечения Крымской советской республики, с июня вместе с другими членами крымского правительства находился в эвакуации в Москве.

183 Речь идет о списке членов Национального центра, найденном при обыске 28 августа у А. Д. Алферова. При одновременном обыске у Щепкина был найден архив этой организации. *Авинов Николай Николаевич* (?—1937) — бывший член Московской городской управы; товарищ министра внутренних дел во втором (так называемом первом коалиционном) составе Временного правительства, и. д. министра во время правительственного кризиса 3—23 июля. Затем работал в комиссии по выборам в Учредительное собрание; после Октябрьского переворота арестован, но вскоре освобожден. Преподавал финансовую науку в Московском коммерческом институте; позже возглавлял топливный кооператив. Расстрелян в ноябре 1937 г. *Леонтьев Сергей Михайлович* (1879 или 1880—?) — видный общественно-политический деятель, член КДП, окончил историко-филологический факультет Московского университета. До мировой войны земский деятель в Ярославской губ., с начала 1915 г. зав. отделом заказов Главного комитета по снабжению армии Всероссийского земского и городского союза. После Февральской революции товарищ министра внутренних дел в первом составе Временного правительства; в июле вернулся на прежнюю должность в Земгоре. С весны 1918 г. член коллегии Центрального кооперативного товарищества плодоводов и огородников, где работал до ареста (в феврале 1920 г.). С октября 1917 г. член Совета общественных деятелей, с конца года зам. председателя Совета; с весны 1918 г. его представитель в Правом центре, где играл видную роль; с весны 1919 г. представитель СОД в Тактическом центре. В августе 1920 г. как один из главных руководителей последнего и член его военной комиссии приговорен к расстрелу с заменой 10 годами тюремного заключения; в 1921 г. освобожден по амнистии. Опять арестовывался во время процесса эсеров в 1922 г. См. его показания и другие материалы о нем в «Красной книге», а также «Воспоминания и дневники С. П. Мельгунова». Вып. 2. Париж, 1964. *Щепкин Николай Николаевич* (1854—1919) — выдающийся общественно-политический деятель, предприниматель. Долголетний гласный Московской городской думы; в 1890-е гг. — товарищ городского головы. Участник земско-городского движения; один из основателей КДП в Москве и руководителей московской группы левых кадет, член ЦК партии; тесно сотрудничал с С. А. Муромцевым и Ф. Ф. Кокошкиным в разработке основ конституционного строя. Депутат 4-й Государственной думы.

Во время войны один из учредителей Всероссийского союза городов, член его Главного комитета и особоуполномоченный на Западном фронте. После Февральской революции член Комитета общественных организаций в Москве, с 7 апреля председатель Туркестанского комитета, осуществлявшего власть Временного правительства на территории бывшего Туркестанского генерал-губернаторства, а также в Бухаре и Хиве. С весны 1918 г. один из организаторов и руководителей Союза возрождения и Национального центра; с начала 1919 г. председатель НЦ. С апреля 1919 г. представитель НЦ и СВ в Тактическом центре, член его военной комиссии, крупнейший руководитель антикоммунистического подполья в Москве. Арестован 27 или 28 августа; в заключении держался достойно, не скрывал своих взглядов. «Мой дед, — писал он в своих показаниях, — знаменитый актер М. С. Щепкин, — был крепостным и преемственно завещал нам идею борьбы со всяким крепостничеством, какими бы красивыми лозунгами оно ни прикрывалось». В конце сентября расстрелян без суда во внутренней тюрьме Особого отдела ВЧК. См. статью о нем Н. И. Астрова в сб. «Памяти погибших». Париж, 1930, «Воспоминания» Астрова и материалы «Красной книги».

184 Переговоры эстонского правительствава с большевиками начались 10 сентября. 26 августа в Риге состоялся военный совет, на котором было решено определить районы военных действий Северо-Западной и вновь образуемой Западной добровольческой армии. В Западную армию был преобразован (официально 5 сентября) Особый русский корпус, состоявший из навербованных в Германии бывших военнопленных и немецких добровольцев; командовать армией стал командир корпуса генерал-майор П. Р. Бермондт-Авалов (1877—?), придерживавшийся германской ориентации и отказавшийся подчиниться генералу Юденичу.

184а «Люди хотят мира, торговли, труда и благополучия для себя в данный момент и все более энергично протестуют против хода мыслей в голове какого-нибудь властителя, который приведет к убийству ста тысяч человек ради блага будущих поколений и ради сохранения господствующего положения» (II, 336). «12 (июля 1870 г.) я написал одной влиятельной особе (принцессе Матильде?), чтобы сказать ей, что мы будем объектом страстей 1813 года, что война неблагоразумна; почти все культурные люди думают как я» (III, 16). «У меня ощущение недугов общества так остро, что я поистине больше не восприимчив к прекрасному» (III, 27). «Вполне возможно, что, вернувшись в Париж, я буду писать настоящие политические статьи, несмотря на отвращение и неумение; надо, чтобы сейчас все взялись за дело; однако слово так слабо против установившегося порядка и национального характера! Ну что же, буду делать, что могу, к сожалению, без большой надежды; ты знаешь, что я думаю о нашей стране, и не первый уж год» (III, 480; 7 февраля 1871). «(21 марта) из-за невероятной тупости национальной гвардии и предательства армии мы попадаем в руки шпаны» (III, 68—69). «Печаль моя так глубока, а прогнозы столь унылы, что я предпочел бы об этом не говорить» (26 марта, III, 74). «Судя по моим разговорам с некоторыми хорошо

осведомленными лицами, в том числе одним, вернувшимся из Лондона, тут сыграли значительную роль махинации и деньги бонапартистов» (28 марта, III, 76—77). «У Коммуны не будет денег; вчера говорили об угрозах Банку; подвергнутся насилию крупные кредитные учреждения, финансисты, богатые люди; Коммуна будет принуждать их подписывать соглашения, многих захватят в качестве заложников; Коммуна окажется вынужденной совершать преступления» (30 марта, III, 81). «Как банкир, должностное лицо и т. д., они оказываются под угрозой; говорят, в Париже по подозрению арестовано полторы тысячи человек» (1 апреля, III, 85). «Сегодня разговор с преподавателем-естественником и со старым художником. Оба симпатизируют, или почти симпатизируют, восставшим. Это меня всегда поражает; непонятно, как умный человек может иметь такое слабое представление о праве и справедливости» (8 апреля, III, 99). «В Париже будет ужасная битва; у повстанцев очень решительные предводители» (17 апреля, III, 102). «Париж — ад кромешный; на днях какая-то ведьма обругала на улице мать одной дамы, которая сейчас здесь (в Туре), вышедшую из дому в очень простом платье: «Долой разодетых аристократов; скоро вас скинут» (30 апреля, III, 104). «Я ем и сплю хорошо, но борода у меня поседела» (5 мая, III, 107). «Два принципа, неизвестные во Франции, но пользующиеся всеобщим признанием и неуклонно применяемые во всех свободных странах: (1) когда большинство высказалось, честно и по существу подчиняться, не тая задней мысли о насильственном перевороте; (2) разрешать меньшинству говорить и печатать все, что ему угодно» (21 мая, III, 121). «Я только что узнал о парижских ужасах... Мерзавцы! Это — взбесившиеся волки» (25 мая, III, 128).

185 В ожесточенных боях под Царицыном 5—9 сентября Кавказская армия генерала Врангеля нанесла тяжелое поражение 10-й армии (26 мая—28 декабря командующий подполковник Л. Л. Клюев, 1880—1943?), входившей в группу Шорина.

185а «Всегда вероятно, что при всеобщем избирательном праве в апатичной стране власть попадет в руки деклассированных болтунов» (III, 172). «Существенно важно, чтобы просвещенные и зажиточные классы руководили невежественными и теми, кто перебивается со дня на день» (III, 173).

186 12 сентября в «Известиях» было напечатано короткое сообщение «из финских газет» о том, что войска генерала фон дер Гольца в Латвии готовят наступление внутрь России в направлении на Бологое. Войска эти описывались, как банда отступников, порвавших связь с Германией. Действительно, генерал фон дер Гольц вскоре (21 сентября) заключил соглашение с Русским западным правительственным советом, образованным около этого времени в Митаве (теперь Елгава) под председательством графа К. К. Палена, о включении своих частей (состоявших главным образом из германских и балтийско-немецких добровольцев) в Западную армию генерала Бермондт-Авалова. Наступление на Бологое не состоялось.

186а «Вы знаете, как я люблю Революцию; ибо для того, кто видит ее вблизи, это — восстание против людей мулов и лошадей под пред-

водительством «обезьян с глотками попугаев»; но и старый порядок не прекрасен...» (III, 266). «Единственное мое существенное положение направлено против произвольной и неограниченной власти, будь то толпы или отдельного лица. Человек или группа людей, если они деспотичны и не испытывают противовеса других властей, всегда становятся зловредными и сумасбродными» (III, 272—273). «Всеобщее избирательное право, которое всегда — незаживающая язва» (IV, 45; 24 марта 1878 г.).

«Я вас уверяю, что жирондисты Законодательного собрания при ближайшем рассмотрении непривлекательны; в основе — доктринерское и мальчишеское чванство, и до 10 августа они позволяют себе поступать так, как после 10 августа будут поступать с ними» (IV, 23; 28 июня 1879 г.).

187 Позднее Готье выполнил первый пункт этого плана в работах Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства (1925 г.) и «Железный век в Восточной Европе» (1930 г.) и работал над некоторыми другими пунктами (см. упомянутую в предисловии библиографию его трудов). Интересно, что исследования, намеченные в третьем пункте, были в значительной степени выполнены академиком Б. Д. Грековым (1882—1953), который в 1905—1907 гг. учился в Московском университете; возможно, Готье уже тогда указывал студентам на желательность таких работ.

188 *Тим* — уездный город Курской губ. (теперь рабочий поселок) в 65 км. к востоку от Курска.

189 То есть исторического отделения факультета общественных наук. По-видимому, Волгин был поставлен во главе отделения; позже он был главой факультета, а затем (с 1921 г.) и университета. «В учебном плане исторического отделения Факультета общественных наук в 1919/20 уч. г. отводилось второстепенное место изучению истории России, мимоходом изучались вопросы экономической политики Советского государства. В то же время читалось несколько курсов по истории религии и церковному праву» (Московский университет за 50 лет Советской власти. М., 1967. С. 55).

190 *Магницкий Михаил Леонтьевич* (1778—1855) — в 1819—1826 член Главного правления училищ Министерства духовных дел и народного просвещения и попечитель Казанского учебного округа. Рунич Дмитрий Павлович (1778—1860) — член Главного правления училищ и попечитель СПб. учебного округа. Оба были гонителями просвещения; их имена стали символами официального мракобесия.

191 23 сентября в «Известиях» был опубликован список 67 лиц, расстрелянных по распоряжению ВЧК (у Мельгунова — 66), среди которых и упоминаемые здесь Готье. По словам Мельгунова (в «Красном терроре в России», без указания источника), «по признанию самих большевиков расстреляно было по этому делу более 150». *Астров Александр Иванович* (1871—1919) — профессор Петровской Сельскохозяйственной академии, член КДП; во время мировой войны зав. одним из технических отделов Всероссийского союза городов. *Астров Владимир Иванович* (1872—1919) — мировой судья,

гласный Московской городской думы. *Волков Александр Александрович* (?—1919) — приват-доцент математики в Московском университете, профессор в ряде других высших учебных заведений; бывший земский деятель. Братья Астровы и Волков, по данным «Красной книги», не входили в Национальный центр, но оказывали техническую помощь Н. Н. Щепкину (Волков — в расшифровке шифрованных писем).

192 Курск был взят Добровольческой армией 20 сентября. Льгов — уездный город Курской губ., узловая ж.-д. станция; как и Курск, расположен на Сейме. Воронеж, взятый 11 сентября с налета генералом Мамонтовым, был им оставлен на следующий день.

193 *Щепкин Вячеслав Николаевич* (1863—1920) — выдающийся филолог-славист, палеограф, искусствовед. Коллега Готье по Московскому университету и Высшим женским курсам; с 1913 член-корр. Академии наук. См.: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды: Биобиблиографический словарь. Т. 1. Минск, 1976; Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиографический словарь. М., 1979. Братья Щепкины принадлежали к замечательной московской семье потомков знаменитого актера, давшей целую плеяду театральных, литературных, научных и общественных деятелей. Их отец (1820—1886) был известный издатель и книгопродавец, близкий знакомый Герцена, гласный городской думы; мать (родная сестра Н. В. Станкевича) — писательница; сестра (?) Екатерина Николаевна Щепкина (1854—?) — историк, педагог, участница и исследовательница женского движения. Их брат Евгений Николаевич (1863—1920), профессор всеобщей истории Новороссийского университета, к концу жизни истолковал дедовский завет иначе и в 1919 г. вступил в РКП(б). В числе родственников, о которых пришлось заботиться Вячеславу Николаевичу, были, вероятно, будущие актрисы Малого театра Елена Николаевна (1889—?) и ее дочь Александра Александровна (1917—?) Щепкины.

194 Дом графини Уваровой — дом 18 по Леонтьевскому пер. (между Тверской и Воздвиженкой), где помещался МК РКП (б) (до этого в нем находились ЦК и МК ПЛСР, в 20—30-х гг. Интернациональный клуб политэмигрантов им. Загорского.

Вечером 25 сентября там проходило совещание руководящих работников горкома и райкомов партии с участием пропагандистов и агитаторов, посвященное вопросам агитации в связи с раскрытием Национального центра и организации партийных школ. С главным докладом (по-видимому, вместо ожидавшегося, но не приехавшего Ленина) выступил Бухарин. Террористический акт, известный в исторической литературе как «взрыв в Леонтьевском переулке», привел к гибели 12 человек. В числе жертв был В. М. Загорский, член политкомиссии по руководству Центральным штабом отрядов особого назначения Москвы, в сентябре 1919 г. вместе с Дзержинским возглавлявший Комитет обороны Москвы (в его память в 1930 г. Сергиев Посад был переименован в Загорск). Раненых и контуженых было 55 человек, в том числе Бухарин (на собрании присутствовал и выступал с докладом Покровский, но от взрыва не пострадал).

[195] Взрыв был подготовлен «Всероссийским штабом революционных партизан», террористической организацией, в которую входили сторонники левого крыла ПЛСР и Всероссийской организации анархистов подполья; обе эти группы считали необходимой борьбу с «комиссаросамодержавием» и с большевистской партией, которая, по их мнению, предавала «завоевания Октябрьской революции». Анархисты, кроме того, объявили, что взрыв был местью за расстрел в Харькове в июне 1919 г. 8 членов штаба Махно. Инициатором и, по-видимому, главным организатором взрыва был Д. А. Черепанов (? —1920), левый эсер, кандидат в члены ЦК ПЛСР, с 20 марта до июля 1918 г. кандидат в члены президиума ВЦИК. Приняв деятельное участие в событиях 6—7 июля 1918 г., он скрылся и заочно ревтрибуналом при ВЦИК был приговорен к тюремному заключению на 3 года «с применением принудительных работ». Летом 1919 вместе со своими сторонниками из левого крыла ПЛСР исключен из партии (правомерности этого решения они не признали). После взрыва в Леонтьевском пер. опять скрылся; арестованный 17 февраля 1920 г., на допросе в тот же день Дзержинским, Лацисом и другими руководителями ВЧК показал, что решение о взрыве в здании МК было принято, в частности потому, что на собрании предполагалось присутствие «гражданина Ленина». По решению Московской ЧК расстрелян.

[196] *Золотухин* — ж.-д. станция между Орлом и Курском, в 100 с небольшим км к югу от Орла.

[197] *Ардатов* — здесь, вероятно, уездный город Симбирской губернии (теперь в Мордовской республике) в 116 км к северо-востоку от Саранска.

[198] *Огнев Иван Флорович* (1855—1928) — гистолог, в 1891—1914 (уволен Кассо) и 1917—1924 профессор Московского университета. Саводник Владимир Федорович (1874—1940) — литературовед, историк литературы и общественной мысли, поэт. Окончил историко-филологический факультет Московского университета, был учителем словесности и сотрудником библиотеки Румянцевского музея. Его учебники по истории русской литературы для средних школ пользовались большой популярностью и служили основными пособиями до конца 1920-х гг. (а в эмиграции и позже). Готье, вероятно, был знаком с ним со студенческих лет.

[199] *Малоархангельск* — уездный город Орловской губ. в 76 км к югу от Орла. *Нижнедевицк* — уездный город Воронежской губ., примерно в 70 км к западу от Воронежа.

[200] Похороны состоялись у кремлевской стены на Красной площади под лозунгами «расправы с контрреволюционерами» и «беспощадного красного террора». Выступали Каменев, Троцкий, Калинин, Зиновьев и другие видные коммунисты.

[201] Калитниковское кладбище, существующее с конца XVIII в., расположено к юго-востоку от центра города, за Таганской (офиц. Покровской, с 1919 г. Абельмановской) заставой.

[202] В административном и дисциплинарном отношениях прокуроры подчинялись генерал-прокурору, каковым был по должности министр юстиции.

[203] 11 сентября в «Известиях ВЦИК» было опубликовано постановление коллегии Отдела высшей школы НКП «Об организации рабочих факультетов при университетах», формально они создавались «в целях предоставления рабочим и крестьянам возможности фактически и широко использовать свое право поступления в высшие учебные заведения». В слушатели записывались лица, направляемые (часто без учета их желания) органами РКП(б), комсомола и т. п. организациями; немногие становились серьезными студентами, большинство отсеивалось (часто вследствие мобилизации на гражданскую войну, позднее на различные политические кампании).

Фактически «рабфаки» были одним из средств политизации и идеологизации высшей школы. Просуществовали до 1940 г. «Рабочий факультет» при Московском университете, о мерах по организации которого идет речь в дневнике, был открыт в октябре.

ОКТЯБРЬ

[204] *Рар Елизавета Львовна* (? — 1920) — двоюродная сестра автора, дочь его дяди Льва Владимировича Готье, жена А. А. Рара. В описываемое время находилась в заключении в Бутырской тюрьме (см. приложение 8). А. А. Рар был арестован 28 июня и, вероятно, все еще был в заключении.

[205] Статья в «Известиях» за подписью некоего Сергея Заревого (псевд.?) действительно производит впечатление сведения личных счетов. Автор утверждает, что Волков, в бытность его деятелем Ярославского земства, принадлежал к правым и держался оскорбительно по отношению к простому люду. Якобы среди левых земских служащих он был известен под кличкой «Сашка-каторга», так как из-за его доносов земские врачи и статистики лишались службы и арестовывались. Статья заканчивается словами: «Ярославцы скажут спасибо за его казнь». Известно, что Ленин неоднократно призывал к шельмованию в печати лиц, подвергавшихся преследованиям со стороны коммунистических властей, и эта практика получила впоследствии широкое распространение.

[206] *Ливны* — уездный город Орловской губ. в 140 км к юго-востоку от Орла. *Дмитриев* (теперь Дмитриев-Льговский) — уездный город Курской губ. в 110 км. к северо-западу от Курска. *Грязи* — важная узловая ж.-д. станция в 37 км к юго-востоку от Липецка. По словам Деникина в «Очерках русской смуты», эти действия Вооруженных сил Юга России объяснялись не столько общим планом командования, сколько положением на фронте.

[207] Воронеж был взят, по-видимому, 6 октября 3-м Кубанским казачьим корпусом генерал-лейтенанта (?) А. Г. Шкуро (1887—1947). *Усмань* — уездный город Тамбовской губ. (теперь в Липецкой обл.) на ж.-д. линии Воронеж—Грязи—Козлов примерно в 50 км к югу от Грязей. *Козлов* (с 1932 г. Мичуринск) расположен в 60 км к северо-востоку от Грязей. *Новохоперск* — уездный город Воронежской губ. на ж.-д. линии Харьков—Балашов.

«Красная Армия, находящаяся между Новохоперском и Камышином» — части Юго-Восточного фронта (в который 30 сентября была преобразована группа Шорина). Части эти в течение октября вели оборонительные бои, но отрезаны не были.

208 В этом направлении наступала входившая в корпус генерал-лейтенанта Кутепова Дроздовская дивизия (начальник полковник А. В. Туркул, ?—1957), взявшая уездные города Орловской губ. Дмитровск (с 1929 г. Дмитровск-Орловский) и Севск (теперь в Брянской обл.). В корпусе ходили слухи, что начальник его штаба генерал Е. И. Достовалов работает на большевиков и разбрасывает части корпуса веером, чтобы ослабить фронт. После гражданской войны генерал Достовалов открыто перешел на сторону большевиков.

209 *Гудовичи* — графский род, потомки генерал-фельдмаршала И. В. Гудовича (1741—1820), сподвижника Суворова. *Сабуровы* — старинный (с XIV века) московский дворянский род одного происхождения с Годуновыми. Возможно, зять графа П. С. Шереметева был сыном П. А. Сабурова (1835—?), дипломата, сенатора, известного археолога и собирателя древностей, или его брата А. А. Сабурова (1838—1916), либерального юриста и деятеля народного образования (1875—1880 — попечитель Дерптского учебного округа, 1880—1881 — управляющий Министерством народного просвещения), сенатора, члена Государственного совета.

210 Входившая в корпус генерала Кутепова Корниловская дивизия (начальник полковник Н. В. Скоблин) в ходе наступления на Орел взяла уездный город Орловской губ. Кромы в 41 км к юго-западу от Орла, что могло быть истолковано как попытка обхода его с запада (но см. также примеч. 208). *Скоблин Николай Владимирович* (1893—?), впоследствии генерал-майор, в эмиграции стал агентом ОГПУ—НКВД, в 1937 г. участвовал в похищении генерала Миллера; исчез в день похищения. См. о нем вышеупомянутую книгу Прянишникова «Незримая паутина». На Дону войска Юго-Восточного фронта вели оборонительные бои в районе станиц Усть-Медведицкой (с 1933 г. Серафимович) и Иловлинской (теперь обе в Волгоградской обл.) против Донской армии генерала Сидорина.

211 В библиотеку Румянцевского музея библиотека Московской духовной академии не поступила.

212 Новое наступление Северо-Западной армии (2 октября—28 ноября командующий генерал Юденич) началось 28 сентября. *Красное Село* — поселок (с 1925 г. город, с 1973 г. в черте г. Ленинграда) в 25 км к юго-западу от Петрограда; до 1917 г. здесь была летняя царская резиденция и летний лагерь гвардейского корпуса и других частей столичного гарнизона. Взято войсками Юденича 16 октября. В тот же день была взята Гатчина, другая царская резиденция, узловая ж.-д. станция в 45 км к ю. от Петрограда.

213 Орел был взят Корниловской дивизией 13—14 октября; до Мценска (уездного города Орловской губ. в 52 км к северо-востоку от Орла по ж.-д. на Тулу) белые войска не дошли. Между Воронежем и Волгой Красная Армия отступила до Хопра.

Киев занимался частями 12 армии (10 сентября 1919—10 июня 1920 г. командующий капитан С. А. Меженинов, 1890—1937? — расстрелян?) 13—14 октября, но был опять взят Киевской группой Добровольческой армии.

214 *«Берег»* — московская оборонительная линия по Оке в XIV—XVII вв. Графская — узловая станция на ж.-д. линии Воронеж—Козлов в 41 км. к северо-востоку от Воронежа.

215 *Волк-Карачевский В. В.* (?—1919) — общественно-политический деятель, видный член народно-социалистической партии; депутат 2-й Государственной думы, лидер ее народно-социалистической фракции. Один из создателей Союза возрождения (заседания которого устраивались на его квартире) и организаторов Тактического центра, хотя членом последнего не был. Арестован в квартире Н. Н. Щепкина, где после ареста хозяина была устроена засада.

216 Небольшая книга Готье (152 стр.) «Смутное время. Очерк истории революционных движений начала XVII столетия» вышла в 1921 г.

217 *Берендеево* — ж.-д. станция примерно в 140 км к северо-востоку от Москвы.

218 *Фастов* — город в Васильковском уезде Киевской губ., узловая ж.-д. станция в 57 км к юго-западу от Киева.

219 Ж.-д. станция Малая Вишера расположена в 162 км от Петрограда.

220 Контрнаступление войск Южного фронта 11 октября 1919 г. — 10 января 1920 г. (командир полка А. И. Егоров, 1883—1939? — расстрелян?) началось 11 октября. Орел был взят 20 октября, Воронеж — 24-го.

221 Митрополиты Московские, известные книжники. *Платон* (в миру Левшин Петр Егорович, 1737—1812) — выдающийся церковный деятель, духовный писатель и проповедник, педагог, историк, 1766—1770 — архимандрит Троице-Сергиевой лавры, с 1775 митрополит. *Филарет* (в миру Дроздов Василий Михайлович, 1783—1867) — митрополит с 1825 г.; влиятельный церковный и общественный деятель, духовный писатель, проповедник, переводчик. Один из основателей и вице-президентов Российского библейского общества, руководил работой по переводу на русский язык текстов Св. Писания. Составил манифест 19 февраля 1861 г. об отмене крепостного права. *Макарий* (в миру Булгаков Михаил Петрович, 1816—1882) — знаменитый богослов, церковный историк (автор классических трудов по догматическому богословию и истории русской церкви), проповедник, церковный и общественный деятель (поборник реформы духовного образования и церковного суда). С 1842 г. профессор, 1850—1857 ректор СПб. духовной академии, с 1857 г. ее почетный член; с 1854 г. ординарный академик (действительный член) Академии наук; действительный или почетный член многих ученых обществ. Митрополит с 1879 г. Принимал деятельное участие в пушкинских торжествах 1880 г., при открытии памятника выступил с проповедью. Имел репутацию просвещенного и гуманного иерарха, подвергался травле со стороны реакционеров и мракобесов.

222 Контрнаступление войск Западного фронта (22 июля 1919 — 29 апреля 1920 командующий полковник В. М. Гиттис) началось 20 октября. 7-я армия (17 октября—17 ноября командующий генерал-лейтенант Д. Н. Надлжный, 1883—1945) 23 октября заняла Царское Село, 26-го Красное Село. 15-я армия (22 октября 1919 г. — 26 октября 1920 г. командующий подполковник А. И. Корк, 1887—1937, расстрелян) 31 октября взяла Лугу. На юге Орел был взят 20 октября, Новосиль — 23-го, Кромы и Лиски — 26-го. 27-го (?) началось наступление на юго-западе от Ельца.

223 При конфискации частных библиотек научным работникам (как видно, с соизволения начальства и на определенный срок) разрешалось оставлять ограниченное число книг по их специальности, нужных им для работы. На эти книги и выдавалась «охранная грамота».

224 «Дальнейшее — молчание» (*англ.*, выражение Гамлета, V, 2).

225 Вероятно, одно из наиболее ранних упоминаний практики «добровольно-принудительного» участия в демонстрациях 7 ноября.

226 Документ этот в архиве не найден, и о чем идет речь, не ясно.

227 «Частные сведения» ввели автора в заблуждение. В действительности на юге в первой половине ноября шли бои, в основном определившие судьбу Вооруженных сил Юга России. Общая инициатива принадлежала красным: 13-я армия (16 апреля 1919 г. — 18 февраля 1920 г. командующий штабс-ротмистр А. И. Геккер, 1888—1938?, расстрелян?), 14-я армия (6 октября 1919 г. — 24 февраля 1920 г. командующий подпоручик И. П. Уборевич, 1896—1937, расстрелян) и отдельный конный корпус (командир старший унтер-офицер С. М. Буденный, 1883—1973) продолжали наступать. Белые отступали с боями и не раз предпринимали успешные контратаки. До 14 ноября красными были взяты Ливны, Севск, Щигры, Дмитриев; 14-го Фатеж, 15—16-го Касторная (важная узловая ж.-д. станция на пересечении линий Елец—Валуйки и Воронеж—Курск), наконец, 17-го Курск, Льгов и Тим.

228 *Кунцево* — дачный поселок в 11 км к западу от Москвы по Александровской ж. д. (теперь Белорусское направление Московской ж. д.); с 1925 г. город; с 1960 г. в черте города Москвы.

229 *Муравьев Николай Константинович* (1870—1936) — видный московский адвокат; выступал защитником по политическим делам как до, так и после 1917 г. (в частности, в 1920 по делу Тактического центра, в 1922 г. по делу ЦК ПСР). По своим политическим взглядам был близок к социал-демократам. С 8 марта 1917 г. председатель Чрезвычайной следственной комиссии при министре юстиции по расследованию противозаконных по должности действий бывших министров и других высокопоставленных лиц (материалы ее см. в кн. «Падение царского режима», т. 1—7. Л.; М., 1924—1927); в июне докладывал о деятельности комиссии на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. С 1921 (?) г. участвовал в работе Юридической подсекции Общества бывших политка-

торжан и ссыльнопоселенцев. С середины 20-х гг. член Московской городской коллегии защитников. Комитет помощи политическим заключенным (разг. «Полит. Красный Крест») действовал с февраля 1918 (?) до 1937 г.; помогал главным образом социалистам и анархистам. Председателем комитета была Е. П. Пешкова (1876 или 1878—1965), бывшая жена Горького, почетным председателем — В. Н. Фигнер (1852—1942). Сходные организации существовали в Петрограде, Полтаве и Харькове. См.: сб. «Память», Вып. 1 и 3.

230 Вероятно, имеется в виду Покровский.

231 *Щелково* — село в Осеевской волости Богородского уезда (с 1925 г. город) в 36 км к северо-востоку от Москвы по Монинской ветке Ярославского направления; с конца XVIII — начала XIX вв. центр крупного гнезда текстильной (сначала главным образом шелковой) промышленности, фабрика Рабенека существовала с 1832 г., Четверикова с 1840 г..

Гребнево — волостное село в Богородском уезде (теперь центр сельсовета в Щелковском р-не) в 8 км к северо-востоку от Щелкова; входит в Щелковское текстильное гнездо. Гребневская усадьба, о которой говорит автор, известна с конца XVI в. С 1781 г. она принадлежала генерал-майору Г. И. Бибикову (?—1812), создавшему грандиозный архитектурный ансамбль в стиле раннего классицизма (перестроенный в начале XIX в., он сохранился до нашего времени). Берлюковская Николаевская мужская пустынь, существовавшая (по преданию) с XIV в., находилась к юго-востоку от Гребнева, в селе Берлюки Богородского уезда на р. Воре и привлекала много богомольцев. Теперь в бывшем монастыре располагается туберкулезная больница.

232 *Олсуфьев граф Юрий Александрович* (?—?) — искусствовед, автор научных описаний художественных ценностей лавры (икон, крестов, ложек, чарок и др. серебра), изданных в Сергиеве в 1920—1926 гг., соавтор (с П. А. Флоренским) исследования «Амвросий, троицкий резчик XV века» (Сергиев, 1927).

233 «Председателем Совета депутатов Сергиева-Посада был бывший питерский рабочий Оскар Ванханен [?—1941]. По прямому указанию В. И. Ленина... Ванханен руководил киносъемками вскрытия мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевой лавре». *Шарапов Ю. П.* Читая дневник Готье // Вопросы истории, 1993, № 7.

234 Niflheim (*др.-исл.* Niflheimr) — в скандинавской мифологии мир мрака.

235 См.: Приложение 8.

236 Исторический архив. Кн. 1 (Петроград, 1919,) — сборник статей (выпущенный Главным управлением архивным делом Народного комиссариата просвещения) преимущественно источниковедческого и археографического содержания. *Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич* (1863—1919) — выдающийся историк-теоретик, методолог, источниковед, археограф, археолог; с 1890 г. приват-доцент СПб. университета (среди его учеников были С. Н. Валк, Г. В. Вернадский, С. С. Ольденбург, Б. А. Романов), 1891—1905 — также профессор Историко-филологического института, с 1899 действительный член

АН, член ее Археографической комиссии. По политическим воззрениям был близок к кадетам; в 1906 избран членом Государственного совета от Академии наук и университетов, но вскоре сложил с себя это звание. К Октябрьскому перевороту отнесся резко отрицательно, в заседании Академии 21 ноября 1917 г. назвал его великим бедствием. В некрологе в «Известиях Российской АН» (1919, 8—11) Лаппо-Данилевский назван жертвой «нависшего над истерзанной Россией тяжкого лихолетья».

ДЕКАБРЬ

[237] *Остоженка* — улица к юго-западу от Кремля и Румянцевского музея, идущая от Бульварного до Садового кольца.

[238] *Салиас* — *Салиас де Турнемир Евгений Андреевич* (1840—1908), граф, известный писатель, автор исторических романов.

[239] Сергиевский Максим Владимирович (1892—1946) — филолог-романист; в 1916 г. окончил Московский университет, где, вероятно, слушал лекции Готье. В описываемое время был коллегой Готье на факультете общественных наук. Впоследствии (с 1925 г.) профессор и зав. кафедрой романо-германской филологии.

[240] *Пехра* — название двух сел в Пехорской волости Московского уезда на р. Пехорке около фабричного поселка (с 1939 г. города) Балашихи. Очевидно, автор проезжал через село Пехра-Покровская, расположенное в 3 км к северу от Балашихи, где проходит Стромынское (теперь Щелковское) шоссе.

[241] Выступая в палате депутатов, Клемансо огласил заявление (подготовленное в согласии с Ллойд Джорджем), в котором, между прочим, говорилось: «Мы не только не заключим мира с Советским правительством, но и не вступим с ним ни в какую сделку [...] Мы пришли к соглашению о необходимости окружить Советскую Россию, если можно так выразиться, колючей проволокой [...]». Провозглашенная таким образом политика «санитарного кордона», вызванная стремлением препятствовать распространению коммунистической пропаганды, в жизнь фактически почти не проводилась.

[242] *Кашира* — уездный город Тульской губ. (теперь в Московской обл.) на правом берегу Оки; станция Рязано-Уральской ж. д. (теперь Павелецкое направление Московской ж. д.) в 115 км от Москвы.

Январь

Начинаю записи 5 января, потому что маразм, в котором я нахожусь, не только не проходит, но все увеличивается. Впереди ничего, кроме ужасного одиночества и страха перед голодом (один с малолетним сыном встречаю я новый год). В субботу я ходил на Введенские горы, сделать единственный намеченный на праздники визит — на могилы родителей: там все занесено снегом, мерзость запустения, которой там никогда не бывало. Путешествие по Москве, грязной, загаженной, занесенной, облупленной, полной нечистот, произвело на меня, как всегда, самое удручающее впечатление. Не менее тяжелое впечатление произвел визит к Лизе: после дворца она с детьми и мужем[1] ютится в двух каморках, где жила прислуга; отнято все и угрожают выгонкой.

(27 [декабря]) 9 [января]. 3 дня так называемого отдыха. Старался сидеть дома; тяжелое состояние духа. Тоска не проходит, а усиливается. Тщетно добиваюсь быть принятым тов. Каменевым по предмету освобождения Е. А. Готье[2]. К теперешним генералам доступ много труднее, чем к прежним. Новые слухи о каком-то движении с запада. Официально сообщают о взятии Двинска. Кем?[3] Стараюсь не слушать ничего, и сам более ничему не верю.

(30 [декабря]) 12 [января]. В субботу вместе с Э. В. Готье мы вновь отправились искать свидания с товарищем Каменевым. В том месте, где выдают пропуски, нам заявили, что принять нас может только его секретарь, товарищ женского рода Крыленко[4], но что ее сейчас нет, а она должна приехать. Это было в 2 часа. До половины четвертого мы терпеливо дожидались в помещении, когда-то ютившем в себе приезжих на зимние месяцы дворян из провинции, теперь загаженном выше всяких возможностей. В половине четвертого произошел такой разговор по телефону: здесь дожидаются очень много товарищей, дожидаются уже два часа, можно ли их пустить? Ответ, после некоторых колебаний, последовал утвердительный, и мы пошли через площадь в бывший генерал-губернаторский дом. Здесь нас не пустили дальше аванзалы, так как тов. Крыленко заявила, что нас принимать она придет

именно сюда. Еще через 45 минут явилась маленькая, разбитная и, надо сказать, любезная девица, которая очень бойко исполняла свою роль, выслушала нас, взяла документы и заявила, чтобы мы ей потелефонили в понедельник в 2 часа о результатах нашего посещения. Ожидая ее, приглядывались к лицам — или жиды, или русские гориллы. Недаром в последние дни ходит острота: «На чем держится советская власть? На жидовских мозгах, на латышских стрелках и на русских дураках». В Москве опять ходят баснословные слухи, теперь уже насчет поляков. Но, увы, не поляки спасут Россию! Пшено стоит 9500—10 000 рублей пуд.

(31 [декабря]) 13 [января]. От тов. Крыленко я получил ответ, что тов. Каменев еще не знакомился с делом. Я думаю, что нас и не вызовут. Дело пойдет своей обычной чередой, и выживет ли тетка в ВЧК или нет, это предоставляется решить судьбе Некоторые уверяют, что 1920 год увидит какое-то разрешение. Я думаю, что и этого ждать нельзя. Старое русское общество переходит в состояние удобрения и перегноя для будущего Это будущее для меня представляется совершенно темным.

8/9 — 21/22 [января]. Я не записывал целую неделю, с того времени, как уехал из Москвы. Причина все та же: невозможность быть уверенным, что ежедневная запись не попадет в такие руки, в какие это не следовало бы. Главные события этого времени — сообщение официальной прессы о снятии блокады с России. Опять все увлеклись. Опять не замечают, или не хотят заметить, что официальные сообщения отражают не объективную истину, а только то, что власть желает сообщить для внутреннего употребления. Лично я не делаю пока никаких выводов из этих сообщений: они не отличаются ясностью, а, с другой стороны, у меня нет уверенности, что завтра не будет сообщено что-нибудь противоположное. Тем не менее, в связи с этими слухами, просыпаются мысли о возможности легального выезда за границу; где-то в далеком будущем эта возможность мерещится.

Все эти дни в Москве какие-то празднества в память Герцена; на торжественных собраниях выступают владыки земли; выступают и присяжные ораторы — товарищ Сакулин и Лемке[5]. Происходит заседание «Университета» совместно с обществом губителей русской словестности6, и на этом заседании Университета не присутствует ни одного профессора или почти так, несмотря на то, что на плакатах, вывешенных на университетской ограде, заманчиво добавлено «Вход свободный, помещение отапливается». Добавлю, что на том же плакате, сверх широковещательной программы торжественного заседания в память Герцена, чьей-то, более современной по духу, рукой были начертаны карандашом два слова — истинно заборные — х... и п... Бедный Герцен. Как горько при-

шлось бы ему от всех этих большевичьих поминок. И нам в Музее пришлось устроить выставку в его память. Какая была тоска ее делать; какое чувство бесполезности и никчемности было в моей душе, когда я, из нежелания попасть в саботажники, понукал милейшего В. Ф. Саводника сносить экспонаты и раскладывать их по витринам. Сегодня (22) вечер в Малом театре, где жид Цедербаум-Мартов будет что-то говорить, а бедные издыхающие клячи — Южин и Ермолова[7] — будут что-то читать из его произведений. Сегодня целый день сидел дома и бегал только в свою «куплю», в монастырь, стараясь добиться, чтобы над моей Ниночкой поставили крест. И это затруднено; однако я открыл секрет, который очень прост: и здесь надо смазать. Поездка в Посад немного улучшила мое настроение в том отношении, что я отдохнул. В тишине Посада так хорошо спать. Я и спал по 12 часов в сутки. Здесь опять исчезло то относительное душевное спокойствие, которое я было там приобрел: es machen mir meine Gespenster sogar einen Tagesbesuch[8]. Тоска, беспросветная тоска одиночества, с новою силою овладела мной, и я более, чем когда-либо, чувствую, что от себя никуда не уйдешь.

Е. А. Готье, по поводу которой мы были у секретаря товарища Каменева, выпущена, но накануне ее освобождения за ней опять приехали, чтоб ее арестовать. Она пришла домой в день похорон своей сестры, о смерти которой она ничего не знала.

(11) 24 [января]. Вчера я присутствовал на заседании Государственного Ученого Совета при Народном Комиссариате Просвещения, который должен был решить вопрос об уставе университетских библиотек. Председательствовал Покровский[9] Присутствовали почти только неинтеллигентные люди, за исключением тов. Волгина, который с глупым и нахальным видом требовал обеспечения особым образом интересов сторонних абонентов Университетской библиотеки. Особенный интерес возбудило положение библиотечной комиссии, в которую эти люди непременно пожелали насовать представителей студентов-коммунистов и представителя комиссариата. При этом отличался какой-то молодой человек — по-видимому, представитель студентов-коммунистов в этом совете; он желал сунуть в библиотечную комиссию даже представителей районных советов. Характерно его лицо — низкий лоб, злое выражение губ и глаз. Интересны были реплики самого Покровского, дышавшие открытой злобой против Университета и профессоров. Присутствовавшие коммунисты обменивались между собой замечаниями о политике, и здесь чувствовался тон торжества и уверенности, что они победители всех и всего. Увы, русская действительность дает им пока внешнее основание так говорить. Библиотечную комиссию похоронили. Я подал, кроме того, Покровскому докладную записку о

необходимости покупать книги за границей. Было отвечено, что сейчас как раз время готовиться к этой покупке. Дай Бог!

(16) 29 [января]. Иваново-Вознесенск. Опять не записывал по тем же причинам. Теперь на свободе, выехав на гастроли[10] и сидя в санаторском режиме в Иванове, сажусь записывать за целую неделю.

12/25 января я был утром на дорогой могиле. Целый день провел на именинах моей belle-soeur Татьяны Николаевны. Вечером отправился в Университет, где должно было быть товарищеское собеседование и чашка чаю[11]. В круглом зале правления собралось около 150 человек — совет в его численном составе эпохи Временного правительства. Ректор[12] открыл собрание сообщением некоторых статистических данных. Из них наиболее интересным было известие о том, что в Университете (объединенном) числится свыше 26 000 человек студентов. Сообщение было встречено дружным хохотом. Общий смысл отчетных данных был тот, что Университет делал что мог, но after a gallant fight [после доблестного боя (*англ.*)] не мог не подчиниться большевикам. Затем говорили деканы о положении факультетов, причем наиболее академически говорили Грушка и Март[ынов]. Очень глупо говорил Реформатский, тоном протодиакона сообщивший, что 1919 год был в Университете лучше, нежели 1918 (!?) Очень удачно сказал Винавер — что факультет общественных наук есть незаконорожденный сын Университета, ищущий узаконения[13]. Если он не сказал этого в данных выражениях, то таков был смысл его речи. Собрание оживлено было чаем с сахаром, печеньем и черным хлебом с маслом. После деканов говорили еще, но я слышал одного Кизеветтера, который по обыкновению играл подобно сельтерской воде: светил, но не грел. Он говорил, что русские ученые подобны тому Екатерининскому часовому, который поставлен был охранять розу и был не сменен, а забыт, между тем как роза зачахла. Это было бы верно, но далее он стал доказывать, что русский народ — государственный народ, и что он воссоздаст то государство, которое он долго и упорно созидал. Я думаю, что он сам не верил в то, что говорил.

Из Университета я отправился в компанию актеров Камерного театре, куда пригласила меня именинница Татьяна Николаевна. Я решил подтянуться, не портить им их настроения и посмотреть. Оживление образов прошлого, когда-то давно минувшей холостяцкой жизни, когда я изредка, и то изредка, погружался в богему, — вот что дал мне этот экскурс, да еще возможность выпить алкоголя в размере 2-3 рюмок, что представляет не малый интерес в настоящее время. Эти люди довлеют себе; более того, они даже поглощены собой; глядя на них, я понял, что сближает их с большевиками, — они так же мало сомневаются в чем бы то ни было, как и большевики.

Ночь была почти бессонной; я лег в 6 часов утра. В понедельник 13/26 было общее собрание в Музее для перевыборов комитета служащих. Избрали тех, кого велел кто-то такое, и в результате в комитет попал Козлов и не попал Георгиевский. Я допускаю возможность, что этого хотел Виноградов, но это вышло до крайности глупо. Одним работоспособным человеком меньше и одним хамом больше. Какая пошлость и скука эти выборы, какой бесполезностью веет от них.

Во вторник — отбытие в Иваново-Вознесенск для чтения эпизодического курса лекций. По несовершенству порядков, я узнал, что еду, только за 3 часа до отхода поезда. Вышел я в хорошем настроении, неся на раменах два тюка. Билет был уже взят, и я очень хорошо устроился в сравнительно приличном вагоне первого класса, где поломано было далеко не все и который был сравнительно чист. Вшей, или, как их теперь называют, «семашек»[14], я не видал и не ощутил. В вагоне было в общем как в старые времена; только утром в коридор набилось два коммуниста — оба типа «священных»; один — дурак-рабочий из слесарей, другой более интеллигентного типа, вероятно побывавший в ссылке и эмиграции. Они спорили между собой о вопросах партийной тактики, сыпали словами «товарищ», «извиняюсь», губком, губхоз, исполком, губнаробраз и т. п.; главная суть их спора заключалась в том, нужны ли коллегии при учреждениях и кто должен в них входить; слесарь стоял за уменьшение их численности и значения; эмигрант отстаивал их; оба были привычны к митингам, оба орали, и ни один не переспорил другого.

Спал в вагоне я хорошо; но меня будили стоянки: в Хотькове мы почему-то стояли часа 3; в Александрове[15] — с 4-х до 12-ти дня. Я [не?] первый раз ехал по железной дороге в глухое совдепское время, и меня все еще злят эти бестолковые стоянки, к которым давно следовало бы привыкнуть. А главное — чувство, что в стране, где на железных дорогах потеряли всякое представление о срочности, потеряли даже самое чувство срочности, каждая стоянка может затянуться на неопределенно долгое время. На станциях везде чувствуется обычная разруха; пассажиры — только покрытые вшами красноармейцы, серые, подобно самим вшам. Да и вправду бывшие серые герои — [...], как вши, изъевшие русскую землю. Мы прибыли в Иваново-Вознесенск в 11 часов ночи и, пройдя пешком через весь город вместе с одним профессором-метеорологом из Петровской Академии, добрались в 12 часов до общежития. Спал я отлично. Сегодня посетил декана, секретаря и канцелярии, условился относительно лекций, которых прочту шесть и начну в субботу. Вообще, как следует ориентировался и вынес впечатление, что житие здесь подобно санатории — отходишь от своих дел; никто тебя не беспокоит, можно отдохнуть и кое-что привезти.

Но общее настроение все же не меняется. Упорное чувство погибшей жизни и погибшей страны; вспоминаются слова Данте, прочитанные на днях: «Vivere senza speranza in disio» [«Жить без надежды в желании» (*итал*)]. И здесь, отойдя от московских дел, более чем когда-либо, чувствуешь, что в Совдепии только так жить и можно. Здесь, конечно, интересуются московскими новостями, но новостей никаких по существу нет — и рассказывать нечего. Одно только выделяется из московских слухов последних дней: что-то происходит между миром и большевиками, и это «что-то» позволяет некоторым надеяться на возможность выезда за границу.

(18) 31 [января]. Пока ивановские впечатления продолжают быть прекрасными. Чувствуешь, как отходишь от Москвы. Это то же, что пребывание в санатории. По вечерам приятные беседы с умными людьми. Пока наиболее интересен Понтович[16], не то немец, не то поляк, но обруселый. В нем чувствуется гончаровский Штольц. В вечерних беседах немножко развязывается язык и отмокают мозги. Это не значит, что проходит чувство горя. Наоборот, оно часто бывает острым, как никогда. Например, вчера просматривал сочинения Герцена и отчасти читал переписку его с Наташей. И так стало больно и грустно. Словом, если даже «хочешь забыть, разлюбить — а все любишь больше, сильнее».

Сегодня запасся продуктами на рынке. Надо и самому отъедаться. Иваново-Вознесенск — очень смешной город. Он весь составился из сел, деревень и фабрик, сросшихся вместе; таким образом получилось нечто до крайности бестолковое и нелепое: город без центра, наполненный лачугами, среди которых изредка возвышаются палаццо бывших буржуев.

(19 [января]) 1 [февраля]. По-прежнему чувствую себя на санаторском режиме — целый день отдыхал. Вечером была первая лекция. Аудитория смешанная; после лекции подошли и заговорили московские курсистки. Еще раз убедился, как мал мир. Сегодня утром осматривал Бурылинский музей: местный буржуй и экс-магнат[17] истратил много средств и собрал все, что угодно. Как всегда в таких случаях, много хороших вещей и много дряни. Остальной день собираюсь сидеть спокойно и отдыхать. Во время прогулки видел много местных дворцов, занятых под советские учреждения. Везде одна и та же картина грабежа и насилия. Грустно смотреть на замороженные, погибшие фабрики. И здесь, когда выйдешь из «санатории», то чувствуешь, что исход один — уехать из этой ужасной погубленной страны.

(20 [января]) 2 [февраля]. Сегодня достал подсолнечного масла, но, чтоб получить его, надо было иметь бутылки. К счастию, на дороге встретилась одна из профессорш, с кото-

рой я здесь познакомился, и от своей молочницы, которая случайно оказалась живущей против места нашей встречи, вынесла мне две бутылки. Не будь этой случайной встречи, я бы не получил масла. После этой экспедиции сидел дома и грустил. С редкой ясностью чувствовалась пустота и ненужность теперешнего моего существования. Один только Володя, кому я нужен! Потом подтянулся и пошел на лекцию. Было до 30 человек. Аудитория внимательная; лекция меня немножко взбодрила. Вечером опять засел за сочинения Герцена в издании Лемке. Я просматриваю их для небольшого доклада в Обществе истории и древностей российских. Этот наркоз еще действует. Надо им пользоваться. Большевизация сегодня где-то потонула и не давит. Нет слухов, нет газет, и слава Богу.

(21 [января]) 3 [февраля]. День без внешних событий. Метель. Целый день дома. Вечером лекция; несмотря на погоду, слушатели пришли и были внимательны. Целый день просматривал сочинения Герцена. Есть много общего в его чувствах после смерти жены со мной. Читая его письма 1852/53 годов, чувствуешь, как ему было тяжело и как мучил его вопрос о воспитании детей. А у него была все же материальная обеспеченность, и ему не надо было думать о завтрашнем дне. Все утро я размышлял о желательности и возможности отъезда и, несмотря на все возможные горя и неудачи, пришел к заключению, что если будет возможно, то уехать надо. Володю возьму и будь что будет. А здесь ни я сам лично, ни дело мое никому не нужны.

(22 [января]) 4 [февраля]. Принимаю первые меры к возвращению в Москву. Много думал о том, что мне делать, если выпала бы возможность поехать за границу. Рассудок упорно велит остаться там надолго, несмотря на все тяжелые стороны такого оборота. Когда я сегодня обедал в здешней студенческой столовой, я еще раз пришел к тому же выводу: кругом меня сидели дикари, которые мнят себя обновителями человечества. Ну что можно поделать с такими людьми, с таким народом? Вечером пытался устроить практические занятия; на мое приглашение пришло человек 5, большей частью местных автодидактов. Не думаю, чтобы могло что-нибудь выйти.

(23 [января]) 5 [февраля]. Газеты сообщают о мире с Эстонией[18]. Возможно, что временно образуется отдушина между Совдепией и миром. Хорошо, если бы удалось через эту отдушину устроить выписку заграничных книг. Поистине верна песнь о добром молодце и тоске[19]. От себя никуда не уйдешь. Ночью ли, днем ли, идя на лекцию или среди занятий, дома — я беспрерывно думаю о невозвратной, невознаградимой потере, о том, что у меня было все, а теперь нет ничего. Эта мысль звучит во мне, как погребальный звон. L'angélus[20] моей жизни.

(25 [января]) 7 [февраля]. Настает время подвести итоги пребывания в Иваново-Вознесенске. Сегодня еду в Москву. Впечатления в общем прекрасные. Отличный прием, любезное и предупредительное отношение. Полная тишина в тепле и сытости в течение 10 дней. За это время нет московских слухов, нет трепки; под конец, в последний день, отличная баня. Здесь очень хорошо было бы жить семьей; хорошо в смысле покоя и относительной (кажется?) возможности забывать о существовании большевиков. Однако жить здесь — не безусловный выход из положения; ухудшение материальных условий происходит неуклонно и здесь, запаздывая против Москвы на несколько месяцев. Если не изменятся общие условия, то и здесь со временем будет невозможно. Затем — выбраться отсюда вон, конечно, труднее, чем из Москвы. Но, во всяком случае, мое пребывание здесь было для меня настоящим отдыхом.

Думаю, я здесь также был спокоен и на отдыхе старался углубиться в себя и обдумать свое положение. Надо сознаться, что оно отвратительно:

Nel mezzo del camin di nostra vita
Mi ritrovai per una silva oscura[21]
con un piccolo bambino [с маленьким мальчиком (*ит.*)], приходится добавлять к словам Данте; воспитать сына без матери, да еще при современных условиях, почти невозможно. Eine Lebensgefährtin wiederzusuchen [Опять искать подругу жизни (*нем.*)] — претит мысль. Уехать одному было бы проще простого; с Володей — везти его на чужбину без матери и без воспитательницы более, чем трудно. Найти воспитательницу нельзя. Полагаться на родню Нины можно, но бабушка непрочна, Таня не куплена, чтоб работать на меня, а Леля подавлена своей собственной семьей. Общее состояние жизни невозможное. В дальнейшем я в России вижу только одно умирание. Все это с необычайной ясностью предстало здесь моим глазам. Что делать, пусть укажет провидение или судьба. Я только думаю, что если будет возможно уехать вместе с Володей, то в этом надо будет видеть перст указующий и уезжать без колебаний. В Иваново-Вознесенск, пока я в Москве, я охотно возвращусь.

(29 [января]) 11 [февраля]. Обратный путь в Москву был вполне благополучен, но довольно долгий. В Александров мы приехали в 11 часов утра, но там ждали до 11 часов вечера, пока нас прицепили к Ярославскому поезду[22]. Скука была весьма большая, но она сглаживалась сидением в тепле. Ходили в город искать обеда, но нам сказали, что в этот день приехали красноармейцы и, кроме того, съезд каких-то деятелей, поэтому приезжих профессоров просили пожаловать на следующий день. Из Александрова выехали в 11, а в Москву пришли в 6 часов утра; 7 часов — 105 верст, т. е. по 15 верст

в час; но это было к лучшему, так как по Москве пришлось идти днем.

В Москве сразу осенили всякие неприятности обычного типа, но мне на них наплевать. Я чувствую себя в расположении духа Печерина (его стихотворение о челноке). Вчера узналось, что профессорам дают паек[23], какой — еще не известно. Очевидно, большевикам нужно сказать Европе, что ученые здесь в чести. Володю я нашел в полном порядке и благополучии. Это единственное отрадное явление.

Музей опять перестали топить и теперь уже решительно до весны. Это вносит новую непоправимую разруху в дела библиотеки — опять холод и опять начинают мерзнуть пальцы. Вот и работай при этих условиях! Обшее положение для меня смутно и мало понятно; одно скажу: не поляки спасут Россию.

(1) 14 [февраля]. Senza sperare vivemo in disio[24] — вот настоящий дантовский стих, который я в извращенном виде привел выше — он лучше всего определяет мое душевное состояние, как в общих, так и в частных делах и отношениях. Повесился В. М. Хвостов, по-видимому, в результате острого припадка меланхолии. Я давно его не видал, и его переживания в последний год его жизни были для меня далеко не ясными. Прежде это был человек более высоко себя ценивший, чем следовало бы, влюбленный и любующийся сам собою. Первый год революции он все время предсказывал, что будет в дальнейшем с русской революцией, и все невпопад. Потом он сам увидал всю тщету своих предсказаний и, быть может, изверился в своем предвидении. Однако еще в прошлом году, когда мы продолжали разговаривать о «compréhension réciproque», в Хвостове все еще сквозила уверенность в себе, в своем величии и в своем будущем — с каким вкусом он говорил, например, как он будет читать лекции в Париже. У меня мелькает мысль, что, решив бесповоротно умереть, он должен был сказать почти как Нерон: «Какой великий ученый погибает!» Как надоедает мне Музей! Опять собачий холод; все кругом или не ходят, или больны, и приходится все делать за всех.

(3) 16 [феврала]. Два дня еще, в которые не произошло ничего нового. На душе тихо и мертво. Стынут мозги, стынет тело, так как Сретенские морозы на редкость сильны. Вдали где-то мерцает возможность уехать. Куда и зачем? Над этими вопросами иногда стараешься не задумываться.

(6) 19 [февраля]. Слухи о новом походе большевиков на гуманитарные факультеты и, может быть, даже о полном их уничтожении. Что ж — это будет только логично. Гуманитарные науки им не нужны, поскольку они не преследуют практические партийные цели. Факультеты будут заменены партийными школами, краткосрочными курсами, т. е. в нашей

области будет то, что уже есть в области наук технических, — будут созданы плохие полуучки техники, а ученые будут просто уничтожены, как ненужная роскошь в рабоче-крестьянской республике. Если бы они сделали и дальнейший вывод и отпустили всех гуманитарных профессоров на все четыре стороны. Как бы это было хорошо!

В Москве продолжаются аресты — сегодня сцапали Ю. В. Сергиевского; говорят, по доносу из Спасска[24а]. Несмотря на их крики о какой-то новой эре в большевизме — все остается по-старому. Эмблемою всего существующего может быть картина, которую я созерцаю все дни: на угольной башне архива изображена фигура, очертаний которой не разберешь, и под ней надпись: «Отречемся от старого мира». Кругом все засрано и зассано так, как никогда не было при старых порядках. Положительно возвращаюсь к своей давнишней мысли, что реформаторам русской жизни надо было научить прежде всего людей пользоваться отхожими местами.

На общем горизонте все такая же муть, как раньше. От тоски продолжаю заниматься приведением в порядок поступивших в Музей почтовых марок. Кстати о Музее: нас безнадежно перестали топить, и теперь внутри здания температура ниже нуля; чернила мерзнут, руки стынут. Никто не ходит, а кто и придет, тот бежит обедать. Какая же продуктивная работа возможна? Смерть, холодная и голодная, всюду. А известия о смертях сыплются как дождь.

(10) 23 [февраля]. Я провел 4 дня у Лели Курдюмовой на «базе мостостроения» при пересечении Окружной дороги и Петербургского шоссе. Жизнь была хорошая с внешней стороны, т. е. были блины и даже немного алкоголя, так что была иллюзия чего-то старого. Об условиях нравственной атмосферы я умалчиваю, ибо интимная сторона жизни семьи пусть даже не записывается. Это лучше. Живут они на даче какого-то богатого человека Павлова. Дача расположена на низком месте, где, конечно, сыро, в лесу, который товарищи вырубили уже основательно и испортили. Дача была с затеями; много крыш, курятников, сараев и т. п. Я бы не поставил на этом месте даже конуры. Тем не менее большая затея совершенно испакощена и носит на себе все следы ужаса и разрушения. Добавлю, что внутри снята и расхищена электрическая арматура; для нужд базы проектируется перепортить все комнаты главной дачи. Вот какова картина на месте. Рядом станция Окружной дороги Братцево, украшенная кладбищем в 35-40 мертвых паровозов. Мне сказали при этом, что это еще очень маленькое кладбище, а что на других станциях мертвецов еще больше. По дороге туда, за Тверской заставой, дороги засыпаны, близ бывшего бегового ипподрома кладбище мертвых трамваев; рельсы после были засыпаны; Стрельна с ее тропическим садом едва ли не вся замерзла; во Всехсвят-

ском — разобранные дома, облупленные вывески, как и в Москве. Словом, от московского места выезда до места назначения — одна смерть, не прикрытая ничем, одна гибель, как и везде в бывшей России. Я не был за Тверской заставой года четыре и, признаюсь, впечатление, несмотря на всю притупленность нервов, было тяжелое.

В Москве новая серия арестов, которым подвергнуты лица близкие к [далее зачеркнуто: быв...] Союзу Общественных Деятелей; еще, говорят, арестованы некоторые деятели кооперативного мира, будто бы заподозренные в сношениях с кооператорами, находящимися за границей, помимо официальных органов[25]. Как бы то ни было — в Москве опять волна беспокойств и уныния. В общих делах по-прежнему то, чего мы, ни во что не посвященные, разобрать не можем.

Получено известие о том, что в Томске умер от сыпного тифа М. М. Хвостов[26], мой университетский товарищ, хороший ученый, живой и отзывчивый человек, бывший долго главным деятелем по всеобщей истории в Казанском Университете. И о скольких еще жертвах узнают со временем те, кому суждено пережить других в «сумерках русской жизни».

(11) 24 [февраля]. Вопрос об арестах, произведенных за последние дни, продолжает освещаться путем слухов в тех же тонах, как и последние дни; стремление завязать сношения с кооператорами, находящимися за границей, стремление ЧК доказать свою необходимость, чье-то предательство и чья-то глупость. В комитете Музея мы рассуждали о том, что необходимо создать какое-то сельскохозяйственное предприятие, иначе все равно заставят летом участвовать в производительном труде, т. е., иначе сказать, насильно будут возвращать к первобытным формам жизни.

28 февраля. Дневник все более приобретает характер перемежающихся записок. Мое беспрестанное кочевание и все продолжающееся отсутствие безопасности для записей всякого рода мешают этому делу. Сегодня поляки проявили свои аппетиты, которые, впрочем, меня не удивили. Они требуют плебисцита в областях, входивших в состав Польши до 1772 года[27]. Ну что ж? Русским дуракам поделом; народ, который в 3 года разрушил то, что создавал 500 лет, достоин своей участи. Большевики по этому поводу вопят о «польских империалистах», но последние или все получат, чего они хотят, или же нам грозит новая война, которая падет своей тяжестью на Иванушку-дурачка, которого в 1917 году уверили, что он очень устал. Я вновь теперь поставил на очередь поездку для закупки книг за границей. Вчера по этому поводу было заседание в Комиссариате Народного Просвещения. Отношение самое предупредительное; видимо, в этом учреждении желают, чтобы иностранные книги приезжали в Москву. Фактически, вероятно, мне придется взять на себя всю организацию

экспедиции, но смогу ли я поехать туда? Все будет зависеть от того, выпустят ли они со мной Володю или нет. Qui vivra, verra. Быть может, ждать остается и не так долго. Дожидаемся профессорского пайка, а когда его дадут? Ничего не слышно более определенного. Все как будто успокоились; между тем от слов к делу все еще не переходят. Рассказывают, что 7 человек — называю кого не забыл: Д. М. Петрушевский, Д. Н. Анучин, А. А. Айхенвальд[28], Тимирязев, Горький, Волгин и кто-то еще — уже получили особые пайки, не только для себя, но и для семейств, при особых письмах от Совета Народных Комиссаров. Как лестно себя чувствовать ученым опричником советской власти и советской державы. Возвращаюсь к вчерашнему заседанию у Покровского: он скептически настроен по вопросу о товарообмене и предполагает, что экспедиции за книгами будут выданы деньги в размере 300—400 миллионов бумажек. «Что ж? Ведь это только одна четверть ежедневного производства», — добавил он. Даже принимая во внимание программное стремление большевиков уничтожить всякие деньги — я не понимаю, куда они идут в своей безумной финансовой политике. Написал довольно много, несмотря на многочисленные помехи, проистекавшие оттого, что в течение двух часов кто[-то] поочереди со мной разговаривал, и оттого, что в конце концов застыли и руки и мозг от холода. В залах Музея холоднее, чем снаружи, где сегодня тает.

3 марта. На пятницу в заседании Государственного Ученого Совета поставлен вопрос об уничтожении всех факультетов, кроме медицинского. Таким образом, после всяческих переделок большевики решили упразднить Университет как таковой. Остается ждать недолго, чтобы узнать, что будет поставлено на место упраздняемых факультетов: что-нибудь или ничего, иначе сказать, будет ли это финалом разрушительной трагедии или комедией с переодеванием. Сегодня совещание в Государственном издательстве «об агентуре за границей для покупки книг» — бледно и скучно. Мой проект проще и жизненнее. Мне не стоило больших трудов заставить принять некоторые из основных положений моей записки. Чувствовалось общее сознание всеобщей беспомощности и в то же время сознание необходимости завязать сношения с заграницей. За эти дни мука возвысилась до 13-15 000 рублей, пшено до 16-17 000. Вопрос о питании делается все труднее и труднее. Во мне все более и более укрепляется желание, чтобы был мир, и только мир, при котором была бы восстановлена свобода передвижения. Мне не нужно больше ничего.

6 марта. Я решил действовать, чтобы найти выход из надвигающейся катастрофы, материальной и физической. Был разговор с югославянами — Бахрушин и я с нашей стороны,

Илич и Иованович — с той. Иованович — тип интересный, с ясно выраженным югославянским типом — носатый брюнет. Он говорил с нами, по-видимому, искренно и откровенно, находя, что с точки зрения его и радикальной партии, к которой он принадлежит, появление русских ученых в Сербии очень желательно, но что, находясь здесь, они ничего не могут сделать и ничего не могут сказать наверно. Тот из них, кто вырвется отсюда, будет стараться о поднятом деле[29]. Наше впечатление с Бахрушиным то, что при благоприятном ходе дела из этого может что-нибудь выйти. Иованович утверждал, что в будущее России он все еще верит, что большевики отличаются необычайной способностью ко лжи, что верить им он ни в чем не может. Кризис большевизма Россия, по его мнению, должна изжить сама изнутри. Вчера же, за 2 часа до отмеченного разговора, я был на заседании «научного сектора» Народного Комиссариата Просвещения в присутствии Покровского и Луначарского. Кроме них были Артемьев и Тер-Оганесов[30] — рыжий армяшка нахального вида, говорят, прислуживающийся пред Лениным. Я продекламировал мою записку и нашел полное сочувствие. Сознание необходимости завязать культурные сношения с другими странами в «них» говорит довольно сильно, и все присутствовавшие большевики основные положения моего проекта приняли; теперь предстоит провести его через коллегию комиссариата и затем через Комиссариат иностранных дел и решить вопрос о лицах, которые поедут. Я решил опекать дело до конца, независимо от того, придется ли мне воспользоваться им или нет. База в Балтийском крае, видимо, нравится им. В разговоре сквозило желание придать всему предприятию известную деловитость. Экспедиция должна быть невелика по своему составу, и в ней должны быть отражены нужды более или менее всех заинтересованных учреждений. Я первый раз близко видел тов. Луначарского, Лунапаркского-Лупанарского. Свежий мужчина лет 45, очень здорового и упитанного вида; наслаждение самим собою видно в нем в каждом движении, каждом слове. Едва ли, однако, он пользуется большим авторитетом у своих товарищей. Видно, что и они считают его человеком пустым. Перед заседанием я имел случай говорить с Покровским и возбудить вопрос о переходе русских профессоров на юг. «Вы затрагиваете очень насущный вопрос, — сказал он мне, — надо передвигать даже не людей, а целые учреждения. Ведь существование 42 высших учебных заведений в Петербурге — ненормально и немыслимо. Петербург не сохранится в прежнем виде и не вернет своего прежнего значения. Я думаю даже, что и в Москве столица не удержится». — «Где же вы ее мыслите — в Харькове или Киеве?» — «Может быть, а вернее в Одессе. Там в будущем образуется центр республики. Жизнь должна переместиться в производящие гу-

бернии». По вопросу о переводах на юг он сказал: «Быть может, Вы представите соображения по этому вопросу?» Сегодня говорил об этом с Бахрушиным, который собственно поднимает дело. Но каковы воззрения крупного большевика на русское будущее! Очевидно, что весь север России представляется им одной сплошной пустыней. Большевики убили Колчака[31]. Так они уничтожают всех выдающихся русских людей. Вши и серое болото горилл. Вот ближайшее будущее бывшей России.

10 марта. Общее состояние без перемен. Интересные слухи через А. И. Яковлева от Димитрия Ильича Ульянова, что на юге нет никаких армий — ни красных, ни белых, что отряд в 500 человек считается уже очень большой силой. Анархия и развал на юге полные. Наступления белых ждать нельзя, в чем я, впрочем, уже давно был убежден. Очень многие продолжают чего-то ждать от поляков, но по всем данным поляки ничего не забыли и ничему не научились. Большевики собирают в Москве ученую комиссию, которая собирает данные по разграничению с Польшей. Значит, начнется торговля, причем будут уступлены все земли, каких поляки пожелают, с тем расчетом, чтобы потом путем пропаганды разложить всю Польшу. Мне кажется, что ни у нас, ни за границей не отдают себе отчета в том, что Россия, посредством искусственного подбора, может сделаться вместилищем всех коммунистов и безобразников со всего мира — будет то, что было в Женеве при Кальвине: сюда соберутся все жиды и коммунисты со всего мира, а отсюда постепенно вытравится все несочувствующее — вымрет или уйдет — и тогда международное хулиганство под именем коммунизма воцарится над глупым варварским русским народом. И это будет его могилой, вырытой русскими интеллигентами.

Для меня эти дни были днями продовольствия — получил 3 пуда муки чрез «организацию», которую давно считали пропавшей. Характерною для русской подлости чертой является то, что те из наших коллег, которые не пожелали рискнуть внесением денег на эту «организацию», теперь, когда она неожиданно благополучно довезла муку до Москвы, потребовали своей доли и сделали целый скандал. Затем я выхаживал пресловутый профессорский паек, который, в общем, довольно приличен.

12 [марта]. Свидание с С. Ф. Платоновым. Вид у него неплохой; энергии, как и прежде, очень много; она так и бьет из него. Обедали у меня вместе с ним Яковлев и Бахрушин и много его расспрашивали. Его воззрения не слишком расходятся с нашими: эволюция, причем практики сначала поедят идеологов, а потом сами будут поглощены спекулянтами. По его рассказам, в Петербурге не так уж плохо живется тем, по крайней мере, кто получает паек; но город безумно и неудер-

жимо падает. По мнению Платонова, в будущем это будет громадная русская гавань — и только. В этой будущности Петербурга он совершенно не сомневается. Инцидент с мукой благополучно разрешился. После долгих дебатов общее собрание «коллектива» утвердило отчисление по 2 фунта и удовлетворило всех неполучивших в размере 10—15 фунтов на человека. Вчера и сегодня я реализовал свой профессорский паек. Благодаря этой подачке мы с моим Володей можем себя чувствовать несколько обеспеченными, по крайней мере на время.

(29) 13 [марта]. Сегодня день, назначенный для чистки домов и учреждений; поэтому все закрыто, и у нас в Музее народу еще меньше, чем когда бы то ни было; а между тем, наверно, и дома никто ничего не делает — таким образом, получается обычная картина — принимаемое мероприятие приводит к неожиданным последствиям, и притом прямо противоположным тем, которые имеются в виду. И на Музей дали 48 пайков; сегодня делили их; тяжелая операция — выделить 48 человек из 300, когда все одинаково голодны. Случайно я имел в руках сегодня три номера Vie Parisienne [«Парижская жизнь» (*фр.*)] за сентябрь 1919 г. — все тот же смех, остроты, блеск, смех и остроумие. Война там не прекратила жизни. La brave vielle France [Добрая старая Франция (*фр.*)] все та же — смеющаяся и не теряющая бодрости. Mieux vaut de rire que de larmes écrire, pour ce que rire est le propre de l'homme [Лучше смеяться, чем писать о слезах, ибо человеку свойственно смеяться (*фр.*)]. Философия Рабле остается философией его потомков. Какой контраст со страной тусклой природы и тусклого коммунизма.

(2) 15 [марта]. В воскресенье обычная прогулка в монастырь. Начинает таять, солнышко греет, «и у гробового входа младая будет жизнь играть, и равнодушная природа красою вечною сиять». Вечером посетил Б. И. Угримова[32], у которого не бывал лет 15; с ним и с его женой вспоминали прошедшие дни; целых 30 лет простирается за нами. Сегодня читал письма гр. Е. А. Уваровой, писанные из Полтавы в ноябре. Пахнуло другим миром, который — увы! — рухнул, и на этот раз, кажется, безвозвратно. Старая графиня дает уроки, копается в огороде и раскопала дольмен. Маленькая графиня Екатерина Алексеевна уехала в Салоники[33].

(4) 17 [марта]. Известие о контрреволюционном перевороте в Германии[34], опубликованное еще вчера, не производит на меня большого впечатления. Обыватель опять заговорил и строит всякие предположения, на что-то надеется. Ich aber verhange das Fenster des Zimmers mit schwarzen Tuch: Es machen mire meine Gespenster sogar einen Tagesbesuch[35]. Мои горести сделали меня мрачным философом. Если даже Западная Европа в результате этого переворота переменит свое от-

ношение к России, то результаты такой перемены скажутся не скоро. Мне кажется, что этот переворот может даже на время укрепить русскую власть: и Германия и Антанта нуждаются в России. Теперь и будут стараться извлечь из нее наибольшее количество пользы, стараясь как-нибудь разложить большевиков.

(6) 19 [марта]. Познакомился с генералом Брусиловым, который доживает свой век в большевицкой Москве, держа себя достойно и в стороне от большевиков[36]. Он не получает ничего, нуждается и продает шкафы, которые Румянцевский Музей у него покупает. Если бы мне сказали 5 лет назад под гром успехов 8-й армии и позднее в 1916 году при успехах юго-западного фронта, что я когда-нибудь буду оказывать мелкие услуги Брусилову, я бы не поверил. Он производит впечатление бодрого, умного и твердого старика.

Перспективы поездки в Юрьев сегодня изменились несколько; тов. Покровский стоит теперь за малую экспедицию; возможно, что если дело не переменится еще несколько раз, то это для нас выгоднее. Сегодня опять должен писать записку по этому делу.

Германские события мутны и неясны; надо выждать время. Сегодня говею с Володей, и по этому случаю, впервые после нашей катастрофы, мы ночуем дома. Тяжело и грустно.

(8) 21 [марта]. В Германии неразбериха; мое впечатление таково: вместе с правыми подняли голову и левые, но, вероятно, в итоге опять победят средние, которые и будут праветь постепенно. Я не сожалею о неудаче юнкерской авантюры; ведь это те, которые более всего хотели погубить Россию и более всех внешних врагов сделали для этого. Говорят о каких-то волнениях среди крестьян и на заводах. Я не верю в них или, по крайней мере, не надеюсь на них. Большевики подавят всех протестантов порознь при помощи даже не латышей и китайцев, а прожженной русской сволочи, которая на все способна и не остановится ни перед чем. Кругом везде разговоры только о пайках. По-видимому, некоторое число их дадут Румянцевскому Музею; я думаю, что это — единственное средство предотвратить разбег служащих куда глаза глядят. Пайков ученых, или подобных ученым, роздано в Москве несколько сот; говорят, что на этих днях товарищи народные комиссары дадут еще 1300 или 1800 пайков на Москву. И это — целое событие, потому что 2000 пайков спасают всю московскую ученую братию или, вернее, ее остатки. Я думаю, что 2000 пайков дать ничего не стоит; несмотря на всю разруху, ведь содержат же они миллиона два лодырей-красноармейцев и коммунистов всякого рода. А вместе с тем эти цифры еще раз меня убеждают в том, как ничтожно число более или менее цивилизованных русских. Такое число не может уберечь страны от полной варваризации.

(12) 25 [марта]. Я опять в Иваново-Вознесенске. Путешествие протекло вполне благополучно; ехали в двуместном купе вчетвером и спали карточными фигурами; мне первый раз пришлось так спать на верхней полке. Наиболее неприятный момент путешествия — ходьба по Москве с пудовой ношей на плечах, да еще принимая во внимание московскую грязь. Здесь обычное радушие и ласковый прием; однако ввиду того, что со мною одновременно приехал Кизеветтер, мои лекции несколько пострадают. Сегодня все утро улаживал дела продовольственные и канцелярские и только после обеда сажусь за занятия. После Москвы, обычное чувство оттяжки; погода прекрасная, весенняя, и, по ассоциации идей, у меня неотступно встают воспоминания о прежних весенних радостных поездках в Крым, и, по закону контраста, еще в большем ужасе рисуется мое теперешнее положение человека, обреченного на вечное одиночество. Мне кажется, что за последнее время я еще больше привязался к Володе, но я все более и более боюсь за него и жалею его; как ему придется расти? Увозить его — а я думаю, что если представится возможность, то это надо сделать — значит обрекать его на возможность нищеты еще большей, чем та, какую мы здесь испытываем; оставить здесь — значит обрекать на возможную духовную гибель. Вот и разбирайся. А отъезд из Совдепии есть все-таки единственная возможность, хоть и слабая, достигнуть приличной жизни. Здесь все в прошлом — и молодость, и счастие, и любимое дело, и даже сколько-нибудь сносная человеческая жизнь. За последние дни душевный мрак овладел мною более, чем когда-либо. Счастливое прошлое неотступно стоит передо мною, и я менее, чем когда-либо, склоняюсь перед неизбежным. А снаружи удивляются моей сдержанности.

(13) 26 [марта]. Пребывание в Иваново-Вознесенском Политехническом институте вновь начинает оказывать на меня свое благотворное действие. Опять чувствую, что попал на несколько дней в санаторию. И Москва, и все события отошли далеко. Ходил слушать лекцию Кизеветтера и заметил, что и он не чужд подражанию Ключевскому: произношение некоторых слов на «о», ударения логические, не свойственные А. А. в разговоре, вдруг появляются на лекции. Его учебных лекций я не слыхал никогда, и поэтому мне особенно было интересно это посещение. В его исполнении замечаются обычные для [него] качества и недостатки — живость, образность, пластичность, с одной стороны, некоторая погоня за фразой — с другой. Вечером беседа у Понтовича. Собрались некоторые из профессоров, и Коган-Бернштейн, ученик Струве[37], сделал введение о механике русской революции по сравнению с французской и английской. Было высказано немало предположений о том, как Россия могла бы выйти из

революции; конечно, этого вопроса мы не решили, но время провели прекрасно.

(14) 27 [марта]. Санаторский режим продолжает давать себя чувствовать. Испытываю чувство отдыха от Москвы. Первая лекция прошла, по-моему, удачно, несмотря на поздний час и конкуренцию А. А. Кизеветтера. Досуга так много, что мы ходим слушать друг друга. Это ли не идиллия в ученых афинах, именуемых Иваново-Вознесенском?

(16) 29 [марта]. Идиллия нарушилась 28/15 утром арестом А. А. Кизеветтера. Это произошло между 9 и 10 утра. Я встал в 10 часов и вышел в уборную, причем мне шепнули: «Обыск у Кизеветтера!» Пока я мылся, постучали, вошел А. А. и сказал мне совершенно спокойно: «Меня опять забирают». Затем он хотел оставить мне свои черновые лекции, но этого ему не разрешили. В ордере значилось, что арест произведен по предписанию из Москвы. Здесь носятся слухи о том, что в Москве идут большие аресты; все недоумевают о их причине. Вечером должен был состояться в Педагогическом институте вечер в память Герцена. Его торжественно отменили, потому что «по независящим обстоятельствам» (какой иронией звучат эти слова!) А. А. не может на нем участвовать. Я кончил здесь, наконец, книгу M. de Vogué — Le Roman russe[38] Прекрасная, блестящая книга, не только хорошо написанная, но верно уловившая многое и в русской жизни и литературе. Мне все чаще и чаще приходит в голову, что наблюдательные иностранцы видели в нас многое такое, что есть на самом деле, и чего мы по недостатку перспективы не видели вовсе.

(17) 30 [марта]. Кизеветтера увезли в Москву. Вчера вечером мы, т. е. Петрушевский, Понтович, Бернштейн и я, ходили по разным местам узнавать, верен ли этот слух или нет, и в каких условиях ему приходится ехать. Из Губ. ЧК ответили, что бояться заражения тифом нельзя, так как с ним вместе они отправили своих людей, «которыми они тоже дорожат». Когда мы узнали наверное, что его отправляют, было уже поздно, чтобы отправить ему пищи; но, по нашим соображениям, он должен был иметь ее достаточно. В «Известиях» напечатано прелюбопытное объявление, приглашающее от имени ВЧК эсеров, «правых и левых», бежавших из тюрьмы, вернуться в нее без опасения, что их заключение будет более тяжелым. Нет ли связи между этим побегом и арестом Кизеветтера? Ведь невозможного в этом нет ничего. Несмотря на грустный исход поездки Кизеветтера, профессорская идиллия продолжается. Вчера меня слушали Петрушевский, Понтович и Бернштейн, и лекция, по-видимому, произвела на них хорошее впечатление.

(18) 31 [марта]. День без инцидентов. Дивная летняя погода. Я опять испытываю на себе действие санаторного режи-

ма Иваново-Вознесенска. Лекции по-прежнему пользуются неожиданным успехом.

(20 [марта]) 2 [апреля]. Известия, привезенные из Москвы, убеждают, что Кизеветтер был арестован в связи все с тем же делом об общественных деятелях[39]. П. рассказывал мне по этому поводу любопытные вещи о том, как жена Л. выдала его из ревности. О русская неряшливость и легкомыслие! Затем разговор перешел вообще на русскую и специально кадетскую кружковщину, которая проникала и Земский и Городской союзы: чтоб там преуспеть, надо было принадлежать [к] группе «Русских Ведомостей» или к кадетской партии. Потом перешли на кадетские приемы: оказывается, что очень важные дела поручались самым легкомысленным людям, например Ю[рьевой]. Об этой последней я припомнил то, что она говорила мне, когда я утверждал, что борьба никакая не возможна, а что единственный исход — уходить. Уезжайте к вашим кадетам! — А как же их вещи?! Это был крик сердца и истинное отражение того, как кадеты обращаются со своими, с преданными им людьми. А чужих они просто выметают, хуже даже, чем большевики. Благодушие мое продолжается. Стараюсь отдохнуть и набраться сил. Лекциями я очень доволен. Накупил все, что мог. Теперь хочу только видеть Володю.

(21 [марта]) 3 [апреля]. Конец пребывания в Иваново-Вознесенске; сегодня вечером трогаемся; впечатления такие же хорошие, как и в первый раз; однако чувствуется, что надо в Москву, где все-таки ближе к какой-то машине, с помощью которой ближе можно следить за своей судьбой. По газетным сведениям, на съезде РКП произошел раскол из-за начал единовластия и коллегиальности[40]. Некоторые думают, что это может иметь значение. Я не разделяю такого мнения: милые бранятся, только тешатся.

(27 [марта]) 9 [апреля]. Почти неделя в Москве. Не записывал по обычным соображениям. Первое, что я узнал в Москве, это то, что вопрос о поездке за границу за книгами безвозвратно отложен впредь до того, как будут налажены сношения по внешней торговле. Это значит оттяжка на несколько месяцев, в лучшем случае. Других неприятностей я здесь не нашел, но я давно не испытывал такого прилива душевного мрака, как в эти дни. И разбираясь в нем, я вижу, что это мрак светлый и спокойный — это результат ясно сознаваемого спокойного и холодного ужаса перед тем, что есть и что будет. Смерть всей русской жизни есть факт, уже совершившийся, без надежды на скорое возрождение. Когда видишь этот грязный, разрушенный город, наполненный дикими людьми со звериным образом, берет стыд и ужас. Вчера и третьего дня мне пришлось походить по таким улицам Москвы, на которых я очень давно не был, и, может быть, этот

поход по московским улицам еще сильнее подействовал на мою психику: уж, кажется, привык, а все-таки больно и жгуче стыдно принадлежать к народу-самоубийце, опоганившему все. Очередной визит на дорогую могилу опять заставил меня открыть новых знакомых на кладбище Новодевичьего монастыря — вот куда переселяется старая цивилизованная Москва, которая не ушла, а осталась на месте; она, как и вся Россия, умирает без потомства, без наследия, не умирает, а начисто вымирает; единственно чему, может быть, можно радоваться, так это, что вместе со всеми вымирает и та интеллигенция, которая своими руками уготовала гибель России.

Говорят, что после Пасхи мы должны будем возобновить занятия в Университете; никто только не знает, где мы будем читать, так как из аудиторий наших мы бесповоротно выметены.

Хожу с Володей по Страстным службам, но нет прежнего настроения — все полынь, все прах, все прошлое умерло.

(30 [марта]) 12 [апреля]. Пасха при дивной погоде. Общее положение все то же. Я укрепляюсь в мысли, что все, что мы видим, будет длиться без конца. Получились некоторые сведения из местностей, которые были во власти белых: в Киеве было пьянство и кутежи, сопровождаемые ненужными строгостями. В Ростове тоже. В Ростове скопилось множество народа, которые бегут куда глаза глядят — слышал, что В. Б. Похв[иснев?] бежал в Сербию. Теперь и в Киеве, и в Одессе, по слухам, аресты и насилия, худшие чем в Москве; в Киеве, по рассказам, полагают, что большевики там продержатся долго. Продукты дешевле, чем в Москве, но дорожают с каждым днем.

В светлый праздник были с Володей и Таней в Новодевичьем монастыре; когда шли туда и оттуда, встретили, по крайней мере, до десятка знакомых; пройдя по кладбищу, я еще нашел знакомые могилы. У меня создалось впечатление, что вся Москва, в лице ее лучших представителей, переселяется туда — вот пути, предуказанные судьбой для русских цивилизованных людей — auswandern или aussterben [эмигрировать или вымереть (*нем.*)]. Только жалкие остатки вместе с лучшими элементами, которые поднимутся над теперешней зловонной гущей, быть может, создадут потом что-то на месте теперешних развалин.

На душе мрак; Пасха, одинокая, грустная, как-то особенно содействует этому. Manch Bild aus vergessenen Zeiten steigt auf aus seinem Grabe... [Немало картин забытых времен восстает из своих могил (*нем.*)]. Чтобы выйти из этого невыносимого состояния, хочется принять решение ездить как можно больше, хотя бы по пределам расширяющейся Совдепии, пока Господь из нее не вынесет. А еще решил свою долголетнюю работу — II том истории областного управления — переписать

в 2-х экземплярах и положить в Румянцевскую и Публичную библиотеку, чтоб труд не пропал[41].

(3) 16 [апреля]. Совершенно летняя погода. Отвез Володю к Леле на дачу; остался холостяком. Ездил туда по Окружной дороге, с удивлением узнав, что по ней ходят поезда. Общее положение все то же. Коварный Альбион выступает посредником в ликвидации Деникина. Сегодня был у М. Н. Покровского по вопросам Румянцевского Музея. Получил указания, что Румянцевскому Музею полезно войти в сношение с Комиссариатом внешней торговли. В канцелярии факультета общественных наук мне сказали, что дело стоит остро относительно места чтения. Тем не менее объявил, что начинаю читать 20-го; однако в этот день буду продолжать чтение на дому.

(5) 18 [апреля]. По поводу разговора с Покровским: он говорил, что в Комиссариате внешней торговли в научном отделе нет «никакого аппарата» и что нам следует воспользоваться этим обстоятельством и взять там дело в свои руки; это характерно для господствующей путаницы понятий и для беспомощности правящих.

Слышал о приезде сюда какого-то американца, который имел дело со здравоохранением и с Красным Крестом. Ему нарассказали как чистят Россию «от царских вшей». По слухам, американец, который приехал для снабжения кого-то каким-то продовольствием, хлопал глазами и ушами и производил впечатление наивного человека, который всему верит. Получил «трудовую книжку»: это тот же паспорт, но много хуже прежних.

Вернулся из Италии Кампа и рассказывает, что в Италии далеко не все благополучно в смысле социализма и даже местного большевизма. Все ли правда в том, что он говорит? Мы предполагаем его расспросить подробно, но при этом надо учитывать, «qu'il a la mentalité d'un commis voyageur» [что у него склад ума разъездного приказчика (*фр.*)]. Это совершенно правильно заметила о нем О. М. Веселкина. Московские оптимисты все еще не прекращают своих пустых сплетен и слухов. Самые несбыточные надежды не желают умирать, а между тем пора с ними проститься и понять, что предстоит долгий, тяжелый период, переживут который очень немногие. Вчера хоронили И. А. Покровского[42]. Это большая потеря в бедном мире русских ученых юристов и в не менее бедном численно мире русских крепких людей. На похоронах был один студент в форме. Он напоминал мне свадебного генерала.

(8) 21 [апреля]. Был в Народном Комиссариате Просвещения на заседании комиссии по распределению книг. Предположено национализировать все склады книг и распределять их при помощи учреждения называемого Цурка[43]. Присутст-

вовали некоторые знаменитые советские работники, вроде Ангарского-Клестова (рыжая тупица), тов. Владимирского[44], который говорил умнее всех на этом заседании. Против Цурки более всего возражал некий товарищ Пичит[?], представитель Центропечати. Но он потерпел неудачу во всем, а когда все ушли, то Покровский и управляющий делами Народного Комиссариата Просвещения Маркус дико хохотали, повторяя: «Убили Центропечать!» Картина взаимной грызни была ясна. Радовались, что нанесли вред своему собственному учреждению. Все дни изнемогал от тяжести заседаний.

На общем горизонте ничего. Слышал интересный рассказ о якобы германских коммунистах, которые сюда приезжали. Они требуют себе тех заводов, которые они сами выберут; требуют земли для обработки с правом выселения крестьян, которых они не боятся, потому что будут вооружены до зубов. Всего их должно явиться до 200 000 человек. Вероятно, советская власть их пустит. Я в таком обороте вещей вижу начало мирного завоевания России иностранцами.

(13) 26 [апреля]. Только что вернулся из поездки к Троице; там не хорошо. Комиссия, приехавшая «ликвидировать» Лавру, имеет во главе попа-расстригу Галкина, который при старом режиме был членом Союза русского народа[45] и очень желал быть архиереем, но не получил архиерейства. Вместе с местными большевиками он ведет определенную линию на разграбление Лавры, и будет чудом, если им этого не удастся. Все это как-то невольно чувствуется, когда там находишься, и тяжелое чувство передается, и им заражаешься. Возвращаясь оттуда, я не доехал до Москвы, но с 6-й версты отправился пешком через Ростокино, Останкино и Петровско-Разумовское в так называемое Братцево[46], к моему Володе. Московские окрестности имели много прелестей и по-своему были красивы, но леса кругом Останкина почти все вырублены, в Разумовском начали рубить парк за прудом. Это начало. Разрушение и пустота — вот преобладающие впечатления от прогулки по московским окрестностям; дачи безлюдны; достаточно сказать, что в субботу вечером, при чудной апрельской погоде, во всей главной Петровско-Разумовской аллее была одна человеческая фигура. Такие же впечатления в воскресенье от прогулки в Покровское-Глебово[47] и Иваньково.

В Москве я не нашел ничего нового за протекшие два дня. Впрочем, сообщают о новых арестах в среде кадетской партии; зато других кадетов выпустили, например А. А. Кизеветтера, которого освободили на поруки тов. Рязанова с обязательством явиться на суд трибунала, если его будут требовать. Вид у него хороший; он только говорит, что ему было ужасно скучно.

Господствует некоторое смятение в университетской среде; так как места на Моховой для чтения нет, то собираются про-

тестовать, в то время как здание на Девичьем Поле стоит неиспользованным. Мне думается, что при данных условиях протест — вещь лишняя и ненужная. Какой-то протест готовится и в Университетском совете. И это мне кажется ненужным, ибо Университет, как таковой, убит последовательными мерами большевиков, и пока самому Университету не предоставлено будет себя воссоздать, до тех пор все наши усилия будут тщетными.

Совещание с немецкими безработными учеными не состоялось; почему, я еще не знаю.

По дороге из Троицы И. Ф. Огнев рассказывал мне, что после Л. М. Лопатина[48] осталась рукопись с пророчествами, записанными спиритическим путем и относящимися к тому, что мы теперь переживаем. Т.к. и Л. М. и И. Ф. вне всяких подозрений в искажении истины, то рукопись должна иметь необычайный интерес.

(16) 29 [апреля]. На юго-западе затевается опять какая-то война; поляки лезут на Киев[49]. Снова начинается вековечная распря русских и поляков, в которой ни одна сторона не может понять другой. Как русские не могли понять, что надо отпустить поляков на все четыре стороны, так теперь поляки не могут понять, что забирая западно-русские области, они в будущем открывают эру новых войн между Польшей и Россией. Как раз такого же мнения придерживается сербенин Иованович, у которого мы пили вчера чай с Бахрушиным. Деловых разговоров о поездке в Белград не было, да и не могло быть, но все же, может быть, из этой дружбы что-нибудь и выйдет. Говорят (рассказ Д. Н. Егорова), что большевики подготовляют, или подготовили, польское революционное правительство с Дзержинским во главе[50], но что это будто бы открыто и произвело большое впечатление. Se non é vero... Во всяком случае, Дзержинский куда-то числится официально уехавшим. Видел я письмо, написанное Луначарским в Городской комитет Р.К.П., захвативший помещение Литературно-Художественного Кружка, по поводу серовского портрета Ермоловой, который принадлежал кружку и поныне там находится: так как комитет является фактическим владельцем (так искусно дано юридическое определение) портрета, то он, Луначарский, находит желательным, чтобы комитет подарил его самой Ермоловой, по случаю ее 50-летнего юбилея, или же Малому театру. Дальше идти некуда! Было свидание у Яковлева с А. А. Брусиловым; рассказывал интересные вещи о Николае II. Оказывается, приехав в Могилев после отречения, он вдруг заявил Алексееву, что он передумал и что корону желает оставить сыну. Алексеев тщетно вразумлял его, что это уже поздно и что ничего переделать нельзя; он заставил его вызвать «по прямому проводу» Родзянко и сообщить тому о желании экс-императора.

Родзянко даже не мог не только поднять об этом речи, но вообще принужден был утаить предложение. Курьезно, Николай II дал генерал-адъютантство Брусилову, будучи в Галиции в 1915 г. Николай II обедал в ставке Брусилова и, придя на обед, сказал ему: «Ну вот, я у Вас сегодня обедаю, так поздравляю Вас моим генерал-адъютантом!» Ведь это почти оскорбление, добавлял Брусилов, — дать генерал-адъютанта не за заслуги, а за обед[51].

Сегодня и вчера — заседание факультета и совета Университета по поводу захватной политики так называемого рабочего факультета. Из всего этого — ничего не выйдет. Умер великий Пан![52] Умер Московский Университет! И Бог знает, когда он воскреснет. Я продолжаю свою линию поведения. Ходил и участвовал, пока факультет и совет имели определенное значение и дело. А теперь делать в них нечего.

(19 [апреля]) 2 [мая]. Польское наступление развивается, но меня оно не радует. Польско-русские отношения только еще более запутаются, потому что как из русских лишь очень немногие отдавали себе ясный отчет, что полякам надо дать свободу, так и в Польше, теперь опьяненной и, как всегда, заносчивой, мало кто понимает, что Польша закрепит свою свободу только в своих этнографических рамках. Движение на восток, имеющее шансы на поддержку Западной Европы и даже поддержку некоторых русских элементов, пока в России царят большевики, в будущем станет источником беспрерывных войн и повторит те бедственные отношения между обоими народами, которые просуществовали целые века. А для ближайшего времени это только источник усиления всяких притеснений и ужасов. Но почему поляки двигаются теперь, а не ранее?[53] Быть может оттого, что именно теперь, когда окончательно погибли попытки Деникина, Колчака и т. д., погибла и мысль о единой, неделимой России и, следовательно, можно более всего урвать от русских земель. Но каковы же дураки были те, которые, собираясь восстанавливать Россию, думали это сделать без всяких уступок, как внутренних, так и внешних: ни крестьянам, ни окраинам — ничего. Повторю бессмертные слова Ключевского — они опять не смогли «доказать мужику, что он дурак, и поладить с окраинами». Воистину, более общественно глупого народа, чем русский, нельзя себе представить.

Празднование 1 мая было обращено в «субботник». У нас в Музее чистили сад, разбрасывали остатки снега от стены книгохранилища; делали, конечно, очень мало, а больше болтали, а молодежь просто веселилась. Город был заклеен афишами обычного гнусного вида, но красной материи было мало; вероятно, ее вообще стало гораздо меньше. 30-го у меня

была опять беседа с Покровским о закупке иностранных книг. Ему пришлось втолковывать много азбучных истин; я из этой строго деловой и узко деловой беседы вынес впечатление, что он настолько утомлен, что даже не вполне нормален. Мне говорили об этом другие, но сам я лишь впервые мог это наблюдать; очень характерно, что истерическую прокламацию от[носительно?] Польши, напечатанную в «Известиях» 30 апреля, он сериозно назвал «Манифестом о войне с Польшей»[54]. Ils se gobent [Они с самомнением (*фр.*)] и искренно впадают в тон и язык старого времени. Субботу вечер и воскресенье у Лели, куда вернул Володю, который был в Москве два дня. Похороны бедного Шуры Граве были очень сердечными; были речи на могиле; говорили несколько студентов и один, весьма правда пошлый, профессор (Д. Л. Черняховский, дурак, не то большевик, не то с.-р.).

(22 [апреля]) 5 [мая]. Наступление поляков продолжается, и Киев если не взят, то, во всяком случае, потерян заранее. Событие дня — образование «особого совещания» для принятия военных мер притив поляков. Во главе совещания Брусилов; в составе его Поливанов, Клембовский, Гутор и другие генеральские ошметки великой войны[55]. Некоторые хотят в этом видеть признаки какого-то поправения большевиков. Я этого не думаю; скорее, это привлечение генералов на роль манекенов; а для генералов — это золотой мост для перехода на паек[56], так как якобы гражданская война кончилась, а теперь началась война с иноземцами. Для большевиков генералы — ширмы, за которыми им легче вести свою политику: очередной обман это маскирование себя генералами, инсценировка национальной войны. Для России едва ли что может быть полезного от создающегося вновь положения войны: попытки наведения порядка в России при помощи белых безвозвратно разрушились вследствие глупости, неумения и ссор; Россия стала решительно большевистской, и для внешнего мира Россия и большевизм вероятно теперь почти синонимы[57], а отсюда выход такой: борьба с большевизмом будет борьбой с Россией при помощи окраин, которые идут на Россию и будут от нее отрывать все, что могут. И вот в борьбу мира против большевизма вводится новое оружие — русское национальное чувство. Но на кого оно будет работать? Не на благо России, которую нужно защитить от поляков, а на благо и укрепление большевизма, который за ширмами национального чувства и пользуясь, как манекенами, именами Брусилова, Поливанова и других, будет продолжать разлагать мир и пытаться силой оружия внедрять коммунизм и анархию как можно шире. Вот почему я не жду ничего хорошего от тех новых явлений, которые наблюдаются в последние дни. Просвета нет, как прежде, а материальное и нравственное положение нас — военнопленных, покоренных интернациональ-

ными коммунистами — от войны с Польшей в ближайшие месяцы может стать только еще более тяжелым.

(24 [апреля]) 7 [мая]. Газеты полны комментариями генеральской капитуляции. Большевики высказываются в том духе, что генералы признали необходимость советской власти и кричат это urbi et orbi [здесь: на весь мир (*лат.*)][58], в буквальном смысле этого выражения. Напечатали письмо Брусилова, в котором он предлагает учредить совещание и не отказывается от службы большевикам[59]. Сегодня я слышал предположение, что Брусилов, быть может, написал это письмо в ответ на предложение занять более ответственное место, но что он таким образом спрятался за совещание. Во всяком случае, большевики теперь играют на этом громком имени, как они в то же время играют на патриотизме и будут играть на чем угодно, только бы добиться целей, которые они себе ставят.

Был на даче у Лели Курдюмовой проститься с Володей перед поездкой в Петербург. Оттуда вернулся по Окружной дороге на Курский вокзал по северному полукольцу. Кладбища паровозов тянутся от Серебряного Бора до Владыкина[60]; на Казанской-Сортировочной — бесконечный парк мертвых вагонов. Курский вокзал какой-то грязный и жалкий; оттуда я шел по Воронцову полю мимо бывших немецких дворцов, которые теперь или разграблены, или заняты какими-то интернациональными войсками; Хитров рынок — пуст. На Варварке[61] какая-то девица спросила меня, не знаю ли я в Москве какой-нибудь гостиницы, так как они идут с вокзала на вокзал, очень устали и хотят ночевать. Я принужден был ей ответить, что прежде в Москве гостиницы были, но теперь я не знаю, есть ли они. Мой путь лежал в Университет — в заседание Общества Истории и Древностей Российских — тихий уголок, где пахло старой Русью и старой Россией. Над нами топали ногами посетители клуба рабочего факультета, захватившего все старое здание после захвата нового[62], но мы продолжали свое дело.

Кстати мне хочется отметить, почему я упорно не хожу в факультет и совет Университета. Я был самым исправным их посетителем тогда, когда их работа была работой, и притом ответственною; теперь ни в факультете, ни в совете нет никакой работы, у них нет никаких прав и почти нет обязанностей. Так лучше не терять дорогого времени.

Слышал, что в музейской столовой обнаружено что-то вроде панамы: соль продавали на Смоленском[63], имея большие запасы, почти вовсе не кормили, и это на голодных товарищах. Вот она, русская сволочь!

Петербург, **26 [апреля] / 9 мая — 7/20 мая 1920.** Поездка эта была мною намечена давно — как средство переменить место и немного забыться, и чтоб закончить, наконец, мою

работу над областным управлением XVIII века некоторыми справками в Архиве Государственного Совета. Их я все откладывал до того времени, когда «будет лучше». Увы, этого «лучше» я не дождался и решил, что и не дождусь. Т. к. в Совдепии без командировки не ездят, то была устроена командировка от Музея для отбора книг из Публичной библиотеки и других мест. Я ездил с моими коллегами, Киселевым и Петровским. Мы выехали утром на одном извощике, который был нанят за 5000 рублей, и сидели, как прежде делали кухарки, на своих чемоданах. На железной дороге приятный сюрприз: с нашими плацкартами нас впустили в совершенно чистый вагон II класса последней конструкции, с широкими лавками и широкими окнами; нас было 8 в купе, но народ был вполне приличный, и так как в распоряжении нас троих была верхняя лавка и половина нижней, то мы устроились вполне удовлетворительно с ночлегом. Поезд шел 23 часа; натиска не было нигде, ехали как в доброе старое время. Буфетов нет, кое-где лишь советское пойло, именуемое кофе, и подозрительные кусочки чего-то под названием мяса. Зато продают молоко, местами масло и яйца. Молоко — 150, 180 рублей кружка, а к Петрограду 250 рублей; масло около 2500 рублей; яйца — в середине дороги — 100 рублей штука, к Петрограду 150; так как мы имели свои запасы, то питание было и достаточным и приличным. Для обратного пути нам посчастливилось еще более; для троих мы получили купе 1-го класса (двухместное) в международном вагоне. В том же вагоне было еще два купе, занятых возвращающимися москвичами, и почти не было жидов, к удивлению. И туда и обратно при входе в вагон у нас совершенно пропали всякие мысли о вшах и тифе.

Подъезжая к Петрограду, я задавался мыслью, что я увижу, выйдя из вагона, и прежде всего меня поразила надпись: «Въезд в Кронштадт воспрещен», красующаяся на перроне. Как будто в Петроград только и едут, чтоб попасть в эту ужасную лабораторию русской революции. И в этом видно самоупоение и самопереоценка революционного хамья. Знаменская площадь как была, так и осталась с бегемотом в виде Александра III. По Невскому немного народа, но вывески целы и некоторые магазины открыты. Это создало очень благоприятное первое впечатление, чего-то менее разоренного, чем Москва. Около Публичной библиотеки я отделился от моих спутников (10 мая, день приезда) и отправился на информацию. Императорская Публичная библиотека, как всегда, холодна, чинна, но любезна. И физический в ней холод до сих пор, потому что какая-то особенно разумная комиссия до последних дней запрещала открывать окна, так как это якобы вредно для книг. Познакомился с Э. Л. Радловым[64-65], производящим очень приятное впечатление, и с «правитель-

ственным комиссаром» Андерсеном, рыжим чухонцем и революционным молокососом, как его определил С. Ф. Платонов. Из Публичной библиотеки я прошел в здание Министерства Народного Просвещения и разыскивал там один из новых библиотечных органов. Я бродил по огромному зданию совсем как по замку Спящей красавицы — все пусто и точно зачаровано. Оттуда я прошел в дом Сената на Английской набережной, где теперь помещается Главное Управление Архивами, где застал С. Ф. Платонова, который с первого же слова повлек меня к себе и тем разрешил угнетавшую мысль о том, где мне преклонить голову.

В семье Платонова я встретил такой родной прием и такую теплую ласку, какие не часто встретишь у самых настоящих родственников и старых друзей, и, конечно, это тоже наложило печать на мое пребывание в Петрограде.

С 11 мая я начал занятия в Архиве Государственного Совета, испытывая тот захват, который в старое время нередко давала мне архивная работа. Какое счастье сидеть с документами, зная, что тебя никто не потревожит и никуда не нужно спешить. 5 дней занятий дали мне возможность закончить мою долголетнюю работу и приступить к конечной обработке тех мест исследования (Областное управление, 2-й том), которые до того оставались без движения.

Кроме архивных занятий, которые и были моей главной целью, я вместе с товарищами моими выполнили Музейские задания; для этого нам пришлось побывать в некоторых совдепских учреждениях, разговаривать с товарищами (Севцентрпечать, Петроградское отделение Госиздательства); все это было очень скучно и нудно, но в итоге мы все же обеспечили для Музея немало источников для получения книг, однако, при условии найти средства доставить их в Москву. По-видимому, нельзя будет найти иного, как выпрашивать теплушку или вообще вагон и в вагоне везти их в Москву.

Остальное мое время уходило на посещение петербургских знакомых, главным образом среди профессоров-историков. Перехожу теперь к той сумме впечатлений, которую я вынес из Петрограда.

Те люди, в среде которых я вращался более всего, т. е. наши историки, живут тверже и бодрее, чем наши москвичи; у них нет маразма, который овладел почти всеми нами. Их не так теребят большевики, потому что они дальше от центральной большевической власти, и в то же время Петроград остается большим русским культурным центром, даже самым большим, как и ранее, и потому большевики не могут обращаться с петроградской буржуазной интеллигенцией так, как они это делают в провинции. В Петрограде — все выгоды от отдаления власти. И нет ни одного минуса, вытекающего от этого отдаления. Затем в Петрограде можно печатать, что

фактически немыслимо в Москве. Для нашей братии в этом есть некоторое преимущество. Пайки, которые в общем везде способствуют некоторому успокоению нервов, прошли в Петрограде ранее, и к ним более привыкли, чем в Москве. Все это создает более спокойный [так в подлиннике] resignation [покорность судьбе (*фр.*)]. Иначе я не могу назвать их настроение, потому что все, с кем я ни говорил, на положение вещей смотрят безнадежно и если на что рассчитывают, так только на медленную эволюцию. Пришлось мне, впрочем, видеть и более тяжелые картины: например в семье Шмеман, член Государственного Совета и сенатор 1-го департамента[66], служит в конторе какого-то коммунального хозяйства; семья раскидана, продают вещи; сам сильно одряхлел и единственно в чем видит спасение — в резком и скором переломе. Видел бывшего директора Императорских театров Теляковского[67], который занимает скромное место на Николаевской дороге и поддерживает себя мелкой спекуляцией.

С внешней стороны Петроград лучше Москвы, ибо он много чище ее. Когда чистили улицы от снега, то грязь складывали посредине улиц с трамваем и при помощи последнего вывозили ее. Больше трамваев, нежели в Москве, но гораздо менее лошадей и автомобилей; именно последнее создает, главным образом, впечатление пустоты, а не отсутствие людей, которых хотя и неизмеримо менее, чем ранее, но всетаки достаточно. У меня осталось впечатление, что из Петрограда исчезли главным образом два слоя — верхний, аристократический и правящий, и нижний — все неисчислимые новгородские, псковские, тверские, вологодские и прочие мужики, которые приходили туда для промыслов. Очень пуста Нева, по которой редко-редко пробежит буксир с дровяной баржей; только за Николаевским мостом можно видеть довольно много судов Балтийского флота, покойно стоящих у берега, в то время как «краса и гордость революции» в брюках cloche [клёш; букв.: колоколом (*фр.*)] разгуливает по набережным под ручку со своими дамами. Их особенно много вокруг Крепости и около Английской набережной, где они захватили весь квартал, выселив из него жителей. В противовес этому можно сказать лишь одно — в Петрограде куда меньше жидов, чем в Москве (l'un vaut l'autre [одно другого стоит (*фр.*)]). Нечего и говорить, что в Петрограде нет прежней чинности. Достаточно сказать, что в теплые вечера нынешнего беспримерно раннего лета я видел, как в Лебяжьем канале купались мальчишки и как на Стрелке купались взрослые руководители школьных или нешкольных экскурсий горильих отродий. Очень пуст Каменноостровский [проспект], на котором я жил: в чудные вечера начала мая только «трудящиеся» возами таскали сирень из дач Каменного острова, тогда как прежде от экипажей здесь стонала бы мостовая.

Молчат фабрики, нет дыма, воздух чист, и потому на Каменноостровском, начиная почти от Крепости, комары вились стаями.

В смысле пищи я был поставлен в очень хорошие условия. Я привез с собой довольно много и большую часть упросил взять Н. И. Платонову; остальное, меньшая часть, пошла мне на завтраки, и таким образом мне вовсе не пришлось ходить по столовым и терять в них время. Кое-что я в последние дни прикупил на рынке. Ходя по рынку (на Петербургской стороне), я убедился, что там есть более или менее все и что цены почти сравнились с московскими: хлеб — 350, пшено — 400, масло — 3000.

Из таких мест, куда ранее не пускали, я был в двух — в Строгановском и в Каменноостровском дворцах: первый — это настоящий palazzo [дворец (*ит.*)], какие в Генуе и Венеции показывают за деньги. Второй сильно испорчен от госпиталя, устроенного в нем владелицей, принцессой Саксен-Альтенбургской[68], в первые месяцы войны; однако в нем сохранились парадные комнаты, напоминающие Александра I — маленькие комнаты, вероятно, его личные апартаменты. Интересен дворец еще и потому, что это едва ли не единственное цельное произведение Баженова.

Сумма моих Петроградских впечатлений была скорее положительная. Выше изложены причины этого. Я уехал с мыслью, что Петроград — не мертвый город, но спящая красавица, которая пробудится со временем к новой, хотя, быть может, и иной жизни, чем прежде. Во всяком случае, в эти ужасные годы он сохранил свое значение наиболее цивилизованного из русских городов.

(8) 21 мая. Не доезжая Москвы, слез в Ховрине и прямо прошел на дачу Павлова близ Окружной дороги. Идя через Ховрино, встретил С. Д. Бахарева, которому, наконец, удалось устроиться заведующим хозяйством санатории. Он пригласил меня напиться кофе и, к моему неописанному удивлению, привел меня на дачу, где мы жили в 1879 году. Судьба играет нами не только в крупном, но и в мелочах. Володю нашел в порядке. Ходу до дачи 50 минут.

(9) 22 мая. В Музее все благополучно. Скандалов нет; в порядке и на кладбище. Возвратился в Братцево, где оставался все воскресение.

11/24 — 15/28 мая. Московская жизнь потекла своей обычной гнусной чредой. Мрак души, чуть-чуть развеянный поездкой, снова воцарился в моей душе. Вечные разговоры и всеобщая [...] сплетня, слухи, перебивающие один другой. Полное неумение производительно заняться в моих двух комнатах. Мрачные думы о том, как на свете жить одинокому и как воспитывать Володю; снова какие-то шпигования из комиссариата по делу о книжных приобретениях за границей,

из которых ничего не выходит, — вот атмосфера, в которой я вращался всю эту неделю. Я почти не читал газет и ловлю себя на том, что мне хочется уже сразу узнать, чем кончится война с Польшей. Сначала большевики испугались, потом ревели победу, теперь опять повесили нос. Но я не верю ни их крикам, ни досужим сплетням томящегося в неволе буржуя. Одно можно сказать — что дело не совсем шуточное и что какой-нибудь результат все же возможен. О Боже — хоть какой-нибудь бы выход из этого тупика.

(16) 29 [мая]. Отправились с Володей в 6-дневную экскурсию в Пестово и Сергиев. В Пестове я не был два года. Все запущено, но хозяева бодро держатся. В галерее — театр культурно-просветительного кружка, где Володя Репман руководит гориллами; во флигеле — [...] с экс-буржуями. Прошли туда со станции 3 часа, с остановками в ¾ часа. Нетронутым остается средний корпус дома, где я и стараюсь сидеть; у меня нет ни малейшего желания гулять или двигаться — не от физической усталости, которой я не чувствую, а от утомления нравственного. Не смотрели бы мои глаза ни на что. Писать или читать — единственное, на что я еще способен.

(18) 31 [мая]. Чудесный день. В Пестове, в галерее спектакль горилл; они играют «Женитьбу». После этого бал до 6 часов утра; режиссер Володя Репман. Хозяевам делает большую честь их энергия в отстаивании своего гнезда. Энергии обязаны они тем, что и сейчас живут здесь. Но все же тяжко видеть все вокруг, оскверняемое человекообразными обезьянами. Мне кажется, что я — не я и не здесь. Формы прежние, содержание новое. Более чем когда-либо чувствуется, что наше существование — даже не житие, а какое-то посмертное бледное отражение прежней жизни. Мы уже не люди, а «души бледные скотов».

1 июня. Совершенно спокойный день в Пестове. На душе все то же, но физически отдыхаешь, воспринимая природу, сияющую вечной красой, даже здесь у нас, на скучном севере.

2 [июня]. Переезд к Троице; на железной дороге попали в поезд, наполненный бабами, ехавшими на базар к Троице. Сегодня все утро в делах, главным образом в связи с вопросом о передаче Лаврской библиотеки в состав нашего Румянцевского «филиала». Лавра, закрытая и поруганная, производит тяжелое и грустное впечатление. У соборов, которые были распечатаны только на Троицын день, стоят хулиганы с ружьями и стерегут печати. В часы служб на Троицу производилась продажа антирелигиозной и антицерковной литературы. Вместо угашения веры ее возбуждают. Всегда та же ошибка.

(21 [мая]) 3 [июня]. Продолжение отдыха в Сергиевом По-

саде и полное отсутствие каких бы то ни было новостей. Доехали хорошо. В Москве новостей мало. Все по-прежнему.

В Духов день в Сергиевом Посаде было возмущение, когда хотели запечатывать вновь собор. Бабы ревели. Некоторые придают этому значение как симптому. Я думаю, что эти мелочи большевикам вреда не принесут.

(29 [мая]) 11 июня. Все эти дни Москва вновь жила слухами. Наступление поляков привело к поражению русских большевиков под Борисовом, что они и сами признали в своих бюллетенях, хотя и с оговорками и умолчаниями, как всегда. Одновременная попытка нажать с юга привела в Москве к оживлению всяких слухов, надежд и даже расчетов. Я по-прежнему преисполнен всяческим скептицизмом. Пока не произошло ничего такого, что можно было бы считать решительным ударом по большевической власти. А процесс гниения внутри этого несчастного трупа, называемого Россией, может продолжаться бесконечно; я всегда это говорил и готов повторять это бесконечно.

Очередной поход на Университет: рабочий факультет, отнявший у нас все аудитории, теперь желает, чтобы все дела в Университете решались в правлении, в том числе и учебные, чтобы просто съесть все, что еще осталось. Когда правление или, точнее, профессорская его часть воспротивилась этому, то рабочий факультет и студенты-коммунисты заявили, что они переносят дело в комиссариат. А комиссариат сам как бы умывает руки. Было бы логичнее просто все закрыть и уничтожить

12 июня. Наблюдал нравы на базе строения мостов: аресты, угрозы чуть не расстрелом, принудительные работы [...] с особой ясностью чувствуются прелести социалистического строя, граничащие с рабством. Общее положение все то же. Англия продолжает вести «морганатические переговоры[70] с большевистской сволочью» Мне кажется, что честную и последовательную политику ведет только одна brave vieille France Но, увы, я очень боюсь, что в будущем ее русские симпатии безвозвратно перейдут к Польше, пока и эта славянская душа не посадит Францию в лужу, как это уже сделал русский народ-богоносец и его гнилая и беспринципная интеллигенция.

15 [июня]. Потрясающие лгуны объявили, что поляки взорвали в Киеве Владимирский собор[71], и взывают к православному чувству. Что, они лгут и на этот раз? Думаю, что в этом деле все их поведение будет вроде басни «Волк и кот» — никого они не уверят и никого по-настоящему против поляков не поднимут. Но как утомителен и противен этот бег на месте с отступлениями и наступлениями! Когда конец и где?

18 [июня]. Я мало записывал эти дни, потому что кончал свой 2-й том «Областного управления». Вчера вечером, или, лучше сказать, в тиши ночной, я, наконец, поставил последнюю точку над моим 12-летним трудом. «Миг вожделенный

настал, окончен мой труд многолетний. Что ж непонятная грусть тайно терзает меня?» Терзает она меня потому, что я действительно «стою как поденщик ненужный»? Я и закончил эту работу, чтоб довести начатое дело до конца перед ликвидацией моих научных занятий. Продолжать это ненужное дело можно только для собственного удовольствия, как наркотическое средство, чтобы хотя порою забыться от всех ужасов и от отчаянной скуки, которая овладевает мною постепенно. Ничего больше не хочется, только покоя и забвения.

Сегодня я попал в Военно-историческую комиссию, где читался доклад о «рижской операции» в августе 17-го года, т. е. бегстве развращенной русской армии из-под Риги. Доклад делал генерал Парский, сморщенный лимон алкоголического типа. Из именитых деятелей был пресловутый Вацетис[72], скобленое гаерское рыло, видимо, неглупый плут, но не более. Генералы говорили о том, как их били, и мне не чувствовалось, чтобы кому-нибудь из них было особенно больно за себя, за армию, за Россию. Прежде столовые, теперь паек, вот все, что стояло и стоит на первом плане у русских вождей. Слушатели были большей частью обезьяны, настоящие горилльи хари, призванные составить новое русское офицерство во славу мирового пролетариата. Было интересно, но я ушел с чувством боли, стыда и жалости.

Общее положение запутано. Как согласить морганатические переговоры товарища Красина с нажимом на советскую республику и дикое улюлюканье Ленина в письме к английским рабочим с чьим-то желанием войти в какие-то переговоры с товарищами[73]. Когда же на Западе поймут, что как ни гнил очаг большевизма, он все же вреден для Европы? Вшивый бедлам, как обозвал РСФСР на днях Черчилль[74], все-таки бедлам, полный потрясающих лгунов, готовых надувать все и всех, не имеющих ничего святого, лгущих направо и налево и ставящих себе задачей вредить европейским государствам, где только они могут. Характерно их сближение с турками, восставшими против Антанты; они дружат с турецкими панисламистами, националистами, младотурками, которые восстанавливали кавказских горцев против Деникина, а теперь приехали в красную Москву. Представители этих людей являлись к нам в Музей[75].

(9) 22 [июня]. Провожу неделю в Пестове. Из всех летних резиденций и уголков, это последний, для меня не потерянный и не вполне потерянный для хозяев. Чтобы попасть сюда, пришлось преодолеть 12 верст пешком, с полуторапудовой ношей на плечах. Погода была не слишком жаркая; однако, проделав такую вещь, я чувствовал себя утомленным, особенно утомлены были ноги — все остальное выдержало отлично. Сколько старых воспоминаний связано с Пестовом. Веселье ранней молодости, позднейшее раздолье в дни вели-

колепия Репманов, тихая дружба при Ниночке. Теперь все запущено; удержавшиеся хозяева рубят и пилят дрова, носят воду, стряпают и даже стирают, чтоб жить в тепле и в своем старом углу. Мы живем так, как живут здесь все, и участвуем в общей работе; в мои обязанности входит носка воды и дров и поливка огорода. Таковы досуги современного профессора. Все же за это получается много. Во-первых, общение с людьми, которых любишь, а ведь их остается так немного; потом природа — наша скверная, гадкая природа, но все же в летнее время привлекательная. Третьего дня мы ходили с Володей Репманом, крадучись, за 3 версты на мельницу покупать муки и, также крадучись, принесли домой полтора пуда (как это характерно для современных нравов и порядков!). Был дивный прохладный влажный вечер, и «серая» ночь понемногу наступала. Это именно то, что я люблю летом в наших широтах. В деревне [?] здесь тишина и временное забвенье. А ведь и душа и тело жаждут отдыха. О политике не знаю ничего уже 4 дня.

(11) 24 [июня]. Еще два полных дня полного спокойствия без каких бы то ни было известий из большевицкого мира. О том, что мы переживаем, напоминает только необходимость исполнять разные работы. Я специализировался главным образом на пилке и колке дров и на носке воды. Тем не менее остается немало времени для занятий. Более, чем когда-либо, живя в издавна известном месте, отпадает охота гулять. Както особенно охотно заменяешь гулянье работой. Слышал от О. Л. У. рассказ о письме Осоргина («Русские Ведомости»)[76] кому-то, задержанном военной цензурой; в нем описывались спиритические сеансы, бывшие до войны, в которых было предсказано все, что после войны будет переживать Россия. Если сопоставить это с тем, что я слышал от И. Ф. Огнева о таких же сеансах, в которых участвовали среди других он сам и Л М. Лопатин, то впечатление получается большое и внушительное. Я при этом не могу не вспомнить также маленький сеанс в г. Симеизе в июле 1915 года, в котором участвовали Нина, Таня, двое Калужских, Куприянова и Байдакова; некий дух объявил им: 1) что в 1917 в России будет революция, 2) что Николай II и Александра Федоровна будут убиты, 3) что Алексей не будет царствовать, 4) что ни Россия, ни Германия не будут победительницами. Последнее казалось мне совершенно диким, а все-таки сбылось.

(14) 27 [июня]. После недели в деревне возвращение в постылую и паскудную Москву. В общем все, что касается меня, более или менее благополучно. Общее положение все то же. Врангель на юге несколько подвинулся. Когда же, наконец, конец этой ужасной войне? В вагоне слышал такой интересный рассказ: на съезде школьных работников в Сергиевом Посаде было констатировано, что из сельских библиотек вовсе не берут так называемой политической литературы,

т. е. попросту агитационной, большевицкой, при этом члены съезда из коммунистов заявили, что если начать ее распространять искусственно, то изобьют или убьют. Словом, большевицкая пропаганда в деревне в данный момент немыслима. Это очень интересный факт. Расстояние от Пестова до станции без груза легко прошел в два часа пять минут и попал на сергиевский поезд, в который удалось влезть довольно свободно.

(19 [июня]) 2 [июля]. Неделя в Москве. Настроение самое возмутительное. Полный маразм. Везде на фронтах — бег на месте. Я опять и в 1001-й раз думаю, что все наступления — это только горе и бедствие для нас, что нужно оставить дело идти своим путем, и тогда результаты скажутся через несколько лет. Сегодня прощался с Вилькенами. Счастливые люди — жить в цивилизованном мире, дышать свободно и устраивать дела свои, как велит разум и склонность. Все-таки странно будет в Москве без Вилькенов. Глядя на них и исходя из моего состояния маразма, я опять все думаю — как бы уехать вон. Теперь маячит новая комбинация — экспедиция в Ревель, чтоб выписывать там библиографические сведения из иностранных журналов и собрать сведения. Мечтаю вечером отправиться к моему Володе.

Вчера А. С. Николаев напомнил мне то, о чем уже говорили в Петербурге Рождественский и Платонов: 5 мая был 100-летний юбилей Соловьева[77], и мы, московские историки, никак не реагировали на это событие. Вот как действует на нас то, что приходится переживать!

(24 [июня]) 7 июля. Пестово. Вновь несколько дней пью чашу забвенья и отхожу от непосредственных впечатлений Москвы. Мое личное состояние можно определить как желание разрешить квадратуру круга. Я все сижу и думаю, как разрешить задачу остатка моей жизни, как выйти из пустоты и скуки, которая меня окружает. Все-таки, думается, нужно попытаться выйти из положения путем выезда из России. Пусть не выйдет один раз, выйдет другой. Здесь ждать нечего ни в общей, ни в частной жизни. Сегодня друг Шамби привез кое-какие известия из Москвы. Сквозь его обычный пессимизм сквозит все то же безнадежное состояние насильственно убиваемой страны и народа. Россия, предаваемая во власть полуучек — шоферов, третьего элемента, невежественных вралей — людей, побывавших на юридических факультетах, не сделавшись юристами[78], хамов, дураков и грабителей, перешедших под эту власть при благосклонной помощи социалистующей интеллигенции — погибает. Случайно руль истории повернул Россию в эту сторону; случайно он мог бы повернуть ее в другую сторону. Я все более и

более прихожу к заключению, что случайность, именно случайность, есть истинный двигатель истории.

Здесь время проводится, как ранее, между занятиями умственными и физической работой; сегодня с Шамбинаго перепилили почти целую березу.

(26 [июня]) 9 [июля]. Продолжаем работать — пилить березу и убирать сено. Вестей никаких, погода отличная. Радуюсь, что хоть мой Володя наслаждается чудесным воздухом и деревней. Не хочется думать о том, как решится задача нашей жизни, ибо нет более тяжелой думы, чем эта.

(28 [июня]) 11 [июля]. У бывшего управляющего был обыск по подозрению в спекуляции, конечно по доносу, хотя у данного типа рыло во всяческом пуху. Во время обыска он вынес и поставил у крыльца под куст шкатулку с деньгами. Через четверть часа ее уже не было: кто-то украл. Таковы нравы в этой стране. Воры, по-видимому, — крестьяне, вселившиеся самовольно в территории[?] имения. В остальном все то же. Тихая тоска на лоне прекрасной погоды. Ем, сплю хорошо. Чего еще более? Наслаждаюсь купаньем. Разве мало? Занимаюсь исподволь педагогией с сыном. Начал кое-что читать для предложенной в будущем работы по объяснению русской современности. Читаю Хомякова[79]. Боже, какая вода, какое неудержимое словоблудие в его публицистических статьях. Англекане [?] = угличане = славяне. Это предел вздорной и претенциозной чепухи. А ведь это один из самых крупных славянофилов!

(29 [июня]) 12 [июля]. Петров день, который, чтоб не сделать буднем, я употребил на путешествие к Троице. Там подготовил я дело принятия Лаврской библиотеки, с оставлением при ней иеромонаха Алексея и С. П. Мансурова[80]. Нельзя было подписать акта, потому что комиссия по распределению лаврских помещений еще не закончила свои занятия и не передала библиотеки в отдел по делам музеев, который, в свою очередь, должен передать ее нам. Какова бюрократическая волокита! По поводу библиотеки я имел счастье познакомиться сегодня с товарищем М. Т. Смирновым, председателем исполкома Сергиевского совдепа (Боже, что за титул!). Я увидал перед собой довольно приличного и любезного человека, но определенно тип ограниченного и глупого человека из народных учителей, верующего в коммунизм и большевизм и к тому же, по слухам, честного. Несомненно, это один из самых вредных типов, господствующих в наше время. Однако для данного времени договориться с ним было легко.

Вечером, по невыносимой жаре, путешествие в Москву. Здесь, по-видимому, без особых скандалов, судя по всему, что я придя узнал на квартире. Общие новости те, что Врангель не сломлен, а поляков пятят большевики. В чем дело, раскусить и понять невозможно. Направляясь домой, я думал и

пришел к заключению, что в самом тяжелом состоянии я бываю во время передвижений, когда видишь перед собою внешнюю жизнь и когда на этом ужасном фоне разрушения и горильего разгула видишь собственное одиночество и крушение всего. Обезьяньи рыла в поезде, советские б[....] в бесчисленном количестве на стенах обезображенной и поруганной Москвы действовали на меня сегодня более удручающе, чем когда-либо. Никогда так не выступает чувство беспросветности и безвыходности, и никогда так ярко не просыпается желание бежать без оглядки далеко-далеко, куда глаза глядят. Буду опять делать попытки в этом направлении; кто знает, может быть, когда-нибудь и достигну результата — спасусь сам и спасу Володю для культурной жизни.

(2) 15 [июля]. Не совсем обычное окончание семинарских занятий. По желанию моих слушателей был предпринят пешеходный поход в Коломенское, Дьяково и на так называемое Чертово городище[81]; к малочисленным слушателям примкнули С. В. Бахрушин и молодая чета Виноградовых. Несмотря на жару, прогулка была совершена очень приятно. Много говорили на исторические темы, а на Чертовом городище я прочел маленькую лекцию. Молодежь выражала желание, чтобы подобные прогулки повторялись. Коломенское мало изменилось за 4 года со времени моего последнего посещения; нужно признать, что и дворцовое ведомство достаточно держало его в запустении.

(5) 18 [июля]. Попал в Пестово на один день, после отвратительной московской недели, тогда как рассчитывал приехать дней на 10. Вся неделя прошла в обычной скуке, и тоске, и маянии, и все, казалось, было благополучно, как вдруг вчера произошло чрезвычайное событие, вполне под стать всей современной жизни. В Музее (а также и в Историческом музее) был произведен обыск по предписанию ВЧК или, по терминологии комиссаров, «операция». Я подходил утром к Музею от Дольников, когда мне навстречу попались шедшие от Музея двое служащих, которые сообщили мне, что все здания окружены красноармейцами, что туда впускают всех, а оттуда не выпускают никого. Я, конечно, отправился туда и узнал, что в 5 часов утра приехали 24 комиссара с 24 красноармейцами к председателю домового комитета Георгиевскому и предъявили мандат на закрытие Музея на 7 дней и на производство обысков во всей территории Музея и на задержание подозрительных лиц. В 7 часов были предупреждены Голицын, Виноградов, Долгов[82], Романов и я (который отсутствовал), и начался обыск в Музее, главным образом в подвалах; задание их было найти подземные ходы в Кремль и оружие, а попутно — золото и бриллианты. После обыска во всем подвальном этаже они обыскали квартиры служащих. У меня обыск продолжался часа полтора; у Мензбиров тоже; но

на нем я уже не присутствовал. Товарищ комиссар обошел мои две комнаты, затем приступил к осмотру моего письменного стола, где не нашел ничего, как, впрочем, и нигде ничего не нашел. Сначала он был вежлив, но сдержан; потом стал проще, попросил, может ли он закурить; мукой он не интересовался. В общем, я не могу пожаловаться ни на какую-либо некорректность с его стороны. Мне было сначала неприятно; потом стало все равно, и я говорил с ним совершенно хладнокровно. Я не могу сказать, чтобы этот человек оставил во мне особо скверное воспоминание. Из обысков только обыск у тов. Райского[83] дал существенные результаты: 160 000 рублей кредитками, и притом частью николаевскими. Служащих в Музее держали взаперти до 4-х часов; затем все уехали, подтвердив, что Музей закрыт на 7 дней для публики, но что служащие должны быть на местах. Затем последовало совещание, на котором решили довести обо всем до сведения Народного Комиссариата Просвещения и ждать дальнейших событий. Подземных ходов они не нашли; из оружия — только 4 винтовки японских 1904 года, находящихся в этнографическом отделении. Опечатали они два подвала. Были, в общем, вежливы; говорили, что они нам, наверно, надоели и что такой обыск не имеет смысла — либо надо все перерыть, либо надо бросить дело. Их, по-видимому, смутило большое количество ящиков. Свои вещи, лежавшие в Музее, я благополучно вынул и вынес при них. Не знаю, что ждет нас дальше, но, во всяком случае, я наказан тем, что должен сидеть в Москве несколько лишних дней.

(9) 22 [июля]. Снова в Пестове, после 2-х дней, бесплодно проведенных в Москве. За воскресенье — среду утром дело не подвинулось. Музей закрыт, причем в понедельник велели его закрыть даже для занятий. Вместе с Виноградовым я ходил к Покровскому и к Луначарскому. Первый, по-видимому, действительно ничего не знал обо всем нашем деле. Он советовал выждать положенное время и открыться. Луначарский сообщил, что он был, действительно, обо всем осведомлен, но что это «направлено не против вас; надо было только проверить некоторые обстоятельства». Мое впечатление таково, что они не думают, что дело у нас сериозное, но что если ЧК раздует его, то они за нас не заступятся. Слухи об этом эпизоде в Москве ходят самые невероятные. Уверяют, что у Голицына найдены пуды золота, а у [...] в отделении ящики с оружием. Из нашей столовой пошел слух, что в понедельник был в Музее новый обыск, что приехали 80 комиссаров на нескольких автомобилях. За обыск приняли какую-то хивинскую делегацию, которая, оказывается, находится в Москве и которая в присутствии агента ВЧК осматривала Музей. Так живется ученым учреждениям при диктатуре пролетариата.

Вся Москва готовится к празднествам в честь конгресса

коммунистов[84]. На Красной площади — сооружения, до некоторой степени напоминающие коронацию. Кроме арок, ставят еще громадную трибуну в виде горы, псхожей на гору в Вифанской церкви[85]. От всего этого тоска и мрак души.

(10) 23 [июля]. Вчера А. К. Виноградов сообщил мне по телефону, что Покровский сказал, что Музея открывать нельзя. Он ждет назначения комиссара. В общем, положение Музея совершенно неопределенно. Я решился остаться на сегодняшний день в Пестове. Во мне такое чувство: пропал Университет, теперь пропал и Музей. Нет более никаких «культурных окопов». Беречь более нечего и не для кого. Закрытие на неопределенное время публичной библиотеки, по неизвестной учреждению причине, в высшей степени показательно для РСФСР.

(12) 25 [июля]. Последующие известия — лучше. 24/11 я получил по телефону сообщение, что Музей открывается в понедельник, и что все благополучно, и что даже прибыла баржа с дровами. Тон А. К. В[иноградова] был бодрее и веселее. Завтра надеюсь узнать разгадку всей этой истории. Несмотря на катавасию, все же удалось провести 5 дней в деревне и работать на сенокосе, оставаясь с моим Володей, который для меня выше всех других обязанностей в мире.

(17) 30 [июля]. В понедельник я был в Москве и нашел в Музее настоящую идиллию: все открыто, все работает, как ни в чем не бывало. Получено по телефону распоряжение от тов. Луначарского и от ЧК: открыться — и только. Существовало в этот день предположение, что они все же пожалуют опять через несколько дней; но я сегодня, 30-го, спрашивал по телефону — все идет своим чередом, тихо, смирно. Если они действительно искали каких-нибудь подземных ходов, то каковы их приемы? Они так же дики, невежественны и грубы, как и вся эта сволочь, олицетворяющая русскую революцию.

14/27 — было в Москве празднество в честь 3-го Интернационала. Так называемые прежде серые герои с тупыми рылами шли мерным шагом, точь-в-точь как они ходили на царские парады, и мне от души хотелось плюнуть в эти горильи рожи, которых если бить умеючи, то все с ними можно сделать. Весь центр города был оцеплен, так что, пробираясь на вокзал, пришлось обходить переулками — как бывало в царские приезды и выходы. Служащие в настоящих советских учреждениях были обязаны в этот день продефилировать на Красной площади, и этот парад продолжался до 6 часов вечера. Я уехал в Пестово и здесь снова пью чашу забвения.

Сегодня, увы, нас пробудило известие о смерти моей двоюродной сестры Лизы Рар — 30-ти лет — от заворота кишок в одни сутки[86]. ЧК, тюрьма, ограбление, выселение и смерть —

вот ее жизнь весь последний год. Что за цепь бессмысленных молодых смертей — Нина, Шура Граве, теперь Лиза?! Гекатомба даже без видимой всегда связи с гибелью России. О большой политике не знаю ничего, да и узнавать не хочется. Все в этой области стало безразличным.

(19 [июля]) 1 [августа]. Несколько тихих дней в Пестове, проведенных в сенокосной работе. Моя специальность — подавать сено на возы. Кроме того, с С. К. Шамбинаго пилили и кололи дрова. Такие труды я перемежаю с небольшими занятиями и с заботами и попечениями о Володе. Все дни стояла тропическая жара.

(27 [июля]) 9 [августа]. Неделя, проведенная в Москве со всеми прелестями большевицкой столицы. Жара нестерпимая, тропическая, какой Москва давно не запомнит. При московской жаре ее обычная духота поднялась до небывалых размеров. Не двигаясь, можно было обливаться потом. А между тем пришлось, по обыкновению, ходить довольно много, и прежде всего пропутешествовать на Введенские горы на могилу несчастной Лизы Рар, умершей на днях от заворота кишок. Я не запомню такого непрерывного ряда молодых смертей, которые сеют несчастье, горе, сирот и неутешных людей. Нина, Шура Граве, Лиза. Ведь и эти смерти стоят в связи с ужасной жизнью, на которую мы осуждены; все это в самой тесной и прямой связи одно с другим. Я пришел на Введенские горы в 7 часов, и все уже было заперто. Я пробрался задними воротами и был у своих могил и у Лизы. Какое запустение на этом когда-то лучшем из Московских кладбищ! Обратно шел Гороховским переулком, мимо Межевого, где давно не бывал[87], каждый взгляд на давно не виденные улицы Москвы обливает сердце кровью и приводит в ужас от развалин, которые видишь везде.

В прошлый вторник тихо и скромно справили 10-летие директорства кн. Б. Д. Голицына в Музее; были Яковлев, Романов, Борзов и я. Выпили и вина, и водки, полбутылки коньяку и одну бутылку шампанского. Тепло и сердечно поговорили, высказав князю наши самые лучшие пожелания. Многие у нас в Музее до сих пор не представляют себе его истинного значения: а между тем этот безукоризненно порядочный барин и джентльмен является поистине живой совестью Музея — он 10 лет мешал нам ссориться, делать гадости и заводить интриги. В «революцию» это могло бы расцвести особенно пышным цветом, а именно при нем и с ним это невозможно. Дай ему Бог сил и здоровья на долгие годы, пока нас не вынесет на какую-нибудь мель и мы не отдохнем от пережитых бурь.

Среда — новая прогулка: я пошел участвовать в разгрузке баржи с дровами для Музея. Мы получили баржу с 600 сажен дров, пришедшую в Москву с Унжи. Ее надо разгрузить,

иначе ее отнимут, а между тем в этой барже залог тепла и жизни в Музее. И вот все служащие принимают участие в этой работе, таская дрова с баржи и выкладывая их на берегу. Я работал два с половиной часа, и мне даже было весело, конечно, благодаря очень хорошей компании. Работа шла довольно дружно, под командой Д. Н. Егорова.

(27) 9 августа *(продолжение).* Думается, однако, что разгрузки этой хватит еще очень надолго.

В четверг свидание с С. В. Бахрушиным и с Радое Ивановичем — снова, как и месяц назад, весьма оживленный разговор, главным образом о будущих взаимоотношениях России и Сербии.

Пятница — отъезд из Москвы с заездом в Пушкино, где надо было устроить перевозку книг Е. Е. Арманд. Какой ужас и запустение там, где когда-то кипела жизнь! Дом Е. Е. обращен в клуб; все растащено, разваливается и течет; дом Ад. Е. под яслями, и ни одного предмета не осталось в комнатах. Две старухи впихнуты в дом стариков и печально доживают в нем век среди обломков минувшего. Сад зарос, везде бурьян, беседки поломаны. Ужас и мерзость.

Я продолжаю не читать газеты, ибо они вызывают во мне тошноту. Однако общее положение все же очень интересно, и, кроме того, оно меняется каждый день. Польша побита, и 6—7 [августа] русские красные были в 25 верстах от Варшавы; взяты Ковель, Тарнополь и Бучач[88-89], подходят к Седлецу[90]. На это Европа не может не реагировать. В Лондоне разговоры с Каменевым-Розенфельдом и Красиным прекращены, но этого, конечно, мало. Европа накануне нашествия Батыя или гуннов в виде русских «освободителей», если она не справится с большевичьим гнездом. В этом и заключается интерес момента. На прежней мертвой точке дело стоять не может; что-то должно произойти.

(28 [июля]) 10 [августа]. Перелом лета. Свежо, много желтых листьев, хотя по-прежнему очень сухо. Лето проходит, но вокруг ничего не меняется. И оттого грусть, тоска и мрак души. Чувствую, что живу без своего я, а как какая-то пустышка.

(31 [июля]) 13 [августа]. Ездил в Сергиево, подготовлял принятие Лаврской библиотеки. Видел прелестную картину — вся площадь перед Лаврой, за исключением гостиницы, а теперь — совдепов, выжжена, рухнула также угловая Пятницкая башня и Святые ворота. Пожар начался оттого, что посадские товарищи, раскрав товары, подлежавшие раздаче, подожгли ряды, чтобы скрыть следы. Это было продолжением того пожара, который был на Страстной неделе 1919 года. В Лавре все грустно и скучно, и трава забвения затягивает ее внутри. Товарищи вновь вопят, что Петербург в опасности, — вероятно из системы жидовского «гевалта». На Варшаву прут и,

кажется, на Врангеля тоже. Будущего столкновения со всем миром все еще приходится ждать. Со всем этим тоска и мрак души овладевают совершенно; быть может, этому способствует и погода — немного осенняя, серенькая, после хорошего дождя, прошедшего ночью. Нет энергии для работы, нет желания жить и работать.

(3) 16 [августа]. Снова несколько дней отдыха. Небо хмурится. Жаркое лето прошло, и, может быть, оттого чувство прошедшего лета и грядущей зимы особенно гнетет. Я давно не чувствовал такого мрака души, как за последние дни. Все думается о невозвратном былом и тяжелом будущем. Думается и о себе, своей роли и значении в остающемся кусочке жизни. Мне кажется, что все мое теперешнее существование состоит в процессе личного отречения от себя и всего личного. Это тяжелый процесс, особенно для меня, любившего жизнь и свою личную волю. Все для Володи, ничего для себя, а как я еще плохо справляюсь с моими обязанностями относительно Володи! Для себя я смотрю только внутрь себя: чтение, воспоминания; внешне меня ничего не интересует, за исключением одного — уехать из Совдепии.

(10) 23 [августа]. Вновь Пестово после недели в Москве. Личных наблюдений мало; дни были спокойные. Вторник и среду [так в подлиннике] (4, 5) разговоров в Москве было мало, склонность к слухам и сплетням испытывала угнетенное состояние, которое сменилось волной оживления в последний день моего пребывания в Москве — 8/21. В этот день (суббота) большевики напечатали военную сводку, из которой ясно, что они под Варшавой потерпели большую неудачу: упомянуто, что противник теснит их в Пултусском направлении, что они перешли на новые позиции в 35 верстах от Варшавы, а у Бреста перешли на правый берег Западного Буга. Это свидетельствует о больших переменах. Остается вопрос — что, эти перемены случайны и кратковременны или же это начало длительных отступлений и поражений, вроде того, как было с Деникиным и Колчаком?[91] Ответа надо будет подождать. В процессе «Тактического центра» большевики решили быть милостивыми и, как думают некоторые, протягивают руку интеллигенции. Я не знаю, так ли это, но, во всяком случае, хоть то хорошо, что [нет] смертных приговоров. По-видимому, самая незавидная роль выпала на долю тех, которые виляли (Котляревский, Сергиевский, Виноградский, Устинов). Они скомпрометировали себя перед обеими сторонами. Кое-кому все-таки придется посидеть — из них мне вовсе не жалко Кишкина, Котляревского, Мельгунова — три жалких ничтожества, подражавших лягушке из басни «Лягушка и вол», и А. Л. Толстую[92], у которой вместе с Чертковым и с папашей рыльце в пуху.

Я получил интересное письмо от Эммы Вилькен. Прила-

гаю его здесь как материал[93]. У меня и у всех читавших его впечатление, будто оно прислано из другого мира.

Вопросы академической жизни остаются очень и очень невыясненными. Встает вопрос, не нужно ли постараться что-либо делать, чтоб идти вразрез с нарастающей разрухой? Нет ли в этом и нашей вины? Отдохнув, надо будет пристально об этом подумать. Уехал Яковлев с семьей в Симбирск; одним другом и умным собеседником меньше. Вернется ли он?

(13) 26 [августа]. Ездил в Сергиев Посад и принял окончательно Лаврскую библиотеку в ведение Музея. Ходил с визитом к наместнику[94], но его не застал; он уехал в Москву. В связи с процессом приемки случился маленький эпизод, который, если посмотреть на него с мистической точки зрения, может показаться имеющим значение. Приняв библиотеку, мы, т. е. Румянцевский Музей и я, его представитель, начали новое дело, а служащие в библиотеке вступили в новую полосу. Я попросил библиотекаря о. Алексия отслужить молебен, который он и отслужил для нас двоих — Мансурова и меня. Молебен был, конечно, преподобному Сергию. Затем я пошел к о. Диомиду, ризничему, с которым должен был просмотреть рукописи, находящиеся в ризнице. О. Диомид оказался в Троицком соборе, который закрыт, запечатан и куда пускают только по особым пропускам. Спросив у часового, там ли о. Диомид, и получив утвердительный ответ, я спросил, можем ли мы с Мансуровым туда пройти. Часовой и разводящие, молодые мальчишки, сказали — да; мы вошли в притвор и, постучав в железные двери, запертые изнутри, увидели, что в маленькое окошко выглянуло совершенно ошеломленное лицо о. Диомида, который спросил нас в изумлении: «Как Вас сюда пустили? И меня ведь только по особым пропускам пускают!» Потом, обращаясь к нам, сказал: «Хотите приложиться?» Что мы и сделали. 12/25 августа 1920 года мощи преподобного Сергия были в целости и сохранности. Таким образом вышло, что преподобный Сергий как бы отозвался на наш молебен и, дав возможность войти в Троицкий собор, благословил Румянцевский Музей блюсти его книжное достояние.

(17) 30 [августа]. Снова несколько дней в Пестове при чудной погоде и сносном настроении. Известия, которые до нас доходят, таковы, что красная армия действительно потерпела большой удар. Но «они» все-таки будут продолжать топорщиться, ибо другого выхода им нет. Я перечитал романы Маркевича[95]. У этого, в свое время охаянного русской интеллигенцией, писателя много верных замечаний о русском обществе. В особенности ценны указания на его рыхлость и отсутствие крепких и твердых убеждений.

Нашел несколько стихов Anatole France'a. Записываю их, потому что они очень гармонируют с моим самым глубоким настроением, потаенным, скрытым ото всех:

Les mortes, en leurs temps jeunes et désirées,
D'un frisson triste et doux troublent nos sens rêveurs;
Et la fuite des jours, le retour des soirées
Nous font goûter la vie avec d'âpres saveurs[96].

Стараюсь не думать о том, что делается в Москве, все равно там предстоит много неприятностей.

(18) 31 [августа]. Сегодня я начал читать произведения Писарева[97]. Какая бойкая фальшь и великая пошлость. В нем хорошо виден отец или дед современного сверхнигилизма. Свергаются все авторитеты, как и теперь; производятся первые попытки той «переоценки ценностей», с которой русские пошляки-интеллигенты не переставая носились с тех пор. Гоняясь за новым («мы миру путь укажем новый»), и Писарев, и сменившие его поколения горилл, возомнивших себя обновителями человечества, т. е. самые опасные безумцы во всем роде человеческом, — смешивали с отжившими авторитетами вечное достояние и ценнейшие приобретения общечеловеческой цивилизации и переоценку ценностей превращали в нашествие гуннов или Батыя. Еже и бысть в дни наши!

(19 [августа]) 1 [сентября]. Полное уединение. Тоскливо на душе. Много еще терпеть придется тем, у кого достанет сил вытерпеть до конца.

(20 [августа]) 2 [сентября]. Думая о себе, я чувствую, что вся моя 46-летняя жизнь ушла в прошлое; между нею и настоящим нет никакой связи, кроме маленького Володи. Вся преемственная связь оборвалась с Ниной, и теперь надо строить что-то из обломков для того, чтобы дожить оставшуюся небольшую часть жизни. Выгода в этом только та, что действительно познаешь, что все — суета сует. Пройди жизнь нормально, и было бы ее жаль, что она прошла; а сейчас — не жаль.

(21 [августа]) 3 [сентября]. Бедная русская наука — никаких пополнений новыми силами и постоянные удары и потери. Уж зима была ужасна — а теперь, летом, такие две рядом стоящие смерти, как смерть Тураева и Шахматова[98]. И на этой ниве останется, видно, одно пустое место!

Народники идеализировали народ an und für sich[99]. Народники и Толстой со своим враньем сытого барина призывали всех опуститься до низов. Идиоты разного вида старались развивать народ развлечениями и театром. Но ведь ни одна «развивающая» и прогрессивная душа не считала нужным внедрять в этот народ чувство долга, честности и чести. А теперь пожинаем — злонравия достойные плоды.

(23 [августа]) 5 [сентября]. День рождения Нины. Помянули с Леной Репман и Володькой. Пусто. Судя по доходя-

щим сведениям, общее положение почти столь же сериозно, как год назад. Чем оно разрешится?

(26 [августа]) 8 [сентября]. До последнего времени я всегда знал, что я делал и что мне, по-моему, надо было делать. А теперь я не знаю, что мне предпринимать теперь, когда что-то нужно устраивать. К чему стремиться — к отъезду? Но Володя так мал. Отказываться от этой мысли? Значит погубить его и остатки себя, хотя на последнее наплевать. Верить, что что-то выйдет, что образуется нечто из сплошного погрома, называемого русской революцией? Но что же делать, когда этой веры нет, когда нигде и ниоткуда не видишь, чтобы выросло Доброе семя. Пытаться строить новую личную жизнь? Но невидимые узы неразрывно связывают с дорогим прошлым; обязанность и долг велят быть воспитателем дорогого обломка этого прошлого; да, наконец, и поздно, поздно. Жизнь кончилась в 46 лет — далее остается житие, сколько протянется, скрашиваемое несколькими редеющими друзьями и своим делом, своей работой, которая при существующих условиях жизни — не нужна и результаты которой нельзя даже опубликовать. Официальная работа в Музее тяжела и скучна. Боже, как она мне надоела! Направлять работу 200 интеллигентных и голодных лодырей, и во имя чего? Чтоб сохранить учреждение, зная, что этим его не сохранишь! Преподавание? — Оно сведено к нулю. Мои заметки, помимо меня, приобретают характер субъективности, которой я им ранее старался не придавать. Но что же делать? Тон можно было выдерживать, когда было что-то свое, а когда его нет, когда все исчезло, тогда невольно крик души доходит и до дневных заметок.

Последние дни в Пестове. Вчера, в качестве исключительного явления в сем году, шел дождь. Осень надвинулась быстрыми шагами.

(29 [августа]) 11 [сентября]. Последний день в Пестове, завтра в Москву. Думаю об этом с полным равнодушием, хотя устраивать что бы то ни было представляется трудным и тяжелым.

(1) 14 [сентября]. Москва обдала меня своим зловонием, физическим и моральным. Все опять полно слухами. На западном фронте фортуна переменилась. В то же время сериозное внимание, по-видимому, обращается на Врангеля. Скучно и пусто. Были с Володей в монастыре, где все в порядке.

(3) 16 [сентября]. В Музей заявился товарищ Стеклов за книгой, и таким образом в моей небольшой коллекции личных большевических впечатлений прибавилось еще одно звено. Это плотный, высокий жид, которого выдает не тип, но акцент. Он был вежлив, даже подчеркнуто любезен. Во всяком его слове и жесте сквозит самодовольство разъевшегося семита, который чувствует себя хозяином.

Товарищей продолжают бить так, как не били еще никогда.

22 сентября. Не записывал, потому что было некогда. Невозможность держать записки дома очень вредно влияет на исправность их ведения. На общем фоне события развиваются в том же направлении. «Их» бьют, как никогда не били, но всего сделанного до сих пор мало, надо не только бить, но добить. Если сейчас будет найден выход, хотя бы временный, то они опять оправятся, и все пойдет по-прежнему, ибо это будут только удары по подушке, какими были до сих пор все удары по царской и советской России. Чтобы добится гибели большевиков, надо подушку прорвать так, чтобы перья разлетелись. Если переговоры в Риге к чему-нибудь приведут, то большевики бросят все силы на Врангеля. Если кто-нибудь думает о свержении большевиков, то в Риге мира не должно последовать[100].

(11) 24 [сентября]. Общее положение все то же. Слухи растут и ширятся. Передают об огромных потерях, главным образом пленными и интернированными в Пруссии, и об эвакуации больших городов юга. При Народном Комиссариате Просвещения образовали комиссию по приобретению книг за границей Что выйдет, не знаю. В остальном все без перемен и все так же тоскливо.

(13) 26 [сентября]. Общее положение то же. Большевизия напоминает мне подушку, которую выколачивают; она вдавилась; но если ее бить перестанут, то она опять примет свою нормальную форму; вопрос в том, доколотят ли ее до того, что из нее полетит пух? Иду пилить дрова.

(17) 30 [сентября]. Три дня на пилке дров в Домодедове по Рязанско-Уральской железной дороге[101]. Дивная погода, очень хорошая компания из 9 представителей и представительниц Румянцевского Музея, хорошая пища и сравнительно удовлетворительный ночлег сделали эту экспедицию приятным, хотя и не легким пикником. Пилили дрова 5 профессоров Московского Университета, три барышни и один профессиональный пильщик, разделившись на 3 тройки. Я был с М. В. Сергиевским и Н. С. Воскресенской. Оба отличные работники и хорошие компаньоны. Мы сравнительно легко выработали в три дня 3 кубических сажени. Я не чувствовал большой усталости, и мне, наоборот, казалось, что работать под дивным сентябрьским солнцем лучше, нежели сидеть в Музее и в течение 5 часов говорить с разными людьми не переставая. По вечерам сидели и болтали очень оживленно о путешествиях, о науке, и даже мы с Борзовым в последний день вывернули старые музейские сплетни. Ночевали в помещении старой чайной, на большом войлоке, расстеленном на соломе. Было жестко, но клопов не было, так что было вполне терпимо. Я вернулся в бодром и оживленном настроении. В Москве положение прежнее. Процесс натиска на большевиков еще не закончен.

(21 [сентября]) 4 [октября]. Общее положение то же. Опять отовсюду речи, что большевикам плохо, что они испуганы и т. д. Теперь, кроме того, настойчиво говорят о новом расколе среди них и о том, что более всего шансов имеет наиболее крайнее крыло, руководимое Бухариным. Конечно, если будет им очень плохо, то, вероятно, будет момент, когда они будут особенно больно жалить.

В товарищеской среде мы обсуждали вопрос, нужно ли, должно ли и можно ли чествовать Соловьева по случаю 100-летия со дня его рождения. Бахрушин и я стояли за чествование. Богословский и Любавский — против. Так как не было единства, то пришлось вопрос счесть поконченным. Богословский уверял, что нельзя сказать того, что нужно и поэтому надо молчать. Мы говорили, что о Соловьеве можно сказать многое, что полезно услышать и что не может быть даже ими признано за явно враждебный акт. Кто из нас прав? Я сам хорошо не знаю.

Опять в комиссариате устроилась комиссия для выписки книг из-за границы. Я стараюсь. Для чего — сам не знаю. Первый раз в жизни чувствую, что стал настоящим фаталистом. Пусть выйдет, что выйдет; не знаю сам, как строить остатки жизни.

(23 [сентября]) 6 [октября]. Они помирились нашими головами. Сегодняшнее известие о перемирии между большевиками и поляками повергло меня в уныние. Я не сильно надеялся, но подушку все-таки били, и пока ее били, тень надежды была. Теперь она опять распрямится; опять передышка, опять усиление и новая полоса безнадежности для рабов. Все прочее бледнеет перед этим сознанием.

(24 [сентября]) 7 [октября]. Узнал кое-что о том, как люди ездят в Ревель. Не все будет легко и хорошо, даже если удалось бы туда уехать. Один из трудных вопросов — как технически проехать, в случае удачи, дальше. Надежды мало, а пробовать все-таки нужно, особенно теперь, когда определяется, что в будущем ждать нечего.

(26 [сентября]) 9 [октября]. Вчера по делам выписки книг из-за границы ходил в коллегию комиссариата Народного Просвещения, заседающую в доме Егорова в Александровском саду: управляющий делами Маркус ходил и выпрашивал у баб-уборщиц стоячую лампу. В его отсутствие одна баба не давала лампы, боясь, что ее украдут. Сегодня смятение по случаю сбора вещей; так как я имел глупость заменить на завтрашний день председателя домового комитета, то, что называется, влип в скучную историю. Читал «Берлинер Тагеблатт» за август. Отношение к нам холодно-корректное. Ясно, что вся Европа понимает, что [с] большевиками дела иметь нельзя. Но ликвидация войны — дело тяжелое, и у Антанты много и других дел на плечах. Разгром большевиков в Польше

был особенно силен на заколдованном месте, где погиб в 1914 году Самсонов[102-103].

(28 [сентября]) 11 [октября]. Без перемен. Дело мира застряло. В Университете обсуждаются кандидатуры двух профессоров, которых допускают в «президиум» Университета[104]. Решили наметить двух жертв. Анекдот: младшие служащие намечают в помощники ректора швейцара Утешева. Дальше идти нельзя.

(29 [сентября]) 12 [октября]. Разговор с Покровским о покупке книг за границей. Оказывается, что мы виноваты, что до сих пор дело стоит. Все, что мы приготовили, оказалось не так; завтра назначена новая аудиенция.

Мирные переговоры опять затянулись. Что-то там хромает.

(2) 15 [октября]. Выяснилось, что тов. Покровский не желает, чтобы я ехал в Ревель или Ригу, и, по-видимому, здесь имеет какое-то значение моя французская фамилия. Практически можно было бы, может быть, настаивать, но что с Володей не пустят — это ясно; в таком случае, мне все равно. Однако и это, и то, что мир они какой-то все-таки заключили, ставит ребром принципиальный вопрос о выселении. Если не сейчас, то когда-нибудь. Сейчас все обращается, повидимому, на Врангеля; что из этого выйдет? Во всяком случае, на время полоса слухов сменится полосой молчания. В четверг, 13-го, зашел на собрание профессоров и преподавателей Университета, которое выбрало двух манекенов в новый «президиум». Жалкая и грустная картина, но всего грустнее — наш последний ректор Новиков, жалкий трусишка и ничтожество, взращенное кадетами![105]

(4) 17 [октября]. Съездил к Троице обыденкой; тускло и скучно там; нет более того, что мне было дорого там; нет и самой Лавры. С деловой точки зрения все благополучно.

Мир подписан; условия пока опубликованы только территориальные: отдают пол-Волыни, пол-Подолии, Гродненскую, Виленскую и часть Минской губернии. Если поляки взяли это взаправду, то в будущем союз России и Германии обозначается сам собой, и он будет направлен против Польши[106]. Для украинцев петлюровского типа это тоже очень полезно: не дружи с поляками. Однако, быть может, все это будет в свое время пересмотрено. По сведениям, против красной армии на западном фронте стоят войска Савинкова и Балаховича[107], в количестве 50 [тысяч], а кто говорит и более человек. Значит, война с большевиками будет продолжаться, и каждый день может нас дарить новыми сюрпризами. Все же, боюсь, что воссоздать единую и неделимую будет невозможно или, по крайней мере, очень трудно. Русские все потерпели крах: царская власть вылетела в трубу и всех в нее в[...] правящая бюрократия, потому что не умела устроить дворцового заговора; кадетоиды и кадеты во образе Львова и

Милюкова, потому что не сумели устроить революцию и руководить ее [так в подлиннике]; с.-р., во образе Керенского, потому что братались с большевиками; большевики, потому [что] уничтожили и запятнали все, что оставалось ко времени захвата ими власти; весь народ, потому что он умел только громить, слушая подстрекателей, а потом умел только молчать, когда его обирали и заставляли воевать для жидов. Кто же может все это собрать вместе и исправить?

(6) 19 [октября]. Был приглашен в «Наркомат Внеш. Торг». по вопросу о распределении книг, приобретенных в Англии «товарищем Красиным». Был в обществе Кауфмана, Леви, Френкеля и Каценеленбаума и еще одной Ривки. Это ли не Россия?! Нужно, впрочем, отдать им справедливость, что они рассуждают более здраво, нежели тов. Покровский. Сегодня был в Наркомпросе у жида Гринберга, который положительно произвел на меня хорошее впечатление. Толковый и благожелательный человек; петербуржцы недаром о нем хорошего мнения[108]. Но, Боже, какой акцент! Сегодня вдруг объявлено что-то вроде военного положения и арестовано много военных. Чего же они испугались?

Получил письмо от Ерофеевых, адресованное собственно Вилькиным, а в случае ненахождения их — мне. Оно настолько интересно, что я прилагаю его сюда[109].

(8) 21 [октября]. Идут аресты среди 3-х групп — с.-еров, бывших сановников и военных. Почему — еще пока никто не знает. Они говорят, что открыт новый заговор. Я думаю, что никакого заговора нет, а им почему-то нужно его создать. Длительного и прочного мира также не может быть. Да и сами они в него не верят. Что-то вокруг кипит, но мы здесь продолжаем быть совершенно слепыми. Более, чем когда-либо, я чувствую, что Россия есть вторая Мексика. Долго придется расхлебывать ту кашу, которую заварили Николай II с одной стороны, русские интеллигентные преступники-мечтатели — с другой. На наш несчастный век хватит. Трагедия русских цивилизованных людей очень похожа на трагедию «Титаника». Ехали и неожиданно наехали на льдину. Теперь мы все — утлые обломки, плаваем на океане и тонем один за другим или уже сознаем себя утонувшими. Чем далее, тем более я причисляю себя к последним. Последняя мысль — хоть бы ребенка спасти.

Прилагаются письма Ерофеева, Н. Л. Красильниковой и Платонова и неотосланное письмо Вилькенам[110].

(11) 24 [октября]. Положение, видимо, острое. Большая информация от В. И. П[ичеты] о его пребывании в Риге. Большевики заключили мир, чтобы удержаться во что бы ни стало у власти. Поляки, устами Грабского[111], признали, что им удобнее иметь дело с большевиками, нежели с Врангелем Для Белоруссии и Малороссии мир неприемлем, так

как половину обеих областей отдает полякам. Впрочем, это я считаю для русских идиотов полезной педагогической мерой: авось вылечатся от антипатриотизма и от самоопределения национальностей. Хотя, по правде сказать, полякам в выучку следовало бы отдать не одних бело- и малороссов, а саратовцев сакулинского типа, и многих москвичей с.-р. и н.-с. толков.

Заседание в «Н. К. Внешторге» в помещении облупленного Купеческого банка (Боже, во что они превратили этот излюбленный московский центр!) по поводу закупки книг за границей. Из 11 человек 5 жидов; двое — Кауфман и Лапиров-Скобло[112] — толковые, остальные бледны и бесцветны.

В «Известиях» от субботы, 23-го, открытое письмо нашего музейского казначея Н. В. Козлова о выходе из партии с.-р. и о том, что он имеет в виду поступить в члены Р.К.П. Он объясняет свой шаг тем, что ему надоело сидеть в тюрьме и что редакция «Известий» не хотела печатать заявление только о выходе из с.-р. Он, однако, на самом деле в Р.К.П. и не собирается вступать. О нравы русских хамов!!

(13) 26 [октября]. Слухи упали. Это обычное явление после особенно бурных моментов. Писал проект декрета о порядке закупки книг за границей. Вот до чего приходится доходить. Сегодня объявлено о 25-летнем юбилее ученой деятельности тов. Покровского. Рептильные газеты полны рептильной лжи.

(16) 29 [октября]. «Они» полны буржуазных предрассудков. Большевицкий Аракчеев, тов. Покровский, празднует свой 25-летний ученый юбилей. Уже одно это есть буржуазный предрассудок! Но юбилей (25 лет назад он читал свою первую лекцию) празднуют даже, говорят, с банкетом. По этому поводу мелкий подлец Сторожев разразился в газете «Коммунистический труд» статьей, где обливает помоями Ключевского, говоря о его «алкоголическом пороке». Как и следовало ожидать, с заключением передышки — мира, слухи в Москве пали, как ключ ко дну.

(20 [октября]) 2 [ноября]. Забота дня — задержка академического пайка. Что скрывается за этим? Какой сюрприз? Надо думать, узнаем на днях. Общее состояние — опять зимняя безнадежная скука во всех отношениях. Так как у нас в доме топят, то сидение в зимней берлоге более терпимо. Долго беседовал вчера с инженером Переверзевым[113]; оказывается, эта добродушная фигура — тоже старый революционер, эсер 1905 [года] и был председателем железнодорожного союза! Ou la révolution va-t-elle se nicher! [Где гнездилась революция! (*фр.*)]

(22 [октября]) 4 [ноября]. Циркулируют разные слухи о положении на юге. Некоторые распространяют сегодня слух, что

их уже побили. Очень интересно, что будет в ближайшие дни. Новая Марна, подразумевая под этим переход в наступление в разгаре отхода, или же эти слухи — ложь и им действително удастся затереть Врангеля? Сейчас вернулся от О. М. В[еселкиной], где были Грушки и Дав. И. Иловайский[114], приехавший из Ростова. По дороге домой спросили «документы», но были вежливы.

(23 [октября]) 5 [ноября]. Новые напасти надвигаются на Румянцевский Музей. Говорят, что решено передать его в ведение «Глав-Полит-Просвета» (!)[115] — бедный русский язык! Говорят, это учреждение состоит под главенством коммунистических баб-истеричек, вроде Лениной и особенно Мещеряковой[116]. Сделано это якобы на предмет включения Румянцевского Музея и Публичной библиотеки в сеть библиотечного обмена. Если все это так, то, значит, мы явимся объектом их-него строительства, что хуже всякого разрушения. Принес об этом известие нам А. К. Виноградов; но сегодня он уже ходит веселее. Зная его импульсивность, можно думать, что дело не так страшно. Хотя, кто знает? Возможно, что дело, которое мы берегли три года, лопнет от одного почерка пера диктатора, который, говорят, зачеркнул оговорку об особом управлении Публичной библиотекой и Румянцевским Музеем.

(26 [октября]) 8 [ноября]. Напасть, кажется, действительно оказалась преувеличенной. Вышел декрет о централизации библиотечного дела[117], который, вероятно, будет наполовину не проведен в жизнь. Во всяком случае, у меня более нет особенного беспокойства. Большевицкий праздник прошел скромно; в самый день празднества они смогли напечатать касательно Врангеля только о «поисках разведчиков». Значит, завоевание Крыма сорвалось. В субботу приехал С. Ф. Платонов и остановился у меня. Как всегда, много приятных разговоров. Собрания у меня, у Бахрушина, у Богословского. С. Ф. читал лекцию о родовых чертах в потомстве императора Павла и Марии Федоровны. Он не сказал ни одного пошлого слова о царской семье и почти ни слова о Николае II. Вероятно, ждавшие пикантностей были разочарованы.

(28 [октября]) 10 [ноября]. Красные опять теснят Врангеля. Видимо, прилагаются все усилия, чтобы задавить его до возможных новых осложнений. Всегда большевикам везет, потому что их противники всегда разобщены и никогда не могут согласиться. Сегодня притащил на себе 2 пуда картошки и пуд капусты. Капусту тащил вместе с М. А. Мензбиром; больной сердцем старик, волокущий капусту весом в 50 фунтов, — зрелище, достойное Совдепии. Получил письмо от А. И. Яковлева, которое прилагаю[118]; думается, что в Москве увидим его не скоро.

(1) 14 [ноября]. Красные долбят Крым и, вероятно, его продолбят. Сила солому ломит, особенно когда соломы не

сноп, а жидкий пучок. Рушится еще одна попытка борьбы. Так и должно быть, когда весь антибольшевистский лагерь, поскольку он состоит из интеллигентов и из цивилизованных людей — весь изъеден раздорами, а «народ-богоносец» будет всегда повиноваться только тому, кто его умеет бить по морде. На днях слышал следующее: Главнокомандующий Каменев[119] получил дом для житья. Дом ему не понравился, он выбрал другой, но в первом ему понравилась мебель, и он приказал ее вывезти. Вот до чего дошли русские, в которых сочетается дух военных реквизиций и социализма. Читал Володе «Вокруг света на «Коршуне» Станюковича[120]: Боже, какой мертвящии дух шестидесятничества! Как превозносятся русские матросы и какое презрение к народам, ведущим колониальные войны, — например, к французам в Индо-Китае. Посмотрел бы он теперь на русский народ и русскую «интеллигенцию».

(3) 16 [ноября]. И продолбили. Вероятно, то, что нам объявлено сегодня, на самом деле подготовлялось уже несколько времени, потому что сам Врангель, видимо, уехал[121]. Уехали и различные лица, его окружавшие. Осталась мелкая сошка и те глупые буржуи, которые думали, что укрылись в Крыму. С гибелью Крыма погибло последнее антибольшевицкое убежище в России. Борьба отныне может быть только извне; вся же внутренность бывшей России осуждена на разложение и дальнейшую гибель. Если кто-нибудь питал какую-нибудь иллюзию, то теперь у того одной иллюзией меньше.

Ездил к Троице. Спасение библиотек есть все-таки род какой-то созидательной работы, и потому что-то там устраивать доставляет какое-то удовольствие. По крайней мере, я чувствовал это вчера. В воскресенье были поминки по Л. М. Лопатине. В большой аудитории Психологического института была публика похожая на старомосковскую. Поминали милого Л. М., олицетворявшего старый Московский Университет, старую цивилизацию, старые особняки между Арбатом и Пречистенкой. Это была настоящая панихида по навсегда умершей Москве.

(4) 17 [ноября]. Можно сказать одно — уход Врангеля был решен на месте гораздо ранее, чем мы об этом узнали. Это доказывается собственными полупризнаниями большевиков и фактом отъезда вождей. Луначарский прислал в Наркомпрос бумагу, пересланную в Музей, с предложением командировать опытного в библиотечных делах человека, который бы разобрал ему библиотеку, его собственную, находящуюся в беспорядке. Вот степень вотчинности наших хозяев.

(8) 21 [ноября]. Узнал, что Карахан занимает весь особняк Харитоненко; туда ему, между прочим, свезена вся очень хорошая библиотека из дома Готье в Машковом; там было до 4000 книг. Чуть-чуть не уничтожили Архив Министерства

Иностранных Дел — потому что так было угодно тов. Покровскому. Реформа выразилась в конце концов в сокращении штатов и в увольнении профессорского элемента, в том числе Кизеветтера, которому они за это дали 2-й паек. Что за ерунда! В Университете начал действовать новый президиум; ректором сделался Д. П. Боголепов[122] — говорят, добрый, но весьма глупый человек и притом фанатик, т. е. худший тип из большевиков.

(13) 26 [ноября]. Все более и более говорят о внутренних несогласиях среди них[123]. Нельзя только отдать себе отчета, что это — желанный отклик чувствам приунывшего буржуя или это действительно соответствует истинному положению вещей. Я думаю, что милые бранятся, только тешатся. Для того, чтобы измываться над населением, у них всегда хватит согласия. Все эти дни я был под влиянием навязчивой идеи — уехать, уехать во что бы ни стало, куда бы то ни было. Я дошел теперь до мысли о неизбежности денационализации, ибо из этого народа и этой страны, насквозь проеденных ложью и пороком, я не жду возрождения. Сегодня слышал сенсационную сплетню, будто бы Америка требует созыва учредительного собрания к 1 марта. Если бы даже это была правда и если бы большевики пошли на это, то ведь некого было бы выбирать, кроме самих большевиков. Царство пало и не возродится.

(15) 28 [ноября]. По только что изданному декрету о концессиях можно скупить всю Россию. Если этот декрет осуществится, то иностранцы поглотят Россию[124]. И вот вопрос — что это, желание, по обыкновению, надуть или это осуществление той феноменальной интриги, о которой чем дальше, тем больше говорят — поглощение России иностранцами? Кто кого надует и поглотит?

(17) 30 [ноября]. В Университет назначен «политком»[125]. При наличности «президиума» эта мера кажется мне излишней. Сегодня в газетах прокламация, объявляющая заложниками всех эсеров, врангелевских офицеров и сидящих в Бутырках и лагерях всех политических узников; их будут расстреливать, если будут делаемы террористические покушения на «них». В общем, тупое и тяжелое состояние духа.

(23 [ноября]) 6 [декабря]. 1 — 5, поездка в Тверь для чтения лекций в местном институте народного образования — что-то вроде полууниверситета; баланс поездки: 30 фунтов хлеба и 22 000 рублей. Купил на них два с половиной фунта масла, 20 яиц, одну тетерку, что и привез. Читал археологию. Аудитория очень благодарная и восприимчивая. Прием хороший. Хорошо кормят; ночлег чистый. Город — очень похож на все остальные русские губернские города 2-го разряда. Из

старины сохранился только собор, внутри, впрочем, очень изгаженный в XVIII веке; мощи Михаила Тверского не тронуты[126]. Интересны остатки XVIII века, несомненно восходящие к Сиверсу[127]: центральная Миллионная улица и часть набережной — состоят из домов одного фасада, которые лишь отчасти искажены позднейшим строительством. Очень хороша восьмиугольная площадь с присутственными местами. Ободран город, как и все современные города России; за 3 дня видел несколько обычных большевицких переездов; в частности, из бывшей духовной семинарии возили книги в библиотеку — на дровнях, причем книги рассыпались веером по улице, а сопровождавшая их девица — ругалась.

За время моего отсутствия вышел декрет о преобразовании факультетов общественных наук и о составлении списков лиц, которые могут вести на них занятия[128]. Это или полный разгром всех нас, или холостой выстрел. Я думаю, что это нечто среднее между тем и другим. Впрочем, говорили сегодня, что декрет этот уже отпал. О концессиях говорят много, но без достаточного основания. Сути дела, по-моему, еще не видно. Сегодня год со смерти Нины. Я все еще не опомнился от этой катастрофы. Утро в монастыре.

(26 [ноября]) 9 [декабря]. Именины, которые для меня навсегда упразднены с тех пор, как в этот день отпевали Нину. Моя прислуга уехала на несколько дней в деревню. Мы делаем опыт жизни без прислуги. Для начала сегодня вечером два с половиной часа ушло на всякую хозяйственную чепуху, и вечер оказывается потерянным. И так почти каждый день. Общее состояние неопределенное; новых фактов и явлений нет на моем горизонте.

(1) 14 [декабря]. Слышал анекдот о Тене: увидав в Париже «Власть тьмы», он сказал: «Ces cochons mystiques me déplaisent». [«Эти мистические свиньи мне не нравятся» (*фр.*)] Как это характерно для говорящего и для тех, о ком он говорил. Слышано от О. М. Веселкиной, которая слышала это от кн. А. Д. Оболенского (бывшего обер-прокурора Синода), тот — от Ю. Н. Милютина, Милютин от Anatole Leroy-Beaulieu[129]. Сегодня большевики уничтожили Сухаревку. Посмотрим, каковы будут результаты. Кругом все течет и все непрестанно изменяется, впрочем, без ощутимой пользы для нас.

(5) 18 [декабря]. От нечего делать в Москве болтают теперь о разных переменах в составе большевицкого правительства. Говорят, уходит один, другой назначается на его место — точь-в-точь, как, бывало, говорили о том, как Николай II прогонял министров или как совершал свои подвиги Распутин. На днях я ходил к Гринбергу опять говорить о покупке книг за границей. Говорит, что этот вопрос скоро получит разрешение. После этой démarche [меры (*фр.*)] я замолчу и за-

ткнусь, так как если самый толковый и благожелательный из них ничего не сделает, то не сделают и другие. Вот уже 10 дней, как Маша-кухарка уехала, и мы, т. е. я и мои два мальчика (Володя и племянник Юра[130]), все делаем сами, кроме готовки пищи, которая происходит в соседней квартире.

(11) 24 [декабря]. След Маши отыскался сегодня: ее не пускают назад в Москву, потому что просрочен отпускной срок на бумаге, которая ей выдана; таким образом, «власть на местах», вместо того, чтобы содействовать скорейшему возвращению на службу (Маша числится на службе в Музее), задерживает такое лицо еще дольше. Пишу это как маленький курьез в нашей полной курьезов жизни.

Все эти дни у меня было очень смутное и переменчивое настроение. Положительно не знаешь сегодня, что ты будешь думать и чувствовать завтра. Приходишь к философскому выводу, что надо ждать, ибо все кругом тебя течет то быстро, то тихо, но ни минуты ничто не остается в покое, ни даже в сколько-нибудь устойчивом положении, и куда и когда вынесет нас эта бешеная скачка — кто знает. Известия от уехавших за границу не всегда хороши: говорят, что Дима Готье в Цюрихе продает какие-то машинки. Липа и Эмма Вилькен служат, получая каждая по 300 франков, которых не хватает. Счастливы только те, кто имеет деньги; или же кто найдет возбудителя денег. Вот и нужно ждать, ловить всякий случай, чтобы войти в сношение с заграницей и ставить себе жизненной задачей как-нибудь и когда-нибудь выбраться из этого ужаса, а пока — терпеть и брать от этой жизни все, что можно.

В их среде, говорят, несогласия; сплетни и слухи передают, что на 8-м съезде[131] они ругаются, — но ведь «милые бранятся — только тешатся». Факт только тот, что «Наркомпрос» разлетелся. К Луначарскому — канатный плясун, который составляет стыд даже для советской власти — приставили няньку, интеллигентного латыша из фронтовых комиссаров[132]; говорят, что летит и наш змей-горыныч Покровский. Но ведь преемники будут еще хуже.

(15) 28 [декабря]. Продолжаю совершенно не интересоваться тем, что делают товарищи на своем съезде. Внешний вид Большого театра так же зловещ; все такая же стража, через которую пропускают товарищей товарищи с одинаково важным видом у обеих сторон. Глупая, чванная чернь, которой можно внушить всякую чушь, и она будет верить. По-прежнему, ожидая возвращения моей кухарки, продолжаю мыть посуду и делать прочие хозяйственные приятности. Научился даже жарить картошку. Сегодня ходил пешком за 6 верст от Мытищ в детскую санаторию, где помещен племянник Дима Курдюмов; ходил с его матерью. За день пройдено более 20 верст, и такую прогулку приходится считать эпизо-

дом, разнообразящим нашу действительность. Слухи и сплетни пали, как ключ на дно.

(17) 30 [декабря]. Опять какая-то полоса мрака душевного для окончания года; все кажется безразличным и ненужным. Орды гуннов исполняют свое дело, и приседающие прислужники делают еще больше. Сегодня мне передавали о какой-то конференции по вопросам искусства, где актер Мейерхольд и поэт Брюсов особенно отличались в своем гонении на индивидуальное творчество и на вдохновение — в желании все это заменить «производством» в деле искусства[133]. Сумасшедший публичный дом развивается все далее.

(18) 31 [декабря]. Еще один год большевизма истекает. Такая же пустота и безотрадность, как и год [тому назад]. Впереди ничего; прилагаю выписку из письма Эммы Вилькен, полученного Е. А. Готье[134].

ПРИМЕЧАНИЯ

ЯНВАРЬ

[1] Рар Елизавета Львовна с мужем Александром Александровичем и детьми Еленой и Львом.

[2] Л. Б. Каменев (1883—1936, растрелян) после переезда вместе с большинством руководителей РКП(Б) в 1918 г. в Москву стал председателем Московского совета. Е. А. Готье — жена дяди автора, Эмиля Владимировича.

[3] Двинск (*лат.* Daugavpils) был 3 января взят войсками латвийского Временного правительства.

[4] Возможно, *Крыленко Ольга Васильевна* (1896—?), младшая сестра Н. В. Крыленко. См.: *Eastman Max.* Love and Revolution. New York, 1964. С. 338—343.

[5] Отмечалось 50-летие со дня смерти Герцена (21 января 1870 г.). *Лемке Михаил Константинович* (1872—1923) — весьма плодовитый журналист, литературный и издательский деятель левых взглядов; 1915—1916 — военный цензор в ставке Верховного главнокомандующего; после 1917 г. ярый сторонник большевистского режима, с 1922 г. член РКП(б). Издал Полное собрание сочинений и писем Герцена в 22 т. (1915—1925) с обширными комментариями, содержащими много документальных материалов, но, как и другие его работы, в научном отношении оставляющими желать лучшего (Лемке окончил военное училище и не имел историко-филологического образования).

[6] То есть Общество любителей российской словесности при Московском Университете (1811—1930). Ирония автора, по-видимому, вызвана тем, что в данном случае общество использовалось для политической пропаганды.

[7] *Мартов* (наст. фамилия Цедербаум) *Юлий Осипович* (1873—1923) — с конца 1917 г. лидер РСДРП. В описываемое время член ВЦИК, депутат Московского совета; хотя в политическом отношении эти посты имели преимущественно декоративный характер, они несколько облегчали публичные выступления. *Ермолова Мария Николаевна* (1853—1928) — знаменитая актриса Малого театра (1871—1921).

[8] «...привиденья являются мне даже днем» (*нем.*). См. ниже примеч. 35.

[9] Государственный ученый совет был образован в составе Наркомпроса 4 апреля 1919 г. для реформы высшей школы. Постепенно превратился в громоздкое учреждение, занимавшееся, в частности, утверждением уставов, программ, учебных планов, учебников, пособий и т. д. для школ всех уровней. Председателем совета был М. Н. Покровский.

[10] В Иваново-Вознесенск был переведен эвакуированный в 1915 г. Рижский политехнический институт; в описываемое время именовался уже Иваново-Вознесенским (первый выпуск инженеров на новом месте состялся в том же году). Готье был в числе московских профессоров, привлеченных для чтения лекций.

[11] По условиям времени профессора и доценты вынуждены были отмечать традиционный праздник Университета — Татьянин день — неофициально.

[12] М. М. Новиков, бывший ректором с весны 1919 г.

[13] *Грушка* — в описываемое время декан филологического факультета. *Мартынов Алексей Васильевич* (1868—1934) — декан медицинского факультета, известный хирург. *Реформатский Александр Николаевич* (1864—1937) — декан физико-математического факультета, известный химик. *Винавер Александр Маркович* (1883—?) — первый декан (избранный профессорами и доцентами) нового факультета общественных наук; до этого преподавал на юридическом факультете.

[14] Ироническое использование фамилии Н. А. Семашко (1874—1949), народного комиссара здравоохранения (1918—1930), вероятно, объяснялось тем, что в стране свирепствовал сыпной тиф.

[15] Ж.-д. станция Хотьково отстоит от Москвы в 57 км, Александров в 112 км.

[16] Судя по контексту, вероятно, один из лекторов, живших, как и Готье, в общежитии.

ФЕВРАЛЬ

[17] Бурылин Дмитрий Геннадьевич (1852—1924) — купец, основатель Товарищества мануфактур Д. Г. Бурылина в Иваново-Вознесенске (1909), общественный деятель, коллекционер. На основе его коллекции в 1915 г. был открыт Музей промышленности и искусства, о котором пишет Готье. См.: ОИЭ. 1.

[18] Мирный договор между РСФСР и Эстонской республикой был подписан в Юрьеве (эст. Tartu) 2 февраля.

[19] См.: *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. Т. 5. СПб., 1899, № 105, 106.

[20] L'angélus (*лат.-фр.*) — здесь — колокольный звон, трижды в день призывающий верующих католиков к молитве Богородице.

[21] Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу.
(Данте, «Ад», I, 1-2. Пер. М. Лозинского.)

[22] *Александров* — узловая станция на Ярославском направлении, от которой отходит ветка на Иваново-Вознесенск.

[23] «Профессорский паек» был введен постановлением СНК от 23 декабря 1919 г. Число пайков, первоначально 1800, впоследствии было увеличено до 2000. См. вышеупомянутое исследование Fitzpatrick, с. 82.

[24] «Мы жаждем и надежды лишены». *(«Ад», IV, 42. Пер. М. Лозинского.)*

[24a] *Сергиевский Ю. В.* — возможно, Сергиевский Георгий Владимирович (1886—?), автор работ по истории искусств и истории Западной Европы. Какой Спасск имеет в виду автор, не ясно.

[25] В феврале возобновились аресты лиц, связанных с организациями, входившими в Тактический центр (Советом общественных деятелей, Национальным центром и Союзом возрождения). Об этих организациях см.: «Красную книгу ВЧК», т. 2, а также статью С. П. Мельгунова «Суд истории над интеллигенцией» // На чужой стороне, 1923, № 3, с. 137—163 и его «Воспоминания и дневники», вып. 2, ч. 3. Париж, 1964.

[26] *Хвостов Михаил Михайлович* (1872—1920) — ученик П. Г. Виноградова, с 1900 г. преподававший в Казанском университете (с 1907 г. профессор всеобщей истории). Главные труды по древней истории и социально-экономической истории Нового времени. Позже Готье писал, что М. М. Хвостов «блестяще поставил дело преподавания всеобщей истории в Казанском университете» (Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 570). В Советской исторической энциклопедии и БСЭ (3-е изд.) датой смерти М. М. Хвостова указывается 25 февраля.

[27] Польские патриоты стремились к восстановлению Польши в границах 1772 г. (до первого раздела ее между соседями), т. е. с включением губерний Гродненской, Минской, Могилевской, Волынской, Подольской и Киевской (без левобережной части и города Киева).

[28] *Анучин Дмитрий Николаевич* (1843—1923) — выдающийся ученый (антрополог, этнограф, археолог, географ) и общественный деятель; организатор и руководитель ряда научных учреждений; заслуженный профессор Московского университета, почетный член Российской АН и многих русских и иностранных ученых обществ. До запрещения ее в 1918 г. один из издателей и редакторов влиятельной в либерально-демократических кругах «профессорской» газеты «Русские ведомости». *Айхенвальд — Эйхенвальд Александр Александрович* (1863—1944), крупный физик, профессор Московского университета; сотрудник Научно-технического отдела Высшего совета народного хозяйства. В том же году эмигрировал.

[29] Радикальная партия, основанная в 1881 г., была наиболее влиятельной партией в Сербии, а затем в Югославии; в описываемое время входила в правящий блок. В ней всегда были сильны русофильские настроения. После эвакуации белыми Крыма много эмигрантов попало в Югославию, где они были встречены приветливо и им были созданы благоприятные условия для профессиональной деятельности. Русские ученые внесли большой вклад в развитие в стране высшего образования.

[30] В литературе о Наркомпросе (например, в вышеупомянутом исследовании Кейрим-Маркус) говорится о наличии в его составе «научной секции» и «научного отдела». Кажется, Научная секция включала научный и библиотечный отделы. *Тер-Оганесов Вартан Тигранович* (1890—?) — астроном, преподавал в Московской горной академии (основанной в 1918); член Государственной комиссии по просвещению, член коллегии Научного отдела НКП (как и Артемьев).

[31] Адмирал А. В. Колчак был расстрелян в Иркутске 7 февраля.

[32] *Угримов Борис Иванович* (1872—?) — ученый-электротехник.

[33] *Уварова Екатерина Алексеевна* («маленькая графиня», ?—?) — дочь графини Прасковьи Сергеевны («старой графини»). Позднее обе жили в эмиграции.

[34] Речь идет о «Капповском путче», названном по имени его политического руководителя (Wolfgang Kapp, 1858—1922), одного из основателей (1917) и лидеров Немецкой отечественной партии (Deutsche Vaterlandspartei). Добровольческие отряды из демобилизованных офицеров и солдат, раздраженных «капитулянтским», по их мнению, поведением республиканского правительства, подписавшего Версальский мирный договор, 13 марта заняли Берлин. Созданное путчистами правительство во главе с Каппом просуществовало меньше недели; 17 марта Капп бежал в Швецию, в Берлин вернулось республиканское правительство.

[35] *Heine Heinrich*. Lyrisches Intermezzo, № 37.

[36] С мая 1920 г. генерал А. А. Брусилов сотрудничал с большевиками.

[37] *Коган-Бернштейн* — вероятно, Бернштейн-Коган Сергей Владимирович (1886—1951), экономист и географ, преподавал (с 1920 г. профессор) в различных высших учебных заведениях (в том числе в Московском университете), затем работал в экономических ведомствах; автор трудов по исторической и экономической географии, по экономике транспорта. Учеником Струве Бернштейн-Коган был, по всей вероятности, в СПб. политехническом институте им. Петра Великого, где П. Б. Струве преподавал с 1906 г.

[38] *...г-на де Вогюэ* — «Русский роман» (*фр.*). Vogüé, Eugène Marie Melchior de (1848—1910) — французский дипломат, путешественник и писатель. Много путешествовал по России, был женат на дочери генерал-адъютанта Н. Н. Анненкова, известного администратора, члена Государственного совета. Прославился главным образом работами о России, в особенности книгой о русском романе, о которой говорит Готье (1886, 21-е изд., 1927).

[39] Готье, вероятно, был прав в своей догадке. См.: *Голинков Д. Н.* Крушение антисоветского подполья СССР. Т. 2. М., 1980. С. 11—21.

[40] Речь идет о 9-м съезде РКП(б), происходившем 29 марта—5 апреля. Против позиции большинства ЦК выступала Группа демократического централизма, отстаивавшая принцип коллегиальности. Разногласие это не было новым (Группа оформилась в 1919 г.), но на этот раз споры были особенно жаркими. Группа демократического централизма потерпела поражение, но просуществовала еще около года, пока не была, как и все другие группы внутри партии, запрещена 10-м съездом. См.: *Schapiro.* The Origin of the Communist Autocracy. С. 221—224.

[41] Машинописные копии этого труда были действительно положены автором в отделы рукописей обеих библиотек. Второй том был опубликован в 1941 г.

[42] *Покровский Иосиф Алексеевич* (1868—1920) — видный юрист-цивилист. Учился в Киевском и Берлинском университетах; профессор Киевского, СПб. и Московского университетов, читал энциклопедию права в Александровском лицее в Петербурге. Основные труды — по истории римского права, теоретическим проблемам гражданского права, вопросам гражданского законодательства; рассматривал также этические основы политики. Сотрудничал в либеральных журналах.

[43] *ЦУРКА* (Центральное управление по распределению книг) создавалось в соответствии с декретом СНК от 20 апреля о национализации запасов книг и иных печатных изданий (Декреты советской власти. Т. 8. С. 59—60). В редактировании декрета принимал участие Ленин.

[44] *Ангарский (псевд.) — Клестов Николай Семенович* (1873—1941 — погиб в заключении) — профессиональный революционер, с 1902 г. член РСДРП, 1904—1905 гг. — меньшевик, затем большевик. В молодости, бросив гимназию, работал в частной типографии и библиотеке своего отца; позднее создавал партийные типографии, работал в издательствах. С 1917 г. зав. Издательским отделом Московского совета. См.: Деятели революционного движения в России. Т. 5. Вып. 1. М., 1931; ОИЭ. 1.

Владимирский Михаил Федорович (1874—1951) — старый большевик, сочетал профессию врача с революционной деятельностью; один из организаторов Октябрьского переворота в Москве. В описываемое время член Президиума ВЦИК, зам. наркома внутренних дел.

[45] *Галкин Михаил Владимирович* (?—?) — публицист, автор антирелигиозных брошюр; в описываемое время служил в Отделе культов НК юстиции, фактически редактировал его журнал «Революция и церковь», в то время (1919—1924) главный антирелигиозный орган (официально ответственным редактором был зав. отделом П. А. Красиков). Союз русского народа — в 1905—1917 правомонархическая черносотенная массовая организация профашистского типа, которую поддерживала часть православного духовенства (распущена, как

и все другие черносотенные организации, после Февральской революции).

[46] *Братцево* — бывшая усадьба примерно в 18 км к северо-западу от Москвы, неподалеку от Рижского направления ж. д.

[47] *Покровское-Глебово* — дачный поселок в 12 км от Москвы по Рижскому направлению. С 1949 г. в черте г. Москвы.

[48] *Лопатин Лев Михайлович* (1855—1920) — известный философ и психолог, долголетний (с 1899 г.) профессор Московского университета. (см.: ФР). Вероятно, сразу же после смерти Лопатина (21 марта) сын И. Ф. Огнева начал работу над книгой о нем (*А. И. Огнев*. Л. М. Лопатин. Пг., 1922).

[49] Новое наступление польской армии (на этот раз в союзе с войсками украинской Директории) началось 25 апреля; 26-го был взят Житомир, а 6 мая Киев.

[50] Сведения Готье о том, что уже в это время готовилось польское революционное правительство, представляют большой интерес. Формально Временный революционный комитет Польши (Польревком) был образован только в июле, когда Красная Армия заняла Белосток (*пол.* Bialystok). Председателем его был Ю. Б. Мархлевский (1866—1925), из остальных четырех членов двое были высокопоставленными чекистами (Дзержинский и Ю. Уншлихт).

[51] Эта сцена описывается в мемуарах Брусилова: *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 1929. С. 123.

[52] Выражение восходит к Плутарху, у которого смерть Великого Пана символизирует конец античного мира.

МАЙ

[53] 21 апреля в Варшаве было заключено соглашение польского правительства и украинской Директории, по которому Директория признавалась правительством независимой Украины, соглашалась на присоединение к Польше Восточной Галиции, Западной Волыни и части Полесья и с целью совместных действий против Красной Армии подчиняла свои войска польскому верховному командованию. Совместное наступление польских и «петлюровских» войск началось через 4 дня.

[54] 30 апреля в «Известиях» было напечатано обращение ВЦИК и СНК от 29 апреля «Ко всем рабочим, крестьянам и честным гражданам России». В обращении утверждалось, что целью польского наступления является захват всей Украины и что польские власти стремятся к порабощению на занятых ими территориях литовского, белорусского и русского населения. Формального объявления войны ни с той, ни с другой стороны не было, так как между ними не было дипломатических отношений.

[55] Особое совещание при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики (в справочных изданиях датой образования его указывается 9 мая; по другим сведениям существовало уже в ноябре 1919 г.) — совещательный орган для обсуждения мер борьбы с

наступающей польской армией. 30 мая обратилось к бывшим офицерам русской армии с призывом вступать в Красную Армию для защиты отечества, который имел некоторый успех; ликвидировано в сентябре того же года. Готье правильно оценил декоративно-пропагандистскую роль совещания. Сами же вошедшие в него генералы (кроме упомянутых в тексте — Балуев, Зайончковский и Парский), по-видимому, придерживались взглядов, которые вскоре получили название национал-большевистских.

Балуев П. С. (?—?) — в июле 1917 г. главнокомандующий Юго-Западного фронта, с 5 августа — Западного; старался противодействовать развалу армии, но в момент выступления генерала Корнилова на его сторону не встал. После Октябрьского переворота был склонен оказать вооруженное сопротивление, но говорил, что ему «необходимо, чтобы было какое-нибудь правительство», от имени которого он мог бы действовать; пытался помочь Комитету общественной безопасности в Москве. 5 ноября признал переход «всей власти на Западном фронте в руки Военно-революционного комитета» и предписал «всем учреждениям, организациям и лицам» исполнять его распоряжения. 12 ноября распоряжением ВРК отстранен от должности за отказ вступить в прямые переговоры с противником о мире; поколебавшись, подписал приказ по фронту о сдаче дел назначенному ВРК на его место большевику подполковнику В. В. Каменщикову (1879—1959), будущему начальнику штаба войск ВЧК и члену ее коллегии.

Гутор Алексей Евгеньевич (1868—1938?) — генерал-лейтенант. В 1907 г., будучи председателем Одесского военно-окружного полевого суда, отличался склонностью к смертным приговорам большевикам и другим участникам беспорядков. 21 мая—10 июля 1917 г. главнокомандующий Юго-Западного фронта, где боролся с развалом, затем при Ставке; по-видимому, не был сторонником генерала Корнилова. С ноября 1917 сотрудничал с советскими властями, состоял в Красной Армии. В 1920-е гг. преподавал в военной академии, занимался военно-историческими исследованиями.

Зайончковский (см. выше примеч. 293 за 1917 г.) — с мая 1917 г. был в отставке. С января 1919 г. в Красной Армии.

Клембовский Владислав Наполеонович (1860—1921) — генерал от инфантерии. С 1 июня 1917 г. главнокомандующий Северным фронтом, старался поддерживать дисциплину; на совещании в Ставке с участием Керенского 16 июля согласился с генералом Деникиным, назвавшим большевиков червями в гнойной ране, высказался за упразднение комитетов; на своем фронте пытался распустить те из них, которые «оказывали вредное влияние на части». Поддерживал генерала Корнилова, после смещения которого отказался временно занять должность Верховного главнокомандующего и 29 августа был отстранен от командования фронтом (Ленин еще в октябре продолжал относить его к «главарям корниловщины», которых якобы покрывал Керенский). С 1918 [?] г. участвовал в работе Военно-исторической комиссии при Главном штабе Красной Армии. Расстрелян за измену [?].

Парский Дмитрий Павлович (1866 или 1874—1921) — генерал-лей-

тенант 20 июля—9 сентября 19 г. командующий 12-й армией Северного фронта, безуспешно боролся с разложением армии. После падения 20 августа Риги, за оборону которой нес ответственность, был по приказу генерала Корнилова привлечен к суду по обвинению в неправильных донесениях (чем кончилось дело, не ясно). 29 августа, будучи в Житомире, был в числе «реакционных» генералов, «арестованнных» местным советом рабочих и солдатских депутатов. В октябре—ноябре командующий 3-й армией Западного фронта; отказался вступить в мирные переговоры с противником и был 18 ноября смещен армейским ВРК. Уже с февраля 1918 г. в Красной Армии, руководил военными действиями в районе Нарвы, затем (15 сентября—26 ноября) первый командующий Северным фронтом Красной Армии (от Пскова до Вятки).

Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) — генерал от инфантерии; имел репутацию умеренного либерала и хорошего организатора, был близок к Гучкову. 1912 г. — член Государственного совета по назначению. Июнь 1915 г. — 13 марта 1916 г. — военный министр и председатель Особого совещания по обороне (был против занятия Николаем II поста Верховного главнокомандующего); затем в отставке. После Февральской революции член Особого совещания по обороне, председатель комитета при Военном министерстве, который подготовил приказ Гучкова от 16 апреля о выборных комитетах в воинских частях и «Декларацию прав солдата и гражданина», утвержденную Керенским 11 мая. В октябре на съезде общественных деятелей в Москве высказался за возвращение генерала Корнилова на должность Верховного главнокомандующего. С февраля 1920 г. в Красной Армии. Умер в Риге, где был военным экспертом при советской делегации на мирных переговорах с Польшей.

[56] В своих воспоминаниях генерал Брусилов, полемизируя с генералом Деникиным, отстаивает решение «остаться со своим народом» при любых обстоятельствах, но отмечает, что именно в это время его нищенское материальное положение начало улучшаться. См. первое издание его «Воспоминаний» (М., 1929), с. 235—236.

[57] Еще один пример проницательности автора. Отождествление России с большевизмом (коммунизмом) имело широчайшее распространение в иностранном мире вплоть до конца 1980-х гг.

[58] Букв. «городу и миру» (*лат.*).

[59] Письмо генерала Брусилова было опубликовано 7 мая в «Известиях».

[60] Товарные станции на Московской окружной ж. д.: *Серебряный бор* — близ пересечения с Рижским направлением, *Владыкино* — с Савеловским.

[61] Автор шел от Курского вокзала к Красной площади. *Воронцово поле* — с 1934 г. ул. Обуха; *Хитров рынок* — на Хитровской пл., позднее застроенной, у стыка Яузского и Покровского бульваров.

[62] Речь идет о главных зданиях Московского университета на Моховой; старое расположено к северу от Б. Никитской, новое — к югу.

[63] То есть на Смоленском рынке, который находился на Смоленской пл (на Садовом кольце, с 1938 в составе ул. Чайковского).

[64-65] *Радлов Эрнест Леопольдович* (1854—1928) — известный философ. В 1918 г. (а не 1917 г., как в 3-м изд. БСЭ) — 1924 директор Государственной (бывшей Императорской) публичной библиотеки.

[66] *Шмеман Николай Эдуардович* (1858—?) — сенатор, член Государственного совета.[?] Первый департамент Сената ведал административными делами.

[67] *Теляковский Владимир Александрович* (1860 или 1861—1924) — театральный деятель, 1901 г. — май 1917 г. — директор Императорских (после Февральской революции Государственных) театров. Ушел из-за неопределенности и путаницы в управлении театрами, в частности, вследствие назначения правительственных комиссаров разных уровней. См. его: «Воспоминания, 1898—1917». Пг., 1924.

[68] *Саксен-Альтенбургская Елена Георгиевна*, принцесса (урожд. герцогиня Мекленбург-Стрелицкая) — правнучка императора Павла I, была замужем за принцем Саксен-Альтенбургским, позже герцогом и королем Саксонским Альбертом.

[69] *Ховрино* — ст. Николаевской ж. д. в 14 км от Москвы близ Окружной ж. д.

ИЮНЬ

[70] То есть переговоры с недостойным партнером. Автор, по всей вероятности, цитирует выражение, употребленное в какой-нибудь английской газете.

[71] Киев был взят Красной Армией 12 июня. 13 июня «Известия» утверждали, что при отступлении поляки взорвали Владимирский собор Однако в позднейших описаниях Киевской операции и города Киева о разрушении Владимирского собора или иных памятников культуры при отступлении поляков не говорится.

[72] *Вацетис (Vacietis) Иоаким Иоакимович* (1873—1938, расстрелян) — полковник; после Октябрьского переворота командовал латышскими частями, игравшими роль преторианской гвардии Советского правительства. 4 сентября 1918 — 8 июля 1919 — первый главнокомандующий Вооруженными силами республики. В описываемое время в Революционном военном совете. См.: Гранат.

[73] *Красин Леонид Борисович* (1870—1926) — выдающийся революционный, хозяйственный и дипломатический деятель; по образованию инженер. В 1905—1907 гг. вместе с Лениным и А. А. Богдановым руководил большевистской фракцией РСДРП, возглавлял всю финансовую (включая «экспроприации»), «техническую» (в том числе типографии, добывание и изготовление подложных документов и оружия) и «боевую» работу; затем, как и большинство сторонников Богданова, отошел от Ленина. В эмиграции (с 1908 г.) и после возвращения в 1912 г. в Россию выдвинулся как торгово-промышленный деятель. К Октябрьскому перевороту отнесся отрицательно (заблаговременно отправив семью за границу), но в декабре 1917 г. уступил настояниям Ленина и с тех пор занимал важнейшие должности по руководству хозяйством. С конца мая Красин вел в Лондо-

не переговоры о советско-британских отношениях (в частности стараясь предотвратить британскую помощь Польше). Его встреча с Ллойд Джорджем 31 мая была первой встречей представителя Советского правительства с главой правительства одной из великих держав. Переговоры закончились де-факто признанием Советского правительства и заключением торгового соглашения. См.: *Ullman Richard H.* The Anglo-Soviet Accord (Anglo-Soviet Relations, vol. 3). Princeton, 1972. «Письмо английским рабочим», написанное 30 мая, было опубликовано в газетах 17 июня. Ленин, оговариваясь, что пишет «в качестве просто коммуниста», разразился в нем бранью по адресу «разбойничьего» британского правительства, которое он призывал «революционно свергнуть», и рабочих, находящихся «в идейном рабстве у буржуазии» и разделяющих «мещанские предрассудки насчет демократии». «Настоящими виновниками» красного террора в России, отсутствия свободы печати и собраний, преследования «меньшевиков и меньшевиствующих рабочих» он назвал «империалистов Англии и их союзников», которые (в числе прочих преступлений) помогают Польше и Врангелю. Письмо не понравилось самому Ленину, но было одобрено Чичериным. См.: ПСС, тт. 41 и 51.

74 Где и когда Черчилль употребил приписываемое ему выражение, установить не удалось.

75 Правительство султана, потерпевшее поражение в мировой войне, уступало требованиям победителей, но националистически настроенные «младотурки» подняли восстание и в апреле 1920 г. объявили себя единственной законной властью в стране. В марте 1921 г. Советское правительство заключило с ними договор «о дружбе и братстве» (!), который закреплял за Турцией земли, отошедшие к ней по Брестскому миру (кроме Батума с окрестностями), предусматривал административно-территориальное устройство Закавказья, благоприятное для мусульман, безвозмездные поставки Турции оружия и боеприпасов и уплату 10 млн. золотых рублей деньгами — во имя «борьбы с империализмом» и поддержки «национально-освободительной» революции. Запись Готье о пребывании младотурецких представителей в Москве интересна для уточнения хронологии большевистско-младотурецких связей.

76 *Осоргин (псевд.) — Ильин Михаил Андреевич* (1878—1942), известный писатель и журналист. 1906—1916 — в эмиграции, заграничный корреспондент «Русских ведомостей». В описываемое время председатель Московского союза писателей. В 1922 г. выслан за границу; умер во Франции.

ИЮЛЬ

77 *Рождественский Сергей Васильевич* (1868—1934) — историк, старший ученик Платонова, профессор СПб. университета, с 1920 г. член-корр. АН. Главные работы — по социально-экономической истории Московского государства XIV—XVI вв. и по истории народного образования в России XVIII—XX вв. Как и Готье, был в 1930 г. арес-

тован по «делу Платонова» и в 1931 г. сослан; умер в ссылке. См.: Память. Вып. 4; Академическое дело 1929—1931 гг. С. М. Соловьев родился 5 мая 1820 г.

[78] В составе ЦК РКП(б), избранного на 9-м съезде в марте-апреле 1920 г. (20 человек) юристами были Крестинский и Ленин (сдал экзамены экстерном и почти не практиковал); короткое время на юридическом факультете учились Зиновьев, Каменев и Рыков. Из них Каменев, Крестинский и Ленин были членами Политбюро, Зиновьев кандидатом; Крестинский и Рыков входили также в Оргбюро, а Крестинский был одним из трех секретарей ЦК. Среди 12 кандидатов в ЦК был только один юрист — Стучка. Таким образом, профессиональных юристов в ЦК было только двое — Крестинский и Стучка (оба — присяжные поверенные). В СНК, втором после ЦК по действительному значению органе власти, юристами были (не считая Ленина) нарком юстиции Курский (присяжный поверенный) и нарком финансов Крестинский; Рыков был председателем ВСНХ. В президиум ВЦИК (к этому времени уже главным образом декоративный, но формально законодательный орган), избранный на 7-м съезде Советов 5—9 декабря 1919 г. (12 человек плюс один, кооптированный позже), входил Рыков. Из пяти кандидатов юриста не было ни одного. Получил юридическое образование, но до Октябрьского переворота не практиковал главный прокурор Верховного трибунала при ВЦИК Крыленко. Из членов коллегии ВЧК юристом по образованию был Менжинский (с февраля 1920 зам. начальника, с июля начальник Особого отдела ВЧК); учился на юридическом факультете, но не кончил Кедров (с марта 1920 г. член специальной правительственной комиссии «по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев на Севере», где он сам прославился жестокостью).

[79] *Хомяков Алексей Степанович* (1804—1860) — выдающийся религиозный мыслитель, публицист и общественный деятель; один из основоположников славянофильства. Создатель учения о соборности как всеобщем принципе теории и практики. Не получив историко-филологического образования, Хомяков нередко прибегал к историческим и этимологическим построениям, не выдерживающим серьезной критики. Пример, приводимый Готье, связан с попыткой объяснить явления соборности в английской жизни (которые он высоко ценил, как, например, суд присяжных) частично славянским происхождением англичан.

[80] *Мансуров Сергей Павлович* (?—1929) — философ и церковный историк, член Комиссии по охране Троице-Сергиевой лавры.

[81] *Коломенское* — бывшая усадьба московских князей, великих князей и царей к югу от Москвы, близ одноименных села и ж.-д. станции Павелецкого направления. *Дьяково* — село близ Коломенского, около которого на правом берегу Москвы-реки находится знаменитое Дьяковское городище, где впервые при раскопках были найдены изделия дьяковской культуры (древнефинских племен). Чертово городище (или Чертов городок) — разрушенный холм рядом с Дьяковским городищем с культурным слоем дьяковского времени. С 1960 г. вся эта местность находится в черте г. Москвы.

[82] *Долгов Семен Осипович* (1857—1925) — археолог и археограф, хранитель Отдела рукописей и старых книг Румянцевского музея.

[83] Судя по ироническому «тов.», Райский, вероятно, был большевиком или «сочувствующим», скорее всего, из младших служителей музея.

[84] То есть 2-го конгресса Коминтерна, состоявшегося в Москве 21 июля — 6 августа.

[85] Церковь в Вифанском монастыре близ Сергиева Посада, устроенная внутри в виде горы (в подражание Вифанской горе у Иерусалима).

[86] Е. Л. Рар умерла 27 июля в г. Кимры Тверской губ. (в 130 км к северу от Москвы по Савеловскому направлению), в окрестности которого поехала, чтобы прийти в себя и окрепнуть после тюремного заключения. Врач в кимрской больнице не решился оперировать из-за невозможности дезинфицировать хирургические инструменты.

АВГУСТ

[87] Межевой институт (позже Институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии), где Готье работал по совместительству в 1907—1917 гг., находится в доме № 4 по Гороховскому переулку (к северо-востоку от центра города, за Земляным валом).

[88-89] *Ковель* — уездный город Волынской губ. (теперь районный центр Волынской обл.), важный ж.-д. узел в 450 км к западу от Киева. Другие два города находятся в Галиции: *Тарнополь* — с 1944 г. Тернополь; *Бучач* — теперь районный центр Тернопольской обл., в 65 км к юго-западу от Тернополя.

[90] *Седлец* (*пол.* Siedlce) — город в Польше к в. от Варшавы, административный центр Седлецкого воеводства.

[91] О польском наступлении см.: *Davies Norman*. White Eagle — Red Star: the Polish-Soviet War, 1919—1920. London, 1972.

[92] Суд по делу Тактического центра начался 15 августа и продолжался 5 дней. Председательствовал И. К. Ксенофонтов (1884—1926), бывший рабочий, один из организаторов ВЧК, в описываемое время член ее коллегии, зам. председателя, председатель Особого трибунала ВЧК и Верховного трибунала при ВЦИК; остальные четверо судей (кроме, может быть, одного) тоже были чекистами. Обвинял Крыленко (в то время главный прокурор при Верховном трибунале), явно плохо знакомый с делом. Обращение с подсудимыми было довольно мягким (из 27 обвиняемых только 8 были до суда в тюрьме, остальные на свободе), их серьезно защищали видные московские адвокаты; одним из свидетелей защиты был Троцкий. Приговоры были декларативно-политическими. См. второй том «Красной книги ВЧК» и воспоминания П. Е. Мельгуновой в книге ее мужа «Воспоминания и дневники». Вып. 2. Ч. 3. Париж, 1964.

Виноградский Николай Николаевич (?—?) — окончил Пажеский корпус; до Февральской революции чиновник для особых поручений при

Главном управлении по делам местного хозяйства МВД. При Временном правительстве работал над проектом реформы местного управления на окраинах. К разработке проектов по тем же вопросам привлекался в 1918—1919 гг. Советом общественных деятелей, хотя его членом не состоял. На следствии давал обширные «откровенные» показания. *Устинов Владимир Михайлович* (1870—?) — правовед, специалист по государственному праву, преподавал в московских учебных заведениях, в том числе на Высших женских курсах и в Университете им. Шанявского. Сотрудник московской прогрессистской газеты «Утро России». Член КДП, в 1917 один из ее представителей в Совете республики. Член Совета общественных деятелей, занимался вопросами образования, имел поручение написать общую политическую программу Совета. Амнистированный вскоре после суда, в том же году начал преподавать в Московском университете. *Толстая Александра Львовна* (1884—1979) — младшая дочь Л. Н. Толстого, общественная деятельница. В 1921 г. член Комитета помощи голодающим. После пятикратных арестов в 1929 г. эмигрировала. Создала Толстовский фонд для помощи эмигрантам и долгие годы им руководила. Умерла в США. См. ее воспоминания «I Worked for the Soviets». New Haven, 1934.

93 Письмо это в архиве не найдено.

94 То есть помощнику настоятеля Лавры.

95 *Маркевич Болеслав Михайлович* (1822—1884) — писатель и публицист охранительного направления, сотрудник «Московских новостей» и «Русского вестника» М. Н. Каткова, автор «антинигилистских» романов.

96 *France Anatole.* L'Auteur un ami // Oeuvres compltes illustrйes de Anatole France. Paris, 1925. С. 396.

97 *Писарев Дмитрий Иванович* (1840—1868) — один из виднейших литературных критиков и публицистов «нигилистического» направления 1860-х гг.

СЕНТЯБРЬ

98 Академик Б. А. Тураев умер 23 июля 1920 г. *Шахматов Алексей Александрович* (1864—1920) — крупнейший языковед, текстолог и организатор науки (с 1906 г. председатель Отделения русского языка и словесности АН); общественно-политический деятель, член ЦК КДП. Умер 16 августа.

99 Здесь: сам по себе (*нем.*). Первоначально — философский термин, введенный Кантом.

100 Речь идет о мирных переговорах с Польшей, которые начались в Минске 17 августа и продолжались в Риге. Предварительное соглашение об условиях мира было достигнуто 12 октября; военные действия прекратились 18 октября, но окончательный мирный договор был подписан только 18 марта 1921 г.

101 Домодедово — пристанционный поселок в 37 км к ю. от Москвы по Павелецкому направлению; с 1947 г. город, районный центр Московской обл.

102-103 Части Западного фронта Красной Армии (командующий Тухачевский) потерпели поражение к северу от Варшавы, близ границы с Восточной Пруссией. Генерал Самсонов был в 1914 г. разбит в соседней местности на территории Восточной Пруссии. Готье называет это место заколдованным, вероятно, еще и потому, что почти там же в 1410 г. произошла Грюнвальдская битва, в которой польские войска разгромили Тевтонский орден.

104 20 сентября Наркомпрос объявил, что вместо Совета Московского университета создается «временный президиум» в составе трех представителей от преподавателей (двух профессоров и одного от рабфака), одного представителя от других служащих, военного комиссара Университета и трех представителей Наркомпроса. Этот президиум должен выбирать ректора. Профессоров назначает Главный ученый совет НКП. Таким образом уничтожалась автономия Университета, хотя это и не привело немедленно к полному подчинению его Наркомпросу. См. вышеупомянутое исследование Fitzpatrick, с. 84—88.

105 *Новиков Михаил Михайлович* (1876—?) — зоолог и общественно-политический деятель. Окончил Гейдельбергский университет, 1904[?]—1911 — приват-доцент, с 1916 г. ординарный профессор по кафедре зоологии и сравнительной анатомии Московского университета (1911—1916 — ординарный профессор Московского коммерческого института). Член конституционно-демократической партии; с 1908 г. гласный Московской городской думы; депутат 4-й Государственной думы (председатель комиссии по народному образованию, где планировалась новая школьная сеть и разрабатывался новый университетский устав, и комиссии по городским делам, готовившей реформу городового положения). Во время войны уполномоченный Всероссийского союза городов. После Февральской революции председатель комиссии Временного правительства по реформе высшей школы; член Совета республики. В 1918 г. принимал участие в заседаниях находившихся в Москве членов ЦК КДП (официально в ЦК не состоял). В 1922 г. выслан за границу; был основателем и долголетним руководителем Русского народного университета в Праге, профессор Карлова университета там же, Братиславского университета; после второй мировой войны один из организаторов университета UNRRA (администрации ООН для послевоенной помощи) для студентов-беженцев в Мюнхене, затем профессор Мюнхенского университета; с 1949 г. жил в Нью-Йорке. См. его: Московский университет в первый период большевистского режима в кн. «Московский университет, 1855—1930. Юбилейный сборник». Париж, 1930, и «От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке». Н.-Й., 1952.

106 Эта граница была закреплена Рижским миром и просуществовала до 1939 г. Готье опять оказался провидцем: так и случилось в 1939 г.

107 Во время советско-польской войны Савинков был председателем Русского политического комитета в Варшаве, одним из главных

организаторов антибольшевистских русских добровольческих отрядов. В августе заявил о признании власти генерала Врангеля и готовности подчиниться ему; начал формировать 3-ю русскую армию. Булак-Балахович во время войны командовал крупными русскими добровольческими отрядами, сформированными с помощью Савинкова. После перемирия (18 октября) организовал Народно-добровольческую армию, которая продолжала действовать в Белоруссии до разгрома ее советскими войсками в ноябре.

108 *Гринберг Захарий Григорьевич* (1889—1949) — литературовед; 1906—1914 член Бунда, 1917—1922 в РКП(б). После Октябрьского переворота член Комиссии по просвещению, затем, после переезда правительства в Москву, член коллегии НКП, зав. орг. сектором; входил, по словам Луначарского, в «основную группу Наркомпроса». В 1921—1924 в торгпредстве в Берлине, отвечал за покупку книг.

109 См.: приложение № 9.

110 См.: приложения № 9—12.

Платонова Нина Сергеевна (1886—1941 или 1942) — старшая дочь С. Ф. Платонова; окончила Бестужевские курсы, работала в Художественном отделе Русского музея. В 1930 г. арестована по «делу» отца, последовала за ним в ссылку в Самару, после его смерти жила под Москвой, затем получила разрешение вернуться в Ленинград. Погибла во время блокады.

111 *Grabski Wladyslaw* (1874—1938) — экономист, историк и политический деятель; один из лидеров Национально-демократической партии, депутат первых трех Государственных дум. Неоднократно был министром финансов независимой Польши, в июне—июле 1920 г. и в 1923—1925 — премьер-министр.

112 *Лапиров-Скобло М.* ?. (?—?) — видный инженер, занимал ответственные должности в НКП, научно-технических и научно-общественных организациях. Участвовал в работе созданной в начале 1920 г. Государственной комиссии по электрификации России.

НОЯБРЬ

113 *Переверзев Владимир Николаевич* (1867—1944) — первый председатель союза железнодорожников, в 1905 один из руководителей Союза союзов.

114 *Иловайский Давыд Иванович* (1878—1935) — палеонтолог, с 1919 г. профессор Московской горной академии, с 1930 — выделившегося из нее Нефтяного института.

115 Решение создать такой комитет для «объединения всей политически-просветительной работы» содержится в декрете ВЦИК «О мерах к усилению деятельности Народного комиссариата просвещения», опубликованном 10 октября. 28 октября это решение рассматривалось на заседании Политбюро ЦК РКП(б), усмотревшего в нем возможность умаления роли партии. В проекте постановления (целиком вошедшем в окончательный текст) Ленин четко формулирует свою позицию: «Безусловно признавая необходимость такого объ-

единения, Политбюро ЦК РКП устанавливает прежде всего, что это объединение возможно понимать только в смысле сохранения, укрепления и расширения не только самостоятельности парторганизации, но и ее руководящего, направляющего и главенствующего положения по отношению ко всем без изъятия областям работы НКПроса» (ПСС, т. 41, с. 397). В окончательном виде Главный политико-просветительный комитет Республики был образован декретом СНК от 12 ноября 1920 г.. Создавался он как структурное подразделение НКП на базе его Внешкольного отдела.

116 Состав комитета был определен СНК еще 2 ноября. Председателем была назначена Крупская, но ее первым заместителем, своего рода партийным комиссаром, был сделан посторонний НКП человек, секретарь ЦК Е. А. Преображенский. А. И. Мещерякова была знакома с Крупской с середины 1890-х гг., когда обе они работали в воскресных школах для рабочих в СПб. В описываемое время она работала в библиотечном отделе Главполитпросвета.

117 Декрет о централизации библиотечного дела, подготовленный в Наркомпросе, был принят СНК 22 июня. Он предусматривал образование комиссии для создания централизованной библиотечной системы, подведомственной НКП.

118 См.: Приложение № 13.

119 *Каменев Сергей Сергеевич* (1881—1936) — полковник; с начала 1918 г. в Красной Армии, с июля 1919 до апреля 1924 г. главнокомандующий Вооруженными силами Республики и член РВС.

120 *Станюкович Константин Михайлович* (1843—1903) — писатель радикального направления, в молодости морской офицер. Особенной популярностью пользовались его морские рассказы.

121 Генерал Врангель покинул Крым 14 ноября.

122 *Боголепов Дмитрий Петрович* (1885—1941) — большевик с 1907 г. Приват-доцент по финансовому праву на юридическом факультете Московского университета, позднее преподавал на факультете общественных наук. В 1914—1915 работал (вероятно, как «сведущее лицо») при социал-демократической фракции Государственной думы; в 1917 г. сотрудничал в «Правде» и др. большевистских газетах. После Октябрьского переворота член коллегии Народного комиссариата финансов, 1918 г. — зам. наркома; работал также в комиссариатах финансов Украины и Туркестана. Был в числе «левых коммунистов». В ноябре 1920 г. назначен председателем президиума Московского университета. Показал себя ярым приверженцем рабфака в ущерб старым факультетам; занял резко враждебную позицию по отношению к профессуре, которую называл «хорошо организованным классовым врагом»; утверждал, что пришло время «самым определенным образом положить конец всякой университетской автономии и свободе преподавания». Восстановил против себя даже Покровского и в мае 1921 г. был снят.

123 Готье имеет в виду так называемую дискуссию о профсоюзах, вспыхнувшую после выступления Троцкого 3 ноября на заседании коммунистической фракции Пятой всероссийской конференции профсоюзов. Троцкий предлагал ужесточить партийный режим в

профсоюзах, «завинтить гайки»; его поддерживали Крестинский, Рыков и другие видные большевики. Против были сторонники Группы демократического централизма, Рабочей оппозиции и, в меньшей степени, Ленин и его приверженцы.

[124] 25 ноября в «Известиях» был опубликован принятый СНК двумя днями раньше декрет «об общих экономических и правовых условиях концессий» (Декреты Советской власти, т. 2, с. 251—253). Реакция Готье на этот небольшой шаг в направлении установления нормальных экономических отношений с внешним миром показывает, до какой степени он опасался как большевиков, так и западных «империалистов».

[125] То есть политический комиссар. Не ясно, что это — другое название для «военного комиссара», который должен был войти во «временный президиум» Университета, или еще одна новая должность. Кто был назначен на эту должность, выяснить не удалось.

ДЕКАБРЬ

[126] *Михаил Ярославич* (1271—1318) — князь тверской и великий князь владимирский. Был казнен в Орде и как мученик причислен Русской православной церковью к лику святых.

[127] *Сиверс Яков Ефимович* (Sievers, Jacob Johann von) (1731—1808) — граф, видный администратор и дипломат, сенатор. С 1764 г. новгородский губернатор; разработал планы устройства и управления губернией, которые были приняты Екатериной II и распространены на другие губернии; в 1776—1781 генерал-губернатор новгородский, тверской и псковский (все эти три губернии раньше входили в Новгородскую). Одним из его нововведений была перепланировка и новая застройка губернских и главных уездных городов, что способствовало их благоустройству, но вело к однообразию и разрушению многих памятников архитектуры.

[128] Декрет СНК «О реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР» был принят 19 ноября. Наркомпросу предлагалось представить на утверждение СНК новые учебные планы, детально разработанные программы основных теоретических курсов, для чего при НКП создавалась специальная комиссия. Наркомпросу предписывалось также составить списки лиц, допускаемых к преподаванию на факультетах общественных наук.

[129] *Оболенский Алексей Дмитриевич*, князь (1855—1933) — тайный советник, шталмейстер, с 1901 г. сенатор, с апреля 1905 член Государственного совета (группа центра). Окончил Училище правоведения. 1894—1897 и опять в 1905 г. управляющий государств. дворянским и крестьянским земельными банками; 1897—1901 — товарищ министра внутренних дел, 1902—1905 — товарищ министра финансов; 1903 г. — член Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (которое в значительной степени подготовило будущую столыпинскую реформу); октябрь 1905—апрель 1906 — обер-прокурор Святейшего синода. Ближайший со-

трудник Витте в подготовке манифеста 17 октября 1905 г. и составитель его текста.

Милютин Юрий Николаевич (1856—1912) — журналист и политический деятель, один из руководителей партии октябристов.

Leroy-Beaulieu Anatole (1842—1912) — либеральный французский историк и публицист, автор одной из лучших книг о России «L'Empire des tsars et les russes», 3 т. Paris, 1881—1889. Опубликовал также исследование об отце Ю. Н. Милютина, выдающемся деятеле «эпохи великих реформ» Н. А. Милютине (1818—1872), основанное на его личном архиве.

130 Юрий Курдюмов, сын свояченицы Готье.

131 Восьмой всероссийский съезд Советов, состоявшийся 22—29 декабря.

132 Луначарский вызвал раздражение Ленина тем, что поддерживал автономию Пролеткульта. В течение осени и зимы 1920 г. НКП неоднократно подвергался обследованию различными комиссиями, рекомендовавшими его реорганизацию. Автором одного из таких проектов был *Евграф Александрович Литкенс* (1888—1922), хороший знакомый Троцкого и Преображенского, большевик с 1919 г., незадолго до этого назначенный зам. зав. Главполитпросветом. Его проект в измененном виде был принят и по предложению Ленина он 8 декабря пленумом ЦК РКП(б) был назначен помощником наркома просвещения с сосредоточением в его руках всей организационно-административной власти (21 января 1921 г. его должность была переименована — он стал вторым зам. наркома). Луначарский и Покровский вынуждены были смириться и, лишившись власти, сохранили свои посты.

133 Возможно, речь идет о встрече в Доме печати 9 декабря. В. Э. Мейерхольд был летом 1920 г. назначен зав. театральным отделом НКП и сразу же повел «революционное» наступление на традиционный театр. 11 октября он выдвинул лозунг «театрального Октября».

134 См.: Приложение № 14.

1 января. По случаю Нового года спали с Володей дома и теперь сидим вдвоем. Единственное удовольствие — надежда просидеть дома и никуда не ходить. Но и эта надежда плоха.

(22 [декабря]) 4 [января]. Собираюсь уехать в Пестово на неделю. Большевики сегодня пугают, что кто-то на них собирается войной. Это происходит потому, что сами они жидовски трусливы и потому еще, что они совершенно не смогут обойтись без войны. Вернулась Маша и сообщила, что туда она проехала за 2000 рублей, а оттуда получила билет за 15 фунтов муки и 10 фунтов овса.

(25 [декабря]) 7 [января]. Рождество в Пестове. Удалось вырваться на несколько дней. Нервы и организм так истрепаны, что главное желание — лежать и спать. Лежу по 11 часов в сутки, сплю более 9; не знаю, насколько меня неделя, проведенная здесь, укрепит для дальнейшего продолжения ужасно изводящей своей бесполезной суетой московской жизни, но надо воспользоваться чем можно. Свободными днями я стараюсь воспользоваться, чтоб двинуть кое-какие занятия, застоявшиеся в Москве; пока это удается. Здесь положение ухудшилось с лета. Внедрилась МЧК, отобрала часть дома. Поговаривают о возможных новых захватах; рубят лес; но все-таки здесь еще хорошо, главным образом потому, что находишься среди хороших людей, и потому, что на неделю вырвался из проклятой Москвы, где большевизм продолжает кипение в своем вонючем котле.

В последнее время я совершенно пришел к убеждению, что по отношению к ним дозволены все средства, как и они дозволяют себе все. В частности, присвоение или использование вещи, принадлежащей РСФСР в каком бы то ни было виде или обстоятельствах, — должно считаться дозволенным и не есть воровство.

(27 [декабря]) 9 [января]. Несколько тихих дней отдыха. Они проходят один за другим, оставляя впечатление мира душевного. Комическая нотка: вчера вечером были гости, в числе их два бывших человека — предводитель дворянства Г. М. Леонтьев и кабатчик из Мытищ Степин — артист dans

ses moments perdus [в свободные минуты (*фр.*)] декламировавший сцену из «Разбойников»[1]. Все это мирно уживалось за чайным столом.

Я стараюсь, сидя здесь, отдать себе отчет в смысле данного момента в истории и эволюции большевизма. Они находятся во временном внешнем затишье и много говорят о внутреннем строительстве. Затевают реформы, которые некоторыми толкуются как коммунистическая реакция; на самом деле все, что они предпринимают, есть не что иное, как басня «Квартет» — уж как вы ни садитесь, а в музыканты не годитесь! Однако и теперь и пока они будут существовать, виновными они себя не признают, а будут искать их в других.

(30 [декабря]) 12 [января]. Конец пребывания в Пестове. Оттепель и весна с мокрым снегом. Неделя, проведенная здесь, была неделей отдыха и грустных мыслей, а иногда радостного отсутствия мыслей. Грустные мысли, которыми провожается окончательно старый год, заключаются все в том же — так жить нельзя. То, что было прежде Россией, погубило себя надолго. Мы уже отпетые люди, но надо спасать малых сих. На мне лежит долг спасти Володю от варварства, овладевающего этой страной и грозящей ему. Но как это сделать? А страна, в той или иной форме, осуждена на порабощение иностранцами. И напрасно ругать кого бы то ни было: народ, который сам себя погубил, не смеет претендовать на чью-либо помощь и сожаление. Да и кому помогать? Выплеснутому настою, хотя бы мы его назвали и сливками? Это только настой, накипь, у которой нет корней. Народу — но ведь это не люди, а гориллы, которые умеют только бесчинствовать или чесать в заднице. Пусть пропадают, пусть несут иго рабства и большевиков и иностранцев. Задача тех, кто из нас не погибнет, создать себе новое отечество, вместо того, которое само отказалось им быть.

(1) 14 [января]. Москва встретила обычными беспокойствами и волнениями. Опять зловещие слухи о ломке Университета, о разных надвигающихся и грядущих бедах. Контраст между тихими днями в деревне и кипением в грязном котле с нечистотами все-таки очень велик.

Последние дни я все думал о том, как я отношусь к русскому народу. Мне кажется, что я его жалею и презираю. Жалею, потому что я не могу отвыкнуть от мысли, что я часть этого народа; презираю — потому что этот народ, в лице его руководящей части, не мог понять того, что не доводить войны до ее логического конца есть признак слабости и малодушия и что если среди выдающихся общественных деятелей были такие, которые, как Д. Н. Шипов в своих записках[2], не стыдились писать, что владение землею считают грехом, а владели ею всю жизнь, то это означает, что они — худший из видов дураков. А дураки вести народ и страну не могут. Мало-

душие, слабость и глупость — вот черты, за которые я презираю русский народ и русскую интеллигенцию.

(2) 15 [января]. Умер Саша Гартунг. Под конец он был коммунистом и видным партийным деятелем не то в Тамбове, не то в Моршанске. Он начал с того, что желал быть священником; долго был фанатиком-кадетом, а с 1917 сошел с ума, стал не то народным социалистом, не то с.-р., а кончил большевиком. Какой типичный пример неуравновешенности душевной, столь частой в несчастном русском обществе. Раздерганный неврастеник и инстинктивный человеконенавистник, он для меня — тип русского неудачника по своей вине, который почти роковым образом должен сделаться коммунистом. Посетил меня Сережа Соловьев, сделавшийся католическим священником[3]. Когда я спросил его, последняя ли это метаморфоза, он ответил мне, что если человек кувыркался три раза, то надо надеяться, что он не перекувыркнется в шестой раз. А я думаю, что он и еще перекувыркнется. Вот пример даровитого русского человека, в котором «душевной крепости не бе отдавна». Что же делать с этим проклятым народом, который дает нам типы, подобные только что названным лицам?

Слухи теперь посвящены вопросу о высылке профессоров за неблагонадежность. Хорошо бы попасть в число их. Служитель Климентов донес, что «высших» в Музее не привлекают к уборке снега. По этому случаю сегодня были извлечены все, до князя и меня включительно. Отдых в Пестове уже идет насмарку.

(6) 19 [января]. Упорно идут разговоры о событиях, которые должны разразиться весной. Говорят в то же время о восстаниях и волнениях внутри России[4]. Какие выводы можно строить на всем этом? Никаких. Не есть ли все это — только отклики желаний всех несчастных, которые томятся в большой тюрьме, именуемой Совдепией? Несколько дней по Москве ходит острота: чем это кончится? Ответ заключается в словах «молот, серп», прочитанных в обратном порядке. Вот чем тешится убитый горем буржуй. На днях получил еще коекакие сведения о тех, кто уехал за границу. При небольших рессурсах там устроиться возможно. Боже мой, как хочется отрясти прах от бывшей России! Но надежды все-таки никакой.

Вопрос об университетской ломке пошел в большую затяжку, как кажется. Даже басню «Квартет» не могут сколько-нибудь удовлетворительно разыграть. Одна из немногих отрад — приятный и умный разговор. В последнее время я несколько раз испытал это удовольствие.

(10) 23 [января]. Дни без особых известий и событий. Однако до чего все изоврались и как любят повторять всякие слухи! Пресловутый президиум Университета сам себя заменил каким-то бюро, путем исключения неугодных лиц. Это

новое учреждение учредило комиссию по переборке людишек, т. е. профессоров, и перебирало их самовольно. Вот предположения этой комиссии, никем не одобренные и даже, по-видимому, вызвавшие неодобрение «свыше», были источником всех разговоров и сплетен, передававшихся из уст в уста. Даже стыдно. Впечатление об университетской информации таково, что и тут им ничего не удастся ни сделать, ни создать.

(11) 24 [января]. Получил интересное письмо от А. К. Виноградова, которое прилагаю как материал[5]. Целый час пилил дрова для отопления своего дома и для славы Совдепии.

(13) 25 [января]. Самая печальная Татьяна, вероятно, за все 166 лет существования Московского Университета. Очень хотел быть у обедни в церкви Георгия на Красной Горке[6], но не пришлось этого сделать из-за музейских дел, о которых ниже. Потом чай в Психологическом институте, последнем убежище науки в университетских зданиях[7]. Здесь было симпатично и мило, хотя странно было в стенах Университета чувствовать себя точно на незаконном собрании. Вечером обедал у Шамбинаго; справляли и Университет и именинницу. Провели время за теплым разговором.

Музейские дела, помешавшие мне быть у обедни, заключались во внезапной ревизии Музея, сделанной официально от Наркомпроса, а неофициально — от ЧК. По-видимому, был донос, что у нас буржуйское общество, что мы храним какие-то царские вещи и что мы все всегда находимся в командировках. Ревизоров было два: один — благожелательный и цивилизованный человек из Наркомпроса — Шик [?], другой — латыш, чекистского типа. Отвести удары было не так трудно, благодаря первому. Кажется, что пока дело обошлось.

(17) 30 [января]. Поездка в Сергиево. Все благополучно. Неожиданно смог вернуться обыденкой[8], так как поезд, хотя и вышел с опозданием на полтора часа из Москвы, но дорогой не опаздывал, а оттуда даже и вышел вовремя и пришел без опоздания. Дорогой в вагоне слышал спор между недовольными крестьянами и большевиком, который защищал советскую власть. Большевик должен был в конце концов замолчать перед единодушным недовольством своих противников.

Ревизия обошлась благополучно; она была предпринята вследствие доноса, исходившего из семьи служителя Климентова и особенно почему-то имела в виду Виноградова.

Кругом слышны одно мнение и один разговор — все трещит. Но долго ли будет такой треск продолжаться? Большевики посылают войска на борьбу с восставшими мужиками в Тамбовскую и Воронежскую губернии[9]. Антибольшевицкая жакерия — это что-то немыслимое три года назад!

Февраль

Все последние годы никогда так рано, до весны, не говорили о грядущих событиях и о весенних возможностях. Теперь, наоборот, говорят очень много. Я, впрочем, остаюсь скептиком. По-моему, там еще торгуются: Франция боится выпустить Германию из своих лап, а Германия силится выскочить из дыры, предлагая западным соседям уничтожить за это большевиков.

На этих днях приехали А. И. Яковлев из Симбирска и Д. Н. Егоров из Екатеринбурга. Суммируя их рассказы, можно видеть, что провинция сера до невероятия, что господство принадлежит самым темным и диким элементам, что то, что осталось из культурного населения, или прячется, или нравственно подавлено. В Екатеринбурге настолько, видимо, тяжело, что Егоров предупреждает — не ехать туда, тогда как ранее был усиленным пропагандистом поездки. Между прочим, он рассказывает, что ему удалось узнать о гибели царской семьи. Все были расстреляны или, точнее, застрелены по приговору какого-то трибунала[10]; но убиты без издевательств. Тела увезены и сожжены. Вместе с ними убиты слуги, доктор Боткин и Татищев[11]. Самой энергичной из семьи была Татьяна Николаевна, делавшая активные попытки освободиться и освободить семью[12]. Что за прекрасная страница великой бескровной! Как ужасно вместе с тем преступление Николая II и Александры Федоровны — истинных убийц всей своей семьи, которую они нравственно искалечили и потом погубили[13].

Часто приходит мне в голову, что если русским теперешним эмигрантам удастся когда-нибудь вернуться, то тем, которые здесь выстрадали большевизм и уцелели от него, придется выдержать натиск. Прообразом этого было возвращение профессоров-кадетов в 1917 году в Московский Университет[14] — самовлюбленные, презирающие все и всех, ничего не забывшие и ничему не научившиеся — вот какими, я думаю, приедут все эти печальные деятели печальной памяти 1917 года.

В Университете «декан», товарищ Волгин, повычеркнул множество курсов, в том числе мой курс историографии. Я буду продолжать его читать, не обращая внимания. Посмотрим, что будет дальше.

Нет-нет и находятся люди, казавшиеся потерянными. Прилагаю полученное сегодня письмо от В. Д. Корсаковой[15].

(25 [января]) 7 [февраля]. Приехал В[иноградов] из Риги. Его мнение, что никакой интервенции ждать нельзя. Я думаю то же самое. Курьезно, что вся Москва только и говорит эти дни об апокрифической речи Бриана, будто бы напечатанной в Matin от 18 января[16]. Ее передают, хотя никто ее не читал. Вечное желание обывателя найти исход для своих надежд. Рассказ Егорова об Екатеринбурге близко подходит к содержанию записок Гилльяра [так в подлиннике; следует: Жи-

льяр], бывшего воспитателя детей[17]. Это очень интересно, потому что подкрепляет и усиливает впечатление.

(28 [января]) 10 [февраля]. От советской власти вышло подаяние — тем, кто по списку марта 1920 получал академический паек. Оно состоит из пиджака, 3-х перемен рубашек и кальсон, шести пар носков, пары башмаков и калош. Калоши получались на складе «Богатыря», где их нам выдавал определенный контрреволюционер, антисемит; остальное в бывшем магазине Шанкса[18]. Пиджак дали такой, какой ранее стоил 25—30 рублей. Странно было все это забирать в магазине, где ранее запасался самым лучшим по качеству добром. И все это давалось бесплатно! Какая щедрость и какая заботливость!

Наконец мне удалось узнать содержание декларации Бриана. Ее смысл таков: что интервенция возможна только, если товарищи полезут из границ РСФСР. Как это далеко от того, что толковал московский буржуй! Получил письмо от Иваска, которое прилагаю[19].

(29 [января]) 11 [февраля]. Нас перестают топить. Предстоят два месяца стужи. Задача теперь обеспечить достаточно топлива на печурку в спальне. Вот она, злоба дня! Сегодня был у меня человек, приехавший из Крыма; путешествие продолжалось 22 дня. Таково блестящее положение Совдепии!

(31 [января]) 13 [февраля]. Вопрос о пайке и отоплении становится острым. Как это гнусно! Сейчас смотрел из окон на похороны Петра Кропоткина. Его несли в открытом гробу в Новодевичий монастырь. Была «цепь», шла толпа со знаменем и с оркестрами. Толпа довольно значительная, но, вероятно, в радио и в отчетах она примет размеры еще большие. Толпа шла и до гроба, и после него. В ней были интеллигенты и студенты, но вообще это была та серая масса, которая составляет типичную особенность нашего времени. Анархические группы с черными знаменами занимали очень внушительное место. Лица тупые, обезьяньи, нецивилизованные, варварские[20].

(2) 15 [февраля]. Паек выдали без уреза; зловещий признак; пожалуй, больше и совсем не выдадут подаяния большевики, и профессора не будут более, подобно нищим на паперти, стоять в ожидании, когда им выбросят хлеб насущный.

Сегодня я председательствовал в Музейном общем собрании; оно было бурно и позорно. Шайка интриганов, возглавляемая Г. П. Георгиевским, Никитюком и, главное, казначеем Козловым и паспортистом[21] Смирновым, пыталась установить какое-то свое сверхправление. В общем, они провалились, но будущее — чревато осложнениями. Какая гадость! Рычагом были, конечно, служители, которых поднимают посредством продовольственных вопросов.

(7) 20 [февраля]. Мало событий. Общее настроение все то же. Более всего ждут дальнейшего распада. Музейские страсти

упали. В профессиональном союзе кувшинному рылу натянули нос. Университетские дела все в том же маразме. Познакомился с представителем финской дипломатической миссии. Это молодой чухонец, теософ, который довольно плохо объяснялся по-английски. Похвальная черта та, что он ищет знакомства с настоящими русскими людьми. Спрашивал, что делают русские ученые; я ему доказывал, что они умирают. Удивлялся, почему так многие служат большевикам и почему не вся русская интеллигенция уехала. Я, между прочим, его в ответ спросил, как все западные державы могли примириться с отношением большевиков к их согражданам, жившим в России.

Разбираю немецкие книги, приехавшие из Риги. С упоением читаю маленькую книжку Buat о Людендорфе, переведенную с французского на немецкий[22], и жду мемуаров Ludendorff'a и Hindenburg'a, которые также для нас приобретены. Дом перестали топить и, кажется, совсем. Придется мерзнуть полтора месяца.

(11) 24 [февраля]. Отмечаются беспорядки в Москве. Это первые рабочие беспорядки при советской власти. Говорят, что было 3 убитых и что красноармейцы отказались стрелять. Многие обольщаются самыми радужными надеждами; другие относятся скептически. Я думаю, что эти движения интересны как первые ласточки и как показатель накопления недовольства. Дальнейшее зависит от обстоятельств, имеющих сказаться в будущем. Или это начало конца, или это продолжение долгого гниения. Из Петрограда приехали А. С. Н. и А И. Андреев[23], привезли известие об избрании М. М. Богословского членом Академии наук. Я нахожу, что лучше и достойнее трудно было сделать выбор.

Упивался эти дни книгой французского генерала Buat о Людендорфе. Это очень интересная и объективно написанная книга. В ней я, наконец, узнал технический секрет победы союзников в 1918 году: новые свежие американские дивизии, сила которых была выше, чем ожидали, дали союзникам численный перевес и позволили «высосать» германские резервы. Ошибкой германского командования было то, что оно измучило немцев, уставших от войны, и до последнего момента искало решения войны на поле битвы.

(15) 28 [февраля]. Слухи все однородные. Zusammenbruch [Крах (*нем.*)] внутренний назревает все более. Идут мелкие беспорядки. Это все признаки того, что все вокруг нас течет, и ничто не остается без изменения. Некоторые извлекают из этого выводы, будто все скоро кончится. В это я продолжаю не верить. Уехали мои петроградцы, походившие по мытарствам. Вчера было заседание историко-филологического факультета, посвященное памяти Шахматова[24]. Я выступал с докладом — «Шахматов как историк». Кажется, вышло довольно прилично.

(17 [февраля]) 2 [марта]. Слухи не умолкают. В Петроград отправляют курсантов-коммунистов[25]. Тем не менее положение остается для нас неясным, так как все стараются скрыть. Меня начинает втягивать археологическая работа в Академии материальной культуры: есть в этом какая-то иллюзия какой-то ученой работы.

(21 [февраля]) 6 [марта]. Бунт в Кронштадте вспыхнул и еще не подавлен[26]. Москва делится на две половины: одни — пессимисты, другие — оптимисты; первые заранее решают дело в отрицательную сторону; вторые ждут всяких благ. Я думаю, что лица непосвященные не в состоянии сейчас отдать отчет в возможностях завтрашнего дня. Копеечная свечка может зажечь город; с другой стороны, можно залить и большой костер.

(27 [февраля]) 12 [марта]. Черные дни над Румянцевским Музеем; 10-го арестовали В. Д. Голицына. Во что разыграется эта история? События в Кронштадте по-прежнему для непосвященных и незнающих — неясны.

(4) 17 [марта]. По слухам, арест Голицына не стоит в связи с Румянцевским Музеем, а объясняется какими-то личными обвинениями, предъявленными этому прекрасному и безобидному человеку. Как отзовется заключение на его здоровье? Ведь ему уже 64 года. Тем временем управление Румянцевским Музеем с титулом заведующего вверено Виноградову. Некоторые вешают на него всех возможных собак и считают его виновником истории с князем. Я не разделяю этого мнения, но думаю 1) что при всяком случае с князем — именно Виноградов, как единственный человек, приемлемый для большевиков, мог получить его наследие, и 2) что, благодаря своему честолюбию, он доволен своим назначением и, быть может, недостаточно сумел скрыть свое удовольствие[27].

Общее положение, видимо, не так просто, как это казалось в первые дни.

(8) 21 [марта]. Удивительно, как разно воспринимает буржуй падение, точнее, конец Кронштадтского мятежа[28]. Иные падают духом и видят в этом глубочайшее несчастье; иные не придают всему этому делу ровно никакого значения. Я думаю, что это лишь малый эпизод в процессе постепенного истощения и гибели остатков России.

(11) 24 [марта]. Общее состояние вокруг продолжает казаться подавленным и скучным. Моя музейская служба угнетает меня совершенно. Это какой-то сплошной угар и топтание на одном месте, особенно когда приходится перебирать все ящики, привезенные в Музей за последние 4 года, — и все это вследствие доноса, сделанного служителем А. О. Климентовым, недовольным на то, что ему долго не давали той комнаты, которую он желал.

(15) 28 [марта]. Продолжая все ту же работу, я вскрыл

около 50 ящиков. Это удивительно производительная и интересная работа! Результаты — поразительные; ничего, что бы не могло иметь отношения к Музею, за исключением одного сундучка с хламом и моей забытой корзинки с посудой. О В. Д. [Голицыне] самые различные сведения: одни — очень благоприятные; другие говорят, что его там еще подержат, потому что ему что-то ставится в вину. Кругом очень скучное настроение, которое овладевает и мною. Быть может, это действие весны, когда хотелось всегда куда-то удрать далеко-далеко. А вместо того в рабском уничижении сидеть на привязи в отвратительной Москве, потерявшей весь свой прежний облик. Единственное отвлечение — чтение мемуаров Людендорфа, которые поразительно интересны[29].

(18) 31 [марта]. В. Д. Голицына выпустили, не предъявив обвинения, но пристращав выгонкой из квартиры — новая напасть, от которой его придется оберегать. Декреты о так называемой свободной торговле, которым глупый буржуй радуется. А по-моему, это — очередная ложь, которая будет отброшена при первом случае, который покажется удобным[30]. Вчера слушал очень интересное чтение князя С. М. Волконского — воспоминания о его деде-декабристе и рассказ о том, как ушел из должности директора Императорских неатров[31]. Еще новая черточка для уразумения загадочно пустой и в то же время трагической личности Николая II. Такие вечера в обществе образованных и умных людей, за интересными рассказами, напомина.т мне фабулу или, точнее, обстановку Боккачхио: чума кругом и духовные наслаждения в избранном кругу.

4 [апреля]. Слухи о новых декретах раскрепощающего характера[32]; однако не разберешь, что это — крик буржуйно-обывательских душ, которые непременно то пугают, то утешают друг друга, или действительно стенка, к которой большевики сами себя поставили, неумолимо дает себя знать, и перевертывается новая страница нашей трагедии — точнее, трагикомедии глупого народа и глупого общества, лишенного настоящего здорового эгоизма и все еще укоряющего то Антанту, то Германию. Читал записки Станкевича, эсеристого типа, приятеля Керенского и комиссара при армии в незабвенной памяти Керенщину[33]. Какая сволочь и автор и то, что он пишет! Как тяжело в последнее время служить в Музее! Как хотелось бы бросить все!

10 [апреля]. Опять все слухи о декретах; начинаю думать, что железный закон жизни побеждает и большевизм. Однако надо сохранять осторожность и не слишком полагаться на всякие декреты, которые могут завтра же быть взяты назад. Вчера Музей посетила Троцкая, которую я не видел три года;

такая же моль или блоха, горничная-мовешка, не любезная и не нелюбезная, кислая, но не зложелательная. Я думаю, что новый «заведующий» Виноградов пригласил ее, как приглашают икону, напутствовать его управление — своего рода молебен. Читал изданные за границей документы об убийстве царской семьи[34] — типичная страница русской революции, оставляющая чувства очень тяжелые. А сколько таких страниц было еще? В Музее стала получаться русская зарубежная печать, т. е. журналы и книги. В них много интересного с точки зрения проверки слухов и впечатлений. Одна из наиболее тяжелых вещей — брошюрка о крымской катастрофе[35]. Русские люди — везде растяпы, не умеющие придать организацию своему делу.

12 [апреля]. Дошел до точки. Нервы расшалились так, что не знал, что с ними делать. Повод ничтожный — приглашение идти заседать в Книжную палату для обсуждения плана какого-то библиографического института. Слушал дураков и пакостников Боднарского и Щелкунова, играющих чужим спокойствием, чтоб выслужиться у большевиков[36], и терял время, созерцая мелкого беса Степку Кривцова, моего кузена-коммуниста[37]. Странно и глупо, что именно такой мелкий и ничтожный случай может вывести из себя. Буржуйные слухи о разрыве договора с Англией, разговоры об уплотнениях и т. п. навязшая в зубах гадость и мерзость. Боже, какая тоска и скука! Работа валится из рук; лекции насилу дочитываю. Начал считку 2-го тома «Областного управления» при помощи В. М. Рындиной[38], что служит мне маленьким удовольствием в этом сплошном море скуки и тоски.

(5) 18 апреля. Поездка в Тверь для чтения лекций. Отношение столь же хорошее, как и прежде; аудитория небольшая, но внимательная. Четыре дня, проведенных вне Москвы, действуют прекрасно: несколько дней, когда не думаешь о Москве, о московских делах и об очертевшем мне Музее. Конечно, и это так, пока не войдешь в жизнь провинциального города, ибо там — еще хуже, чем в Москве, даже если судить по внешней стороне, по тем лицам, которые видишь. Однако и там женщины лучше с внешней стороны, нежели мужчины: их внешний облик скорее переходит в общеевропейский, в буржуйный; мужчины же с их френчами, подбритыми затылками и нахлобученными на затылок фуражками, производят, как и везде, отталкивающее впечатление. Большое удовольствие было вчера выйти из города на берег Волги, в сосновый лесок на дюнах; под сосной, за ветром, три с половиной часа читал и кончил мемуары Людендорфа. Возвращение в Москву было удовлетворительное; сели без билетов при помощи ЧК железной дороги и доехали на чемоданах в коридоре 2-го класса. Дивная погода; смотря из окон, хочется за город, в деревню. Под Тверью

уже распускаются березы — это 5 апреля по старому стилю; что-то сулит нам лето?

В Москве очередных неприятностей не узнал; но узнал о смерти маленького племянника Юры Курдюмова; бедный мальчик умер в 3 месяца от детской чахотки. Все же Москва и без этого сразу произвела свое обычное гнетущее впечатление. Записки Людендорфа — одна из самых интересных книг, которые я когда-либо читал. Он говорит далеко не все и говорит, в общем, только то, что хочет, но психология этого замечательного представителя немецкой военной среды чрезвычайно интересна и поучительна. Гордая самоуверенность, сохраняемая даже в момент крушения; какая противоположность русской интеллигенческой слякоти! Как [н]и антипатична немецкая военная среда, все-таки она более достойна уважения, чем народ пошлейкиных [?] и унтеров пришибеевых. Людендорф даже после катастрофы гордится, что он немец, и призывает других гордиться этим; русские это про себя сказать не могли бы, а теперь в особенности.

24 апреля. Неделя, прошедшая со времени возвращения из Твери, была бурной и неприятной. Музейские события развиваются. На князя все нагнетают с выездом; кто-то хочет осматривать наши дома; какой-то враг где-то ходит вокруг нас и к нам подбирается. Другая история слишком совдепична, чтоб ее не записать. К знакомым — Котельниковым и Жуковским — явились некие люди в образе милиции и заявили, что все их имущество конфискуется. Принимая меры, чтобы спасти имущество, они разнесли кое-что по знакомым, в том числе ко мне, прося на следующий день зайти к ним, чтоб взять еще вещей. Я иду с Юрой Репманом, и перед их воротами мы получаем пакеты. Я донес благополучно, а Юру забрали в комиссариат с салфетками и скатертями. С трудом добыл я эти вещи из комиссариата, причем из разговора с «товарищем» выяснилось для меня с полной несомненностью, что была устроена тщательная слежка за всеми, кто [в]ходил в эту квартиру и выходил из нее.

Общее положение становится все сложнее и запутаннее; лишь одно ясно — экономический крах неотвратим.

26 апреля. Поездка в Троицу. По дороге узнал, что Хотьков, как монастырь, также не существует[39]. По-видимому, объявлен поход на церковь с особенной силой. В Троице все тихо. Езда в поезде отвратительна. По дороге в Москву заходил к Леле. Оттуда, с 6-й версты, пришел домой пешком — 11 верст, 1 час 45 минут. К Пасхе вместо всех обещанных выдач выдают «соль и фасоль». Очевидно, у хозяев мало запасов.

(16) 29 [апреля]. Страстная Пятница; по традиции хожу с Володей по церквам, но этот год у меня нет никакого подъема. Кроме того, все эти дни напала какая-то слабость, хочет-

ся лежать и спать и более ничего. Рассказывают о каких-то попытках М. Горького сосводничать профессоров с Лениным, чтобы улучшить быт и положение профессуры и свалить Покровского[40]. Пока сводничество не удалось; боюсь, что это не более как провокация. В пайке дали 5 фунтов керосина вместо мяса и масла. Не смешно ли?

7 [мая]. Пасха победила 1 мая; таково, по крайней мере, мое впечатление, вынесенное более из рассказов, чем из личных впечатлений. Митинги не удались; колокола звонили вовсю; представления на улицах были простыми праздничными гуляниями. Потом я три дня провел в Пестове, где нас ждут и летом. Я рад, потому что это выход для моего Володи. Дивная погода; засуха сменилась грозой и дождем; цветет черемуха, расцветает сирень, распускаются липы. Скудная северная природа, когда расцветает сразу, то все-таки оставляет сильное впечатление, особенно когда в нее попадаешь после проклятого города.

Сегодня я должен был ехать в Петербург, но билеты достанут только на завтра.

Сегодня хлопотал о возвращении пайка Тане; отнятие его грозит чуть не голодом бедным старикам.

17 [мая]. Неделя проведена в Петрограде. Туда — в wagon-lit; оттуда — в грязноватом купе 1-го класса. Таким образом, самое путешествие было уже Erholungsreise [путешествием-отдыхом (*нем.*)]. Петроград не стал хуже за год моего отсутствия в нем. Погода была дивная, и он был столь же очаровательно хорош, как и год назад. Нам приготовлен был ночлег в Мраморном Дворце, где помещается теперь Академия Истории Материальной Культуры[41]. Комната была с видом на Неву, от которой я не сводил глаз. Цель поездки была — отдых и развлечение; официально — я был на совете Академии Истории Материальной Культуры и воспользовался этим для выяснения будущей деятельности по комиссии изучения древностей центральной России, основанной в Москве; с этой точки зрения, кажется, достиг некоторых результатов. Свободного времени было много. Я воспользовался им, чтоб, как ремесленник-историк, осмотреть, между прочим, дворцы. Я был в Зимнем, Аничковом и Мраморном[42]. Грустно, и величественно, и тяжело смотреть на это величие, павшее по собственной вине. Зимний дворец внутри очень величествен, стилен и красив. Характерны покои Александра II, где почиет часть его духа, и покои Николая II, где почиет его бессодержательность и безвкусная своенравность Александры Федоровны. Товарищи изгадили многое, но все же и оставшегося еще достаточно, чтоб Зимний дворец не потерял своего cachet [характера (*фр.*)]. Хуже всего то, что в комнатах, которые готовили для

приезжих государей, сделали печурки для ожидавшегося приезда Луначарского. В Аничковом — интересен кабинет Александра III. Большой, простой, темный, но величественный; во Мраморном — уютные комнаты К.Р.[43], свидетельствующие о вкусе и интеллигентности. Остальное время ушло на посещение друзей и знакомых; обычное радушие и привет.

В общем, Петроград сохраняет свой больший европеизм, чем Москва; настроение людей, которых я видел, более деловое и спокойное; дышат легче, работают больше и лучше, чем мы. Известия, которые туда проникают из-за границы, почти такие же, как и приходящие в Москву: разноречивые и приводящие в самое различное настроение — иным хорошо, иным плохо; иные рвутся назад. Много гулял — ходил к Смольному, который, подобно Кремлю, весь окружен стражей[44]; на Государственной Думе — надпись: Рабочий Университет имени тов. Зиновьева[45]; на Адмиралтейской набережной на сквере видел пасущуюся свинью; в Неве лежит на боку госпитальное судно «Народоволец». Это символично: Народоволец — в воде. В каналах возле Летнего сада, как и в прошлом году, купаются ребята.

21 мая. Неделя в Москве. Та же трепка, бесцельная и бессмысленная, как и ранее, как всегда. То же серое болото без просвета впереди. Опять на первом плане Румянцевский Музей, с выползшими на свет интригами после смещения кн. В. Д. Голицына. Вчера депутацией умоляли его не уходить из Музея. Слава Богу, хоть этого достигли.

24 [мая]. Пролетарий торжествуй
Вместо хлеба кушай хуй[46].

Такова надпись, красующаяся на вывеске «Академический центр Наркомпроса», Волхонка, 18. Она характерна для современного момента, когда большевики, как угорелые кошки, бросаются во все углы разваливающегося от пожара здания. Читаю «Архив Русской Революции», изданный Гессеном в Берлине[47]. В статье Набокова «Временное Правительство» интересна характеристика членов этого безвременного правительства[48]. Непоздоровится от таких похвал.

25 [мая]. Десять лет со смерти Ключевского. Панихида и заседание в Обществе Истории и Древностей Российских. Вспоминали его ужас перед возможностью русской революции. Отличный обзор русской историографии за 10 лет, сделанный Богословским[49]. Прилагаю письмо А. И. Яковлева[50].

27 [мая]. Прекрасная прогулка со студентами и с несколькими молодыми антропологами с целью археологических разведок. Путь: Нескучный — Мамонова дача — внизу Воробьевых гор — Потылиха — Загородный двор[51]. На Мамоновой даче нашли, по-видимому, стоянку каменного века; за Загородным двором — великолепное городище, до сих пор никем

не исследованное. Где до сих пор сидели московские археологи и о чем они думали?

Положение с хлебом обостряется. С тревогой приходится думать о ближайших месяцах.

(18) 31 мая. Общее положение все то же. По моим чувствам, назревает какой-то сдвиг, который можно определить так: лучше удержать власть и поступиться кое-чем, чем обратно. Однако сдвиг этот будет медленным, противоречивым и полным лжи, с желанием в каждую данную минуту повернуть обратно. Продолжаю читать зарубежную литературу и после «Архива Русской Революции» принялся за «Деникинское правительство» К. Н. Соколова[52]. Книга очень интересная. Жара нестерпимая. Хочется на воздух. Получил письмо от Флоровского из Одессы, которое здесь прилагаю[53].

1 [июня]. Тропическая июльская жара; плавятся мозги. Должны были ехать в шереметевское Михайловское[54]. Но в Совдепии ничего нельзя сделать просто — даже получить автомобиль, на который имеются все наряды.

(23 [мая]) 5 [июня]. Такая же жара; трудно думать и еще труднее заниматься. Читал книгу Струве «Размышления о русской революции»[55]. Много верных мыслей; отмечу две, которые вполне совпадают с моими: 1) величайшей ошибкой было со стороны кадетов после 1905 года равняться налево, ибо после 1905 опасность была именно слева, а не справа; 2) русская революция — была государственным самоубийством.

Слухи все те же. Новых изменений пока никаких.

(25 [мая]) 7 [июня]. Сегодня перевернулась страница моей жизни[56].

(2) 15 [июня]. Поездка в Троицу, куда на следующий день приехала и экскурсия из 35 человек Румянцевского Музея. Было очень тепло и мило. На обратном пути мы с Вовулей слезли в Братовщине и прохладным вечером дошли до Пестова[57]. В Пестове почти все время лежал в chaise longue и отдыхал. Природа действует успокаивающе и заставляет забывать о большевиках. Пестовский дом объявлен государственным театром! Надо же выдумать такую чушь! В Москве тихие слухи о чем-то, что готовится в будущем. Слухи сбивчивые и неясные; но как будто чувствуется, что что-то меняется. Угорелые кошки мечутся по горящему дому, прежде чем выброситься в окна. Большевики пересматривали дело Джунковского и решили, что он так корректен, что может быть выпущен на свободу, но... принимая во внимание осложнение с Японией (?!), он должен сидеть по-прежнему в Бутырках![58] Такова их логика. (Письма Яковлева, Флоровского, Ряжского)[59].

Июнь, 11/24. За неделю в Москве мало что изменилось. Все та же неразбериха и чепуха. Говорят, что жиды всех стран,

явившиеся на конгресс коммунистов[60], спорят между собой и делятся на два толка — одни, будто бы во главе с Троцким, кричат, что надо ломить до конца, и собираются воевать с западом, начав с погрома Латвии; другие, будто бы во главе с Лениным, хотят пятиться назад; некоторые будто бы находят, что коммунизм в его осуществлении в России — total kompromittiert [полностью компрометирован (*нем.*)]. Слухи о громадном неурожае в Поволжье и на юге подтверждаются: в Саратове хлеб — 10 000 рублей фунт; в Ростове — 5000; в Москве — около 3000 рублей. Картофель в Москве за неделю скакнул с 40 000 до 80 000 пуд. Из Крыма приехал Черепнин [?]. Из немногого, рассказанного им, я уловил: 1) что Врангель сделал ошибку, совершенно оставив без внимания городское население[61], среди которого поднялась ужасная агитация большевического свойства; 2) что наши промышленники за границей сидят на мели, ибо с ними не считаются. Отсюда я уже заключаю, что капиталисты Западной Европы ждут, пока Россия упадет в их руки, как спелый плод, и тогда наймут наших дураков, в лучшем случае, приказчиками как людей, знающих местные условия. Сегодня был у меня эстонец, привезший поклон от Л. И. Львова, наконец благополучно выбравшегося из Совдепии счастливой[62].

(17) 30 [июня]. Прилагаю письмо нашего заведующего, которое я получил по возвращении из деревни[63]. Я вызвал его на объяснение и доказал ему всю неосновательность его мыслей. Но оно характерно для него. Когда я показывал его Егорову, то он сказал, что на моем месте он очень бы обиделся. Впрочем, я еще раз доведу до его сведения, что я вовсе не прочь быть избавленным от сана заместителя. Но, по существу, мне все это настолько все равно, что я быстро забыл о нем.

В Университете собираются принимать главным образом окончивших «рабфаки» и детей «беднейшего крестьянства», а остальных — по конкурсу[64]. Хорошие способы насаждения культуры и цивилизации! Имел неприятное объяснение с неким товарищем Товстухой, который хотел получить из Музея издания не по правилам. Истинный тип коммуниста-большевика из каторжан или голодных эмигрантов[65] — желчный, раздражительный, угрюмый, злой, худой, быть может чахоточный, несомненно ненавидящий и презирающий всех не-большевиков. Общее положение все то же. Холера и голод на юге и юго-востоке усиливаются.

(24 [июня]) 7 [июля]. Голод надвигается быстрыми шагами[66]. Они, по-видимому, сознают, что дело плохо, по крайней мере, насколько можно верить московским слухам. Говорят о радио, отправленных с призывом о помощи голодающим, и о

радио полученных в ответ, где будто бы говорится, что помочь готовы, но этому правительству не дадут ни фунта хлеба[67]; говорят, что сводня М. Горький ездил к Патриарху с просьбой от имени властей обратиться за помощью к иностранным церквам[68]. Говорят о статьях в иностранных газетах, где будто бы опять говорят об интервенции. В Москве силится образоваться комитет для помощи голодающим из «общественных» деятелей пополам с умеренными большевиками; но до сих пор он образоваться не может, потому что власти явно этого не хотят и, кроме того, элементы умеренные враждуют с крайними — Кремль с Лубянкой[69]. Как бы то ни было, Москва опять полна разговорами; все опять насторожились. Во всяком случае — голод наносит большевикам удар посильнее всех Колчаков и Деникиных, вместе взятых.

(2) 15 [июля]. Провожал М. М. Богословского и был очень занят. Сегодня весь день ушел на раскопки в Коломенском, причем, чтобы попасть туда, мы поехали Окружной дорогой и нарвались на новый железнодорожный тариф, увеличенный в 400 раз или около того. Вместо 20 рублей — 7600 рублей. Вечером носились слухи, что он уже отменен, ибо повлек за собой сумятицу, путаницу и даже возмущение. Насколько верны слухи об отмене, узнаю завтра, когда поеду в Пестово. Тариф этот имеет, по правде сказать, контрреволюционный характер и сделан для того, чтобы злить граждан РСФСР.

Слухи за эти дни ходили все те же. Добавляют, будто бы в ответ на воззвание узника-Патриарха от глав других церквей получен ответ, что при настоящем положении дел они могут о русском народе только молиться. И слухи, и из рук вон глупые декреты все более убеждают в том, что РСФСР накануне краха. Долго ли, однако, продолжится канун?

(9) 22 [июля]. Москва все более и более наполняется слухами. Они идут и от большевиков. Их газеты пишут о каких-то намерениях извне. Что это — опять обманчивая надежда или что-нибудь более солидное? Во всяком случае, развал идет все дальше и дальше. Какие дураки те ошметки общественных деятелей, которые пошли на совещание о голоде. Да и от кого же ждать проку? Кишкин — Иеронимус Амалия фон Курц-Галоп, которому надлежало бы жить всю жизнь «обливанием», да дура Катя Кускова, да пустое место Головин?[70] Нет, уж пускай бы большевики и распутывали все то, что они наделали!

(22 [июля]) 4 [августа]. Промежуток почти в две недели я не вел записей, потому что мало был в Москве (за это время — см.: Пестовские записи[71]). Общее положение изменяется лишь очень незаметно и понемногу, но все в прежнем направлении в сторону дальнейшего развала. Теперь большие

затруднения в печатании денег, и потому жалование задерживается. Видимо, везде судорожно ищут денег, но не знают, где их найти; обещают ввести плату за квартиры, за электричество. Повышают непомерно железнодорожный тариф, сулят какие-то новые налоги. Однако все это не поможет разложению, как не поможет в борьбе с голодом пресловутый комитет quasi-общественных деятелей во главе с Прокоповичем, Кусковой и Кишкиным[72], комитет, который крылатая молва окрестила чудесным названием Про-ку-киш.

Сегодня я ходил в Совдеп «венчаться» с Верой Михайловной. Регистрация браков — сущая оперетка. В большой комнате три стола для этой цели; напротив стол для регистрации новорожденных. Процедура записи длится 10 минут, потом ведут к какому-то жиду секретарю, который опрашивает еще раз и подписывает бумажку. Говорят, бывают очереди. Мы вышли в очень веселом настроении.

(12 [июля]) 25 [августа]. Промежуток — см.: Пестовские записи. В Москве — самые удивительные слухи о сложении власти, о коалиционном министерстве, об открытии ресторанов (говорят, будто бы за патент на открытие Яра[73] большевики спрашивают 30 миллиардов, а дают им — 25). Прокукиш лопается, потому что большевики не пускают их за границу[74]. Не знаю, что будет дальше, но чувствую, что время «администрации по делам бывшей Российской империи» приближается.

Избран председателем Московской секции Академии истории материальной культуры[75]; сегодня председательствовал в первый раз. Новые хлопоты. Жажду осесть дома и заниматься.

(14) 27 [августа]. Был командирован на заседание «Коминолита». Это не минерал, а учреждение, которое обязано снабжать РСФСР иностранными книгами[76]. Оно возглавляется киевским большевиком из домовладельцев и буржуев Отто Юльевичем Шмидтом[77], весьма красивым молодым человеком. Он разыгрывает собою цивилизованного человека. Вокруг него сидели чудища обла, озорна — около десяти горилл, которые ничего не понимали в том деле, которое должны были делать. Заседание происходило в здании Азовско-Донского банка. Меня призывали для их осведомления, так как они изволят «собирать материалы».

(15) 28 [августа]. Остался стеречь Музей, так как все уехали; и Виноградов в паническом ужасе решил, что сторожить его необходимо. Общее положение то же. Читаю «Русскую мысль» Струве (№ 1, вышедший в Софии)[78]; интересен дневник дуры Гиппиус, которая, оказывается, со своим дураком Мережковским была в эсерах[79]; в воспоминаниях Евгения Николаевича Трубецкого очень интересна характеристика Фр. Ив. Креймана[80].

(17) 30 [августа]. Второе заседание Коминолита, который есть не что иное как засилие Научно-технического отдела

ВСНХ (!!!) над всеми другими библиотеками. Более всех за НТО ратовал продажный подлец Реформатский[81]. Весь Прокукиш арестован[82]. Для большевиков это — провал, так как кое-какое впечатление в Европе все же получится. Для дураков из Прокукиша это — лучший и самый почетный выход из дурацкого положения.

(22 [августа]) 4 [сентября]. Виноградов уехал к семье и не возвращается вторую неделю. Поэтому не могу ни уехать к Володе, ни привезти его домой. Глупое положение.

Общее положение какое-то путаное. Они опять пускают какую-то пыль, а в Петрограде разыграли скверную историю с расстрелами[83]. Стараются создать какую-то историю также и с Прокукишем[84]. Говорят, что некоторые засели там крепко. Я думаю все же, что гибель Прокукиша не останется совсем без впечатления за границей. Читал последнее произведение Л. Андреева — «Дневник сатаны»[85]. Сгущенное, но сильное изображение нигилиста-большевика, готовящего взрыв цивилизации.

(25 [августа]) 7 [сентября]. Угорелые кошки как будто метнулись налево. Это очередной сдвиг: их будет много — и туда, и сюда. Сентябрь — классический месяц жестокостей. Теперь опять ужасы в Петрограде и в Москве; стараются сгустить краски вокруг Прокукиша[86]. Положение с Виноградовым — без перемен, и я все еще не могу выехать за Володей.

19 сентября 1921 г. Москва. Снова осень; начинается обычная суета; общее настроение смутное и малопонятное. Говорят о войне, и все думают, что ее не будет.

21 [сентября]. Вчера вечером в нашем подъезде очутился пьяный молодой человек, который долго грозился и ругался, когда его оттуда выдворяли. По документам, которые он предъявлял вооруженной страже и не менее вооруженному «заведующему» Виноградову, он оказался член РКП Александр Петрович Минкин, бывший начальник поезда Троцкого и бывший член ВЦИК[87]. Белобрысый, плюгавый, с незначительным лицом, весь развинченный, видимо сбитый со всех устоев, если таковые у него когда-либо были, он то кричал, что всех расстреляет, то просил, чтоб его расстреляли. Видимо, он одинаково готов и на то и на другое. Типичный представитель «русской революции».

(13 [августа]) 26 [сентября]. Трения с поляками. Что за этим стоит? Мы не знаем, как вообще мы ничего не знаем. Кажется, есть тенденция выпустить Прокукиш на волю[88]. В остальном — обычная московская бестолочь: заседания, собрания, совершенно ненужная, но суетливая работа, и в результате — усталость. Особенно меня раздражает и отнимает время Музей.

(15) 28 [сентября]. Опять какое-то как бы успокоение. Опять буржуи в Москве подавлены. Деньги продолжают стремительно падать. Сажень дров — 275 000; башмаки — 375 000; один золотой 10-рублевик стоит 395 000 рублей. Между тем на повестке Совнаркома, поданной Отто Шмидту, я видел вопрос о введении нового рубля[89]. Новая очередная глупость! В Музее и Университете — штиль.

Пестовские заметки, июнь—август [так в подлиннике] **1921**

(6) 19 июня. Троицын день. Вчера бодро отмаршевал 16 верст; погода пасмурная, дождь. На психику это, однако, не действует. Отдых — вот что нужно, что здесь достижимо. Общие впечатления от Москвы все же таковы, что что-то должно начать меняться. Мне подсказывает это мое чутье, которому я ранее верил безусловно, потом перестал вовсе верить, а теперь верю, сомневаясь. Сейчас читал в эсеровских парижских «Современных записках» воспоминания Брешко-Брешковской о Кропоткине и Луизе Мишель[90]. Какая глупая статья и как претенциозна слепая непроходимая дура — ее автор!

Вечером спектакль в сенном сарае. Очень приличные артисты играли «В старые годы» Шпажинского[91]. Хотя я помню ансамбль Малого театра (Рыбаков, Ермолова, Лешковская, Макшеев, Правдин[92]), но все же я смотрел их без неудовольствия. В конце спектакля — советское intermezzo: проверка документов; причем, как оказалось, ловили не дезертиров, а бандитов, будто бы сюда пришедших. Сопровождалось дело выстрелом, отчего часть публики бросилась в панике на сцену. Затем праздник продолжался балом в галерее дома, которую так завозили, точно в нее свозили сор нарочно. Артистам, а потом нам, был предложен чай; молодежь принимала участие в танцах горилл до 6 часов, а после играла в горелки. Так веселятся в Совроссии.

(8) 21 [июня]. После двух дней праздника с неизбежным наплывом гостей наступило обычное для Пестово спокойствие. Я надел штаны с разноцветными заплатами на коленях и сзади, колол дрова, полол огород, принес воды и теперь пишу воспоминания о невозвратном прошлом и о моей Ниночке. Завтра утром — в Москву.

(13) 26 [июня]. После пяти дней московской жизни, покой в Пестове. Приехали вместе с Шамби. Читаю книгу Милюкова «История второй русской революции»[93].

(14) 27 [июня]. Тихий день; занимаюсь в прохладе. Часто думаю о тех, кто в Москве.

(15) 28 [июня]. То же самое; слухи сюда не проникают; книга Милюкова, т. е. 1-й выпуск, который только у меня и есть, оставляет впечатление некоторой апологии себя и партии к.-д.; в остальном довольно яркая и верная картина той

course à la mort, которая продолжалась с марта по октябрь 1917 года и в которой наибольшая вина лежит не на большевиках, а на попустителях, вроде того же Милюкова или особенно Львова, и особенно на преступно-глупых и подлых умеренных социалистах, разных с.-р., н.-с. и т. д.

Прилагаю также и письмо Малфитано[94].

(22 [июня]) 5 [июля]. За эти три дня в Пестове ничего, кроме отдыха и спокойствия; сажали турнепсы артелью для пропитания семьи Репман зимой.

(28 [июня]) 11 [июля]. Ненастная погода, от которой мы отвыкли. Пережевываю московские слухи, хотя здесь как-то особенно далеко отходишь от всего, что делается в Москве. Гоняли мальчишек, которые таскают яблоки и малину из огорода.

(5) 18 [июля]. Переполох, вызванный новым тарифом, в моей душе на первый раз разрешился без хлопот[95]. Мой билет действителен до 1 августа, а Володя и Юрочка проехали даром, так как оказывается, что в РСФСР дети до 16 лет ездят даром. Таким образом, сюда мы добрались благополучно. Но здесь я все время испытываю какую-то моральную и физическую депрессию. Разбираясь в себе, я думаю, что это — 1) естественная реакция после некоторого возбуждения последнего времени, 2) результат сырой и облачной погоды, 3) последствие чрезвычайно неприятных и хлопотливых дней в Музее и 4) думы о последствиях этого нового тарифа. Несомненно, что это есть признак развала РСФСР; видно, что они хватаются судорожно за все, чтобы что-то поправить и удержаться; увеличение тарифа в несколько сот раз задевает всех, и если буржуи или интеллигенты с ним должны будут примириться, то рабочие и т. п. элемент станут еще более недовольны. А главное, фрахт на ввозимые продукты увеличит в больших городах, в том числе и в Москве, голодуху из-за новой страшной дороговизны продуктов. Очень много думаю о Вере Михайловне. Как она доберется обратно? Хотя распоряжения как будто гарантируют возможность вернуться по старым условиям.

Здесь, как всегда, тишь да гладь. Собираю грибы и ворошу сено. Володя, слава Богу, пока здоров.

10/23 — 13/16 [июля]. Тишь и гладь, прерываемая дождем, мешающим уборке сена.

Пестово — 2

(18) 31 июля, воскресенье. На прошедшей неделе я был в Москве только один день. Потом вернулся в Пестово, где пробуду до завтрашнего дня. 15/28 справляли именины Володи; были Вера Михайловна и Таня Дольник. Обстановка была почти довоенная: пироги, конфеты и т. п. и отличное настро-

ение. В субботу С. К. Шамби привез различные новости, которые все клонят в ту же сторону, даже если учесть обычные увлечения рассказчика. Во вторник, 13/26, я, проездом из Пестова в Москву, посетил село Мураново, принадлежавшее Баратынскому и Тютчеву, где был в качестве гостя Н. И. и Ф. И. Тютчевых и О. М. Веселкиной. Очень красивое имение; дом строен Баратынским; теперь он весь обращен в музей, где воспоминания о Баратынском, Тютчеве и И. С. Аксакове[96] обрамлены в чудесную рамку из бронзы, фарфора, портретов и старой мебели. После осмотра, который меня подавил, так как я ничего такого не ожидал, был разговор с Н. И. Тютчевым и Трапезниковым; оба совершенно согласны в том, что музей должен пережить большевиков и остаться в этом доме.

26 июля/8 августа, понедельник. Здесь все то же: спокойствие, грибы, коих я принес вчера 4 корзины, и глубокой сон. Предстоят в Москве хлопотливые дни, так как мои дела с Верой Михайловной приходят к благополучному концу.

Приехал А. И. Яковлев; его рассказы о положении в Симбирске вполне подтверждают все, что говорят о Поволжье. Он передал мне свой разговор с Покровским, который я здесь записываю:

«Михаил Николаевич, что вы делаете? Ведь вы довели русский народ до того, что ваши имена будут записаны огненными буквами проклятия в истории, и народ вас растерзает».

«Я не знаю, какими буквами будут записаны наши имена, огненными или какими иными, но, к несчастью, народ нас не растерзает, как он не растерзал правительство в 1891 году». «Детей мы будем кормить, вероятно, при помощи Америки. Нам они ничего не дадут, но сами давать и кормить будут».

«Такое соглашение уже достигнуто?»

«Да, почти достигнуто. Опыт социализма кончен и более повторен не будет.

Далее вывожу я: даже такие параноики, как Покровский, убеждаются, что все изжито; но они не уходят, так как уходить некуда и, «к несчастью», сам народ с ними не расправится. Но если американцы будут действовать сами здесь в РСФСР, то другие полезут вслед за ними, и это будет началом мирной интервенции или инфильтрации иностранцев, а за этим последует и преобразование управления, конечно постепенное. Слышал характерные сведения о недовольстве курсантов-коммунистов, укоряющих Ленина, Троцкого и Ко. в том, что те завели их в тупик.

От К. С. Кузьминского[97] слышал, что военных приготовлений не делается; значит, или никакой военной интервенции не будет, или же, если и будет, то она не встретит сопротивления, ибо все сознают, что сопротивляться нечем.

О Прокукише — самые безотрадные известия: они бессильны и беспомощны, да и сидят там мертвые люди; по ком-

петентным отзывам, или большевики постараются их во что бы ни стало сохранить, чтоб показать всю их негодность; или же они сами постараются вызвать взрыв и даже аресты самих себя, чтоб спасти свое положение.

(3) 16 августа. Я приехал сюда с Верой Михайловной после венчания. Это наш voyage de noce. Погода удивительная. Свадьба была в пятницу, 30/12, в 11 часов утра в церкви бывшего Сербского подворья. Потом был кофе у Рындиных; затем я был в Музее. В 5 часов у нас был обед для четырех свидетелей. Кроме того, были Таня Дольник, Е. А. Колычевская, которая отдувалась за нас в Музее, и А. И. Яковлев, принесший нам водченки. Неожиданно для нас самих обед был очень весел и оживлен. Вечером мы навестили М. М. Рындина, а на следующее утро, в 10 часов утра, у нас пил деловой кофе Александр Сергеевич Николаев, после чего мы выехали в Пестово.

За эти дни появился на горизонте К. Д. Корсаков из Сибири и прямо в одну из московских санаторий. Это еще один из revenants [привидений (*фр.*)] прошлого, вернувшихся в Москву после долгих болезней и скитаний. За нашим обедом мы долго комментировали декреты о частичном возвращении домов и о разрешении продавать вино; все это — уступки, все это — знамения времени. А. И. Яковлев рассказал о своем визите к пребывающим в Москве англичанам Hodgson & Co.; вывод тот, there is nothing to be done here [делать здесь нечего (*англ.*)] и we are here for information [мы здесь для ознакомления (*англ.*)]. Кроме того, они, кажется, искренно удивлены, что в России все недовольны советской властью. Разговоры о военной интервенции стихают, но мысль об интервенции мирной, кажется, крепнет и развивается; впрочем, это, быть может, мне кажется потому, что я сам разделяю эту мысль.

Прилагаю письмо Эммы Вилькен, из которого, между прочим, я узнал, что мои деньги целы[98].

Пестово — 3

Август 30/сентябрь 12. Я не был здесь целых две недели. Виною виноградовское исчезновение, которое мне все более и более [кажется] загадочным. В Музее последние дни дамы говорили даже, что он удрал за границу. Это мало на него похоже; но я не буду удивлен даже этому. В пятницу 27 меня, наконец, сменил Егоров[99], и я выехал в Пестово, чтобы пробыть здесь несколько последних дней и затем перевезти Вовулю в Москву. Сегодня жду Веру Михайловну, которая должна также привезти вести от Егорова.

Стоят чудесные дни уже сентябрьского типа; все леса желтые, днем тепло, вечера свежие. Уходящее лето дарит нас последними своими лучами.

Здесь вчера, 29/11, пришлось пережить несколько тяжелых

минут: была ревизия ВЧК над маленьким несчастным театральным кружком, руководимым Володей Репманом. Дело возникло по доносу одного из московских артистов, которым не платят достаточного вознаграждения. Явились два лица: один — жид с удивительным выражением лица, впрочем, обычным среди большевиков и чекистов: сочетанием жестокости с каким-то беспредельным унынием. Глядя на него, сердце лопается от непроходимой тоски. Другой — русский, играл второстепенную роль и больше молчал; видимо, из тех, которых еще натаскивают на дело. Вечером они остались ночевать и исчезли «яко дым» при утренних лучах солнца. Как тяжело себя чувствовать во власти этих темных людей!

Очень трудно отдать себе отчет об общем положении, как я оставил его в Москве. Как будто в попятном ходе большевиков какая-то заминка. Но что это, так или же это создается впечатлением от петроградских расстрелов и истории с Прокукишем. Некоторым из глав последнего, в частности про, ку и киш, видимо, грозит нечто серьезное[100]. Но какие это слепые и глупые люди! Ведь все их выступление было основано только на непременном желании во что бы ни стало играть какую-то роль. Вынь да положь, но чтоб играть роль! Как это типично для так называемых русских общественных деятелей. Какие это сплошные неисправимые дураки. И ведь, видимо, русская действительность может создавать только таких общественных дураков. Такими дураками полна заграница. И если они сюда явятся, то дури будет так много, что последние остатки России будут в ней утоплены. Глядя на все это, во мне опять просыпается желание уехать, с тем чтобы перестать быть русским.

(4) 17 сентября. Последний день в Пестове. Лето кончено — четвертое лето при большевиках. Сколько их осталось? Последние дни прошли в работах. Кончили сено; копали картофель — работа, которой я не видел с детства в Загранье. Положение здесь осложняется арестом Володи Репмана, который последовал в понедельник вечером. С ним вместе мы поехали в Пушкино — он по тому же делу, я за Верочкой; он остался в Пушкине, а когда мы возвращались, то нам встретился милиционер с ордером об аресте. Володя был принужден уйти из Пушкина вследствие обыска и ареста своего шефа по театру — Мельникова — и узнал о своей судьбе, придя домой. Он уехал во вторник, по-видимому, засев надолго, несмотря на пустячность всего этого дела.

Об общем положении привез слухи Шамби — оно становится более смутным, как извне, так и внутри. Таково впечатление.

1 — 4 [октября]. Поездка в Петроград. Ехал туда и обратно с Н. Д. Протасовым[101] очень удачно. В оба конца со скорым

поездом, который идет 15 часов, останавливаясь на больших станциях. В этой езде — некоторая иллюзия прошлого, которая нарушается видом горилл, сидящих в купе. Туда с нами ехал артельщик с папашей, вывозимым из голодных и разграбленных местностей; а оттуда — компания молодых красноармейцев-коммунистов, гордых своим званием, гладко выбритых даже на затылке и совершенно невежественных.

В Петрограде я пробыл 3 дня. Заседания совета и правления Академии Истории Материальной Культуры; и тут и там некоторый деловой характер. Видел довольно много лиц; провел вечер у Платонова. Там все под впечатлением очередного погрома Петербургского университета, аналогичного с московским погромом, но постигшего их позднее нас[102]. Кроме того, все ученые учреждения сидят там без денег и без жалования[103], так что даже на службу мало кто ходит. Невский покрылся кустарными магазинами и кафе; в городе есть заграничный товар, добываемый контрабандно. Говорят, что моряки тралят мины, а на самом деле они занимаются торговлей с подходящими к ним иностранными шхунами. Вчера первый раз в жизни видел петербургское наводнение; это очень красивое зрелище, которое мы созерцали из бельэтажа Мраморного дворца.

В Москве ничего нового; осенняя слякоть и тоска. Н. П. К., со слов своего родственника, приехавшего из Норвегии, говорит, что русский вопрос — только четвертый в ряду больших международных вопросов; сначала идет германский, потом японо-американский, потом внутренние и только потом русский.

(26 [сентября]) 9 [октября]. Наступает мертвый сезон в смысле слухов. Все успокаиваются, ибо засели опять с большевиками на зиму. Слякоть и в общественном отношении, полная скука; если бы не было некоторого утешения дома, то можно было бы повеситься. В Университете все умерщвлено. Занятия неизвестно когда и где начнутся. Но никогда я так мало не интересовался Университетом, как теперь, когда его фактически нет. Наш Музей устроил выставку Данте. Мир ничего не потерял бы, если бы ее не было. Большое ограбление в Историческом Музее. Насколько можно думать, много профессиональных бандитов, заделавшись в господствующие, пользуются этим для обделывания своих делишек.

(1) 14 [октября]. Декреты об учреждении государственного банка, установлении бюджета, о подрядах[104] — все свидетельствует о новых уступках большевиков перед железным законом жизни. В Москве продолжается полоса грабежей, как в публичных учреждениях, так и в частных домах. Если мы в Музее будем топиться, то только благодаря частному подряду и взяткам. Состояние духа противное, и мой taedium Russiae [отвращение к России (*лат.*)] все растет, вместе с Hinausweh

[стремлением выбраться (*нем.*)]. Вчера в газете статья Стеклова о сборнике «Смена вехам» [так в подлиннике], вышедшем в Праге: группа дряблых русских интеллигентов-ренегатов: Ключников, молокосос, оставленный при Московском Университете по гражданскому праву; истерик адвокат Бобрищев-Пушкин, Лукьянов, в 1918 сбежавший из Петербурга, — захотели идти к большевикам в Каноссу[105]. Если верно то, что о них написано, то, во-первых, они опоздали, во-вторых, это или беспринципные дураки, или они просто купленные люди. Гредескулы[106] или Прокукиши? И то и другое — равно пошло и гнусно. О презренная русская интеллигенция!

(5) 18 [октября]. Все то же. Назначено повышение цен на железных дорогах на три недели в пользу голодающих, по 1000 рублей с версты. Говорят, это будет с 20-го. Результат сказывается уже теперь: хлеб 3500 рублей вместо 2800. На днях видел В. А. Розенберга, когда-то всемогущего редактора «Русских ведомостей»[107]. Скромен и даже искателен в искании места. Спрашивал, имеет ли значение Волгин. Я ему отвечал, что можно быть благодарным «Русским ведомостям» за этого выкормыша, кому мы обязаны разрушением Московского Университета[108].

(12) 25 [октября]. Situation inchangée [Положение не изменилось (*фр.*)]. Много комментируется речь Ленина о новой экономической политике[109]. По-моему, это слова лжеца и наглеца, которому ничего не стоит играть словами, как ему ничего не стоит жонглировать идеями и людьми. Большевики возвещают прилет императора Карла в Венгрию[110]. А у нас и прилететь некому, даже если бы желали того[111]. Сегодня была назначена моя лекция в Университете. Я пришел и увидал, что дверь на запоре. Пошел и подал официальное заявление об этом инциденте, который может дать понятие о том, что творится в бывшем Университете. Проводил за границу гр. М. П. Келлера[112]. Какая зависть берет к лицам, могущим уехать! На днях получил предложение принять участие в делах Исторического Музея. Я принял предложение с удовольствием.

(14) 27 [октября]. Сегодня была сделана попытка ограбить нашу квартиру, по способу, выработанному до мельчайших подробностей. Сначала пришел первый и спросил, не живет ли здесь Н. Н.; уходя, старался испортить замок. Затем тайно вошел второй и нарвался на М. А. Мензбира, что и спасло нас. Покровский официально поднял вопрос о продаже некоторых вещей из Эрмитажа для поддержания большевицкой казны[113]. Музеи и ученые учреждения предполагается сократить и предоставить им самим изыскивать способы для своего содержания.

(17) 30 [октября]. По поводу ноты о готовности признать долги[114] много разговоров. Одни верят, другие не верят. Я думаю, что это один из следующих закономерно этапов кру-

шения большевиков. Конечно, они делают это с тайным желанием всех надуть; но позволит ли жизнь им надуть своих противников или же заставит их сделать новые уступки — это вопрос. Думаю, что скорее будет второе.

Сегодня чествовали 25-летие Д. Н. Ушакова. Я против официальных юбилеев, особенно в настоящее время. Юбилей был трафаретно-теплый. Т. к. Ушаков мой товарищ[115], то я рикошетом чувствовал, что это что-то вроде первой панихиды. В речах чувствовалась двойственность. С одной стороны, соглашательство; с другой — ненависть к большевикам.

Оттуда я непосредственно прошел на чествование памяти В. И. Герье. Читали Богословский, Савин, Егоров, Любавский, Бахрушин. Немножко длинно, но очень тепло и очень солидно.

Сильное сокращение штатов в большевицких учреждениях: уничтожают все Музо, Изо, Лито, Моно и т. д.; т. е. уничтожают все собственные попытки строительства: экономика их душит[116].

(18) 31 [октября]. Закончил чтение мемуаров Витте[117]. Одна из самых интересных книг, какие я когда-либо читал. Витте рисуется как очень умный, государственно-умный, более того, талантливый человек. Правда, в нем виден карьерист и себялюб, но это простительно ему, как умному человеку среди той бездны дураков, среди которых [так в подлиннике] он вращался. Чрезвычайно ценное впечатление получается от Николая II. Николаю было совершенно чуждо чувство и понимание закона и законности. Кроме того, он мелочен, завистлив и злопамятен и не терпит около себя никого, кто выше его; как слабый человек, он, кроме того, лжец. Краски едва ли сгущены: многое, что говорит Витте, подтверждается из других источников. Витте говорит о своей отставке совсем так же, как кн. С. М. Волконский говорит о своей отставке из директоров Императорских театров. Александра III Витте возвеличивает, но я не думаю, чтоб только из желания противопоставить его Николаю II. Очень интересны главы — о подготовке Японской войны, где Николай II играл куда более значительную роль, чем это принято думать; о портсмутских переговорах, где Витте одержал небывалую победу; и о его встречах с Вильгельмом. Играя дураком Николаем, Вильгельм втравлял Россию в грязные истории, и дурень Николай дошел до того, что заключил с ним в Бьерке союз против союзной Франции[118]. Какой бы отличный министр иностранных дел вышел из Витте, если бы Николай II не ненавидел его. Очень интересны предвидения войны и революции. Часто забываешь, что книга закончена в 1912 году.

2 [ноября]. Прочел «Смену вехам». Книга выше и интереснее, чем можно было думать по выдержкам из нее, которые

делают большевики в своих лекциях и выступлениях. Это голос тех эмигрантов, которым плохо живется или которые разочаровались. Впечатления подкупности нет[119]. Но главная полемика направлена против различных групп эмигрантов и против ех-лидеров ех-партий. Впервые в зарубежной печати я слышу дань уважения тем, кто здесь, несмотря на все, несет культурную работу. Не все одна хвала и большевикам: их темные стороны не замолчаны. С другой стороны, они большевиков переоценивают: они не знают России 1921 [года] — им не известен развал, грабеж и воровство, которые разлагают остатки большевицкого царства. Есть здесь и голос русского мессианизма — они не хотят понять, что никакой мировой будущности в России нет и что Россия своей пугачевщиной доказала, что она низшая раса. Почти в каждой статье смесь правды, незнания и лжи, сознательной и бессознательной. Много истеричности; но неискренности незаметно. Но нельзя отрицать, что и в этой книжке сочетается трогательная наивность русской интеллигенции с ее неисправимой рыхлостью и дряблостью[120].

4-го [ноября]. Я должен был ехать в Петроград по делам Академии Материальной Культуры. Я получил забронированное место Наркомпроса. Это оказалось место 3-го класса — 4-м на лавке — в вагоне с забитыми окнами, в котором люди стояли в проходе. Я добросовестно уселся на место, но затем меня объял ужас перед этой духотой, теснотой и вместе с тем обидой, что я должен ехать в этой мурье. За 5 минут до отхода поезда я выкатился из вагона и вернулся домой.

5 [ноября]. Г. А. Ряжский много рассказывал о Сибири; еще новое подтверждение, что там были все те же болезни, как и у нас, — а главное, воровство, казнокрадство и эта ужасающая русская нечестность. Вопрос о приглашении большевиков куда бы то ни было даже и не поднимается в Европе: их воззвание о признании долгов и о том, чтоб их позвали в Вашингтон[121], — холостой выстрел.

7 [ноября]. 4-я годовщина татарского ига. Тускло-скучные мысли — такая же погода, такое же празднование. Точнее, никакого празднования нет, лишь кое-где, редко, болтаются потрепанные красные флаги.

Беседа с И. Л. Томашевским, бывшим товарищем прокурора палаты и камергером, но польского происхождения. Теперь в нем заговорила polska krew [польская кровь (*пол.*)], и в нем чувствуется заядлый и злорадный поляк[122]. Как легко совершаются такие перемены. А, впрочем, что и говорить, когда русский народ есть не что иное, как «сукин сын, камаринский мужик», который заголя жопу по улице бежит; он бежит, бежит, попердывает, за м... свои подергивает. Это ли не эмблема!

На желание якобы платить долги только кислые критичес-

кие отзывы газет. Странно [было бы], впрочем, если было бы иначе. Хлеб — 3500, мясо в среднем 10 000 рублей фунт.

9 [ноября]. Положение без перемен. Все дни упорная тоска, чтоб вывезти своих и себя и навсегда уехать. С упоением читаю интересные мемуары Чернина[123-124].

12 [ноября]. На моей книге о Смутном времени тов. Покровский начертал — «кто рецензировал эту гадость». Высокое отличие. Читаю мемуары гр. Чернина: очень интересная точка зрения на Вильгельма и живая характеристика Франца Фердинанда — оживает реальная фигура.

(1) 14 [ноября]. Вновь надвигается кризис безденежья, точнее, отсутствия «госзнаков»[125]. Опять нигде не платят; мне должны «миллионы», и ниоткуда их нельзя получить. Хлеб — 4000; масло — 40 000; молока кружка — 5000. В Петрограде дороговизна еще большая. Несомненно, что общая экономика «Совроссии» душит это уродливое здание. О признании долгов, говорят, жиды с жидами торгуются.

(3) 16 [ноября]. Общая картина без перемен; задаюсь вопросом — сдвинулась или не сдвинулась с места куча навоза. Иногда кажется — да, иногда — нет. «Дни бегут, как минуты; недели короче дней». Вот уже 4 года мы все вертимся, как белки в колесе, и все без толка. Единственная отрада — вечерние занятия наукой.

(10) 23 [ноября]. Общее положение все то же. Рубль летит катастрофически: 10-рублевый золотой стоит больше 700 000 рублей, масло 60 000, хлеб 4800. Я имею дома 1 500 000 рублей, и они равны 750 000 два месяца назад. И ведь все это может продолжаться долго. Хотя все же будущее должно вылиться в состояние администрации по делам несостоятельного должника «бывшей Российской Империи», причем общее собрание кредиторов будет состоять большей частью из иностранцев. Не знаю, верен ли этот мой прогноз.

В Музее становится трудно работать с А. К. Виноградовым: делец, карьерист, хам при больших положительных качествах как работника и защитника интересов Музея. Но нервов много надо на него тратить: пример — прилагаемое письмо от 20 ноября, по поводу которого ему пришлось высказать не мало горьких истин[126].

Вчера читал в Историческом обществе доклад о мемуарах Витте. Большая аудитория; присутствовали представители старого мира. Оживленные разговоры по поводу доклада. Мне было весело. На докладе были американские профессора Coolish [так в подлиннике; д. б. Coolidge] и Golder[127]; у обоих лица замком.

(12) 25 [ноября]. Насколько сейчас не знаешь утром, что будет вечером. Вчера в 4 часа вдруг известие, что МЧК опечатывает наше филиальное отделение в Лиховом переулке, т. е. бывшую епархиальную библиотеку[128]. Оказывается, служащие

там попы вздумали сводить под ручки архиерея, их посетившего, а это происходило в коммунистическом окружении, и в результате коммунистическая ячейка донесла ЧК, а нам пришлось отписываться, вследствие чего пропал в хлопотах день и вечер. Впрочем, все ближайшие дни были очень хлопотны...

Декрет о деньгах: 10 000 будет называться рублем. Думаю, что искомых результатов это не даст. Сегодня узнал достоверно, что А. Н. Савин читает в Институте Красной Профессуры, который, кстати сказать, состоит сплошь из жидов[129].

(14) 27 [ноября]. Новое повышение цен; некоторые объясняют это «деноминацией» денег, но я думаю, что это просто обычная и нормальная дорога большевиков к смерти. Был с Бахрушиным у американского гарвардского профессора истории Coolidge'а. Провели интересный вечер. Услышали коечто интересное о жизни в Европе и о вышедших новых книгах по истории и политике последних 25 лет. С ним стоит поддерживать знакомство.

(18 [ноября]) 1 [декабря]. Получил вызов для дачи показаний в МЧК по делу библиотеки Лихова переулка. Был на заседании «Общественно-педагогического отделения Факультета Общественных наук»[130], куда пришлось пойти по одному определенному делу. Так называемый факультет[131] был в составе Савина, Коновалова, которого вычеркнули из штатов (почему он и уходит из должности секретаря), Тарасова Н. Г., со сладким лицом, нескольких молодых из ранних, в том числе нашего В. К. Никольского, который, видимо, вошел в роль профессора новой формации[132], и двух совершенно мне неизвестных лиц. Противно и скучно. По поводу университетских выборов «президиума» поссорились два прохвоста: Костицын — математик из большевиков — и Кубицкий — философ из мерзавцев[133]. Первый назвал второго человеком из папье-маше, впитывающим все дурные запахи. Второй апеллирует к умеренной профессуре и, кажется, находит отклик в общеупотребительной блеющей самке — М. М. Новикове. Компания невеличка, но честная. Масло — 70 000.

(19 [ноября]) 2 [декабря]. Визит в МЧК. Пропуск у коменданта. Вошел во двор дома Московского Страхового Общества. Чисто. Дом в чистоте. Чтоб пройти в комнату № 37, пришлось пройти длинными коридорами и выйти в помещение окнами на Малую Лубянку. Никого не было; потом пришел молодой человек интеллигентного вида и спросил: «Вы ко мне?» Камера — комната или, вернее, часть комнаты, отгороженная деревянной перегородкой. Он предложил мне заполнить анкетный лист. Затем начался очень вежливый разговор, сущность которого была добиться, откуда взялось книжное

имущество в подвалах дома 6 по Лихову переулку. Я сообщил ему все, что мог, и он просил посоветовать, что делать, чтобы разобрать его. Я сказал, что лучше всего — смешанная комиссия из представителей Румянцевского Музея, Наркомпроса и МЧК, с чем он вполне согласился. Конец разговора был такой: «Надо поскорее ликвидировать это дело». Допрос-разговор продолжался около 40 минут и был вполне корректен. При выходе я должен был предъявить свой пропуск, который остался у стражи. Новому Государственному Банку делать нечего, так как дел в нем никаких нет; сведение идет от членов правления. Я не удивляюсь

(25 [ноября]) 8 [декабря]. За эти дни произошло печальное событие. Умер дядя Эдуард Владимирович, профессор Высших Женских Курсов (2-го Университета). Это был оригинальный, глубокий и обаятельный человек, тонко мыслящий, необыкновенно деликатный, «камерный» человек, как его назвал один из его ассистентов в речи на могиле. В своей жизни он не дал всего, что мог дать. Он был отличный врач с большой практикой, но не нажил состояния, потому что был чрезвычайно благороден; он был ученый с оригинальными взглядами, но не прогремел, потому что был слишком скромен и не обладал тем нахрапом, каким в избытке обладали разные Остроумовы, Захарьины[134] и подобные им представители русского врачебного искусства. Он был удивительно добрый человек, но не был популярен среди товарищей-медиков, потому что был совершенной противоположностью типа русского медика. Европейцу по внешности и по внутреннему складу — претила грубость и аморальная беззаконность большинства русских врачей. Для меня это — большая потеря; он был человеком, с которым всегда можно было поговорить по душе; он болел нашими горями и радовался нашими радостями. Со смерти своей жены в 1915 году он отчудился от жизни; революция окончательно развила в нем taedium vitae [отвращение к жизни (*лат.*)]. Он говорил не раз, что на все окружающее он смотрит как человек уже умерший. Его интересовало только чтение, и главным образом мемуаров XVIII века, преимущественно французских; он отходил душой среди философов-рационалистов и мудрых скептиков того времени, которые ему самому были близки душой. Похороны были очень теплые; стоили они 5 000 000 рублей, равных 4 золотым империалам, т. е. 40 рублям старым. Так как он жил в советском доме, то, во избежание грабежа, пришлось немедленно приступить к гнусному делу выноса его имущества. Все эти дни были заняты ликвидацией его дел и жизни.

(3) 16 [декабря]. Перемен нет. Все то же. Большевики подобны угорелым кошкам в мешке. Все ищут выхода и не находят. По мнению одних, это предвещает их скорый конец;

по мнению других, это — признак того, что их не скоро удастся свалить. Все это субъективные суждения, где обывательская точка зрения сталкивается с исторической. Разум говорит более чем когда-либо — wir müssen durch [мы должны пережить! (*нем.*)]. А чувство сопротивляется. Вот уже поистине — qui vivra, verra! [поживем — увидим! (*фр.*)]. Я очень устал. Хлопоты и возня после смерти дяди Эдуарда; теперь еще тяжкая болезнь отца жены выбивает из колеи; а особенно если принять во внимание, что вся деятельность служебная — есть тоже своего рода бег на месте, растрепывающий нервы. Штопаешь одну дыру, сейчас же показывается другая, и так без конца. Я давно ничего не пишу об Университете, но это потому, что его больше нет; остались его составные части, а самого его нет, и нам, старым его деятелям, лучше всего отойти в сторонку, ограничив свое отношение к нему обязанностями к слушателям, пока таковые имеются и пока нам дают возможность преподавать. Если я буду продолжать мою деятельность в экспертизе по польским делам, то буду это делать потому, что во мне борятся две ненависти — к большевикам и к полякам. Авось при этом удастся хоть крошку сделать в пользу бывшей России!

(7) 20 [декабря]. Празднование Николина дня гораздо роскошнее, чем год, два и три назад. Между тем цены скачут бешено: хлеб — 9—10 тысяч, хотя в Москве по-прежнему все можно достать. Касательно имеющего открыться съезда советов[135], московские буржуи распространяют самые удивительные слухи — одни ждут поправения, другие — полевения; и то, и другое рисуется в самых резких и решительных формах.

(8) 21 [декабря]. Как я провел сегодняшний день:

8 — обедня, 20-й день по дяде Эдуарде Владимировиче;

10—11 — занятия с Володей, прерванные четырьмя посещениями;

11 — канцелярия Музея;

11—1 — делил книги в библиотеке Университета;

1—2 — совет Музея;

2 — в Академии Материальной Культуры;

2¼ — 3 — библиотека;

3 — обед;

3—4 — Комиссариат иностранных дел: польские дела;

5—6 — лекция на библиотечных курсах;

7—8 — заседание Комиссии Древностей Центральной России;

8 — пришел домой.

Это очень характерное времяпрепровождение для теперешнего времени.

Болезнь отца Веры Михайловны затягивается и ухудшается.

(10) 23 декабря. Получил предложение участвовать в экспертизе по делу выдачи полякам различных предметов и документов на основании Рижского договора[136]. Полагаю, что, приняв его, не совершил греха, ибо убедился, что поляки остались и останутся врагами России и, защищаясь от них, мы, может быть, работаем для будущей гипотетической России. Пока видел вчера только товарища председателя Русской делегации тов. Мрочковского[137] — коммуниста из присяжных поверенных — сухого, деловитого, вежливого, достаточно цивилизованного, но с неприятным, жестким выражением.

За эти дни вступил в деятели Исторического Музея; был на совете и на заседании исторического разряда. Работа там может быть и в настоящих условиях приятной. Золотые сильно упали; говорят, что большевики спросили у жидов, что им делать; те посоветовали выкинуть на рынок золота и спросить отчета у крупных авансистов-подрядчиков. Вероятно, некоторые из последних затрещат; жиды скупят золото по дешевой цене, а через неделю или две золото опять пойдет в гору, причем большевицкая казна заплатит протори и убытки.

(13) 26 [декабря]. Подарок от американцев Coolidge и Golder к Рождеству: food packet [продовольственная посылка (*англ.*)] с очень милым письмом, которое я прилагаю здесь[138]. Один пуд 15 фунтов крупчатки, 25 фунтов риса, 15 фунтов сахара, 3 фунта чая, ведерко сала, 20 банок сгущенного молока. Признаюсь, был тронут, и доволен, и немного возбужден. Съезд советов заставляет что-то ждать; пока я еще не вижу ничего; но перемены все же надвигаются. У Веры Михайловны положение без перемен и затягивается. Я чувствую, что больше не могу усиливать моих занятий; я дошел до точки; не совокупность их, а раздерганность, которую порождают эти занятия, не позволяет больше их увеличивать.

Хлеб — 9000; один фунт колбасы — 65 000.

(15) 28 [декабря]. Situation inchangée. Слушал речь А. А. Грушки о Достоевском. Интересно, когда выйдут все его антибольшевические речи в виде [...]. Несмотря на ужасающее положение страны, я не теряю почему-то бодрости.

(18) 31 [декабря]. Типичный случай: заведующий административным управлением Наркомпроса, жид-мальчишка Невельсон, желая поместить свою мамашу, захватил помещение Московской Секции Академии Материальной Культуры. Управление научных учреждений, боясь Невельсона или не желая портить отношений[139], в ус не дует, чтоб помочь обиженному учреждению. Хожу и хлопочу. Оптимисты ожидают каких-то декретов. Большевики пишут о том, что кто-то хочет их признать. Закончен еще один год русской смерти.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЯНВАРЬ

[1] *«Разбойники»* — драма Ф. Шиллера.

[2] Шипов Дмитрий Николаевич (1851—1920) — действительный статский советник, в звании камергера; выдаюйся общественно-политический деятель, по образованию юрист. Один из виднейших участников земского движения, основателей и руководителей Союза 17 октября; в 1906 г. — перешел в Партию мирного обновления; 1907—1909 — член Государственного совета по выборам от Московского земства. Пользовался большим авторитетом в либеральных кругах. 1918 г. — убежденный сторонник союзнической ориентации, первый председатель Национального центра, весной 1919 перестал участвовать в его деятельности; тогда же арестован, умер в тюрьме. «Записки» Шипова, которые упоминает Готье, «Воспоминания и думы о прошлом». М., 1918. В мировоззрении Шипова сочетались элементы славянофильства, толстовства и представление о моральном долге дворянства. Он считал владение землей пагубным; занимался вопросами социальной защиты рабочих.

[3] *Соловьев Сергей Михайлович* (1885—1943) — поэт, переводчик, филолог, теоретик символизма; внук историка, племянник и биограф философа Вл. Соловьева, троюродный брат Блока. Позже стал православным священником, а с конца 1920 г. католическим.

[4] Речь идет о крестьянских восстаниях в Тамбовской губ. (см. ниже примеч. 9), Западной Сибири и других местах. См. вышеупомянутую работу Френкина.

[5] См. приложение 15.

[6] *Красная Горка* — холм в Пресненском районе Москвы, к западу от центра города.

[7] Психологический институт им Л. Г. Щукиной — Научно-исследовательский институт экспериментальной психологии, основанный в 1911 г. (официально открыт в 1914) профессором философии и психологии Г. И. Челпановым (1862—1936) при историко-филологическом факультете Московского университета. Для него было построено на университетской территории особое здание. Челпанов оставался профессором Университета и директором института до 1923 г., когда был отстранен из-за его общественно-политических взглядов и «идеалистического мировоззрения».

[8] То есть за сутки.

[9] 15 августа 1920 г. в Тамбовской губ. началось крестьянское восстание под руководством А. С. Антонова, охватившее пять из ее 12 уездов и перекинувшееся в Воронежскую и Саратовскую губ.; войска повстанцев составили две армии и отдельную бригаду. Восставшие требовали созыва Учредительного собрания, восстановления гражданских и политических прав населения. Среди участников было много местных социал-революционеров, но партийное руководство отреклось от восстания. В августе же в Тамбовской губ. было введено

осадное положение. В октябре Ленин требует от РВС Республики, командования войсками внутренней охраны и ВЧК «быстрой и полной», «скорейшей (и примерной)» ликвидации восстания, после чего на борьбу с ним бросаются крупные силы (особенно в январе и феврале 1921 г., о чем пишет Готье) под командованием капитана П. А. Павлова (1892—1924). В феврале создается «полномочная комиссия ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии» под председательством В. А. Антонова-Овсеенко, в апреле—мае «командование войсками Тамбовского района» во главе с Тухачевским (зам. командующего подпоручик И. П. Уборевич; начальник штаба полковник Н. Е. Какурин, 1883—1936 — вероятно, расстрелян). Кроме регулярных частей Красной Армии в операциях участвовали войска ВЧК, ВОХР и ЧОН. Борьба с обеих сторон велась с большой жестокостью; коммунисты прибегали к массовым расстрелам заложников. К концу лета восстание было подавлено. *Антонов Александр Степанович* (1888—1922) — профессиональный революционер, с 1906 член ПСР (участвовал в «экспроприациях»), 1909—1917 — в ссылке; после Февральской революции член Тамбовского губернского комитета ПСР, с октября 1917 начальник милиции Кирсановского уезда. С конца 1918 вел партизанскую борьбу против Красной Армии; с осени 1920 до августа 1921 возглавлял Главный оперативный штаб Единой партизанской (или Народной) армии Тамбовского края. Затем скрывался; убит при попытке задержания.

ФЕВРАЛЬ

10 Егоров повторял официальную версию (еще в 1989 г. фигурировавшую в Советском энциклопедическом словаре), согласно которой Николай II был расстрелян по постановлению Уральского областного совета. Насколько можно судить, Уральский облсовет лишь исполнял решение, принятое в Москве (не совсем ясно, каким именно органом) с решающим участием Ленина (о чем, по словам Троцкого, бывшего в это время на фронте, по возвращении его в Москву ему сообщил Свердлов). Совсем неясно, кто принял решение об убийстве всей семьи и близких к ней людей. «Приговор», который, по некоторым сведениям (см.: *Касвинов М. К.* Двадцать три ступени вниз. 2-е изд., испр. М., 1987. С. 480), был зачитан перед убийством, по-видимому, не опубликован.

11 Служители, убитые вместе с императорской семьей: лакей Алексей Егорович Трупп, горничная Анна Степановна Демидова и повар Иван Михайлович Харитонов. *Боткин Евгений Сергеевич* (1865—1918) — действительный статский советник, д-р медицины, лейб-медик (как и его отец, знаменитый клиницист и общественный деятель С. П. Боткин); домашний врач императорской семьи, сопровождал ее в Тобольск и Екатеринбург и разделил ее участь. *Татищев Илья Леонидович* (?—1918) — генерал-адъютант, адъютант Николая II; сопровождал последнего в Тобольск, откуда был привезен в Екатеринбург в конце мая 1918, посажен в тюрьму и вскоре убит.

[12] *Татьяна Николаевна* (1897—1918) — великая княжна, вторая дочь Николая II и Александры Федоровны. В начале мировой войны прошла курс сестер милосердия и до ареста после Февральской революции работала в хирургическом отделении лазарета, созданного ее матерью в Царском Селе. С 1915 г. возглавляла Комитет по делам беженцев. Отличалась сильной волей и твердым характером. У Касвинова, собравшего сведения о действительных и мнимых попытках спасения императорской семьи, о попытках с ее стороны не говорится.

[13] Это мнение не находит подтверждения во введенных до сих пор в научный оборот и заслуживающих доверия источниках. Все надежные источники свидетельствуют об обратном — сильном положительном нравственном влиянии родителей на детей.

[14] Речь идет о возвращении в университет после Февральской революции профессоров, покинувших его в 1911 в результате столкновения с министром просвещения Кассо. Всего тогда ушло из университета более трети профессоров и приват-доцентов; их список см. в статье Б. И. Сыромятникова (одного из ушедших) «Московский университет» в энциклопедическом словаре издательства «Гранат».

[15] См. приложение 16.

[16] *Briand Aristide* (1862—1932) — французский политический деятель умеренно-социалистического направления; много раз возглавлял коалиционные правительства. 16 января 1921 г. образовал новое правительство, в котором занял также пост министра иностранных дел. 20 января выступил в Национальной ассамблее с программной речью, которая на следующий день (а не 18-го) была напечатана в газете «Le Matin» («Утро») и содержала два кратких параграфа, посвященных России. В одном говорилось, что отношения с Россией не будут восстановлены, пока там не появится «действительно представительное» правительство, которое признает обязательства, принятые прежними российскими правительствами; во втором — что со стороны Франции не будет вмешательства в российские дела, пока большевики остаются в своих пределах.

[17] *Жильяр Петр Андреевич* (Gilliard Pierre, 1879—1962) — швейцарец, по окончании в 1904 г. Лозаннского университета приглашен в Россию как преподаватель французского языка, с 1905 г. преподавал его старшим дочерям Николая II, затем всем его детям и фактически был воспитателем царевича Алексея (официально числился «состоящим при воспитателе», но воспитатель так и не был назначен). После Февральской революции добровольно разделил заключение императорской семьи и ссылку в Тобольск; привезенный в мае 1918 в Екатеринбург, был принудительно разлучен с ними и таким образом избежал их участи. По взятии Екатеринбурга войсками адмирала Колчака принимал участие в расследовании убийства, затем вернулся в Швейцарию, преподавал в Лозаннском университете. Записки Жильяра впервые появились в печати 19 декабря 1920 г. в парижском журнале «L'Illustration». Готье, скорее всего, был знаком именно с этим изданием, так как издание отдельной книгой — *Gilliard Pierre.* Treize annйes la court de Russie (Peterhof, septembre 1905 —

Ekaterinbourg, mai 1918). Le tragique destin de Nicolas II et de sa famille. Paris, 1921 — едва ли было получено в Москве к началу февраля (как и вышедшие в том же году английский и русский переводы). См. русский перевод: *Жильяр П.* Трагическая судьба русской императорской фамилии. Воспоминания бывшего воспитателя наследника цесаревича. Ревель, 1921; или частичную перепечатку его под тем же заголовком с предисловием Р. Редлиха и статьей Г. Адамовича «Цареубийство» (Франкфурт-на-Майне, 1973).

18 *«Богатырь»* — название фабрики резиновых изделий на Большой Богородской улице (с 1965 часть Краснобогатырской ул.) в северо-восточной части города. Галантерейный магазин фирмы Шанкс и Ко. (Shanks & Co.), основанной в 1888 г., находился на Кузнецком мосту.

19 См. приложение 17.

20 Кропоткин умер от воспаления легких 8 февраля в Дмитрове (где жил с лета 1918 г.). Его семья отказалась от предложенных властями официальных похорон, и он был похоронен 13 февраля в Новодевичьем монастыре в Москве (где покоились его предки). Многолюдные похороны, организованные комитетом, в который, кроме анархистов (коммунистов и синдикалистов), входили видные общественные деятели леводемократического направления, были восприняты многими участниками и наблюдателями как антибольшевистская демонстрация. Последние годы жизни Кропоткин был одним из наиболее видных открытых противников большевистской диктатуры. Он решительно осуждал идею «диктатуры пролетариата», разгон Учредительного собрания (расходясь в этом с большинством анархистов), подмену власти советов властью комитетов РКП(б), красный террор. Безуспешно пытался путем личной встречи и переписки повлиять на Ленина. Часто упоминаемый в литературе призыв его к западноевропейским рабочим в 1920 г. заставить свои правительства отказаться от блокады России и вооруженного вмешательства в ее дела был вызван не приятием режима, а убеждением, что «всякое иностранное вооруженное вмешательство неизбежно усиливает диктаторские тенденции правительства».

21 *Паспортист* — здесь сотрудник музея, занимающийся описанием хранящихся в нем предметов.

22 *Général (Edmond Alphonse Léon) Buat*, Ludendorff (Lausanne, 1920); фр. оригинал — Ludendorff (Paris, 1921).

23 *А. С. Н.* — вероятно, А. С. Николаев (см. выше примеч. 331 за 1918 г.). Андреев Александр Игнатьевич (1887—1959) — видный историк, ученик Лаппо-Данилевского и Преснякова, в описываемое время сотрудник Постоянной исторической комиссии Академии наук; впоследствии сыграл большую роль в развитии источниковедческих дисциплин. В 1929—1935 гг. в заключении и ссылке по «делу Платонова»; в 1947—1949 обвинялся в «низкопоклонстве перед западом», потерял работу в Институте истории АН и Московском историко-архивном институте. См. о нем: *Простоволосова Л. Н., Станиславский А. Л.* Мы учим советских людей, а не древних греков (Из истории вузовской исторической науки конца 30-х — 40-х гг.). // История СССР. 1989. № 6.

[24] Официально в это время историко-филологического факультета не было. Запись Готье — ценное свидетельство о попытке сохранить университетские традиции.

МАРТ

[25] Речь идет об учащихся военных школ. В Петрограде в феврале имели место забастовки и волнения рабочих на крупнейших заводах. 24 февраля ИК Петроградского совета (выполняя решение Бюро ПК РКП(б) — см.: *Семанов С. Н.* Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа 1921 г. М., 1973) ввел в городе военное положение; 25-го начал действовать чрезвычайный Комитет обороны Петрограда. 28 февраля началось восстание в Кронштадте.

[26] Восстание на кораблях Кронштадтской базы Балтийского флота, в частях, расквартированных в крепости, и на военных и гражданских заводах города не было результатом заговора или серьезной подготовки. Вопреки утверждениям Ленина и большевистской печати, у восставших не было связи ни с политическими партиями в Петрограде, ни с антикоммунистической эмиграцией («белогвардейцами»), ни тем более с «иностранными империалистами»; финляндские власти препятствовали установлению внешних связей, не пропускали даже корреспондентов. Не было восстание и «антисоветским»; наоборот, оно проходило под лозунгами «Власть советам, а не партиям!» и «Долой контрреволюцию справа и слева!». Руководивший восстанием Временный революционный комитет матросов, красноармейцев и рабочих г. Кронштадта (избранный на делегатском собрании восставших) и его орган «Известия ВРК Кронштадта» возглавлялись бывшими (непродолжительное время) членами РКП. См.: *Петриченко.* Правда о кронштадтских событиях. Прага, б. г.

Петриченко Степан Максимович (?—?) — старший писарь линейного корабля «Петропавловск», ставшего главным центром восстания; председатель ВРК. После подавления восстания бежал в Финляндию, где жил до 1945 г., когда был выдан Советскому Союзу; погиб в заключении (Звенья. 1, с. 473).

[27] О том, как он держался в это время, пишет А. И. Цветаева (Воспоминания. 3-е изд., доп. М., 1983. С. 611—614).

[28] Восстание было подавлено 17—18 марта. Повстанческий ВРК в течение 16 дней своей власти проявил крайне необычную по тем временам гуманность: местные коммунисты были интернированы, но никто из них не погиб. Напротив, победившие большевики расправились с повстанцами с большой жестокостью (из тех, кому удалось уйти по льду в Финляндию, многие были выданы).

[29] *Ludendorff, Erich von.* Kriegserinnerungen. Berlin, 1919.

[30] Первый декрет о легализации частной торговли, знаменовавший начало перехода к новой экономической политике, был опубликован 29 марта (свобода торговли и отмена продразверстки были в числе главных требований кронштадтских повстанцев). Замечание

Готье о вероятной судьбе новой политики — еще один пример его прозорливости.

[31] *Волконский Сергей Михайлович*, князь (1860—1937) — писатель и театральный деятель, камергер. Окончил историко-филологический факультет СПб. университета. 1899—1901 — директор Императорских театров; ушел в отставку из-за конфликта с балериной М. Ф. Кшесинской. 1918—1919 — член дирекции Большого театра. В конце 1921 эмигрировал, был директором русской консерватории в Париже. Умер в США. Опубликовал «Мои воспоминания». Т. 1—3 в двух книгах. Берлин, 1923. См. также статью о нем в биографическом словаре «Русские писатели 1800—1917». Т. 1. М., 1989. Рукопись воспоминаний о декабристе князе С. Г. Волконском (1788—1865), написанных в феврале 1921 г., хранится в Отделе рукописей ГБР (ф. 56, 15.36).

АПРЕЛЬ

[32] Речь идет о переходе к новой экономической политике.

[33] *Станкевич Владимир Бенедиктович* (литовский вариант фамилии и имени — Stanka Vladas; 1884—1968) — юрист, журналист, известный политический деятель. До мировой войны приват-доцент СПб. университета по кафедре уголовного права, член редакции внепартийного социалистического журнала «Современник» (пытался привлечь к сотрудничеству Ленина); был близок к фракции трудовиков 4-й Государственной думы. С началом войны ушел добровольцем в армию, к моменту Февральской революции полковник. После Февральской революции член ЦК Трудовой (с июня трудовой народно-социалистической) партии. Член ИК Петроградского совета, затем комиссар Временного правительства на Северном фронте, с сентября Верховный комиссар при Ставке. После Октябрьского переворота пытался спасти генерала Духонина, но потом предлагал Крыленко сотрудничество для совместной борьбы с внешним врагом; так как руководство национал-социалистической партии считало сотрудничество с большевиками недопустимым, ушел из ЦК. Был против гражданской войны и в ней не участвовал. 1919—1923 — в Берлине, руководитель леводемократической группы «Труд и мир» и журнала «Жизнь» под примирительным лозунгом «И к красным, и к белым!» С 1923 профессор уголовного права в Ковенском университете в Литве; после второй мировой войны ректор Балтийского университета для студентов-беженцев в Западной Германии. С 1949 в США. См.: *Флейшман L.* и др. Русский Берлин 1921—1923. Париж, 1983. «Записки» Станкевича, о которых пишет Готье, — его книга «Воспоминания, 1914—1919 гг». Берлин, 1920; переизд.: Л., 1926.

[34] *Соколов Н. А.* Убийство царской семьи. Берлин, 1921; переизд. там же, 1925 и в Москве, 1991. *Соколов Николай Алексеевич* (1882—1924) — юрист, окончил Харьковский университет, служил следователем при окружном суде в Пензе. В начале гражданской войны пробрался в Сибирь, был следователем по особо важным делам при Омском окружном суде. 5 февраля 1919 г. адмирал Колчак поручил

ему расследование убийства царской семьи, которое он продолжал и после оставления белыми Екатеринбурга, и даже после поражения и расстрела адмирала Колчака, перебравшись в Западную Европу. Умер во Франции. См.: The Sokolov Investigation. Translation and Commentary by John F. O'Connor. New York, 1971.

[35] *Смоленский С.* Крымская катастрофа (Записки строевого офицера). София, 1921.

[36] Российская книжная палата, основанная в апреле 1917 г. в Петрограде, была в 1920 г. частично переведена в Москву, причем эта ее часть была подчинена НКП и под руководством Боднарского и Щелкунова реорганизована в Российскую центральную книжную палату. Оставленная в Петрограде часть Российской книжной палаты была в 1920 г. преобразована в Петроградский институт книговедения при Госиздате, который в основном занимался библиографией и (не раз переименованный и переподчиненный) просуществовал до 1933 г. Возможно, на собрании, о котором идет речь, говорилось о создании подобного института в Москве. Создан был Библиографический подотдел Отдела массовой работы НКП, в 1930 г. преобразованный в Библиографический институт ОГИЗа.

Боднарский Богдан Степанович (1874—1968) — видный библиограф. В 1901 г. окончил юридический факультет Московского университета, в 1910 г. Археологический институт. В описываемое время председатель Русского библиогр. общества при Московском университете и редактор его журнала «Библиографические известия», с августа 1920 г. также председатель Российской центральной книжной палаты. Щелкунов Михаил Ильич (1884—1938?) — книговед, издательский работник, библиофил; с августа 1920 г. товарищ председателя Книжной палаты.

[37] *Кривцов Степан Саввич* (1885—?) — большевик, деятель «идеологического фронта», числился специалистом по диалектическому и, особенно, историческому материализму и по ленинизму (хотя в молодости испытал влияние А. А. Богданова); занимался «разоблачением» «буржуазной» философии общественных наук. С 1918 кандидат в члены Президиума Совета Социалистической академии, затем профессор Института красной профессуры, зав. методическим сектором Института Ленина; член Общества воинствующих материалистов и Общества историков-марксистов; член редколлегии журнала «Каторга и ссылка», сотрудник журналов «Под знаменем марксизма», «Историк-марксист» и др. Во второй половине 20-х гг. преподавал историю ленинизма в Московском университете.

[38] *Рындина Вера Михайловна* (?—?) — сотрудница Румянцевского музея. Через несколько месяцев вышла замуж за Готье.

[39] *Покровский Хотьков монастырь*, один из старейших подмосковных монастырей, был основан в 1308 г. родителями преп. Сергия Радонежского. До 1504 г. смешанный, затем женский; в 1610 г. разорен поляками, позже восстановлен. Как и многие другие монастыри Московской губернии, был ликвидирован в 1920 г. Из монастырской слободы и соседнего села вырос город (с 1949 г.) Хотьково, расположенный в 13 км от Сергиева Посада по ж. д. на Москву.

[40] Вероятно, речь идет о переговорах, приведших к образованию в ноябре 1921 г. Центральной комиссии по улучшению быта ученых.

МАЙ

[41] Российская академия истории материальной культуры была основана (по инициативе и под руковотвом академика Н. Я. Марра) 18 апреля 1919 г. на базе Российской (до Февральской революции Императорской) археологической комиссии, существовавшей с 1859 г. В 1937 г. преобразована в Институт историко-материальной культуры в системе Академии наук, переименованный в 1959 г. в Археологический институт.

[42] *Зимний*, наиболее величественный дворец С.-Петербурга, при Александре II и Николае II был столичной резиденцией императорской семьи. С середины июля по октябрь 1917 г. здесь (в Малахитовом зале) происходили заседания Временного правительства (до этого в Мариинском дворце). В настоящее время входит в музейный комплекс Эрмитажа. *Аничков дворец* (на углу Невского проспекта и Фонтанки) в свое время был столичной резиденцией Александра III. В 1937 г. здание было переоборудовано под дворец пионеров. В Мраморном дворце (на Дворцовой набережной Невы выше Зимнего, у Марсова поля) с 1830-х гг. до прихода к власти большевиков обычно жили великие князья. С 1937 г. в нем помещался Ленинградский филиал Центрального музея Ленина.

[43] *К. Р. (псевд.)* — великий князь *Константин Константинович* (1858—1915), внук Николая I, генерал-адъютант, генерал от инфантерии. 1900—1910 — главный начальник военно-учебных заведений. Пианист, актер, известный поэт. С 1889 г. до конца жизни президент Академии наук, с 1900 почетный академик по разряду изящной словесности.

[44] *Смольный* — архитектурный комплекс к северо-востоку от центра города (близ Смольной набережной в излучине Невы). В главном здании, о котором идет речь, до августа 1917 г. помещался Смольный женский институт, затем Петроградский совет и ЦИК; с момента Октябрьского переворота до переезда их в Москву центральные учреждения новой власти (СНК, ВЦИК). В описываемое время в нем находились городские и областные «советские» органы, позже партийные. После событий августа 1991 г. в этом здании помещается СПб. мэрия.

[45] Государственная дума заседала в Таврическом дворце (на Шпалерной ул., к западу от Смольного). В дни Февральской революции здесь были созданы Временный комитет Государственной думы и Временное правительство; в другом крыле дворца помещался Петроградский совет (с июня также ЦИК). В январе 1918 г. здесь состоялось единственное заседание Учредительного собрания. После убийства в августе 1918 г. М. С. Урицкого здание было переименовано в Дворец Урицкого и носило это название до второй мировой войны (?). Рабочий (или Коммунистический) университет им. Зиновьева

был образован вскоре после Коммунистического университета им. Свердлова в Москве. Впоследствии был преобразован в Ленинградскую высшую партийную школу, помещавшуюся в том же здании.

46 В подлиннике текст надписи воспроизводится полностью.

47 *Гессен Иосиф Владимирович* (1865—1943) — видный юрист, журналист, общественный и политический деятель. Окончил СПб. университет, 1894—1903 — служил по Министерству юстиции (надворный советник), затем был присяжным поверенным; автор «Истории русской адвокатуры» (П., 1914). Один из основателей и член редакции еженедельной юридической газеты «Право» (1898—декабрь 1917); соредактор газеты «Речь» (1905—1906 — 26 октября 1917—июль 1918); во время войны председатель Общества редакторов ежедневных газет. В молодости был близок к позднему народовольчеству (1886—1889 — в ссылке), позже к Союзу освобождения. В 1905 г. один из организаторов Союза союзов и учредителей КДП; член ее ЦК. Депутат 2-й Государственной думы, товарищ председателя фракции КДП, председатель судебной комиссии Думы. После Февральской революции член ликвидационной комиссии Управления по делам печати, комиссар Временного правительства по делам печати в Петрограде. С 1919 г. в эмиграции, 1920—1936 в Берлине, затем во Франции, где и умер. В Берлине Гессен играл видную роль во многих эмигрантских культурных и общественных начинаниях; руководил издательством «Слово», был соредактором ежедневной либеральной (правокадетской) газеты «Руль» (1921—1931), издателем и редактором исторических сборников Архив русской революции (т. 1—22, 1921—1937). См. его: В двух веках // АРР. Т. 22; и Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979.

48 *Набоков В.* Временное правительство // АРР. Т. 1. 1921; переиздание: *В. Д. Набоков.* Временное правительство (Воспоминания). М., 1924.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869 или 1870—1922) — выдающийся юрист и политический деятель. Как правовед, разрабатывал главным образом вопросы уголовного права, представляющие широкий общественный интерес (о свободе печати, смертной казни, исправительных заведениях). Участвовал в редактировании журналов «Вестник права», «Журнал уголовного права и процесса», «Юридический вестник» и еженедельника «Право». С 1897 г. член (с 1905 г. председатель) русской группы Международного союза криминалистов, 1904—1915 — председатель Уголовного отделения СПб. юридического общества им. А. И. Чупрова. В первые дни Февральской революции, участвуя в составлении текста отказа великого князя Михаила Александровича от престола, внес в него положение о полноте власти Временного правительства, что имело большое конституционно-правовое значение. В дальнейшем управляющий канцелярией Временного правительства, член Юридической комиссии при нем, комиссии по подготовке выборов в Учредительное собрание, сенатор (см.: *Бар. Б. Э. Нольде. В. Д.* Набоков в 1917 г. // АРР. Т. 7). В ноябре 1918 г. — апреле 1919 г. министр юстиции Крымского краевого правительства. Один из основателей и бессменный член ЦК

КДП (кроме военных лет, когда он был призван в армию и отошел от политической деятельности). Близкий сотрудник Милюкова до мая 1917 г., когда, разойдясь с ним по вопросу о коалиции с социалистическими партиями, возглавил (с М. М. Винавером) левое крыло партии, стоявшее за коалицию, а к осени пришедшее к выводу о необходимости заключить сепаратный мир, чтобы избежать захвата власти большевиками. В октябре 1917 г. товарищ председателя Временного совета республики. В 1918 г. отчасти разделял «германскую ориентацию» Милюкова, участвовал в переговорах с германскими представителями в Киеве. С 1920 г. в Берлине; соредактор «Руля». В описываемое время возглавлял борьбу большинства КДП за границей против «новой тактики» Милюкова, ознаменовавшей начало отхода последнего от борьбы с большевистской диктатурой. Убит эмигрантом-черносотенцем.

49 Возможно, текст этой работы академика Богословского не сохранился. Она не опубликована и не упоминается в томике его наследия, вышедшем в 1987 г. (см. выше примеч. 50 за 1919 г.). Не упоминает о ней и Черепнин (Отечественные историки. М., 1984).

50 См. приложение 18.

51 *«Прекрасная прогулка»* — еще одно свидетельство незаурядной физической выносливости Готье. Разведка охватила большой участок вдоль правого берега Москвы-реки от Нескучного сада (с 1930-х гг. Парк культуры и отдыха им. Горького) вверх по течению до низовья р. Сетунь. Воробьевы горы — возвышенность, отстоящая примерно на 1 км от берега, на которой с 1950-х гг. находятся новые здания Московского университета. Потылиха — бывшая слобода близ устья Сетуни.

52 *Соколов К. Н.* Правление генерала Деникина (Из воспоминаний). София, 1921.

Соколов Константин Николаевич (1882—1927) — юрист, профессор Петроградского университета; видный деятель КДП. Главный автор «Положения об Особом совещании при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России» от 2 февраля 1919 г. (см.: Организация власти на юге России в период гражданской войны // АРР. Т. 4); управляющий Отделом законов, с марта — Отделом пропаганды при Особом совещании («Освагом»). Среди кадет, бывших в это время на Юге, был одним из самых правых, часто принимал сторону отнюдь не либерально настроенных генералов.

53 См. приложение 19.

Флоровский Антоний Васильевич (1884—1968) — историк, окончил Новороссийский университет (ученик Е. Н. Щепкина). В 1922 г. выслан за границу, был профессором Карлова университета в Праге. Основные работы — по истории русско-западнославянских культурных связей.

ИЮНЬ

54 Возможно, предполагаемая поездка была связана с принятием в ведение библиотеки Румянцевского музея книг библиотеки

графов Шереметевых, о чем Готье писал ранее (см. примеч. 10 за 1919 г.).

[55] *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. София, 1921.

В ноябре 1919 г. Струве прочитал в Ростове-на-Дону публичную лекцию на эту тему. Текст этой лекции в несколько измененном виде он воспроизвел в № 1, 2 (январь—февраль 1921) возобновленного им в эмиграции журнала «Русская мысль» (София, 1921—1923), а затем выпустил отдельной брошюрой.

[56] Вероятно, речь идет о личных отношениях автора с В. М. Рындиной.

[57] *Братовщина* (с 1941(?) г. Правда) — платформа на Ярославском направлении в 37 км к северу от Москвы и в 6 км от ст. Пушкино. Расстояние до Пестова от Братовщины было (до создания Учинского водохранилища) примерно такое же, как от Пушкина.

[58] *Джунковский Владимир Федорович* (1865—1938, расстрелян) — генерал-майор свиты Е. В. (звание, дававшееся по личному усмотрению императора). Воспитывался в Пажеском корпусе; служил в лейб-гвардии Преображенском полку, когда им командовал великий князь Сергей Александрович. В бытность последнего московским генерал-губернатором его адъютант. С 12 августа 1905 г. московский вице-губернатор, с 11 ноября губернатор. С 25 января 1913 г. товарищ министра внутренних дел и командир Особого корпуса жандармов. Сообщил председателю Государственной думы Родзянко о том, что лидер большевистской («рабочей социал-демократической») фракции Думы Р. В. Малиновский — провокатор (вследствие чего Малиновский сложил с себя звание депутата и уехал за границу). Боролся с положением Распутина при дворе; прилюдно дал ему пощечину, после чего подал в отставку и был отправлен на фронт в армейскую пехоту (командовал бригадой, затем дивизией). Имел репутацию порядочного человека. Джунковский был арестован в сентябре 1918, так как в ЧК были уверены, что он является руководителем раскрытой около этого времени «антисоветской» Туркестанской военной организации. Впоследствии выяснилось, что в дело был замешан его однофамилец, генерал Е. Джунковский, бывший помощник Туркестанского генерал-губернатора. Осенью 1919 сидел в Таганской тюрьме. Возможно, это, как и заключение в Бутырской тюрьме, о котором говорит Готье, не было связано с туркестанским делом. По некоторым сведениям, позже сотрудничал с ГПУ (в частности, был консультантом по проведению провокационной акции «Трест»).

[59] К записи за 15 июня автор сделал приписку: «(письма Яковлева, Флоровского, Ряжского)». Первые два, по-видимому, — упомянутые выше (25 и 31 мая); письмо Ряжского не найдено.

[60] 22 июня—12 июля 1921 г. в Москве заседал 3-й конгресс Коминтерна.

[61] О политике правительства генерала Врангеля см.: *Росс Николай.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982.

[62] *Львов Аоллий Иванович* (1888—196?) — литератор. По выезде за границу сотрудничал в эмигрантской печати (в частности, в гель-

сингфорсской газете «Новая русская жизнь» и в изданиях, которые редактировал П. Б. Струве). О характере его знакомства с Готье никаких сведений найти не удалось.

63 См. приложение 20.

64 В конце июня — начале июля в Москве состоялось два важных собрания: 1) 22—25 июня — Первый Всероссийский съезд представителей рабочих факультетов, принявший «Положение о рабочих факультетах»; 2) 29 июня — 2 июля — Всероссийская конференция по делам высших учебных заведений, на которой обсуждался проект «Положения о высших учебных заведениях». Намерения университетского начальства, о которых пишет Готье, несомненно, отражали указания, полученные на этих собраниях. Намерения эти были приведены в исполнение: «В 1921/22 уч. г. был осуществлен классовый принцип приема студентов в Университет: принимались прежде всего окончившие рабфаки, затем командированные партийными, советскими и профсоюзными организациями» (Московский университет за 50 лет Советской власти. М., 1967, с. 61).

65 *Товстуха Иван Павлович* (1889—1935) — один из ближайших помощников Сталина, до 1921 г. в НК по делам национальностей, затем в аппарате ЦК партии. 1924—1926 — формально помощник директора Института Ленина (Л. Б. Каменева), с 1931 г. — зам. директора Института Маркса—Энгельса—Ленина (человек совершенно необразованный, он играл роль сталинского соглядатая). Готье правильно определил его прошлое: в 1911 г. он был сослан в Иркутскую губ., откуда в 1912 г. бежал за границу; с 1913 г. — большевик; вернулся в Россию после Февральской революции.

ИЮЛЬ

66 Положение с продовольствием ухудшилось к лету 1921 г. до крайней степени. Можно выделить три главных фактора кризиса: социально-экономическую политику коммунистических властей, разрушавшую сельское хозяйство и торговлю; гражданскую войну, захватившую главные хлебопроизводящие местности; два неурожайных года подряд (1920 и 1921 гг.).

67 Задолго до описываемого времени из-за границы стали поступать предложения о помощи (от министра торговли США Г. Гувера, председателя Международного комитета помощи русским Ф. Нансена и др.), но они отвергались Советским правительством из политических соображений. В частности, Американская администрация помощи (American Relief Administration), которую возглавлял Гувер, настаивала на том, что помощь голодающим должна осуществляться непосредственно ее представителями на местах, на что Советское правительство не шло. Так как большинством иностранных правительств Советское правительство не признавалось законным и дипломатических отношений с ним не было, все эти заявления часто передавались во всеуслышание по радио, что и вызывало слухи, о которых пишет Готье.

[68] Горький действовал с согласия властей, признавших, наконец, катастрофичность положения. 11 июля было опубликовано обращение, подписанное патриархом Тихоном и Горьким. Гувер откликнулся на него, Советское правительство дало согласие на прямую раздачу продовольствия голодающим, и с августа ARA приступила к работе. Размеры помощи, продолжавшейся до середины 1923 г., были очень значительны: в период наибольшей нужды ARA ежедневно кормила больше 10 миллионов человек. См.: *Golder Frank A. and Hutchinson Lincoln.* On the Trail of the Russian Famine. Stanford, 1927; *Fisher H. H.* The Famine in Soviet Russia. New York, 1927 (автор, профессор Станфордского университета, как и Гольдер, принимал участие в деятельности ARA в России); *Weissman Benjamin M.* Herbert Hoover and Famine Relief to Soviet Russia: 1921—1923. Stanford, 1974.

[69] 22 июня группа общественных деятелей сообщила правительству о намерении создать Всероссийский общественный комитет помощи голодающим. Обращение вызвало большие разногласия в партийно-правительственных верхах. О позиции Ленина свидетельствует записка, написанная им на заседании Политбюро 12 июля: «...Директива сегодня в Политбюро: строго обезвредить Кускову... От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ни-че-го...» (ПСС, т. 53, с. 24—25). С целью «обезвредить» общественное начинание, Политбюро «одобрило план создания в Комитете коммунистической группы и постановило ввести в президиум Комитета лишь определенное количество буржуазных общественных деятелей» (там же, с. 382). В противовес общественному комитету и до его официального разрешения, 18 июля был издан декрет ВЦИК «О Центральной комиссии помощи голодающим при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете». Комиссии этой, во главе с М. И. Калининым, вменялось в обязанность «объединять и согласовывать» всю деятельность по борьбе с голодом.

[70] Не ясно, что автор называет «совещанием о голоде». 16—24 июня в Москве состоялось 3-е Всероссийское продовольственное совещание, а 16—23 июля (когда Готье делал эту запись) — 3-е Всероссийское собрание уполномоченных Центросоюза. Говоря об Н. М. Кишкине, Готье намекает на то, что он по профессии врач-физиотерапевт. *Головин Федор Александрович* (1867 или 1868—1937) — юрист, общественный и политический деятель. Видный участник земского движения, член Союза освобождения. Один из организаторов КДП, председатель ее Московского комитета и бессменный член ЦК. Председатель 2-й Государственной думы, депутат 3-й думы. Во время мировой войны один из учредителей и член совета общества «Кооперация», председатель Общества помощи жертвам войны. После Февральской революции комиссар Временного правительства по Министерству императорского двора. В описываемое время вошел в Комитет помощи голодающим. Называя Головина «пустым местом», Готье, скорее всего, имеет в виду, что, будучи председателем Государственной думы, он часто проявлял нерешительность и колебания См.: ОИЭ.1.

[71] Пестовские записи за июнь—сентябрь см. после основных записей за сентябрь.

[72] Только 1 июля ВЦИК оформил решение об образовании Всероссийского общественного комитета помощи голодающим. В него было введено 12 представителей партийно-правительственной верхушки во главе с Каменевым и Рыковым, которые были назначены председателем и зам. председателя комитета. Фактически деятельность комитета возглавлял Кишкин, бывший председателем Административного отдела. См.: *Максимов Ю. Н.* Комитет помощи голодающим // Память: Исторический сборник. Вып. 4. М., 1979 — Париж, 1981.

[73] Ресторан «Яр», существовавший с 1826 г., был одним из наиболее известных и шикарных московских ресторанов. Расположенный в Петровском парке на СПб. шоссе (с 1957 г. Ленинградский проспект), он в дореволюционное время считался загородным. Новое здание, построенное в 1910-х гг., было перестроено в 1948—1950 гг.

[74] 18 августа ВЦИК постановил «отложить поездку заграничной делегации» комитета, на что комитет 23 августа ответил, что его дальнейшая деятельность невозможна без такой поездки.

[75] Московская секция ГАИМК просуществовала — последние годы как Московский филиал Института истории материальной культуры — до 1945 г., когда Московский филиал стал главной частью института, а бывший центр Ленинградским филиалом.

[76] Межведомственная комиссия по закупке и распределению иностранной литературы была образована решением СНК от 14 июня 1921 г.

[77] *Шмидт Отто Юльевич* (1891—1956) — математик и политик; энергичный организатор и реорганизатор; с 1920 член Социалистической академии. В 1918—1919 член Партии социал-демократов интернационалистов и ее ЦК; с 1919 в РКП(б). Развивал бурную деятельность в разных хозяйственных ведомствах (разрабатывал в НКПроде положение 1918 г. о продотрядах, разорявших и терроризировавших деревню; в Центросоюзе проект декрета СНК 1920 г. о кооперации, уничтожившего независимые кооперативные организации). Как член коллегии НКП (1920—1921) много сделал для разрушения среднего и высшего образования. «Устав Шмидта», принятый НКП 2 марта 1921 г., лишал профессоров какого-либо влияния на управление высшими учебными заведениями. В марте 1921, после разногласия с Крупской, вызвавшего недовольство Ленина, был снят с должности зам. председателя Главпрофобра (Шмидт отстаивал всеобщее «монотехническое» образование с 15-летнего возраста, Крупская — «политехническое»; Ленин — в заметках на тезисы Крупской, не предназначенных для оглашения, — писал, что Шмидт, может быть, «пересобачил»). В 1921—1924 зав. Госиздатом (снят после выхода книги Троцкого «Уроки Октября»). В 30-е гг. один из виднейших представителей декоративной знати в сталинской общественно-политической системе (одно время «избирался» на всевозможных

торжественных заседаниях в «почетный президиум» вместе с членами Политбюро); после войны такой роли не играл.

[78] Журнал «Русская мысль» (София, Прага, Берлин, 1921—1923; Париж, 1927) был задуман П. Б. Струве как возобновление журнала, выходившего под тем же названием в Москве (1880—1918), издателем и редактором которого он был в 1911—1918 гг. См.: *Струве Глеб.* Из истории русской зарубежной печати. Издания П. Б. Струве // Русская литература в эмиграции: Сборник статей под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972.

[79] *Гиппиус Зинаида Николаевна* (1869—1945) и ее муж *Мережковский Дмитрий Сергеевич* (1865—1941) — литераторы, игравшие видную роль в религиозно-философской, идейно-эстетической и идейно-политической жизни интеллигенции с начала века до второй мировой войны. К ПСР были близки с 1905 г. С конца 1919 г. в эмиграции. В описываемое время деятельные участники возрожденной Савинковым (с которым были в дружеских отношениях с лета 1917) революционной организации Национальный союз защиты родины и свободы, ведшей вооруженную борьбу с коммунистической властью (главным образом в Белоруссии и Псковской губ.); сотрудничали в газете Союза «За Свободу» (выходившей в Варшаве под редакцией их ближайшего друга Д. В. Философова). См.: *Pachmuss Temira, Hippius Z.* An Intellectual Profile. London; Amsterdam, 1971; и ее же статью «З. Н. Гиппиус в эмиграции — по ее письмам» в вышеупомянутом сборнике под редакцией Полторацкого. Дневник, о котором пишет Готье, был опубликован в № 1—2 и 3—4 «Русской мысли» за 1921 г. Новейшее (более полное) издание: *Гиппиус Зинаида.* Петербургские дневники (1914—1919). Нью-Йорк, 1990. Дневник содержит много ценных сведений, особенно за 1917 г.

[80] Воспоминания князя Е. Н. Трубецкого печатались в нескольких номерах «Русской мысли» за 1921 г. и отдельной книгой: Воспоминания. София, 1921. Другое собрание воспоминаний вышло в том же году в Вене под заголовком «Из прошлого».

Крейман Франц Иванович (?—?) — основатель и директор частной гимназии в Москве (Пименовский пер., д. 5 — к северу от центра города, за Садовым кольцом), в которой учился Готье.

[81] Вероятно, химик А. Н. Реформатский (см. выше примеч. 13 за 1920 г.), в описываемое время преуспевший в стремлении завоевать доверие большевистского «президиума» университета.

[82] 26 августа в записке Сталину (с просьбой показать ее членам Политбюро) Ленин писал: «...некий Рунов, свой человек, рассказал [Рыкову, на которого Ленин ссылается] о собрании, на котором Прокопович держал противоправительственные речи... прикрывался он Комитетом помощи голодающим. ...Предлагаю: сегодня же... постановлением ВЦИКа распустить «Кукиш» — мотив: их отказ от работы, их резолюция [о необходимости посылки делегации за границу]. Назначить для приема денег и ликвидации одного вечекиста. Прокоповича сегодня же арестовать... и продержать месяца три... Остальных членов «Кукиша» тотчас же, сегодня же выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без желез-

ных дорог, под надзор. ...Игре (с огнем) будет положен конец. Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого «правительственного сообщения»: распущен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать «Кукишей». Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. ...Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев. ...Советую сегодня же это покончить в Политбюро. Иностранцы начнут приезжать, надо «очистить» Москву от «Кукишей»...» (ПСС, т. 53, с. 141—142). Упоминая о приезде иностранцев, Ленин, вероятно, имел в виду приезд сотрудников АРА и Международного Красного Креста и не хотел согласования их работы с работой общественного комитета. 27 августа Политбюро (!) приняло решение об аресте членов Всероссийского общественного комитета помощи голодающим «ввиду их контрреволюционной деятельности». В тот же день члены комитета, собравшиеся на заседание, были арестованы отрядом чекистов во главе с Т. П. Самсоновым.

СЕНТЯБРЬ

83 31 августа в «Правде» появилось сообщение о расстреле (за неделю до того) 61 участника «заговора Таганцева» или «Петроградской боевой организации». Согласно версии ВЧК (см.: *Голинков Д. Л.* Крушение антисоветского подполья в СССР. Т. 2. М., 1980), это была многочисленная разветвленная организация (было арестовано более 200 человек), возникшая в 1920 г. и готовившая вооруженное восстание с целью свержения советской власти. Кроме географа, профессор Петроградского университета В. Н. Таганцева (сына знаменитого юриста, сенатора, почетного члена Академии наук Н. С. Таганцева), из «профессорской группы» в числе расстрелянных были проректор университета, выдающийся юрист Н. И. Лазаревский, автор одного из лучших курсов русского государственного права (которому вменялось в вину составление проекта реформы местного самоуправления на случай падения большевистской власти) и крупнейший специалист по химии нефти М. М. Тихвинский (в 1905 г. руководивший изготовлением бомб для большевистской боевой организации). В числе расстрелянных из «офицерской группы» был Н. С. Гумилев. Насколько можно судить (открытого суда не было, архивные документы до сих пор в большинстве недоступны), «дело» это, по крайней мере в значительной степени, было фальсификацией. (См.: Звенья. 1). В «раскрытии» его активную роль сыграл вышеупомянутый чекист Самсонов (1888—1956).

84 Сообщение о «роспуске» Всероссийского общественного комитета помощи голодающим было напечатано в газетах 30 августа.

85 *Андреев Л.* Дневник Сатаны. Гельсингфорс, 1921.

86 См. выше ленинское указание «травить».

87 В числе членов и кандидатов ВЦИК за все время его существования (1917—1921) А. П. Минкина как будто не было.

[88] Некоторые из арестованных членов комитета были высланы из Москвы, остальные вскоре выпущены.

[89] Очевидно, на заседании 27 августа, о котором говорится в записи, помеченной этим числом. В 1921—1922 Шмидт был членом коллегии Наркомфина.

ПЕСТОВО, ИЮНЬ—СЕНТЯБРЬ 1921г.

[90] *Брешковская Катерина.* Три анархиста: П. А. Кропоткин, Мост и Луиза Мишель // Современные записки. 1921. № 4. Современные записки. Ежемесячный литературный и общественно-политический журнал (Париж, 1920—1940) — лучший «толстый» журнал русского Зарубежья того времени. Хотя в редакционной коллегии были только эсеры (Н. Д. Авксентьев, И. И. Бунаков-Фондаминский, М. В. Вишняк, А. И. Гуковский и В. В. Руднев), она придерживалась политики «выдержки и терпимости», и журнал был органом всего левого крыла эмиграции, включая левых кадет. См.: *Вишняк М.* Современные записки: Воспоминания редактора. Блоомингтон, Инд., 1957.

Брешко-Брешковская Екатерина Константиновна (1844—1934) — профессиональная революционерка, старейший член ПСР; в 1917 г. занимала в партии наиболее правую оборонческую позицию, всецело поддерживала Керенского и решительно выступала против Чернова, обвиняя его в германофильстве. В 1918 г. входила в Комитет членов Учредительного собрания, в 1919 г. эмигрировала. *Most Johann Joseph* (1846—1906) — немецкий анархист, по профессии переплетчик. Жил в разных странах Европы и в США, везде попадал под суд за пропаганду насилия, что он делал в самой грубой и неприкрытой форме. После убийства Александра II Мост, живший тогда в Лондоне, печатно выразил радость по поводу мучений жертвы и надежду, что такая же участь постигнет еще какого-нибудь императора; за умышленное подстрекательство к убийству был английским судом приговорен к полутора годам каторги. *Michel Clémence Louise* (1830—1905) — французская анархистка, по профессии учительница. Активная участница Парижской коммуны, была приговорена к пожизненной ссылке, освободилась по общей амнистии 1880 г. Продолжала с прежним рвением анархистскую пропаганду и агитацию (главным образом среди женщин), восхваляла жестокость коммунаров и политические убийства.

[91] *Шпажинский Ипполит Васильевич* (1848—1917) — драматург, получил военное образование и был офицером, затем вольнослушателем прошел полный курс юридического факультета Московского университета. «В старые годы» (1889 г.) — пьеса о дореформенном быте, пользовалась большим успехом.

[92] Актеры московского Малого театра К. Н. Рыбаков (1856—1916), М. Н. Ермолова (1853—1928), Е. К. Лешковская (1864—1925), В. А. Макшеев (1843—1901), О. А. Правдин (1849—1921). Правдин после Февральской революции был комиссаром театра, а с 1918 г. входил в состав его дирекции.

[93] *Милюков П. Н.* История второй русской революции. Т. 1 (в трех частях). София, 1921. Второй русской революцией Милюков, как и большинство современников, называл все события 1917 года. Работу над книгой, в известной мере основанной на его личных воспоминаниях как участника многих важных событий и заинтересованного наблюдателя, он начал в 1918 г. в Киеве.

[94] См. приложение 21.

[95] В соответствии с новой экономической политикой СНК 9 июля принял декрет «Об оплате за перевозки по железным дорогам и водным путям».

[96] *Мураново* — село в 4 км. к северо-западу от пл. Ашукинская (49 км от Москвы по Ярославскому направлению), в котором находится усадьба, с 1836 г. принадлежавшая поэту Е. А. Баратынскому (1800—1844), а впоследствии И. Ф. Тютчеву, дальнему родственнику Баратынского, сыну поэта Ф. И. Тютчева, собравшему здесь бумаги, книги и другие вещи отца. И. С. Аксаков (1823—1886) был женат на сестре И. Ф. Тютчева и часто бывал в имении. Николай Иванович (1876—1949) и Федор Иванович Тютчевы — внуки поэта, которым усадьба принадлежала до 1919 г., когда она была преобразована в музей, с 1920 г. открытый для посетителей. Николай Иванович был хранителем музея.

[97] *Кузьминский Константин Станиславович* (1875—1940) — искусствовед и историк; член Государственной академии художественных наук — учреждения, целью которого (подобно РАНИОН) было привлечь интеллигенцию к сотрудничеству с новой властью.

[98] См. приложение 22.

[99] Д. Н. Егоров, сменивший Готье на дежурстве в библиотеке Румянцевского музея, с 1919 г. ведал там отделом всеобщей истории.

[100] «По некоторым сведениям, Прокоповича, Кускову и Кишкина от смерти спасло лишь заступничество Ф. Нансена, поставившего условием помощи голодающим сохранение жизни основателям ВОКПГ» (*Гулеев Р.* Предисловие к вышеупомянутым воспоминаниям Ю Н. Максимова о комитете — см. примеч. 72 за август 1921).

ОКТЯБРЬ

[101] *Протасов Николай Дмитриевич* (1886—?) — археолог и искусствовед, библиотекарь; в прошлом сотрудничал в журнале «Богословский вестник»; в описываемое время член Государственной академии истории материальной культуры.

[102] 2 сентября вышел декрет СНК «О высших учебных заведениях РСФСР (Положение)», проведение которого в жизнь в Петроградском университете «проходило в сложной и острой борьбе, вследствие чего самый процесс перестройки органов управления университета на основе нового устава надолго затянулся» (История Ленинградского университета 1819—1969. Л., 1969. С. 232). В Московском университете аналогичная ломка была произведена НКП (в качестве временной меры до принятия нового Положения) еще в но-

ябре 1920 г. Кроме того, в Петроградском университете осенью 1921 г. был еще раз реорганизован факультет общественных наук (во исполнение декрета СНК от 4 марта «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов»); в частности, были ликвидированы философское, историческое и филологическое отделения.

103 В Петроградском университете не было выплачено содержание с июля по сентябрь 1921 г..

104 Государственный банк (существовавший с 1860 г.), с которым в декабре 1917 г. были слиты все конфискованные частные и кооперативные банки, был весной 1918 переименован в Народный банк, а 19 января 1920 г. декретом СНК «Об упразднении Народного банка» ликвидирован за ненадобностью, так как властями проводилась политика натурализации хозяйства и уничтожения кредита. С переходом к новой экономической политике вновь учрежден декретом СНК от 4 октября 1921 г.. Постановление ВЦИК «Об учреждении Государственного банка» (принятое 7 октября) было опубликовано 12 октября. На той же сессии ВЦИК был утвержден порядок составления росписи доходов и расходов на 1922 г. Возможно, тогда же были узаконены частные подряды. О возможности таких подрядов говорилось в декрете СНК от 13 октября «О мерах к развитию торгового судоходства и судостроения на началах хозяйственного расчета».

105 Сборник «Смена вех» вышел в Праге в июле 1921 г.; 2-е издание было выпущено в 1922 г. одновременно в Берлине и Воронеже.

Ключников Юрий Вениаминович (1886—1938?) — юрист, специалист по международному публичному (а не по гражданскому) праву, приват-доцент Московского университета; член КДП, сотрудничал в демократической газете «Русское слово». Весной 1918 г. член редакции еженедельника молодых кадет «Накануне». В июле 1918 г. участвовал в антибольшевистском восстании в Ярославле, затем был товарищ министра и министром иностранных дел в правительстве П. В. Вологодского в Уфе (при Директории) и Омске (при адмирале Колчаке). В 1919 г. выехал в Париж (с намерением участвовать в Версальской мирной конференции), входил там в кадетский ЦК; с конца 1921 г. в Берлине. В 1921 г. возглавил сменовеховское движение среди эмигрантов в Западной Европе, был инициатором издания сборника «Смена вех» (и придумал его название), еженедельника под тем же названием (Париж, 1921—1922) и ежедневной газеты «Накануне» (Берлин, 1922—1924), их редактором или соредактором. В 1922 г., еще будучи эмигрантом, по инициативе Ленина, обратившего внимание на его статью в парижской «Смене вех» о предстоящей Генуэзской конференции, был причислен к советской делегации в качестве эксперта (что он считал первым практическим шагом сменовеховства). В августе 1923 г. вернулся в СССР, был зав. кабинетом международной политики Коммунистической академии, советником НКИД, сотрудничал в журнале «Международная жизнь», издавал сборники дипломатических документов. Погиб во время ежовщины.

Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (1875—1958) — извест-

ный петербургский присяжный поверенный, политик и публицист, член партии правового порядка, затем Союза 17 октября (в который в 1906 г. влилась значительная часть распавшейся ППП), был членом его ЦК и товарищ председателя. Сотрудничал в либеральных газетах «Голос правды» (СПб, 1905—1910) и «Голос Москвы» (1906—1915; главный орган октябристов, выходивший под редакцией А. И. Гучкова). В начале 1918 был защитником В. М. Пуришкевича. Во время гражданской войны — на Юге с Добровольческой армией, потом в эмиграции в Париже и Берлине. В 1921—1923 видный сменовеховец, участвовал в изданиях Ключникова; в сборнике шел, пожалуй, дальше других авторов (по крайней мере, более явно) в отказе от идеи правового государства, апологии большевизма и восхвалении советской власти. В 1923 г. вернулся в СССР, занимался адвокатской практикой.

Лукьянов Сергей Сергеевич (?—?) — петербургский журналист, сын известного профессора-патолога С. М. Лукьянова (впоследствии товарища министра народного просвещения, члена Государственного совета, обер-прокурора Святейшего синода); одно время состоял в КДП. С 1920 г. в эмиграции в Париже и Берлине, ближайший сотрудник изданий Ключникова. В 1924 вернулся в Париж; вступил во Французскую коммунистическую партию, был корреспондентом ТАСС. В 1930 г. (или 1931?) выслан из Франции, вернулся в СССР; с 1934 г. первый редактор еженедельной газеты близкой к НКИД. Погиб во время ежовщины (по некоторым сведениям, в Ухто-Печерском лагере). «В Каноссу!» — так озаглавил свою статью в сборнике «Смена вех» физиолог (ученик И. П. Павлова) С. С. Чахотин (?—?), который оставался в эмиграции до конца 40-х гг., а в 1972 г. все еще был жив и работал в Институте биофизики под Москвой (в Пущине?).

106 *Гредескул Николай Андреевич* (1864—?) — юрист, политический деятель и публицист. Был профессором гражданского права и деканом юридического факультета Харьковского университета. Автор ряда работ по общим вопросам права и брошюры «Марксизм и идеализм» (Харьков, 1905 г.), в которых критиковал марксизм и отстаивал идеализм. В 1905 г. редакции харьковской газеты «Мир» «противоправительственного» направления, за что она была закрыта, а Гредескул арестован и сослан. Один из основателей КДП, с апреля 1906 г. член ее ЦК (до 1916, когда вышел из партии), сторонник Милюкова. Товарищ председателя 1-й Государственной думы, участвовал в выработке Выборгского воззвания. Затем профессор СПб. политехнического института, сотрудник газеты «Речь», журнала «Русская мысль» и др. либеральных изданий. Участник «антивеховского» сб. «Интеллигенция в России» (СПб., 1910). В 1917 г. сотрудник газеты «Русская воля», выступавшей против большевиков. Однако уже в 1920 г. выступил за признание советской власти, а в апреле 1921 г. вошел в Группу красной профессуры (распущенную летом того же года, так как не сумела привлечь достаточно сторонников), которая в своей декларации утверждала, что новая власть «впервые в истории создает условия для свободного развития науки»

и что преподавание социально-экономических дисциплин должно строиться в духе исторического материализма (вероятно, именно это заявление побудило Готье назвать Гредескула купленным). См. его записки: Россия прежде и теперь. М.; Л., 1926.

107 *Розенберг Владимир Александрович* (1860—1931) — публицист, историк русской печати; работал в редакции газеты «Русские ведомости» (в 1912 г. редактор). Вскоре эмигрировал, умер в Праге. См. его: Из истории русской печати: организация общественного мнения в России и независимая беспартийная газета «Русские ведомости» 1863—1918. Прага, 1924.

108 В. П. Волгин был членом Президиума, временного органа управления университетом, образованного в ноябре 1920 г. В декабре 1921, после очередного преобразования (в соответствии с вышеупомянутым декретом от 2 сентября), был назначен ректором университета. В 1911—1914 гг. он работал в «Русских ведомостях», писал статьи о странах Западной Европы, Азии и о США, а также рецензии на книги по всеобщей истории.

109 Имеется в виду доклад Ленина «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» на 2-м всероссийском съезде политпросветов 17 октября, печатавшийся по частям в «Известиях» 19, 21 и 22 октября.

110 *Карл* (1887—1922) — в 1916—1918 король Венгрии *Карой (Károly) IV* (как император Австрии Карл I). После отречения жил в эмиграции. В 1921 г. дважды пытался свергнуть регента адмирала М. Хорти и вернуться на престол (Венгрия официально оставалась монархией). Потерпев неудачу при первой попытке (в марте), 21 октября опять прибыл в Венгрию (в г. Шопрон близ австрийской границы) и с наспех набранным отрядом двинулся на Будапешт. Был взят в плен правительственными войсками и сослан на о. Мадейру, где вскоре умер.

111 В описываемое время среди монархистов в эмиграции не было единодушия в вопросе о том, кого считать наследником российского престола. Легитимисты, следуя акту о престолонаследии от 5 апреля 1797 г., законным наследником считали двоюродного брата Николая II великого князя Кирилла Владимировича (1876—1938), отец которого был следующим за Александром III сыном Александра II. В августе 1924 г. (придя, наконец, к убеждению, что Николай II, царевич Алексей и великий князь Михаил Александрович действительно погибли) Кирилл Владимирович объявил себя императором. Легитимистам противостояли поклонники бывшего Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича (1856—1929), сына одного из младших братьев Александра II. «Николаисты» считали, что Кирилл Вл. не достоин престола (будучи командиром гвардейского морского экипажа, он в момент Февральской революции перешел со своим экипажем на сторону Временного комитета Государственной думы). Сам Николай Николаевич не только не претендовал на престол, но придерживался позиции «непредрешенчества», считая, что вопрос о форме правления должен решаться после падения большевистской власти. Великий князь Владимир Кириллович

(род. 1917), приезжавший в Санкт-Петербург в начале ноября 1991 г. на празднование возвращения городу его исконного имени, — сын Кирилла Владимировича.

112 *Келлер Михаил Павлович* (1883—?) — граф, по образованию юрист (окончил университетский курс Катковского лицея), известный библиофил, имевший репутацию «одного из культурнейших любителей книги в России», обладатель замечательной библиотеки (наиболее ценную часть которой ему удалось вывезти). С октября 1920 г. товарищ председателя созданного тогда Русского общества друзей книги. В мае 1921 г. поступил на работу в Румянцевский музей (раньше, будучи состоятельным человеком, нигде не служил). Готье говорит о проводах его в Латвию, куда он выезжал, воспользовавшись правом оптации; графы Келлеры были швейцарско-прусского, а не остзейского, происхождения, но они были записаны в родословную книгу Витебской губ., а северо-западные уезды этой губернии (Латгалия) вошли в состав независимой Латвии. По-видимому, латвийское гражданство было средством выехать за границу; в 1922—1923 Келлер жил в Дрездене, сотрудничал в московском журнале «Среди коллекционеров».

113 Эта мысль была приведена в исполнение; в 20-е и 30-е годы продажа музейных ценностей за границу приобрела широкие размеры.

114 29 октября в «Известиях» под заглавием «Декларация о признании долгов» было напечатано заявление, которое накануне народный комиссар по иностранным делам Чичерин направил правительствам великих держав. «Российское правительство... заявляет, говорилось в нем, что предложение признать на известных условиях старые долги идет в настоящее время навстречу его собственным намерениям. ...Советская республика может принять на себя эти обязательства лишь в том случае, если великие державы заключат с ней окончательный всеобщий мир и если ее правительство будет признано другими державами». Кроме того, возможное признание долгов ограничивалось займами, полученными до 1914 г. История этого заявления такова. 6—8 октября в Брюсселе состоялась международная конференция по вопросу о помощи голодающим в России. В решении конференции указывалось, на каких условиях возможно оказание помощи, в частности, рекомендовалось предоставлять кредиты только при условии «признания русским правительством существующих долгов». 15 октября Чичерин докладывал Ленину, не ссылаясь на решение конференции, что роспуск Всероссийского общественного комитета помощи голодающим и другие шаги советского правительства ухудшили международное положение РСФСР, и предлагал ряд мер к его улучшению, в том числе заявление о признании долгов. Ленин ответил, что не согласен, а 18 октября подтвердил свое несогласие в письме членам Политбюро. Вопрос обсуждался на заседании Политбюро 20 октября, когда, по-видимому, было решено воспользоваться постановлением Брюссельской конференции для очередной попытки добиться признания советского правительства. Представленный Чичериным проект заявления с поправками Ленина

(который настаивал на одновременном рассмотрении взаимных претензий) был принят на заседании Политбюро 27 октября, причем Чичерину было поручено опубликовать его за своей подписью.

115 *Ушаков Дмитрий Николаевич* (1873—1942) — выдающийся лингвист, с 1939 г. член-корр. АН. В описываемое время профессор литературного отделения факультета общественных наук Московского университета, председатель (1915—1931) Московской диалектологической комиссии. Широкую известность приобрел в 1915 г. изданием (в соавторстве) первой карты русских диалектов, а в 1935—1940 — Толкового словаря русского языка. О дружбе с Ушаковым в бытность их однокурсниками на историко-филологическом факультете Московского университета Готье рассказывает в вышеупомянутых воспоминаниях о студенческих годах. В 1921 г. отмечалось, по всей вероятности, 25-летие научной и преподавательской деятельности Ушакова.

116 Отделы НКП: Музыкальный, Изобразительных искусств, Литературный; Московский отдел народного образования. Слова автора об их уничтожении нельзя понимать буквально (см. вышеупомянутое исследование Fitzpatrick).

117 Не ясно, о каком издании идет речь. Первый том русского издания (*Граф С. Ю. Витте.* Воспоминания. Т. 1. Царствование Николая II. Берлин, 1922) помечен 1922 г., но вышел, по всей вероятности, в октябре 1921 г. (объявление о его выходе появилось в берлинской газете Руль 30 октября) и мог быть получен в библиотеке Румянцевского музея вскоре после выхода. Но выражение «Закончил чтение мемуаров Витте» можно понять как прочтение всего труда. В таком случае не исключена возможность, что Готье прочитал однотомное английское издание (*The Memoirs of Count Witte.* Translated from the Original Russian Manuscript and Edited by Abraham Yarmolinsky. London, 1921), вышедшее за несколько месяцев до берлинского. Однако это маловероятно, так как Готье, наверное, упомянул бы, что читал перевод. См. также: *Ананьич Б. В. и Ганелин Р. Ш.* Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР: Сборник статей. М., 1963.

118 Об этом эпизоде см. труд С. С. Ольденбурга и комментарии редактора английского перевода: *Oldengurg S. S.* The Last Tsar: Nicholas II, His Reign & His Russia. Volume 2, Edited by Patrick J. Rollins. Gulf Breeze, Fl., 1977.

НОЯБРЬ

119 Сомневаться в том, что авторы сборника писали искренне, оснований нет. Но следует иметь в виду, что сменовеховские издания за границей (по крайней мере, некоторые, например, берлинская газета «Накануне») субсидировались советскими властями. О взаимоотношениях между берлинскими сменовеховцами и советским полпредством некоторое представление дают вышеупомянутые воспоминания Гуля.

[120] Запись Готье — ценное свидетельство о том, как в момент появления сборника воспринимались его основные идеи. Ясно видна двойственность восприятия самим Готье — удовлетворение положительной оценкой культурной работы интеллигенции в России и резкое неприятие романтизирования революции, мессианских упований и веры в здравый государственный смысл русского народа («трогательной наивности русской интеллигенции»). Подобная двойственность восприятия в среде национально-государственно мыслящей интеллигенции, судя по всему, сыграла большую роль в судьбе сменовеховского движения. Вызывает некоторое удивление, что Готье не упоминает Устрялова, автора важнейшей статьи сборника, которого он мог знать лично, хотя бы и мельком.

Устрялов Николай Васильевич (1890—1938?) — юрист, политический деятель и публицист, был главным теоретиком национал-большевизма и идеологом сменовеховского движения. Окончил Московский университет, где, по всей вероятности, был учеником А. С. Алексеева и С. А. Котляревского; с 1916 г. приват-доцент там же, 1918 г. — в Пермском университете; 1920 г. первый декан, затем до 1934 г. профессор государственного права русского Юридического факультета в Харбине (а не Харбинского университета, как говорится в статье о нем в 3-м изд. БСЭ; такого университета не было; Юридический факультет был закрыт в 1938 г.; в открытом тогда же, отчасти на его базе, Северо-маньчжурском университете, юридического факультета не было). С 1917 г. видный деятель КДП; решительный противник Брестского мира как унизительного для России. В 1919 г. председатель Восточного бюро ЦК КДП в Омске, редактор официозной газеты «Русское дело», один из руководителей Русского бюро печати; сторонник «чистой диктатуры» адмирала Колчака, на которого оказывал некоторое влияние. Еще в 1916—1918 в журнале «Проблемы Великой России», газетах «Утро России» и «Заря России», еженедельнике «Накануне» начал высказывать мысли, легшие в основу теории национал-большевизма, которую развивал в 1920—1934. После продажи КВЖД (где было его основное место работы), как и многие другие русские служащие дороги, в 1935 г. уехал в СССР; по некоторым сведениям, преподавал в Москве; погиб во время ежовщины. См. его: В борьбе за Россию // Сборник статей. Харбин, 1920; перепеч.: Orange, Ct., 1987. Серьезное изучение сменовеховства и национал-большевизма только начинается — см.: *Агурский М.* Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; его же: У истоков национал-большевизма // Минувшее. Вып. 4. Париж, 1987; *Флейшман Л. и др.* Русский Берлин 1921—1923. Париж, 1983; и вышеназванную книгу Hilde Hardeman.

[121] То есть на Вашингтонскую международную конференцию (по ограничению морских вооружений, тихоокеанским и дальневосточным вопросам), которая открывалась 12 ноября 1921 г. В заявлении Чичерина от 28 октября выражалось недовольство тем, что советское правительство на нее не пригласили.

[122] *Томашевский Иван Леонтьевич* (Tomaszewski, Jan) (?—?) был в свое время также председателем Третьего московского уголовного суда.

[123-124] *Czernin Ottakar.* Im Weltkrieg (Berlin & Wien, 1919).

[125] *«Госзнаки»* — в ту пору официальное наименование бумажных денег, выпущенных советским правительством. Цель его — подчеркнуть отрицательное отношение коммунистов к деньгам (до перехода к Новой экономической политике).

[126] См. приложение 23.

[127] *Coolidge Archibald Cary* (1866—1928) — профессор истории и директор университетской библиотеки в Гарвардском университете. В 1890—1891 был и. о. секретаря миссии США в СПб. (так как в конце прошлого столетия Соединенные Штаты еще не считались великой державой, их дипломатическое представительство в СПб., как и российское в Вашингтоне, было в ранге миссии, а не посольства). В 1919 г. был причислен к делегации США на Версальской мирной конференции. В 1921 г. принял участие в деятельности Российского отряда Американской организации помощи, был во главе подразделения по связям с властями (в том числе по делам репатриации американцев) и с прессой. Сведения о Гольдере, бывшем ученике Куливджа, приведены во вступительной статье к публикации.

[128] Лихов переулок расположен у Садового кольца, к северу от Петровки.

[129] Институт красной профессуры был создан во исполнение декрета СНК от 11 февраля 1921 г. «Об учреждении Институтов по подготовке красной профессуры», которые должны были готовить для высшей школы преподавателей политической экономии, исторического материализма, «развития общественных формаций», новейшей истории и «советского строительства». Сначала был образован один институт (занятия в котором начались осенью 1921 г.), впоследствии разделенный на несколько. Организатором и директором института был Покровский. Хотя приниматься в слушатели должны были только члены РКП(б), командированные ЦК, республиканскими или губернскими комитетами, первое время принимали небольшое число беспартийных (в 1921 г. четверых из 93). Среди преподавателей тоже было беспартийное меньшинство, к которому принадлежал Савин. Тон записи Готье свидетельствует о том, что такого рода сотрудничество историков с коммунистами обращало на себя внимание и в среде историков не одобрялось. Если Готье был прав, говоря, что институт «сплошь» состоит из евреев, то это его наблюдение могло относиться только к составу слушателей; среди преподавателей евреи составляли меньшинство.

ДЕКАБРЬ

[130] В «общественно-педагогическое» было преобразовано историческое отделение при проведении в жизнь декрета СНК от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов». Московский и другие университеты вместо историков стали готовить преподавателей «обществоведения».

[131] Тут в смысле: совет отделения.

[132] *Коновалов Дмитрий Григорьевич* (1876—?) — историк религии. Окончил Московскую духовную академию, был там же доцентом по кафедре греческого языка и словесности. Изучал историю русского сектантства. Для лучшего понимания психики сектантов поступил на медицинский факультет Московского университета, занимался в нервной и психиатрической клиниках. Избранный в духовной академии на новую кафедру истории сектантства, не был утвержден Святейшим синодом. Магистерская диссертация его (Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве... Сергиев Посад, 1908), с большим успехом защищенная в академии, также не была утверждена Святейшим синодом. Позже был членом РАНИОН.

Тарасов Николай Григорьевич (1866—?) — историк и искусствовед. В начале 20-х гг. принимал участие в попытках найти марксистское истолкование истории искусств и теории общественных наук.

Никольский Владимир Капитонович (1894—1953) — историк; в 1916 г. окончил Московский университет и, вероятно, был оставлен при университете («наш»); с 1921 г. доцент. С этого же времени занялся историей первобытной культуры и вопросами происхождения религии, сначала в позитивистском, а затем в марксистском духе (как «историей доклассового общества»). Позже был членом Центрального совета Союза воинствующих безбожников и одним из его наиболее активных пропагандистов.

[133] *Костицын Владимир Александрович* (1883—?) — астрофизик, вероятно, ученик П. К. Штернберга; преподавал на физико-математическом факультете. С января 1906 г. входил в боевую организацию при Московском комитете РСДРП (большевистском); с того же года вместе со Штернбергом был членом военно-технического бюро при областном комитете РСДРП Центрально-промышленного района (тоже большевик), созданного для «объединения военно-боевой деятельности области и технического руководства по подготовке к вооруженному восстанию» (до 1908 г., когда оно было распущено?). В ноябре 1906 г. на конференции военных и боевых организаций в Таммерфорсе (*фин.* Tampere) в Финляндии вошел в состав Временного бюро военных и боевых организаций. Позднее активной роли в партийных делах, кажется, не играл.

Кубицкий Алексей Владимирович (1880—?) — философ, специалист по древнегреческой и идеалистической философии. В 1911 г., будучи приват-доцентом, покинул Московский университет; вернулся, вероятно, после Февральской революции. В 1934 г. выпустил первый полный русский перевод «Метафизики» Аристотеля с подробными комментариями. Готье, вероятно, ошибается, говоря о выборах «президиума» университета. Термин этот (введенный осенью 1920 г.), кажется, был по Положению 2 сентября 1921 г. заменен термином «правление». В декабре 1921 г. в правление университета попал Кубицкий.

[134] Знаменитые профессора-терапевты, предшественники Э. В. Готье. Последний считался представителем школы А. А. Остроумова (1844—1908), а Остроумов — школы Г. А. Захарьина (1829—1897).

[135] 9-й съезд Советов состоялся 23—28 декабря 1921 г.

[136] Рижский мирный договор предусматривал возвращение Польше всех военных трофеев, а также научных и культурных сокровищ, вывезенных с польской территории за время с 1772 г.

[137] *Мрочковский Стефан Иосифович* (1885—1967) — присяжный поверенный, большевик с 1905 г; в 1917 г. член Елизаветградского совета и ВРК; в 1919 г. попал в плен к деникинским войскам, бежал. В описываемое время (1921—1925) работал в ВСНХ.

[138] См. приложение 24.

[139] Об обстановке на верхах НКП в описываемое время см. книгу Fitzpatrick и Литературное наследство, т. 80.

1 [января]. Каковы ауспиции этого год? По-видимому, дальнейший сдвиг; трудная полоса голодовок. Будет ли этот год хуже или лучше прошлого?

(23 [декабря]) 5 [января]. Рождественские приготовления в нынешнем году шире и больше, чем в прошлых. Во-первых, больше денег; во-вторых, все можно купить, поэтому готовится елка и куплен гусь. Для польской экспертизы требовалось представить поручительство двух коммунистов. Сначала я вовсе не хотел этого делать и, во всяком случае, исключил возможность обращения к университетским и наркомпросским коммунистам. Наконец я обратился к двум наименее для меня неприемлемым лицам — Отто Шмидту и Н. Троцкой. Я думаю, что, делая так, я делаю подлость, но дело отстаивания русских архивов и музеев есть дело чистое, и ненависть к полякам, вызванная их безумной политикой относительно России, во мне столь же сильна, как ненависть к коммунистам.

(2) 15 [января]. Провел несколько дней в Пестове. Больше всего я там спал; остальное время сидел и читал, изредка выходя прогуляться по дороге перед домом. Это было наилучшим возможным отдыхом за Рождество. Я чувствую, что моя нервная усталость прошла, и сил стало много больше. Вернувшись, нашел дома все более или менее благополучным. На общем горизонте очень много смутного. Что-то меняется, что-то готовится. А деньги все летят вниз. Кружка молока — 25 000, хлеб — 11 000.

(4) 17 [января]. Министерство Poincaré знаменует палку в колесах РСФСР[1]. Учесть дальнейшее пока трудно. С большим удовольствием продолжаю читать английские и немецкие книги о войне: например, Kleinwächter Der Untergang der Österreichisch-ungarischen Monarchie [Падение Австро-Венгерской монархии (*нем.*)][2]. Накопляется большой запас знаний и впечатлений. Хлеб — 13 000.

(9) 22 [января]. 7-го свадьба Леночки Шамбинаго[3]. В музейской церкви. Фраки и дамские платья светлые. Затем чай и закуска дома. Было весело и в старом стиле. Все говорят о Генуэзской конференции. Я думаю, что все-таки она может

нам что-нибудь принести как дальнейший этап сдвига[4]. Цены растут, как никогда: хлеб — 20 000. Получил письмо от М. М. Черкасской из Харькова — une lettre navrante [удручающее письмо (*фр.*)]; прилагаю его здесь[5]: это блестящая иллюстрация большевицкого режима. Слышал рассказ от Вл. Гв. [?], что для того, чтобы добыть 2 вагона для отправки войск к Финляндской границе, дали взятку в 3 пуда муки. Дальше, кажется, идти некуда. Странное состояние. Бодрость не теряется, а между тем общее экономическое состояние делается все более и более невозможным. Сегодня заседание в «коминделе» по польским делам; тов. Мрочковский, типичный провинциальный присяжный поверенный; его помощник — кот из публичного дома; а в деле такая же бестолочь, как и везде.

(12) 25 [января]. Татьянин день. Обедня у Георгия на Красной Горке. Была и другая торжественная обедня у Б. Вознесения, так что университетский мир раскололся надвое. Об этом можно только пожалеть. День в обычных хлопотах. Обед у Татьяны Ал. Шамбинаго, где было немного выпито; потом — ранний вечер у Тани Дольник, откуда в 11 часов я отправился на профессорский вечер к А. А. Грушке. Были Любавский, Мензбир, Гулевич, Мартынов, Богоявленский, Северцов, Позднышев, Богословский, Ильин, Шамбинаго, Орлов и другие[6]. Говорили застольные речи до 3-х часов. Общая тема — возрождение России на монархических основаниях; общая характеристика: один из присутствующих — М. С. Фельдштейн[7] — отметил, что в довоенное время такие речи, какие произносились, были бы невозможны. Настроение было бодрое. Как слышно, Татьянин день вообще справлялся гораздо живее и энергичнее, нежели в прежние годы. В газетах и слухах — затишье. Хлеб дошел до 28 000.

(18) 31 [января]. Америка рассуждает с большевиками, как богатый барин с нищим пропоицей. Милостыню выкидывает, а за стол с собой не сажает. Большевики все более и более приближаются к последнему провалу, и все-таки, путем ли лжи и пускания в ход всех возможных средств, они стараются отдалить последние расчеты. Многие ждут, что они сдадутся еще до Генуэзской конференции, а я думаю, что они и там постараются ложью продлить свое существование. Как они привыкли ко лжи, показывает такой эпизод: в польской экспертизе, т. е. в так называемой российско-украинской делегации, большевики решили тянуть поляков за нос до марта месяца, затягивая их внимание сдачей ненужных ни тем, ни этим дел, и эту гнусную игру возлагают на ученых экспертов или, по крайней мере, на некоторых из них.

Очень интересно создавшееся финансовое положение: твердый бюджет уже треснул, денег не успевают печатать и потому оставляют без денег безответные ведомства, как, например, Просвещения. Скоро, вероятно, будут запрещать

платить менее известной суммы, но выплачивать менее этой суммы, так что придется волей-неволей распускать половину.

Цены держатся на прежнем уровне.

(22 [января]) 4 февраля. В среду, 1-го, заседание с поляками. Их нашло до 15 штук. Назойливые требования. Обидно, со старой русской точки зрения, выслушивать все то, что они говорят и требуют. И все-таки, смотря на это и слушая, я не мог отдать себе отчета в том, которая из двух сторон для меня антипатичнее, и, кажется, как это ни странно, поляки были мне менее противны. В тот же день в Университете было собрание профессоров, которое решило начать забастовку вследствие ужасного состояния как всего Университета, так и преподавателей[8]. Я не участвовал в этом собрании и вообще отношусь пассивно к этому странному и, по-моему, нелепому предприятию. Так как университет не нужен и фактически уже не существует, то большевикам все равно, бастуем ли мы или нет. Я думаю, что они или разнесут Университет и профессоров, как разнесли Комитет помощи голодающим, или грозно прикажут нам в трехдневный срок стать на работу, а потом уволят. Ну, пусть будет, что будет. Я забастовке не сочувствую, но ломать ее не буду.

Все дни состояние какой-то непроходимости, нас окружающей. Я более, чем когда-либо, уверен, что «они» близятся к своему концу, но я более, чем когда-либо, уверен, что их конец не будет началом возрождения России. Россия умерла надолго.

(24 [января]) 6 [февраля]. Пример глупой истории. На другой день по объявлении забастовки, утром, неизвестная дама является к Шамбинагам и заявляет, что у «Грушки сегодня ночью неблагополучно». Извещают нас; извещение идет далее; все настораживаются. Т. А. Шамбинаго, по обыкновению, выдумывает, что это из-за разговоров в Татьяну. На самом деле оказывается, что хотя обыск действительно был, но искали не Грушку, а какую-то Иванову.

Забастовка профессоров окончилась, слава Богу, благополучно. Делегация ходила к тов. Цюрупе, заместителю Ленина, который намылил голову Наркомпросу. Профессорам предложено избрать комитет, который пересмотрит бюджет Наркомпроса. Избраны Гулевич, Костицын, Стратонов, Д. Ф. Егоров и Сергиевский. Приказано возобновить выдачу академического пайка, прерванную по распоряжению Покровского. Таким образом, неожиданно для меня, профессора одержали победу[9]. Большевики не пошли на новый погром университета, и это надо считать и новостью, и успехом. Между тем они могли бы, если бы захотели, разделить, сменить и даже разгромить рыхлую среду профессоров. Завтра начинаются занятия.

Сегодня посетил ARA для переговоров о питании профессоров из Америки. Морозовский особняк на Спиридоновке[10], много жидов, владеющих и русским и английским языком. Долгое ожидание, потому что мои компаньоны — Северцов и Ясинский[11] — решили было обидеться. Оказывается, что жиденята даже не доложили о нас. Когда нужное лицо — американский немец (быть может, жид, но не наверное) Mr. Burland — вышел и узнал, кто мы, он тотчас же любезно нас принял. Оказывается, что американские университеты желают питать русских ученых; кампания поднята по инициативе уехавших в Америку русских ученых[12]. Я думаю, что из этого коечто выйдет.

Общее состояние без перемен. Чего-то продолжают ждать, и я думаю, что перемены должны последовать.

Из Симбирска Яковлев пишет, что там едят трупы и крыс.

(29 [января]) 11 [февраля]. За эти дни они упразднили ВЧК и ее отделения[13]. Я не преувеличиваю значения этого события, но и не преуменьшаю его. Люди там останутся те же, по крайней мере на первое время, но при смене их это будут уже не сверхведомственные диктаторы, а только чиновники ведомства внутренних дел. Самый круг ведомства сужен; вообще возможности несколько сужены. Подвинуло их на этот шаг не желание сделать что-то хорошее, а тот самый железный закон жизни, который вынудил уже уступки и заставит их сойти в прах. Других событий на горизонте пока не видно.

Не на что содержать высших учебных заведений [так в подлиннике], как это выясняется из занятий избранной профессорами комиссии, а в Наркомпросе все еще занимаются грюндерством: собираются учредить центральную библиотеку по народному просвещению. Неугомонный прохвост и дурак Чарнолуский подает проект, а дураки из Наркомпроса его поддерживают[14]. Бумага все терпит!

(31 [января]) 13 [февраля]. Последний раз был у Кулиджа: он уезжает в Америку. Очень жаль. Это интересный, симпатичный, высококультурный и сердечный американец. От него останется приятное воспоминание. Быть может, жизнь еще раз сведет нас; может быть — «ведь кузнечик скачет, а куда, не видит».

(8) 21 [февраля]. Общее направление все то же. Сумма слухов и разговоров за последние дни такова: большевики действительно собираются ехать в Геную с невообразимыми планами. Чичерин вызывал Вормса и предлагал ему сочинить проект, как перенести все золото из Америки в Цюрих и на него выпустить единую мировую валюту. Не разберешь, что это — нахальство без пределов или такая же глупость. В Наркомфине — полный хаос и беспорядок. Теперь сами тамошние большевики-жиды говорят «буржуазным экономистам», что те были правы, когда предсказывали им полное банкрот-

ство. Каносса перед иностранным капиталом неминуема. Мы только не знаем еще сроков и способов. Вести с мест голода так ужасны, что я сознательно стараюсь, закрыв глаза, не думать и не говорить об этом неслыханном бедствии. Может быть, это очень скверно, но я откровенно об этом заявляю.

(11) 24 [февраля]. Очень усиливаются случаи бандитизма в Москве; во всем остальном — situation inchangée.

(15) 28 [февраля]. Слухи о болезни Ленина[15]; досужие люди рассказывают, что будто бы он бредит, что его преследует Божья Матерь. Что он не совсем здоров, это, кажется, верно. Со всех сторон подтверждения содержанию записи от 8/21 о полном экономическом крахе и, главное, что это признают и сами крупные коммунисты. Но тянуть они будут, ибо терять им нечего. Кражи и грабежи все учащаются. В Москве говорят, что уменьшенная в своем составе ЧК дала большое число грабителей. Видел приезжего из Севастополя С. И. Лебедкина[16]: и там мрут от голода. Прилагаю печальное письмо И. Ф. Рыбакова[17] из Полтавы, где, видимо, также не сладко. Вчера у меня протекла крыша и залило за ночь всю комнату; таково состояние совдепских крыш.

4 [марта]. Раздаются призывы к войне. Это или бряцание оружием, или крик отчаяния. Я не думаю, чтоб война им могла удаться. В комиссии с поляками отношения обостряются. Поляки кричат, что их обижают, и сами грабят Россию.

Большевики взывают к патриотизму русских ученых. Получается смешная картина. Но к полякам я начинаю чувствовать определенную ненависть.

7 [или 8 марта]. Похороны М. М. Рындина продолжались шесть дней, т.к. только на второй день после его смерти мы добились разрешения похоронить его в Новодевичьем монастыре. Ордер на погребение был получен за пару калош из Главрезины. Вынос был только в воскресенье (он умер в четверг, 2-го) 5-го, отпевание — 6-го, а так как могила не была готова, то погребение его только сегодня. Похороны Ниночки в ноябре 1919 стоили 30 000; похороны дяди Эдуарда в декабре 1921 — 5 000 000; похороны М. М. в марте 1922 — 33 000 000. Хлеб стоит 60 000 фунт.

Общее положение и мое отношение к нему — без перемен.

11 [марта]. Билет в Петроград стоит два с половиной миллиона, и цифра эта не поражает. Никогда за всю Совдепию не было такого падения денег, как в последнее время. Вчера был в годичном заседании Археологического Общества; вспоминалось старое. От графини есть известие — она живет в Банате, в г. Белой Церкви[18]. Сегодня был в заседании Кубу и толковали о классификации на 5 категорий; кажется, решили, что все это ерунда, как оно и есть в действительности.

15 [марта]. Два последних дня некоторое оживление в газетах и слухи. Мое впечатление, что «они» крепко боятся Генуэзской конференции и в то же время стараются бряцанием оружия запугать и всех жителей РСФСР, и всю Западную Европу. Я думаю, что первые отупели, а вторые смеются.

17 [марта]. Я никогда не был так убежден в феноменальной общественно-политической глупости русского народа. Это — талантливые дураки.

Прогноз на сегодняшний день: Генуэзская конференция может не иметь успеха — обе стороны упрутся и выльют свою взаимную неприемлемость[19]. Тогда может наступить момент, который, по-видимому, предвидят наиболее упорные коммунисты: война, так как лучше для их идей — пасть в борьбе, нежели сдать свои позиции без боя. Если война с той стороны будет ведена не бандами и не одним Врангелем, то вопрос должен решиться скоро, ибо, кроме 20—30 000 бандитов, нафанатизованных дураков и курсантов-коммунистов, они ни на кого положиться не могут. Противной стороне достаточно занять линию Петроград—Москва—Харьков—Ростов, чтобы все было покончено, ибо в Поволжье они удержаться не могут: там они рискуют просто быть съеденными[20].

23 [марта]. Неделя усиленных занятий. Совсем нет времени заняться своим делом. Много работы повсюду, даже по польской комиссии. Странная фигура — Мрочковский — большевик, коммунист, а вместе с тем, несомненно, добрый и симпатичный человек, хотя и с психологией провинциального присяжного поверенного.

На общем горизонте опять заминка. Большевики не хотят более уступать, а Генуэзская конференция, видимо, не клеится. Они пользуются этим и бряцают оружием.

Хлеб — 100 000 рублей; все остальное в соответствии. Говорят, что финансовые органы уже не в состоянии выдерживать соответствие по курсу золотого рубля и что с апреля этот курс будет оставлен.

27 [марта]. Вопрос о церковных ценностях обостряется. Аресты духовенства в Москве[21]. Демонстрация в Петербурге. В «Известиях» interview, или якобы interview, с патриархом[22], слова которого умны, последовательны и даже смелы. «Цари брали, но давали, а теперешняя власть обирает». Сегодня день радостей и разочарований. Назе промариновал мои деньги и оставил их в русских кредитках! Зато получили посылку АРА. О деньгах я не тужу. Быть может, наскребем. Сердечное письмо от дяди Эмиля. Уезжают на Генуэзскую конференцию, но говорят, что ни один человек из приличных не поехал с ними в экспертах. Сегодня был у нас генерал Зайончковский. Очень интересный человек.

28 [марта]. Внезапная перемена в поездке в Петроград:

вместо послезавтра приходится ехать завтра. У большевиков всегда так, даже в мелочах нет ничего устойчивого.

Глупая речь Ленина в съезде коммунистов[23]. Я не понимаю, как этого пошлого нахала многие до сих пор считают за умного человека. В Геную, как он говорит, они едут на состязание, торговаться.

И. А. Ильин просит быть его третейским судьей: письмо его прилагаю[24], так же как письма Эммы и дяди Эмиля[25].

30 марта — 4 апреля. Поездка в Петроград по делам польской делегации и Академии Материальной Культуры. Поездка очень удачная; благодаря тому, что командировка была из Комиссариата Иностранных Дел, я ехал в дипломатическом вагоне туда и в wagon-lit оттуда. Там, как всегда, чудесный прием; видел много людей, метался по Императорской Публичной библиотеке, по Архивам, по Эрмитажу. Пришлось, за болезнью А. А. Васильева, даже председательствовать в совете Академии Истории Материальной Культуры. Как всегда, радушный прием у Платоновых и у других петроградцев, которые меня привечают с традиционным московским гостеприимством. Интересно еще раз отметить, что там живут без слухов, какими питаемся мы. В последний день обедал у Пивато, который открылся вновь[26].

Немцы вошли в соглашение с большевиками[27]. Со стороны немцев это — последовательные шаги для гибели России; для большевиков это — попытка выскочить из дыры. Все это полезно знать нашим германофилам.

Путешествие происходило с Мрочковским. Il gagne beaucoup à le connaître [Он много выигрывает, когда его узнаешь (*фр.*)]. Милый и мягкий человек. Qu'est-il allé faère dans cette galire? [Что повело его на эту каторгу? (*фр.*)]

(27 [марта]) 9 [апреля]. Москва переживает ограбление церквей. Есть эксцессы, есть попытки противостоять. Советская власть, как всегда, жестока и глупа. В общем, происходит некоторое дальнейшее накопление ненависти; церковь от гонения поднимается выше, а власть ограбит последний общественный фонд драгоценностей. Все это, с моей точки зрения, к лучшему.

Перед конференцией все замолкло. Все гадают о том, что будет. Большевики пока как будто приостановились в дальнейших уступках. Возможно, что причина — ожидание того, что произойдет в Генуе, куда они поехали с кучей нелепых контрпредложений. Из слухов, которые все-таки циркулируют, интересно отметить настойчивые известия о восстании в Туркестане, где большевики пожинают плоды своей политики. Очень жаль, что в результате все русские там могут быть вырезаны[28].

Москва никогда не была так грязна, как сейчас, благодаря медленной и нудной весне.

Хлеб 120 000; все остальное в соответствии; золотые — 12 000 [sic!].

Сегодня я покончил со всеми моими службами, и завтра мы все едем на десять дней в Пестово.

28/10—7/20 апреля проводил в Пестове. Приехали почти по зиме. Сырая погода, много снега, туман; ночью морозит. Уезжаем полным летом. Солнце, днем градусов до 25; ночью 7-8 тепла; обедаем на балконе, гуляем не только без пальто, но сегодня даже в одной рубашке. На наших глазах тают последние снега, выползают сонные лягушки, поют жаворонки, летают бабочки. Пока были большие ручьи, я занимался вместе с Володькой разными гидравлическими сооружениями; теперь «целый день я на солнце сижу» и греюсь как добрый старый кот. Спится хорошо; на душе спокойно, так как на все наплевать, пока здесь. Набираются силы на весенний сезон.

Главная прелесть в том, что 10 дней проводятся в полной изоляции от «общих условий». Как будто большевиков и нет вовсе, как будто нет и никакой Генуэзской конференции. Все куда-то на время отмерло. Желание только одно — уйти куда-то подальше от всего; уехать далеко-далеко на берег моря, на юг, где тепло и солнце — не преходящая радость, как в этой глупой стране и ее глупом климате, а постоянное благодеяние природы. К черту бы всякую политику, всякую трепку, которая опять ждет в Москве. Все то, что мы здесь получили, дает силу на дальнейшую борьбу и деятельность, и многие, и по праву, нам могут завидовать.

(11) 24 [апреля]. По приезде в Москву погружение в разговоры о Генуэзской конференции. Заключение русско-немецкого соглашения повергло одних в ужас, других в радость. О том, что в действительности происходит в Генуе, не знает никто, ибо нельзя же верить тому, что они пишут в своих газетах. Тем не менее врут, повторяют, толкуют без конца. Лично я senza sperare vivo in disio [без надежды живу в мечтах (*ит.*)] — жду, что будет и как это отзовется на нашей судьбе.

1 [мая]. Я опять не записывал целую неделю. Это произошло оттого, что четыре вечера подряд шли ученые заседания; из них два были употреблены на разбор книги Виппера об Иване Грозном[29]. Книга интересная, хотя с изъянами. Но еще более интересен ее автор — человек, несомненно, одаренный, но истеричная баба на религиозной или антирелигиозной почве, что в данном случае одно и то же. После 30-летней деятельности по насаждению в России социализма он стал патриотом самого консервативного типа и старается, очевидно,

наверстать погубленное, ибо, как сам он сказал, ему жалко прежней России, к гибели которой он свою руку приложил.

Два вечера ушли на строительные заседания, так как в Румянцевском Музее нет более полок для книг, и мы собрались строить новое книгохранилище. Это, несомненно, безумие, но надо довести дело до конца, чтобы снять с себя всякую ответственность. Характерно, что на работы ассигновано 75 миллиардов, а нужно, оказывается, — 250. Ассигнует ли их Наркомпрос? Едва ли. Но доведение этого дела до конца, по-моему, правильно. Кроме того, я был занят третейским судом между Н. Н. Полянским[30] и Ильиным — делом, которое могло возникнуть только на нашей развихлянной почве.

Общее положение таково: им в Генуе представлен ультиматум. Ответ еще не опубликован. Если дело сорвется, то они будут отыгрываться на соглашении с Германией. Я не жду от него больших результатов, но и малые скажутся не скоро. Если они согласятся, то они далее будут обманывать своих противников, и дело потребует новых попыток решения, которые сейчас предусмотреть нельзя. Сегодня они устроили по случаю первого мая большую демонстрацию с красной присягой для армии. Погода прекрасная; я сижу дома до самого вечера и вижу, как какие-то оголтелые молодые люди с тупыми лицами и красными флагами, отирая пот от жары, изредка проходят небольшими отрядами. Однако в городе было, а может быть и есть, несомненное оживление. Демонстрации стараются придать большой размах, чтобы оказать впечатление на Геную и вообще на Европу. О результатах конфликта нам, конечно, объявят только в среду, когда выйдет первая газета — одинаково, разорвали ли они в Генуе или согласились.

Мне попались несколько номеров Temps[31] за март; я удивлен, как хорошо они там осведомлены о наших делах. Как приятно читать общечеловеческую газету. Как хочется, читая ее, отрясти прах и улететь далеко-далеко. Удастся ли это когда-нибудь? Теперь у меня только одно ясно выраженное жизненное желание — не умереть, не побывав за границей.

Рост цен пока как будто сократился: хлеб — 120—130 000; «рыжики», как теперь называют золотые монеты, 24 «лимона»[32].

Трамвай с 1 мая 100 000 станция. Железные дороги повышены в небывалых размерах.

(24 [апреля]) 7 [мая]. Генуя все еще не срывается; но толку от нее нет и не будет. Будет разрыв, общий, но, как большевики сами говорят, они будут пытаться сторговаться с каждым в отдельности, в частности с Англией и Италией. Говорят, что английские капиталисты вкладывают деньги в германскую промышленность. Это объяснило бы политику de ce maquignon de Lloyd George [этого дельца Ллойд Джорджа

(*фр.*)][33]. Россию будут доить и эксплуатировать английские деньги и немецкие силы. Вопрос только в том, что из этого может выйти. Позиция Франции может от этого быть непоколебленной, так как за ней стоят Соединенные Штаты и Япония, не считая Малой Антанты. Но от этого всего России не легче, и положение наше не улучшается; напротив, от всей этой катавасии идея России великодержавной все более и более будет меркнуть, тем более что восстановлять ее извне никому не выгодно, а доить ее последние соки готовы все. Большевики судят патриарха[34]. Это момент громадной важности для русской церкви. Они или оставят его в покое, или расстреляют. Если они его не расстреляют, то только из боязни Европы, а боятся они не всех, а тех, с которыми им нужно делать дела и кто им нужен. Германия, наш главный враг, за патриарха не заступится. Сделают ли это англосаксы обеих своих держав или одной из них? В этом весь вопрос, на который я не осмелился бы ответить утвердительно. Свои за патриарха тоже не заступятся, ибо русскому мужику, который только один в России еще не уничтожен, так же наплевать на патриарха, как ему было наплевать на царя. Вот и найди выход из этого положения! Выхода нет; Россия останется трупом, и логический выход только один — оторваться от когда-то дорогого, а теперь смердящего трупа и стараться найти новое отечество, ибо без отечества жить нельзя.

(25 [апреля]) 8 [мая]. По первому церковному процессу вынесено 11 смертных приговоров[35]. Этого никто не ожидал. Отсюда тяжелое и гнетущее впечатление. Значит, все остается по-старому и ничего не изменилось. Они остаются все те же и вновь оскалили зубы. Здесь, вероятно, определенная задача — гонение на церковь. Я думаю, что очередной вопрос — уничтожение патриарха и всей иерархии русской церкви. Как помирить все это с желанием войти в сношение с Европой?

(3) 16 [мая]. Не пришлось записывать, потому что вся эта неделя была как-то особенно обильна трепотней, а вечерами я спешил заканчивать мой курс археологии и часто сидел до поздней ночи. Священники до сих пор не расстреляны, и есть надежда, что они не будут убиты. Но зато на церковь надвигается большая общая опасность, и большевикам, по-видимому, удалось вызвать в ней раскол. Группа духовных, преимущественно не духовного происхождения, истерики, шарлатаны и прохвосты, вроде С. Калиновского, моего когда-то ученика по Поливановской гимназии, или популярного проповедника из Петрограда — Введенского, едва ли не блудника, или сумасшедшие, вроде чтимого кухаркой Машей «батюшки Ивана» от Тихона у Арбатских ворот, возглавляемые архиереем Антонином, едва ли не сифилитиком, возомнили создать новую церковь, опираясь на большевиков; и большевики при помощи их создадут красную церковь и низложат

патриарха. Этого нужно ожидать в ближайшее время[36]. Над Генуей точно издеваются, и вся она влачит существование только стараниями de ce maquignon de Lloyd George.

(10) 23 [мая]. Calme plat [мертвый штиль (*фр.*)]. Конференция провалилась. Они теперь заняты процессом эсеров[37] и, кажется, еще церковью. Но и интрига Введенского и Калиновского и Ко., кажется, проваливается. На вчерашнем собрании в консерватории Введенскому, как рассказывают, почти не дали говорить. Будто бы Антонин сам от них отрекается. Калиновского я помню учеником Поливановской гимназии. Я ставил ему пары[38]. Это был глупый, склизкий мальчишка с противной рожей, которого можно было видеть в Храме Спасителя в стихаре, мечущим «орлецы» под нозе архиереев[39]. Потом он стал священником определенного черносотенски-политиканствующего типа. Естественным ходом эво- и революции он теперь — революционно-большевицкий поп. И такие люди становятся во главе церкви! Впрочем, в этой стране все должно погибнуть, в том числе и церковь.

(14) 27 [мая]. Продолжается calme plat. Основная черта данного момента — полное безденежье. Никто и нигде не получает жалованья. По слухам, большевики этим способом решили поправить свои дела. Но от недостатка денежных знаков теряется покупательная способность, и все дела стоят; цены даже несколько подешевели, но подешевели от недостатка спроса. Умер А. Н. Бернштейн. Я никогда не мог понять, что его понесло в так называемый Акцентр, где он долго был помощником Гливенко. Разве только, чтобы на практике изучать, как сумасшедшие делают вид, что здоровы[40].

(18) 31 [мая]. Calme plat продолжается. Слухов нет или очень мало, или они таковы, что их не стоит даже запоминать. Продолжается и безденежье. Из очень трудного положения я выкрутился только тем, что продал по 12 миллионов за лист написанный мною курс археологии, первый выпуск. Это даст мне возможность просуществовать три месяца[41]. Теперь выясняется, насколько большевики провалились в Генуе. Что они сидят в своем тупике и не могут из него выбраться, это совершенно ясно, но дело опять не двигается дальше, и нам опять кажется, что все это неизменно и бесконечно, и опять тоска и чувство беспросветности, и снова, как никогда, желание выбраться отсюда вон. Арестованы Щепкин, Леонтьев, Филатьев, Мельгунов, т. е. главные деятели «Тактического центра»[42] — опять старая волынка.

1—4 [июня] в Пестове. Опять несколько дней на воздухе и на природе. Контраст безобразия людской жизни и спокойствия природы поражает меня неизменно каждый раз; поразил он меня и теперь. Я уехал под смутным чувством известий о

новых арестах, произведенных в Москве, жертвою которых были опять Щепкин и Леонтьев и некоторые другие. Теперь (это известие я получил уже здесь через Г. М. Леонтьева) говорят, что их арестовали, чтоб выслать за границу[43]. Если это правда, то это новая тенденция, которую надо будет эксплуатировать, как только она обозначится яснее. Надо уехать, иначе будешь соучастником в преступлении и не скажешь своего, хотя и слабого и ничтожного слова по поводу творимого над Россией издевательства. А издевательство продолжается упорно и неисправимо. Они все-таки убили 5 священников, и в том числе милейшего и почтенного А. П. Орлова, только за то, что он был ректором духовной академии[44]. Хороша по этому поводу заметка мерзавца и ренегата Галкина, который заявил, что смерть 5-х священников — хорошая острастка для контрреволюции в рясах[45]. Ограбили церковь и, ограбив ее, предали ее, кому же — Галкиным, Калиновским и Ко. Упорные и настойчивые разговоры, что у Ленина прогрессивный паралич уже в очень дальней стадии. Хороший финал для вождя русской революции; лучший и самый достойный из всех возможных. Он умирает от сифилиса, заразив и погубив сифилисом всю Россию.

2/15 — 7/20 июня. Петроград. Ехал в 3-м классе. Сначала разочарование; потом оказалась целая лавка в моем распоряжении; мало народа и много воздуха. Пять дней в Петрограде провел с обычной приятностью и радушным приемом. Из дел: разговор о сокращении штатов Академии Истории Материальной Культуры; привоз пакета книг для Румянцевского Музея и устройство моей «Археологии» к Брокгаузу и Ефрону[46]. Дела все сделал; получил 100 миллионов, но, приехав домой, не мог разменять. Очаровательны были в Петербурге белые ночи с видом на лиловую Петропавловскую крепость из моего окна. Сидел и гулял до 3-4 [часов] ночи с Фармаковским и Шилейко[47]; раз даже был концерт маленький в одном из салонов бельэтажа; Фармаковский оказался отличным музыкантом. Назад ехал во 2-м классе с жесткими скамьями, но спал отлично и опять имел целую лавку.

20 [?] [июня] Проскочил через Москву; Верочка приехала за мной; бегала за покупками и билетами, а я сидел дома, чтобы не попасться в Румянцевском Музее.

7/20 июня — 20/3 июля. Пестово. Отдых, забвение всего, потом постепенное проникновение московских слухов. Видимых перемен мало. Из событий только убийство Ратенау, кажется, с коммунистической стороны[48]. Я думаю, что для нас это не минус, если одним талантливым немецким жидом станет меньше. Процесс эсеров влачится дальше и, должно быть, будет влачиться еще очень долго. Здесь все это как-то забываешь, и только одно гвоздит и гвоздит, как бы уехать за границу. Хотя бы на будущий год это оказалось возможным.

Здесь хватит еще на долгие годы этой тоски, анархии, путаницы. Хоть и движется стрелка, но медленно и неровно. Хотя бы отдохнуть и очухаться. А здесь — грибы, купанье и хороший воздух; все-таки и это суррогат, и даже недурной.

2 июля. День моего рождения — 49 лет, а всю жизнь надо строить сначала. Известия, привозимые из Москвы, не изменяют общей картины. В Гааге — большевики по-прежнему нахальничают, и толку из этих совещаний, наверно, будет так же мало, как и из Генуи. В Музее паника по случаю сокращения, и меня даже вызывали отсюда. Но я не нашел в себе сил поехать.

9 июля. Неделя, проведенная в Москве. Я ничего не переживал более кошмарного уже давно. Сокращение штатов, во-первых: пришлось выбросить 89 человек. Более подлого и гнусного дела я никогда не исполнял в моей жизни. Сознание несправедливости и сознание вольных и невольных несправедливостей, которые при этом делаешь, и, главное, сознание, что это действие есть начало разрушения библиотеки, которое теперь потечет не останавливаясь, причем, однако, требования, которые к ней предъявляются, и ответственность, которая будет на мне лежать, будут расти. Отсюда вывод — надо спасаться. Тем более нужно спасаться, что положение, в котором мы находимся, затягивается бесконечно и, следовательно, ту надежду, которую я питал целые пять лет — донести библиотеку до какого-то логического выхода, до возможности сказать «ныне отпущаеши, Владыко, раба Твоего с миром, яко видеста очи мои хваление Твое»[49] — эта возможность, как я теперь убежден, отпадает окончательно. Работать трудно; надежды впереди нет никакой на улучшение этой работы, а между тем она грозит заполнить все и не оставить места ни для чего другого. Риск ответственности растет; здоровье тоже можно на этом потерять. Значит, надо уходить, но уходить умно и осторожно. На это надо посвятить ближайшие месяцы. Вместе с тем надо начать практически думать и о том, чтобы выбраться из России, а выбираться легче с поста неответственного, нежели с поста ответственного.

По общим делам — нет ничего нового; все та же скука, разве если не считать новой гекатомбы, которую большевики хотят сделать из петроградского церковного процесса, где 11 человек, с митрополитом во главе, опять приговорены к расстрелу[50].

Неделя, проведенная в Москве, была еще и потому тяжела, что стояла страшная удушливая жара. Никогда эта клоака еще не казалась мне столь невыносимою.

Пестово, **16 июля.** Опять неделя в Москве и два дня в Пестове. В Москве опять те же переживания, хотя, может быть, в более слабой степени, чем в предыдущую неделю. Я сознаю, что моя деятельность в Румянцевском Музее в качестве одно-

го из его правителей в дальнейшем бесполезна. Пока я думал, что берегу библиотеку для лучшего времени, я терпел. Теперь я вижу, что это терпение надо продолжить до самой смерти, которая придет даже ранее, чем это положено, именно от этой вечной нервной трепки, мотания и вечной мелкой игры по нервам. И все это без цели — car tout cela durera bien autant que nous [ибо все это просуществует гораздо дольше нас (*фр.*)] и нам остается только глядеть на прошлое «с улыбкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом»[51]. Все меняется вокруг нас, но когда пищеварение несваримых веществ революции русский народный организм закончит, тогда для нас это будет уже поздно. Отсюда вывод — надо уходить, пока не выгнали со срамом. Посещали Гольдера. Он не менее интересен, чем Кулидж, даже живее его. Предложение вывезти мои материалы; думаю его принять. Это может дать поворот моим дальнейшим планам и, во всяком случае, спасет материалы[52]. Из Пестова приходится уезжать в воскресенье, так как завтра надо полоть картошку на огороде. Впрочем, это занятие лучше, чем деятельность в Румянцевском Музее. Общее положение без перемен. Они срывают Гаагскую конференцию так же определенно, как срывали Генуэзскую[53]. Нарастают осложнения в Германии.

23 июля. Пестово. В Москве жизнь представляет такую трепку, что нет возможности что-либо записать. Кроме того, в комнатах такая духота, что мозги млеют и отказываются работать. В общих делах, слухах и настроении прежнее затишье и тоска. Лениво переговариваются в Гааге, упорно судят эсеров, перестали говорить о здоровье Ленина. Настроение у меня скверное и почти исключительно из-за Румянцевского Музея, к которому я вновь переживаю чувство уже раз мною испытанное в 1908—10 гг. — атмосфера так сгустилась внутри, что хочется бежать куда глаза глядят. Не помню, записал ли я в своих заметках о том, как меня вымогали и исключали из категорий квалифицированных ученых, установленных еще в декабре 1921. Московская «Кубу» (Комиссия улучшения быта ученых) включила меня, наравне с моими коллегами (Любавским, Кизеветтером, Богословским, Яковлевым) в 4-ю категорию, которая определяется как «выдающийся». Но потом все квалификации пошли на новое рассмотрение Центральной Кубу, где главенствует Покровский, члены — Волгин, Гливенко и другие, мне неизвестные, а защитники наших интересов — Павлов по естественным[54] и Богословский по гуманитарным. И там, по настоянию Покровского, поддержанного Волгиным и Гливенко, из историков — Егорова, Яковлева и меня ниспровергли в 3-ю, а Богословский и Любавский — повышены в 5-ю. Я не имею ничего против повышения их и, кажется, многих других, например, хитрого хохла Петрушевского, и я решил твердо не реагировать на это

никак, и по бесполезности и потому, что считаю это недостойным себя. Но это интересно по той общей картине, которая открывается из отрывочных разговоров о том, что делается в Цекубу. Оказывается, что надо было очистить места для своих, для большевиков, и вот оказалось, что я хуже Веселовского[55].

Егоров хуже Петрушевского. (Рассказывают, но я этого наверно еще не знаю, что даже Кизеветтера низвергнут в 3-ю категорию). Впрочем, относительно себя самого, я сильно подозреваю, что я низвергнут за свое «Смутное время», которое доставило мне активную немилость Покровского. Я слышал даже со стороны именно такое мнение. Если так, то для меня это только почетно. Я записал это здесь, потому что все это дело считаю типичным для нашего времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЯНВАРЬ

1 Правительство во главе с Р. Пуанкаре (в котором он занимал также пост министра иностранных дел), образованное 15 января, включило в свою программу намерение добиваться признания Россией долгов своих прежних правительств.

2 *Kleinwächter Friedrich S.* C. Der Untergang der österreichisch-ungarischen Monarchie (Leipzig, 1920).

3 Вероятно, дочь С. К. Шамбинаго.

4 Решение о созыве Генуэзской конференции по финансовым и экономическим вопросам было принято на Каннской конференции 6 января 1922 г. Советское правительство, получив 7 января приглашение, тотчас же (8-го) ответило согласием. Это был первый случай приглашения на международную конференцию, чего Советское правительство безуспешно добивалось в течение нескольких лет.

5 См. приложение 25.

6 *Гулевич Владимир Сергеевич* (1867—1933) — биохимик, с 1900 г. профессор Московского университета по кафедре медицинской химии, с 1929 г. действительный член АН. *Северцов Алексей Николаевич* (1866—1936) — биолог, с 1911 г. профессор естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, с 1920 г. действительный член АН. *Познышев Сергей Викторович* (1870—?) — юрист, видный представитель социологической школы уголовного права, бывший (при Любавском) проректор Московского университета; позже (с 1919? г.) зав. отделением общественных наук библиотеки Румянцевского музея. *Орлов Александр Сергеевич* (1871—1947) — литературовед, в описываемое время профессор литературного отделения факультета общественных наук.

[7] *Фельдштейн Михаил Соломонович* (1885—?) — юрист, магистр государственного права, профессор Московского университета; специалист по истории политических учений и институтов публичного права. В 1917 г. делопроизводитель комиссии по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. С февраля 1919 г. член Национального центра, где участвовал в разработке материалов по вопросам государственного устройства. С лета 1919 г. начал склоняться к мыслям, получившим впоследствии наименование национал-большевизма, а к концу года пришел к убеждению в необходимости лояльно сотрудничать с большевистской властью.

ФЕВРАЛЬ

[8] Речь идет об участии Московского университета в забастовке профессоров ряда высших учебных заведений Москвы, Петрограда, Казани и др. городов, которые требовали пересмотра Положения 2 сентября 1921 г., упразднения рабфаков и улучшения материального положения высшей школы.

[9] «Победа» профессоров была весьма относительной. Назначенный в марте 1921 г. председателем Главпрофобра бывший секретарь ЦК РКП(б) Е. А. Преображенский (1886—1937, расстрелян) настаивал на самых решительных мерах борьбы с бастующими «контрреволюционными» профессорами вплоть до их ареста. Ленин предпочел, однако, на этот раз не обострять конфликт, тем более что вину за него можно было свалить на Преображенского (в тот момент одного из виднейших сторонников Троцкого и оппонентов Ленина в партии), которого и убрали из Главпрофобра. Пойдя на уступки по экономическим вопросам, Политбюро решило продолжать проводить в жизнь Положение (которое закрепляло господство партии в высшей школе) без изменений. Не избавились профессора и от рабфаков, одного из главных орудий партийной политики.

Цюрупа Александр Дмитриевич (1870—1928) — с 5 декабря 1921 г. до 25 апреля (?) 1922 г. зам. председателя СНК. Политической силы не имел, не был даже членом ЦК РКП(б), занимался административными и хозяйственными делами.

Стратонов Всеволод Викторович (1869—1938) — математик и астроном, с 1919 г. декан физико-математического факультета. См. его воспоминания о забастовке в юбилейном сборнике «Московский университет 1775—1930». Париж, 1930.

Егоров Дмитрий Федорович (1869—1931) — математик, с 1903 г. профессор Московского университета, в будущем почетный член АН. Большинство бастовавших было на физико-математическом факультете, чем, вероятно, и объяснялся состав делегатов.

[10] Спиридоновка расположена к северо-западу от Кремля, между Никитскими воротами и Садовым кольцом.

[11] *Ясинский Антон Никитич* (1864—1933) — историк, специалист по истории средневековой Чехии. 1896—1911 — профессор Юрьевского университета, 1911—1919 — директор Педагогического инсти-

тута им. М. Г. Шелапутина в Москве (нового учебного заведения для лиц с высшим образованием); с 1912 — приват-доцент, а в 1918—1919 — профессор Московского университета; 1920—1922 — профессор Московского археологического института; 1922—1928 — Белорусского университета. При учреждении Белорусской АН в 1928—1929 назначен академиком; кажется, не пострадал ни при погроме в академии в 1929—1930, ни по «делу» академика Платонова.

[12] *Burland Elmer G.* (1892—) возглавлял отделение (Food Remittance Division) Американской администрации помощи в России, которое занималось распределением отдельных посылок с продовольствием. Как правило, такие посылки должны были адресоваться определенным лицам, но была возможность («group program») группам лиц и организациям в США и других странах предназначать посылки для целых категорий получателей в России. См.: *Burland E. G.* The Intelligentsia: Some Aspects of General Relief in Russia. A. R. A. Bulletin, Series 2, 61. P. 4—12.

[13] Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в Государств. политическое управление (ГПУ) при НКВД (это формальное подчинение особого значения не имело, так как наркомом внутренних дел с марта 1919 г. был председатель ВЧК Дзержинский, оставшийся и председателем ГПУ; да и продержалось подчинение меньше года, до образования СССР). Хотя в некоторых отношениях полномочия карательного органа были несколько сужены (как и предполагал Готье), в других они были, наоборот, расширены; так, ГПУ получило возможность арестовывать членов правящей партии.

[14] Кажется, такая библиотека при НКП была образована только в 1925 г. (теперь Государственная библиотека по народному образованию им. К. Д. Ушинского).

Чарнолуский Владимир Иванович (1865—1941) — известный деятель народного образования. В 1917 г. член ЦК Трудовой народно-социалистической партии, член Совета Всероссийского учительского союза, с мая председатель (или зам. председателя?) Президиума Государственного комитета по народному образованию, созданного Временным правительством. В описываемое время работал в НКП.

[15] О болезни Ленина см. исследование *Петренко Н.* (псевд.; наст. имя автора Б. Н. Равдин). Ленин в Горках — болезнь и смерть // Минувшее. Т. 2. Париж, 1986.

[16] *Лебедкин Сергей Иванович* (1886—1942) — анатом и морфолог; окончил естественное отделение физико-математического факультета и медицинский факультет Московского университета. 1922—1934 — зав. кафедрой анатомии (с 1925 г. профессор) медицинского факультета Белорусского университета (с 1930 г. Минский медицинский институт). С 1934 г. в Ленинграде, где и умер во время блокады.

[17] См. приложение 26.

МАРТ

[18] Речь идет о графине П. С. Уваровой. *Банат* — историческая об-

ласть, с 1779 г. входившая (с перерывом) в состав Венгрии, а по Трианонскому мирному договору 1920 г. разделенная между Румынией и Королевством сербов, хорватов и словенцев. В настоящее время западная часть Баната входит в Югославию. Город Бела Церква расположен на юго-востоке Войводины, близ границы с Румынией.

[19] Очередной пример предвидения, которыми так богат дневник Готье

[20] Намек на голод, свирепствовавший в Поволжье.

[21] 19 марта Ленин продиктовал «строго секретное» письмо Молотову для членов Политбюро. Требуя воспользоваться голодом как предлогом (притворяться, что это делается ради помощи голодающим) и исключительно благоприятным моментом (многие поддадутся на обман, а другие не смогут оказать серьезного сопротивления), он давал указание организовать повсеместное ограбление храмов и монастырей. «Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало. ...Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. ...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». Руководить всей операцией должен был тайно Троцкий. Калинину и его Центральной комиссии помощи голодающим отводилась роль камуфляжа; в действительности «изъятые» ценности должны были использоваться для совсем иных целей. Возражений письмо не вызвало На заседании Политбюро 20 марта в составе Каменева, Сталина, Троцкого и Молотова (избранного за несколько дней до этого кандидатом в члены Политбюро) была утверждена предложенная Троцким (основанная на ленинском письме) подробная инструкция губкомам партии. См.: Известия ЦК КПСС. 1990, № 4.

[22] Голодающие у Тихона // Известия, 26 марта 1922 г.

[23] XI съезд РКП(б) проходил с 27 марта по 2 апреля. Ленин выступил с политическим отчетом ЦК в день открытия съезда.

[24] См. приложение 27.

[25] См. приложение 28.

АПРЕЛЬ

[26] Ресторан братьев Пивато был расположен в центре города (Морская, 36), неподалеку от Мариинской пл.

[27] 16 марта был подписан Рапалльский договор между Германией и РСФСР.

[28] Речь идет о новом оживлении деятельности басмачей, которые весной 1922 заняли большую часть территории бывшего Бухарского эмирата и подошли к городу Бухаре. Начавшись как антибольшевистское движение, басмачество приобрело в значительной степени антирусский характер.

[29] *Виппер Р.* Иван Грозный. М., 1922.

[30] *Полянский Николай Николаевич* (1878—1961) — юрист, специалист по уголовному праву, профессор Московского университета (1919—1920 — Ярославского университета). До мировой войны сотрудничал в газете «Русские ведомости», энциклопедическом словаре бр. Гранат; редактор сборника «История русской адвокатуры», изданного Советами присяжных поверенных к 50-летию адвокатуры в России. В 30—40-е гг. занимался «разоблачением классовой антинародной сущности уголовного права капиталистических государств».

[31] *Temps* (»Время») — либеральная парижская газета.

[32] *«Лимон»* (*разг.*) — миллион.

[33] Политика Ллойд Джорджа по отношению к Германии, включая вопрос о репарациях, была в общем примирительной. Объяснял он это тем, что Германия, «доведенная до состояния социального распада... окажется гораздо более опасной для своих непосредственных соседей, чем Россия».

[34] 5 мая Московский ревтрибунал вынес определение о привлечении патриарха Тихона и еще троих церковных деятелей к уголовной (!) ответственности (см.: К делу б. Патриарха Тихона. Обвинительное заключение по делу граждан: Белавина Василия Ивановича... по 62 и 119 ст. УК. М., 1923). 6 мая в «Известиях» появилась статья «Генштаб церковной контрреволюции». Об этом «деле» см.: *Curtiss John S.* The Russian Church and the Soviet State, 1917—1950. Boston, 1953; *Регельсон Л.* Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. Париж, 1977.

[35] В апреле и мае в Московском ревтрибунале слушалось «дело» 17 церковных деятелей (духовенства и мирян), которых обвиняли в сопротивлении изъятию церковных ценностей. 7 мая 11 обвиняемых были приговорены к «высшей мере социальной защиты» — расстрелу с конфискацией имущества.

[36] Раскол в церкви был вызван сторонниками обновленчества — сложного явления, в котором были перемешаны стремление к реформе внутрицерковной жизни, приверженность идее христианского социализма (и поиски на этой основе идейного сближения с коммунистами), провокация властей, использовавших эти настроения в своих целях, и приспособленчество многих рядовых священников, привыкших к послушанию светским властям. См. яркие воспоминания о руководителях обновленчества в кн.: *Краснов-Левитин А.* Лихие годы... Париж, 1977.

Калиновский Сергей Васильевич (1886—193?) — московский священник, до 1917 активный черносотенец, впоследствии «полевевший». В 1919 пытался создать «Рабоче-крестьянскую христианско-социалистическую партию», затем был одним из инициаторов обновленческого раскола. Основал и редактировал «православно-христианский, посвященный обновлению церкви на евангельских началах» журнал «Живая Церковь», печатавший заявления вроде: «Да будут же благословенны дни октября, разбившие рабские узы и даровавшие народу истинную свободу» и приветствовавший приго-

вор митрополита Вениамина и других петроградских церковных деятелей к расстрелу как «справедливый». К концу 1922 г. вышел из церкви и стал профессиональным пропагандистом-антирелигиозником.

Введенский Александр Иванович (1889—1946) — петроградский священник, с 1923 г. обновленческий архиепископ (женатый), с 1924 г. митрополит. Окончил историко-филологический факультет СПб. университета. В молодости был близок к Мережковским, в 1917 г. основал Демократический союз духовенства, сблизился с ПСР. Блестящий проповедник, после 1917 г. прославился диспутами с Луначарским. Один из инициаторов раскола, зам. председателя созданного обновленцами Высшего церковного управления; из-за внутренних разногласий вышел из главной обновленческой группировки «Живая Церковь» (организованной священником В. Д. Красницким, агентом ГПУ) и образовал «Союз общин древле-апостольской Церкви». С середины 1920-х гг. фактический возглавитель обновленчества, считал себя первоиерархом; ректор обновленческой Московской духовной академии.

Антонин (в миру Грановский Александр Андреевич, 1860—1927) — выдающийся богослов (специалист по библейской текстологии) и церковный реформатор, востоковед, археолог; сторонник христианского социализма. Окончил Киевскую духовную академию. С 1891(?) в монашестве, с 1899 г. старший цензор (весьма либеральный) СПб. духовного цензурного управления; деятельный участник Религиозно-философского общества; с 1903 г. епископ. После раскола в 1922 г. председатель Высшего церковного управления (в сане митрополита Московского), но разошелся с другими руководителями ВЦУ, в конце лета вышел из него, сложил сан митрополита и образовал другое ВЦУ; тогда же вышел со своими сторонниками из «Живой Церкви» и основал Союз церковного возрождения.

37 «Показательный» суд над видными членами ПСР состоялся 8 июня—7 августа 1922 г., но о том, что он готовится, ГПУ объявило еще 27 февраля.

38 То есть двойки.

39 *Орлец* — здесь: круг из ткани с изображением орла, на котором архиерей стоит во время богослужения.

40 *А. Н. Бернштейн* (?—1922) — невролог и психолог; судя по записи Готье, работал (возможно, по совместительству) в Научной секции Наркомпроса. Академический центр (»Акцентр») — в 1921 г. крупное подразделение Наркомпроса, в которое, наряду с другими, входила Научная секция. В конце 1921 г. — начале 1922 г. «Акцентр» был преобразован в «Главнауку».

Гливенко Иван Иванович (1868—1931) — филолог, специалист по итальянскому языку, истории западноевропейской литературы и теоретическому литературоведению; профессор Харьковского, затем Московского университетов. С июня 1918 (?) г. работал в Наркомпросе как представитель партии левых эсеров. По-видимому, в 1920—1921 был зав. Научной секцией.

41 По официальному курсу Государственного банка на май—июнь

1922 г. 12 500 000 руб. = 10 довоенным золотым рублям. На май месяц минимум заработной платы в Москве для работников средней квалификации был установлен в 18 300 000 руб.

42 *Щепкин Дмитрий Митрофанович* (1871—?) — юрист и политический деятель, сторонник конституционной монархии. Окончил Московский университет, автор работ по его истории. Земский деятель; после Февральской революции одно время был товарищ министра внутренних дел. Участник московских Совещаний общественных деятелей в августе и октябре 1917 г., один из основателей и член избранного на августовском Совещании Совета общественных деятелей, с ноября 1917 — его председатель. Во время гражданской войны, служа в Московском областном кооперативном союзе, был одним из наиболее деятельных участников антибольшевистского подполья в столице. В 1918 г. году представитель СОД в Правом центре, в 1919 г. в Тактическом центре; в начале 1919 г. участвовал в совещании под председательством С. Н. Прокоповича бывших членов Временного правительства в связи с планом созыва международной конференции по «русскому вопросу» на Принцевых островах. В августе 1920 г. по делу Тактического центра был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами лишения свободы. Все перечисленные лица, осужденные по делу Тактического центра, были через несколько месяцев освобождены по амнистии. Вновь арестованы 31 мая 1922 г..

ИЮНЬ—ИЮЛЬ

43 *Г. М. Леонтьев* — вероятно, брат С. М. Леонтьева, новый арест которого и коллег его по Тактическу центру был связан с предстоявшим процессом членов ПСР. См. об этом воспоминания П. Е. Мельгуновой в кн.: *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. Вып. 2. Ч. 3. Париж, 1964.

44 Из 11 церковных деятелей, приговоренных в мае к «высшей мере социальной защиты», шестерым она была заменена тюремным заключением, но пять человек были расстреляны. В числе погибших был известный богослов и историк церкви профессор Анатолий Петрович Орлов (1879—1922), ректор Московской духовной академии.

45 *Галкин Михаил*(?) В. (?—?) — пропагандист-антирелигиозник; по-видимому, бывший священник или дьякон. Инициатор издания журнала «Революция и церковь» (1919—1924), в котором «разоблачал контрреволюционную агитацию духовенства»; печатался и в других изданиях, выпускал антирелигиозные брошюры и приобрел широкую известность как наиболее бесцеремонный представитель своего жанра.

46 Книга вышла только в 1925 г.: *Готье Ю. В.* Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. I. Каменный век. Бронзовый век. Железный век на юге России. Л.: Брокгауз и Ефрон, 1925.

47 *Фармаковский Борис Владимирович* (1870—1928) — выдающийся

археолог, историк античного искусства. Окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. 1901—1918 — член Императорской археологической комиссии, 1906—1918 — ученый секретарь Императорского русского археологического общества, с 1921 г. ученый секретарь ГАИМК. С 1914 г. член-корр. АН, с 1919 г. профессор Петроградского университета. Прославился раскопками Ольвии, которые вел (с перерывами) три десятилетия.

Шилейко Вольдемар Казимирович (1890—1930) — известный ассириолог и поэт. Окончил восточный факультет СПб. университета. С 1922 г. профессор Петроградского университета, с 1924 зав. отделом Древнего Востока в Музее изящных искусств в Москве.

[48] *Rathenau Walther* (1867—1922) — выдающийся германский промышленник, инженер, экономист, политический деятель, публицист и философ. С января 1922 г. министр иностранных дел; в апреле подписал Рапалльский договор. 24 июня убит членами праворадикальной террористической организации.

[49] Автор цитирует Евангелие от Луки (2:29-30).

[50] 5 июля ревтрибунал в Петрограде приговорил к расстрелу 10 (а не 11) церковных деятелей. Шестерым из них приговор был заменен тюремным заключением, а четверо были в ночь с 12 на 13 августа расстреляны: митрополит Петроградский и Гдовский (с 1917 г.) Вениамин (Казанский), товарищ председателя Общества Петроградских православных приходов архимандрит Сергий (Шеин), председатель этого общества профессор уголовного права Петроградского университета Ю. П. Новицкий и бывший юрисконсульт Александро-Невской лавры присяжный поверенный Л. М. Ковшаров. Об этом процессе: *Степанов В.* (Русак). Свидетельство обвинения: Церковь и государство в Советском Союзе. Ч. 1. М., 1980. Valley Cottage, N.Y., 1987.

[51] Последние строки поэмы Лермонтова «Дума».

[52] То есть дневник и приложенные к нему письма (см. предисловие к настоящей публикации).

[53] На Гаагской конференции (15 июня—19 июля) продолжалось безуспешное обсуждение российских долгов и взаимных претензий.

[54] *Павлов Алексей Петрович* (1854—1929) — геолог, с 1886 профессор физико-математического факультета Московского университета, с 1916 г. действительный член АН.

[55] С Б. Веселовский?

ПРИЛОЖЕНИЯ

1

Бумага, поданная 1 сент. 1918 г.
Прил. к л. 118.

В Московскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией. В отдел спекуляции гражданина Юрия Владимировича Готье, проживающего в [...] 1-ом Тверском Комиссариате по Большому Знаменскому пер. в д. 4.

Прошение

Прибыв в Москву из разрешенного мне на летнее вакационное время 1918 года отпуска, который я проводил в пределах Тверской губернии, я был уведомлен домовым комитетом о том, что Московская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, преступлениями по должности и спекуляцией (отдел спекуляции) наложила на меня штраф в десять тысяч рублей за приобретение в апреле сего года 1 пуда 5 фунтов сахара вне установленных для получения сахара правил, причем в бумаге, направленной в домовой комитет Комиссией, указано было, что означенный штраф налагается на приобретших сахар, как на представителей буржуазного класса.

Настоящим считаю долгом объяснить, что я живу исключительно моим личным трудом, поддерживая существование мое и моей семьи в течение 25 лет только получаемым за личный труд и службу содержанием. Я никогда не эксплуатировал чужого труда и никогда не занимался никакими спекулятивными предприятиями; [зачеркнуто: но всегда жил своим интеллигентным трудом] в настоящее время я работаю в советских учреждениях. Я никогда не имел и в настоящее время не имею никаких посторонних нетрудовых источников дохода и никаких сбережений, вроде текущего счета и т.п.

Такие обстоятельства ставят меня в полную невозможность уплатить наложенный на меня штраф и вместе с тем дают мне основание как человеку [зачеркнуто: трудовому] не

принадлежащему к нетрудовой буржуазии и, как видно из прилагаемых удостоверений, состоящему на службе РСФСР, просить Чрезвычайную Комиссию о пересмотре принятого по отношению ко мне решения и о сложении положенного на меня штрафа.

Если же Комиссия не найдет возможным сложить с меня штрафа полностью, то я ходатайствую о его уменьшении с тем, чтобы он погашался путем ежемесячных вычетов из получаемого мною по службе в Московском Государственном Университете и Московском Румянцевском Музее содержания, которое составляет единственный источник моего существования.

При сем прилагаю удостоверение Московского Университета за № 2174 и Московского Румянцевского Музея за № 436.

2

К 20/7 сент. 1918

Дорогой Юрочка, как никогда, нам надо было бы быть вместе, чтобы разрешить все вопросы, которые налагает на нас жизнь. Письмами сноситься трудно. Постараюсь быть последовательной. Получив твое письмо, я долго думала, как мне быть: конечно, не будь Володюшки, не было бы и разговору — я бы сейчас помчалась к вам, но, глядя как он с наслаждением съедает утром яйцо и выпивает минимум крынку молока в день, я решаюсь остаться еще некоторое время — может быть, числа до 8-го — 10. Не знаю, выдержу ли дальше.

Насчет посылок в Москву дело существенно осложнилось. Посылку, которую я отправила вчера, А. С. вернул с любезной запиской, что со вчерашнего дня прием всяких съедобных посылок воспрещен Отделом Снабжения и для отправки (хотя бы до 1-го) нужно разрешение волостного Комитета бедноты. Поговорив с Леной, я решаюсь отправиться туда и подать прошение, хотя и не верую в успех. Что мне делать с Лялькой — вопрос. Сегодня пишу письмо А. Гр. Итак, получения продуктов из Загранья не будет, тем более, что Волков вчера же сообщил, что один из советских заправил ему говорил, что хлеб (всякий — рожь, овес, пшеница, жито[1] будет отобран вооруженной силой, кроме 12 пудов на человека в год; в общей сложности пищевых продуктов, конечно, оставят только на тех, кто будет на месте, так что и Загранье нам не улыбнется в ближайшем будущем. Единственный выход — сидеть мне здесь до описи, чтобы 36 пудов нам оставили, но при неопределенности этого времени — едва ли я здесь высижу.

Относительно сахарной истории — надеюсь, что она уже ликвидирована и в благоприятном для нас смысле.

Теперь насчет квартиры: мне бесконечно жалко Таню и искренно завидно, что они уезжают. Нам, пока ты сидишь на своих должностях, не тронуться. Да если и двигаться куда-нибудь, то не по России скитаться, а или уж в Сибирь, а лучше всего в благословенную Францию — я сама дошла до точки и искренно сочувствую тебе. Я не задумалась бы (во Франции ты всегда найдешь себе кусок хлеба при помощи своих друзей), если бы не родители, которых не смогу оставить во всем этом кошмаре — душа никогда не была бы спокойна. Но для Володи, право, было бы лучше увезти его куда-нибудь подальше — ведь бесконечные разговоры о голоде, возможных беспорядках действуют очень нежелательно. Когда я вчера сказала ему, что мы останемся пока в Загранье, он мне ответил: «Тут хорошо, но ведь папа один?» Вечный разлад, вечное беспокойство действует и на него.

Думается, что если французы еще не уехали из России, хорошо было бы поселить двоих в наших комнатах (немцев ни за что не хочу). Может быть, они помогли бы нам и в смысле еды — что-то у них бывает. Сдавать надо, конечно, без еды и лучше мужчинам.

У меня мелькает еще мысль, которую ты, может быть, и разделишь. Если у Курдюмовых не намечается казенной квартиры — не соединиться ли с ними? У нас есть некоторое количество муки, у них, верно, будет казенный паек в виде пищевых продуктов. Стоимость кормежки надо разделить, по возможности, пропорционально числу едоков. Квартиру мы дали бы, разделив ее таким образом: им спальню и детскую; нам устроить: в кабинете спальню мне с Володей и его уголок, тебе в гостиной кабинет с диваном. Столовую сделать общей комнатой. Дети, вероятно, поступят в гимназию, вечером будут учить уроки; по возможности, надо было бы взять общую француженку, часа на два-три, когда ты дома, чтобы было потише. Это, конечно, только проект, который надо очень и очень обсудить. Подумай сам, поговори с мамой без свидетелей. Вопрос, конечно, в прислуге (можно было бы Машу сделать только кухаркой без вмешательства в комнаты). Не выйдет эта комбинация еще и тогда, если Курдюмовы хотят брать человека к детям, которого некуда буквально ткнуть. Выгоды такого соединения, мне кажется, в том: 1) иметь своих в доме, 2) кормиться вместе, 3) иметь общую француженку и общую прислугу, 4) облегчить маме, которая, думаю, выбивается из сил, не имея своего угла. Минусы: 1) жить с Митей (хотя едва ли он часто дома), 2) скорее съесть свои запасы такой большой семьей, 3) полный дом народу, 4) больше хлопот мне, благодаря беспомощности Лели с детьми, хотя Юра и Т. будут в гимназии, вопрос значительно упростится, 5) кредитоспособность Мити. Подумай. Конечно, жизнь наша осложнится такой комбинацией, но, может быть,

надо соединиться, чтобы легче кормиться и уплотняться своими людьми. Неприятностей с Лелей, надеюсь, у нас не будет. Конечно, может быть, ты разобьешь меня в пух и прах, но так как говорить с тобой я долго не смогу, то пишу тебе то, что говорила бы на словах. Лучше всего для нас было бы, конечно, сдать комнаты французам. Вторая комбинация — тоже выход.

Чувствую себя ничего. Картофеля не ем совсем. Сижу на грибах, бобах и каше, которые заняла в усадьбе. Мяса купить негде; яиц почти нет — хватает только Володе, и иногда делаю яичницу; коровы дают мало — 3 кончают доить. На душе тяжело, как и всем — мысли почти всегда в Москве.

Пока кончаю, мой дорогой. Крепко, крепко целую тебя и наших. Напиши что-нибудь про папочку. Справлялся ли в университетской лавке о картошке?

Твоя Нина

26-го августа
1918 г.

3

К 3/16 1918 г.

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович,

Ваша телеграмма не застала меня в Новгороде, а потому я лишь сегодня в состоянии Вам написать.

Владимир Владимирович, слава Богу, жив и здоров, но попрежнему находится под стражей. За день или за два до Московского покушения и Петроградского убийства[2] дело Вашего брата, а также товарища прокурора Троицкого и др., поступило из Чрезв. комиссии по борьбе с контрреволюцией в трибунал, который намерен был освободить всех заключенных. Но вот грянули события в Москве и Петрограде, и все дела были затребованы обратно в чрезв. комиссию в спешном порядке. А на следующее утро было расстреляно 6 человек, в том числе и мой товарищ по службе, бедный В. А. Троицкий. Одно компетентное лицо, которое посетили здесь по делу брата и Вы, рассказало мне, что дело Владимира Владимировича по какой-то счастливой случайности не попало тогда обратно в чрезв. комиссию и, возможно, что только благодаря этому Вл. Вл., волею Божией, не оказался седьмой жертвой.

То же лицо советовало мне (я обращался к нему по поводу возможности освобождения заложников, в числе 60 человек, среди которых находится и наш бывший прокурор) выждать немного, пока не уляжется волнение в сферах по поводу Московского события (и Петроградского), а затем можно будет принять в чрезв. комисии шаги к освобождению заключенных

под залог. В настоящее время уже освобождены 2 купца и один офицер под залоги в 3000—5000 рублей. В чрезв. комиссии все зависит от ее председателя; ныне эту должность занимает местный человек, некий Алексеев, студент. Мне говорили, что это человек с головой и рассудком, и далеко не жестокий. Так что, по моему мнению, Вам надлежало бы выехать вновь в Новгород и принять здесь все меры к освобождению брата. К сожалению, все хлопоты лиц посторонних, не родственников, рассматриваются как вмешательство не в свое дело, и потому совершенно бесполезны.

Сейчас я узнал, что освобожден под залог также местный присяжный поверенный Боголюбов, один из заложников. Ваш брат в списках заложников не значится, но ясное дело, что он в свое время не был освобожден лишь ввиду наступивших событий в столицах. Думаю, что Ваше присутствие в Новгороде и хлопоты крайне необходимы, и чем скорее, тем лучше. Чем только смогу, я, конечно, сочту своим долгом Вам помочь.

Прошу Вас принять уверения в самой искренней моей преданности и уважении.

В. Бок

Новгород, 12 сент. 1918 года

4

К 20/7 сент. 1918

28-го авг. [1918]

Дорогой Юрочка! Хоть писать особенно нечего, но хочется хоть на бумаге поговорить с тобой. Сегодня погода отвратительная! Холодно, 5, и целый день дождь. Настроение по погоде.

Л[ена] и М[аня] ездили в Комитет, который, вопреки мрачным ожиданиям, обошелся очень благополучно, и комендант Красного Холма, и комиссар были затравлены волостью: хотели отнимать лучших лошадей и вывозить мебель из усадеб для г.г. комиссаров — все было отвергнуто. Говорили, что выгнали из имения Калитеевских и расхитили имущество. М. б. и Загранью грозит та же участь?! Иногда меня одолевают мрачные мысли. Следуя им, я завтра отправляю 8 простынь, твой белый костюм и еще кое-что. Что-то в воздухе носится неприятное, и порою жутко за здешнее будущее. Купила я 26 ф. масла по 13.50 за фунт на круг, и Леша Благ[овещенский] всеми правдами и неправдами хочет их отправить. Если теперь не удастся, то, м. б., через некоторое время.

У меня иногда мелькает серьезно мысль во имя экономии

соединиться обедом с мамой. М. б., и им в материальном отношении было бы легче. Утром и вечером мы могли бы питаться сами. М. б., лучше я сама поговорю об этом.

Ю. Л. пишет отчаянные письма — но часто звучит та нотка, что ей тяжелее всех. Лена собирается 3-го в Москву отвезти ей по протекции кое-какие продукты с собой. Мне хочется ехать с ней, но заставляю себя не думать об этом и, во имя Володи, высидеть еще недельку. Не знаю, совсем освобожден ли деверь? Тогда он, верно, приедет в З[агранье], а я выеду с теми же лошадьми.

Если история с сахаром не будет ликвидирована, не позвонить ли Лене Р[епман], поместиться на некоторое время у них? Больше, кажется, некуда деваться.

Ой, что бы я дала чтобы быть сейчас с тобой. Часто приходит в голову уехать совсем далеко, но куда?!!

Иду спать — 11 часов. Зуд мой меня совсем не беспокоит, и несколько ночей я лучше сплю.

Крепко обнимаю тебя, дорогой мой. Поцелуй наших. Буська тебя часто вспоминает.

Твоя Нина

Бедные Вилькены. Ю. Л. писала, что описывают магазин. Чем они будут жить?

5

К 21/8 сентября 18 г.

31 августа 1918 г.

Дорогой Юрочек!

Сегодня 10 лет, как мы вместе, но кажется, ты мне дороже, чем был тогда. Сегодня особенно часто вспоминаю тебя и ту обстановку, которая нас окружала, особенно ту чистую, лунную ночь, когда мы ехали по белой дороге в Севастополь. Нет, не может быть, чтобы мы больше не переживали южных ночей! Сейчас вернулись с Володей с представления, которое давали Загранские — это вроде театра марионеток — детям очень нравится. Пьеса разбита на 4 вечера. Предварительно мы у них ужинали. Вообще едим мы часто вместе и живем дружно. Решили мы двинуться вместе с Леной 8-го числа, вероятно на Рыбинск, так что, если ты соберешься к Репманам на 8 и 9, пусть наш приезд тебя не задержит. Съезди, там лучше, чем в Москве. Ты пишешь, что знаешь, что я не высижу лишнего дня — я это делаю только для Володи, который очень хочет еще пожить в Загранье и для которого каждый лишний день полезен.

Сегодня утром ездили с Лешей Благовещенским отправлять масло; отправили 32 фунта (из них 7 фунтов Лялькиных). Да не удивится Tante Marie, получив такую приятную посылку от имени А. П. Благовещенского. Я выбрала ее, как носящую фамилию неизвестную Ал. Серг. Предупреди ее об этом. Как ты знаешь из моего предыдущего письма, все посылки запрещены без разрешения Комитета Бедноты, и масло пошло контрабандой. На днях еду по этим делам в Комитет. Погода не радует. Как нарочно, хорошие ночи, темные, с падающими звездами, и дождливые дни. Обмолотили рожь — 76 мер[3], жито — 24 меры, посадили на овин совсем мокрую пшеницу, чтоб спасти ее от кражи. Сегодня ночью у нас увезли 15 снопов пшеницы. Сегодня начали жать овес, который окончательно, вероятно, и не дозреет. На днях на собрании волостного комитета были Краснохолмские комендант и комиссар, которые объявили, что им нужны выездные лошади и мебель из усадеб. Волостной Комитет отверг, но тем не менее комитету заявили, что они сделают, что хотят. Кроме того, в Юрье-ве устраивается больница. Я, думая, что они не постесняются взять хорошее белье, убрала часть к сватье, часть к Алекс. Павл. Может быть, все-таки нам суждено еще побывать в Загранье. Две кровати, шкап и стол, часть посуды сданы Образцовым. Где-то ты сейчас? (11 часов вечера.) Крепко целую тебя, мой милый, мысленно, и теперь уже скоро я сделаю это на самом деле. Пишу в последний раз. Да, ты ведь сегодня пируешь на свадьбе. Пей и забудь все!

Меня очень беспокоит мама. Целуй их всех за меня. Как я рада буду их видеть.

Маша пристает ко мне, чтобы скорее ехать, и собирается тотчас же в деревню.

6

19/1 — Сентября 1918.

Дорогой Юра, письмо твое от 22 июля мы получили на днях, бесконечно обрадовались, так как все время думали о московских друзьях и ни от кого не имели Бог весть сколько времени никаких известий, так чего только в голову не лезло. Я глубоко тронута, что ты вспомнил меня 22-го, и благодарю за поздравление. Если бы ты знал, как мы обе стремимся в Москву, как хотелось бы повидать и поговорить с теми, которых знали и любили столько лет и которые стали нам еще ближе в наши горькие, тяжкие дни.

Об унижении и гибели родины я и не говорю: это такая глубокая, болезненная рана, которая, мне кажется, никогда не заживет. Как счастлива Наташа, что не видит и не чувствует

того ужаса, который мы переживаем; что бы было с нею теперь, которая всегда все так близко принимала к сердцу.

Мы все живы, физически бодры и здоровы (хотя Белочка очень худеет), насколько это возможно в наши уже очень преклонные годы. Л. Х. служит, а мне пришлось опять приняться за старое: даю уроки французского языка, но частные и у себя на дому, и счастлива, что есть ученицы, а то при нынешней дороговизне плохо бы нам пришлось, так как с 1-го марта пенсии мы не получаем; вот горе — служили столько лет, а под старость остались без куска хлеба, так как, кроме пенсии, у нас решительно ничего нет. П. П. тоже жив, но слабеет, да и немудрено, ведь ему 85 лет.

Живем мы очень однообразно и скромно, почти нигде не бываем, ибо свои ноги плохи, а лошадиные дороги, т. е. к извощикам приступа нет; хорошо еще, что живем все в одном доме и вечера коротаем вместе, а то бы совсем одичали; обо всех ужасах, которые творятся везде, стараемся как можно меньше говорить, так как у всех взвинчены нервы, хотя с тех пор, как б.[ольшевики] исчезли, у нас стало гораздо покойнее, по крайней мере, не боишься выйти на улицу и быть раздетой, как это было раньше. Как хорошо, что Загранье уцелело, по крайней мере, есть у вас приют, где вы можете отдохнуть. А как мне хотелось к вам туда попасть; помнишь, как в наше последнее свидание мы сговаривались об этом с Ниной и тобою. Ты ничего не написал об Ляле: где он? как поживает? что делает? не женился ли?

Нине передай наш привет и крепкий поцелуй. Тебя тоже позволяем себе, как старухи, сердечно обнять и крепко, крепко поцеловать. Храни вас Бог. Любящая вас

М. Черкасская

Хоть изредка давайте весточку о себе. Живы ли Раму[?]

7

Юрий,

Пользуясь любезным посредничеством Н. Г. Тарасова, сообщаю, что с 25.XII ст. стиля живу в Моршанске после того, как до 6-го того же месяца по тому же стилю жил близ ст. Сампур Тамбовского уезда на медицинском пункте в селе Львове. Жена осталась там, девица в бывшем Тамбовском Александринском институте, соединимся ли мы — неизвестно. Мать, по моим сведениям, перенесла благополучно сыпняк. С 3 января ст. стиля я служил председателем Моршанской комиссии о малолетних преступниках при медико-санитарном отделе, но с 29-го марта меня ушли, так как, будучи командирован в Тамбов, я выяснил, что таковой штатной должнос-

ти вовсе не имеется. Недурно? Ныне состою народным судьей по важнейшим делам (судимым шестью заседателями).

Живу и скудно, и скучно, хотя есть кое-какие отношеньишки кое с кем. Защищаю в ревтрибунале, представь себе, — с успехом, так что в последний раз даже барышни глазки делали. Живу, в общем, монахом. Советская власть, по-моему, укрепилась на Аридовы веки, так что мы ее не переживем. Со священством моим тоже плохо — владыка Зиновий в день исповеди моей у ректора бывшей семинарии в Казанском монастыре на первой неделе поста имел наивность предложить мне вакансию псалма.

Как изволите поживать, голодая и холодая, как смотрите на ближайшие перспективы? Мое quasi нелегальное положение оказалось сплошным мифом. Сообщите новости о Москве, пользуясь той же оказией, что и я, т. е. посредством Н. Г. Тарасова. Кто жив, кто умер — я ничего не знаю. Сообщи. Кланяйся Нине Николаевне. Что твой наследник (какая ирония)?

Твой А. Гартунг

P. S. Приезжай к нам на учительские курсы или в народный университет. По воскресеньям сей последний устраивает в летнем театре лекции с прениями, в которых я обыкновенно участвую. В воскресенье пришлось председательствовать на прениях об интеллигенции и революции. В будущее, 11 мая, воскресенье тоже, должно быть, придется председательствовать на лекции моченого полужида Г. О. Гордона о происхождении христианства. Сей последний заведует у нас отделом народного образования, очень умен и интересен и, по его словам, Тебя знает. Если и не знает, то судит о Тебе правильно.

P. S. S. [так в подлиннике] Будешь читать, удивишься и, думаю, скажешь: горбатого могила исправит — Сашка все такой же: помесь И. А. Хлестакова с Ф. П. Карамазовым.

Do widzenia [До свидания (*пол.*)].

P. S. S. S. [так в подлиннике] Очень хорошо теперь по железным дорогам ездить — моментально обовшивеешь.

Еще раз А. Гартунг

Адрес мой: Моршанск, Почтовая ул., дом № 55, кв. К. И. Гаршкис.

8

Хранителю Библиотеки Румянцевского Музея.

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович, не найдете ли Вы возможным дать мне новую переводную работу, ввиду

того, что я и раньше работала для музея, а сейчас располагаю временем и очень нуждаюсь в заработке.

Прежнюю работу я смогу сдать немедленно по выходе из тюрьмы, так как она закончена вчерне.

Если нужны справки или вообще для переговоров, прошу обратиться к моей матери, по моему городскому адресу.

С почтением и благодарностью

Е. Л. Рар

14 ноября 1919 г.
Бутырская тюрьма
Женская одиночка № 9.

9

Милые, далекие друзья все Вилькены!

Знаете, где мы — в Кисловодске! Чего это стоило (то есть денег ни копейки, но усилий, волнений, нервов), и все-таки цель достигнута — мы на юге! Ехали мы 2 месяца без 5 дней, от Саратова сперва до Царицына в чудной каюте на пароходе, а потом с эшелоном в товарном вагоне в количестве 16 человек на вагон; 7 недель жили на нарах в вагоне. Сема — помощник начальника 220 военно-строительного отряда Кавказского фронта, я — табельщик этого же отряда (я — Гена Семен.). Прислан наш отряд ремонтировать все здешние санатории. Нас сперва послали из Тихорецкой в Ростов-на-Дону, оттуда опять в Тихорецкую, потом в Пятигорск и, наконец, Сему во главе, с половиной отряда, послали в Кисловодск. Особенно много мы натерпелись в дороге от воды. Останавливались в Нальчике на неделю, иногда приходилось пить Бог знает какую воду, пополам с песком и илом, например, мы пили воду из Кубани совсем коричневую, как кофе. В Ростове-на-Дону мы стояли 10 дней на товарных путях; всюду лежали человеческие извержения, а там была в то время холера. Нередко находили мы на себе и вшей, а мыться в общем вагоне нелегко. Ну, да все это прошло, и все приехали в Кисловодск здоровыми, даже бабушка, которая никогда не выходила из товарного вагона. Что Вам рассказать про города, которые мы проезжали? Царицын, например, совершенно мертвый город; на весь Царицын там один плотник и ни одного архитектора. Сема там в три дня заработал 8000. Ростов — веселый, шумный город, все нарядные, цветы, музыка, свободная торговля всем открыто, даже мукою. Медикаментов сколько угодно. Когда мы проезжали через Армавир в первый раз, то все было; мука-крупчатка в лавке стоила 1000 р. пуд, а на базаре 800. Когда через 2 недели опять попали в Армавир, то свободная торговля была запрещена. В Кавказ-

ской, Тихорецкой, в Армавире, всюду предлагали Семе место архитектора за 14-15 тысяч и даровая квартира и дрова, но нас, неразумны,х тянуло в Кисловодск, и совсем напрасно — тут переизбыток интеллигенции, цены очень дорогие: французский хлеб в 1 фунт 100 рублей, мука-крупчатка 5000, мука кукурузная 2000, манная 100 руб. 1 ф., гречневая — 100 р., рис — 200, ячневая крупа и кукурузная 15 р.; творог 60 р., масло сливочное 400, сало баранье 200, говяжье 280, молоко — 50 руб. бутылка, мясо говядина — 100 р., баранина — 120, картофель 600 р. за пуд, яблоки 50 руб. десяток, капуста 1 ф. — 20 руб., арбузы 100 р., вишня 60 р., смородина 50, кабачки по 10 р. за штуку, большие, огурцы 50 р. — 100, мед 300 р., сахар 1200 р., сыр голландский — 300, колбаса 200 р. Мы, конечно, не можем тут свести концы с концами, хотя Сема получает 7000, а я — 6000; кроме того, мы оба получаем по ½ фунта хлеба в день и обед лазаретный: суп и кашу; ужин — одну кашу; по 1 фунту сахару в месяц; по 1 фунту постного масла, иногда мяса. Мама и Маня тоже получают по 1 фунту хлеба в день, а остальные по ½ фунта; так что хлеба нам хватает, и мы его не печем; готовим на керосинке или на плите, которую дети сами сложили в саду; готовить приходится мало, потому что супу и каши получаем всегда очень помногу, молоко покупаем уже кипяченое, берем всегда варенец, или простоквашу, или творогу. Вода проведенная, канализация, прекрасная уборная. Белье стирает на нас лазаретная паровая прачешная. Все это делает жизнь очень легкой и приятной. Поселили нас, конечно, даром, в прекрасной даче, дали нам 2 комнаты с балконами, вид божественный на Эльборус [так в подлиннике], сад весь в розах, калитка прямо в парк. Наш отряд ремонтирует все лазареты и санатории Кисловодска; здесь Сема начальник отряда, но, к сожалению, его через неделю делают начальником отряда всего 220, не только Кисловодского, но и Ессентукского и Пятигорского, и ему придется разъезжать, а жалованья только на 500 р. больше. В Кисловодске жизнь приятна: улицы моют каждый день; симфонический оркестр играет каждый день даром от 6 до 9 часов; на каждом углу кафе, рестораны; продают баранки, булочки, сухарики, кефир, простоквашу на каждом углу улицы; вечером все залито электричеством, пахнет Убиганом и Коти; каждый день базар, на котором все можно достать, запасов не надо никаких, даже химическая чистка и красильня есть. Вы спросите, почему мы недовольны этим раем — потому что единственно разумная вещь в данный момент это осесть на землю, и мы твердо решили это сделать; дети этого тоже хотят, их силы растут, они очень окрепли за последнее время — всегда босые, полуголые, они стали выносливее, чем были раньше; но осесть в Кисловодске невыгодно, потому что здесь не родится пшеница. Лучшими местами мы считаем Кубанскую

область и Ставропольскую губ.; будем опять стремиться туда, а перезимовать, может быть, придется и здесь — это не плохо, так как ниже 2° холода здесь не бывает. Здесь мы встретили Екатерину Евгеньевну Констан и Рябовых; Надя Рябова — учительница музыки в народной консерватории, Екатерина Евгеньевна — председательница союза безработных. Здесь доктор Алексинский, Отто, Савель-Могилевич, Сперанский, Полонский и многие другие московские знаменитости. Очень часто мы спрашиваем себя, где Вы все; может быть, уже Вы уехали в Бельгию. Маня наша все ждала ответа от Иры, но, по всей вероятности, многие письма не застали уже нас в Саратове. Пишите, если получите это письмо, очень хочется знать про Вас. Пишите, на забывайте нас. Пишите и про всех общих знакомых, и про матушку Москву. Часто бывает нестерпимо больно и грустно, нелегко оторваться от всего в такие годы, как наши, а все-таки хорошо, что мы здесь, а не в Москве.

Адрес наш: Кисловодск. Ребровская Балка
Раевская улица, 37, дача Лаповиц,
Началь. 220 Военно-Строит. отряда
С. М. Ерофееву

Мама и Сема Вас всех целуют. Мама чувствует себя хорошо, даже пополнела, но во сне все видит Москву; дети же говорят «у нас в Саратове» так же часто, как «у нас в Москве». Недавно наш техник пригласил Маню и Нюру на «Дядю Ваню» (был здесь Худож. театр), а у меня при их разговорах вся душа на другой день разорвалась от воспоминаний. Целую всех, всех. Передайте мой привет Репман, Юрию Владимировичу, Рарам и Елизавете Андреевне.

10

Н. Л. Красильникова 6 июня [1920] — 10 июня

Дорогой Юра, печальную весть о постигшем тебя несчастии услыхали мы от С. В. Гиацинтовой (артистки Студии Художественного театра). Нечего и говорить о том, как мы были поражены и как глубоко и сердечно сочувствуем тебе; очень скорбим, что лично не можем передать тебе нашего искреннего участия, но ты, конечно, его чувствуешь. Не написали тебе тотчас же потому, что С. В. не знала, в Москве ли ты, да и мы не знаем твоего адреса. Помоги тебе Господь вырастить и воспитать Володю!

Как грустно, что П. Мингалев в таком ужасном положении; как странно, что богатство Анны Сергеевны никому впрок не пошло.

Об себе и мы многого сказать не можем: стареем, слабеем

и от лет, а главное, от ужасных условий жизни. Работаем мы очень много и в поте лица зарабатываем хлеб, но он стоит так дорого, что приходится продавать не только лишнее, но даже необходимое. Живем, как и все теперь, очень стесненно во всех отношениях, но пока не унываем, все надеемся на лучшее будущее. Об семье Лишаревых хотел ты знать: Ольга Михайловна уже несколько месяцев не встает с постели, слаба, хотя болезни никакой нет. Сережа давно уехал, и где он — неизвестно. Леля здесь; дочери ее служат, а сын — учится. Она же сама дает уроки английского языка, ибо средств к жизни весьма мало; продает тоже все, что можно. Вава с мужем давно уехали куда-то за границу; об них никаких вестей не имеем.

Где Ляля? Мы об нем ничего не знаем. Если он в Москве, то передай ему наш сердечный привет. Тебя же и Володю мы обе крепко целуем. Будь здоров и бодр духом. Да хранит тебя Господь! Не забывай искренно тебя любящих старинных друзей.

Ольге Михайловне передай наш сердечный привет.

Знакомого твоего мы, к сожалению, не видели. Нас не было дома, когда он зашел с твоим письмом, а затем визита своего не повторил.

11

26.VIII.1920.

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой: дело касается книги, которой нельзя достать в Петербурге и приходится искать в Москве. По нынешним обстоятельствам это вещь рискованная, я знаю, и заранее готова извиняться перед Вами за смелость моей просьбы, но папа находит, что попросить Вас можно и, ободренная его поощрением, я решаюсь Вас беспокоить. Для моей работы, биографии m-me Роланд, заказанной мне издательством Гржебина, мне необходимо было бы иметь под руками издание ее мемуаров, вышедшее в Париже в первых годах нашего столетия; выпущено оно парижской Société de l'histoire de la Révolution Française в 2-х томах in octavo с примечаниями. Этой книги нет здесь ни в Публичной библиотеке, ни в академической, ни в университетской, ни в библиотеке Высших женских курсов; тех лиц, у кого она могла бы быть, нет сейчас в Петербурге, и мне остается только попытать счастья в Москве. Если бы Вам не трудно было найти экземпляр этой книги, который бы не жаль было подвергнуть случайностям путешествия из Москвы к нам, я бы очень просила Вас переслать ее сюда с верной оказией, которая, веро-

ятно, опять будет от нас в скором времени. Я же, со своей стороны, обещая бережное обращение с книгой и возврат ее в начале зимы не по почте, а опять-таки с оказией, в которой мы будем уверены. Предвидя заранее, что в Москве этого издания так же может не оказаться, как и в Петербурге, я обращаюсь к Вам с моей просьбой только в расчете на счастливую случайность и на Вашу доброту: простите мне хлопоты, которые я могу Вам доставить моей просьбой, Юрий Владимирович; за исполнение ее я Вам буду очень благодарна.

Лето пролетело быстро, и со времени Вашего пребывания здесь прошло уже много времени, но кажется, что Вы уехали всего на позапрошлой неделе, и это впечатление, быть может, облегчает мне обращение к Вам с такой смелой просьбой, как моя. Надеюсь, что Ваш мальчик здоров, и лето прошло для Вас гладко и настолько покойно, насколько это теперь возможно. Наташа не застала Вас в Москве, когда была там в начале июля, моя же поездка в Москву расстроилась, о чем теперь я очень жалею: когда представилась возможность проехаться, так захотелось вдруг сняться с места и посмотреть на мир и на людей. Майковы тоже побывали в Москве, привезли оттуда много рассказов, но Вас не видали, так что мы о Вас ничего не знаем. Шлем Вам наш общий привет, от души желаю Вам всего хорошего.

С искренним к Вам уважением,

Нина Платонова

12

10 окт./27 сент. 1920 г.[4]

Дорогая Эмма,

пользуюсь неожиданной возможностью, чтобы переслать тебе эти строчки частным путем. Я написал три письма. Получили ли вы их? Сомневаюсь. От вас — ни слова, ни мне, ни кому-нибудь другому. Вчера я видел «генеральшу»; а позавчера — Сашу[5]. Ни у кого нет вестей от вас. Мы живем потихоньку, как раньше. Все те же печали, та же тупость в душе. Говорят о мире, но делают войну — это точно так же, как у нас, все время находимся как на угольях. Пестовцы здоровы. Юра со мной. У меня, похоже, ученическая квартира. Мне кажется, что Лену и Юрочку это устраивает. И меня тоже, потому что это делает мою берлогу менее угрюмой. До сих пор погода хорошая, но думаю, что приближаются холода и что Лена уйдет в детский дом. Только что приехала тетя Лиза с детьми. Я ее еще не видел. Надеюсь это сделать [...] — Левин[6] день рождения. Бедный мальчик! Праздник довольно грустный. Бедные дети, Рары и мой. Какая печальная судьба — потерять таких матерей, как Нина и Лиза. Через Бухгеймов[7] по-

лучили известие об Эмиле. Оказывается, он в Швейцарии; у меня не хватает сведений, чтобы сказать тебе, в каком положении он находится. Вот все, что могу тебе сказать о нас. Это все то же мертвое состояние, как и при вас в «товариществе на пайках», в котором мы живем. Некоторые говорят, что через несколько дней мы будем в раю: идет «сбор» теплой одежды для армии, соответственно говорят, что когда он будет завершен, мы снова оденемся в райский костюм и будем продолжать кушать яблоки (их сейчас необыкновенно много, все их едят).

Даже если это письмо дойдет до тебя, это не решит вопроса об ответе. Тем не менее надеюсь как-нибудь получить от вас несколько строчек, чтобы узнать, что с вами происходит. Что касается поездки к вам, то на это в ближайшее время не надеюсь.

Обнимаю вас всех,

Юра

Знаю, между прочим, что Вера Михайловна Рындина написала тебе два раза; [...] уверен, так сделали многие. По крайней мере, будут нас отапливать. Это уже хоть что-то.

Еще раз до свидания, я бы хотел сказать до скорого, но... Ю. Г.

Письмо не послано, т.к. его не приняли.

13

Симбирск

23 октября н.с. 1920

Милый и дорогой Юрий Владимирович,

Ваше письмо от 26/VIII с. с. получил только на последних днях, но все равно чувствую свою вину за свое 2-месячное молчание. Сначала я рассчитывал вернуться сам в Москву около 1 сентября с. с., а потом на меня нагрянули столь сложные и острые заботы по устройству здешней жизни, что пришлось откладывать отъезд с недели на неделю. Я и по сей день не знаю, когда удастся выехать отсюда. Мне пришлось принять в заведование сложное полуразрушенное школьное хозяйство и стать лицом к лицу с топливным кризисом. По ходу дел я вынужден даже взяться за физически очень приятное, но отнимавшее много времени дело рубки леса своими руками. События (в природе!) надвигались быстро: здесь уже дня 4 стоит настоящая зима, зевать было нельзя, и я с головой ушел в борьбу за существование с фронтом не в московские 5 комнат, а имея за собой целое учреждение, в котором и около которого существует человек 300. Вы можете себе пред-

ставить, какой это сложный и запутанный узел отношений и задач... Физически мы находимся здесь в условиях несравненно более благоприятных, чем в Москве. Вы знаете, как нам там трудно приходилось, но не без грозных опасностей и здесь: дров у нас пока все-таки нет на месте, а при центральном отоплении это очень страшно, ибо одну свою квартиру мы отопить не в состоянии, надо топить весь большой 3-этажный дом.

Не стану говорить много, как трудно было перехватить московские дружеские связи и отношения, как часто я обращался мыслью к Вам и нашим милым сотоварищам по музейскому дело-безделью. В душе не умирает надежда, что в близком будущем, когда главные затруднения будут ликвидированы, я опять буду в Москве, хотя временно, pour prendre une tasse d'air. Здесь жить можно, и я питаю дерзкую надежду, если удастся выхлопотать симбирский университетский вагон, привезти сюда для эпизодического курса Вас. Пока, впрочем, «Симбирский университет» только bluff.

Мои живы и здоровы. Ольга шлет привет Вам и Володе.

Обнимаю Вас искренно и сердечно. Ваш

Ал. Яковлев

Мой низкий поклон Б.И.Л., А.А.Б., О.И.Ш., М.М.Б., Е.В.Ч., Н.Я.Ч., М.С.Щ. и милому кн. В.Д. Обнимите Сергея Владимировича за меня.

14

Bruxelles, 8 Avenue Galillée
20 ноября 1920

Милый Юра,

Пишу, кажется, все без надежды на то, что получите что-нибудь. Несколько моих писем вернулись ко мне после долгих скитаний. Из Москвы получили 2 письма: одно от Жюльеты, без новостей, и одно от Лены. Я не представляла себе, что похоронили Ниночку, придется еще переживать смерть моей Лизуши. Здесь как-то еще тяжелее переживается, потому что уж очень я стремлюсь к детям и Е. А. Бедные, как они справятся со своим горем. Я не представляю себе, как наладится их жизнь без Лизуши. Из Лениного письма заключаю, что вы были тогда здоровы, надеюсь, что в этом отношении все продолжает быть благополучным. Мы все здоровы. Приехали очень благополучно 7 августа, но еще до сих пор не устроились. Все как-то выходит, что живем пока в ожидании решения разных вопросов. Мы с Линой обе служим в конторах помощниками бухгалтера. Никогда в жизни не имела с этим

дела, но помогает быстрый счет и с делом справляюсь; рада, что его много; чем меньше времени думать, тем лучше; занята от 8—12 и от 2—6. Мы живем все врозь. Мама с Линой в маленькой уютной квартирке (2 комнаты и маленькая газовая кухня); мне пришлось бы спать на полу, так как третьей кровати никак не поставишь. Слоссы меня от себя не отпускают, и я живу пока у них; находится масса причин меня не отпускать; главная, что живут они на расстоянии 20 минут ходьбы до моих занятий и им легче меня баловать. Люди здесь за войну переродились, стали отзывчивее; мы от всех видим столько ласки и баловства, все готовы помочь; но пока, слава Богу, обходимся, так как получили кое-что от правительства. Жорж с Ниной ездили в Париж, там Лева и Лиза; Жоржу удалось выхлопотать получку страховки. Живут они сейчас у Мишелей, наши бельгийцы. Детей отдали на полный пансион к воспитательнице, где их 16; оттуда ходят в школу. С французским языком справились, они два месяца прожили у Слоссов на даче и напрактиковались. Маленькая очень хорошо учится; по годам они отстали, но догонят. В начале нашего пребывания я попутешествовала, была у Гюстава в Льеже, им живется весьма трудно; затем я гостила у своих юных друзей, сыновей Слоссов, которые оба успели удачно жениться. У одного завод в Pépinster, другой жил в Спа; наслаждалась прогулками и природой. На службу поступила 1 октября, совсем отдохнувши. Мы получаем с Линой по 300, но вчера мне уже обещали прибавку. Жизнь здесь дорогая: пансион можно найти только от 13 фр., дешевле снять квартиру меблированную и столоваться дома, что весьма не сложно, имея почти везде газовые плитки. Дома еда обходится по 5 фр., получить можно все просто и удобно; надеемся найти квартиру франков в 200—250. Твои дядюшка с тетушкой в Швейцарии, в Цюрихе, куда попали после долгих мытарств и сравнительно недавно, скитались по Румынии, где им пришлось очень трудно. Оба занимаются представительством, она, по-моему, работает больше, чем он. Получаю письма от Анны Александровны, она живет в Германии, жизнь там очень трудна. Наташа живет врозь с мужем; у него место в Берлине, где он содержать семью не может, так что ей приходится жить у его родителей в Дрездене. Погода стоит дивная, с половины сентября установилась ясная сухая погода и держится до сих пор, днем бывает до 15 градусов тепла, ночью 0. Я все четыре конца хожу пешком, хотя трамваев сколько угодно во всех направлениях. Напиши, как наши музейские; всех вспоминаю и всем шлю сердечный привет. Службу свою жалею каждый день. Как живут родители? сестры? Пиши обо всех, так хочется знать про всех. Наши все кланяются.

Тебя и сына крепко целую.

Твоя Эмма

15

Рига. Мирная Делегация.
17 января. Понедельник. 1921 г.

Дорогой Юрий Владимирович!

Наконец могу Вам написать: сегодня едет в Москву дипломатический курьер, и я этим пользуюсь для того, чтоб Вас известить. Мой отъезд явился полной для меня неожиданностью: мне пришлось собраться в 2 дня. Едва удалось мне получить немного денег для покупки книг. Перед отъездом М. Н. Покровский сообщил мне о своем решении командировать либо в Ревель, либо в Ригу А. И. Калишевского, поэтому никаких широких планов книжной закупки в Риге я развернуть не могу, но предварительные шаги мною уже сделаны. Я закупил все, что можно было из наличных запасов Риги: крупнейшие и важнейшие работы по всем отраслям, вышедшие за 1920, 1921 годы, получив 300 000 латвийских рублей, что составляет на наши деньги три с половиной миллиона рублей. Царские деньги стоят в уровне с латвийскими, но 1000 думских рублей в одном знаке стоят 230 рублей латвийских. Курс латвийского рубля падает очень быстро. Немецкая марка стоит теперь четыре латвийских рубля. Французская валюта не удается, равно как и английских книг выписать нельзя, потому что курс невозможно низок, а фрахт стоит так дорого, что, по выражению Kymmel'я и Rap'а, дешевле издать книгу в Риге, чем выписать из Англии. Средняя стоимость волюминозного издания выражается цифрой 100—130 рублей латвийских. Есть вещи изумительно хорошие, есть среднего достоинства. Плохих книг, которыми набита Рига, я не беру даже для образца, но удалось собрать небольшую коллекцию русских книг, изданных в Берлине и в Стокгольме. Работа делегации идет своим чередом. И. Э. Грабарь и я кончим наши доклады 24 января, а во вторник поедем в Москву (25 января утром) с книгами.

Мне очень хотелось бы, чтобы Вы повидались с Калишевским и убедили бы его не торопиться с принятием командировки и, во всяком случае, дождаться моего приезда. Я попрежнему убежден, что одному или если не одному, то во главе экспедиции А. И. Калишевскому будет очень трудно. Изучение обстановки и особенно установление прочных отношений с делегацией показало мне, что А. И. Калишевский с делом справиться не сможет: трудно получать деньги даже при согласии Москвы (об этом я подробно расскажу по приезде, так как написать об этом не успею), трудно посылать книги в Россию ввиду невыясненного международного торгового взаимоотношения (я не пример, так как мое положение сплошное исключение сейчас), еще труднее обстоит дело с те-

перешней выпиской книг не немецких: нельзя добыть валюту, нет журналов, а потому дело зависит не столько от обычной сноровки, сколько от знакомства с тактическими особенностями нашего времени. Лучше всего, конечно, ехать в Лейпциг или в Берлин с огромными миллионами в паритете, но это А. И. К. не удастся наверное, за это я поручусь. Все складывается так, что не миновать ехать Вам, об этом уже здесь сказано. Что-то теперь в Музее? Перевыборы комитета придется на недельку отложить, а не то и на 10-12 дней. Пока я очень, очень доволен результатами здешней работы. Крепко жму Вашу руку. Приветствую моих глубокоуважаемых сослуживцев и кланяюсь низко Василию Дмитриевичу.

Искренне Вам преданный

А. Виноградов

16

[Письмо В. Д. Корсаковой из Красноярска]

9/22 января 1921 г.

Многоуважаемый Юрий Владимирович!

Давно, очень давно, не писала я Вам и Нине Николаевне. Чтобы узнать о Вашем житье-бытье, я решила приурочить мое письмо к тому времени, когда прежде поздравляла Нину Николаевну с именинами. Приветствую и желаю здоровья и всего хорошего.

Я думаю, что Володя совсем большой мальчик? Где учится он? Удается ли Вам проводить лета вне Москвы?

С 1-го декабря н. ст. 1918 г. я служу в Центральной Библиотеке и работаю с 2-х до 8 ч. в складе при Библиотеке, где идет разборка книг и рукописей, туда попавших осенью 1918 г., когда Казань опустела.

До мая 1920 г. не было никаких известий от К. Д. Представьте себе, что он с конца января 1920 г. и по сие время находится в госпитале: он перенес возвратный тиф (три приступа), затем сыпной тиф, серозный плеврит в левом легком, а теперь серозный плеврит в правом легком. Надо бы пожить в теплом климате, а летом лечиться кумысом. В одном из писем он спрашивал меня, имею ли я какие-нибудь сведения о Вас.

Когда он почти поправился после серозного плеврита, то собирался переехать или в Москву, или в Иркутск. Теперь об этом и речи быть не может, так как надо очень беречься после второго плеврита.

Варв. Ал. с детьми находится в Саратовской губ., Хвалынского уезда. Муж ее получил место помощника лесничего, и они живут в лесу. В продовольственном отношении это, ко-

нечно, лучше, чем жить в городе, но письма идут медленно, а иногда, может быть, и теряются. Юрию 8½ лет, а Игорю ближе к 7-ми, чем к 6-ти годам. Я видела их в конце мая 1915 г., так что, в сущности, почти не знаю их.

Правда ли, что вырублены Петровский парк и большая часть парка в Петровском-Разумовском.

Кланяюсь Вам, Нине Николаевне и Володе. Будьте здоровы. Искренне преданная.

Воздвиженская, 13, кв. 2.

17

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

Ваше письмо я получил в последних числах декабря и очень обрадовался, что Вы меня не забыли. Приложенное к нему письмо на имя Эммы Карловны я отправил на следующий же день в Брюссель и, как только придет от нее ответ, перешлю его Вам при первом удобном случае.

В сравнении с Москвой, здесь живется прекрасно; хотя многое и довольно дорого, то все-таки есть полная возможность жить на заработок. В данное время здесь не имеется кафедры истории Восточной Европы; если бы лицу с Вашим именем удалось бы занять это вакантное место, то, конечно, оно было бы материально вполне обеспеченным.

В настоящее время приходят к концу работы по установке на прежние места 500 000 книг, реэвакуированных из России. Эта грандиозная по своим размерам работа потребовала больших усилий и, кроме того, немалой затраты денег, так как рабочие руки здесь очень дороги.

Душевный привет Вам и всем моим бывшим сослуживцам, меня не забывшим. Буду чрезвычайно рад время от времени получить от Вас хотя бы самые краткие известия о тамошнем житье-бытье.

Крепко жму Вашу руку

У. Г. Иваск

10 января
1921

18

Симбирск, Чувашский институт
1921-V-4

Христос воскресе!

Дорогой Юрий Владимирович, поздравляю Вас и милого Володю с праздником. Наши шлют Вам сердечный привет.

У нас к празднику обычное приключение — Ивка заболел воспалением легких, и [....] Вероятно, это — следствие перенесенной им скарлатины. О симбирской жизни нечего рассказывать: жить стало против 1920-го года гораздо хуже. Все надеюсь, что в мае увижу Вас здесь, но университет бездействовал все это время, и дела идут там так вяло, что я боюсь — мы ничего не сладим путного. Во всяком случае, я своевременно отпишу Вам. У нас в институте — совершенная чепуха. О московской жизни сюда доходят лишь самые глухие известия, обычно преувеличенно оптимистические. Я занят своими «Динамическими задачами», особенно в неприсутственные дни, когда не надо бегать в погоне за куском хлеба. Весна здесь в полном ходу: листва распустилась, яблони и груши зацветают. На всякий случай черкните программу Ваших предполагаемых чтений в Симбирске, чтобы в случае устройства лекций успеть заранее отпечатать или отлитографировать.

Обнимаю Вас.

Ваш А. Яковлев

Как поживает В[асилий] Д[митриевич] Г[олицын]? С отъезда ничего не знаю о нем.

19

Глубокоуважаемый Юрий Владимирович!

После долгого перерыва прошу принять мой искренний привет. Передаст Вам его или Леонид Петрович Гроссман[8] или Илья Семенович Вугман. Эти два лица командированы в столицы Одесской Публичной Библиотекой, во главе которой я ныне стою, для получения северных изданий и налажения непрерывного снабжения Библиотеки всеми книгами федерации. Если найдете возможным, окажите всяческое содействие при выполнении этого дела и ознакомьте наших делегатов с новыми условиями библиотечной работы и с новыми ее планами и возможностями. Одесская библиотека рассчитывает в скором времени быть причисленной к Государственным Библиотекам, почему ей надлежит войти в курс деятельности госуд. библиотек СПб. и Москвы.

Одесса настолько бедна новой литературой, что лишь редкие издания попадают в Публ. Библиотеку. Целого ряда научных изданий мы не имеем в Одессе и знаем о них лишь по «Вестнику литературы» (комплекта его в Одессе нет!!) и др. подобным изданиям.

Наша одесская работа в смысле печатания лишь только налаживается. Мне лично с 1919 г. не привелось ничего напечатать, хотя кое-что уже и написано. Сейчас занят архивной

работой по истории крестьянской реформы — есть возможность в ближайшее время напечатать отдельные очерки.

Научные работы Москвы до нас доходят случайно. Сборника в честь М. К. Любавского Одесса не видела, как и массы других книг 1917—1921 г. В подробностях Вам обо всем может передать Гроссман или Вугман.

Прошу передать привет М. М. Богословскому, А. И. Яковлеву, В. И. Пичета. С искренним уважением

Ваш Ант. Флоровский

17/V 1921
Одесса, ул. Петра В., 24, кв. 3
или Одесская Публичная Библиотека,
Херсонская, 13.

20

28.VI.21

Многоуважаемый Юрий Владимирович!

В отношении к Вашему участию в общей работе Музея я поставлен в затруднительное положение невозможностью с Вами договориться. Говорить чаще и больше — это значит заострять вопросы и переносить их в болезненную плоскость. Это повредит нам обоим, поэтому я решил Вам написать и прошу Вас считать это мое письмо последним моим разговором на затронутую тему, после чего я буду делать выводы только в сторону изменения собственного положения.

Я с большим горем согласился на заведывание музеем, действительно ожидая Вашей помощи. Я ее не чувствую настолько, что именно дефекты Ученого Совета, отсутствие в нем связи с делами, режущими музей по живому, являются главным материалом для моего суждения, а не какая-нибудь живая Ваша работа в качестве председателя. Нет ни одной группы, которая не указывала бы на необходимость Вашего присутствия в Библиотеке. Воровство книг в библиотечных частях растет. Вы не принимаете мер возможных: 1) перерегистрация читателей с новой записью по документам, 2) требование простановки [так в подлиннике] фамилий на контрольных листках и т. д., и т. д., и т. д. Обо всем этом почему-то обязаны за Вас думать другие. Вы не осмотрели на месте ни одной передаваемой нам библиотеки, не видели ни одного учреждения, связанного с выпиской книг из-за границы (напр., НТО ВСНХ получил сотни ящиков).

Мне трудно перечислить все, в чем вправе мы ожидать от Вас инициативы и ряда настойчивых действий. Область наиболее Вам близкая наименее Вами взята во внимание — что

же требовать и ждать от рядового интеллигента или человека неинтеллигентного, смотрящего на Музей с точки зрения исключительно своей выгоды? Авторитет учреждения и достоинство его с его правами сведены до угрожающего минимума.

Кроме того, надо Вам и то сказать, что не беря отпуска в ближайшие дни надолго, Вы фактически половину служебной недели отсутствуете, что дает добрую половину весенних и осенних месяцев, а затем последует Ваше длительное новое отсутствие. Все это превращает наше дело и дело по улучшению материального положения в какой-то неумный фарс. Я трачу большие нравственные и нервные силы. Вы пользуетесь процентами этих затрат, но теперь разрушаете и основной капитал. Ваша и моя работа была бы менее нервной, если бы Вы дали хоть немного больше Д. И. Егорову, Н. Ф. Гарелику и мне. Если этого не случится, то, не поднимая со мною вопроса об этом письме, имейте суждение о более покладистом заведующем, нежели я.

Ваш А. Виноградов.

21

Institut Pasteur Paris, le 21 VII 1921
25, Rue Dutot (XVe Arrondt)
Tel. Saxe 08-27-18-14.

Cher Monsieur Gautier,

Votre lettre a ravivé en moi le tourment de ne pas se savoir en accord avec ceux qu'on aime et estime. Sans doute rien n'est vraiment vrai si l'on y croit sans être tout à fait d'accord avec les amis. Mais croyez moi, je suis convaincu que à ce moment c'est excessivement difficile d'avoir une vision claire. Vous savez que le seul principe que je crois salutaire c'est d'être sincere. Vous l'êtes, surement, notre amitié est née de notre reciproque sincérité. Mon attitude actuelle est dicté par l'espoir que des conditions peuvent être menagées dans lesquelles se sera moins facile de mentir. Ces conditions se résument par égalité. Je vous écris à la hâte, parce que autrement je penserai beaucoup à ma lettre tellement que je l'écrirai jamais. J'ai honte envers tous mes amis de Russie parmi lesquels en première place Vous. Non pas d'avoir changé d'attitude, mais des illusions dont je fasait sur force lorsque j'étais é Moscou. Que-ce soient encore des illusions je ne peux affirmir le contraire, mais trés sincérement je vous le dis c'est mon grand amour pour la Russie qui en est le motif.

J'ai passé à Avenard votre lettre par intermédiaire de son beaupere parce que il vit à la campagne et nous ne nous rencontrons pas souvent. Ecrivez moi encore. Vous pourrez être sûr de [...] et de mon estime vraie. Embrassez pour moi votre enfant.

Votre J. Malfitano[9]

22

Дорогой мой Юра, только что получила твое письмо и спешу ответить, так как чувствую, что ты с нетерпением будешь ждать моего ответа. Шлю Вам, тебе и Верочке (позволяю себе не величать ее Михайловной) свое родительское благословение, от души поздравляю вас и желаю всего лучшего. Наши присоединяются ко мне и шлют тебе тоже наилучшие пожелания; только мама сказала, что жалеет, что так случилось, потому что теряет надежду когда-либо увидать тебя.

Мало ты меня знаешь, если боишься моего укоризненного взгляда; представь себе, что стараюсь на тебя смотреть как можно ласковее и, смотря сейчас на твою Ниночку, портрет которой привезла с собой в Антверпен, чувствую, что и она не осудила бы тебя. Мне кажется, что теперь, как все последнее время, мы с ней понимаем друг друга без слов. Я много думала о тебе эту зиму; тяжело в ваших условиях жить одному, да и Володя еще в таком возрасте, когда ему необходима женская забота Лучше выбора ты сделать не мог. В Верочке я уверена, за нашу совместную службу я оценила ее доброе сердце; сам, впрочем, знаешь, как я отнеслась к ней; за тебя, за Володю я покойна. Вы оба были так избалованы ежеминутной заботой Нины, мысли которой все были сосредоточены на вашем благополучии. Саша Рар меня огорчил тем, что это было все не так, как следует; доказательство этому то, что он как будто бы хорошо ко мне относился и ни слова мне не решился написать, несмотря на то, что мои письма он получил. Ты ничего не пишешь об отце В. М.; он на меня произвел очень хорошее впечатление, но знаю его мало, раза два видела. Спасибо тебе за письма; если мои письма доставляют вам радость, то ваши для меня еще важнее. Все стремления, все желания сосредоточены на том, чтоб свидеться опять со старыми друзьями. Вот уже две недели, как я принялась за свою новую, теперь уже самостоятельную работу; не везет мне в одном, не могу найти помещения для конторы, хотя средства отпущены порядочные, но питомцев моих сторонятся и не хотят пускать в дом. Лично я устроилась хорошо, нашла очень симпатичную комнату с окном в сад; хозяева за мной ухаживают и находят, что я покладистая жилица.

С 1 августа завела себе годовой билет и буду, кроме субботы, ездить в Брюссель еще на неделе; поезда block ходят 40 минут без остановки; весь переезд занимает 1½ часа времени, скорей, чем мы добирались до Листвин.

Работа моя нелегкая, главная загвоздка в том, что я не могу выработать в себе, как от меня требуют из центрального комитета, равнодушия ко всему, с чем приходится сталкиваться. Сидя в Лондоне, все наши начальствующие головы разбирают по нашим докладам техническую сторону, откуда

и куда идет волна эмигрантов, какие задержки, почему тот или другой не попал в Америку. По всем этим данным они вырабатывают разные правила, чтобы помочь и облегчить судьбу эмигрантам вообще. Сейчас опять съезд в Женеве, все обсуждают разные вопросы.

Литература по этим вопросам уже большая и интересная, разбираюсь в ней легко, к английскому привыкла. Все это прекрасно, но с отдельными случаями им всем дела иметь не приходится; нам же, работающим на местах, приходится видеть много горя, и я остаюсь при своем особом мнении, что если в некоторых случаях не подходить к людям с лаской, то не будет доверия, и правду никогда не узнаешь. Помощь может быть оказана большая, иногда просто указаниями на то, что требуется для посадки на пароход. Затем у нас есть возможность сообщаться с комитетом в Америке, который там на месте наводит справки о родственниках. Когда здесь напечатали о моем назначении, я рассердилась, так как было написано, что я прекрасно говорю на всех славянских языках; как это тебе нравится?

Американский доктор, с которым имею дела при посадке на пароход, убежден, что это правда, так как я со всеми пока могу объясняться. Все приезжающие из Юго-Славии, из Польши и Галиции меня прекрасно понимают. С румынами объясняться не могу, но они больше проезжают через Францию. Наши все здоровы. Жорж повез сегодня семью на море, в деревушку под Остендою, где сам пробудет неделю. Мама моя стонет, все недовольна; кажется, теперь ее-то жизнь налаживается. Я отдаю половину жалованья, Лина получает больше, так что меньше приходится рассчитывать; ей хочется еще чего-то. Тяжко сидеть в городе в жару, но что же делать? Может быть, поедем к Нине и детям, когда Жорж вернется, но все это скромно. Жалею ее, не может смотреть на тех, кто живет хуже, а все хочет угнаться за теми, кто живет лучше. Крепко целую тебя, Верочку и Володю и прошу не забывать старого друга

Эммы.

То, что ты передал Назе, у него сохранилось в том же виде, мы поэтому не могли этим воспользоваться.

23

20 ноября 1921 года

Многоуважаемый Юрий Владимирович!

В мое отсутствие Вами принят был некий Стефан Рыгель в помещении Музея, и при этом он был допущен к осмотру Музея и Библиотеки, хотя и не в исключительном порядке, но, во всяком случае, не наряду с прочими посетителями. Уве-

домляю Вас, что такого рода приемы иностранных подданных в настоящий период времени и впредь безусловно не должны быть допущены. Прошу Вас доложить это распоряжение Ученому Совету и сделать его обязательно известным по всем отделам Музея. Наличие в Москве польских граждан, законно регистрованных в Н. К. Иностранных Дел, обусловлено или дипломатическими, или коммерческими интересами; поэтому чисто научного интереса к Музею нет оснований предполагать у принятого Вами поляка. Прием Ст. Рыгеля есть Ваша крупная ошибка, могущая повлечь за собой тяжелые для Вас и для Музея последствия. С большим сожалением указывая Вам на это, прошу Вас усердно избавить меня от необходимости делать Вам самоочевидные указания, так как Вы, входя в состав управления Музея, тем самым обязуетесь к известному обременению памяти постановлениями и распоряжениями по всем областям, соприкасающимся с жизнью Музея.

А. Виноградов

24

Moscow, Dec. 24—21
Dear Professor Gautier:

I hope you will not object to my advertising the work of the American Relief Adminstration. We have just instituted a new system by which it is possible for Russians who have friends or relatives in America to receive from them what we call «food packets». We are looking forward to great results from this, including much satisfaction to ourselves. Now this is Christmas time, a time when we like to send a few presents, and I am going to ask you and your family to give me the pleasure of accepting this sample of ARA work, of letting me feel that if you have not friends in America you have American friends who can add to your Christmas cheer.

With best Christmas messages, believe me,

Very sincerely yours,

Archibald Cary Coolidge[10]

25

Я твоего адреса не знаю. 3 января ст. ст. 1922 г. Дорогой Юра, наконец имею весточку от тебя. До сих пор я ни одного слова не имела, а письмо твое к Л. Н. было переслано ей в Воскр. От нее узнала я, что ты женился; поздравляю тебя и желаю полного счастья и радуюсь за тебя, ибо по опыту знаю, как одиночество тяжело. Жаль, что не придется мне познако-

миться с твоей женой, ибо мне уже 75-й год, ноги мои совсем плохи, да и руки, как видишь по почерку, не важны, так что двигаться куда-либо не в состоянии, а до вашего проезда через Харьков куда-либо вряд ли доживу.

В начале письма я упомянула тебе об моем одиночестве. За этот год я потеряла самых для меня близких и дорогих людей: сперва умерла сестра моя О. М., с которой мы росли и жили дружно с самого детства, затем, год тому назад, похоронила я друга своего П. П., а теперь вот второй месяц как нет моей незабвенной Белочки, как мы ее с мамой звали. Ты понимаешь, Юра, что с ее смертью я потеряла все, как бы часть самой себя; ведь мы с Л. Н. прожили вместе 52 года, так что лишиться такого друга очень тяжело и грустно. Ты спросишь, от чего она умерла? Хворала она более года, но все еще прошлую зиму служила. Доктора определяли разно: кто говорил, что у нее рак в печени, кто — опухоль и т. д., в общем она чахла постепенно и поехала в Воскр. отдохнуть и пожить на чистом воздухе в конце мая, с тем, что вернется в сентябре, но не тут-то было; вместо нее получаю известие от Рукиных, у которых она жила, что она умерла. До сих пор не могу свыкнуться с этой мыслью, что ее нет и что я ей не закрыла глаза. Теперь о себе: живу я одна и при весьма тяжелых обстоятельствах: ведь нас выселили в прошлом году, все отняли, имею комнату по ордеру, chez des juifs [у евреев (*фр.*)], прислуги не имею и столоваться негде; все приходится делать самой, даже пол мыть, а в 75 лет это нелегко. Пенсию вот уже четвертый год как не получаю — отняли — средств никаких не имею, а жизнь у нас теперь дороже, чем у вас в Москве: 25 тысяч фунт черного хлеба, 100 тысяч десяток яиц, 45 тысяч фунт мяса и т. д. Живу я тем, что даю уроки французского языка, работаю как машина с 8½ утра до 9 вечера, и это не преувеличено; уроков имею много, но заработок не хватает на эти бешеные цены, и потому все продаю, скоро носить нечего будет. Слава Богу, еще здорова, так что работать могу. Кроме Лели, которую тоже выселяли, в Харькове никого не имею, ни родных, ни знакомых. Леля ко мне и ласкова, и внимательна, и заботлива, как родная дочь, но видимся мы раз в неделю, ибо живем в разных концах города, да и времени нет: она тоже осталась (с 3 детьми) без ничего, дает уроки английского языка, прислуги не имеет, сама стряпает, чтобы хоть чем-нибудь накормить детей, хоть впроголодь и т. д. Об Сереже ничего не знаем — где и что он — и это для нас большое горе. Вот, милый Юрочка, тебе подробное описание моего существования. Пишу на клочках, не имея почтовой бумаги, и пишу ночью, потому что днем не имею минуты. Храни вас Бог. Как старуха, целую тебя и Володю. Жене привет. Любящая тебя

М. Черкасская

Если увидишь Н. И. Тютчева, скажи ему, что я еще жива, а как живу, скажешь сам из письма. Не пишу ему и вообще никому, потому что слишком мне тяжело и трудно, но люблю его по-прежнему и часто вспоминаю их всех. Шлю им всем привет.

26

Полтава, 4/VI/921.

Христос Воскресе, глубокоуважаемый и дорогой Юрий Владимирович! Я очень рад, что в лице Ольги Николаевны нашел живой мостик между прошлым и настоящим, между Вами и нами. Хотел приписать к последнему слову «провинциалами», но не решился, так как, право, не уверен, где теперь «провинция». Где люди больше киснут и находятся в большей отдаленности от культурных благ, право, затрудняюсь сказать — у вас или у нас!..

Я очень благодарен Вам за милое осеннее письмо и привет, который передала мне от Вас Балясная[11]. Я не только сохранил о Вас благодарную память, но могу сказать без малейшей рисовки, что люблю Вас. Не писал долго лишь потому, что Ваше письмо оставило глубокий «суш» на душе, да и вокруг меня тогда было очень много горя... Теперь, что бы там ни было, пришла весна, и люди стали радостнее в силу космических законов. А я, право, могу многим радоваться, несмотря даже на то, что очень грущу по семье (жена с дочуркой уже около года проживают у дедушки, под Одессою) и что здоровье как будто начинает сдавать. Да и как не радоваться: освободился от всяких административных обязанностей, коллегий, комиссий, оставив себе лишь читание лекций и работу в архиве. С утра забираюсь в подвал и работаю над матерьялами совестного суда и описями малороссийских полков; лекции идут вечером. Занимаюсь я еще церковно-общественными делами и даже попал в члены реформированной «Епархіальної Ради» от мирян, наряду с двумя почтенными протоиереями, двумя молодыми священниками «нового ветру», бывшим преподавателем духовной семинарии и почтенным старым епархиальным деятелем. Часто встречаюсь с правящим архиереем — архиепископом Парфением, который с 94 по 904 г. был викарием в Москве. Это очень милый, интеллигентный человек, имеющий печатные труды по истории Полтавщины и по археологии; он прекрасно помнит Ключевского. Не огорчайтесь и не смейтесь, дорогой Юрий Владимирович, — и архиерей у нас украинец, когда-то возглавлявший официальную комиссию по переводу Евангелия, и новая «консистория» тоже украинская, и уже в шести храмах Пол-

тавы богослужение совершается на украинском языке, а в епархии таких храмов очень много. Кстати, с Балясной мы всегда разговариваем по-украински. Еще один факт. Местный пастор, лектор нашего института, давно уже совершающий богослужение на русском языке, теперь готовится к совершению его по-украински, считая это «сильным орудием пропаганды».

Я очень жалею, что из своих книг могу Вам сейчас передать только самую плохонькую компилятивную брошюрку: не знаю, порадую или огорчу ею милого Александра Николаевича Савина. Кроме того, передаю еще том I записок ученого товарищества, которых, вероятно, у Вас нет. Очень прошу Вас, дорогой Юрий Владимирович, пишите. Прошу Вас передать сердечный привет Михаилу Михайловичу[12], Матвею Кузьмичу[13], Богоявленскому, Савину, Егорову и всем добрым людям и поцеловать Вашего сына. Всего доброго!

Любящий и преданный Вам И. Рыбаков.

Полтава, Шевченковская, 20.

P. S. Милую Ольгу Николаевну упросил передать для Вашего сына немного сахару. И. Р.

27

1922.III.27.

Дорогой Юрий Владимирович!

Высиживаю дома легкий грипп и потому обращаюсь к Вам письменно.

В том заседании Юридического Общества, в котором я говорил речь от Совета, между Н. Н. Полянским и мною произошел некий разговор, повлекший за собою целое множество других разговоров и организационных последствий и ныне имеющий разрешиться через посредство третейского суда чести. В сознании моей правоты, выдержанности и обдуманности в поступках, я прошу Вас не отказаться принять на себя звание третейского судьи с моей стороны. Полянский пригласил М. Н. Гернета[14]. Для того чтобы Вы могли взвесить весь эпизод и представить себе положение дел, я могу указать Вам на Михаила Соломоновича Фельдштейна, подробно и беспристрастно осведомленного во всем. Его телефон 2-70-22; между 11 и 12 утра он обыкновенно консумирует свой первый фриштык.

В супер-арбитрах я бы очень хотел видеть А. А. Грушку, который, при предварительном разговоре, отозвался более чем простою готовностью. Пока он хворает, а я — по его сто-

пам, — суд затягивается; а вместе с ним и выборы председателя Юрид. Общества.

Если бы Вам для полноты картины было угодно прочесть мою речь, то она всегда к Вашим услугам в крупной, четкой карандашной рукописи (liber lectu plane iucundus et elegans) [рукопись легко читаемая, приятная и изящная (*лат.*)].

Если бы Вам оказалось угодным, после осведомления со стороны М. С. Фельдштейна, сообщить мне Ваш ответ изустно, то я буду счастлив видеть Вас у моего очага ежедневно от 12—2 или от 5—11 вечера (Знаменка, Крестовоздвиженский пер., дом 2 во дворе, кв. 36, этаж шестой, телефон в бездействии).

Нарочно ничего не излагаю Вам от своего «заинтересованного» лица; хотел бы только довести сие до конца «честно и грозно».

Ваш якобы богоподобный[15] И. А. Ильин.

28

Дорогой Юра! Твои оба письма до нас дошли, и большое тебе спасибо за них; это были первые обстоятельные весточки от Вас со дня нашего отъезда. О смерти дяди Эдуарда нас оповестили; меня это не очень поразило, потому что я знал о его болезни сердца и подготовлен был к этой печальной вести. Жаль его донельзя; сколько он мог бы еще принести пользы, если бы судьба иначе распорядилась. Остался я один из стариков. После полуторагодового путешествия, через Бессарабию и Румынию, благодаря поддержке друзей, нам удалось обосноваться здесь, в Цюрихе, Глориаштрассе, 70, где и занялись, чтобы прокормиться, торговлей — комиссионное и агентурное дело. Первое основала Эмма, ходит по рекомендациям к разным лицам, семьям, берет заказы на всякую снедь и предметы для хозяйств по имеющимся при ней образцам и затем разносит; второе, по прибытии сюда написал я Вейсу [?] и другим друзьям и через них получил агентуры на питье, а потом через одного здешнего аборигена получил то же на германское питье, это дело будущего, хотя уже в прошлом году оно начинает давать доход, который чувствуется и [будет] большой подмогой. Клиентура образовалась по рекомендациям друзей, а так как дома оказались очень хорошие, дело развивается. Не могу сказать, что богатеем, нет, но кормимся собственным трудом и ни у кого на шее не сидим, и это громадное моральное удовлетворение. Здоровье ничего, силы не изменяют, хотя приходится быть на деле по двенадцати часов в сутки. Вот что могу сказать про нас. Большое тебе спасибо за сведения об Арх. О-ве, сообщу председателю, с коим в

переписке. Его это порадует; ступай в председатели, не отказывайся. Рад, что дом сохранен. Сказывай поклон всем, кто меня помнит, как в обществе, так и в музее. Могу сообщить тебе интересный деталь. Гравюры Де ла Барта были гравированы отцом и сыном Lorin в Herisau в Швейцарии по заказу Walser'a, который их издал[16]. Узнал я это здесь, и на 13-й, чертеж без теней, в правом углу, есть подпись; не оригинал ли это? Увидишь Орешникова, передай ему мой сердечный привет. Где его семья? Что ты женился, я очень рад, а для сына это крайне хорошо, а меня очень радует, что появилась новая такая симпатичная племянница. Дай Вам судьба много счастья и доброго здоровья всем троим. Всем нашим от мала до велика передай наши лучшие пожелания доброго здоровья и привет. Репманы где живут? Поздравь Шампиньона от нас. Что, его супруга все здравствует? Где Ляля, Жозефина, Саша Рар и его родственники; слыхал, Снегов заменял Собинова, с каких пор он запел? Одним словом, все, что можешь, сообщи о знакомых и родных, все пиши, спасибо заранее. Если кто-либо из наших присоединится к тебе в писании нам, большое спасибо, и я, посылая тебе это послание, пишу и всем нашим. Целуем Вас всех крепко и остаемся Ваши тетя и дядя Эмиль.

20/II/22

[1] Здесь: ячмень.

[2] 30 августа в Москве было совершено покушение на Ленина, а в Петрограде убит Урицкий.

[3] Мера зерна = 1 пуд.

[4] Подлинник на французском языке.

[5] А. А. Рар.

[6] *Лева — Рар Лев Александрович* (1913—1980), сын А. А., двоюродный племянник Готье. Впоследствии инженер-строитель (окончил Латвийский университет в Риге); видный деятель Народно-трудового союза, главный редактор журнала «Посев» (1970—1974), затем руководитель издательства «Посев». Умер в Германии.

[7] Семья Л. Э. Бухгейма. *Бухгейм Лев Эдуардович* (1880—1942) — книговед и библиограф. В 1904—1905 служил в книжном магазине Вольфа в Москве; в 1909—1917 имел собственное издательство. В описываемое время (с лета 1919) сотрудник библиотеки Румянцевского музея.

[8] *Гроссман Леонид Петрович* (1888—1965) — выдающийся литературовед, уроженец Одессы. В 1921 переехал в Москву.

[9] Париж, 21 июля 1921 г.
Дорогой господин Готье,
Ваше письмо опять вызвало у меня мучительное сознание, что я не согласен с теми, кого люблю и высоко ценю. Конечно, ничто не становится непреложной истиной оттого, что кто-то так думает а его друзья не полностью с ним согласны. Но поверьте мне, я убежден, что в данный момент исключительно трудно иметь ясный взгляд [на вещи]. Вы знаете, что единственный принцип, который я считаю спасительным, это быть искренним. Вы, несомненно, искренни; наша дружба рождена взаимной искренностью. Моя теперешняя позиция продиктована надеждой, что можно создать условия, в которых будет не так легко лгать. Эти условия сводятся к Равенству. Пишу Вам второпях, так как иначе буду столь долго обдумывать свое письмо, что вообще не напишу. Мне стыдно перед всеми моими друзьями в России, и в первую очередь перед Вами. Не потому, что изменил взгляды, но из-за иллюзий, которыми был полон, когда был в Москве. Не могу опровергнуть того, что все еще живу иллюзиями, но со всей искренностью говорю Вам, что побуждает меня большая любовь к России.
Я передал Ваше письмо Авенару через его тестя, так как он живет за городом и мы встречаемся нечасто. Пишите. Примите уверения в и в моем уважении искреннем. Обнимите за меня Вашего сына.

Ваш Ж. Мальфитано

[10] Москва, 24 декабря 1921 г. Многоуважаемый профессор Готье!
Надеюсь, Вы не будете возражать против рекламирования мною деятельности Американской администрации помощи. Мы только что ввели новую систему, благодаря которой русские люди, имеющие друзей или родственников в Америке, смогут получать от них продовольственные посылки. Мы ожидаем от этой системы крупных успехов, а также большого удовлетворения для самих себя. Сейчас время Рождественских праздников, когда у нас в обычае делать подарки. Я буду просить Вас и Вашу семью принять образец работы АРА и этим доставить мне удовольствие почувствовать, что, хотя у Вас нет друзей в Америке, у Вас есть друзья-американцы, которые хотят, чтобы Вы более радостно встретили Рождество.
С наилучшими Рождественскими пожеланиями,
искренне Ваш

Арчибальд Кэри Кулидж

[11] Вероятно, *Балясная Ольга Михайловна* (1890—1973). Уроженка Полтавы. В 1918 окончила Высшие женские курсы в Санкт-Петербурге (Бестужевские), была оставлена в качестве аспирантки у профессора И. М. Гревса, но из-за тяжелой болезни матери-вдовы (отец — дворянин, военный чиновник, заведовал обмундированием в Полтавском кадетском корпусе — умер в 1895 г.) избрала библиотечное дело. С 1942 до ухода на пенсию в 1961 г. работала в Государственной публичной исторической библиотеке. Кроме русского

владела украинским языком, а также французским, немецким, английским, итальянским.

[12] Богословскому.

[13] Любавскому.

[14] *Гернет Михаил Николаевич* (1874—1953) — профессор уголовного права Московского университета и плодовитый публицист.

[15] В письме — по-гречески.

[16] *De la Barthe Gérard* — французский живописец; в 1787—1810 жил в Петербурге и Москве, где написал серию ландшафтов, которые воспроизводились различными граверами.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ТАЙНЫ И

Юрий Владимирович Готье (1873—1943) — один из легендарной плеяды русских интеллигентов ушедшей России, кому выпало пройти горнило революции и гражданской войны 1917—1920 гг., директор библиотеки Румянцевского музея и профессор Московского университета.

Побудило его к ведению дневника ощущение рокового для России характера происходящих событий и вытекающее из этого чувство ответственности профессионального историка перед будущими поколениями. В дневнике отразилась эпоха политических потрясений и апокалипсис русской культуры, ведущие деятели которой не сумели предотвратить социальную бурю.

«Мои заметки» — это факты и страсть, событийное и вечное, ненависть и судьба.

ИСТОРИИ

ISBN 5-300-01169-X

9 785300 011697